

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://griboyedov.ru/> Приятного чтения!

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов

Великим средь Австралии зыбей
Иль в Севера снегах – везде одно ли
Присуждено? – Искать желанной доли
Путей вражды, препятствий и скорбей!
А. С. Грибоедов. Юность вещего

1

В памяти последующих поколений Грибоедов остался автором одного произведения. Столь необычная, редкая, хотя повторяющаяся время от времени писательская судьба всегда связана с выдающимся, из ряда вон выходящим, дотоле невиданным успехом «единственного» произведения.

Комедию «Горе от ума» воскресили к жизни нетерпеливые читатели. Не дождавшись ее публикации, подобно трудолюбивым древнерусским книжникам, они вновь и вновь переписывали для себя и своих друзей строки-откровения в заветные тетради. Надо ли говорить о том, что текст рукописный, в котором каждая буква – твоя, читается иначе, нежели размноженный «типографским снарядом». Да и позже такая тетрадь читается особо – пусть это не автограф, но автор – вот он, где-то рядом... Не с его ли рукописи был переписан некогда этот текст?

Нам, то ли избалованным, то ли раздраженным «книжным бумом», кажутся ничтожными обычные тиражи книг в эпоху, которая уже в ту пору была названа пушкинской. Необходимо немалое волевое усилие, чтобы представить, поверить, что новые произведения самого Пушкина расходились подчас лишь в сотнях экземпляров. А «Горе от ума» переписывалось тысячи и тысячи раз. И этот процесс неустанного чтения-сотворчества не был остановлен появлением – после гибели писателя – первых изданий комедии. Читатель желал иметь текст, не искаженный цензурными купюрами. Замечателен в этом отношении один из списков «Горя от ума», хранящийся ныне в Пушкинском Доме, выполненный в малом формате и со следующей резолюцией на обороте титульного листа: «Печатать позволяется с тем, чтобы по отпечатании представлено было в Цензурный комитет узаконенное число экземпляров.

С.-Петербург, 14 декабря 1838 года. Цензор А. Фрейганг». Однако здесь же помечено: «помощник его А. Грибоедов», и действительно, скопированное из второго издания комедии цензурное разрешение помещено с явной издевкой: текст в списке лишен цензурных изъятий. Выводя своей рукой день цензурного разрешения, почувствовал ли неведомый нам книжник «странное сближение дат»? Ровно 13 лет назад (чертова дюжина!) произошло восстание декабристов. Наиболее пронизательные читатели это сближение наверняка оценили. А. И. Герцену к этому времени было 26 лет, позже он скажет о Грибоедове и его пьесе: «У автора есть задняя мысль, и герой комедии представляет лишь воплощение этой задней мысли. Образ Чацкого, меланхолический, ушедший в свою иронию, трепещущий от негодования и полный мечтательных идеалов, появляется в последний момент царствования Александра I, накануне восстания на Исаакиевской площади; это – декабрист, это – человек, который завершает эпоху Петра I и силится разглядеть, по крайней мере на горизонте, обетованную землю... которую он не увидит» [1 – Герцен А. И. Сочинения в девяти томах, т. 8. М., 1958, с. 386.]

Это личное, особо доверительное отношение к комедии нескольких поколений не иссякло и после прекращения массовой рукописной традиции «Горя от ума», вышедшего в свет в полном виде через год после реформы об отмене крепостного права. Произведение Грибоедова было не только литературным, но и сценическим; оно стало самым репертуарным спектаклем русского театра. И не смолкавшие на протяжении всей второй половины XIX века споры о том, в каких костюмах надлежит играть грибоедовских героев – современных или исторически достоверных, – только на первый взгляд могут показаться курьезами старой критики. За этим спором чувствуется та же пристрастность русской публики в восприятии «Горя от ума» – заветную пьесу никак не хотели отдавать прошедшей эпохе, спор Чацкого с фамусовщиной осознавался живым и неисчерпанным. Недаром в своем великольном критическом этюде «Мильон терзаний» (1872) И. А. Гончаров предостерегал: «Некоторые критики возлагают на обязанность артистов исполнять и историческую верность лиц, с колоритом времени во всех деталях, даже до костюмов... Но при исполнении «Горя от ума» дело не в костюмах. Мы повторяем, что в игре вообще нельзя претендовать на историческую верность, так как живой след почти пропал, а

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
историческая даль еще близка. Поэтому необходимо артисту прибегать к творчеству, к созданию идеалов, по степени своего понимания эпохи и произведения Грибоедова. Это первое, то есть главное сценическое условие»[4 – Гончаров И. А. Собрание сочинений, т. 8. М., 1955. с. 35.].
Было бы странным, если бы такая пьеса, как «Горе от ума», встречалась только с восторгом. Нет, реальные фамусовы и Молчалины были возмущены. Чего, например, стоит отзыв о «Горе от ума» Д. П. Рунича, члена пресловутого Ученого комитета, затронутого в комедии: «Это не комедия, ибо в ней нет ни плана, ни завязки, ни развязки... Это просто поговорка в действии, в которой воскрешен Фигаро, но, как копия, далек от оригинала... В самой пьесе нет другой цели, чтобы сделать презрительным не порок, а возбудить презрение к одному только классу общества... Ему хотелось высказать свои философско-политические понятия, а о прочем он не думал»[5 – Письмо Д. П. Рунича к П. И. Сумарокову от 23 января 1832 г. (Рукописный отдел ИРЛИ АН СССР, ф. 263, оп. 1, № 592). Неполностью опубликовано в «Русской старине» (1892, октябрь, с. 216–217).]. С другой стороны, слишком личное, массовое, бытовое, не лишенное веянья моды восприятие комедии подчас снижало ее политическую остроту. Это особенно заметно в многочисленных стилизаторских перелицовках «Горя от ума». В подвалах русской литературы накопилось огромное количество «переделок» грибоедовской пьесы – прежде всего комедий и комедийных сцен в вольных стихах, стилизованных под грибоедовские. Герой их, обычно неслужащий дворянин, изливался в пылких филиппиках, но был начисто лишен политического свободомыслия и исповедовал либо тощие моральные прописи, либо прямо обскурантистские взгляды. «Грибоедовские котурны» лишь обнаруживали мелочность этих «пророков», выступающих – в противовес авторским замыслам – в окарикатуренном виде. Литература в данном случае своеобразно сближалась с жизнью, наглядно демонстрируя либеральное опошление идей дворянской революционности. Однако на протяжении XIX века сатирическое содержание «Горя от ума» не теряло своей злободневности. Его не только переписывали, не только постоянно цитировали, но образным его масштабом мерили иные исторические времена. Герои Грибоедова впоследствии свободно перешагивали порог фамусовского особняка и продолжали жить по новым законам, стараясь с годами (как стареют живые люди) и возрождаясь в новых поколениях, в потомках фамусовых, Скалозубов, Молчалина, Репетилова. Были сатиры Курочкина, в которых поэт на лбах пореформенных «деятелей» обнаруживал клеймо грибоедовских героев. Были «Господа Молчалины» Салтыкова-Щедрина, полемически воссоздававшего возможную эволюцию этих типов в условиях иной исторической эпохи. В начале XX века особо близкой русским поэтам оказалась лирика-трагическая тема «Горя от ума». Блок почувствовал в нем скрытый драматизм судьбы, необратимость рокового исхода – и вместе с тем гениальные прозрения, постоянную неуспокоенность и искания новых путей в искусстве[6 – Долгополов Л. К., Лавров А. В. Грибоедов в литературе и литературной критике конца XIX – начала XX в. – В кн.: А. С. Грибоедов. Творчество. Биография. Традиции. Л., 1977, с. 126.].

Таково первое из известных нам произведений Грибоедова, которое требует пристального анализа, позволяющего понять реальную и литературно-пародийную направленность пьесы. Нельзя не отметить в этой связи, что с подобных пародий, перелицовывающих высокие сюжеты, начинали и другие русские поэты его поколения. Десятилетний А. Пушкин тогда же, пародируя «Генриаду» Вольтера, «написал целую героикокомическую поэму, песнях в шести, под названием «Толйаде», в которой героем был карла царя-тунеядца Дагоберта, а содержанием – война между карлами и карлицами»[9 – А. С. Пушкин в воспоминаниях современников, т. 1. М., 1974, с. 47.]. Что породило подобные опыты? Вероятно, прежде всего отталкивание от классицистических высоких образцов, пока еще интуитивное, но в высшей степени перспективное и упрочившееся в дальнейшей литературной практике. Существенно и то, что юность поэтов грибоедовского поколения совпадала с периодом наполеоновских войн, которые в 1807 году вылились в позорный для России Тильзитский мир, породивший широкое общественное недовольство. Не так ли возникла возможность трактовки военной темы как пародийной? Поставленная на сцене в начале 1807 года трагедия В. А. Озерова «Димитрий Донской» была восторженно принята зрителями, воспринимавшими патристические тирады героев как живой отклик на события войны с французами. Но наступило тильзитское отрезвление, и вместе с ним возматало критическое отношение к озеровской пьесе. В лекциях университетского профессора А. Ф. Мерзлякова подвергались критике исторические несообразности пьесы, сентиментально-элегические мотивы, столь противоречащие высокой героике сюжета, сами стихи, которые прямо объявлялись «дрянными» (не отсюда ли заглавие грибоедовской комедии?). Недаром почти одновременно с Грибоедовым пародию на трагедию Озерова написал другой университетский воспитанник, П. Н. Семенов, под названием

«Митюха Валдайский» (1808), – в комедии драматизировался и соотносился с сюжетными перипетиями озеровской пьесы рассказ ямщика из третьей песни ироиколической поэмы В. И. Майкова «Елисей, или Раздраженный Вахс» о побоище зимгорцев с валдайцами. Судя по сохранившемуся пересказу, ранняя комедия Грибоедова также была сориентирована на популярный литературный образец, на шутотрагедию И. А. Крылова «Трумф», широко распространенную в ту пору в списках: концовка комедии Грибоедова прямо соотнесена с финалом первого действия крыловской пьесы, кончающегося всеобщим храпом.

Любопытна и реальная основа «Дмитрия Дрянского»: как выясняется, здесь были осмеяны интриги магистра философии М. Т. Каченовского против профессора И. Т. Буле, приглашенного в 1804 году в Московский университет из Геттингена. Буле был серьезным ученым и человеком независимых взглядов, что вызвало доносы попечителя Московского университетского округа П. И. Голенищева-Кутузова, который считал, что «государство должно быть очищено от моровой язвы лжеучения безбожных профессоров, коих не протезировать, а высылать за границу должно, и все университеты для спокойствия отечества от таких явных плевел очистить» [10 – См.: Васильчиков А. А. Семейство Разумовских. СПб., 1880, т. 2, с. 362; Скабичевский А. М. Очерки истории русской цензуры. Пб., 1892, с. 159–162.]. М. Т. Каченовский же, напротив, пользовался покровительством попечителя и при его протекции в конечном счете вытеснил Буле с занимаемой им кафедры.

Грибоедов высоко почитал Буле. Вместе с братьями Чаадаевыми в 1808 году он слушал его приватные лекции по истории философии. Позже, во время заключения на гауптвахте Главного штаба. Грибоедов вспоминал о книге «Сравнительная история системы философии», подаренной профессором в университетские годы. Трудно судить, конечно, о литературных достоинствах не дошедшей до нас комедии Грибоедова, но по своей направленности она, во всяком случае, не была пустячком, свидетельствовала о перспективной литературной позиции начинающего автора и, пожалуй, о его оппозиционных взглядах.

Можно не сомневаться, что и эстетические воззрения передовой московской профессуры Грибоедовым усваивались глубоко и творчески. С. Н. Бегичев, подружившийся с драматургом в 1813 году, свидетельствовал: «...при первом знакомстве нашем вкус и мнение Грибоедова о литературе были уже сформированы... Из иностранной литературы я знал только французскую и в творениях Корнеля, Расина и Мольера видел верх совершенства. Но Грибоедов, отдавая полную справедливость их великим талантам, повторял мне: «Да зачем же они вклеили свои дарования в узенькую рамочку трех единств? И не дали воли своему воображению расхотиться по широкому полю». Он первый познакомил меня с «фаустом» Гете и тогда уже знал наизусть Шиллера, Гете и Шекспира» [11 – А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников, с. 26.].

Поэтические занятия юного Грибоедова отнюдь не поощрялись в семье. Матушка его, Настасья Федоровна Грибоедова, крутая и властная, ожидала для него служебных успехов и с презреньем отзывалась о сочинительстве. Возможно, какие-то из ранних произведений Грибоедова были поэтому опубликованы анонимно и, может быть, не вполне потеряны для нас. С. Н. Бегичев писал впоследствии о своем друге: «...на пятнадцатом году его жизни обозначилось уже, что решительное его призвание–поэзия» [15 – А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников, с. 24.]. Можно ли сомневаться в том, что, осознав это, Грибоедов стремился увидеть свои стихи в печати в ту пору, когда авторское самолюбие столь велико и нетерпеливо?

3

Между тем наступил 1812 год. С началом военных действий Грибоедов вступает добровольцем в Московский гусарский полк. В боевых кампаниях ему участвовать не довелось. Неукомплектованный полк из Москвы был отправлен маршем в Казань, на марше Грибоедов серьезно заболел. В самом конце 1813-го он оказался в Брест-Литовске на службе в кавалерийских резервах. Оттуда было послано в «Вестник Европы» «Письмо издателю», впервые открывшее русскому читателю новое литературное имя: Грибоедов.

Статья посвящена описанию праздника в честь награждения начальника Кавалерийских резервов высоким орденом. Стихи, перебивающие здесь прозу, были написаны, по-видимому, второпях, «на случай», но они по-своему декларативны, выражают

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
мироощущение Грибоедова в те годы:

Защитники уединенья,
Наш посетите стан, когда вам есть досуг.
Здесь узрите вы дружный, братский круг...
От книг нейдете вы на час,
Минута дорога для вас;
А мы на дней не ропщем скоротечность;
Они не истекут, доколе мы живем;
А там настанет вечность,
Так дней не перечтем.

С детства приверженный к серьезным занятиям, не с самим ли собой спорит автор? Конечно, здесь многое идет от позы, от упоения гусарством, от молодецкой отваги «пасынка здравого рассудка», по самохарактеристике Грибоедова. Но нельзя не заметить и другого: упоения радостями жизни, поэтизации ее простых, естественных проявлений, эпикуреизма, порыва к дружескому общению – все эти мотивы возобладали в русской литературе в послевоенную пору. Это было проявлением особого стиля в искусстве, стиля рококо, до сих пор еще не получившего «прав гражданства» в научных работах, что существенно обедняет наши представления об историко-литературном процессе в России первых десятилетий XIX века. Наиболее полно рокайльный стиль воплотился в поэзии Батюшкова, но редкий писатель того времени не прошел через школу легкой поэзии, артистически преображающей быт, ценящей счастья миг. А. С. Пушкин в одной из поздних своих статей, процитировав изящное стихотворение Вольтера «на случай», замечал: «Признаемся в гососо нашего запоздалого вкуса: в этих семи стихах мы находим более слога, более жизни, более мысли, нежели в полдюжине длинных французских стихотворений, писанных в нынешнем вкусе, где мысль заменяется исковерканным выражением, ясный язык Вольтера – напыщенным языком Ронсара, живость его – несносным однообразием, а остроумие – площадным цинизмом или вялой меланхолией» [16 – Пушкин А. С. Полное собрание сочинений. т. 7. Л., 1978, с. 284–285.]

В беглом пушкинском замечании для нас ценно его живое ощущение стиля рококо, столь близкого ему по собственным юношеским стихам.

В том же стиле написана комедия Грибоедова «Молодые супруги», которой он дебютировал на петербургской сцене в конце 1815 года.

Это было переделкой пьесы Крезе де Лессера «Семейный секрет» (1807), хотя и французский драматург, в свою очередь, был не вполне оригинален и в предисловии к своей пьесе указывал: «Сюжет этой комедии, взятый из старого сборника «Развлечения ума и сердца», появился впервые в 1758 году под названием «Новая школа жен». Муаси, автор этой пьесы, которую играли итальянские комедианты, имел шумный успех и показал в ней приятный талант» [17 – Crezé de Lesser. Secret du ménage. Paris, 1809, p. 5.]. Успех Муаси объяснялся тем, что в своей пьесе он продолжил линию французской «чувствительной» комедии, выступившей против сословных предрассудков в вопросах брака [18 – См.: Иванов И. Политическая роль французского театра в связи с философией XVIII века. М., 1895, с. 440.]. Изображение нравственного влияния любящей женщины, прославление семейных устоев, противопоставленных развращающему влиянию света, – все это было первыми проблесками отражения в литературе «третьесословных идей», среди которых не последнее место занимала поэтизация семейного очага. Появившаяся во времена Империи переделка де Лессера существенно меняла акценты произведения. Содержание его становится более фривольным, но вместе с тем, в духе характерного для того времени ханжества, писатель облагородил сюжет, изгнав из него куртизанку (которая у Муаси учила кокетству молодую супругу), заменив ее кухней главного героя. Французский историк театра так определяет «идею» пьесы К. де Лессера: «Каков этот секрет? Вот он. Когда у вас ветреный муж, подобный г-ну д'Орбейлю, у которого в голове некая Аглая, особа не слишком большой добродетели, а также милая кузина г-жа д'Эркур, надо стараться кокетничать из всех сил для хорошей цели: вернуть своего мужа. Вот этот урок и получает бедная женщина от своей кухни, когда приходит сдавать свое оружие и спрашивает у нее совета» [19 – Lintilhac E. Histoire générale du Thétre en France, t. 5. Paris, 1910, p. 219.]

Почему Грибоедов обратился к жанру салонной комедии?

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru

Это можно объяснить причинами вполне случайными: знакомство молодого автора с фактическим главой петербургского театра кн. А. А. Шаховским, посоветовавшим ему перевести пьесу, в которой некогда в комеди франсез блистала знаменитая актриса Марс. Однако отнюдь не случаен был благожелательный прием комедии Грибоедова русским зрителем, который до того не был знаком с оригинальной (написанной русскими стихами) легкой, или салонной, комедией. Опыт Грибоедова пришелся ко времени и не остался без продолжения. Вскоре одна за другой на русской сцене появятся пьесы Н. И. Хмельницкого, который доводит рокайльный драматургический жанр до возможной степени совершенства, настолько, что Пушкин не шутя собирает «поместить в честь его целый куплет в 1-ую песнь Онегина» [20 – Пушкин А. С. Полн. собр. соч., т. 10, с. 112.] и сам задумывает вслед Хмельницкому комедию «Насилу выехать решила из Москвы». Правда, строфа так и не была написана, а комедийный замысел остался одним явлением, которое, однако, несет в себе все признаки салонной комедии: светский флирт как основу содержания, ловко закрученную интригу – в данном случае при помощи переадресованного письма, – сулящую много забавных недоразумений, разговорную легкость афористического языка.

Принципиальным в комедии становится завет-пророчество Чацкого:

Чтоб умный, бодрый наш народ
Хотя б по языку нас не считал за немцев!

Здесь важно, что умными в пьесе Грибоедова названы всерьез лишь Чацкий – и народ. И «Горе уму» (так первоначально называлась комедия) обжигает не только героя. Народ за рамками сюжета «Горя от ума», но в оценке явлений жизни Грибоедов исходит из народных представлений.

«Первое начертание этой сценической поэмы, как оно родилось во мне, было гораздо великолепнее и высшего значения, чем теперь в суетном наряде, в который я принужден был облечь его», – замечал Грибоедов.

Годы создания «Горя от ума» были временем глубоких раздумий писателя о назначении искусства, о трагической судьбе поэта. В стихотворениях «Давид», «Юность вещего», «Телешовой», в «Отрывке из Гете» намечена та же тема, которая будет раскрыта в духовных исканиях Чацкого. Земной, не чуждый светской суеты, он легко уязвим, но в своих откровениях, истину которых не может заглушить ропот глупцов, он возвышается над суетой дня, вершит суд будущего. Близкий к Грибоедову В. Ф. Одоевский указывал, что автор изображает в Чацком человека, к которому можно отнести стих поэта «Не терпит сердце немоты» [27 – Московский телеграф, 1825, ч. 3, № 10, Антикритика, с. 4.]. Комментарий к этому стиху Кюхельбекера отчетливо раскрывает, каким представлялся в грибоедовском кругу «высший смысл» его комедии: «...стих, которым бы должны руководствоваться все пишущие. Говори в печати, перед лицом стольких тебе незнакомых, только тогда, когда твое сердце не терпит немоты, и ты облагородишь звание писателя, твое авторство уже не будет ремеслом, твои слова, ознаменованные вдохновением, будут живы, увлекательны, истинны» [28 – Сын отечества, 1825, ч. 102, с. 357.].

Вполне очевидно. Грибоедов был гениальным рассказчиком, что мы почти не ощущаем в его произведениях, так как это естественное дарование он не считал еще искусством, а потому почти не доверял свои свободные импровизации перу и бумаге. В письме к Кюхельбекеру он даже как-то обмолвился: «...у меня дарование вроде мельничного колеса; и коли дать ему волю, так оно вздор замелет».

Кажется, лишь однажды он дал себе волю: представив, по собственному признанию, «в суетном наряде» то, что должно было, по сокровенной мысли, стать «сценической поэмой». Так было создано «Горе от ума».

К сожалению, собеседники почти не донесли до нас устных рассказов Грибоедова. Вероятно, потому, что записывать их было затруднительно: в простом пересказе, не воодушевленные живой и пылкой мыслью писателя, они многое теряли.

Поэтому стоит решиться на одну длинную цитату – из романа Булгарина, в котором была потревожена тень Грибоедова. Потревожена втуне, так как булгаринский А. С. Световидов ходулен и неинтересен, кроме одного размышления вслух, которое кажется записанным сразу же, чуть ли не стенографически:

«Женщина умная, с твердым характером есть олицетворение нравственной силы,

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
которую управляет человек. Греческая мифология есть не что иное, как философия природы (Naturphilosophie) в лицах, роман нравственного мира. Греческая мифология объяснила эту великую истину! Представляя физическую власть над землей мужчинам, мифология подчиняет нравственный мир женщинам. Венера, то есть красота, Минерва, то есть мудрость, Юнона, или женская твердость и постоянство, – господствуют на Олимпе. Музы тоже женщины. Древние поэты, перед началом своего труда, приносили жертву Грциям, и оттого творения их восхищают род человеческий в течение веков! Кто никогда не любил, кто не подчинился влиянию женщин, тот не произвел и не произведет ничего великого, потому что сам мал душой. Исполнитель нашего века, Наполеон, до тех пор был счастлив, пока очарование Иозефины действовало на него. Это народное предание, может быть, не согласное с историей, но я люблю народные предания, потому что они основываются всегда на нравственной истине, а история весьма часто разведена на лжи, на догадках и предположениях мудрецов, которым мир представляется вверх ногами, чрез стекло их испорченности или кабинетной недогадливости... У женщин, братец, есть особое чувство, которое французы называют такт (tact). Этого слова нельзя перевести не только буквально, но даже перифразой ни на один язык. Немцы перевели его: Gefühlssinn – это почти то же, что мысль или разум чувствований. Этот перевод кажется мне довольно близок к смыслу подлинника. Такт есть то же, что гений или дух Сократа: внутренний оракул. Следуя внушению этого оракула, женщина редко ошибается, но оракул этот действует только в сердце, которое любит. Мать, сестра, жена, любовница видят в будущем и постигают внутренним чувством лучше, нежели мужчина чувствованием, что полезно, что вредно для сына, брата, мужа, любовника. Азиатцы до тех пор останутся варварами, невеждами, а следовательно, и бессильными в политическом мире, пока не признают власти женщин и не подчинятся их нравственной силе. Петр Великий начал с того, что растворил терема. Те между нами, которые не признают этой нравственной власти и силы женщин, – те же азиатцы, те же варвары!» [35 – Булгарин Ф. В. Памятные записки титулярного советника Чухина, или Простая история обыкновенной жизни. СПб., 1835, 41–44.]

Грибоедов был, как известно, прекрасным музыкантом-импровизатором, и кто из его близких приятелей не слушал, как часами он играл на фортепьяно? Записанными оказались лишь два вальса Грибоедова, остальное, как говорится, кануло в вечность. Но так ли бесследно кануло? Существует предание, что в некоторых романсах Алябьева сохранились грибоедовские темы. Есть и вполне определенное свидетельство на этот счет: в 1828 году, в Петербурге, Грибоедов наиграл М. И. Глинке мелодию грузинской песни, которая композитором была положена в основу его романса; позже на эту музыку Пушкин сочинил стихи «Не пой, красавица, при мне...». В поэтической практике Пушкина это был беспрецедентный случай. Прослышав в конце 1823 года, что Вяземский сочиняет с Грибоедовым водевиль на музыку Верстовского, Пушкин заметил укоризненно: «Что тебе пришло в голову писать оперу и подчинить поэта музыканту? Чин чина почитай. Я бы и для России не пошевелился» [36 – Пушкин А. С. Полн. собр. соч., т. 10, с. 57.]. Спустя пять лет он нарушил правило. Для юного Глинки? Скорее все же для Грибоедова.

Если музыкальные импровизации Грибоедова, несмотря на их сиюминутную мимолетность, все же остались в истории русской культуры, неужели его вдохновенные беседы пропали без следа? Невозможно поверить в это. Не воплощенные в литературную форму, они будили ответную мысль. Александр и Владимир Одоевские, Бестужевы и Рылеев, Кюхельбекер и Пушкин – разве их творчество не стало в чем-то богаче, соприкоснувшись с грибоедовским гением?

Об этом нужно помнить, говоря о литературной судьбе Грибоедова, до конца не свершившейся, но отнюдь не исчерпанной все же его «Горем от ума».

И еще об одном застаревшем недоразумении необходимо сказать под конец.

В июне 1828 года, во время последнего свидания с Бегичевым, отправляясь в свою последнюю поездку на Восток, Грибоедов оставил другу пухлую пачку черновых бумаг, которые тот потом тщательно переплел, а позже передал Черновую тетрадь Грибоедова почитателю и дальнему родственнику драматурга, Д. А. Смирнову. Последний успел напечатать (к сожалению, с пропусками) эти бумаги в 1859 году, в журнале «Русское слово». Впоследствии тетрадь погибла при пожаре имения Смирнова.

Трудно переоценить значение этих материалов для творческой биографии Грибоедова, ставших нам известными из публикации. Здесь черновики стихов и драматических

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
сцен, планы произведений, путевые записки, исторические заметки Грибоедова, о которых частично упоминалось выше. Не будь всего этого, наши знания о его творчестве были бы значительно беднее. Все это так.

Вместе с тем наброски, сохранившиеся в Черновой, кажутся зачастую бледным подобием опубликованных произведений Грибоедова. Это-то и создает впечатление, что в конце своего творческого пути драматург писал «хуже», чем в начале.

Нельзя вполне доверять такому впечатлению. Нужно помнить, что у Бегичева писателем – за исключением «Путевых заметок», которые и адресованы другу, – оставлены бумаги именно черновые, которые ему уже были не нужны. Вовсе не потому, что он решительно расставался с поэзией, которую любил «без памяти, страстно». Все необходимое, более обработанное, может быть, даже и кое-что завершённое он захватил с собой.

После разгрома российского посольства в Тегеране 30 января 1829 года юной вдове Грибоедова возвратили и личные вещи, и даже книги покойного. Ни одной бумаги из его архива возвращено не было. Этот факт, между прочим, наглядней всего свидетельствует, что фанатичная толпа, возбужденная призывами к «священной войне» с гяурами, выполнила в чьих-то руках роль слепого орудия. Кто-то ведь собрал до листка все бумаги русского полномочного министра в Персии? Где они, эти бумаги? Уничтожены ли они позже, после внимательного просмотра, или же хранятся до сих пор в каком-то секретном архиве? Дипломатические депеши и инструкции сейчас уже не столь интересны, хотя и имеют, конечно, определенное историческое значение. Но где авторский экземпляр гениального «Горя от ума», с которым едва ли расставался Грибоедов? Где трагедия «Грузинская ночь»? Где тетрадь с последними путевыми письмами к Бегичеву, которые, по обусловленной еще в 1818 году договоренности со своим другом, не переставал никогда набрасывать Грибоедов, предвкушая новую встречу с ним, когда, заглядывая в свой конспект, он собирался вновь рассказать о том, что пережил и переживал на чужбине? Где письма Нины, писавшей мужу чуть ли не ежедневно? А может быть, и другие произведения автора «Горя от ума», нам доселе неизвестные?

Кто знает, возможно, когда-нибудь мы их и прочтем.

Конечно, не каждый читатель грибоедовской комедии был так проникновенен. Но можно ли сомневаться в том, что, переписывая пылкие тирады Чацкого, почти всякий ощущал себя подобным ему. Так, на титуле одного из списков помечено: «Из библиотеки артиллерии поручика Александра Сергеевича Чацкого» (точную владельческую надпись мы находим, впрочем, на последней странице того же списка, принадлежавшего, оказывается, некоему А. Чуносому) [2 – Государственный Центральный театральный музей им. А. А. Бахрушина. Рукописный отдел, № 136796–86.]. Характерен в этом отношении и часто встречающийся в списках эпиграф к комедии:

Определила так сама:
Всем глупым счастье от безумья,
Всем умным – горе от ума.

По происхождению это четверостишие имеет довольно далекое отношение к Грибоедову, являясь перифразой куплета (Вяземского) из оперы-водевиля Грибоедова и Вяземского «Кто брат, кто сестра, или Обман за обманом» [3 – см. с. 301 наст. изд.]. Однако помещенный в списке эпиграф по-своему типизировал (через самого читателя) судьбу грибоедовского героя: «Всем умным – горе от ума».

Такова была судьба «главной книги» Грибоедова. Вполне естественно, что остальные его произведения – и те, которые некогда шли на сцене, и те, что были опубликованы при его жизни и позже, и те, о которых дошли лишь глухие воспоминания современников, – казались несоизмеримыми с великой комедией. Крайним выражением литературоведческого недоумения в этом смысле можно считать «мысль» петербургского профессора И. А. Шляпкина, который на лекциях в университете (конспект их за 1894–1895 годы сохранился в Пушкинском Доме) предполагал: «Невольно возникает мысль, не принадлежит ли эта пьеса кавказским сослуживцам и только пущена Грибоедовым в обращение». Печальный парадокс такого «откровения» оттенялся тем, что именно И. А. Шляпкин в 1889 году издал хорошо подготовленное полное собрание сочинений Грибоедова в двух томах, сопровождаемое хронологической канвой писателя и солидной грибоедовской библиографией. Это

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
была, конечно, крайняя точка зрения (не столь уж и оригинальная, в принципе; вспомним, что нечто подобное говорили о Шекспире, да и не только о нем). В литературоведческом же обиходе утвердилась в качестве несомненной истины мысль о «литературном однодумстве» Грибоедова. «Горе от ума» было объявлено в творчестве писателя случайным откровением, не обещанным его заурядными ранними литературными опытами и не развившимся в поздних его замыслах.

Так ли это?

2

А. С. Грибоедов в юности получил редкое по тем временам глубокое, разнообразное и основательное образование – сначала под руководством домашних гувернеров, затем в Благородном пансионе (1803). В 1808 году он закончил словесное отделение Московского университета, получив звание кандидата словесности, и в качестве вольнослушателя, вплоть до войны 1812 года, посещал лекции профессоров этико-политического отделения. Свободно владея основными европейскими языками и зная латынь, Грибоедов с юности приобрел склонность к серьезному чтению. Нередко читал он товарищам стихи своего сочинения, большей частью сатиры и эпиграммы. Вероятно, о каком-то литературном сообществе свидетельствует записка Грибоедова к И. Д. Щербатову от 1808 года [7 – см. с. 442 наст. изд.], недаром здесь упоминается московский поэт, много обещавший, но рано умерший, – З. А. Буринский.

От этих литературных занятий до нас, к сожалению, ничего не дошло. Вернее, почти ничего – кроме содержания написанной в 1809 году пьесы: «Он написал в стихах пародию на трагедию «Дмитрий Донской», под названием «Дмитрий Дрянской», по случаю ссоры русских профессоров с немецкими за залу аудитории, в которой и русские и немецкий профессора хотели иметь кафедру. – Начинается так же, как и в трагедии, советом русских, которые хотят изгнать из университета немцев, потом так же кстати, как в трагедии явилась в стан княжна Ксения, пришла в университет Аксиния, и т. п. Все приготовились к бою, но русские одержали победу. Профессор Дмитрий Дрянской, издававший журнал, вышел вперед, начал читать первый номер своего журнала, и немцы все заснули» [8 – А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников. М., 1980, с. 24.].

Случайна ли явственная перекличка суждений Грибоедова с университетским курсом профессора П. А. Сохацкого, внушавшего своим слушателям: «Корнель хорошо знал древних, но подражал им слишком раболепно. Наблюдение трех единств поставлял он за величайшее достоинство трагедии и приучил французов всем жертвовать сей правильности и отвергать величайшие красоты, когда токмо они несходны с оными своенравными правилами...». Шекспировы образцовые творения научают нас лучше, нежели оставшиеся в сем роде памятники древних, какое действие должна производить трагедия в наше время, при нынешних образах правления и при нынешнем просвещении и нравах» [12 – Главное начертание теории и истории изящных наук Майнерса. Переведено с немецкого П. Сохацким. М., 1803, с. 47, 97.].

Большим почитателем Шекспира был и Буле, считавший, что английский драматург был «великим знатоком и удачным живописцем человеческого сердца», отмечавший его «отважный полет мысли», «глубокую чувствительность», «богатство воображения», «оригинальность ума и веселость нрава» [13 – Московские ученые новости, 1805, № 4, с. 32.].

Нет, вовсе не неожиданно впоследствии Грибоедов выступит инициатором перевода на русский язык драмы Шиллера «Семела», прямо обратится к гетевскому «Фаусту», будет восхищаться красотами шекспировских «Ромео и Джульетты» и «Бури», а в трагедийных своих замыслах стремиться вслед за Шекспиром «разгуляться по широкому полю воображения». Об этом следует специально напомнить, ибо, забывая о московском периоде творчества Грибоедова, до сих пор некоторые авторы статей и книг об авторе «Горя от ума» не перестают удивляться, как мог перейти драматург от опытов камерной «легкой комедии» к широкому полотну «Горя от ума».

И еще один пример, свидетельствующий, насколько основательно и глубоко были усвоены Грибоедовым почерпнутые в университете знания. В качестве вольнослушателя он посещал лекции по естественному праву университетского профессора Шлецера-сына. «Источником сего первобытного общественного образования народов, – внушал профессор, – почитаю неограниченное чувство свободы, избыток

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru телесных и духовных сил, которые, в свою очередь, им поддержаны, усилены, возвышены... – в пример дикий обитатель Северной Америки, которого нравственное мужество и гордый дух возвышает мыслью, что он выходит на бой наряду с друзьями, действующими в виду равных, имеет врагов, непримиримых в ненависти и мщении, что слава его неотъемлема, что никакое неправосудие не похитит у него награды и не спасет от посрамления, что он будет судим без пристрастия и пощады; чувство собственного достоинства дает ему неограниченную гордость и силу, а мысль, что вместе с ним и сограждане его воспламенены единым духом, единою волею, усиливает в нем любовь к отечеству...»[14 – Шлецер. Взгляд на прошедшее, настоящее и будущее. – Вестник Европы, 1808, ч. 37, февраль, № 3, с. 245–246; см. возражение на эту статью в «Русском вестнике», 1808, ч. 1, март, с. 398–407.] Строки эти могут служить превосходным комментарием к произведениям Грибоедова середины 1820-х годов: к драматической сцене «Серчак и Итляр», к стихотворению «Хищники на Чегеме».

Пора салонной комедии на русской сцене была недолговечна (может быть, потому и осталась не отмеченной историками театра), но в конце 1810 – начале 1820-х годов эти пьесы имели своего благодарного зрителя, прежде всего в партере. Там собирался народ в основном молодой и – даже если служащий – предпочитавший разговорам о службе легкую беседу обо всем на свете, понимающий острое словцо и ради него подчас не щадящий ни моральных, ни государственных устоев; тон был ироничный и неуважительный – и именно здесь среди массы светских остроловов находились будущие герои Сенатской площади. В салонной комедии зритель из партера увидел себя в качестве действующего лица. Не случайно автором первой из них стал «пасынок здравого рассудка» Грибоедов, не случайно его комедию высоко оценили в кружке «Зеленая лампа».

А. Слонимский, сравнивший «Горе от ума» с русской комедией начала XIX века, справедливо заметил: «Грибоедов первый произвел реальную перестановку в традиционном сюжете, решительно став на сторону «ума»; «злым», «гордецом» и «насмешником» кажется Чацкий только Софье и всему фамусовскому кругу»[21 – Слонимский А. Пушкин и комедия 1815–1820 годов. – В кн.: Временник Пушкинской комиссии, т. 2. М. – Л., 1936, с. 41.]. Но «неожиданная перемена ситуации» в «Горе от ума» была подготовлена ранними комедийными опытами Грибоедова в жанре салонной комедии. Продуктивность этого жанра и его кратковременность одинаково закономерны. В нем своеобразно отразились широкие оппозиционные настроения дворянской интеллигенции, накануне 1825 года начинавшей с недоверием относиться к официальному славословию, которое прикрывало усиление реакции. Это и порождало скептицизм, ироническую позицию в жизни, нежелание заниматься «серьезными делами», стремление всячески рассеять скуку, предаваясь «науке страсти нежной». Онегин становился героем времени. Но в пушкинском романе в стихах автор иронически отстранен от него. В салонной же комедии Онегинскими любовались.

Рамки салонной комедии, при всей ее стиховой культуре, эпиграмматическом языке, остроте бытовых зарисовок и психологизме, были все же узки и ограничены, но и в этих рамках Грибоедов совершает определенную эволюцию, подготавливающую создание его шедевра. В 1817 году он обращается к переделке комедии Барта «Ложные неверные». Это тоже история забавных недоразумений у влюбленных, но манера письма Грибоедова в «Притворной неверности» становится более экспрессивной. Иронически настроенный Ленский (подобный Аристу в «Молодых супругах») уже не несет в себе авторского мироощущения, он даже оценен достойным представителем светской толпы «без правил, без стыда, без чувств и без ума»; симпатии писателя отданы довольно рискованному для легкой комедии герою, серьезному и пылкому Рославлеву. Переделывая пьесу, Грибоедов отчасти защищает Рославлева (во французской комедии – Дормильи) от авторской насмешки: страстность молодого человека там трактуется как черта комическая. Иначе у Грибоедова. Первый же монолог Рославлева «Кто ж говорит об них?..» предвосхищает страстные, обличающие «общественное мнение» речи Чацкого. Тем самым драматург исчерпывает возможности салонной комедии – дальше невозможно было двигаться, не разрушая этого жанра.

Еще круче и непримиримей порывает он с литературным стилем рококо в других своих комедийных опытах.

В те годы Грибоедов обратился к жанру бытовой комедии – комедии характеров, имеющей в русской драматургии богатую традицию. По общему признанию, в колоритных зарисовках провинциального быта в пьесе «Своя семья, или Замужняя невеста» (1817) уже угадывается будущий автор «Горя от ума». Следует только напомнить, что сцены той же комедии, написанные его соавторами – Шаховским и

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
Хмельницким, не менее колоритны, что само по себе подчеркивает значение национальной традиции, подготовившей появление великой комедии Грибоедова.

Не менее перспективна для него была и прозаическая пьеса «Студент» (1817, совместно с П. А. Катениным), осмеивающая бездарного стихотворца. Несомненно, образ Евлампия Беневольского имел конкретную памфлетную цель: в его нелепо восторженных речах и неуклюжих виршах осмеивалось батюшковское направление в поэзии, то есть тот поэтический стиль рококо, которому и сам Грибоедов был не чужд. Собственно, тип Беневольского – в то время еще с сочувственной иронией – был намечен Грибоедовым в «Письме из Бреста Литовского» (1814):

Всех более шумели,
Не от вина, нет – на беду,
Всегда они в чаду:
Им голову кружит иное упоенье –
Сестер парнасских вдохновенье.

Теперь же подобный «пиит» подвергается безжалостному, уничижительному осмеянию. Мало того, что над ним открыто издеваются другие герои пьесы, сами по себе не вызывающие сочувствия, в какой-то мере предвосхищающие и Фамусова, и Молчалина, и Скалозуба, – к этому добавляется еще и авторский сарказм, превышающий, пожалуй, всякую меру.

А. А. Шаховской так вспоминал о первых своих шагах на литературном поприще: «Дядюшка мне сказал: «Похвально и с твоим именем писать стишки для удовольствия общества; но неприлично сделаться записным стихотворцем, как какому-нибудь студенту без всякого родства и протекции» [22 – Шаховской А. Вступление в мое неземное поприще. – Маяк, 1840, ч. 6, с. 43.]. Возможно, он как-то рассказал об этом Грибоедову. Впрочем, и сам Грибоедов слышал нечто подобное от своей матери, еще будучи студентом и осознав уже тогда на всю жизнь «свое решительное призвание».

Поставленная на сцене единственный раз, уже в начале XX века, комедия «Студент» вызвала возмущенную отповедь рецензента: «Грибоедов и Катенин унижают самое звание литератора, то звание, про которое М. Е. Салтыков уже холодеющей рукой писал своему сыну: «Паче же всего уважай звание литератора и предпочитай его всем прочим»... Кому принесен в жертву казанский студент Беневольский, изображенный дурак дураком, выгнанный из дома, лишенный собственного достоинства, годный только для должности корректора и не приемлемый даже на государственную службу. Подумаешь, какой избыток образованных и просвещенных чиновников наполнял в то время канцелярии!..» [23 – Русь, 1904, № 140.]

Такая оценка не совсем справедлива, наверное, по единственной причине: комедия «Студент» самими авторами никогда не была обнародована. Для Грибоедова же она была во многом преодолением самого себя. Легкая поэзия, которой он отдал дань, не исчерпывала вполне его эстетических идеалов, она не была единственным направлением его творческих исканий, в какой-то мере была даже временным отступлением от юношеских заветов. Не потому ли так резко ополчается на нее Грибоедов? И удивительная вещь! Когда шут Беневольский патетически восклицает: «Вы, сударь, спрашивали, какие мои виды вдаль? Вот они: жизнь свободная, усмешка Музы – вот все мои желания. Ни чины, ни богатства для меня не приманчивы: что они в сравнении с поэзией?», нам, знающим наизусть «Горе от ума», невольно приходят на память слова внешне похожие, но противоположные по тону:

Из молодых людей, найдется – враг исканий,
Не требуя ни мест, ни повышенья в чин,
В науки он вперит ум, алчущий познаний;
Или в душе его сам бог возбудит жар
К искусствам творческим, высоким и прекрасным, –
Они тотчас: разбой! пожар!
И прослывет у них мечтателем опасным!!

И здесь поэзия объявляется главным назначением, но – поэзия высоких общественных идеалов. Они недоступны Беневольскому, их предал забвению в салонной комедии и сам Грибоедов.

Любопытно, что перелицовка навыворот коллизии «Горя от ума» неизбежно возвращает к проблематике «Студента». В 1831 году на сцене была впервые поставлена (она

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru ставилась и позже) комедия-водевиль П. А. Каратыгина «Горе без ума» [24 – Гос. центральный театралный музей. Рукописный отдел, № 13616.]. Герою ее стал горе-рифмоплет, подобный Беневольскому, Яшуткин-младший (возможно, П. Каратыгин, по знакомству с авторами, читал «Студента»). Отрезвляет его от поэтического безумия дядя, Яшуткин-старший. Между прочим, стихи своего племянника расчетливый купец использует в качестве оберточной бумаги.

Трудно отделаться от мысли, что И. А. Гончаров знал этот водевиль, приступая к работе над романом «Обыкновенная история», первые главы которого кажутся даже пересыпанными цитатами из комедии «Студент». Конечно, это не больше чем совпадение, но совпадение все-таки закономерное: в литературном развитии ничто, в общем-то, не пропадает. Рождение великих произведений всегда подготовлено многими усилиями так называемых «второстепенных писателей», одним из которых до поры до времени был и Грибоедов.

4

В 1818 году образ жизни его снова круто меняется. Вопреки желанию, чиновник коллегии иностранных дел назначается секретарем персидской миссии и вынужден покинуть Петербург, где так удачно начала складываться его писательская судьба. «Музыканту и поэту нужны слушатели; их нет в Персии», – пытался Грибоедов возражать министру иностранных дел, объявившему о назначении. Тщетно...

По пути к месту новой службы Грибоедов, впервые после шестилетнего отсутствия, попадает в Москву. Впечатления от старой столицы были безрадостны.

«В Москве все не по мне, – делится вскоре он своими впечатлениями с Бегичевым. – Праздность, роскошь, не сопряженные ни с малейшим чувством к чему-нибудь хорошему... ни в ком нет любви к чему-нибудь изящному, а притом «несть пророк без чести, токмо в отечестве своем, в сродстве своем и в дому своем». Отечество, сродство и дом мой в Москве. Все тамошние помнят во мне Сашу, милого ребенка, который теперь вырос, много повесничал, наконец становится к чему-то годен, определен в миссию и может со временем попасть в статские советники, а больше во мне ничего видеть не хотят».

Может быть, именно здесь таится зерно замысла, которое потом разовьется в «Горе от ума». Казалось бы, в творчестве Грибоедова наступил длительный перерыв. Нескончаемые путешествия по казенной надобности, утомительные и порой опасные, не давали возможности сосредоточиться, отдаться любимому делу, поэзии. Правда, в те годы задумана была какая-то поэма – о страннике, открывающем для себя неведомый, экзотический Восток. Но именно здесь, на Востоке, Грибоедов близко соприкасается с народной жизнью, остро осознает свой долг патриота. Одной из главных задач персидской миссии он считает возвращение на родину русских солдат. «Хлопоты за пленных, – помечает в августе 1819 года Грибоедов в путевом дневнике. – Бешенство и печаль...», а 6 сентября того же года так описывает выступление из Персии:

«Шум, брань, деньги. Отправляемся; камнями в нас швыряют, трех человек зашибли. Песни: «Как за реченькой слободушка», «В поле дороженька», «Солдатская душенька, задушевный друг». Воспоминания. Невольно слезы накатились на глаза.

«Спевались ли вы в батальоне?» – «Какие, ваше благородие, песни? Бывало, пьяные без голоса, трезвые об России тужат...»

Разнообразные группы моего племени, я Авраам».

Обилие ярких впечатлений, резкий контраст восточного быта с незатухающими в памяти сердца воспоминаниями о родине, частое одиночество, предрасполагающее к размышлениям, неустанная, столь обычная для него работа мысли подготавливали творческий взлет. 17 ноября 1820 года, в час пополуночи, в далеком персидском городе Тавризе Грибоедову привиделось во сне возвращение на родину, в дом любимой женщины, в круг давних знакомых, и обещание, данное им, – через год написать новую пьесу.

Он начал писать ее через год, в Тифлисе, а закончил еще три года спустя, получив длительный отпуск в Россию.

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
Ритм стремительного движения подчинит все действие в «Горе от ума». Герой ее ворвется в застоялый быт не остывшим от дороги и вскоре вырвется оттуда, воскликнув: «Карету мне, карету!»

Все действие пьесы происходит в московском особняке, но он – лишь сценическая площадка, ничуть не ограничивающая необъятного художественного пространства произведения: мысль писателя объемлет всю Россию.

Все события комедии происходят в течение одних суток. Но день этот предстает мгновением эпохи. Сама намеченная автором драматическая коллизия требовала жесткого ограничения сценического времени. Лишь один день понадобился возвратившемуся на родину Чацкому, чтобы «отрезвиться сполна от слепоты своей, от смутнейшего сна».

Дух анализа современной жизни пронизывает содержание «Горя от ума». Большая, сложная жизнь постоянно разлагается Грибоедовым на ряды простых, выразительных, конкретных примет, что давало как бы срезы действительности в различных плоскостях. Перечисление при этом становится выразительным художественным образом («И впрямь с ума сойдешь от этих от одних // От пансионеров, школ, лицеев, как бишь их, // Да от ланкарточных взаимных обучений»), а разбросанные по всей комедии точные детали слагались в эпохальные картины – достаточно вспомнить постоянные в устах фамусовского общества ругательства («фармазон», «карбонари», «якобинец», «вольтерьянец», «завиральные идеи»), которые напоминали об идейной атмосфере времени.

Насыщенность пьесы Грибоедова реалиями быта, жанровыми сценами, лицами предопределяла ее реалистическое качество. В сущности, здесь впервые с такой глубиной предстала панорама социального бытия России, во всей его иерархии, и каждому персонажу было определено точное место на социальной лестнице:

Для замыслов каких-то непонятных,
Дитёй возили на поклон?
Тот Нестор негодяев знатных,
Толпою окруженный слуг;
Усердствуя, они в часы вина и драки
И честь, и жизнь его спасали: вдруг
На них он выменил борзые три собаки!!!

В этой мгновенной картине есть центр – «Нестор», определенный сначала кругом ему подобных, а также лиц, раболепно ищущих у него покровительства, но тут же возникает образ слуг, равных по своему бесправию животным. Есть в этой клетке художественной структуры и особая психологическая глубина, в которой будто мерцает неразвернувшийся, одним словом («усердствуя») намеченный сюжет, по-расейски трагический.

Слово в комедии не просто предельно значимо – оно всегда психологически точно. Так, «мы» в устах фамусова («Мы, например, или покойник дядя») и «мы» Молчалина («в чинах мы небольших») звучат как антонимы. Языковая емкость в комедии Грибоедова обусловлена живым, сиюминутным рождением слова, свежесть которого не притупилась, не стерлась. Стихи «Горя от ума» потому и разошлись в пословицах, что в грибоедовских речениях спрессован мощный пласт культурной традиции. Скажем, «смесь французского с нижегородским» – что это? Невольно пришедший на ум Чацкому каламбур? Отчасти так, но за Чацким стоит Грибоедов, который помнит события 1812 года, когда московские баре, спасаясь от наполеоновского нашествия, бежали в приволжские по преимуществу города. В то время было широко известно стихотворение В. Л. Пушкина «К жителям Нижнего Новгорода» с жалобным рефреном: «Примите нас под свой покров//Питомцы волжских берегов». Но вот что писал о тех же событиях в своем «Рославле» А. С. Пушкин, пародировавший кваспатриотические рассуждения Загоскина: «Москва взволновалась. Появились престопадные листки графа Растопчина; народ ожесточился. Светские балагуры присмирели; дамы вструхнули. Гонители французского языка и Кузнецкого моста взяли в обществах решительный верх, и гостиные наполнились патриотами: кто высыпал из табакерки французский табак и стал нюхать русский; кто сжег десяток французских брошюр; кто отказался от лафита и принял за кислые щи. Все закаялись говорить по-французски; все закричали о Пожарском и Минине и стали проповедовать народную войну, собираясь на долгих отправиться в саратовские деревни» [25 – Пушкин А. С. Полн. собр. соч., т. 6, с. 136.]. По возвращении в Москву и такой «патриотизм» быстро слинял. В «Письмах из Москвы в Нижний

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
Новгород» И. М. Муравьев-Апостол, отец будущих декабристов, писал: «Войди в любое общество: презабавное смешение языков. Тут услышишь нормандское и русское пополам с вышесказанными. Уши вянут» [26 – Сын отечества, 1814, ч. XII, № 7, с. 24.]. Воспользовавшись этим наблюдением. Грибоедов по-своему – еще саркастичнее, нежели Муравьев-Апостол, – оттенил трагикомическую ситуацию: от недавних невзгод у московских бар остался лишь провинциальный диалект.

Чацкий представлен в комедии пророком, который «вопиет в пустыне», ибо для фамусовского общества нет пророка в отечестве своем. В столкновении пылкого правдолюбца с миром «бессловесных» обнажилась пропасть, отделившая вольнолюбивую дворянскую интеллигенцию от основной массы крепостнического дворянства. Личная драма героя подчеркнула бескомпромиссную принципиальность конфликта, отречение честного человека не только от расхожих «истин» и лицемерной «морали» общества, но и от самых кровных, интимных связей с ним.

Герой пьесы пережил «миллион терзаний», он бежит прочь из Москвы в поисках, «где оскорбленному есть чувству уголок». И все же произведение Грибоедова – комедия, выносящая окончательный приговор фамусовщине, вбивающая в нее осиновый кол. Это сплоченное низменными интересами общество может еще торжествовать, философствовать, важничать и клеветать, но «в высшем смысле» оно нежизнеспособно, неразумно, призрачно и лживо. Над драматической коллизией пьесы, оканчивающейся трагически для Чацкого, господствует оптимистический, победительный тон, который, по любимой пословице Грибоедова, и делает музыку...

5

В мае 1825 года Грибоедов покинул Петербург, направляясь к месту службы – в Тифлис. Впрочем, туда не нужно было спешить: А. П. Ермолов продлил отпуск. Почему же заторопился из столицы Грибоедов? Надоела суета? Тогда отчего же не укрылся он в тульском имении С. Бегичева, где его ждали? Зачем направился он по другой дороге, задержался в Киеве на несколько дней, а потом на три месяца скрылся в Крыму?

Эту тайну до некоторой степени раскрывает тетрабочка, озаглавленная «Desiderata» («Пожелания»), первая запись в которой такова:

«В «Историческом исследовании о местоположении древнего Тмутараканя» говорят под статью «Суздаль» (стр. VIII) о замечательной надписи, которая находится в храме Успения богородицы. Эта надпись существует ли еще? – Имеет ли признаки древности?»

И далее еще несколько десятков подобных заметок, открывающих серьезное изучение летописей и других памятников древнерусской письменности, а также научной литературы, касающейся истории Древней Руси. У всех этих заметок есть одна общая особенность: Грибоедов не просто читал книги – он готовился сам проверить почерпнутые в них сведения, уточнить на месте.

Можно не сомневаться, что это – след серьезной подготовки писателя к дальнейшей творческой работе. Со слов мемуаристов мы знаем, что в это время Грибоедов обдумывал планы двух по крайней мере трагедийных замыслов: о крещении Руси при великом князе Владимире и о князе Федоре Рязанском, который пал первой жертвой татаро-монгольского нашествия. Выписки в «Desiderata» тяготеют к этим сюжетам.

Вероятно, прежде всего решил он писать о князе Владимире и потому отправился по его следам. В крымском дневнике мы находим следы этого замысла: «NB. Воспоминание о великом князе Владимире», «Не здесь ли Владимир построил свою церковь?.. Может, великий князь стоял на том самом месте, где я теперь, между Песочной и Стрелецкой бухты.. Впереди все видно, что происходит в древнем Корсуне, и приступ легок...». Но и серьезная научная подготовка, и проверка почерпнутых сведений на месте оказались втуне.

9 сентября Грибоедов напишет из Феодосии Бегичеву: «...вот уже почти три месяца я провел в Тавриде, а результат нуль. Ничего не написал. Не знаю, не слишком ли я от себя требую? умею ли писать? право, для меня еще все загадка. – Что у меня с избытком найдется, что сказать, – за это ручаюсь, отчего же я нем? Нем как гроб!!» и чуть ниже: «Подожду, авось придут в равновесие мои замыслы беспредельные и ограниченные способности».

Последние годы Грибоедова сложились так, что времени на литературные занятия почти не оставалось. И все эти годы он жил надеждой оставить со временем службу и отдаться целиком своему призванию. В нем до конца дней своих Грибоедов видел смысл жизни: «Поэзия!! Люблю ее без памяти страстно, но любовь достаточна ли, чтобы себя прославить? И наконец, что слава? По словам Пушкина:

На ветхом рублище певца.

Кто нас уважает, певцов истинно вдохновенных, в том краю, где достоинство ценится в прямом содержании к числу орденов и крепостных рабов? Все-таки Шереметев у нас затмил бы Омира, скот, но вельможа и крез. Мученье быть пламенным мечтателем в краю вечных снегов. Холод до костей проникает, равнодушие к людям с дарованием...»

Планы обступали: тревожили творческое воображение то события 1812 года, то заговор вельмож против армянского царя в первом веке, то современная грузинская жизнь. Почему же после «Горя от ума» почти ничего не удалось воплотить Грибоедову из его грандиозных замыслов?

На этот вопрос, очевидно, нельзя дать однозначного ответа.

Да, времени для литературной работы почти не оставалось. Да, к каждому новому сюжету писатель подходил с высшими требованиями, стремясь в «просвещении стать с веком наравне», и, может быть, перегорал, тщательно обдумывая новый замысел, и остывал к нему. Мемуарист вспоминал, что во время последнего посещения Петербурга вестником Туркманчайского мира Грибоедов, между прочим, заметил: «Многие слишком долго приготавливаются, собираясь написать что-нибудь, и часто все оканчивается у них сборами. Надобно так, чтобы вздумал и написал»[29 – А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников, с. 164.]. Не о себе ли самом говорил писатель?

Важной причиной постоянной неудовлетворенности своими замыслами была, конечно, оторванность Грибоедова от живой литературной жизни. В конце 1810 – начале 1820-х годов это было не так важно. Комедия «Горе от ума» подводила итоги предшествующего развития русской литературы, и потому драматург, по собственному признанию, мог писать «свободно и свободно», чувствуя себя уверенно, зная, как и что нужно говорить. К середине же 1820-х годов литературная ситуация изменилась, каждое новое пушкинское произведение открывало новые дали, а плестись в хвосте у кого-либо Грибоедов помог. Недаром так настойчиво он просит в письмах прислать трагедию «Борис Годунов», лишь заслышав о ней, прочтя в журнальной публикации одну ее сцену. В мае 1828 года он услышит пушкинское произведение в исполнении автора, и не это ли остановит публикацию собственной трагедии «Грузинская ночь», которая к тому времени была завершена? Он откажется прочесть всю ее даже другу, заметив: «Я теперь еще к ней страстен и дал себе слово не читать ее пять лет, а тогда, сделавшись равнодушнее, прочту, как чужое сочинение, и если буду доволен, то отдам в печать»[30 – Там же, с. 31.]. Дошедшие до нас две сцены последней грибоедовской трагедии не позволяют узнать в самой фактуре стиха автора «Горя от ума» – могучего владыку вольных ямбов. «Грузинская ночь» читается с напряжением, как и другие поздние стихотворения Грибоедова. Вероятно, в этом надо увидеть осознанную им потребность в реформе стихотворной речи, попытку прямо проникнуть в суть вещей. К созданию каждого своего стихотворения Грибоедов, кажется, подходит со стремлением воссоздать обобщенную картину мира и человечества, и поэтические строки утяжеляются, на них печать своеобразного теоретизирования, противопоставленного будто бы самой сути поэзии. Было бы наивно считать, что автор «Горя от ума» вдруг разучился писать стихи, перестал владеть раскованным, живым русским словом, потерял слух, рождающий стремительные, вольные ритмы. Нет, он учился писать по-новому, но еще не выработал законченной новой системы. Что-то в поздних стихах Грибоедова напоминает зрелую лирику Баратынского, с ее напряженным биением трагической мысли, острым ощущением жестких ритмов «века железного». В сюжете «Грузинской ночи» (он также известен в пересказе мемуариста) открывается неожиданное сходство с «Кавказским пленником», но не Пушкина, а юного Лермонтова, трагически углубившего пушкинскую коллизию. Вероятно, такого рода совпадения лучше всего свидетельствуют о том, что Грибоедов не остановился в своем развитии, не сбился с пути, а шел в русле движения русской литературы.

Анализируя дошедший до нас план грибоедовского замысла о 1812 годе, Б. М.

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
Эйхенбаум отказывается видеть в нем набросок произведения драматического, отмечая черты чистой эпики [31 – Труды Отдела древнерусской литературы, т. 14. М. – Л., 1958, с. 546; см. также: Гозенпуд А. Музыкальный театр в России. Л., 1959, с. 352: «...у нас нет решительно никаких оснований считать «1812 год» замыслом драматического произведения».]

Несомненно, Грибоедов обдумывал все же драму, но намеченный им план действительно поражает эпическим размахом. «История начала войны, взятие Смоленска, народные черты, проезд государя, обоз раненых, рассказ о битве Бородинской», «Зимние сцены преследования неприятеля и ужасных смертей» – как собирался сценически оформить Грибоедов эти пункты плана? Не в монотонных монологах же, которые неизбежно разрушили бы драматургическое действие. Очевидно, здесь необходима была цепь коротких, стремительных сцен, но сколько понадобилось бы их для полноты картины? Вместились ли бы они в сценическое время, всегда ограниченное рамками одного спектакля?

Та же широта и подлинно эпическая проработка деталей в плане «Родамиста и Зенобии»: «Дебрь, лай, звук рогов, гром бубен», «По-восточному прямолинейная аллея чинаров, миндальных деревьев, которые все примыкают к большой пурпурной ставке», «В 3-м уже действию возмущение делается народным, но совсем не по тем причинам, которыми движимы вельможи; восстав сама собою, мгновенно, грузинская дружина своими буйствами, похищениями у граждан жен и имуществ восстанавливает их против себя».

Эти планы оставляют впечатление однородных с «Путевыми заметками» Грибоедова, которые он вел конспективно, собираясь позже, для Бегичева, развернуть их в подробный рассказ устно или письменно, как придется. Вот, например, запись от 24 августа 1819 года: «Подметные письма. Голову мою положу за несчастных соотечественников. Мое положение. Два пути, куда бог приведет... Верещагин и шах-зада Ширазский. Поутру тысяча туман чрезвычайной подати... Забит до смерти, четверем человекам руки переломали, 60 захватили. Резаные уши и батоги при мне».

Вспомним теперь снова недоуменное признание Грибоедова: «Что у меня с избытком найдется что сказать – за это ручаюсь, отчего же я нем?», вспомним его определение своих замыслов как «необъятных». Пожалуй, в этом не было метафорического преувеличения. Все-таки что сказать – для писателя главное, мучительные же поиски формы (какая форма сказать) – также обычны.

Гибель подстерегла Грибоедом в период напряженного творческого кризиса, за которым, при свободном развитии, должно было наступить творческое прозрение. Нет задачи более неблагодарной, чем пытаться математически точно вычислить, во что могли бы вылиться замыслы гениального писателя. Они обязательно, в процессе работы, оказались бы непредсказуемыми, развились бы «свободно и свободно».

Но само эпическое качество грибоедовских планов, пожалуй, свидетельствовало о чуткости художника к задачам грядущего дня. В русской литературе заканчивалась эпоха поэзии. Сам Пушкин все настойчивее осваивал прозаические жанры. Пройдет несколько лет, и Белинский объявит о гоголевском, прозаическом периоде русской литературы. Не к этому ли подспудно шел и Грибоедов? Он, несомненно, владел языком прозы, порукой тому не столько немногие его статьи, но прежде всего путевые дневники и письма, особенно письма к друзьям. «Проза требует мыслей и мыслей», – заметил Пушкин. Можно ли сомневаться в том, что – развернись планы грибоедовских хроник в эпические полотна – они соответствовали бы гению Грибоедова.

И здесь следует вспомнить, что первым словом всех современников о Грибоедове было всегда – о его уме. Это поразительно! Интеллектуальный уровень общества (а он всегда оценивается не по статистически среднему, а по высшим проявлениям) был в то время чрезвычайно высок. И все же ни об одном современнике Грибоедова не говорили так, как о нем, его прежде всего выделяли из далеко не среднего уровня. Конечно, в понятие «ум Грибоедова» входила и поразительная эрудиция его, основанная на глубоком, систематическом образовании и развитая постоянными занятиями. Несомненно, ум Грибоедова был не только систематический, но и пылкий, дерзающий, проникающий в суть вещей. Но только ли это восхищало в Грибоедове современников? Вслушаемся в их оценки. Пушкин: «Это один из самых умных людей в России. Любопытно послушать его» [32 – А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников, с. 160.]. Д. В. Давыдов (в письме к Ермолову от 12 мая 1824 года): «Я сейчас от вашего Грибоедова, с которым познакомился по

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
приезде его сюда, и каждый день с ним вижусь. Мало людей мне по сердцу, как этот урод ума, чувств, познаний и дарования! Завтра я еду в деревню, и если о ком сожалею, так это о нем; истинно могу сказать, что еще не довольно насладился его беседою!»[33 – Щукинский сборник, вып. 9. М., 1910, с. 325.] С. Н. Бегичев: «Не имею довольно слов объяснить, до чего приятны были для меня частые (а особливо по вечерам) беседы наши вдвоем. Сколько сведений он имел по всем предметам!!! Как увлекателен и одушевлен он был, когда открывал мне, так сказать, нараспашку свои мечты и тайны будущих своих творений или когда разбирал творения гениальных поэтов!»[34 – А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников, с. 29.]

Горе от ума: #с003

ДЕЙСТВУЮЩИЕ:

Павел Афанасьевич Фамусов, управляющий в казенном месте.

София Павловна, дочь его.

Лиза, служанка.

Алексей Степанович Молчалин, секретарь Фамусова, живущий у него в доме.

Александр Андреевич Чацкий.

Полковник Скалозуб, Сергей Сергеевич.

Наталья Дмитриевна, молоденькая дама

Горичевы.

Платон Михайлович, муж ее

Князь Тугоуховский и княгиня, жена его, с шестью дочерьми.

Графиня бабушка

Хрюмины

Графиня внучка

Антон Антонович Загорецкий.

Старуха Хлестова, свояченица Фамусова.

Г. Н.

Г. Д.

Репетилов.

Петрушка и несколько говорящих слуг.

Множество гостей всякого разбора и их лакеев при разъезде.

Официанты Фамусова.

Действие в Москве в доме Фамусова.

Действие первое

явление 1

Гостиная, в ней большие часы: #с003_1, справа дверь в спальню Софии, откуда слышно фортепьяно с флейтою, которые потом умолкают. Лизанька среди комнаты спит, свесившись с кресел. Утро, чуть день брезжится.

Лиза(вдруг просыпается, встает с кресел, оглядывается)

Светает!.. Ах! как скоро ночь минула!
Вчера просилась спать – отказ.
«Ждем друга». – Нужен глаз да глаз,
Не спи, покудова не скатишься со стула.
Теперь вот только что вздремнула,
Уж день!.. сказать им..

(Стучится к Софии.)

Господа,
Эй! Софья Павловна, беда.
Зашла беседа ваша за#769; ночь;
Вы глухи? – Алексей Степаныч!
Сударыня!.. – И страх их не берет!

(Отходит от дверей.)

Ну, гость неприглашенный,
Быть может, батюшка войдет!
Прошу служить у барышни влюбленной!

(Опять к дверям.)

Да расходитесь. Утро. – Что-с?

Голос Софии

Который час?

Лиза

Все в доме поднялось.

София(из своей комнаты)

Который час?

Лиза

Седьмой, осьмой, девятый.

София(оттуда же)

Неправда.

Лиза(прочь от дверей)

Ах! амур проклятый: #с003_2!
И слышат, не хотят понять,
Ну что бы ставни им отнять: #с003_3?
Переведу часы, хоть знаю: будет гонка: #с003_4,
Заставлю их играть.

(Лезет на стул, передвигает стрелку, часы бьют и играют.)

явление 2

Лиза и Фамусов.

Лиза

Ах! барин!

Фамусов

Барин, да.

(Останавливает часовую музыку.)

Ведь экая шалунья ты девчонка.
Не мог придумать я, что это за беда!
То флейта слышится, то будто фортепьяно;
Для Софьи слишком было б рано??..

Лиза

Нет, сударь, я... лишь невзначай...

Фамусов

Вот то-то невзначай, за вами примечай;
Так, верно, с умыслом.

(Жметя к ней и заигрывает.)

Ой! зелье: #с003_5, баловница.

Лиза

Вы баловник, к лицу ль вам эти лица!

Фамусов

Скромна, а ничего кроме
Проказ и ветру на уме.

Лиза

Пустите, ветреники сами,
Опомнитесь, вы старики...

Фамусов

Почти.

Лиза

Ну, кто придет, куда мы с вами?

Фамусов

Кому сюда прийти?
Ведь Софья спит?

Лиза

Сейчас започивала.

Фамусов

Сейчас! А ночь?

Лиза

Ночь целую читала.

Фамусов

Вишь, прихоти какие завелись!

Лиза

Все по-французски, вслух, читает запершись.

Фамусов

Скажи-ка, что глаза ей портить не годится,
И в чтение прок-от не велик:
Ей сна нет от французских книг,
А мне от русских больно спится.

Лиза

Что встанет, доложусь,
Извольте же идти; разбудите, боюсь.

Фамусов

Чего будить? Сама часы заводишь,
На весь квартал симфонию гремишь.

Лиза(как можно громче)

Да полноте-с!

Фамусов(зажимает ей рот)

Помилуй, как кричишь.
С ума ты сходишь!

Лиза

Боюсь, чтобы не вышло из того...

Фамусов

Чего?

Лиза

Пора, сударь, вам знать, вы не ребенок;
У девушек сон утренний так тонок;
Чуть дверью скрипнешь, чуть шепнешь:
Всё слышат...

Фамусов

Все ты лжешь.

Голос Софии

Эй, Лиза!

Фамусов(торопливо)

Тс!

(Крадется вон из комнаты на цыпочках.)

Лиза(одна)

Ушел... Ах! от господ подалей;
У них беды себе на всякий час готовь,
Минуй нас пуще всех печалей

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
И барский гнев, и барская любовь.

Явление 3

Лиза, София со свечкою, за ней Молчалин.

София

Что, Лиза, на тебя напало?
Шумишь...

Лиза

Конечно, вам расстаться тяжело?
До света запершись, и кажется все мало?

София

Ах, в самом деле рассвело!

(Тушит свечу.)

И свет и грусть. Как быстры ночи!

Лиза

Тужите, знай, со стороны нет мочи,
Сюда ваш батюшка зашел, я обмерла;
Вертелась перед ним, не помню, что врала;
Ну что же стали вы? поклон, сударь, отвесьте.
Подите, сердце не на месте;
Смотрите на часы, взгляните-ка в окно:
Валит народ по улицам давно;
А в доме стук, ходьба, метут и убирают.

София

Счастливые часов не наблюдают.

Лиза

Не наблюдайте, ваша власть;
А что в ответ за вас, конечно, мне попасть.

София (Молчалину)

Идите; целый день еще потерпим скуку.

Лиза

Бог с вами-с; прочь возьмите руку.

(Разводит их, Молчалин в дверях сталкивается с Фамусовым.)

Явление 4

София, Лиза, Молчалин, Фамусов.

Фамусов

Что за оказия! Молчалин, ты, брат?

Молчалин

Фамусов

Зачем же здесь? и в этот час?
И Софья!.. Здравствуй, Софья, что ты
Так рано поднялась! а? для какой заботы?
И как вас бог не в пору вместе свел?

София

Он только что теперь вошел.

Молчалин

Сейчас с прогулки.

Фамусов

Друг. Нельзя ли для прогулок
Подальше выбрать закоулок?
А ты, сударыня, чуть из постели прыг,
С мужчиной! с молодым! – Занятье для девицы!
Всю ночь читает небылицы.
И вот плоды от этих книг!
А все Кузнецкий мост: #с003_6 и вечные французы,
Оттуда моды к нам, и авторы, и музы:
Губители карманов и сердец!
Когда избавит нас творец
От шляпок их! чепцов! и шпилек! и булавок!
И книжных и бисквитных лавок! –

София

Позвольте, батюшка, кружится голова;
Я от испуги дух перевозжу едва;
Изволили вбежать вы так проворно,
Смешалась я.

Фамусов

Благодарю покорно,
Я скоро к ним вбежал!
Я помешал! я испужал!
Я, Софья Павловна, расстроен сам, день целый
Нет отдыха, мечусь как словно угорелый.
По должности, по службе хлопотня,
Тот пристаёт, другой, всем дело до меня!
Но ждал ли новых я хлопот? чтоб был обманут...

София(сквозь слезы)

Кем, батюшка?

Фамусов

Вот попрекать мне станут,
Что без толку всегда журю.
Не плачь, я дело говорю:
Уж об твоём ли не радели
Об воспитанье! с колыбели!
Мать умерла: умел я принанять
В мадам Розье вторую мать.
Старушку-золото в надзор к тебе приставил:
Умна была, нрав тихий, редких правил.
Одно не к чести служит ей:
За лишних в год пятьсот рублей
Сманить себя другими допустила.

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
Да не в мадаме сила.
Не надобно иного образца,
Когда в глазах пример отца.
Смотри ты на меня: не хвастаю сложеньем,
Однако бодр и свеж, и дожил до седин,
Свободен, вдов, себе я господин...
Монашеским известен поведением!..

Лиза

Осмелюсь я, суда́рь...

Фамусов

Молчать!
Ужасный век! Не знаешь, что начать!
Все умудрились не по ле́там,
А пуще дочери, да сами добряки,
Дались нам эти языки!
Берем же побродяг, и в дом и по билетам: #с003_7,
Чтоб наших дочерей всему учить, всему,
И танцам! и пенью́! и нежностям! и вздохам!
Как будто в жены их готовим скоморохам.
Ты, посетитель, что? ты здесь, суда́рь, к чему?
Безродного пригрел и ввел в мое семейство,
Дал чин асессора: #с003_8 и взял в секретари;
В Москву переведен через мое содействие;
И будь не я, коптел бы ты в Твери.

София

Я гнева вашего никак не растолкую.
Он в доме здесь живет, великая напасть!
Шел в комнату, попал в другую.

Фамусов

Попал или хотел попасть?
Да вместе вы зачем? Нельзя, чтобы случайно.–

София

Вот в чем, однако, случай весь:
Как давеча вы с Лизой были здесь,
Перепугал меня ваш голос чрезвычайно,
И бросилась сюда я со всех ног...

Фамусов

Пожалуй, на меня всю суматоху сложит.
Не в пору голос мой наделал им тревог! –

София

По смутном сне безделица тревожит;
Сказать вам сон: поймете вы тогда.

Фамусов

Что за история?

София

Вам рассказать?

Фамусов

Ну да.

(Садится.)

София

Позвольте... видите ль... сначала
Цветистый луг; и я искала
Траву
Какую-то, не вспомню наяву.
Вдруг милый человек, один из тех, кого мы
Увидим – будто век знакомы,
Явился тут со мной; и вкрадчив, и умен,
Но робок... Знаете, кто в бедности рожден...

Фамусов

Ах! матушка, не довершай удара!
Кто беден, тот тебе не пара.

София

Потом пропало все: луга и небеса...
Мы в темной комнате. Для довершенья чуда
Раскрылся пол – и вы оттуда
Бледны, как смерть, и дыбом волоса!
Тут с громом распахнули двери
Какие-то не люди и не звери,
Нас врознь – и мучили сидевшего со мной.
Он будто мне дороже всех сокровищ,
Хочу к нему – вы тащите с собой:
Нас провожают стон, рев, хохот, свист чудовищ!
Он вслед кричит!.. –
Проснулась. – Кто-то говорит:
Ваш голос был; что, думаю, так рано?
Бегу сюда – и вас обоих нахожу.

Фамусов

Да, дурен сон, как погляжу,
Тут все есть, коли нет обмана:
И черти, и любовь, и страхи, и цветы.
Ну, сударь мой, а ты?

Молчалин

Я слышал голос ваш.

Фамусов

Забавно.
Дался им голос мой, и как себе исправно
Всем слышится и всех сзывает до зари!
На голос мой спешил, зачем же? – говори.

Молчалин

С бумагами-с.

Фамусов

Да! их недоставало.
Помилуйте, что это вдруг припало
Усердье к письменным делам!
(Встает.)
Ну, Сонюшка, тебе покой я дам:
Бывают странны сны, а наяву страннее;
Искала ты себе травы,
На друга набрела скорее;

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
Повыкинь вздор из головы;
Где чудеса, там мало складу: #с003_9.–
Поди-ка ляг, усни опять.

(Молчалину.)

Идем бумаги разбирать.

Молчалин

Я только нес их для доклада,
Что в ход нельзя пустить без справок, без иных,
Противуречья есть, и многое не дельно.

Фамусов

Боюсь, суда#769;рь, я одного смертельно,
Чтоб множество не накопилось их;
Дай волю вам, оно бы и засело;
А у меня, что дело, что не дело,
Обычай мой такой:
Подписано, так с плеч долой.

(Уходит с Молчалиным, в дверях пропускает его вперед.)

явление 5

София, Лиза.

Лиза

Ну вот у праздника! ну вот вам и потеха!
Однако нет, теперь уж не до смеха;
В глазах темно, и замерла душа;
Грех не беда, молва нехороша.

София

Что мне молва? Кто хочет, так и судит,
Да батюшка задуматься принудит:
Брюзглив, неугомонен, скор,
Таков всегда, а с этих пор...
Ты можешь посудить...

Лиза

Сужу-с не по рассказам;
Запрет он вас, – добро еще, со мной;
А то, помилуй бог, как разом
Меня, Молчалина и всех с двора долой.

София

Подумаешь, как счастье своенравно!
Бывает хуже, с рук сойдет;
Когда ж печальное ничто на ум нейдет,
Забылись музыкой, и время шло так плавно;
Судьба нас будто берегла;
Ни беспокойства, ни сомненья...
А горе ждет из-за угла.

Лиза

Вот то-то-с, моего вы глупого сужденья
Не жалуете никогда:
Ан вот беда.

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru

На что вам лучшего пророка?
Твердила я: в любви не будет в этой прока
Ни во веки веков.
Как все московские, ваш батюшка таков:
Желал бы зятя он с звездами да с чинами,
А при звездах не все богаты, между нами;
Ну, разумеется, к тому б
И деньги, чтоб пожить, чтоб мог давать он балы;
Вот, например, полковник Скалозуб:
И золотой мешок, и метит в генералы.

София

Куда как мил! и весело мне страх
Выслушивать о фрунте и рядах;
Он слова умного не выговорил сроду, –
Мне все равно, что за него, что в воду.

Лиза

Да-с, так сказать, речист, а больно не хитер;
Но будь военный, будь он статский,
Кто так чувствителен, и весел, и остер,
Как Александр Андреич Чацкий!
Не для того, чтоб вас смутить;
Давно прошло, не воротить,
А помнится...

София

Что помнится? Он славно
Пересмеять умеет всех;
Болтает, шутит, мне забавно;
Делить со всяким можно смех.

Лиза

И только? будто бы? – Слезами обливался,
Я помню, бедный он, как с вами расставался.
– Что, сударь, плачете? живите-ка смеясь...
А он в ответ: «Недаром, Лиза, плачу,
Кому известно, что найду я воротясь?
И сколько, может быть, утрачу!»
Бедняжка будто знал, что года через три...

София

Послушай, вольности ты лишней не бери.
Я очень ветрено, быть может, поступила,
И знаю, и винюсь; но где же изменила?
Кому? чтоб укорять неверностью могли.
Да, с Чацким, правда, мы воспитаны, росли;
Привычка вместе быть день каждый неразлучно
Связала детскою нас дружбой; но потом
Он съехал, уж у нас ему казалось скучно,
И редко посещал наш дом;
Потом опять прикинулся влюбленным,
Взыскательным и огорченным!..
Остер, умен, красноречив,
В друзьях особенно счастлив.
Вот об себе задумал он высоко...
Охота странствовать напала на него,
Ах! если любит кто кого,
Зачем ума искать и ездить так далёко?

Лиза

Где носится? в каких краях?

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
Лечился, говорят, на кислых он водах: #с003_10,
Не от болезни чай, от скуки, – повольнее.

София

И, верно, счастлив там, где люди посмешнее.
Кого люблю я, – не таков:
Молчалин за других себя забыть готов,
Враг дерзости, – всегда застенчиво, несмело;
Ночь целую с кем можно так провести!
Сидим, а на дворе давно уж побелело,
Как думаешь? чем заняты?

Лиза

Бог весть,
Сударыня, мое ли это дело?

София

Возьмет он руку, к сердцу жмет,
Из глубины души вздохнет,
Ни слова вольного, и так вся ночь проходит,
Рука с рукой, и глаз с меня не сводит.–
Смеешься! можно ли! чем повод подала
Тебе я к хохоту такому!

Лиза

Мне-с?.. ваша тетушка на ум теперь пришла,
Как молодой француз сбежал у ней из дому.
Голубушка! хотела схоронить
Свою досаду, не сумела:
Забыла волосы чернить
И через три дни поседела.

(Продолжает хохотать.)

София(с огорчением)

Вот так же обо мне потом заговорят.–

Лиза

Простите, право, как бог свят,
Хотела я, чтоб этот смех дурацкий
Вас несколько развеселить помог.

явление 6

София, Лиза, слуга, за ним Чацкий.

Слуга

К вам Александр Андреич Чацкий.

(Уходит.)

явление 7

София, Лиза, Чацкий.

Чацкий

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
Чуть свет – уж на ногах! и я у ваших ног.

(С жаром целует руку.)

Ну поцелуйте же, не ждали? говорите!
Что ж, ради? Нет? В лицо мне посмотрите.
Удивлены? и только? вот прием!
Как будто не прошло недели;
Как будто бы вчера вдвоем
Мы мочи нет друг другу надоели,
Ни на#769; волос любви! куда как хороши!
И между тем, не вспомнюсь, без души,
Я сорок пять часов, глаз мигом не прищуря,
Верст больше седьмисот пронесся: #с003_11, – ветер, буря;
И растерялся весь, и падал сколько раз –
И вот за подвиги награда!

София

Ах! Чацкий, я вам очень рада.

Чацкий

Вы ради? в добрый час.
Однако искренно кто ж радуется эдак?
Мне кажется, так напоследок
Людей и лошадей знобя,
Я только тешил сам себя.

Лиза

Вот, сударь, если бы вы были за дверями,
Ей-богу, нет пяти минут,
Как поминали вас мы тут.
Сударыня, скажите сами.–

София

Всегда, не только что теперь. –
Не можете мне сделать вы упрека.
Кто промелькнет, отворит дверь,
Проездом, случаем, исчужа, издалёка –
С вопросом я, хоть будь моряк:
Не повстречал ли где в почтовой вас карете?

Чацкий

Положимте, что так.
Блажен, кто верует, тепло ему на свете! –
Ах! боже мой! ужли я здесь опять,
В Москве! у вас! да как же вас узнать!
Где время то? где возраст тот невинный,
Когда, бывало, в вечер длинный
Мы с вами явимся, исчезнем тут и там,
Играем и шумим по стульям и столам.
А тут ваш батюшка с мадамой за пикетом: #с003_12;
Мы в темном уголке, и кажется, что в этом!
Вы помните? вздрогнём, что скрипнет столик, дверь...

София

Ребячество!

Чацкий

Да-с, а теперь,
В семнадцать лет вы расцвели прелестно,
Неподражаемо, и это вам известно,

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
И потому скромны, не смотрите на свет.
Не влюблены ли вы? прошу мне дать ответ,
Без думы, полноте смущаться.

София

Да хоть кого смутят
Вопросы быстрые и любопытный взгляд...

Чацкий

Помилуйте, не вам, чему же удивляться?
Что нового покажет мне Москва?
Вчера был бал, а завтра будет два.
Тот сватался – успел, а тот дал промах.
Все тот же толк, и те ж стихи в альбомах.

София

Гоненье на Москву. Что значит видеть свет!
Где ж лучше?

Чацкий

Где нас нет.
Ну что ваш батюшка? все Английского клоба: #с003_13
Старинный, верный член до гроба?
Ваш дядюшка отпрыгал ли свой век?
А этот, как его, он турок или грек?
Тот черномазенький, на ножках журавлиных,
Не знаю, как его зовут.
Куда ни сунься: тут, как тут,
В столовых и в гостиных.
А трое из бульварных лиц: #с003_14,
Которые с полвека молодятся?
Родных мильон у них, и с помощью сестриц
Со всей Европой породнятся.
А наше солнышко? наш клад?
На лбу написано: Театр и Маскерад;
Дом зеленью раскрашен в виде рощи,
Сам толст, его артисты тощи.
На бале, помните, открыли мы вдвоем
За секретней, в одной из комнат посекретней,
Был спрятан человек и щелкал соловьем,
Певец зимой погоды летней.
А тот чахоточный, родня вам, книгам враг,
В ученый комитет: #с003_15 который поселился
И с криком требовал присяг,
Чтоб грамоте никто не знал и не учился?
Опять увидеть их мне суждено судьбой!
Жить с ними надоест, и в ком не сыщем пятен?
Когда ж постранствуешь, воротись домой,
И дым Отечества нам сладок и приятен!: #с003_16

София

Вот вас бы с тетушкой свести,
Чтоб всех знакомых перечести.

Чацкий

А тетушка? все девушкой, Минервой?
Все фрейлиной: #с003_17 Екатерины Первой?
Воспитанниц и мосек полон дом?
Ах! к воспитанью перейдем.
Что нынче, так же, как издревле,
Хлопочут набирать учителей полки;
Числом поболее, ценою подешевле?

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru

Не то чтобы в науке далеки;
В России, под великим штрафом: #с003_18,
Нам каждого признать велят
Историком и географом!
Наш ментор: #с003_19, помните колпак его, халат,
Перст указательный, все признаки ученья
Как наши робкие тревожили умы,
Как с ранних пор привыкли верить мы,
Что нам без немцев нет спасенья! –
А Гильоме, француз, подбитый ветерком?
Он не женат еще? –

София

На ком?

Чацкий

Хоть на какой-нибудь княгине,
Пульхерии Андревне, например?

София

Танцмейстер! можно ли!

Чацкий

Что ж? он и кавалер.
От нас потребуют с именем быть и в чине,
А Гильоме!.. – Здесь нынче тон каков?
На съездах, на больших, по праздникам приходским: #с003_20
Господствует еще смешенье языков:
Французского с нижегородским? –

София

Смесь языков?

Чацкий

Да, двух, без этого нельзя ж.

Лиза

Но мудрено из них один скроить, как ваш.

Чацкий

По крайней мере, не надутый.
Вот новости! – я пользуюсь минутой,
Свиданьем с вами оживлен
И говорлив; а разве нет времен,
Что я молчалина глупее? Где он, кстати?
Еще ли не сломил безмолвия печати?
Бывало, песенок где новеньких тетрадь
Увидит, пристаёт: пожалуйста списать.
А впрочем, он дойдет до степеней известных,
Ведь нынче любят бессловесных: #с003_21.

София(в сторону)

Не человек, змея!

(Громко и принужденно.)

Хочу у вас спросить:
Случалось ли, чтоб вы, смеясь? или в печали?
Ошибкою? добро о ком-нибудь сказали?

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
Хоть не теперь, а в детстве, может быть.

Чацкий

Когда все мягко так? и нежно, и незрело?
На что же так давно? вот доброе вам дело:
Звонками только что гремя
И день и ночь по снеговой пустыне,
Спешу к вам голову сломя.
И как вас нахожу? в каком-то строгом чине!
Вот полчаса холодности терплю!
Лицо святейшей богомолки!..–
И все-таки я вас без памяти люблю.–
Минутное молчание.
Послушайте, ужли слова мои все колки?
И клонятся к чьему-нибудь вреду?
Но если так: ум с сердцем не в ладу.
Я в чудаках иному чуду
Раз посмеюсь, потом забуду;
Велите ж мне в огонь: пойду как на обед.

София

Да, хорошо – сгорите, если ж нет?

явление 8

София, Лиза, Чацкий, Фамусов.

Фамусов

Вот и другой.

София

Ах, батюшка, сон в руку.

(Уходит.)

Фамусов(ей вслед вполголоса)

Проклятый сон.

явление 9

Фамусов, Чацкий (смотрит на дверь, в которую София вышла).

Фамусов

Ну выкинул ты штуку!
Три года не писал двух слов!
И грянул вдруг как с облаков.

Обнимаются.

Здорово, друг, здорово, брат, здорово.
Рассказывай, чай, у тебя готово
Собранье важное вестей?
Садись-ка, объяви скорей.

Садятся.

Чацкий(рассеянно)

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
Как Софья Павловна у вас похорошела!

Фамусов

Вам, людям молодым, другого нету дела,
Как замечать девичьи красоты?;
Сказала что-то вскользь, а ты,
Я чай, надеждами занесся, заколдован.

Чацкий

Ах! нет: надеждами я мало избалован.

Фамусов

«Сон в руку» – мне она изволила шепнуть,
Вот ты задумал...

Чацкий

я? – Ничуть.

Фамусов

О ком ей снилось? что такое?

Чацкий

Я не отгадчик снов.

Фамусов

Не верь ей, все пустое.

Чацкий

Я верю собственным глазам;
Век не встречал, подписку дам,
Что б было ей хоть несколько подобно!

Фамусов

Он все свое. Да расскажи подробно,
Где был? Скитался столько лет!
Откудова теперь?

Чацкий

Теперь мне до того ли!
Хотел объехать целый свет,
И не объехал сотой доли.

(Встает поспешно.)

Простите; я спешил скорее видеть вас,
Не заезжал домой. Прощайте! Через час
явлюсь, подробности малейшей не забуду;
Вам первым, вы потом рассказывайте всюду.

(В дверях.)

Как хороша!

(Уходит.)

явление 10

Фамусов (один)

Который же из двух?
«Ах! батюшка, сон в руку!»
И говорит мне это вслух!
Ну, виноват! Какого ж дал я крюку!
Молчалин давеча в сомненье ввел меня.
Теперь... да в полмя из огня:
Тот нищий, этот франт-приятель;
Отъявлен мотом, сорванцом;
Что за комиссия: #с003_22, создатель,
Быть взрослой дочери отцом!

(Уходит.)

Действие второе

явление 1

Фамусов, слуга.

Фамусов

Петрушка, вечно ты с обновкой,
С разодранным локтем. Достань-ка календарь: #с003_23;
Читай не так, как пономарь,
А с чувством, с толком, с расстановкой.
Постой же. – На листе черкни на записном,
Противу будущей недели:
К Прасковье Федоровне в дом
Во вторник зван я на форели.
Куда как чуден создан свет!
Пофилософствуй – ум вскружится;
То бережешься, то обед:
Ешь три часа, и в три дни не сварится!
Отметь-ка, в тот же день... Нет, нет.
В четверг я зван на погребенье.
Ох, род людской! пришло в забвенье,
Что всякий сам туда же должен лезть,
В тот ларчик, где ни статья, ни сесть.
Но память по себе намерен кто оставить
Житьем похвальным, вот пример:
Покойник был почтенный камергер: #с003_24,
С ключом, и сыну ключ умел доставить,
Богат и на богатой был женат,
Пережил детей, внучат,
Скончался; все о нем прискорбно поминают.
Кузьма Петрович! Мир ему! –
Что за тузы в Москве живут и умирают! –
Пиши: в четверг, одно уж к одному,
А может, в пятницу, а может, и в субботу,
Я должен у вдове, у докторше, крестить,
Она не родила, но по расчету
По моему: должна родить.

явление 2

Фамусов, слуга, Чацкий.

Фамусов

А! Александр Андреич, просим,
Страница 32

Чацкий

Вы заняты?

Фамусов(слуге)

Поди.

Слуга уходит.

Да, разные дела на память в книгу вносим,
Забудется, того гляди.–

Чацкий

Вы что-то невеселы стали;
Скажите, отчего? Приезд не в пору мой?
Уж Софье Павловне какой
Не приключилось ли печали?
У вас в лице, в движеньях суета.

Фамусов

Ах! батюшка, нашел загадку,
Не весел я!.. В мои лета
Не можно же пускаться мне вприсядку!

Чацкий

Никто не приглашает вас,
Я только что спросил два слова
Об Софье Павловне: быть может, нездорова?

Фамусов

Тьфу, господи прости! Пять тысяч раз
Твердит одно и то же!
То Софьи Павловны на свете нет пригоже,
То Софья Павловна больна.
Скажи, тебе понравилась она?
Обрыскал свет; не хочешь ли жениться?

Чацкий

А вам на что?

Фамусов

Меня не худо бы спроситься,
Ведь я ей несколько сродни;
По крайней мере, искони
Отцом недаром называли.

Чацкий

Пусть я посватаюсь, вы что бы мне сказали?

Фамусов

Сказал бы я во-первых: не блажи: #с003_25,
Именьем, брат, не управляй оплошно,
А главное, поди-тка послужи.

Чацкий

Служить бы рад, прислуживаться тошно.

Фамусов

Вот то-то, все вы гордецы!
Спросили бы, как делали отцы?
Учились бы, на старших глядя:
Мы, например, или покойник дядя,
Максим Петрович: он не то на серебре,
На золоте едал, сто человек к услугам,
Весь в орденах, ездил-то вечно цугом: #с003_26,
Век при дворе, да при каком дворе!
Тогда не то, что ныне,
При государыне служил Екатерине.
А в те поры все важны! в сорок пуд...
Раскланяйся – тупеем: #с003_27 не кивнут.
Вельможа в случае: #с003_29 – тем паче:
Не как другой, и пил и ел иначе.
А дядя! что твой князь? что граф?
Сурьезный взгляд, надменный нрав.
Когда же надо подслужиться,
И он сгибался вперегиб:
На куртаге: #с003_28 ему случилось обступиться;
Упал, да так, что чуть затылка не пришиб;
Старик заохал, голос хрипкой:
Был высочайше пожалован улыбкой;
Изволили смеяться; как же он?
Привстал, оправился, хотел отдать поклон,
Упал вдруго#769;рядь – уж нарочно,
А хохот пуще, он и в третий так же точно.
А? как по-вашему? по-нашему – смышлен.
Упал он больно, встал здорово.
Зато, бывало, в вист кто чаще приглашен?
Кто слышит при дворе приветливое слово?
Максим Петрович! Кто пред всеми знал почет?
Максим Петрович! Шутка!
В чины выводит кто и пенсии дает?
Максим Петрович! Да! Вы, нынешние, – ну-тка! –

Чацкий

И точно, начал свет глупеть,
Сказать вы можете вздохнувши;
Как посравнить да посмотреть
Век нынешний и век минувший:
Свежо предание, а верится с трудом,
Как тот и славился, чья чаще гнулась шея;
Как не в войне, а в мире брали лбом,
Стучали об пол не жалея!
Кому нужда: тем спесь, лежи они в пыли,
А тем, кто выше, лесть, как кружево, плели.
Прямой был век покорности и страха,
Все под личиною усердия к царю.
Я не об дядюшке об вашем говорю,
Его не возмутим мы праха:
Но между тем кого охота заберет,
Хоть в раболепстве самом пылком,
Теперь, чтобы смешить народ,
Отважно жертвовать затылком?
А сверстничек, а старичок
Иной, глядя на тот скачок
И разрушаясь в ветхой коже,
Чай, приговаривал: – ах! если бы мне тоже!
Хоть есть охотники поподличать везде,
Да нынче смех страшит и держит стыд в узде;
Недаром жалуют их скупое государи.–

Фамусов

Чацкий

Нет, нынче свет уж не таков.

Фамусов

Опасный человек!

Чацкий

Вольнее всякий дышит
И не торопится вписаться в полк шутов.

Фамусов

Что говорит! и говорит, как пишет!

Чацкий

У покровителей зевать на потолок,
Явиться помолчать, пошаркать, пообедать,
Подставить стул, поднять платок.

Фамусов

Он вольность хочет проповедать!

Чацкий

Кто путешествует, в деревне кто живет...

Фамусов

Да он властей не признает!

Чацкий

Кто служит делу, а не лицам...

Фамусов

Строжайше б запретил я этим господам
На выстрел подъезжать к столицам.

Чацкий

Я наконец вам отдых дам...

Фамусов

Терпенья, мочи нет, досадно.

Чацкий

Ваш век бранил я беспощадно,
Предоставляю вам во власть:
Откиньте часть,
Хоть нашим временам в придачу;
Уж так и быть, я не поплачу.

Фамусов

И знать вас не хочу, разврата не терплю.

Чацкий

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
Я досказал.

Фамусов

Добро, заткнул я уши.

Чацкий

На что ж? я их не оскорблю.–

Фамусов(скороговоркой)

Вот рыскают по свету, бьют баклуши,
Воротятся, от них порядка жди.

Чацкий

я перестал...

Фамусов

Пожалуй, пощади.

Чацкий

Длить споры не мое желанье.

Фамусов

Хоть душу отпусти на покаянье!

явление 3

Слуга(входит)

Полковник Скалозуб.

Фамусов(ничего не видит и не слышит)

Тебя уж упекут.
Под суд, как пить дадут.

Чацкий

Пожаловал к вам кто-то на#769; дом.

Фамусов

Не слушаю, под суд!

Чацкий

К вам человек с докладом.

Фамусов

Не слушаю, под суд! под суд!

Чацкий

Да обернитесь, вас зовут.

Фамусов(оборачивается)

А? бунт? ну так и жду содома.

Слуга

Полковник Скалозуб. Прикажете принять?

Фамусов(встает)

Ослы! сто раз вам повторять?
Принять его, позвать, просить, сказать, что дома,
что очень рад. Пошел же, торопись.

Слуга уходит.

Пожалуйста, сударь, при нем остерегись!
Известный человек, солидный,
И знаков тьму отличья нахватал;
Не по летам и чин завидный,
Не нынче завтра генерал.
Пожалуйста, при нем веди себя скромненько...
Эх! Александр Андреич, дурно, брат!
Ко мне он жалуется частенько;
Я всякому, ты знаешь, рад.
В Москве прибавят вечно втрое:
Вот будто женится на Сонюшке. Пустое!
Он, может быть, и рад бы был душой,
Да надобности сам не вижу я большой
Дочь выдавать ни завтра, ни сегодня;
Ведь Софья молода. А впрочем, власть господня.
Пожалуйста, при нем не спорь ты вкривь и вкось
И завиральные идеи эти брось.
Однако нет его! какую бы причину...
А! знать, ко мне пошел в другую половину.

(Поспешно уходит.)

Явление 4

Чацкий

Как суетится! что за прыть!
А Софья? – Нет ли впрямь тут жениха какого?
С которых пор меня дичатся, как чужого!
Как здесь бы ей не быть!..
Кто этот Скалозуб? отец им сильно бредит,
А может быть, не только что отец...
Ах! тот скажи любви конец,
Кто на три года вдаль уедет.

Явление 5

Чацкий, Фамусов, Скалозуб.

Фамусов

Сергей Сергеич, к нам сюда-с.
Прошу покорно, здесь теплее;
Прозябли вы, согреем вас;
Отдушничек отведем поскорее.

Скалозуб(густым басом)

Зачем же лазить, например,
Самим!.. Мне совестно, как честный офицер.

Фамусов

Неужто для друзей не делать мне ни шагу,
Страница 37

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
Сергей Сергеич, дорогой!
Кладите шляпу, сденьте шпагу;
Вот вам софа, раскиньтесь на покой.

Скалозуб

Куда прикажете, лишь только бы усесться.

Садятся все трое, Чацкий поодаль.

Фамусов

Ах! батюшка, сказать, чтоб не забыть:
Позвольте нам своими счесться,
Хоть дальними, – наследства не делить;
Не знали вы, а я подавно, –
Спасибо, научил двоюродный ваш брат, –
Как вам доводится Настасья Николавна?

Скалозуб

Не знаю-с, виноват;
Мы с нею вместе не служили.

Фамусов

Сергей Сергеич, это вы ли!
Нет! я перед родней, где встретится, ползком;
Сыщу ее на дне морском.
При мне служащие чужие очень редки;
Все больше сестрины, свояченицы детки;
Один Молчалин мне не свой,
И то затем, что деловой: #с003_31.
Как станешь представлять к крестичку ли, к местечку,
Ну как не порадеть родному человечку!..
Однако братец ваш мне друг и говорил,
Что вами выгод тьму по службе получил.

Скалозуб

В тринадцатом году мы отличались с братом
В тридцатом егерском, а после в сорок пятом.

Фамусов

Да, счастье, у кого есть эдакий сынок!
Имеет, кажется, в петличке орденки? –

Скалозуб

За третье августа: #с003_32; засели мы в траншею:
Ему дан с бантом, мне на шею: #с003_33.

Фамусов

Любезный человек, и посмотреть – так хват,
Прекрасный человек двоюродный ваш брат.

Скалозуб

Но крепко набрался каких-то новых правил.
Чин следовал ему: он службу вдруг оставил,
В деревне книги стал читать.

Фамусов

Вот молодость!.. читать!.. а после – хват!..
Вы повели себя исправно,

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
Давно полковники, а служите недавно.

Скалозуб

Довольно счастлив я в товарищах моих,
Вакансии как раз открыты: #с003_34;
То старших выключат иных,
Другие, смотришь, перебиты.

Фамусов

Да, чем кого господь поищет, вознесет!

Скалозуб

Бывает, моего счастливее везет.
У нас в пятнадцатой дивизии, не дале,
Об нашем хоть сказать бригадном генерале.

Фамусов

Помилуйте, а вам чего недостает?

Скалозуб

Не жалуясь, не обходили,
Однако за полком два года поводили.–

Фамусов

В погонь ли за полком?
Зато, конечно, в чем другом
За вами далеко тянуться.

Скалозуб

Нет-с, ста́рее меня по корпусу найдутся,
Я с восемьсот девятого служу;
Да, чтоб чины добыть, есть многие каналы;
Об них как истинный философ я сужу:
Мне только бы досталось в генералы.

Фамусов

И славно судите, дай бог здоровье вам
И генеральский чин; а там
Зачем откладывать бы дальше
Речь завести об генеральше?

Скалозуб

Жениться? я ничуть не прочь.

Фамусов

Что ж? у кого сестра, племянница есть, дочь;
В Москве ведь нет невестам перевода;
Чего? плодятся год от года;
А, батюшка, признайтесь, что едва
Где сыщется столица, как Москва.

Скалозуб

Дистанции огромного размера: #с003_35.

Фамусов

Вкус, батюшка, отменная манера,
Страница 39

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru

На все свои законы есть:
Вот, например, у нас уж исстари ведется,
Что по отцу и сыну честь;
Будь плохенький, да если наберется
Душ тысячки две родовых –
Тот и жених.
Другий хоть прытче будь, надутый всяким чванством,
Пускай себе разумником слыви,
А в се#769;мью не включат. На нас не подиви,
Ведь только здесь еще и дорожат дворянством.
Да это ли одно? возьмите вы хлеб-соль:
Кто хочет к нам пожаловать, – изволь,
Дверь отперта для званных и незванных,
Особенно из иностранных;
Хоть честный человек, хоть нет,
Для нас равнехонько, про всех готов обед.
Возьмите вы от головы до пяток,
На всех московских есть особый отпечаток.
Извольте посмотреть на нашу молодежь,
На юношей – сынков и вну#769;чат,
Жури мы их, а если разберешь, –
В пятнадцать лет учителей научат!
А наши старички?? – Как их возьмет задор,
Засудят об делах, что слово – приговор, –
ведь столбовые: #с003_36 всё, в ус никого не дуют,
И об правительстве иной раз так толкуют,
Что, если б кто подслушал их... беда!
Не то, чтоб новизны вводили, – никогда,
Спаси нас боже! Нет. А придерутся
К тому, к сему, а чаще ни к чему,
Поспорят, пошумят, и... разойдутся.
Прямые канцлеры: #с003_37 в отставке – по уму!
Я вам скажу – знать время не пришло –
Но что без них не обойдется дело. –
А дамы? – сунься кто, попробуй, овладей;
Судьи#769; всему, везде, над ними нет судей;
За картами когда восстанут общим бунтом,
Дай бог терпение, – ведь сам я был женат.
Скомандовать велите перед фрунтом: #с003_38!
Присутствовать пошлите их в Сенат: #с003_39!
Ирина Власьевна! Лукерья Алексевна!
Татьяна Юрьевна! Пульхерия Андревна!
А дочек кто видал, – всяк голову повесек...
Его величество король был прусский здесь;
Дивился не путем московским он девицам,
Их благодравью, а не лицам.
И точно, можно ли воспитаннее быть!
Умеют же себя принарядить
Тафтицей: #с003_40, бархатцем и дымкой,
Словечка в простоте не скажут, всё с ужимкой,
Французские романсы вам поют
И верхние выводят нотки,
К военным людям так и льнут,
А потому, что патриотки.
Решительно скажу: едва
Другая сыщется столица, как Москва.

Скалозуб

По моему суждению,
Пожар способствовал ей много к украшенью: #с003_41.

Фамусов

Не поминайте нам, уж мало ли крехтят!
С тех пор дороги, тротуары,
Дома и всё на новый лад.

Чацкий

Дома новыи; но предрассудки стары.
Порадуйтесь, не истребят
Ни годы их, ни моды, ни пожары.

Фамусов(Чацкому)

Эй, завяжи на память узелок;
Просил я помолчать, не велика услуга.

(Скалозубу.)

Позвольте, батюшка. Вот-с – Чацкого, мне друга,
Андрея Ильича покойного сынок:
Не служит, то есть в том он пользы не находит,
Но захоти – так был бы деловой.
Жаль, очень жаль, он малый с головой
И славно пишет, переводит.
Нельзя не пожалеть, что с эдаким умом...

Чацкий

Нельзя ли пожалеть об ком-нибудь другом?
И похвалы мне ваши досаждают.

Фамусов

Не я один, все также осуждают.

Чацкий

А судьи кто? – За древностию лет
К свободной жизни их вражда непримирима,
Сужденья черпают из забытых газет
Времен Очаковских и покоренья Крыма;: #с003_42
Всегда готовые к журьбе,
Поют всё песнь одну и ту же,
Не замечая об себе:
Что старее, то хуже.
Где, укажите нам, отечества отцы,
Которых мы должны принять за образцы?
Не эти ли, грабительством богаты?
Защиту от суда в друзьях нашли, в родстве,
Великолепные соорудя палаты,
Где разливаются в пирах и мотовстве?
И где не воскресят клиенты: #с003_43-иностранцы
Прошедшего житья подлейшие черты?
Да и кому в Москве не зажимали рты
Обеды, ужины и танцы?
Не тот ли, вы к кому меня еще с пелён,
Для замыслов каких-то непонятных,
Дитёй возили на поклон?
Тот Нестор негодяев знатных,
Толпою окруженный слуг;
Усердствуя, они в часы вина и драки
И честь, и жизнь его не раз спасали: вдруг
На них он выменял борзые три собаки!!!
Или вон тот еще, который для затей
На крепостной балет согнал на многих фурах: #с003_44
От матерей, отцов отторженных детей?!
Сам погружен умом в Зефирах и в Амурах: #с003_46,
Заставил всю Москву дивиться их красе!
Но должников: #с003_45 не согласил к отсрочке:
Амуры и Зефиры все
Распроданы поодиночке!!!
Вот те, которые дожили до седин!
Вот уважать кого должны мы на безлюдье!

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
Вот наши строгие ценители и судьи!
Теперь пускай из нас один,
Из молодых людей, найдется – враг исканий,
Не требуя ни мест, ни повышенья в чин,
В науки он вперит ум, алчущий познаний;
Или в душе его сам бог возбудит жар
К искусствам творческим, высоким и прекрасным, –
Они тотчас: разбой! пожар!
И прослывет у них мечтателем опасным!! –
Мундир! один мундир! он в прежнем их быту
Когда-то укрывал, расшитый и красивый,
Их слабодушие, рассудка нищету;
И нам за ними в путь счастливый!
И в женах, дочерях – к мундиру та же страсть!
Я сам к нему давно ль от нежности отрекся?!
Теперь уж в это мне ребячество не впасть,
Но кто б тогда за всеми не повлекся?
Когда из гвардии, иные от двора
Сюда на время приезжали, –
Кричали женщины: ура!
И в воздух чепчики бросали!

Фамусов(про себя)

Уж втянет он меня в беду.

(Громко.)

Сергей Сергеич, я пойду
И буду ждать вас в кабинете.

(Уходит.)

явление 6

Скалозуб, Чацкий.

Скалозуб

Мне нравится, при этой смете
Искусно как коснулись вы
Предубеждения Москвы
К любимцам, к гвардии, к гвардейским, к гвардионцам: #с003_47;
Их золоту, шитью дивятся будто солнцам!
А в первой армии когда отстали? в чем?
Все так прилажено, и тальи все так узки,
И офицеров вам начтем,
Что даже говорят, иные, по-французски.

явление 7

Скалозуб, Чацкий, Софья, Лиза.

София(бежит к окну)

Ах! боже мой! упал, убится! –

(Теряет чувства.)

Чацкий

Кто?
Кто это?

Скалозуб

С кем беда?

Чацкий

Она мертва со страху!

Скалозуб

Да кто? откудава?

Чацкий

Ушибся обо что?

Скалозуб

Уж не старик ли наш дал маху?

Лиза(хлопочет около барышни)

Кому назначено-с, не миновать судьбы:
Молчалин на#769; лошадь садился, ногу в стремя,
А лошадь на дыбы,
Он об землю и прямо в темя.

Скалозуб

Поводья затянул. Ну, жалкий же ездок.
Взглянуть, как треснулся он – грудью или в бок?

(Уходит.)

явление 8

Те же без Скалозуба.

Чацкий

Помочь ей чем? Скажи скорее.

Лиза

Там в комнате вода стоит.

Чацкий бежит и приносит. Все следующее – вполголоса, – до того, как София очнется.

Стакан налейте.

Чацкий

Уж налит.
Шнуровку отпусти вольнее,
Виски ей уксусом потри,
Опрыскивай водой. – Смотри:
Свободнее дыханье стало.
Повеять чем?

Лиза

Вот опахало.

Чацкий

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
Гляди в окно:
Молчалин на ногах давно!
Безделица ее тревожит.

Лиза

Да-с, барышнин несчастен нрав:
Со стороны смотреть не может,
Как люди падают стремглав.

Чацкий

Опрыскивай еще водою.
Вот так. Еще. Еще.

София(с глубоким вздохом)

Кто здесь со мною?
Я точно как во сне.

(Торопко и громко.)

Где он? что с ним? Скажите мне.

Чацкий

пускай себе сломил бы шею,
вас чуть было не уморил.

София

убийственны холодностью своею!
Смотреть на вас, вас слушать нету сил.

Чацкий

Прикажете мне за него терзаться?

София

Туда бежать, там быть, помочь ему стараться.

Чацкий

Чтоб оставались вы без помощи одне?

София

На что вы мне?
Да, правда, не свои беды – для вас забавы,
Отец родной убейся – все равно.

(Лизе.)

Пойдем туда, бежим.

Лиза(отводит ее в сторону)

Опомнитесь! куда вы?
Он жив, здоров, смотрите здесь в окно.

София в окошко высовывается.

Чацкий

Смятение! обморок! поспешность! гнев! испуга!
Так можно только ощущать,
Когда лишаешься единственного друга.

София

Сюда идут. Руки не может он поднять.–

Чацкий

Желал бы с ним убиться: #с003_48...

Лиза

Для компании?

София

Нет, оставайтесь при желании.

явление 9

София, Лиза, Чацкий, Скалозуб, Молчалин (с подвязанною рукою).

Скалозуб

Воскрес и невредим, рука
Ушибена слегка,
И, впрочем, все фальшивая тревога.

Молчалин

Я вас перепугал, простите ради бога.

Скалозуб

Ну! я не знал, что будет из того
Вам раздражение: #с003_49. Опро#769;метью вбежали.–
Мы вздрогнули! – Вы в обморок упали,
И что ж? – весь страх из ничего.

София(не глядя ни на кого)

Ах! очень вижу: из пустого,
А вся еще теперь дрожу.

Чацкий(про себя)

С Молчалиным ни слова!

София

Однако о себе скажу,
Что не труслива. Так, бывает,
Карета свалится, – подымут: я опять
Готова сызнова скакать;
Но все малейшее в других меня пугает,
Хоть нет великого несчастья от того,
Хоть незнакомый мне, – до этого нет дела.

Чацкий(про себя)

Прощенья просит у него,
Что раз о ком-то пожалела!

Скалозуб

Позвольте, расскажу вам весть:
Княгиня Ласова какая-то здесь есть,

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
Наездница, вдова, но нет примеров,
Чтоб ездило с ней много кавалеров.
На днях расшиблась в пух, –
жокей; не поддержал, считал он, видно, мух.–
И без того она, как слышно, неуклюжа,
Теперь ребра недостает,
Так для поддержки ищет мужа.

София

Ах, Александр Андреич, вот –
явитесь вы вполне великодушны,
К несчастью ближнего вы так равнодушны.

Чацкий

Да-с, это я сейчас явил
Моим усерднейшим стараньем,
И прысканьем, и оттираньем;
Не знаю для кого, но вас я воскресил.

(Берет шляпу и уходит.)

явление 10

Те же, кроме Чацкого.

София

Вы вечером к нам будете?

Скалозуб

как рано?

София

Пораньше: съедутся домашние друзья
Потанцевать под фортепьяно: #с003_50.
Мы в трауре, так балу дать нельзя.

Скалозуб

явлюсь, но к батюшке зайти я обещался,
Откланяюсь.

София

Прощайте.

Скалозуб(жмет руку Молчалину)

Ваш слуга.

(Уходит.)

явление 11

София, Лиза, Молчалин.

София

Молчалин! как во мне рассудок цел остался!
Ведь знаете, как жизнь мне ваша дорога!

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
Зачем же ей играть, и так неосторожно?
Скажите, что у вас с рукой?
Не дать ли капель вам? не нужен ли покой?
Пошлемте к доктору, пренебрегать не должно.

Молчалин

Платком перевязал, не больно мне с тех пор.

Лиза

Ударюсь об заклад, что вздор,
И если б не к лицу, не нужно перевязки;
А то не вздор, что вам не избежать огласки:
На смех того гляди подымет Чацкий вас;
И Скалозуб, как свой хохол закурит: #с003_51,
Расскажет обморок, прибавит сто прикрас:
Шутить и он горазд, ведь нынче кто не шутит!

София

А кем из них я дорожу?
Хочу – люблю, хочу – скажу.
Молчалин! будто я себя не принуждала?
Вошли вы, слова не сказала,
При них не смела я дохнуть,
У вас спросить, на вас взглянуть.–

Молчалин

Нет, Софья Павловна, вы слишком откровенны.

София

Откуда скрытность почерпнуть!
Готова я была в окошко к вам прыгнуть.
Да что мне до кого? до них? до всей вселенны?
Смешно? – пусть шутят их; досадно? – пусть бранят.

Молчалин

Не повредила бы нам откровенность эта.

София

Неужто на дуэль вас вызвать захотят?

Молчалин

Ах! злые языки страшнее пистолета.

Лиза

Сидят они у батюшки теперь,
Вот кабы вы порхнули в дверь
С лицом веселым, беззаботно:
Когда нам скажут, что хотим,
Куда как верится охотно!
И Александр Андреич, – с ним
О прежних днях, о тех проказах
Поразвернитесь-ка в рассказах:
Улыбочка и пара слов,
И кто влюблен – на все готов.

Молчалин

Я вам советовать не смею.

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
(Целует ей руку.)

София

Хотите вы?.. Пойду любезничать сквозь слез;
Боюсь, что выдержать притворства не сумею.
Зачем сюда бог чацкого принес!

(Уходит.)

явление 12

Молчалин, Лиза.

Молчалин

Веселое создание ты! живое!

Лиза

Прошу пустить, и без меня вас двое.

Молчалин

Какое личико твое!
Как я тебя люблю!

Лиза

А барышню?!

Молчалин

Ее
По должности, тебя...

Лиза

От скуки.
Прошу подальше руки!

Молчалин

Есть у меня вещицы три:
Есть туалет, прехитрая работа –
Снаружи зеркальце и зеркальце внутри,
Кругом все прорезь, позолота;
Подушечка, из бисера узор
И перламутровый прибор –
Игольничек и ножинки, как милы!
Жемчужинки, растертые в белилы!
Помада есть для губ и для других причин,
С духами сткляночки: резеда и жасмин.

Лиза

Вы знаете, что я не льщусь на интересы;
Скажите лучше, почему
Вы с барышней скромны, а с горничной повесы?

Молчалин

Сегодня болен я, обвязки не сниму;
Приди в обед, побудь со мною;
Я правду всю тебе открою.

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
(Уходит в боковую дверь.)

явление 13

София, Лиза.

София

Была у бабушки, там нету никого.
Сегодня я больна и не пойду обедать,
Скажи Молчалину и позови его,
Чтоб он пришел меня проведать.

(Уходит к себе.)

явление 14

Лиза

Ну! люди в здешней стороне!
Она к нему, а он ко мне,
А я... одна лишь я любви до смерти трушу.-
А как не полюбить буфетчика Петрушу!

Действие третье

явление 1

Чацкий, потом София.

Чацкий

Дождусь ее и вынужу признание;
Кто наконец ей мил? Молчалин! Скалозуб!
Молчалин прежде был так глуп!..
Жалчайшее создание!
Уж разве поумнел?.. А тот –
Хрипун: #с003_52, давленник, фанат,
Созвездие маневров и мазурки!
Судьба любви – играть ей в жмурки,
А мне...

Входит София.

Вы здесь? я очень рад,
Я этого желал.

София(про себя)

И очень невпопад.

Чацкий

Конечно, не меня искали?

София

Я не искала вас.

Чацкий

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
Дознаться мне нельзя ли,
Хоть и некстати, нужды нет:
Кого вы любите?

София

Ах! Боже мой! весь свет.

Чацкий

кто более вам мил?

София

Есть многие, родные...

Чацкий

все более меня?

София

Иные.

Чацкий

И я чего хочу, когда все решено?
Мне в пекло лезть, а ей смешно.

София

Хотите ли знать истины два слова?
Малейшая в ком странность чуть видна,
Веселость ваша не скромна,
У вас тотчас уж острота; готова,
А сами вы...

Чацкий

я сам? не правда ли, смешон?

София

Да! грозный взгляд, и резкий тон,
И этих в вас особенностей бездна;
А над собой гроза куда не бесполезна.

Чацкий

я странен, а не странен кто ж?
Тот, кто на всех глупцов похож;
Молчалин например...

София

Примеры мне не новы;
Заметно, что вы желчь на всех излить готовы;
А я, чтоб не мешать, отсюда уклонюсь.

Чацкий(держит ее)

Постойте же.

(В сторону.)

Раз в жизни притворюсь.

(Громко.)

Оставимте мы эти пренья,
Перед Молчалиным не прав я, виноват;
Быть может, он не то, что три года назад:
Есть на земле такие превращенья: #с003_53
Правлений, климатов, и нравов, и умов;
Есть люди важные, слыли за дураков:
Иной по армии, иной плохим поэтом,
Иной... Боюсь назвать, но признано всем светом,
Особенно в последние года,
Что стали умны хоть куда.
Пускай в Молчалине ум бойкий, гений смелый,
Но есть ли в нем та страсть? то чувство? пылкость та?
Чтоб, кроме вас, ему мир целый
Казался прах и суета?
Чтоб сердца каждое биенье
Любовью ускорялось к вам?
Чтоб мыслям были всем и всем его делам
Душою – вы, вам угожденье?..
Сам это чувствую, сказать я не могу,
Но что теперь во мне кипит, волнует, бесит,
Не пожелал бы я и личному врагу,
А он?.. смолчит и голову повесит.
Конечно, смирен, все такие не резвы́;
Бог знает, в нем какая тайна скрыта;
Бог знает, за него что выдумали вы,
Чем голова его ввек не была набита.
Быть может, качеств ваших тьму,
Любуясь им, вы придали ему;
Не грешен он ни в чем, вы во сто раз грешнее.
Нет! нет! пускай умен, час от часу умнее,
Но вас он стоит ли? вот вам один вопрос.
Чтоб равнодушнее мне понести утрату,
Как человеку вы, который с вами взрос,
Как другу вашему, как брату,
Мне дайте убедиться в том;
Потом
От сумасшествия могу я остеречься;
Пущусь подальше простыть, охолодеть,
Не думать о любви, но буду я уметь
Теряться по́ свету, забыться и развлечься.

София(про себя)

Вот нехотя с ума свела!

(Вслух.)

Что притворяться?
Молчалин давеча мог без руки остаться,
Я живо в нем участие приняла;
А вы, случась на эту пору,
Не позаботились расчесть,
Что можно доброй быть ко всем и без разбору;
Но, может, истина в догадках ваших есть,
И горячо его беру я под защиту:
Зачем же быть, скажу вам напрямик,
Так невоздержну на язык?
В презренье к людям так нескрыту?
Что и смиреннейшему пощады нет!.. чего?
Случись кому назвать его:
Град колкостей и шуток ваших грянет.
Шутить! и век шутить! как вас на это станет! –

Чацкий

Ах! боже мой! неужли я из тех,
Которым цель всей жизни – смех?

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
Мне весело, когда смешных встречаю,
А чаще с ними я скучаю.

София

Напрасно: это все относится к другим,
Молчалин вам наскучил бы едва ли,
Когда б сошлись короче с ним.

Чацкий(с жаром)

Зачем же вы его так коротко узнали?

София

Я не старалась, бог нас свел.
Смотрите, дружбу всех он в доме приобрел:
При батюшке три года служит,
Тот часто без толку сердит,
А он безмолвием его обезоружит,
От доброты души простит.
А между прочим
Веселостей искать бы мог;
Ничуть: от старичков не ступит за порог;
Мы ре#769;звимся, хохочем;
Он с ними целый день засядет, рад не рад,
Играет...

Чацкий

Целый день играет!
Молчит, когда его бранят!

(В сторону.)

Она его не уважает.

София

Конечно, нет в нем этого ума,
Что гений для иных, а для иных чума,
Который скор, блестящ и скоро опротивит,
Который свет ругает наповал,
Чтоб свет об нем хоть что-нибудь сказал;
Да эдакий ли ум семейство осчастливит?

Чацкий

Сатира и мораль – смысл этого всего?

(В сторону.)

Она не ставит в грош его.

София

Чудеснейшего свойства
Он наконец: уступчив, скромн, тих,
В лице ни тени беспокойства,
И на душе проступков никаких,
Чужих и вкривь и вкось не рубит, –
Вот я за что его люблю.

Чацкий(в сторону)

Шалит, она его не любит.

(Вслух.)

Докончить я вам пособлю
Молчалина изображение.
Но Скалозуб? вот загляденье:
За армию стоит горой
И прямизною стана,
Лицом и голосом герой...

София

Не моего романа.

Чацкий

Не вашего? кто разгадает вас?

явление 2

Чацкий, София, Лиза.

Лиза(шепотом)

Сударыня, за мной сейчас
К вам Алексей Степаныч будет.

София

Простите, надобно идти мне поскорей.

Чацкий

Куда?

София

К прихмахеру.

Чацкий

Бог с ним.

София

Щипцы простудит.

Чацкий

Пускай себе...

София

Нельзя, ждем на#769; вечер гостей.

Чацкий

Бог с вами, остаюсь опять с моей загадкой.
Однако дайте мне зайти, хотя украдкой,
К вам в комнату на несколько минут;
Там стены, воздух – все приятно!
Согреют, оживят, мне отдохнуть дадут
Воспоминания об том, что невозвратно!
Не засижусь, войду, всего минуты две,
Потом подумайте, член Английского клуба,
Я там дни целые пожертвую молве
Про ум Молчалина, про душу Скалозуба.

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
София пожимает плечами, уходит к себе и запирается, за нею и Лиза.

явление 3

Чацкий, потом Молчалин.

Чацкий

Ах! Софья! Неужли Молчалин избран ей!
А чем не муж? Ума в нем только мало,
Но чтоб иметь детей,
Кому ума не доставало?
Услужлив, скромненький, в лице румянец есть.

Входит Молчалин.

Вон он на цыпочках и не богат словами,
Какою ворожкой умел к ней в сердце влезть!

(Обращается к нему.)

Нам, Алексей Степаныч, с вами
Не удалось сказать двух слов.
Ну, образ жизни ваш каков?
Без горя нынче? без печали?

Молчалин

По-прежнему-с.

Чацкий

А прежде как живали?

Молчалин

День за#769; день, нынче как вчера.

Чацкий

К перу от карт? и к картам от пера?
И положенный час приливам и отливам?

Молчалин

По мере я трудов и сил,
С тех пор, как числюсь по Архивам: #с003_54,
Три награжденья получил.

Чацкий

Взманили почести и знатность?

Молчалин

Нет-с, свой талант у всех...

Чацкий

У вас?

Молчалин

Два-с:
Умеренность и аккуратность.

Чацкий

Чудеснейшие два! и стоят наших всех.

Молчалин

Вам не дались чины, по службе неуспех?

Чацкий

Чины людьми даются,
А люди могут обмануться.

Молчалин

Как удивлялись мы!

Чацкий

Какое ж диво тут?

Молчалин

Жалели вас.

Чацкий

Напрасный труд.

Молчалин

Татьяна Юрьевна рассказывала что-то,
Из Петербурга воротясь,
С министрами про вашу связь,
Потом разрыв...

Чацкий

Ей почему забота?

Молчалин

Татьяне Юрьевне!

Чацкий

Я с нею не знаком.

Молчалин

С Татьяной Юрьевной!!

Чацкий

С ней век мы не встречались;
Слышал, что вздорная.

Молчалин

Да это, полно, та ли-с?
Татьяна Юрьевна!!! Известная, – притом
Чиновные и должностные –
Все ей друзья и все родные;
К Татьяне Юрьевне хоть раз бы съездить вам.

Чацкий

На что же?

Молчалин

Так: частенько там
Мы покровительство находим, где не метим.

Чацкий

Я езжу к женщинам, да только не за этим.

Молчалин

Как обходительна! добра! мила! проста!
Балы дает нельзя богаче,
От Рождества и до поста,
И летом праздники на даче.
Ну, право, что бы вам в Москве у нас служить?
И награжденья брать и весело пожить?

Чацкий

Когда в делах – я от веселий прячусь,
Когда дурачиться – дурачусь,
А смешивать два эти ремесла
Есть тьма искусников, я не из их числа.

Молчалин

Простите, – впрочем, тут не вижу преступленья;
Вот сам Фома Фомич, знаком он вам?

Чацкий

Ну что ж?

Молчалин

При трех министрах был начальник отделения,
Переведен сюда.

Чацкий

Хорош!
Пустейший человек, из самых бестолковых.

Молчалин

Как можно! слог его здесь ставят в образец!
Читали вы?

Чацкий

Я глупостей не чтец,
А пуще образцовых.

Молчалин

Нет, мне так довелось с приятностью прочесть,
Не сочинитель я...

Чацкий

И по всему заметно.

Молчалин

Не смею моего сужденья произнести.

Чацкий

Зачем же так секретно?

Молчалин

В мои лета не должно сметь
Свое суждение иметь.

Чацкий

Помилуйте, мы с вами не ребята,
Зачем же мнения чужие только святы?

Молчалин

Ведь надобно ж зависеть от других.

Чацкий

Зачем же надобно?

Молчалин

В чинах мы небольших.

Чацкий(почти громко.)

С такими чувствами, с такой душою
Любим!.. Обманщица смеялась надо мною!

явление 4

Вечер. Все двери настежь, кроме в спальню к Софии. В перспективе раскрывается ряд освещенных комнат, слуги суетятся, один из них, главный, говорит:

Эй! Филька, Фомка, ну, ловчей!
Столы для карт, мел, щеток и свечей!

(Стучится к Софии в дверь.)

Скажите барышне скорее, Лизавета:
Наталья Дмитриевна, и с мужем, и к крыльцу
Еще подъехала карета.

Расходятся, остается один Чацкий.

явление 5

Чацкий. Наталья Дмитриевна, молодая дама.

Наталья Дмитриевна

Не ошибаюсь ли!.. он точно, по лицу...
Ах! Александр Андреич, вы ли?

Чацкий

С сомнением смотрите от ног до головы,
Неужли так меня три года изменили?

Наталья Дмитриевна

Я полагала вас далёко от Москвы.
Давно ли?

Чацкий

Нынче лишь...

Наталья Дмитриевна

Надолго?

Чацкий

Как случится.
Однако кто, смотря на вас, не подивится?
Полнее прежнего, похорошели страх;
Моложе вы, свежее стали;
Огонь, румянец, смех, игра во всех чертах.

Наталья Дмитриевна

Я замужем.

Чацкий

Давно бы вы сказали!

Наталья Дмитриевна

Мой муж – прелестный муж, вот он сейчас войдет,
Я познакомлю вас, хотите?

Чацкий

Прошу.

Наталья Дмитриевна

И знаю наперед,
Что вам понравится. Взгляните и судите!

Чацкий

Я верю, он вам муж.

Наталья Дмитриевна

О нет-с, не потому;
Сам по себе, по нраву, по уму.
Платон Михайлыч мой единственный, бесценный!
Теперь в отставке, был военный;
И утверждают все, кто только прежде знал,
Что с храбростью его, с талантом,
Когда бы службу продолжал,
Конечно был бы он московским комендантом: #с003_55.

Явление 6

Чацкий, Наталья Дмитриевна, Платон Михайлович.

Наталья Дмитриевна

Вот мой Платон Михайлыч.

Чацкий

Ба!
Друг старый, мы давно знакомы, вот судьба!

Платон Михайлович

Здорово, Чацкий, брат!

Чацкий

Платон любезный, славно.
Похвальный лист тебе: ведешь себя исправно.

Платон Михайлович

Как видишь, брат:
Московский житель и женат.

Чацкий

Забыт шум лагерный, товарищи и братья?
Спокоен и ленив?

Платон Михайлович

Нет, есть-таки занятия,
На флейте я твержу дуэт
А-мольный: #с003_56...

Чацкий

Что твердил назад тому пять лет?
Ну, постоянный вкус в мужьях всего дороже!

Платон Михайлович

Брат, женишься, тогда меня вспомнянь!
От скуки будешь ты свистеть одно и то же.

Чацкий

От скуки! как? уж ты ей платишь дань?

Наталья Дмитриевна

Платон Михайлыч мой к занятиям склонен разным,
Которых нет теперь, – к ученьям и смотрам,
К манежу... иногда скучает по утрам.

Чацкий

А кто, любезный друг, велит тебе быть праздным?
В полк, эскадрон дадут. Ты обер или штаб: #с003_57?

Наталья Дмитриевна

Платон Михайлыч мой здоровьем очень слаб.

Чацкий

Здоровьем слаб! Давно ли?

Наталья Дмитриевна

Все рюматизм и головные боли.

Чацкий

Движенья более. В деревню, в теплый край.
Будь чаще на коне. Деревня летом – рай.

Наталья Дмитриевна

Платон Михайлыч город любит,
Москву; за что в глуши он дни свои погубит!

Чацкий

Москву и город... Ты чудак!
А помнишь прежнее?

Платон Михайлович

Да, брат, теперь не так...

Наталья Дмитриевна

Ах! мой дружочек!
Здесь так свежо, что мочи нет,
Ты распахнулся весь и расстегнул жилет.

Платон Михайлович

Теперь, брат, я не тот...

Наталья Дмитриевна

Послушайся разочек,
Мой милый, застегнись скорей.

Платон Михайлович (хладнокровно)

Сейчас.

Наталья Дмитриевна

Да отойди подальше от дверей,
Сквозной там ветер дует сзади!

Платон Михайлович

Теперь, брат, я не тот...

Наталья Дмитриевна

Мой ангел, бога ради,
От двери дальше отойди.

Платон Михайлович (глаза к небу)

Ах! матушка!

Чацкий

Ну, бог тебя суди;
Уж точно стал не тот в короткое ты время;
Не в прошлом ли году, в конце,
В полку тебя я знал? лишь утро: ногу в стремя
И носишься на борзом жеребце;
Осенний ветер дуй хоть спереди, хоть с тыла.

Платон Михайлович (со вздохом)

Эх! братец! славное тогда житье-то было.

явление 7

Те же, князь Тугоуховский и княгиня с шестью дочерьми.

Наталья Дмитриевна(тоненьким голоском)

Князь Петр Ильич, княгиня! боже мой!
Княжна Зизи: #с003_58! Мими!

Громкие лобызания, потом усаживаются и осматривают одна другую с головы до ног.

1-я княжна

Какой фасон прекрасный!

2-я княжна

Какие складочки!

1-я княжна

Обшито бахромой.

Наталья Дмитриевна

Нет, если б видели, мой тюрлюрю: #с003_61 атласный!

3-я княжна

Какой эшарп: #с003_59 cousin мне подарил!

4-я княжна

Ах! да, бережевый: #с003_60!

5-я княжна

Ах! прелесть!

6-я княжна

Ах! как мил!

Княгиня

Сс! – Кто это в углу, взошли мы, поклонился?

Наталья Дмитриевна

Приезжий, Чацкий.

Княгиня

От-став-ной?

Наталья Дмитриевна

Да, путешествовал, недавно воротился.

Княгиня

И хо-ло-стой?

Наталья Дмитриевна

Да, не женат.

Княгиня

Князь, князь, сюда. – Живее.

Князь(к ней оборачивает слуховую трубку)

О-хм!

Княгиня

К нам на#769; вечер, в четверг, проси скорее
Натальи Дмитриевны знакомого: вон он!

Князь

И-хм!

(Отправляется, вьется около Чацкого и покашливает.)

Княгиня

Вот то-то детки:
Им бал, а батюшка таскайся на поклон;
Танцовщики ужасно стали редки!..
Он камер-юнкер: #с003_62?

Наталья Дмитриевна

Нет.

Княгиня

Богат?

Наталья Дмитриевна

О! нет!

Княгиня(громко, что есть мочи)

Князь, князь! Назад!

явление 8

Те же и графини Хрюмины: бабушка и внучка.

Графиня внучка

Ах! grand'maman! Ну, кто так рано приезжает?
Мы первые!

(Пропадает в боковую комнату.)

Княгиня

Вот нас честит!
Вот первая, и нас за никого считает!
Зла, в девках целый век, уж бог ее простит.

Графиня внучка (вернувшись, направляет на Чацкого двойной лорнет.)

Мсьё Чацкий! вы в Москве! как были, всё такие?

Чацкий

На что меняться мне?

Графиня внучка

Чацкий

На ком жениться мне?

Графиня внучка

В чужих краях на ком?
О! наших тьма без дальних справок
Там женятся и нас дарят родством
С искусницами модных лавок.

Чацкий

Несчастные! должны ль упреки несть
От подражательниц модисткам?
За то, что смели предпочесть
Оригиналы спискам?

явление 9

Те же и множество других гостей. Между прочим Загорецкий. Мужчины являются, шаркают, отходят в сторону, кочуют из комнаты в комнату и проч. София от себя выходит, все к ней навстречу.

Графиня внучка

Eh! bon soir! vous voilà!à! Jamais trop diligente,
Vous nous donnez toujours le plaisir de l'attente[37 - А, добрый
вечер! Наконец-то вы! Вы не торопитесь и доставляете нам удовольствие ожидания
(фр.)].

Загорецкий

На завтрашний спектакль имеете билет?

София

Нет.

Загорецкий

Позвольте вам вручить, напрасно бы кто взялся
Другой вам услужить, зато
Куда я ни кидался!
В контору – все взято,
К директору, – он мне приятель, –
С зарей в шестом часу, и кстати ль!
Уж с вечера никто достать не мог;
К тому, к сему, всех сбил я с ног,
И этот наконец похитил уже силой
У одного, старик он хилый,
Мне друг, известный домосед;
Пусть дома просидит в покое.

София

Благодарю вас за билет,
А за старанье вдвое.

Являются еще кое-какие, тем временем Загорецкий отходит к мужчинам.

Загорецкий

Платон Михайлыч...

Платон Михайлович

Прочь!
Поди ты к женщинам, лги им и их морочь;
Я правду об тебе порасскажу такую,
Что хуже всякой лжи. Вот, брат,

(Чацкому)

рекомендую!
Как эдаких людей учтивее зовут?
Нежнее? – человек он светский,
Отъявленный мошенник, плут:
Антон Антоныч Загорецкий.
При нем остерегись: переносить: #с003_63 горазд,
И в карты не садись: продаст.

Загорецкий

Оригинал! брюзглив, а без малейшей злобы.

Чацкий

И оскорбляться вам смешно бы,
Окромe честности есть множество отрад:
Ругают здесь, а там благодарят.

Платон Михайлович

Ох, нет, братец! у нас ругают
Везде, а всюду принимают.

Загорецкий мешается в толпу.

явление 10

Те же и Хлѣстова.

Хлѣстова

Легко ли в шестьдесят пять лет
Тащиться мне к тебе, племянница? – Мученье!
Час битый ехала с Покровки, силы нет;
Ночь – света преставленье!
От скуки я взяла с собой
Арапку-девку да собачку;
Вели их накормить, ужо, дружочек мой,
От ужина сошли подачку.
Княгиня, здравствуйте!

(Села.)

Ну, Софьюшка, мой друг,
Какая у меня арапка для услуг:
Курчавая! горбом лопатки!
Сердитая! все ко#769;шачьи ухватки!
Да как черна! да как страшна!
Ведь создал же господь такое племя!
Черт сущий; в девичей она;
Позвать ли?

София

Нет-с; в другое время.

Хлѣстова

Представь: их как зверей выводят напоказ...
Я слышала, там... город есть турецкий...
А знаешь ли, кто мне припас?
Антон Антоныч Загорецкий.

Загорецкий выставляется вперед,

Лгунишка он, картежник, вор.

Загорецкий исчезает.

Я от него было и двери на запор;
Да мастер услужить: мне и сестре Прасковье
Двоих арапченков на ярмарке достал;
Купил, он говорит, чай, в карты сплутовал;
А мне подарочек, дай бог ему здоровье!

Чацкий(с хохотом Платону Михайловичу)

Не поздоровится от эдаких похвал,
И Загорецкий сам не выдержал, пропал.

Хлѣстова

Кто этот весельчак? Из звания какого?

София

Вон этот? Чацкий.

Хлѣстова

Ну? а что нашел смешного?
Чему он рад? Какой тут смех?
Над старостью смеяться грех.
Я помню, ты дитѣй с ним часто танцевала,
Я за уши его дирала, только мало.

явление 11

Те же и Фамусов.

Фамусов(громогласно)

Ждем князя Пѣтра Ильича,
А князь уж здесь! А я забился там, в портретной.
Где Скалозуб Сергей Сергеич? а?
Нет, кажется, что нет. – Он человек заметный –
Сергей Сергеич Скалозуб.

Хлѣстова

Творец мой! оглушил, звончее всяких труб!

явление 12

Те же и Скалозуб, потом Молчалин.

Фамусов

Сергей Сергеич, запоздали;
А мы вас ждали, ждали, ждали.

(Подводит к Хлёстовой.)

Моя невестушка, которой уж давно
Об вас говорено.

Хлёстова(сидя)

Вы прежде были здесь... в полку... в том... в гренадерском: #с003_64?

Скалозуб(басом)

В его высочества: #с003_66, хотите вы сказать,
Ново-землянском мушкетерском: #с003_65.

Хлёстова

Не мастерица я полки-то различать.

Скалозуб

А форменные есть отлички:
В мундирах выпушки: #с003_67, погончики, петлички.

Фамусов

Пойдемте, батюшка, там вас я насмешу,
Курьезный вист: #с003_68 у нас. За нами, князь! прошу.-

(Его и князя уводит с собою.)

Хлёстова(Софии)

Ух! я точнехонько избавилась от петли;
Ведь полоумный твой отец:
Дался ему трех сажень удалец,-
Знакомит, не спросясь, приятно ли нам, нет ли?

Молчалин(подает ей карту)

Я вашу партию составил: мосьё Кок,
Фома Фомич и я.

Хлёстова

Спасибо, мой дружок.

(Встает.)

Молчалин

Ваш шпиц – прелестный шпиц, не более наперстка,
Я гладил все его: как шелковая шерстка!

Хлёстова

Спасибо, мой родной.

(Уходит, за ней Молчалин и многие другие.)

явление 13

Чацкий, София и несколько посторонних, которые в продолжении расходятся.

Чацкий

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
Ну! тучу разогнал...

София

Нельзя ль не продолжать?

Чацкий

Чем вас я напугал?
За то, что он смягчил разгневанную гостью,
Хотел я похвалить.

София

А кончили бы злостью.

Чацкий

Сказать вам, что я думал? Вот:
Старушки все – народ сердитый;
Не худо, чтоб при них услужник знаменитый
Тут был, как громовой отвод.
Молчалин! – Кто другой так мирно все уладит!
Там моську вовремя погладит!
Тут в пору карточку вотрет!
В нем Загорецкий не умрет!..
Вы давеча его мне исчисляли свойства,
Но многие забыли? – да?

(Уходит.)

явление 14

София, потом Г. Н.

София(про себя)

Ах! этот человек всегда
Причиной мне ужасного расстройства!
Унизить рад, кольнуть; завистлив, горд и зол!

Г. Н.

(подходит)

Вы в размышленья.

София

Об чацком.

Г. Н.

Как его нашли по возвращенье?

София

Он не в своем уме.

Г. Н.

Ужли с ума сошел?

София(помолчавши)

Не то чтобы совсем...

Г. Н.

Однако есть приметы?

София (смотрит на него пристально)

Мне кажется.

Г. Н.

Как можно в эти леты!

София

как быть!

(В сторону.)

Готов он верить!
А, Чацкий! Любите вы всех в шуты рядить,
Угодно ль на себе примерить?

(Уходит.)

явление 15

Г. Н., потом Г. Д.

Г. Н.

С ума сошел!.. Ей кажется!.. вот на!
Недаром!.. Стало быть... с чего б взяла она!
Ты слышал?

Г. Д.

Что?

Г. Н.

Об Чацком?

Г. Д.

Что такое?

Г. Н.

С ума сошел!

Г. Д.

Пустое...

Г. Н.

Не я сказал, другие говорят.

Г. Д.

А ты расславить это рад?

Г. Н.

Пойду осведомлюсь; чай, кто-нибудь да знает.

(Уходит.)

явление 16

Г. Д., потом Загорецкий.

Г. Д.

Верь болтуну!
Услышит вздор и тотчас повторяет!
Ты знаешь ли об Чацком?

Загорецкий

Ну?

Г. Д.

С ума сошел!

Загорецкий

А! знаю, помню, слышал,
Как мне не знать? примерный случай вышел;
Его в безумные упрятал дядя-плут...
Схватили, в желтый дом, и на#769; цепь посадили.

Г. Д.

Помилуй, он сейчас здесь в комнате был, тут.

Загорецкий

Так с цепи, стало быть, спустили.

Г. Д.

Ну, милый друг, с тобой не надобно газет,
Пойду-ка я, расправлю крылья,
У всех повыспрошу; однако, чур! секрет.

явление 17

Загорецкий, потом графиня внучка.

Загорецкий

Который Чацкий тут? – Известная фамилья.
С каким-то Чацким я когда-то был знаком.–
Вы слышали об нем?

Графиня внучка

Об ком? –

Загорецкий

Об Чацком, он сейчас здесь в комнате был.

Графиня внучка

Знаю.
Я говорила с ним.

Загорецкий

Так я вас поздравляю:
Он сумасшедший...

Графиня внучка

что?

Загорецкий

Да, он сошел с ума.

Графиня внучка

Представьте, я заметила сама;
И хоть пари держать, со мной в одно вы слово.

явление 18

Те же и графиня бабушка.

Графиня внучка

Ah! grand'maman! вот чудеса! вот ново!
Вы не слышали здешних бед? –
Послушайте. Вот прелести! вот мило!..

Графиня бабушка

Мой труг, мне уши заложило;
Скаши погромче...

Графиня внучка

Время нет!

(Указывает на Загорецкого.)

историю (фр.).] Il vous dira toute l'histoire..[38 – Он расскажет вам всю
Пойду, спрошу...

(Уходит.)

явление 19

Загорецкий, графиня бабушка.

Графиня бабушка

что? что? уж нет ли здесь пошара?

Загорецкий

Нет, Чацкий произвел всю эту кутерьму.

Графиня бабушка

как, Чацкого? Кто свел в тюрьму?

Загорецкий

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
В горах изранен: #с003_69 в лоб, сошел с ума от раны.

Графиня бабушка

Что? к фармазонам: #с003_70 в клоб? Пошел он в пусурманы!

Загорецкий

Ее не вразумишь.

(Уходит.)

Графиня бабушка

Антон Антоныч! Ах!
И он пешит, все в страхе, впопыхах.

явление 20

Графиня бабушка и князь Тугоуховский.

Графиня бабушка

Князь, князь! ох, этот князь, по палам, сам чуть тышит!
Князь, слышали?–

Князь

А–хм?

Графиня бабушка

Он ничего не слышит!
Хоть, мошет, видели, здесь полицмейстер пыл?

Князь

Э–хм?

Графиня бабушка

В тюрьму–то, князь, кто Чацкого схватил?

Князь

И–хм?

Графиня бабушка

Тесак ему да ранец,
В солтаты! Шутка ли! переменял закон: #с003_71!

Князь

У–хм?

Графиня бабушка

Да!.. в пусурманах он!
Ах! окаянный волтерьянец!
Что? а? глух, мой отец; достаньте свой рошок.
Ох! глухота большой порок.

явление 21

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
Те же и Хлѣстова, София, Молчалин, Платон Михайлович, Наталья Дмитриевна,
графиня внучка, княгиня с дочерьми, Загорецкий, Скалозуб, потом фамусов и многие
другие.

Хлѣстова

С ума сошел! прошу покорно!
Да невзначай! да как проворно!
Ты, Софья, слышала?

Платон Михайлович

Кто первый разгласил?

Наталья Дмитриевна

Ах, друг мой, все!

Платон Михайлович

Ну все, так верить поневоле,
А мне сомнительно.

Фамусов (входя)

О чем? о Чацком, что ли?
Чего сомнительно? Я первый, я открыл!
Давно дивлюсь я, как никто его не свяжет!
Попробуй о властях, и нивесть что наскажет!
Чуть низко поклонись, согнись-ка кто кольцом,
Хоть пред монаршиим лицом,
Так назовет он подлецом!..

Хлѣстова

Туда же из смешливых;
Сказала что-то я – он начал хохотать.

Молчалин

Мне отсоветовал в Москве служить в Архивах.

Графиня внучка

Меня модисткою изволил величать!

Наталья Дмитриевна

А мужу моему совет дал жить в деревне.

Загорецкий

Безумный по всему.

Графиня внучка

Я видела из глаз.

Фамусов

По матери пошел, по Анне Алексевне;
Покойница с ума сходила восемь раз.

Хлѣстова

На свете дивные бывают приключенья!
В его лета с ума спрыгну!л!

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
Чай, пил не по летам.

Княгиня

О! верно...

Графиня внучка

Без сомненья.

Хлѣстова

Шампанское стаканами тянул.

Наталья Дмитриевна

Бутылками-с, и пребольшими.

Загорецкий(с жаром)

Нет-с, бочками сороковыми.

Фамусов

Ну вот! великая беда,
Что выпьет лишнее мужчина!
Ученье – вот чума, ученость – вот причина,
Что нынче, пуще, чем когда,
Безумных развелось людей, и дел, и мнений.

Хлѣстова

И впрямь с ума сойдешь от этих, от одних
От пансионеров, школ, лицеев, как бишь их,
Да от ланкартачных взаимных обучений: #с003_72.

Княгиня

Нет, в Петербурге институт
Пе-да-го-гический: #с003_73, так, кажется, зовут:
Там упражняются в расколах и в безверье
Профессоры!! – у них учился наш родня,
И вышел! хоть сейчас в аптеку, в подмастерьи.
От женщин бегают, и даже от меня!
Чинов не хочет знать! Он химик, он ботаник,
Князь Федор, мой племянник.

Скалозуб

Я вас обрадую: всеобщая молва,
Что есть проект насчет лицеев, школ, гимназий;
Там будут лишь учить по нашему: раз, два;
А книги сохранят так: для больших оказий.

Фамусов

Сергей Сергеич, нет! Уж коли зло пресечь:
Забрать все книги бы, да сжечь.

Загорецкий(с кротостию)

Нет-с, книги книгам рознь. А если б, между нами,
Был цензором назначен я,
На басни бы налег; ох! басни – смерть моя!
Насмешки вечные над львами! над орлами!
Кто что ни говори:
Хотя животные, а все-таки цари.

Хлёстова

Отцы мои, уж кто в уме расстроен,
Так все равно, от книг ли, от питья ль;
А Чацкого мне жаль.
По-христиански так, он жалости достоин:
Был острый человек, имел душ сотни три.

Фамусов

Четыре.

Хлёстова

Три, сударь.

Фамусов

Четыреста.

Хлёстова

Нет! триста.

Фамусов

В моем календаре...

Хлёстова

Всё врут календари.

Фамусов

Как раз четыреста, ох! спорить голосиста!

Хлёстова

Нет! триста! – уж чужих имений мне не знать!

Фамусов

Четыреста, прошу понять.

Хлёстова

Нет! триста, триста, триста.

явление 22

Те же все и Чацкий.

Наталья Дмитриевна

Вот он.

Графиня внучка

Шш!

Все

Шш!

(Пятятся от него в противную сторону.)

Хлёстова

Ну как с безумных глаз
Затеет драться он, потребует к разделке!

Фамусов

О господи! помилуй грешных нас!

(Опасливо.)

Любезнейший! Ты не в своей тарелке,
С дороги нужен сон. Дай пульс. Ты нездоров.

Чацкий

Да, мочи нет: мильон терзаний
Груди от дружеских тисков,
Ногам от шарканья, ушам от восклицаний,
А пуце голове от всяких пустяков.

(Подходит к Софье.)

Душа здесь у меня каким-то горем сжата,
И в многолюдстве я потерян, сам не свой.
Нет! недоволен я Москвой.

Хлёстова

Москва, вишь, виновата.

Фамусов

Подальше от него.

(Делает знаки Софии.)

Гм, Софья! – Не глядит!

София (Чацкому)

Скажите, что вас так гневит?

Чацкий

В той комнате незначащая встреча:
Французик из Бордо, надсаживая грудь,
Собрал вокруг себя род веча
И сказывал, как снаряжался в путь
В Россию, к варварам, со страхом и слезами;
Приехал – и нашел, что ласкам нет конца;
Ни звука русского, ни русского лица
Не встретил: будто бы в отечестве, с друзьями;
Своя провинция. – Посмотришь, вечером
Он чувствует себя здесь маленьким царьком;
Такой же толк у дам, такие же наряды...
Он рад, но мы не рады.
Умолк. И тут со всех сторон
Тоска, и оханье, и стон.
Ах! Франция! Нет в мире лучше края! –
Решили две княжны, сестрицы, повторяя
Урок, который им издетства натвержен.
Куда деваться от княжон! –
Я одаль воссылал желанья
Смиренные, однако вслух,
Чтоб истребил господь нечистый этот дух
Пустого, рабского, слепого подражанья;
Чтоб искру заронил он в ком-нибудь с душой,

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru

Кто мог бы словом и примером
Нас удержать, как крепкою вождой,
От жалкой тошноты по стороне чужой.
Пускай меня отъявят старовером,
Но хуже для меня наш Север во сто крат
С тех пор, как отдал все в обмен на новый лад –
И нравы, и язык, и старину святую,
И величавую одежду на другую
По шутовскому образцу:
Хвост сзади, спереди какой-то чудный выем: #с003_74,
Рассудку вопреки, наперекор стихиям;
Движенья связаны, и не краса лицу;
Смешные, бритые, седые подбородки!
Как платья, волосы, так и умы коротки!..
Ах! если рождены мы всё перенимать,
Хоть у китайцев бы нам несколько занять
Премудрого у них незнания иноземцев.
Воскреснем ли когда от чужевластья мод?
Чтоб умный, бодрый наш народ
Хотя по языку нас не считал за немцев.
«Как европейское поставить в параллель
С национальным, странно что-то!
Ну как перевести мадам и мадмуазель?
Ужли сударыня!!» – забормотал мне кто-то...
Вообразите, тут у всех
На мой же счет поднялся смех.
«Сударыня! Ха! ха! ха! ха! прекрасно!
Сударыня! Ха! ха! ха! ха! ужасно!!» –
Я, рассердясь и жизнь кляня,
Готовил им ответ громовой;
Но все оставили меня.
Вот случай вам со мною, он не новый;
Москва и Петербург – во всей России то,
Что человек из города Бордо,
Лишь рот открыл, имеет счастье
Во всех княжон вселять участие;
И в Петербурге и в Москве,
Кто недруг выписных лиц, вычур, слов кудрявых,
В чьей, по несчастью, голове
Пять, шесть найдется мыслей здравых,
И он осмелится их гласно объявлять, –
Глядь...

(Оглядывается, все в вальсе кружатся с величайшим усердием. Старики разбрелись к карточным столам.)

Действие четвертое

У Фамусова в доме парадные сени; большая лестница из второго жилья: #с003_76, к которой примыкают многие побочные из антресолей: #с003_75; внизу справа (от действующих лиц) выход на крыльцо и швейцарская ложа: #с003_77; слева, на одном же плане, комната Молчалина. Ночь. Слабое освещение. Лакеи иные суеются, иные спят в ожидании господ своих.

Явление 1

Графиня бабушка, графиня внучка, впереди их лакей.

Лакей

Графини Хрюминой карета.

Графиня внучка (покуда ее укутывают)

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
Ну бал! Ну фамусов! умел гостей назвать!
Какие-то уроды с того света,
И не с кем говорить, и не с кем танцевать.

Графиня бабушка

Поетем, матушка, мне, прафо, не под силу,
Когда-нибудь я с пала та в могилу.

Обе уезжают.

явление 2

Платон Михайлович и Наталья Дмитриевна. Один лакей около их хлопочет, другой у подъезда кричит:

Карета Горича.

Наталья Дмитриевна

Мой ангел, жизнь моя,
Бесценный, душечка, Попш, что так уныло?

(Целует мужа в лоб.)

Признайся, весело у фамусовых было.

Платон Михайлович

Наташа-матушка, дремлю на ба#769;лах я,
До них смертельный неохотник,
А не противлюсь, твой работник,
Дежурю за#769; полночь, подчас
Тебе в угодность, как ни грустно,
Пускаюсь по команде в пляс.

Наталья Дмитриевна

Ты притворяешься, и очень неискусно;
Охота смертная прослыть за старика.

(Уходит с лакеем.)

Платон Михайлович (хладнокровно)

Бал вещь хорошая, неволя-то горька;
И кто жениться нас неволит!
Ведь сказано ж иному на роду...

лакей(с крыльца)

В карете барыня-с, и гневаться изволит.

Платон Михайлович

(со вздохом)

Иду, иду.

(Уезжает.)

явление 3

Чацкий и лакей его впереди

Чацкий

Кричи, чтобы скорее подавали.

Лакей уходит.

Ну вот и день прошел, и с ним
Все призраки, весь чад и дым
Надежд, которые мне душу наполняли.
Чего я ждал? что думал здесь найти?
Где прелесть эта встреч? участие в ком живое?
Крик! радость! обнялись! – Пустое.
В повозке так-то на пути
Необозримую равниной, сидя празднo,
Все что-то видно впереди
Светло, синё, разнообразно;
И едешь час и два, день целый; вот резво
Домчались к отдыху; ночлег: куда ни взглянешь,
Все та же гладь и степь, и пусто и мертво!..
Досадно, мочи нет, чем больше думать станешь.

Лакей возвращается.

Готово?

Лакей

Кучера-с нигде, вишь, не найдут.

Чацкий

Пошел, ищи, не ночевать же тут.

Лакей опять уходит.

Явление 4

Чацкий, Репетилов (вбегает с крыльца, при самом входе падает со всех ног и поспешно оправляется).

Репетилов

Тьфу! оплошал. – Ах, мой создатель!
Дай протереть глаза; откуда? приятель!..
Сердечный друг! Любезный друг! Mon cher! [39 – Мой милый! (фр.).]
Вот фарсы: #с003_78 мне как часто были петы,
Что пустомеля я, что глуп, что суевер,
Что у меня на все предчувствия, приметы;
Сейчас... растолковать прошу,
Как будто знал, сюда спешу,
Хвать, об порог задел ногою
И растянулся во весь рост.
Пожалуй, смейся надо мною,
Что Репетилов врет, что Репетилов прост,
А у меня к тебе влечение, род недуга,
Любовь какая-то и страсть,
Готов я душу прозакласть,
Что в мире не найдешь себе такого друга,
Такого верного, ей-ей;
Пускай лишусь жены, детей,
Оставлен буду целым светом,
Пускай умру на месте этом
И разразит меня господь...

Чацкий

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
Да полно вздор молоть.

Репетилов

Не любишь ты меня, естественное дело:
С другими я и так и сяк,
С тобою говорю несмело,
Я жалок, я смешон, я неуч, я дурак.

Чацкий

Вот странное уничижение! –

Репетилов

Ругай меня, я сам клянусь свое рождение,
Когда подумаю, как время убивал!
Скажи, который час?

Чацкий

Час ехать спать ложиться;
Коли явился ты на бал,
Так можешь воротиться.

Репетилов

Что бал? братец, где мы всю ночь до бела дня,
В приличьях скованы, не вырвемся из ига,
Читал ли ты? есть книга...

Чацкий

А ты читал? задача для меня,
Ты Репетилов ли?

Репетилов

Зови меня вандалом:
Я это имя заслужил.
Людьми пустыми дорожил!
Сам бредил целый век обедом или балом!
Об детях забывал! обманывал жену!
Играл! проигрывал! в опеку: #с003_79 взят указом.
Танцовщицу держал! и не одну:
Трех разом!
Пил мертвую! не спал ночей по девяти!
Все отвергал: законы! совесть! веру!

Чацкий

Послушай! ври, да знай же меру;
Есть от чего в отчаянье прийти.

Репетилов

Поздравь меня, теперь с людьми я знаюсь
С умнейшими!! – всю ночь не рыщу напролет.

Чацкий

Вот нынче, например?

Репетилов

Что? ночь одна, – не в счет,
Зато спроси, где был?

Чацкий

И сам я догадаюсь.
Чай, в клубе?

Репетилов

В Английском. Чтоб исповедь начать:
Из шумного я заседанья.
Пожалуйста молчи, я слово дал молчать;
У нас есть общество, и тайные собранья
По четвергам. Секретнейший союз...

Чацкий

Ах! я, братец, боюсь.
Как? в клубе?

Репетилов

Именно.

Чацкий

Вот меры чрезвычайны,
Чтоб взаи#769;шеи прогнать и вас, и ваши тайны.

Репетилов

Напрасно страх тебя берет,
Вслух, громко говорим, никто не разберет.
Я сам, как схватятся о камерах: #с003_80, присяжных,
Об Бейроне, ну об матерях важных,
Частенько слушаю, не разжимая губ;
Мне не под силу, брат, и чувствую, что глуп.
Ах! Alexandre! у нас тебя недоставало;
Послушай, миленький, потешь меня хоть мало,
Поедем-ка сейчас: мы, благо, на ходу;
С какими я тебя сведу
Людьми!!! уж на меня нисколько не похожи!
Что за#769; люди, mon cher! Сок умной молодежи! –

Чацкий

Бог с ними и с тобой. Куда я поскачу?
Зачем? в глухую ночь? Домой, я спать хочу.

Репетилов

Э! брось! кто нынче спит? Ну полно, без прелюдий,
Решись, а мы!.. у нас... решительные люди,
Горячих дюжина голов!
Кричим – подумаешь, что сотни голосов!..

Чацкий

Да из чего беснуетесь вы столько?

Репетилов

Шумим, братец, шумим...

Чацкий

Шумите вы? и только?

Репетилов

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru

Не место объяснять теперь и недосуг,
Но государственное дело:
Оно, вот видишь, не созрело,
Нельзя же вдруг.
Что за люди! топ шер! Без дальних я историй
Скажу тебе: во-первых, князь Григорий!!
Чудак единственный! нас со#769; смеху морит!
Век с англичанами, вся а#769;нглийская складка,
И так же он сквозь зубы говорит,
И так же коротко обстрижен для порядка.
Ты не знаком? о! познакомься с ним.
Другой – Воркулов Евдоким;
Ты не слышал, как он поет? о! диво!
Послушай, милый, особливо
Есть у него любимое одно:
«А! нон лашьяр ми, но, но, но»: #с003_81
Еще у нас два брата:
Левон и Боринька, чудесные ребята!
Об них не знаешь, что сказать;
Но если геня прикажете назвать:
Удушьев Ипполит Маркелыч!!!
Ты сочинения его
Читал ли что-нибудь? хоть мелочь?
Прочти, братец, да он не пишет ничего;
Вот эдаких людей бы сечь-то,
И приговаривать: писать, писать, писать;
В журналах можешь ты однако отыскать
Его отрывок, взгляд и нечто: #с003_82.
Об чем бишь нечто? – обо всем;
Все знает, мы его на черный день пасем.
Но голова у нас, какой в России нету,
Не надо называть, узнаешь по портрету:
Ночной разбойник, дуэлист,
В Камчатку сослан был, вернулся алеутом: #с003_83,
И крепко на руку нечист;
Да умный человек не может быть не плутом.
Когда ж об честности высокой говорит,
Каким-то демоном внушаем:
Глаза в крови, лицо горит,
Сам плачет, и мы все рыдаем.
Вот люди, есть ли им подобные? Навряд..
Ну, между ими я, конечно, зауряд,
Немного поотстал, ленив, подумать ужас!
Однако ж я, когда, умишком понатужась,
Засяду, часу не сию,
И как-то невзначай, вдруг каламбур рожу.
Другие у меня мысль эту же подцепят
И вшестером, глядь, водевильчик слепят,
Другие шестеро на музыку кладут,
Другие хлопают, когда его дают.
Брат, смейся, а что любо, любо:
Способностями бог меня не наградил,
Дал сердце доброе, вот чем я людям мил,
Совру – простят...

Лакей(у подъезда)

Карета Скалозуба.

Репетилов

чья?

явление 5

Те же и Скалозуб, спускается с лестницы.

Репетилов(к нему навстречу)

Ах! Скалозуб, душа моя,
Постой, куда же? сделай дружбу.

(Душит его в объятиях.)

Чацкий

Куда деваться мне от них!

(Входит в швейцарскую.)

Репетилов(Скалозубу)

Слух об тебе давно затих,
Сказали, что ты в полк отправился на службу,
Знакомы вы?

(Ищет Чацкого глазами.)

Упрямец! ускакал!
Нет ну#769;жды, я тебя нечаянно сыскал,
И просим-ка со мной, сейчас без отговорок:
У князь-Григория теперь народу тьма,
Увидишь человек нас сорок,
Фу! сколько, братец, там ума!
Всю ночь толкуют, не наскучат,
Во-первых, напоят шампанским на убой,
А во-вторых, таким вещам научат,
Каких, конечно, нам не выдумать с тобой.

Скалозуб

Избавь. Ученостью меня не обморочишь,
Скликай других, а если хочешь,
Я князь-Григорию и вам
фельдфебеля в Волтеры дам,
Он в три шеренги вас построит,
А пикните, так мигом успокоит.

Репетилов

Все служба на уме! Моп шер, гляди сюда:
И я в чины бы лез, да неудачи встретил,
Как, может быть, никто и никогда;
По статской я служил, тогда
Барон фон Клоц: #с003_84 в министры метил,
А я –
К нему в зятя.
Шел напрямик без дальней думы,
С его женой и с ним пускался в реверси: #с003_85,
Ему и ей какие суммы
Спустил, что боже упаси!
Он на фонтанке жил, я возле дом построил,
С колоннами! огромный! сколько стоил!
Женился наконец на дочери его,
Приданого взял – шиш, по службе – ничего.
Тесть немец, а что проку? –
Боялся, видишь, он упреку
За слабость будто бы к родне!
Боялся, прах его возьми, да легче ль мне?
Секретари его все хамы, все продажны,
Людишки, пишущая тварь,
Все вышли в знать, все нынче важны,
Гляди-ка в адрес-календарь.
ТЬфу! служба и чины, кресты – души мытарства,

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
Лахмотьев Алексей чудесно говорит,
Что радикальные потребны тут лекарства,
Желудок дольше не варит.

(Останавливается, увидя, что Загорецкий заступил место Скалозуба, который покуда уехал.)

Явление 6

Репетилов, Загорецкий.

Загорецкий

Извольте продолжать, вам искренно признаюсь,
Такой же я, как вы, ужасный либерал!
И от того, что прямо и смело объясняюсь,
Куда как много потерял!..

Репетилов(с досадой)

Все врознь, не говоря ни слова;
Чуть и#769;з виду один, гляди – уж нет другого.
Был Чацкий, вдруг исчез, потом и Скалозуб.

Загорецкий

Как думаете вы об Чацком?

Репетилов

Он не глуп,
Сейчас столкнулись мы, тут всякие турысы,
И дельный разговор зашел про водевиль.
Да! водевиль есть вещь, а прочее все гиль.
Мы с ним... у нас... одни и те же вкусы.

Загорецкий

А вы заметили, что он
В уме серьезно поврежден?

Репетилов

Какая чепуха!

Загорецкий

Об нем все этой веры.

Репетилов

Вранье.

Загорецкий

Спросите всех.

Репетилов

Химеры.

Загорецкий

А кстати, вот князь Петр Ильич,
Княгиня и с княжнами.

Репетилов

Дичь.

явление 7

Репетилов, Загорецкий, князь и княгиня с шестью дочерьми, немного погодя Хлёстова спускается с парадной лестницы, Молчалин ведет ее под руку. Лакеи в суетах.

Загорецкий

Княжны, пожалуйста, скажите ваше мнение,
Безумный Чацкий или нет?

1-я княжна

Какое ж в этом есть сомнение?

2-я княжна

Про это знает целый свет.

3-я княжна

Дрянские, Хворовы, Варляньские, Скачковы.–

4-я княжна

Ах! вести старые, кому они новы?;

5-я княжна

Кто сомневается?

Загорецкий

Да вот не верит...

6-я княжна

Вы!

Все вместе

Мсьё Репетилов! Вы! Мсьё Репетилов! что вы!
Да как вы! Можно ль против всех!
Да почему вы? стыд и смех.

Репетилов(затыкает себе уши)

Простите, я не знал, что это слишком гласно.

Княгиня

Еще не гласно бы, с ним говорить опасно,
Давно бы запереть пора,
Послушать, так его мизинец
Умнее всех, и даже князь-Петра!
Я думаю, он просто якобинец: #с003_86,
Ваш Чацкий!!!. Едемте. Князь, ты везти бы мог
Катишь или Зизи, мы сядем в шестиместной.

Хлёстова(с лестницы)

Княгиня, карточный должок.

Княгиня

За мною, матушка.

Все(друг другу)

Прощайте

Княжеская фамилия уезжает и Загорецкий тоже.

явление 8

Репетилов, Хлёстова, Молчалин.

Репетилов

Царь небесный!
Амфиса Ниловна! Ах! Чацкий! бедный! вот!
Что наш высокий ум! и тысяча забот!
Скажите, из чего на свете мы хлопочем!

Хлёстова

Так бог ему судил; а впрочем
Полечат, вылечат авось;
А ты, мой батюшка, неисцелим, хоть брось.
Изволил вовремя явиться! –
Молчалин, вон чуланчик твой,
Не нужны проводы, поди, господь с тобой.

Молчалин уходит к себе в комнату.

Прощайте, батюшка; пора перебеситься.

(Уезжает.)

явление 9

Репетилов с своим лакеем.

Репетилов

Куда теперь направить путь?
А дело уж идет к рассвету.
Поди, сажай меня в карету,
Вези куда-нибудь.

(Уезжает.)

явление 10

Последняя лампа гаснет

Чацкий(выходит из швейцарской)

Что это? слышал ли моими я ушами!
Не смех, а явно злость. Какими чудесами,
Через какое колдовство
Нелепость обо мне все в голос повторяют!
И для иных как словно торжество,
Другие будто страдают...

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru

О! если б кто в людей проник:
Что хуже в них? душа или язык?
Чье это сочиненье!
Поверили глупцы, другим передают,
Старухи вмиг тревогу бьют –
И вот общественное мнение!
И вот та родина.. Нет, в нынешний приезд,
Я вижу, что она мне скоро надоест.
А Софья знает ли? – Конечно, рассказали,
Она не то чтобы мне именно во вред
Потешилась, и правда или нет –
Ей всё равно, другой ли, я ли,
Никем, по совести, она не дорожит.
Но этот обморок? беспамятство откуда?? –
Нерв избалованность, причуда, –
возбудит малость их и малость утишит, –
я признаком почел живых страстей. – Ни крошки:
Она, конечно бы, лишилась так же сил,
Когда бы кто-нибудь ступил
На хвост собачки или кошки.

София(над лестницей во втором этаже, со свечкою)

Молчалин, вы?

(Поспешно опять дверь припирает.)

Чацкий

Она! она сама!
Ах! голова горит, вся кровь моя в волненье.
Явилась! нет ее! неужели в виденье?
Не впрямь ли я сошел с ума?
К необычности я точно приготовлен;
Но не виденье тут, свиданья час условлен.
К чему обманывать себя мне самого?
Звала Молчалина, вот комната его.
Лакей его

(с крыльца)

Каре...

Чацкий

Сс!

(Выталкивает его вон)

Буду здесь, и не смыкаю глазу,
Хоть до утра. Уж коли горе пить,
Так лучше сразу,
Чем медлить, – а беды медленьем не избыть.

Дверь отворяется.

(Прячется за колонну.)

явление 11

Чацкий спрятан, Лиза со свечкой

Лиза

Ах! мочи нет! робею:
В пустые сени! в ночь! боишься домовых,

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
Боишься и людей живых.
Мучительница-барышня, бог с нею.
И Чацкий, как бельмо в глазу;
Вишь, показался ей он где-то здесь внизу.

(Осматривается.)

Да! как же? по сениям бродить ему охота!
Он, чай, давно уж за ворота,
Любовь на завтра поберег,
Домой, и спать залег.
Однако велено к сердечному толкнуться.

(Стучится к Молчалину.)

Послушайте-с. Извольте-ка проснуться.
Вас кличет барышня, вас барышня зовет.
Да поскорей, чтоб не застали.

явление 12

Чацкий за колонною, Лиза, Молчалин (потягивается и зевает). София (крадется сверху).

Лиза

Вы, сударь, камень, сударь, лед.

Молчалин

Ах! Лизанька, ты от себя ли?

Лиза

От барышни-с.

Молчалин

Кто б отгадал,
Что в этих щечках, в этих жилках
Любви еще румянец не играл!
Охота быть тебе лишь только на посылках?

Лиза

А вам, искателям невест,
Не нежиться и не зевать бы;
Пригож и мил, кто недоест
И недоспит до свадьбы.

Молчалин

Какая свадьба? с кем?

Лиза

А с барышней?

Молчалин

Поди,
Надежды много впереди,
Без свадьбы время проволом́чим.

Лиза

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
что вы, сударь! да мы кого ж
Себе в мужа другого прочим?

Молчалин

Не знаю. А меня так разбирает дрожь,
И при одной я мысли трушу,
Что Павел Афанасьич раз
Когда-нибудь поймает нас,
Разгонит, проклянет!.. Да что? открыть ли душу?
Я в Софье Павловне не вижу ничего
Завидного. Дай бог ей век прожить богато,
Любила Чацкого когда-то,
Меня разлюбит, как его.
Мой ангельчик, желал бы вполонину
К ней то же чувствовать, что чувствую к тебе;
Да нет, как ни твержу себе,
Готовлюсь нежным быть, а свижусь – и простыну.

София(в сторону)

Какие низости!

Чацкий(за колонною)

Подлец!

Лиза

И вам не совестно?

Молчалин

Мне завещал отец:
Во-первых угождать всем людям без изъятья –
Хозяину, где доведется жить,
Начальнику, с кем буду я служить,
Слуге его, который чистит платья,
Швейцару, дворнику, для избежанья зла,
Собаке дворника, чтоб ласкова была.

Лиза

Сказать, сударь, у вас огромная опека!

Молчалин

И вот любовника я принимаю вид
В угодность дочери такого человека...

Лиза

Который кормит и поит,
А иногда и чином подарит?
Пойдемте же, довольно толковали.

Молчалин

Пойдем любовь делить плачевной нашей крали.
Дай обниму тебя от сердца полноты.
Лиза не дается
Зачем она не ты!

(Хочет идти, София не пускает.)

София(почти шепотом, вся сцена вполголоса)

Нейдите далее, наслушалась я много,
Страница 88

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
Ужасный человек! себя я, стен стыжусь.

Молчалин

Как! Софья Павловна...

София

Ни слова, ради бога,
Молчите, я на все решусь.

Молчалин(бросается на колена, София отталкивает его)

Ах! вспомните! не гневайтесь, взгляните!..

София

Не помню ничего, не докучайте мне,
Воспоминания! как острый нож оне.

Молчалин(ползает у ног ее)

Помилуйте...

София

Не подличайте, встаньте,
Ответа не хочу, я знаю ваш ответ,
Солжете...

Молчалин

Сделайте мне милость...

София

Нет. Нет. Нет.

Молчалин

Шутил, и не сказал я ничего, окро#769;ме...

София

Отстаньте, говорю, сейчас,
Я криком разбужу всех в доме
И погублю себя и вас.

Молчалин встает.

Я с этих пор вас будто не знавала.
Упреков, жалоб, слез моих
Не смейте ожидать, не стоите вы их;
Но чтобы в доме здесь заря вас не застала,
Чтоб никогда об вас я больше не слыхала.

Молчалин

Как вы прикажете!

София

Иначе расскажу
Всю правду батюшке, с досады.
Вы знаете, что я собой не дорожу.
Подите. – Стойте, будьте рады,
Что при свиданиях со мной в ночной тиши
Держались более вы робости во нраве,

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
Чем даже днем, и при людях, и въяве;
В вас меньше дерзости, чем кривизны души.
Сама довольна тем, что ночью все узнала,
Нет укоряющих свидетелей в глазах,
Как давеча, когда я в обморок упала,
Здесь Чацкий был...

Чацкий(бросается между ими)

Он здесь, притворщица!

Лиза и София

Ах! Ах!..

Лиза свечку роняет с испугу; Молчалин скрывается к себе в комнату.

явление 13

Те же, кроме Молчалина

Чацкий

Скорее в обморок, теперь оно в порядке,
Важнее давешной причина есть тому,
Вот наконец решение загадке!
Вот я пожертвован кому!
Не знаю, как в себе я бешенство умерил!
Глядел, и видел, и не верил!
А милый, для кого забыт
И прежний друг, и женский страх и стыд, –
За двери прячется, боится быть в ответе.
Ах! как игру судьбы постичь?
Людей с душой гонительница, бич! –
Молчалины блаженствуют на свете!

София(вся в слезах)

Не продолжайте, я виню себя кругом.
Но кто бы думать мог, чтоб был он так коварен!

Лиза

Стук! шум! ах! боже мой! сюда бежит весь дом.
Ваш батюшка вот будет благодарен.

явление 14

Чацкий, София, Лиза, Фамусов, толпа слуг со свечами.

Фамусов

Сюда! за мной! скорей! скорей!
Свечей побольше, фонарей!
Где домовые? Ба! знакомые всё лица!
Дочь, Софья Павловна! страмница!
Бесстыдница! где! с кем! Ни дать ни взять она,
Как мать ее, покойница жена.
Бывало, я с дражайшей половиной
Чуть врознь – уж где-нибудь с мужчиной!
Побойся бога, как? чем он тебя прельстил?
Сама его безумным называла!
Нет! глупость на меня и слепота напала!
Все это заговор, и в заговоре был

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
Он сам и гости все. За что я так наказан!..

Чацкий(Софии)

Так этим вымыслом я вам еще обязан?

Фамусов

Брат, не финти, не дамся я в обман,
Хоть подеретесь, не поверю.
Ты, филька, ты прямой чурбан,
В швейцары произвел ленивую тетерю,
Не знает ни про что, не чует ничего.
Где был? куда ты вышел?
Сеней не запер для чего?
И как не досмотрел? и как ты не дослышал?
В работу вас, на поселенье вас: #с003_87:
За грош продать меня готовы.
Ты, быстроглазая, все от твоих проказ;
Вот он, Кузнецкий мост, наряды и обновы;
Там выучилась ты любовников сводить,
Постой же, я тебя исправлю:
Изволь-ка в и#769;збу, марш за птицами ходить;
Да и тебя, мой друг, я, дочка, не оставлю,
Еще дни два терпение возьми:
Не быть тебе в Москве, не жить тебе с людьми;
Подальше от этих хватов,
В деревню, к тетке, в глушь, в Саратов,
Там будешь горе горевать,
За пядями сидеть, за святцами зевать.
А вас, суда#769;рь, прошу я толком
Туда не жаловать ни прямо, ни проселком;
И ваша такова последняя черта,
Что, чай, ко всякому дверь будет заперта:
Я постараюсь, я, в набат я приударю,
По городу всему наделаю хлопот,
И оглашу во весь народ:
В Сенат подам, министрам, государю.

Чацкий(после некоторого молчания)

Не образумлюсь... виноват,
И слушаю, не понимаю,
Как будто все еще мне объяснить хотят,
Растерян мыслями... чего-то ожидаю.

(С жаром.)

Слепец! я в ком искал награду всех трудов!
Спешил!.. летел! дрожал! вот счастье, думал, близко.
Пред кем я давеча так страстно и так низко
Был расточитель нежных слов!
А вы! о боже мой! кого себе избрали?
Когда подумаю, кого вы предпочли!
Зачем меня надеждой завлекли?
Зачем мне прямо не сказали,
Что все прошедшее вы обратили в смех?!
Что память даже вам постыла
Тех чувств, в обоих нас движений сердца тех,
Которые во мне ни даль не охладил,
Ни развлечения, ни перемена мест.
Дышал и ими жил, был занят непрерывно!
Сказали бы, что вам внезапный мой приезд,
Мой вид, мои слова, поступки – все противно,
Я с вами тотчас бы сношения пресек
И перед тем, как навсегда расстаться,
Не стал бы очень добираться,
Кто этот вам любезный человек?..

(Насмешливо.)

Вы помиритеcь с ним, по размышленье зрелом.
Себя крушить, и для чего!
Подумайте, всегда вы можете его
Беречь, и пеленать, и спосылать за делом.
Муж-мальчик, муж-слуга, из жениных пажей –
Высокий идеал московских всех мужей.–
Довольно!.. с вами я горжусь моим разрывом.
А вы, сударь отец, вы, страстные к чинам:
Желаю вам дремать в неведение счастливом,
Я сватаньем моим не угрожаю вам.
Другой найдется благодетель,
Низкопоклонник и делец,
Достоинствами наконец
Он будущему тестю равный.
Так! отрезвился я сполна,
Мечтанья с глаз долой – и спала пелена;
Теперь не худо б было сряду
На дочь, и на отца,
И на любовника-глупца,
И на весь мир излить всю желчь и всю досаду.
С кем был! Куда меня закинула судьба!
Все гонят! все клянут! Мучителей толпа,
В любви предателей, в вражде неутомимых,
Рассказчиков неукротимых,
Нескладных умников, лукавых простяков,
Старух зловещих, стариков,
Дряхлеющих над выдумками, вздором, –
Безумным вы меня прославили всем хором!
Вы правы: из огня тот выйдет невредим,
Кто с вами день пробыть успеет,
Подышит воздухом одним,
И в нем рассудок уцелеет.
Вон из Москвы! сюда я больше не ездук.
Бегу, не оглянусь, пойду искать по свету,
Где оскорбленному есть чувству уголок!..
Карету мне, карету!

(Уезжает.)

явление 15

Кроме Чацкого

Фамусов

Ну что? не видишь ты, что он с ума сошел?
Скажи сурьезно:
Безумный! что он тут за чепуху молот!
Низкопоклонник! тесть! и про Москву так грозно!
А ты меня решилаcь уморить?
Моя судьба еще ли не плачевна?
Ах! боже мой! что станет говорить: #с003_88
Княгиня Марья Алексевна!

<1820–1824>

Комедии. Драматические сцены

Молодые супруги: #с004001

Комедия в одном действии, в стихах

ДЕЙСТВУЮЩИЕ:

Арист.

Эльмира.

Сафир.

Гостиная в Аристовом доме.

Явление первое

Арист(входит)

Сегодня завернул некстати я домой:
Придется утро все беседовать с женой.
Какие странности! люблю ее по чести,
Меж тем приятнее, когда мы с ней не вместе.
Однако впервые не мною найдено,
Что вскоре надоест одно и все одно.

Явление второе

Арист и Эльмира, в простом утреннем платье.

Эльмира

А! здравствуй, милый мой, здоров ли?

Арист

Понемногу.
А ты здорова ли, мой друг?

Эльмира

я слава богу.

Арист(в сторону)

Веселый разговор.

(Вслух.)

Скажи, ужли опять
Ты не намерена сегодня выезжать?
Как взаперти пробыть весь день – не понимаю.

Эльмира

Свой дом всем прочим я домам предпочитаю.

Арист

Но прежде отчего езжала всюду ты?
И ныне способы к тому не отняты.

Эльмира

Веселость светская меня к себе манила,

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
Когда я дней моих тебе не посвятила;
Большой же ныне свет мне стал казаться мал.

Арист

Но отчего же я от света не отстал,
А дорожу тобой все более и боле?

Эльмира

Пожалуй, выезжать я буду поневоле.

Арист

Притом и не видать в тебе талантов тех,
Которыми сперва обворожала всех.
Поверь, со стороны об этом думать можно,
Что светских девушек образование ложно,
Невинный вымысел, уловка матерей,
Чтобы избавиться от зрелых дочерей;
Без мыслей матушка проронит два, три слова,
Что дочка будто ей дарит рисунок новый,
Едва льзя выпросить на диво посмотреть.
Выносят наконец ландшафт или портрет,
С восторгом все кричат: возможно ль, как вы скро́мны! –
А чай, работали художники наемны.
Потом красавица захочет слух прельщать, –
За фортепяны; тут не смеют и дышать,
Дивятся, ахают руке столь беглой, гибкой,
Меж тем учитель ей подлаживает скрипкой;
Потом влюбленного как в сети завлекли,
В загоне живопись, а инструмент в пыли.
Все это сказано меж нами не для ссоры.

Эльмира

Заслуживаю ль я подобные укоры?
Я думала, к пенью́ прошла моя пора;
В угодность же тебе я буду петь с утра,
На бале проведу всю ночь.

Арист

Забудем это,
Помыслим о другом. – Уже подходит лето,
Какие меры брать располагаешь ты?

Эльмира

Какие могут быть тобою приняты.

Арист

Оставим городской шум вечный, пыль и сплетни,
На даче проведем мы ясные дни летни.

Эльмира

Пожалуй.

Арист

Но боюсь, нескромен сей приют:
Непрошеные нас близ города найдут,
Притом соседство там ужасно как наскучит

Эльмира

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
Куда ж поедем мы?

Арист

Меня страх это мучит.
В скитаньях провести нам лето как-нибудь.

Эльмира

На все согласна я.

Арист

Куда ж направим путь:
В Крым или на Кавказ?

Эльмира

Куда тебе угодно.

Арист

Куда угодно мне – вот это бесподобно!
Я мнение твое желаю знать давно,
Чего б хотела ты?

Эльмира

Мне, право, все равно.

Арист

Так, видно, далее не ехать нам заставы.

Эльмира

Везде, где вместе мы, мне радость и забавы!
Я, право, завсегда стараюсь угадать
Все то, что мысленно ты можешь пожелать.

Арист

И я признателен.

Эльмира

Нет! я так замечала,
Что скучно все тебе.

Арист

Мне скучно?

Эльмира

Да.

Арист

Нимало.

Эльмира

По крайней мере, мне казалось иногда,
Что, сидя ты со мной, не в духе...

Арист

Эльмира

О, если б ложные мне виделись приметы!

Арист

я рад с тобою быть... однако где газеты?

(В сторону.)

Над ними все-таки пристойнее зевать.

Эльмира

Он занят чтением, мне тоже книгу взять.

Явление третье

Прежние и Сафир.

Сафир

За чтением муж с женой, вид важный и степенный!!
Примерная чета! боюсь, нецененно.

Арист

Ах! как ты мил, Сафир, что вспомнил обо мне,
Мы утро целое с женой наедине.

Сафир

Не позволительно и утренней порою
Скучать, любезный мой, с супругой молодою.

Эльмира

Мой муж ведомостями был занят, а не мной.

Арист

Что рано с балу так уехал ты домой?
Досадно, по тебе мы поздно спохватились.

Сафир

Я крепко задремал.

Арист

А мы так всё резвились.
В Аглаю, знаешь, как Сердоликов: #с004001_1 влюблен?
Я настоял на том, чтобы взбесился он:
С Аглаей все шептал и танцевал нарочно,
А он краснел, бледнел, дрожал, ворчал, ну точно
Не раз обманутый ревнивый на часах.

Сафир

С Аглаей всякому легко быть в дураках.

Арист

Везде, где только бал, она необходима.

Эльмира(в сторону)

А я здесь лишняя.

(Уходит.)

Явление четвертое

Арист и Сафир.

Сафир

Теперь об этом мимо;
В присутствии жены поосторожней будь.
Ба! да она ушла.

Арист

Бог с ней, счастливый путь.

Сафир

Не совестно ль тебе с женою столько нежной
Вести себя, как ты, так сухо, так небрежно?

Арист

Да, очень совестно; пожалуй, побрани.

Сафир

В уединении она проводит дни,
До утра твоего ждет с бала возвращенья.

Арист

А мне что за нужда? Какие утешенья!
Что с ней я, что один, не все ли мне равно?
Хожу по комнате, глазею с час в окно;
Скажу ей что-нибудь – она мне потакает,
И речь в устах моих, не кончась, замирает.
У нас с Эльмирою эмблемой приняты
Не розы, мой друг, а маковы цветы: #с004001_2.

Сафир

И тягостно тебе согласие домашне?

Арист

Да, сударь, тягостно согласие всегдашне.
Зачем она молчит и убегает свет?
Причиной спесь иль лень? Ума в ней, что ли, нет?
О! пропасть в ней ума, но кто про это знает?
И дарований тьма – она их все скрывает;
Прекрасная собой – одета не к лицу!..
Я впрямь был вне себя, когда мы шли к венцу,
Как в первый раз меня Эльмира обнимала!..
Немые ласки те божественны сначала,
А в продолжении весьма надоедят.

Сафир

Иной подумает, что ты давно женат.

Арист

По справедливости, три месяца – три века!..
С Эльмирой можно близ тенистого просека,
Под свесом липовым, на бархатном лужку
Любиться, нежиться, как надо пастушку,
И таять весь свой век в безмолвье неразлучно.
Все это весело в стихах, а в прочем скучно.

Сафир

Ты прав, на что она скромна, тиха, мила?
Нет, лучше, чтоб она кокеткою была.

Арист

Кокетка!.. Знаешь ли, ужасно только слово.

Сафир

Кроме значения, нет ничего худого.

Арист

Пусть ищет нравиться моя Эльмира всем,
Но любит лишь меня, и я доволен тем.

Сафир

Ах! убегая раз она домашней сени,
Тобою занята гораздо будет меней,
Потом, как врозь она привыкнет быть с тобой,
Немудрено, что ей понравится другой.
Потом – как раза два она тебя обманет,
Глядь, в очередь свою виновной охать станет.

Арист

Мой будущий удел я знаю наперед;
В наш век степенница по свадьбе через год
Берет любовника – единобразье скучно,
И муж на то глядеть обязан равнодушно.
Все это сбыточно, все это быть должно
Со мною, как с другим, – так раз заведено.
Однако до тех пор хотел бы я в Эльмире
Все видеть способы искусства, средства в мире
Рядиться, нравиться, приятной, ловкой быть,
А более еще, чтоб таковой прослыть;
Чтоб рой любовников при ней был ежечасно,
Но ею пре#769;зренный, рой жалкий и несчастный!
А я бы думать мог, на этот рой смотря:
Старайтесь круг ее, а наслаждаюсь я!

Сафир

Ребячество, мой друг, ребячество большое.
И скрашивать на что суждение пустое?
Скажи, что молод ты супругом путным быть,
Не в силах качества жены своей ценить.

Арист

Любовь моя к жене род страсти, обожанье!..
Постой, да ныне мне назначено свиданье.
Прощай, любезный мой.

Сафир

С Аглаей?

Арист

Точно так.

Сафир

Ну можно ль предпочесть ее жене?

Арист

Никак.
Я знаю, что жене супруги должность свята,
А у вертушки той я, может быть, десятый;
Но с нею в забвении я время провожу,
С женою ж разговор едва ли нахожу;
И наконец тебе доверить можно смело,
Что ныне, как в суде мое решают дело
И, может, приберут имение к рукам,
Я, вместо чтоб скакать по стряпчим, по судам,
Платить и кланяться, – к прелестнице поеду,
А ты покуда здесь останься, проповедай!

(Уходит.)

Сафир

Пооди, сударь, к жене. – Вот суший ветрогон!
Чему ж дивиться нам, что мало верных жен.

Явление пятое

Сафир и Эльмира, одетая с бо́льшим вкусом, чем прежде.

Эльмира

Мне споры ваши все из спальни были слышны.
К увещанию слова, труды излишни,
И горести мои известны вам одним.
Я опасалась в них довериться родным,
Чтоб не доставить тем худой Аристу славы.

Сафир

Он виноват кругом, но вовсе ли вы правы?

Эльмира

Уж вы все знаете, судите вы меня.
С тех пор, как я за ним, доселе, несмотря
На частые его отсутствия, холодность,
Я делаю ли что Аристу в неугодность?
Противуречу ли, мешаю ль в чем-нибудь?
Иль жалуюсь когда, ропщу? Ах! нет, отнюдь;
Я одобряю все, что нужным он находит,
Не спрашиваю, где он дни свои проводит;
Что б ни задумал он, я перед ним молчу,
И воли собственной иметь я не хочу.
Вот все вины мои.

Сафир

И что же? очень худо.
Где нет взаимности, рождается острада;
Ее же претворит один мертвящий взор
Любовь в раскаянье, согласие в раздор

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
И цепь цветочную в железные оковы;
Примеры этому и многи, и не новы.

Эльмира

Итак, не до#769;жно мне покорной мужу быть?

Сафир

Нет, дайте мне сполна вам это объяснить.
Тот муж, мы, например, каким Ариста знаем.
Уверенный, что он женою обожаем,
Что ясных дней его ничто не помрачит,
В беспечности благой живет, как сибарит;
Вседневны ласки он с холодностью приемлет;
Взаимность райская утихнет и задремлет;
Ему ничто не впрок и чужд сердечный страх.
Нет! постарайтесь быть хотя в его глазах
Вы легкомысленней и больше прихотливы;
Увидите, какой он будет боязливый.
Едва опомнится, что может потерять
Блаженство, коим стал он так пренебрегать,
С супругой-ангелом в любви минуток тайных,
Он в заблуждениях раскается случайных
И, образуясь, вам покорен будет вновь.

Эльмира

Не послушание мне нужно, а любовь.

Сафир

Но возвратить ее нет способа другого.

Эльмира

Хоть ныне умереть я за него готова.

Сафир

Не надо умирать; приличней средство есть,
Чтоб чувства прежние Ариста вам обрести.

Эльмира

И способ случай мне давно к тому доставил;
Мой муж в рассеянье, дела свои оставил,
Но я за них взялась, радела как могла,
У должностных людей по целым дням была,
На малу опытность мою с прискорбием глядя,
Мне руку помощи в том подавал мой дядя.
У мужа тяжба есть по делу одному
И производится неведомо ему.
Хотя на стороне его и справедливость,
В неправоту ему вменили б нерадивость.
Я не щадила просьб, подарков и хлопот.
Сегодня жданный день решенья настает.
Я еду, чтоб узнать, успешно ль окончанье;
Увидит пусть Арист мое об нем старанье.

Сафир

Возможно ль, чтоб он был неблагодарен вам?
Вы более об нем печетесь, чем он сам,
Но, ах!..

Эльмира

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
Докончите, я вам охотно верю.

Сафир

Вы возвратите ль сим любви его потерю?
Конечно, скажет он, и скажет целый свет:
Что дивных качеств вы, что вам подобной нет,
Что делаете честь вы редких жен сословью.
Почтенье не всегда сопряжено с любовью.

Эльмира

Или намерены меня вы убедить,
Что нет возможности мне мужу угодить,
Что сердца я его лишаюсь невозвратно.
Так! должно верить мне сему, хоть неприятно.
Он вовсе действует тем чувствам вопреки,
Являл которые, искав моей руки.
В те дни, что для меня так памяты, так сладки,
Он все любил во мне – и даже недостатки.

Сафир

О! в этом нечего меня вам уверять!
Как вас не полюбить? вам суждено пленять.
Но узников своих чтоб приучить к неволе,
На то потребно средств еще гораздо боле;
Они, сударыня, для вас немудрены;
Зачем отбросили свои таланты вы?
Искусством нравиться пренебрегать не надо.
Вы хороши собой хотя и без наряда,
Но что? вы, как теперь, одеты не всегда?
Зачем не ездите в собранья иногда,
Которых можете быть первым украшеньем?
Там возбужденные правдивым восхищеньем
Хвалы, с которыми к вам всякий поспешит, –
Ручаюсь, что Арист их дорого ценит.

Эльмира

Ужели кисея, надетая удачно,
Ему заменит взор мой ласковый, безмрачный?
Ужель неискренний восторг, похвальный бред,
Который так легко всем уделяет свет,
Захочет он сравнять с горячностью тою,
С которой может он быть мной любим одною?

Сафир

О нет! конечно, нет; но, видя каждый раз
Везде угодников, вздыхателей круг вас,
Сам будет угождать, к своему привыкнет дому,
Чтоб сердца вашего не уступить другому.

Эльмира

Довольно; верьте мне, что до минуты сей
Скрывалась дома я, таилась от людей
Не для того, чтоб быть мне от других отличной, –
Любить веселье мне подобно всем прилично:
Утехи, счастье, всех радостей собор
В Аристе мне одном мечтались до сих пор.
Он насмехается над чувствами моими.
С теперешней поры и я прощаюсь с ними:
Род жизни я моей переменяю весь;
И съездов ежели у нас не будет здесь,
То целый день и ночь искать их буду вчуже.

Сафир

Вот удивите вы весь свет!

Эльмира

Так удивлю же.

Сафир

И сим поддержите честь пола своего.
Я знаю, женщинам нет легче ничего,
Как променять свой вид и даже свойства, мненья...
Но, кстати, вы теперь начните превращения:
Сыграйте что-нибудь и спойте в добрый час;
Пусть Музы, Аполлон и, словом, весь Парнас
Благоприятствуют успешному началу.

Эльмира

Давно не пела я.

Сафир

Попробуйте.

Эльмира

Пожалуй.

(Садится за фортепьяно и поет.)

1

Боги! Лида, унывая,
В грусти вопиет своей:
Ах! красавица какая
В мирной есть долине сей,
Что, от жалкой Лиды кроясь,
Разлучает с милым нас!
Иль она Венерин пояс
Получила в дар от вас?

* * *

Пристойнее бы мне совсем не начинать.

Сафир

И таковой талант вы можете скрывать?
Как дурно скромничать не к месту! – Продолжайте.

Эльмира

Смотрите ж, за глаза меня не осуждайте.

2

Вдруг, как ветерок привя,
Лель ей на ушко шепнул:
Ты пастушек всех милее!
Но Филон, едва вздохнул, –
От тебя все получает;
Для того не ищет вновь:
Где желанье умолкает,

* * *

Что, ежели Арист пришел бы сей порой?

Сафир

Не знаю, что бы он, а я уж сам не свой!

Явление шестое

Эльмира, Сафир и Арист входит и останавливается в дверях.

З

И подшед Филон к прекрасной,
Ей не встречен в первый раз;
Просит поцелуй напрасно:
За отказом вслед отказ;
В просьбах и сопротивленьи
Длится неги сладкий час,
И любовник в упоенье
Счастлив – будто в первый раз.

* * *

Ей-богу, ваше мне суждение опасно.

Арист

Неподражаемо! божественно! прекрасно!

Эльмира

я не заметила тебя; давно ль ты здесь?

Арист

Что ж делать: где талант, бывает также спесь.
Но чьим обязан я всесильным убежденьям?
Кто приманил тебя к забытым упражненьям?
Ты думала ль меня приятно удивить?

Эльмира

О! благодарностью ты можешь не спешить:
Вот упросил меня.

Арист

Сафир?

Эльмира

Да, он.

Арист

Измена!
Я сколько приставал и падал на колена,
И все не мог тебя на это преклонить.

Эльмира

Как будто бы мужа умеют попросить;
Их просьба на приказ ужасно как походит,
А повеление до сердца не доходит.

Сафир

Арист! тебе урок.

Арист

Старательный убор;
А принуждения не замечает взор;
Платочек на груди как ветерок навеян.

Эльмира

я ехать собралась.

Арист

Ты едешь?

Эльмира

В магазейн.

Арист

И в магазейн?

Эльмира

Да.

Арист

Не верю я ушам.

Эльмира

Тьму разных мелочей я заказала там,
И надо кое-что для нынешнего балу.

Арист

Для балу?

Эльмира

Точно так.

Арист

Но объяснись, пожалуй,
Пустыннический дух ужели впрямь исчез?
Тебя ли слушаю? Давно ли до небес
Уединение ты мне превозносила?

Эльмира

И это помнишь ты? я, право, позабыла.

Арист

Забыла правила любимы через час?
И вот, о женщины! не обижая вас,
Вот та, которая из самых постоянных!

Эльмира

Ты первый недруг был всех этих правил странных:
Сафир противу их меня охолодил.

Арист

И все-таки Сафир.

Эльмира

Тебе он угодил:
Он сделал, что твои уважила я мненья;
Ты, верно, очень рад?

Арист(сухо)

Я нем от восхищенья.
Да как послушалась Сафириных ты слов
Так скоро, – невзначай?

Эльмира

И без больших трудов.
Мне перестали быть те общества противны,
Где предвещает он веселья непрерывны,
Где можно нравиться легко в моих летах.
Нет! больше не сию я в четырех стенах.
Пускай к рассеяню кто нову страсть осудит:
Сафир ее внушил, и отвечать он будет.

Сафир

За что такая честь! Я, право, уж боюсь,
Что красноречием неволью возгоржусь.

Эльмира

Недаром – в полчаса вы совершить умели
То, в чем бы во сто лет другие не успели.

Арист

Завиден тот, кому дар слова дан такой.
Так вместе на#769; вечер поедем мы с тобой.

Эльмира

И нет! там многие, в сужденье торопливы,
Безвинно посвятят тебя в мужа ревнивы
Или найдут, что мы как пара голубков;
Я ж от двусмысленных шептаний, полуслов
Старалась до сих пор быть сколько можно дале.

Арист

Как! если вместе мы покажемся на бале,
Двусмысленно о том свет будет говорить?
Мне все двусмысленным уж начинает быть.

Эльмира

Сафир! еще совет: какого лучше цвету
Купить бы шляпку мне?

Сафир

Арист

Нету,
По мне небесного.

Эльмира

Нет, нет!

Арист

А почему?

Эльмира

Не верю иногда я вкусу твоему.

Арист

Подписан приговор! мой вкус уже порочен!

Эльмира

Порочен не скажу, а переменчив очень.
Но с вами нехотя я время упущу,
Прощайте; ежели найду, чего ищу,
Я буду истинно довольна и счастлива.
Сафир! желайте мне успеха.

(Уходит.)

Явление седьмое

Арист и Сафир.

Арист

Что за диво!

Сафир

Каков с Аглаей ты? – Она тебя нашла
Иль ты ее сыскал?

Арист(не внимая ему)

При всем том как мила!

Сафир

Надеюсь, для тебя всего милее света.
Увы! на долго ли?

Арист

Как хорошо одета!

Сафир

О! этим славится не без причин она;
Что более в ней есть?

Арист

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
Жива, ловка, умна!

Сафир

Приятно сладостных часов воспоминанье!
А где произошло с любезною свиданье?
Что сделалось с тобой! как ты задумчив.

Арист

Да
Я таковой ее не видел никогда!

Сафир

Вскружила голову тебе совсем Аглая,
Скажи по совести?

Арист

Ох, братец, нет, другая.

Сафир

Другая уже? я как вкопанный стою!

Арист

Да, я влюбился вновь.

Сафир

В кого?

Арист

В жену мою.

Сафир

Вот новости еще!

Явление восьмое

Прежние и Эльмира.

Эльмира

Как будто это надо,
Чтоб именно со мной тут встретилась досада.

Арист

А что случилось?

Эльмира

Что? вы б это не снесли.

Арист

Быть может; но скажи...

Эльмира

Вы бы с ума сошли.

Арист

Я верю, но скажи, в чем происходит дело?

Эльмира

Ужели о пустом я так бы зашумела?

Арист

Печальное пришло известье?

Эльмира

Ох, не то!
Мне плакать хочется.

Арист

Не умер ли уж кто?

Эльмира

Не может разве быть несчастья иного?

Арист

Да что же случилось?

Эльмира

Карета не готова.

Арист

Загадки этой я не разрешил бы ввек.

Эльмира

Вас это веселит, счастливый человек!
В забаву для себя все обратить умеет.
Но если новое мне платье не успеет,
То я не знаю, в чем уже на бале быть.

Арист

Уже? так перестань, мой друг, себя крушить:
Едва ты явишься, и, позабыв наряды,
На красоту твою все обратятся взгляды.

Эльмира

Удачно мадригал вы, сударь, мне сплели:
Аглае лучше бы его поберегли.

Арист

Как! что это?

Эльмира

Сафир! пожалуй, подойдите.

Сафир

Чего изволите?

Эльмира

Рукавчик завяжите.
Послушайте меня.

(Тихо ему.)

Арист не должен знать,
Что по его делам я еду хлопотать.

Сафир

Я умолчал о том.

Эльмира

Я этого страшилась
И только для того сюда к вам воротилась.

Арист(в сторону)

Они с ней шепчутся.

Эльмира(громко)

Благодарю.

Сафир

За что ж?

Арист

У вас таинственность; а я на что похож?

Эльмира

И тайну чтоб узнать, догадки надо много.

Арист

Сафир! прошу сказать.

Эльмира

Сафир! ах! ради бога!

Сафир

Не бойтесь, не скажу.

Арист

Я угадаю сам.

Эльмира

Ломайте голову, я позволяю вам;
А вы не делайте, Сафир, ему рассказы.
Пора уж отомстить мне за его проказы.

(Уходит.)

Явление девятое

Арист и Сафир.

Арист

Конечно, ежели сего лишь захотят,
И ангела с пути прямого совратят,
Не правда ли, Сафир?

Сафир

Мне это непонятно.

Арист

Не ждал от дружбы я услуги столь приятной.

Сафир

Пожалуй, объяснись.

Арист

Иль славно поступил
Ты, что жене мою с Аглаей связь открыл?

Сафир

кто, я?

Арист

Да, ты.

Сафир

Арист!

Арист

Сознайся, что некстати
Уведомлять жену о мужнином разврате?
Коль ветренность мою так можно называть.

Сафир

Арист!

Арист

Когда же мнишь любовь ее снискать,
То лучше отложи все ковы: #с004001_3 в долгий ящик.
Такой ли женщине приятен пересказчик?

Сафир

Уж это чересчур! – Вот на – рука моя,
Что ей не говорил о том ни слова я.

Арист

Да кто же ей сказал?

Сафир

кто? – мне какое дело!
Но только что не я, могу уверить смело.

Арист

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
Ужели у меня есть скрытые враги,
Привыкшие мои изведывать шаги?..

Сафир

Ты все колеблешься? Я повторяю снова:
Не я о том сказал, даю честно#769;е слово.

Арист

Довольно; извини, прости меня, Сафир.

Сафир

Как мог подумать ты?

Арист

Ну, мир.

Сафир

Пожалуй, мир.

Арист

я очень чувствую, что это быть не может.
Не знаю, ныне что весь день меня тревожит?

Сафир

А повод к этому?

Арист

Эльмира. – Посуди:
Блаженство обретал я на ее груди;
Смиранный, тихий нрав, испытанный во многом,
Любви достаточным казался мне залогом.
Я так уверен был, беспечен, что, ей-ей,
В объятиях ее не помышлял об ней.
Внезапно кротость та пожертвована вздору;
Эльмира вне себя от шляпки, от убору:
Она сбирается на бал, а я – сказать стыжусь! –
И в провожатые уж боле не гожусь.

Сафир

Ну что ж? ей, может быть, единообразие скучно,
И ты на то глядеть обязан равнодушно.

Арист

Я это говорил, я точно не был прав:
Еще не знал тогда я ревности отрав.

Сафир

А ныне чувствуешь?

Арист

Не точно ревность...

Сафир

Что же?

Арист

А что-то, на нее ужасно как похоже.

Сафир

Мой друг, не вовсе ль ты рассудок потерял?
Когда жена твоя, чего ты сам желал,
К приманкам светскости не столько хладнокровна,
Уже ты вне себя, уже она виновна.

Арист

Пременивости тень убийственна тому,
Кто вверился, как я, блаженству своему.–
Постой, что давеча она тебе шептала?

Сафир

Вот, видно, на меня опять сомнение пало.
Весь толк о шляпке был; ты, верно, слышал сам?

Арист

Неправда, выдумка, я вижу по глазам.
Скажи мне истину сейчас – или ни слова.

Сафир

По крайней мере, нет тут ничего такого,
Что неприятность бы могло тебе подать.

Арист

К чему ж таинственность?

Сафир

Я обещал молчать.

Арист

Довольно.

Сафир

Что с тобой? в лице весь изменился.

Арист

Тебе, знать, чудится.

Сафир

Ну, право, рассердился.

Арист

Я... ничего.

Сафир

Постой, куда же ты пошел?

Арист

Я так...

Сафир

Куда, скажи?

Арист

Здесь воздух мне тяжел.

(Уходит.)

Явление десятое

Сафир, один.

Сафир

И это был Арист! он может быть ревнивым!
Так! вертопрахам он пример велеречивым;
Блаженства сущностью они не дорожат:
Его утративши, по нем же загрустят.

Явление одиннадцатое

Сафир и Эльмира.

Сафир

Вы скоро съездили.

Эльмира

Не правда ль, торопливо?
Не менее того мой выезд пресчастливый;
И в сей записочке еще подтверждено,
Что в пользу дело все Ариста решено.
Прочтите, – с сим письмом слуга мне повстречался.
Успехом наконец мой поиск увенчался.

Сафир

Я поздравляю вас.

Эльмира

А что Арист?

Сафир

Пропал.
Отчаянно брюзглив и недоверчив стал;
Любезные черты ревнивца он являет.

Эльмира

Что неожиданно его переменяет?

Сафир

Что хочет женщина, то сбудется всегда.

Эльмира

Какие случаи бывают иногда:
Я радуюсь тому, о чем иная плачет;

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
Мой муж ревнив!

Сафир

И как!

Эльмира

Сафир! что это значит?

Сафир

То значит, что ему досталось унывать.

Эльмира

О! я берусь его достойно наказать:
От дядюшки письмо я утаю до срока,
Его промучаю весь день.

Сафир

Ах! как жестоко!

Эльмира

Мной чувства жалости совсем отдалены;
С ума его сведу.

Сафир

По милости жены,
Не первый попадет в число он сумасшедших.

Эльмира

Нет! а раскается он в шалостях прошедших,
Ручаюсь вам за то.

Явление двенадцатое

Прежние и Арист в дверях.

Сафир

Признаться, что Арист
Пред вами совестью своей не очень чист
И наказания примерного достоин.

Эльмира

И накажу его, он может быть покоен.

Сафир

А чем? не этим ли письмом?

Эльмира

чем бог послал.
Отдайте мне его, чтоб он не увидал.

Арист

И так сбылись мои правдивые сомненья!
Скажи, бесовестный, еще в недоуменье

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
Не знаю, как судить мне по твоим словам:
Помощник, что ли, ты иль обольститель сам?

Сафир

К кому такая речь?

Эльмира

Замешаны мы оба.

Арист

Уж боле не к лицу невинною особой
Прикидываться вам: сей день вас обличил;
Довольно времени я легковверен был.

Сафир

Одумайся, Арист.

Эльмира

Он в полном ли рассудке?

Арист

О! бросьте наконец безвременные шутки.
Скажи, суда́рь!.. Иль нет, оставь покуда нас;
Мы лучше свидимся с тобою через час,
Тогда произойдет короче объясненье.

Сафир

Но что ввело тебя в такое исступленье,
Скажи причину нам?

Арист

Оно у ней в руках.

Сафир и Эльмира

Письмо!

Арист

Неу́жели вы ощутили страх?

Сафир

Дай мне тебе сказать...

Арист

Мне слушать недосужно.

Сафир

Одно...

Арист

Не надобно.

Сафир

Лишь слово дай...

Арист

Не нужно.

Эльмира

Вы видите, Сафир, он, кажется, в бреду;
Подите, пусть его упрямится.

Сафир

Иду.
Он, право, жалок мне!

Арист

Ужимки бросьте эти:
Еще ль вам повторять, что нам не нужен третий?

Сафир уходит.

Явление тринадцатое

Арист и Эльмира

Эльмира

Чего хотите вы? вот мы наедине.

Арист

Не вам расспрашивать, сударыня, а мне.

Эльмира

Чего хотите вы?

Арист

Чего? вопрос забавный!
Подайте мне письмо, где я увижу явно,
Как женской честности вы пре#769;зрели закон,
Как вами я забыт, поруган, оскорблен!

Эльмира

Поруган! оскорблен! – какие выраженья!
Но ваши не хочу я разрешать сомненья
И не отдам письма.

Арист

Должны его отдать,
Иль бешенство мое хотите испытать?

Эльмира

Подумайте – читать письмо чужое низко,
И хлопотен надзор над женской перепиской.

Арист

Я, кажется, вам муж.

Эльмира

Я, сударь, вам жена;
И любопытством я большим одарена,
Но ваши тайны мне всегда казались святы.

Арист

Вам свято что-нибудь! не я ль уж виноватый?
Подайте мне письмо.

Эльмира

Нет, право, не отдам.
Читаю ль я когда, что пишет часто вам
Любезная для вас, прелестная Аглая
И, может быть, еще прелестница другая?

Арист

Как заблуждения дерзаете равнять
Мои вы с вашими? Иль вам растолковать:
Мои суть шалости, а ваши преступленья.

Эльмира

Где эти ветхие нашли вы наставленья?

Арист

Но и погрешности мои вам не покров;
Я вам не верен был на несколько часов;
А в доказательство, здесь для моей очистки –
Вот как я берегу любовные записки.

(Вынимает записки из бумажника и рвет.)

Эльмира

Ах! доказательства не служат ни к чему,
Коль дороги еще вы сердцу моему,
И бесполезнее, когда я к вам остыла.

Арист

В глаза мне говорит, что точно изменила!
Простительно ль сему бесстыдству мне внимать?
Не думайте, чтоб я вас мог подозревать
По недостаточной какой-нибудь причине;
Нет! повод вы к сему мне подали не ныне,
А перемену в вас заметил я давно.

Эльмира

Что вы заметили?

Арист

То, что... Но все равно,
Я тысячу могу вам случаев исчислить,
По коим должен был об вас я худо мыслить;
Довольно было бы смешно не замечать
Мне на лице у вас уныния печать,
Когда наедине мы оставались с вами;
И часто думал я, что кстати, между нами,
Страдаете всегда вы болью головной,
Когда случается вам выезжать со мной. –
Сегодня поутру, на что искать мне дале,
В смятенье были вы, погружены в печали,

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
Когда напоянул я об деревне вам;
Конечно, скоро бы прибегнули к слезам,
К упрекам, жалобам! – на дело не похоже!..
Является Сафир, я ухожу – и что же?
Откуда все взялось на бедствие мое:
Веселость, острота, наряды и пеньё –
Все, словом, женские чертовские приманки.
Я в дверь – вы со двора, и очень спозаранки.
Не ведаю, какой злой дух в меня вдохнул,
Чтобы Сафиру я об этом намекнул?
Изменник! над моим ругался как несчастьем!
Как утешал меня притворным соучастьем!
Непринужденно как смеялся, ободрял!
От горькой истины как хитро отвращал!
Как другом и женой жестоко я обманут!
Но более меня обманывать не станут.
Что вы потупили глаза? вы смущены?
Подайте ж мне письмо.

Эльмира

Мой бог! как вы смешны!

Арист

Я очень чувствую; однако непристойно
Вам это замечать.

Эльмира

Нрав самый беспокойный.
Мне, право, кажется, что вы больны – в жару.
Не сами ль ныне вы твердили поутру,
Чтоб одевалась я нарядней, выезжала,
Чтоб дарованьями не столь пренебрегала?
По воле вашей я за это принялась,
И вышло невпопад – как угодить на вас?
Откуда прихотей вы набрали;сь?

Арист

Откуда?
Я впрямь несправедлив, и был, и есмь, и буду!
Подайте мне письмо.

Эльмира

Пора об нем забыть.

Арист

Как можете еще такой спокойной быть?

Эльмира

Да это оттого, что нрав имею ровный.

Арист

Пожалуй, говорить я стану хладнокровно.
Письмо я требую, прошу его от вас
Не для того, чтобы с сей вывеской тотчас
Повсюду разглашать ваш стыд, мое бесчестье,
И вскоре без меня о том пройдет известье;
Над этим случаем свет едкость изострит,
Печальну истину раскрасит, распестрит,
Еще похвалит вас, что мужа обманули.
Нет! лучше припасу две роковые пули:

Эльмира

Как хладнокровно!

Арист

Нет! вас сверх всего любя,
Скажите: я могу ль так вдруг возненавидеть?
Подайте мне письмо – ах! дайте мне увидеть,
Вам точно ли всегда другой казался мил,
Всё притворялись вы, я все обманут был.
Вы усмехаетесь – кто смеху здесь предметом?

Эльмира

я думала теперь, ей-богу, не об этом.

Арист

Не будем долее комедию играть;
Подайте мне письмо – ведь надобно ж отдать?
Подайте, – право, я за вас боюсь.

Эльмира

Не бойтесь.

Арист

Подайте.

Эльмира

Полноте.

Арист

Подайте.

Эльмира

Успокойтесь;
Возьмите, вот оно.

Арист

Что буду я читать?

(Читает.)

«Не надлежало б так Ариста баловать,
Эльмира, милый друг! но так и быть; и дело
Он ныне выиграл, – ты этого хотела.
Прощай, я остаюсь усердный дядя твой.
N.»
Эльмира! я дурак! прости мне, ангел мой!

Эльмира

Насилу сделались опять вы справедливы.

Арист

Я недоверчивый, неистовый, строптивый!
Какие клеветы произносил с сердцов?
Для оправдания мне неостанет слов.

Явление четырнадцатое

Прежние и Сафир.

Сафир

Вот неожиданность! хоть бы в волшебных те#769;нях;
Супруга нежная в слезах, муж на коленях!
Раскаянье, любовь, согласие! – что, брат?

Арист

Пред ней я, пред тобой, пред всеми виноват.
Прости, Эльмира, мне сомненье безрассудно;
Конечно, мне к тебе его питать бы трудно;
Но мой неправый гнев... но и проступок сей –
Не есть ли верный знак к тебе любви моей?

Эльмира

Нет, беспорочной мне была холодность платой –
И ревность, я когда казалась виноватой.

Арист

Что требуешь, скажи: чтоб удалился я
В леса дремучие, в безлюдные края?
Мой друг, изволь, и там забуду я с тобою
Веселья бурные, утраченные мною.

Эльмира

Такие жертвы, я, конечно, откажу:
Приятность в городе сама я нахожу.

Арист

Как хочешь; но теперь в столице иль в пустыне
С тобою дома я всегда сию отныне –
Днем, утром, вечером, и в полдень, и в полно#769;чь;
Все вертопрашества и суетности прочь!

Эльмира

Но дома не всегда меня ты видеть будешь.

Арист

Иль долго ты мою вину не позабудешь?..

Сафир

Или прикажете мне к вашим пасть ногам?

Эльмира

Прощаю – пусть он всем обязан будет вам.

(Аристу.)

Так, если несколько тебя сей день исправил,
Его благодари – он и меня наставил,
Чтоб вкусам я твоим старалась снисходить
Затем, чтоб от других приманок отвратить,
Чтоб иногда твоей противилась я воле

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
Затем, чтоб ты ценил мое смирение боле.
Так! он любовь твою мне возратить хотел,
Старался, сколько мог, – и, может быть, успел.

<1815>

Сцены из комедии «Своя семья, или Замужняя невеста»: #с004002

Любим, молодой человек, в бытность свою в Петербурге, женился по страсти, без согласия своих родственников. Он привозит жену в тот город, где живут все его тетки и дяди: Мавра Савишна, Раиса Савишна, Варвара Савишна, Карп Савич, Максим Меркулович. Все думают, что он сговорен; никто не знает, что он женат, кроме Варвары Савишны, которая всех добрее и у которой молодые пристали. Любимова свадьба до времени остается тайною, а между тем Наташа, жена его, под чужим именем знакомится со всею мужниною роднею, старается каждому из них угодить и понравиться и в том успевает. – Это содержание одной комедии кн. А. А. Шаховского, в которой я взялся сделать несколько сцен из второго акта. Вот они.

<явление 1>

Варвара Савишна, Любим, Наташа.

Любим

Да! я обегал всю почтенную родню
И счастья своего покамест не виню:
Где ни был, никого найти не удавалось,
Кроме одной. – Зато уж от нее досталось!
К Раисе Савишне, как следует, зашел;
Глядь, у себя. Слуга тотчас меня повел
К ней в образную, – там в очках она читала,
Вспрыгнула, ахнула и в обморок упала.
Оттерли. – Боже мой! тут только что держись:
Увещевания рекою полились;
И все печатное, что только вышло внове,
Все знает наизусть, не ошибется в слове;
Ну, так и сыплет вздор. Речь о тебе зашла:
Тут длинную она статью о том прочла,
Как, верно, в девушке, вертушке новомодной,
Нет пламенной души, ни нежности природной,
Ни сердца простоты... А я без дальних слов,
Не выслушав всего, взял шляпу, был таков.
Наташа, как я глуп! зачем, не понимаю,
Привез тебя сюда?

Варвара Савишна

Вот так-то! поздравляю!
Все виноваты мы..

Любим

Ах, нет! всегда жене
Твердил я, что у нас порядочных в родне
Есть двое: вы да я.

Варвара Савишна

Поверь мне: помаленьку
На свой поставишь лад ты всю свою роденьку.
Наш опыт удался с секунд-майором: #с004002_1. Ну,
Полюбят также все они твою жену;
Дай срок.

Наташа

А с дядюшкой сдружились мы случайно!..
Он на тебя похож, Любим, да чрезвычайно!
И видно по всему, что смолоду он был
Такой же ветреный и так же добр и мил.
Максим Меркулович – тот не того разбора,
Да и две тетушки! Не сладишь с ними скоро!
Ну, если не пойдут никак они на лад,
Я, пусть они меня расценят, как хотят,
Скажу им наотрез: пожалуй, мной гнушайтесь,
Для мужа все стерплю.

Любим (обращается к Варваре Савишне)

А! какова! признайтесь,
Что будьте сами вы мужчиной... вы как раз
Женились бы на ней. – Все перед нею пас.

Варвара Савишна (посмотрев в окошко)

Ах! Мавра Савишна сюда идет!

Наташа

Какая?
Что сва#769;рливая?

Варвара Савишна

Да, крикуша!

Любим

И скупая,
И тем упрямее, что денег тьма у ней.

Наташа

Ах! нет ли, тетушка, здесь в доме попростей
Какого платьица, чтоб мне пришлось по тальи?

Варвара Савишна

У Груньки в девичьей спросить... Нет! у Натальи
Передничек ее да шемизетку: #с004002_2 взять,
Что в праздничные дни велю ей надевать.
Уйдите же... она уж подошла к порогу.

Наташа(уходя)

Любим!

Любим

я за тобой.
Уходят вместе.

<явление 2>

Мавра Савишна, Варвара Савишна.

Мавра Савишна

Скажи-ка: слава богу!
Ведь наш Любим сюда изволил прикатить!

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
Хоть, правда, поспешил меня он навестить,
Да, вишь, пожаловал в тот самый час, в который
К вечерне я хожу. Ох! эти мне проворы!
Я чай, разведывал, когда-де побывать?
Когда потрафить так, чтоб дома не застать?

Варвара Савишна

Ну, можно ли...

Мавра Савишна

Чего? Он разве малый путный?
Я одному дивлюсь, что карточкой визютной
Меня не наградил; а то ведь таковой
Обычай водится в столицах, об Святой: #с004002_3
И в Рождество. Да что? там вечно наглость та же;
Знатнейшие дома – и родственников даже –
Вот посещают как: сам барин дома спит,
Карету и пошлет, а в ней холоп сидит,
Как будто господин; обрыскает край света,
Швыряет карточки!.. Спасибо! мерзость эта
Что не дошла до нас: помиловал господь!
Да и племяннику нельзя глаза колоть,
Не подражает в том столичному он краю,
А все-таки спесив! увижу – разругаю.
Ведь нет чтоб подождать полчасика... беда,
Никак нельзя: спешит. Спроси его: куда?
Небось не думает угодность сделать тетке;
А кабы в Питере, к какой-нибудь красотке...

<Явление 3>

Мавра Савишна, Варвара Савишна, Наташа.

Наташа

Ах, вы здесь не одни! простите!

Варвара Савишна

Ничего.

Мавра Савишна

Кто это? здешняя?

Варвара Савишна

Нет! мужа моего
Покойного родня, приехала недавно.
Знакома вам была Федосья Николавна?

Мавра Савишна

Твоя золовка: #с004002_4?

Варвара Савишна

Да, ее в живых уж нет.
Вот дочь ее.

Мавра Савишна

Она? – Прошу! каких уж лет!
Невеста хоть куда! – Мы вместе выросли

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
С твоею матушкой, дружныхонько живали,
И батюшка в Москве к нам часто в дом ходил.
При мне он сватался, при мне помолвлен был.
Ах, на сем свете я куды давно таскаюсь!
Ты с нами долго ли пробудешь? а?

Наташа

Не знаю-с.
Как будет тетушке угодно...

Варвара Савишна

Мне, друг мой?
Весь век радехонька я вместе жить с тобой.

(Обращаясь к Мавре Савишне.)

В глаза и за глаза скажу: неприхотлива
И угодительна, ловка и бережлива.
Желаю всякому такую дочь иметь.

Наташа

Угодно, тетушка, вам будет посмотреть?
Там приготовила для вас одно я блюдо.

Варвара Савишна

А! знаю, хорошо. – Останься здесь покуда.
Сестрица, кажется, не гости вы у нас,
Не взыщете, а я назад приду сейчас.

(Уходит.)

<явление 4>

Мавра Савишна, Наташа.

Мавра Савишна

Что это, матушка? неслыханное дело!
Кто стряпает теперь?

Наташа

К обеду не поспело;
Хватились поздно мы; так, как-то не пришлось.

Мавра Савишна

Какое ж кушанье?

Наташа

Пирожное одно-с,
И выдумки моей.

Мавра Савишна

Твоей? – Оно б не худо.
Да ведь пирожное затейливое блюдо.
Насущный хлеб теперь один составит счет,
Так лакомство, ей-ей! на ум уж не пойдет.

Наташа

Да-с, у меня зато все снадобье простое:
Морковка, яицы и кое-что другое,
Да соку положить лимонного чуть-чуть.

Мавра Савишна

Ну, сахар входит же?

Наташа качает голову.

Хоть крошечка?

Наташа

Отнюдь!
Как, сахар? шутка ли? что вы? побойтесь бога!
Нет! и без сахара расходов нынче много.

Мавра Савишна

Да! согрешили мы, крутые времена!

Наташа

Я как-то с малых лет к тому приучена,
Что дорогой кусок мне видеть даже грустно:
Я так люблю поесть, чтоб дешево и вкусно.

Мавра Савишна

Как судишь ты умно! не по летам, мой свет;
В иной и в пожилой такого смысла нет.

Наташа

Помилуйте...

Мавра Савишна

Чего помиловать? смотри-ка,
Житье-то сестрино не явная ль улика,
Что прожила весь век, не нажила ума?
Расчету ни на грош, увидишь ты сама;
Всегда столы у ней – зачем? кому на диво?

Наташа

А будто трудно жить, как надо, бережливо?
Я вот и не в нужде воспитана была,
Хоть матушка моя покойница жила
Куда не ро#769;скошно, я чай, и вам известно.

Мавра Савишна

Умна была – дай бог ей царствие небесно!

Наташа

Однако странность я одну вам расскажу.

Мавра Савишна

Как, друг мой? что? – Садись.

Наташа

Вот что...

Мавра Савишна

Да сядь!

Наташа(севши на краешке стула)

Сижу.
Вот что... спросить у вас позвольте: вы давно ли
Расстались с матушкой?

Мавра Савишна

Лет двадцать пять, поболее;
Мы молоды тогда, невесты были с ней,

(со вздохом)

И схоронила я с тех пор уж трех мужей!

Наташа

Так, может, никогда вам слышать не случилось
Об том, что к Ладовой, к графине, я попалась
На воспитание?

Мавра Савишна

Нет, не слыхала я.

Наташа

Уж странность подлинно! – Она и мать моя
Век были по всему противных свойств и правил.
Не знаю, между их как случай связь составил,
А только матушка с ней так дружна была,
Что на руки меня к ней вовсе отдала!
Представьте же себе: я в дом попала знатный,
У Ладовой на все расход невероятный!
И шляпкам, и шалям, и платьям счету нет,
И собирается у ней весь модный свет:
Вчера концертный день, а нынче танцевальный,
А завтра что-нибудь другое. – Натурально,
Вы можете судить, что в этаком дому
До бережливости нет дела никому.

Мавра Савишна

Зараза! истинно зараза! жаль, родная,
Смерть жалко! хоть кого испортит жизнь такая.

Наташа

Позвольте досказать. Мне скоро щегольство
И весь графинин быт: шум, пышность, мотовство
И давка вечная в передней за долгами –
Так опротивели, что рада, между нами,
Была я убежать бог ведает куда!
Так опротивели! что лучше бы всегда
Я ела черный хлеб, в серпянке: #с004002_5 бы ходила,
Да лишь бы суетно так время не губила.

Мавра Савишна

Ужли, голубушка! да как же это ты?
Я, я свертелась бы от этой суеты!
Вот ум не де#769;вичий! – К чему ты наклонилась?
Что потеряла?

Наташа

Здесь булавочка светилась,
Сейчас я видела. Вот тут она была,
На этом месте, здесь. – А! вот она! нашла.

(Поднявши, прикалывает к косынке.)

Ведь и булавочка нам может пригодиться.

Мавра Савишна

Как? из булавки ты изволила трудиться?
Чем больше думаю, и на тебя гляжу,
И слушаю тебя, ума не приложу.
Диковина, мой свет! Уж ты ли не водилась
С большими барами? а все с пути не сбилась!

Наташа

Напротив, многим я обязана тому,
Что столько времени жила в большом доме.
Когда к французенкам поедем мы, бывало,
Графине только бы купить что ни попало;
А я тихохонько высматриваю все,
Как там работают, кроят и то, и се,
И выпрошу себе остатков, лоскуточков,
Отрезочков от лент, матерьицы кусочков,
И дома, запершись, крою себе, крою.
Теперь же, верите ль, я что угодно шью,
Вы не увидите на мне чужой работы –
Вот ни на эстолько.

(Показывает на кончик шемизетки или фартука.)

Мавра Савишна

Помилуй, друг мой, что ты?
Клад сущий! и тебе подобной не сыскать!

Наташа

Я шелком, золотом умею вышивать.
Бывало, прочие лишь заняты весельем,
На ба#769;лах день и ночь, а я за рукодельем;
Что вышью, продаю; работою своей
Скопила наконец до тысячи рублей.

Мавра Савишна

Теперь на свете нет вещей невероятных.
Скопила! – Чем? – Трудом! воспитана у знатных!
Свершилась над тобой господня благодать.
Дай, радость, дай скорей себя расцеловать!

Обнимаются.

Вот если б был любим степенный и толковый,
Вот счастье! вот оно! вот! случай здесь готовый!
И услужил бы всем, родным бы и себе,
Когда женился бы он, друг мой, на тебе.
Уму бы разуму его ты научала,
Любила бы его, мотать бы не давала;
А то, слышь, в Питере он сватанье завел!
Там русскую мамзель какую-то нашел!
Преаккуратная головушка, я чаю.

Наташа

А почему же знать?

Мавра Савишна

Как почему? – Я знаю

Наташа

Конечно, это вам известнее, чем мне.

Мавра Савишна

Вот то-то, видишь ли, что всей его родне
Она не по нутру. – Не может, чай, дожидаться,
Когда Любимовы родные все сваля́тся,
Чтоб поскорей по ним наследство получить;
Того не думает, чтобы самой нажить.
Хоть об себе скажу: не без труда скопила
я кое-что. Нет! трем мужьям, трем угодила!
Легко ли вытерпеть от них мне довелось –
При жизни что́ хлопот! по смерти сколько слез!

(Останавливается от избытка чувств.)

Я, друг мой, кажется, в тебе не обманулась.
По воле божией, когда б ты приглянулась
Любиму нашему и вышла б за него,
Не расточила бы наследства моего.
Да и полюбишься ему ты, вероятно:
Свежа, как маков цвет, ведешь себя опрятно,
А франтов нынешних немудрено прельстить.
Ты по-французскому умеешь говорить?

Наташа

Умею несколько.

Мавра Савишна

И! верно мастерица.
Им только надобно...

<явление 5>

Варвара Савишна, Мавра Савишна, Наташа.

Мавра Савишна

Послушай-ка, сестрица!
Вот толк об чем у нас: не правда ли, она
Любиму нашему ведь по всему жена?

Варвара Савишна

Я то же говорю.

Мавра Савишна

Ты говоришь... Я знаю,
Что это быть должно, я этого желаю,
На этом настою. Как хочет он, Любим,
Я вразумлю его, и, по словам моим,
Он петербургские все шашни позабудет.
Пожалуй-ка, сестра, когда к тебе он будет,

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
Пришли его ко мне. – А между тем прощай!
К тебе, признаться, я попала невзначай;
Шла к тетке Звонкиной, с ней перемолвить нужно
Так кой об чем. – Прости!

(Обращаясь к Наташе.)

Ах! жаль, что недосужно,
А то бы мы с тобой... прошу нас навещать.
Ты говорила мне, что любишь вышивать;
На это мастерство у нас есть заведение,
Туда свожу тебя, увидишь: загляденье
Отцу Пафнутию какие ризы шьют!

(Варваре Савишне.)

Скажи ж Любимушке, чтоб на себя взял труд,
Заехал бы ко мне. – Быть может, и без брани,
Авось!.. загадывать я не хочу заране.
Авось!.. не ведает никто, что впереди.
Сестра! без проводов! останься! не ходи!

<1817>

Студент: #с004003

Комедия в трех действиях

Действующие:

Евламий Аристархович Беневольский, студент из Казани.

Федька, его слуга.

Звёздов.

Звёздова, жена его.

Саблин, брат ее, гусарский ротмистр.

Варинька, воспитанница Звёздовых.

Полюбин, влюбленный в Вариньку.

Прохоров.

Иван, слуга.

Швейцар.

Трое слуг.

Мальчик из ресторации.

Действие в Петербурге, в доме Звёздова.

Действие первое

Явление 1

Иван. Кого вам надобно-с?

Беневольский. Я уж отвечал на этот вопрос неоднократно внизу человеку, вооруженному длинным жезлом, так называемому швейцару, а тебе повторяю: мне надобно господина здешнего дому.

Иван. Барина самого?

Беневольский. Да, да, барина твоего, Звёздова, его превосходительства Александра Петровича Звёздова. Ведь это дом его?

Иван. Его-с.

Беневольский. А я его гость.

Иван. Разумею-с. Да ваши пожитки и повозку куда же девать? Штукарев, что за домом смотрит, вышел куда-то, барин во дворце, барыня еще почивает, а если изволит проснуться, как прикажете доложить о себе?

Беневольский. Без доклада, любезный, без доклада. А впрочем, имя мое Беневольский: я здесь свой человек, меня ждут давно. Его превосходительство в бытность свою в Казани познакомился с покойным моим отцом, который предложил ему свои услуги, имел хождение за его делами. С тех пор они друг другу дали клятву в дружбе неизменной и утвердили между прочим вот что: барин твой сказывал, что его супруга воспитывает прелюбезную девицу.

Иван. Варвару Николаевну? Красавица, нечего сказать.

Беневольский. Невинность, ангел, существо небесное, так ли? И мне назначил он ее сопутницею жизни: это было положено между им и покойным батюшкой, также и то, чтоб мне, когда приеду в Петербург, остановиться у его превосходительства. Я тогда возрастал еще в Минервином храме, в университете; с тех пор батюшка скончался, и я, сказав прости казанскому рассаднику просвещения, поскакал сюда, чтоб воспользоваться приглашением твоего барина. В нем, конечно, найду я друга, отца, покровителя, одним словом, все. Ну, понял ли?

Иван. Понял-с. Так вашей повозке с пожитками постоять покамест на улице?

Беневольский. Все равно. Вели ей стоять на улице или въезжать на двор. Мне не до того: в голове моей, в сердце такое что-то неизъяснимое, мир незнаемый, смутная будущность!

Иван. (отходя, говорит Федьке). Барин-то у тебя, видно, большой искусник.

Явление 2

Беневольский, Федька.

Беневольский. Что он тебе сказал?

Федька. Барин-де твой, видно, большой искусник.

Беневольский. Искусник... Так простолюдины называют артистов. Да, я артист; где мой журнал дорожный?

Федька вынимает из сумки, что у него за плечами, кучу бумаг и медный карандаш.

Подавай сюда! Записать, непременно записать первые чувства при въезде в столицу. (Пишет.) Мирюсь с Тобою, Провидение! я в желанной пристани...

Федька. Ох, кабы перекусить что-нибудь! Да у кого здесь попросишь? все и люди-то смотрят на тебя такими тузами, как будто сами господа; а позывает, ой! позывает: кибитчонка-то все вытрясла, проклятая.

Беневольский. Вступаю в новый для меня свет. – Ну, однако, какой же новый? Я знаю, очень хорошо знаю: я прилежал особенно к наблюдениям практической философии, читал Мармонтеля, Жанлис, пленительные повести новых наших журналов; и кто их не читал? кто не восхищался Эльмирой и Вольнисом: #с004003_1, Бедной Молочницей: #с004003_2? Они будут водители мои в этом блуждалище, которое называют большим светом.

Федька. Посидел бы он шесть дней да шесть ночей на облучке, не взбрела бы всякая всячина на ум; попросил бы съестного да завалился бы спать. Правду сказать, ведь и ему не малина была: сидячей частью об книжный сундук, головой об плетеную будку, – простукался, сердечный, во всю дорогу. Ну, да что им, грамотеям, делается? не давай ни пить, ни есть, дай перо да бумаги – и сытехоньки, и горя половина.

Беневольский. Не говори вслух, ты мне мешаешь.

Федька. Неужто вы впрямь с дороги да и за дело?

Беневольский. (не слушая его). Здесь увижу я эти блестящие собрания, где вкус дружится с роскошью; в них найду женщин милых, любительниц талантов, какую-нибудь Нинону: #с004003_3, Севинье, им стану посвящать стишки маленькие, легкие; их окружают вертопрахи, модники – я их устрашу сатирами, они станут уважать меня. Тут же встретятся мне авторы, стихотворцы, которые уже стяжали себе громкую славу, признаны бессмертными – в двадцати, в тридцати из лучших домов, я к ним буду писать послания, они ко мне, мы будем хвалить друг друга. О, бесподобно! Звёздов ездит во дворец, – он будет моим Меценатом, мне дадут пенсию, как всем подобным мне талантам, я наживусь, разбогатею. Федька! Федька! поди сюда, обойми меня.

Федька. Что с вами, сударь?

Беневольский. Сколько ты от меня получаешь жалованья?

Федька. Да вашей милости, я чай, самим известно.

Беневольский. Жалкий человек! ты думаешь, что я занимаюсь этой малостью.

Федька. Ну вот видите, сударь, теперь сами признаетесь, что малость; а как нанимали в Казани, еще торговались: всего сорок рублей на месяц.

Беневольский. Ты будешь получать пятьсот, тысячу.

Федька. С нами крестная сила! рехнулся он. Попросите-ко, сударь, чтоб вам отвели комнату в стороне, да лягте-ко отдохнуть.

Беневольский. Тысячу, тысячу.

Федька. Да где же вы, сударь, возьмете? Вы, помнится, мне говорили, что у вас всего на всё тысяча рублей взято из Казани; да вышло на прогоны двести сорок рублей с полтиною, да покупок в разных городах на восемьдесят рублей, да мне изволили выдать в зачет жалованья два целковых: вот у меня здесь все записано.

Беневольский. Тысячу, говорю я, тысячу получишь; дай мне разбогатеть.

Федька. Вот оно что; ну, барин, так богатеите же скорее.

Беневольский. Эту тысячу, что я взял с собой, получил я в награду дарований от преосвященного, от вице-губернатора, от самого губернатора за стихи поздравительные в разные времена; если в губернском городе дали тысячу, здесь дадут десять, здесь могу я напечатать все мои творения, а как их все раскупят... Что ты качаешь головой? думаешь, не раскупят? Врешь: у Звёздова тьма знакомых, он человек знатный, из угождения к нему все подпишутся: чего это стоит? один экземпляр – дрянь; а за всё придется важная сумма.

Федька. (смотря в окно). Кто-то, сударь, подъехал в коляске.

Беневольский. Сюда взойдут. Выйди в переднюю.

Федька. Да там народ такой неласковый, к тому же, право, я голоден, быка бы съел. Пожалуйте, сударь, полтинник: я схожу в харчевню.

Беневольский. На, убирайся. Ах! досадно, на мне дорожная куртка. Еще подумают: новичок, смешной, необразованный... Воротись, Федор! Федька! вынь из чемодана платье, поновее которое.

Федька. Да там всего, сударь, фрак лиловый да жилет пике, и то, чай, дорогой поизмялось.

Беневольский. Подавай его.

Федька. К чему вам переодеваться!

Беневольский. Какое тебе дело?

Федька. С вас не взыщут: вы человек приезжий.

Беневольский. Молчи!

Федька. Образумьтесь, где теперь выкладывать из чемодана: вам и комнаты еще не отвели.

Беневольский. Не умничай!

Федька. Притом власть ваша: есть хочется, ей-богу! мочи нет.

Беневольский. Прозаик!

Федька. Вот еще ругаетесь. Нет, барин, мне таким способом служить будет не в охоту.

Беневольский. Олух! прибери эту тетрадь и карандаш да ступай за мной: я сам вытащу чемодан и выну платье. Скорей! Скорей! (Уходит с Федькой и в дверях встречается с Полюбиным.)

явление 3

Полюбин и Иван.

Полюбин. Стало, никого нельзя видеть; а это кто вышел?

Иван. Приезжий, сударь, из Казани.

Полюбин. Из Казани! и зовут его?

Иван. Беневольский.

Полюбин. Ах! Боже мой!

явление 4

Полюбин и Варинька.

Варинька. Здравствуйте, Полюбин; как умно сделали вы, что приехали! Знаете ли, кто здесь?

Полюбин. Да, этот жених из Казани, выбранный Звёздовым и который, натурально, никогда не будет вашим мужем.

Варинька. О, конечно, нет. Представьте, я давеча сию перед окошком у себя в комнате, только что встала, вижу: подъезжает к крыльцу повозка, из нее выходит... вы еще его не видали?

Полюбин. Он мелькнул в дверь, только что я вошел.

Варинька. Ни на что не похож; я вскочила со стула, послала спросить, кто? Говорят, Беневольский; я онемела от испугу. Ведь это может только Александру Петровичу прийти в голову назначить мне женихом человека, которого хуже, по крайней мере на взгляд, сыскать нельзя.

Полюбин. Поверьте, он об нем давно забыл.

Варинька. Нет нужды: он, конечно, ни об чем не помнит, но за вас меня не выдает потому, что его жена этого хочет; он в пятьдесят лет настоящий ребенок, все любит делать наперекор всем и, вы увидите, начнет меня принуждать, чтобы я вышла за этого шута, которого он давно забыл, но вспомнит, коль скоро он ему попадетса на глаза. Боже мой! как тяжело зависеть от таких людей, которые за свои благодеяния располагают вами, как собственностью! Теперь я чувствую, каково быть сиротой.

Полюбин. Я еще надеюсь: если Звёздов не совсем так поступает, как бы должно, жена его женщина редкая; принявши вас в дом, полюбила и продолжает любить, как дочь. Ей, как нежной матери, обязаны вы всеми приятностями, которые всех заставляют вас любить.

Варинька. Ах, перестаньте! до того ли мне?

Полюбин. Хотя муж ее всегда хочет поступать в противность другим, все-таки жена его, милая, ловкая, наконец ставит на своем; и немудрено: ему пятьдесят лет, а ей с небольшим двадцать.

Варинька. Пойду брошусь перед ней на колени; пусть что хотят со мной делают, а я ни за кого, кроме вас, не выйду.

Полюбин целует у нее руку.

Она еще спит, а то я бы сейчас пошла, пока муж ее не воротился из дворца.

Полюбин. Вы напрасно огорчаетесь: у вас нет родителей, – кто вас может приневолить? Вы выбрали человека по сердцу, от вас зависит его счастье.

Варинька. Без согласия моих покровителей! чтоб меня после называли неблагодарной! ни за что в свете. (Подходя к окну.) Посмотрите, посмотрите, он же на улице переодевается.

Полюбин. Кто? Беневольский? (Смотрит в окно и хохочет.)

Варинька. Нет, не только теперь, – если б я и вас не знала, ни под каким видом не вышла бы замуж за этого безумного. Хорошо вам смеяться: вы сами себе господин. Ах! он сюда идет; прощайте! пойду в спальню к Настасье Ивановне. Может быть она встала. Приезжайте ужю, простите. (В дверях.) Будьте же здесь ужю непременно, а то мы нынче съезжаем на дачу. Бог знает когда увидимся.

Явление 5

Полюбин, вскоре после Беневольский.

Полюбин(смотря на часы). Теперь половина одиннадцатого, во дворце еще не вышли к обеду, – Звёздов не так скоро воротится. Можно полюбопытствовать, что за человек этот Беневольский. Вот он сам и в пух расфранчен.

Беневольский(шаркая). Ваш покорнейший слуга–с.

Полюбин. Здравствуйте!

Беневольский. Позвольте с вами познакомиться.

Полюбин. Очень рад вас видеть.

Беневольский. Что-с? так точно-с. (В сторону.) Непостижимо. Я, верно, в сорок раз его умнее: отчего я робею, а он нет?

Полюбин(в сторону). Бесценный. И это мой соперник.

Беневольский. Позвольте спросить: я, кажется, если не ошибаюсь, имею честь говорить с вами?

Полюбин. Вы не ошибаетесь.

Беневольский(в сторону). Как краткословен! Он меня убивает.

Полюбин. Вы недавно сюда приехали?

Беневольский. С час будет.

Полюбин. Из Казани?

Беневольский. Я сын волжских берегов: #с004003_4.

Полюбин. Вам здесь все должно быть ново?

Беневольский. Ничто не ново под солнцем.

Полюбин. Но приезжего из Казани многое кое-что должно здесь удивить.

Беневольский. Меня ничего. Признаюсь вам, я столько читал, что ничем не удивлен. Это мое несчастье.

Полюбин. Может, не успели еще видеть ничего удивительного?

Беневольский. Помилуйте. Эти воды, пересекающие во всех местах прекраснейшую из столиц и вогражденные в берега гранитные, эта спокойная неизмеримость Невы, эти бесчисленные мачты, как молнией опаленный лес – вы это называете неудивительным?

Полюбин. Не я, а вы: вы сказали, что ничем уж не удивляетесь.

Беневольский. Я разумел моральные явления.

Полюбин. Когда ж вы могли их видеть? Вы сейчас из повозки. – Что ж вы располагаете вдаль? Какой род жизни вы намерены выбрать?

Беневольский(приосанившись). Вы знаете, как меня зовут?

Полюбин. Беневольский, кажется.

Беневольский. Да-с.

Полюбин. Так что ж?

Беневольский. Вы, конечно, читали «Сына отечества»? там эти безделицы, я их, ей-богу, полагаю безделицами, так... опыты, конечно, часто счастливые, удачные, они подписаны литерами Е. А. Б. и несколько точек, вместо имени – Евлампий Аристархович Беневольский.

Полюбин. Имени вашего не забуду; но я не читаю «Сына отечества».

Беневольский. Нет! ну, так «Вестника Европы»?

Полюбин. Тоже нет.

Беневольский. Помилуйте, а «Музеум»? Вы, конечно, любите «Музеум»? Московский «Музеум»?

Полюбин. Я даже не знаю, есть ли он на свете.

Беневольский. Нет, его уж нет больше, но он был. Помилуйте, что ж вы читаете?

Полюбин. Мало ли что? Только не то именно, что вы назвали, и не то, что на это похоже.

Беневольский(смотрит на него с презрением и отходит в сторону). Не читал ни «Сына отечества», ни «Музеума», ха! ха! ха! Этакое невежество в девятнадцатом столетии! в Петербурге! – Я перед ним робел! и я перед ним скромничал! (Садится на стул.) Вы, сударь, спрашивали, какие мои виды вдаль? Вот они: жизнь свободная, усмешка Музы – вот все мои желанья... Ни чины, ни богатства для меня не приманчивы: что они в сравнении с поэзией?

Полюбин(в сторону). Каков же! Однако, вы дурно делаете, что не хотите служить. С вашими способностями, с вашими познаниями немудрено, что вы со временем попадете...

Беневольский(с восторгом). В чины?

Полюбин. В государственные люди... каких, конечно, у нас немного.

Беневольский(вскакивая со стула). Ась? Возможно ли! Быть полезным государству! Это превосходно, это именно мое дело. Я прошел полный курс этико-политических наук, политическую историю, политическую экономию, политику в строгом смысле, право естественное, право народное, право гражданское, право уголовное, право римское, право...

Полюбин. Право, не надобно столько прав, ни столько политики; я, как видите, ничего этого не проходил, а статский советник.

Беневольский. В ваши лета?

Полюбин. Представьте, чем вы можете сделаться!

Беневольский. Как вы благородно судите! Жаль только, что слишком пренебрегаете изящной словесностью.

Полюбин. Я? нисколько!

Беневольский. Как же? не читаете «Сына отечества».

Полюбин. Что ж делать?

Беневольский. Зачните его читать, сделайте одолжение, зачните; право, это вам не будет бесполезно, особливо при вашем здоровом рассудке. – Но быть государственным человеком, министром – чрезвычайно приятно! Не почести, с этим сопряженные: это дым, мечта, – но слава прочная, незыблемый памятник в потомстве! – О, поприще государственного человека завидно; да как бы на него попасть?

Полюбин. А поэзия?

Беневольский. Прелестная игра воображения, отрада в скуке; но дело министра существеннее, решает задачи народов. Я себе представляю не для того, чтоб я в этом был уверен; но если бы оно случилось, чтобы я был министром... (Задумывается.)

Явление 6

Беневольский, Полюбин, Саблин.

Саблин. Здорово, Полюбин! как ты рано здесь нынче дежуришь! (Взглянув на Беневольского, отводит Полюбина в сторону.) Скажи, пожалуй, давно ли сестра пускает к себе в дом таких куриозов? Это черт знает что такое!

Полюбин. Это тот жених, об котором, помнишь, Звёздов прожужжал Вариньке.

Саблин. Казанский?

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
Полюбин. Как видишь, налицо.

Саблин. Чудо!

Полюбин. Хочешь ли, я вас познакомлю.

Саблин делает знак согласия.

Евламий Аристархович! позвольте представить вам моего друга, Евгения Ивановича Саблина.

Беневольский раскланивается.

Саблин(Беневольскому). Для первого знакомства, скажите-ко, батюшка, чем вы на белом свете промышляете?

Беневольский. Как ваш вопрос? извините. (Тихо Полюбину.) Я не понимаю его.

Полюбин(тихо Беневольскому). Человек военный, говорит просто; хотите ли, я за вас ему отвечу?

Беневольский(Полюбину). Вы меня обяжете.

Полюбин(Саблину). Господин Беневольский, честь и краса казанского Парнаса, доньше занимался только изящной словесностью, и с таким успехом, что стихи его печатались даже в «Сыне отечества».

Беневольский(Полюбину). Помилуйте, вы меня в краску вводите вашей похвалой.

Полюбин. В ней нет ничего лишнего.

Беневольский. Вы так думаете?

Полюбин. Присягнуть готов. (Саблину.) И сверх того в «Вестнике Европы».

Беневольский. Пощадите скромность поэта.

Полюбин. И где бишь еще?

Беневольский. В «Музеуме». – Да перестаньте. Хоть это все очень лестно, но может показаться, что я самолюбив; а я ничьих похвал не ищу.

Саблин. И хорошо делаете. Кто вас так похвалит, как вы сами себя?

Полюбин. Везде рассыпаны счастливые опыты Евлампия Аристарховича Беневольского: после этого подумай...

Саблин. Я об этом никогда ничего не думаю и сочинителей терпеть не могу. (Беневольскому.) Это до вас не касается.

Полюбин. Кроме что сочинитель, господин Беневольский ужасный законник и метит вдаль. Я его уговаривал, а он почти согласен сделаться со временем государственным человеком.

Саблин. Чем черт не шутит! – Так вы метите в министры? а?

Беневольский. Отчего ж не стремиться вслед за Сюллиями: #с004003_5, за Кольбертами, за Питтами, за боярином Матвеевым?

Саблин. Послушайте, подите-ка к нам, в полк, в юнкера. Смотри пожалуй! он еще дуется!.. Ведь я не виноват, что вас иначе не примут; мне бы, напротив, во сто раз было веселее, кабы вы попали прямо в полковники: вы так сухощавы, по всему судить, проживете недолго, скорей бы вакансия очистилась.

Беневольский(в сторону). Житель Виотии: #с004003_6 в Афинах! ни малейшего колорита воспитания!

Саблин(Полюбину). Неужли ты полагаешь, что есть возможность этому шуту жениться

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
на Вариньке?

Полюбин. Э, братец! от твоего зятя все возможно.

Саблин. Я за это в состоянии сказать ему дурака в глаза, хоть он и думает, что вдвое меня умнее от того, что вдвое старше. Здесь неловко говорить: идем завтракать на бульвар.

Полюбин. Пойдем.

Саблин. А ужо как вернемся, настроим хорошенько сестру, чтоб она мужа на ум навела. Я, право, люблю тебя как душу, и Вариньку тоже, смерть досадно, если она достанется этому уроду... Ха! ха! ха! как можно этаким выродиться! Я бы сам себя на его месте обрадовал и пристрелил. (Беневольскому.) Мы, сударь, оставляем вас одних: рассуждайте на досуге. Вот вам, как Ивану Царевичу, три пути: на одном лошадь ваша будет сыта, а вы голодны, – это наш полк; на другом и лошадь, коли она у вас есть, и сами вы умрете с голоду, – это стихотворство; а на третьем – и вы, и лошадь ваша, и за вами еще куча людей и скотов будут сыты и жирны, – это статская служба. Во всяком случае вы пойдете далеко; а мы, брат, пойдем к Бордерону, вели своей коляске за собой ехать.

Явление 7

Беневольский(один). Ха! ха! ха! Какой сюжет для комедии богатый! Как они смешны! Тот, статский советник, в порядочных людях, и не читал ни «Сына отечества», ни «Музеума»; но по крайней мере видно, что ему это совестно, больно: он мне после угождал взорами, речью, нарочно, чтоб изгладить дурное впечатление, которое надо мной сделало его невежество. А этот гусар, об котором Вергилий говорит: *Barbarus has segetes* [40 – Варвар эти нивы (Вергилий. Эклога первая, ст. 70–71).], – еще храбрится своею глупостью. Однако он мне дал мысль: ступайте к нам в полк... Нет, не в их полк, а в военную: отчего мне не быть военным? О! ремесло Цесаря! сына Филиппова: #004003_7! Быть вождем полмиллиона героев! Самому воспевать свои победы! воин-поэт! Но быть министром! тоже значительно, завидно. Ну что ж? разве нельзя все это сдружить вместе? Так, я буду законодателем-полководцем и стихотворцем, и вы меня одобрите, существа кротости!.. Существа очаровательные! все в жертву вам!.. Но боже мой! как здесь долго таятся в неге! Я так давно снедаем ожиданием. Ах! если б теперь мог увидеть ту, которая давно живет здесь, в моем сердце, знакомую незнакомку, которая часто появлялась мне в сновидениях, светла, как Ора, легка, как Ириса, – величественный стан, сапфирные глаза, русые, льну подобные, волосы, черты... Кто-то идет – две женщины!.. Сердце, ты вещун! – это она с субреткою... Мой идеал!.. Она!..

Явление 8

Звёздова, Варинька, Беневольский.

Звёздова. Я теперь только узнала, что вы приехали, и очень жалею, что не могла прежде... Что с вами сделалось? Не дурно ли вам?

Беневольский(кланяясь). Нет-с, ничего-с. Честь имею себя рекомендовать.

Звёздова. Вы долго ехали из Казани?

Беневольский. Счетом времени только неделю, а счетом сердца целый век.

Звёздова. Видно, что-нибудь вас сюда торопило?

Беневольский. Ах! сударыня, вы не знаете любви!

Звёздова. Это очень лестно для вашей невесты. Но вы ее видите в первый раз.

Беневольский. В первый раз! Нет, я ее вижу не в первый раз.

Звёздова. Разве вы бывали прежде в Петербурге?

Беневольский. Никак нет-с.

Звёздова. Когда ж вы могли ее видеть?

Беневольский. Всегда: в часы уединенного труда, в минуты деятельной чувствительности, досуга шутливого, крылатой фантазии.

Звёздова. Да где же?

Беневольский. Везде: образ ее носился в облаках воздушных, выглядывал из ручейка долинного, отражался в каплях росы на листочках утренних...

Звёздова. Теперь я понимаю: вы шутите.

Беневольский. Одни сердца холодные могут шутить.

Звёздова(тихо Вариньке). Он говорит так странно...

Варинька(тихо Звёздовой). Странно, просто вздор; и за него хотят меня выдать. Ах! сжальтесь хоть вы.

Беневольский(в сторону). Она в смущении! Еще слово, и я счастлив.

Звёздова. Вы, кажется, поэт?

Беневольский. Так! я не ошибся! я счастлив! я любим!

Звёздова. Что такое?

Беневольский. Вы меня узнали?

Звёздова. Узнала ли я?..

Беневольский. Вы меня поняли?

Звёздова. Нет, право...

Беневольский. Трепещут ли в вас те струны, которые издали голос в моем сердце?

Звёздова(Вариньке). Он с ума сходит.

Варинька(Звёздовой). Помилуйте, с чего ему сойти?

Беневольский. Я желал – и свершилось. Я искал бессмертия в любви, божества в природе – и ангел возвышенных мыслей предстал мне во всем велелепии.

Звёздова. Что вы говорите? опомнитесь.

Беневольский. Сердце имеет свою память: #с004003_8. Вы заметили тот восторг, который не в силах был я удержать при первой нашей встрече? – в нем слышали вы голос пиитической совести.

Звёздова. Я, сударь, в жизнь мою ничего подобного не видала и не слыхала. (Вариньке.) Побудь с ним, ради бога, мне сил недостает его слушать.

(Уходит.)

явление 9

Беневольский, Варинька (она все время печальна и сердита).

Беневольский(не примечая, что Звёздова ушла). Не удивляйтесь моим словам, в языке любви запасся я жатвою слов... Боже мой! Она ушла?

Варинька. Ушла.

Беневольский. Краска стыдливой скромности, конечно, разыграла на лице невинности. Она, верно, хотела скрыть смятение первой любви. Зачем я не удержал ее? не досказал всего того, что теснится здесь, в этой груди?

Варинька. Нужды нет; вообразите себе, что я ваша невеста, и доканчивайте, как начали, оно в своем роде, право, хорошо.

Беневольский. Верю, милая.

Варинька. Милая! Как он смеет!..

Беневольский. Но ты не моя невеста, ты не она.

Варинька. Дай бог!

Беневольский. Что, красавица?

Варинька. Я думала, каково вашей невесте.

Беневольский. Положение ее должно быть...

Варинька. Несносно.

Беневольский. Стрелы любви, конечно, язвительны, богатыри могучие по три дни не едали и не спали от них. Илья Муромец: #с004003_9...Но ты не читала, ты не поймешь. Стрелы любви, подобно копью Ахиллову, исцеляют собственную рану... Ох! я опять забыл, что ты не поймешь.

Варинька. Авось пойму: продолжайте.

Беневольский. Если б ты, красавица, взялась мне помочь, поговорить своей барышне...

Варинька(в сторону). А! я служанка.

Беневольский. Если б ты растолковала ей, как выгодно быть подругою стихотворца.

Варинька. К чему это? Невеста ваша все сама от вас слышала.

Беневольский. В самом деле... С каким жаром я изъяснялся! Как ты думаешь?

Варинька. О! чрезвычайно... Только жаль...

Беневольский. Что жаль?

Варинька. Вы трудились понапрасну.

Беневольский. Понапрасну! Поверь, что нет. Я примечал все время, и заметил, что она...

Варинька. А кто она?

Беневольский. Вот вопрос забавный: она, что вдруг явилась и наполнила душу радостью, а потом исчезла, как призрак, – невеста, избранная мне рукою тайного Провидения, – словом, она.

Варинька. Ах, сударь, она – не она.

Беневольский. Как не она?

Варинька. Вы говорили не с нею.

Беневольский. Не с нею! С кем же?

Варинька. С хозяйкою здешнего дома, с женою вашего покровителя.

Беневольский. С женою... Невозможно! Нет, нет... Какое тут правдоподобие!

Явление 10

Варинька, Беневольский, Иван.

Иван(Вариньке). Барыня вас спрашивает.

Варинька. Слава богу! (Уходит.)

Явление 11

Беневольский, Иван.

Беневольский(ей вслед). Минуту! Одну минуту!.. Никакого правдоподобия, это шутливый вымысел субретки. (Ивану.) Постой хоть ты.

Иван. Что прикажете?

Беневольский. Представь себе, что мне сказала горничная.

Иван. Какая, сударь, горничная?

Беневольский. Ну, вот что сейчас отсюда вышла.

Иван. Помилуйте, сударь, что это за горничная? Это барышня, здесь в доме воспитывается, Варвара Николаевна.

Беневольский. Моя невеста! я погиб. Зловещий человек! Что ты сказал?

Иван. Сущую правду-с.

Беневольский. Но как же мне не ошибиться? Входит женщина молодая, ни дать ни взять мой идеал. Кому же взойдет в голову, что она жена старика Александра Петровича Звёздова? С ней другая должна была показаться мне горничною.

Иван. Станет ли, сударь, горничная растабарывать с молодым незнакомым господином, глаз на глаз, среди бела дня, где все люди ходят? Довольно, что и урывкою пошаливают.

Беневольский. Полно, братец, нынче горничные везде, всегда и со всеми разговаривают. Я это читал во всех новых комедиях, а комедия зеркало света.

Иван. Как вам угодно.

Беневольский(в размышлении). Из тысячи книг собирал я познания о свете, и вдруг одна нечаянность все превращает в ничто. О fatum! – Нет, не виню тебя, ученье! Так, догадываюсь, понимаю, я сам виноват, я читал же... как забыть? как не вспомнить? Это одно и то же положение; они хотели испытать меня; одна притворилась горничной, другая – моей невестой, а я не угадал. Но – не дам им торжествовать, оборочу им же в беду, скажу им, что я знал все и нарочно притворялся, чтоб помучить хитрую. Эту развязку я читал, очень помню.

Иван. Еще ничего не прикажете?

Беневольский(в сторону). Этот человек может мне послужить. Он так хорошо одет; верно, много значит в доме. Я читал, что у знатных есть слуги, которые в доме все делают и даже управляют господами. (Громко.) Послушай, мой друг, полюби меня, делай, что я тебе скажу.

Иван. Что будет угодно?

Беневольский(дает ему деньги). Вот тебе для знакомства. Не откажись...

Иван. Кто, сударь, от денег отказывается?

Беневольский. Не откажись подать мне те сведения, что я от тебя потребую. Ты, верно, все в доме знаешь до утонченности... все тайны тебе известны.

Иван. Виноват, сударь, я вчера только поступил сюда в услужение. Александр Петрович изволил меня выпросить у своей тетушки, княжны Дарьи Савишны Невкушаевой. Про нее расскажу вам, что хотите; почтенная, целомудренная девица, шестидесяти лет; я у ней исправлял должность буфетчика.

Беневольский. Какое мне до нее дело? – Судьба меня преследует. По крайней мере впредь, братец, старайся все видеть, все слышать, все знать, что здесь происходит.

Иван. О! вперед, сударь, будьте уверены, всю подноготную выведаю.

Беневольский. Под завесой тайны слушай все: где, что, кто кому тихо станет шептать.

Иван. Да, сударь, коли очень тихо будут шептаться, и не услышишь.

Беневольский. Лови малейшие намеки, наблюдай за телодвижениями, за выражением лиц, из того выводи свои заключения, сшей себе тетрадку, все записывай; вот тебе карандаш.

Явление 12

Звёздов, Беневольский, Иван (Звёздов вбегает в мундире).

Звёздов. Фрак! поскорее фрак! Ох! устал до смерти. – А! Иван, ты здесь! Целое утро тебя давеча искали, и говорят, ночью был бог знает где... Нет, брат, у меня своих шатунов куча. Поди, откуда пришел, живи опять у своей княжны, ты мне не надобен.

(Садится перед зеркалом, задом к Беневольскому и не примечая его.)

Иван. Да ваше превосходительство сами меня изволили услать с вечера на дачу.

Звёздов. Ты мне не надобен.

Иван. Власть ваша, а я с тех пор, как воротился, один только и сидел в передней. (Показывая на Беневольского.) Вот извольте спросить.

Беневольский. Я действительно могу засвидетельствовать...

Звёздов(не слушая и не оборачиваясь). Чтоб его духу здесь не было. – Фрак! поскорее фрак! – А! хорошо. – Да отнести назад картины этому шельме итальянцу, вот что всегда ко мне ходит, сказать ему, что он плут, вор; я кому ни показывал картины, все говорят – мерзость, а он с меня сдул вексель в двенадцать тысяч. Чтоб взял назад свою дрянь хоть за половинную цену, а то подождет же денег лет десять, не у него одного есть вексель на мне. – Да отправить старосту из жениной деревни, наказать ему крепко-накрепко, чтоб фомка-плотник не отлынивал от оброка и внес бы 25 рублей, непременно, слышите ль: 25 рублей до копейки. Какое мне дело, что у него сын в рекруты отдан, – то рекрут для царя, а оброк для господина: так чтоб 25 рублей были наготове. Он, видно, шутит 25-ю рублями; прошу покорно, да где их сыщешь? Кто мне их подарит? на улице, что ли, валяются? 25 рублей очень делают счет в нынешнее время, очень, очень... Говорят, что все подешевеет, а между тем все вздорожало; так чтоб фомка внес 25 рублей, слышите ль, сполна 25 рублей; хоть роди, да подай.

Беневольский(подкрадывается униженно). Ваше превосходительство...

Звёздов(вскакивая со стула). Ах! извините, откуда вы? как? с кем имею честь говорить?

Беневольский. Моя фамилия Беневольский.

Звёздов. А чем я могу вам служить?

Беневольский. Я сюда приехал... вы изволили обещать...

Звёздов. А! да, да, помню, помню; будьте покойны, все будет исполнено. – Какая толкотня была нынче во дворце! Какая куча народу! Я ужасно устал, насилу хожу: пойду немножко прилягу. Не взыщите, пожалуйста, я человек старый, во всякое другое время вы мой гость, и я буду вам очень рад. (Хочет уйти.)

Беневольский. Ваше превосходительство, верно, изволили забыть...

Звёздов. Нет, батюшка, все помню, все; я вам сказал, что все будет исполнено. А между тем напишите мне в четырех строках об вашем деле да воткните здесь к зеркалу.

Беневольский. Мне-с ничего такого не надобно...

Звёздов(в дверях). Помилуйте, батюшка, да коли вам ничего не надобно, так что ж вам надобно?

Беневольский. Я из Казани.

Звёздов(возвращаясь). Как из Казани?

Беневольский. Так точно-с. Я сейчас приехал сюда из Казани. Вы там очень знакомы были с моим батюшкой, он имел хождение по вашим делам.

Звёздов. А, помню, помню... Какое было я сделал дурачество! Извини, дружище, здесь такая путаница, себя забудешь; зато и еду скорее в деревню на покой. – Да как тебя узнать? вырос, постарел, помолодел. – Ну, здравствуй в Петербурге. Что твой делает отец? здоров ли?

Беневольский. Его уж нет на свете, он отошел к лучшей жизни.

Звёздов. Умер! Ах, какое несчастье! Давно ли? от какой болезни? какой был толстый! Да в этой Казани, чай, доктора дурные, хоть кого так уморят. – Ходи ко мне почаще, мой милый, обедай, сиди здесь по целым дням, у меня народу бывает много всякого: можешь сделать знакомство. – Где ты остановился?

Беневольский. Покамест под синевой небесной. – Ваше превосходительство обещали покойному батюшке, что по приезде моем в Петербург...

Звёздов. Пристрою тебя к месту? помню, помню: не заботься, все сделаем.

Беневольский. Ваше превосходительство обещали также мне дать приют в вашем доме.

Звёздов. Точно! помню, помню, и ты очень умен, что это помнишь. Погоди немного, я пошлю за дворецким, тотчас отведут комнату; ничего немудрено, дом большой, весь к твоим услугам, располагай им, как своим.

Беневольский. Ваше превосходительство обещали мне также в сердце моем заместить ту пустоту, которая...

Звёздов. Что такое, батюшка? переведи, пожалуй, на простонародный язык. Ты, я вижу, человек ученый, говоришь все фигурно; а я простой человек, люблю, чтоб было все ясно.

Беневольский. У вас воспитывается прелестное создание.

Звёздов. А! да, да, помню: я тебе обещал Вариньку. Ну, брат, я сдержал слово, ни за кого не выдал, она еще теперь в девушках; а сватались многие, и теперь еще сватается... да я люблю держаться своих слов. Все ждал тебя.

Беневольский все время кланяется.

1-й слуга(входит). Анна Васильевна Растабарова прислала напомнить вашему превосходительству о том, о чем она вас просила.

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
Звёздов. Хорошо, хорошо. Скажи, что хорошо.

2-й слуга(входит). Княжна Дарья Савишна прислала спросить, изволили ли вы постараться об ее деле.

Звёздов. Какое дело? когда она мне говорила?

2-й слуга. Вчерашний день.

Звёздов. Все будет исполнено; вели ей доложить, что все будет исполнено.

3-й слуга(входит). Лев Иванович Недосугов прислал просить ваше превосходительство...

Звёздов. Чего у меня просить! Убирайся к черту. Мне ни до кого нет дела, а до меня всем; вели отвечать, что все будет сделано, непременно все, все, все.

3-й слуга. Да он сам приказал вам сказать, что он все уж сделал по вашему делу, только просит вас к себе.

Звёздов. А!.. ну так вели благодарить: очень-де, батюшка, благодарен. Да никого ко мне не пускать; слышите ль? меня нет дома, я как уехал во дворец, так еще не воротился и не ворочусь во весь день. Слышишь ли? – Тоска в этом городе; нет, скорее в деревню от здешней суматохи. Пойдем, брат, ко мне в кабинет; я немного посплю, а ты мне расскажешь кое-что об Казани.

Уходят оба.

Действие второе

явление 1

Полюбин, Саблин.

Саблин. Говорят тебе: дай волю и не мешайся не в свое дело.

Полюбин. Как не в свое дело! чье же оно? кто же из нас хочет жениться?

Саблин. С чем приступил! верно, не я. Вот тебе рука моя, что я женюсь разве лет в шестьдесят на какой-нибудь богатой купчихе.

Полюбин. Которая заплатит долги твои, повеса!

Саблин. Как догадлив и мил! Однако, убирайся!

Полюбин. Не хочу, мне надобно самому повидаться с Настасией Ивановной и попросить ее.

Саблин. Вздор. Звёздов узнает, что ты просил его жену, и нарочно пойдет наперекор, а я, как брат родной, могу с ней говорить, что хочу, и взялся за это.

Полюбин. Хорош ходатай!

Саблин. Ничуть не дурен.

Полюбин. Ты все забудешь.

Саблин. Не забуду, коли обещал.

Полюбин. Ничего не скажешь путем.

Саблин. Все скажу лучше тебя.

Полюбин. Например, что?

Саблин. То, что ты славный малый, что Беневольский скот, что его надобно вытолкать взашей, а тебя женить на Вариньке.

Полюбин. А там?

Саблин. Чего тебе еще?

Полюбин. Нет, братец, это совсем не то; я сам поговорю, я скажу сестре твоей...

Саблин. Ну, говори.

Полюбин. Я докажу сестре твоей, что она погубит свою воспитанницу, если откажет мне. Мы друг друга любим и, верно, будем счастливы; состояние мое хоть небольшое, но достаточное; служба моя дает мне право надеяться вдаль, – ты знаешь, что я заслужил несколько отличий; что же касается до счастья домашнего, и сестра твоя, к горю своему, должна знать его цену, – я уверен, что доставлю его жене моей; ты знаешь меня и скажешь сам...

Саблин. Ну да, ты славный малый.

Полюбин. С другой стороны, я постараюсь усостыдить Настасью Ивановну. Ей стыдно будет выдать Вариньку за студента, в котором нет ни ума, ни души – словом, ничего; недоученный педант, одет как шут, говорит как дурная книга, ничего не знает, думает о себе, что он осьмое чудо.

Саблин. Скот, одним словом.

Полюбин. И что они в нем нашли? Если Звёздов, как приятель отца, взялся ему что-нибудь доставить, неужели, кроме Вариньки, у него ничего нет? Надобно ему приискать по способностям место переписчика у Глазуновых или учителя в уездном городе – и отправить с богом.

Саблин. Его надо прогнать к черту.

Полюбин. Коль скоро его не будет здесь и Звёздов о нем забудет, я уверен, что мне не откажут, и теперь я не знаю, почему...

Саблин. Ха! ха! ха!

Полюбин. Что ж так смешного?

Саблин. Прямой ты шут, наговорил с три короба, и сказал все то же.

Полюбин(смеясь). В самом деле.

Саблин. Ну, прощай же.

Полюбин. Разве лучше?

Саблин. Гораздо лучше, если ты уйдешь.

Полюбин. Знаешь ли что? Я пойду и постараюсь как-нибудь поладить с Звёздовым: авось он...

Саблин. Ступай и подличай.

Полюбин. Я надеюсь, что ты хоть этот раз сделаешь дело и поговоришь благоразумнее обыкновенного; полно тебе ветреничать.

Саблин. Полно тебе проповедовать, надоел; ступай: вот и сестра.

явление 2

Звёздова, Саблин.

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
Звёздова. Куда же Полюбин убежал? Мне сказали, что он хочет со мной поговорить. Я насилу отделалась от хлопот: ведь мы сегодня переезжаем, пришла будто за делом, а он исчез.

Саблин. Я его уснул в кабинет растабарывать и все тебе за него скажу. Да наперед растолкуй мне, что с тобой сделалось?

Звёздова. Со мной ничего не сделалось.

Саблин. Помилуй, матушка: ты мне век свой читаешь проповеди за все про все, а сама сегодня изволила спать до полудни. Я тебя и дожидаться не мог.

Звёздова. Я вчера поздно приехала, часу в четвертом; у княжны Дарьи Савишны на даче был детский бал.

Саблин. Ты что за дитя?

Звёздова. Нельзя же не ехать, если зовут.

Саблин. Слышанное ли дело! и ты тут же с ребятишками расплясалась! Жаль, что меня не было, нахохотался бы.

Звёздова. Хохотать вовсе нечему; гораздо лучше забавляться с детьми, нежели делать то, что вы все, господа военные. Со стороны смотреть и смешно, и стыдно: приедут на вечер, обойдут все комнаты, иной тут же и уедет. И как ему остаться: он зван еще в три дома, куда тоже гораздо бы лучше совсем не ехать, если только за тем же; другие рассядутся стариками, кто за бостон: #с004003_10, кто за крепс, толкуют об лошадях, об мундирах, спорят в игре, кричат во все горло или, что еще хуже, при людях шепчутся. Хозяйка хочет занять гостей, музыканты целый час играют по-пустому, никто и не встает: тот не танцует, у того нога болит, а все вздор; наконец иногу упросят, он удостоит выбором какую-нибудь счастливую девушку, прокружится раз по зале – и устал до ужина; тут, правда, усталых нет: наедятся, напьются и уедут спать.

Саблин. А я тебе коротко скажу, что, кроме ужина, нет ничего хорошего ни на одном бале; я их терпеть не могу еще с десяти лет: как дядюшка заставлял меня насильно прыгать со всеми уродами.

Звёздова. Боже мой! как вы разборчивы!

Саблин. Нет, вы не разбираете.. Ты ведь никому не отказывала: подослал бы я к тебе какого-нибудь Евлампия Аристарховича, да.. Кстати, что вы, с ума сошли с мужем вдвоем? неужели вы в самом деле хотите выдать Вариньку за эту чучелу?

Звёздова. Я вовсе не хочу, да Александр Петрович обещал его отцу.

Саблин. Вольно ему было дурачиться!.. Я тебе напрямки говорю, что, если ты не выдашь ее за Полюбина, моя нога у вас в доме не будет. Это срам сравнивать честного человека, каков Полюбин, с Евлампом Аристарховичем.

Звёздова. Я бы рада всей душой..

Саблин. Это будет курам на смех.

Звёздова. Я, право, не знаю, что делать.

Саблин. Хочешь ли, я дело сделаю? Скажу просто этому студенту, чтоб он со своей кибиткой, с чемоданом и с лиловым фракком убирался вон, пока без греха.

Звёздова. Хуже этого нельзя придумать: Александр Петрович рассердится, и тогда его никак не уговоришь.

Саблин. Пусть его сердится, что мне за дело?

Звёздова. Тебе ничего, но Вариньке тогда не бывать за Полюбиным. А я не хочу заводить шуму в доме. Я придумала гораздо лучше: соглашусь притворно на свадьбу Беневольского и так напугаю моего мужа приятным обществом казанского студента, что тогда он на все согласится.

Явление 3

Звёздова, Саблин, Беневольский.

(Беневольский входит тихо и подслушивает.)

Беневольский. Что я вижу! Тêте-à-têте!

Саблин. Выдумка хороша.

Беневольский. Выдумка!

Саблин. И ты думаешь, что твой муж не догадается?

Беневольский. Муж! и ты! Это так, точно так.

Звёздова. Мы постараемся от него скрыть.

Беневольский. O tempora! o mores![41 - О времена! о нравы! (лат.)]

Саблин. Смотри же, надеюсь на твое обещание.

Беневольский. Мармонтель, ты прав: вот свет!

Звёздова. Ты можешь быть во мне уверен.

Беневольский. Надобно воспользоваться открытием. Я столько читал об этих вещах...

Саблин. Как я тебя люблю за это!

Беневольский. Он любим; все ясно, вот причина ее равнодушия, когда сегодня утром...

Саблин(приметив Беневольского, Звёздовой). Смотри, пожалуй, оглянись.

Звёздова. Уж не слышал ли он? (Шепчется с Саблиным.)

Беневольский. Они меня заметили. Нечего делать: успокою их, сделаюсь их поверенным, наперсником; они за то постараются о моей женитьбе. Благодарность...

Саблин(Звёздовой). Э! что за беда?

Беневольский(Звёздовой). Не опасайтесь ничего, сударыня; вы меня извините: нечаянный случай заставил меня вам помешать.

Саблин. Догадался, батюшка!

Беневольский. Но поверьте, и моя скромность...

Саблин. Что тут скромничать?

Беневольский. Времена патриархальные были почтенны, но они были.

Звёздова. Что вы хотите сказать?

Беневольский. С успехами просвещения, с развитием людкости, все пришло в новый порядок, природа должна бороться с предрассудками; но предрассудки временны, а природа вечна.

Звёздова. Я вас прошу, сударь, объяснить мне, что вы хотите сказать?

Беневольский. Я проник вашу тайну, но я сам имею сердце; законы вас осуждают: #с004003_11, но какой закон святее любви?

Звёздова. Если б это я слышала от другого... но на вас я не должна и не могу

явление 4

Саблин, Беневольский.

Саблин. Скажите, батюшка, что вы наговорили?

Беневольский. Вы меня поняли, довольно.

Саблин. Я человек военный и, к стыду моему признаюсь, в стихах ничего не понимаю.

Беневольский. Он думает, что это стихи, ха! ха! ха!

Саблин(в сторону). Дурак меня взбесит. (Беневольскому.) Нельзя ли, шутки в сторону, сказать мне просто, что вы ей такое сказали?

Беневольский. Поверьте, слова мои были столько же невинны, как и мое намерение.

Саблин. За что же она как будто рассердилась?

Беневольский. Или вы не знаете женщин?

Саблин. Знаю или не знаю, это не ваше дело. Я спрашиваю, чем вы ее рассердили?

Беневольский. Может быть, ей показалось неприятно, что незнакомец узнал то, что она хотела бы скрыть от всех, от самой себя. Она слаба, но добродетельна. Мне даже жаль, что это случилось: в наше время как быть иначе. Одна ли взаимность располагает сердцами? Родители жертвуют судьбой детей своему корыстолюбию, выдают молодую девушку за человека знатного и богатого, но старого и немилого, в оковы супружества вплетает она розы любви, ищет друга и счастлива, если найдет достойного.

Саблин. Как вы смеете думать о почтенной женщине...

Беневольский. Помилуйте, разве маркиза дю Шателе не была другом Вольтера, разве Жан-Жак?..

Саблин. Знаете ли вы, господин студент, что вы мне надоели до смерти? Я слушал ваш вздор целый час и думал, авось уймется; но вижу, что молчать, то хуже, и теперь скажу вам наотрез: вы целый час бредили как во сне и только помешали мне с сестрой об деле говорить.

Беневольский. Ваша сестрица! Нет, скажите, вы не шутите?

Саблин. Стану я с ним шутить.

Беневольский. Сделайте милость, извините.

(В сторону.) Ну в чем я виноват?

Саблин. Мне, батюшка, ваши извинения, право, не нужны.

Беневольский. Я пойду к вашей сестрице и оправдаюсь перед ней...

Саблин. Прошу не беспокоиться; слышите ли? я вам говорю, оставьте ее в покое.

Беневольский. Она может подумать обо мне...

Саблин. Она об вас и думать не хочет.

Беневольский. Я надеюсь, что вы никому не скажете.

Саблин. Молчите только сами, слышите ли вы?.. Да вот и все.

явление 5

Звёздов, Звёздова, Варинька, Полюбин. Саблин, Беневольский.

Звёздова. Не ездите, Александр Петрович, оставайтесь с нами.

Звёздов. Э, матушка, и рад бы остаться, да нельзя: дел берёмя, а на кого положиться? все сам ездите да хлопотите.

Звёздова. И дома дела не меньше, ничто не устроено.

Звёздов. Ну, матушка, сама потрудись, не все же мне одному. В старину, право, живали лучше нашего, а хозяйка сама всем домом заведовала и не ходила к мужу за всякой дрянью.

Звёздова. Ты сам запретил, чтоб без тебя ничего не делали.

Звёздов. Поневоле запретишь, как никто ни за что взяться не умеет. Да что я заговорился? женщин не переспоришь, потерянный труд и время. – Не правда ли, Полюбин?

Полюбин. Я с вами согласен, с ними спорить не должно.

Звёздова. Давно ли вы против нас?

Варинька(тихо Звёздовой). Не мешайте ему.

Саблин(тихо Звёздовой). Из чего вступилась?

Звёздов. Что вы там все плечьюми пожимаете? Вам досадно, что он со мной согласен, а он прав, совершенно прав. Мы с ним целый час разговаривали обо всем, и он обо многом так судит, как нельзя лучше.

Полюбин. Я только придерживался вашего мнения.

Звёздов. Нет, не в том сила; а что дело, то дело. Который час?

Полюбин. Третий в начале.

Звёздов. Ну вот, а я еще никуда не поспел. – Кто там! готова ли карета?

Слуга(входит). Подана уж, у крыльца-с.

Звёздов. Ну, тотчас; что ты торопишь? – Прошу покорно пятнадцать мест объездить: тетка хочет определить бедняка в корпус – надобно просить директора; Взяткин векселя не переписывает за то, что я ему за год не отдал процентов. Дерет кожу, проценты безбожные, да я еще ему их стану платить! – пусть припишет. Итальянец-плут надавал дрянных картин, я впотьмах не разглядел, всё копии, и назад не берет; а я нарочно взял на уговоре отдать за половинную цену, если не понравятся: все же лучше. – А визитов на прощанье сколько!.. да у меня и карточки все вышли, куплю мимоездом.. Скука смертная в свете жить! И что это все на меня навязались? Чего они хотят? – Однако прощайте, пора.

Беневольский. Ваше превосходительство..

Звёздов. А! любезный, что ты в углу притаился? каково дела идут?

Беневольский. Ваше превосходительство, я надеюсь на вас, не изволите ли заехать и обо мне..

Звёздов. Будь уверен, все сделается. (К прочим, кланяясь.) До свиданья, господа.

Беневольский. Если б вы изволили поговорить..

Звёздов. Поговорю.. Да что я! чуть не забыл: я уж говорил одному человеку, он обещался прийти уже, так вы с ним и перемолвите. (Кличет.) Человек! если без

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
меня придет Прохоров, доложить тотчас. (Показывает на Беневольского.) Слышишь ли?

Слуга. Слушаю-с.

Беневольский. Но позвольте узнать, с кем?..

Звёздов. Ты его разве не знаешь? Прохоров: #с004003_12? его все знают. Человек очень умный, со всеми авторами знаком, славный человек, вот сам увидишь.

Беневольский. Но, ваше превосходительство...

Звёздов. Извини, любезный, ей! ей! теперь некогда; еще успеем, время не ушло, все будет. – Да я еще тебя и домашним своим не отрекомендовал, голова кружится от забот. Вот жена моя; прошу любить и жаловать.

Звёздова. Твой гость меня давно знает и любит.

Звёздов. Что за вздор! разве ты с ним виделась?

Звёздова. Он меня видел всегда и везде.

Звёздов. Помилуй, матушка, что ты загадками говоришь?

Звёздова. Он на мне жениться хочет.

Звёздов. Как, на тебе жениться!

Звёздова. Он во мне узнал свою невесту, открылся в любви, и так хорошо, что я почти сама влюбилась.

Звёздов(помирая со смеху). Ха, ха, ха, Евлампий Аристархович! что это на тебя выдумывают? – Неужели в самом деле?..

Общий смех.

Беневольский. Позвольте изъяснить...

Звёздов(хохочет). Извини, милый, я с природы смешлив... И что ты против меня затеял? ха! ха! ха! легко ли бедному мужу? ха! ха! ха!

Беневольский. Смею уверить...

Звёздов. Верю, верю, что за беда? не смотри на них, пусть себе смеются, ошибка в грех не ставится. Чтоб в другой раз то же не случилось, – вот твоя невеста. (Подводит его к Вариньке.) Знакомьтесь, как бы ни в чем не бывало.

Варинька. Мы тоже знакомы, и очень коротко; господин Беневольский меня иначе не зовет, как милая.

Звёздов. Вот еще! какой бойкий! – Однако я уж ничего не понимаю, в пень стал, да и только. (Звёздовой.) Тебе он изъяснялся в любви?

Звёздова. В любви.

Звёздов(Вариньке). А тебе говорил: милая?

Варинька. Милая.

Звёздов(Беневольскому). Как же это, любезный? растолкуй, ради бога, в кого ты влюблен? на ком хочешь жениться? неужели на обеих? (Продолжает смеяться.)

Варинька. Он не захочет жениться на служанке.

Звёздов. На служанке!

Варинька. Да, меня он счел за служанку, оттого только мы и знакомы.

Звёздов. Ну, Евлампий Аристархович, от часу не легче. Этого бы я ввек не выдумал. – Да как ты, человек умный, человек – ученый, а свою невесту счел за служанку. Ха! ха! ха!

Все смеются.

Беневольский. Одно слово...

Звёздов. Да взгляни, братец, похожа ли она хоть чем-нибудь на горничную?

Варинька(с досадой). Может быть, в глазах господина Беневольского я и в самом деле на это похожа.

Звёздов(Вариньке). Ну, вот и сердится. Как тебе не стыдно! ты бы смеялась этому.

Варинька. Хорошо вам смеяться.

Звёздов. Будто я смеюсь! – Полноте, господа, я вижу, что вы все сговорились против одного и меня, старика, засмешили. Вот нынче свет каков! рады придраться ко всему, чтоб на чужой счет позабавиться, а, право, нехорошо.

Полюбин. Нельзя с вами не согласиться.

Звёздов. И зачем было рассказывать? к чему мне это знать? женщины не утерпят, если что смешно.

Звёздова. Кажется, ты смеялся больше всех.

Звёздов. Поневоле, когда все хохочут.

Варинька. Я и не улыбнулась.

Звёздов. Ведь ты здесь не одна: вот, например, первый мой шурин любезный, – ему уж не житье, а масленица.

Саблин(в сторону). Несносный человек! сам затевает, а складывает на других.

Звёздов(Саблину). Не сердись, милый, у всякого свой нрав: я насмешек терпеть не могу, а ты охотник. Скажи по совести, многим ли сегодня расскажешь? я, чай, ни встречному, ни поперечному спуску не будет, всем проблаговестишь.

Саблин. Вы очень ошиблись, я даже вам не расскажу ничего, что еще знаю о вашем... приятеле.

Звёздов. А есть еще?.. ха! ха! ха!

Беневольский(Саблину). Будьте скромны.

Саблин(Беневольскому). Теперь уж, верно, не скажу. (В сторону.) Звёздов как на огне горит.

Звёздов. Что уж греха таить? Евлампий Аристархович, признавайся.

Саблин. Зачем вам это знать?

Звёздов. Зачем! так, хочется; право, если ты что знаешь, и мне сказать можно, я уж, верно, поскромнее тебя.

Саблин. Бог весть.

Звёздов. Без шуток, что еще?

Звёздова. Я и знаю...

Беневольский(Звёздовой). Ради бога!

Звёздова. Но тоже не скажу, чтоб ты не укорял беспрестанно женщин в болтливости.

Звёздов. Коли раз начала, зачем после скромничать?

Звёздова. Ты насмешек терпеть не можешь.

Звёздов(с досадой). А все мой шуринок дорогой, все он; изволил рассердиться, что я ему шутя правду сказал, и вышло по пословице: говорить правду – терять дружбу. Только в этом, брат, извини, я на правду черт, и хоть ты сердись, хоть нет, а я всегда скажу, что гораздо лучше смотреть побольше за собой, а поменьше за другими. Право, будет труда довольно, никто не без греха; то лишь плохо, что в чужом глазу иглу видим, а в своем нам и бревна не видать. – Не так ли, Полюбин?

Полюбин. Ваши слова могут служить наставленьем.

Звёздов(Саблину). Видишь ли, милый? и друг твой так же думает. Правда, он гораздо порассудительнее тебя. – Стало, ты не скажешь?

Саблин. Не скажу.

Звёздов(Звёздовой). А ты?

Звёздова. Не скажу.

Звёздов. Дети вы оба: и брат, и сестра. Они, право, думают, что мне очень жаль будет, если я не узнаю; а я и знать не хотел. – Беневольский! ты тоже не скажешь, разумеется?

Беневольский. Я прошу вас...

Звёздов. Бог с тобой, братец, твоя воля; беды нет, а не хочешь, как хочешь. Мне же ехать пора, и то заговорился. Который час?

Полюбин. Без четверти три.

Звёздов. Ну куда же я поспею? всюду опоздал; а кто виноват? все вы с пустыми рассказами, да еще и не договаривают.

Звёздова. Ты, стало быть, остаешься дома?

Звёздов. Нечего делать, а нужда крайняя была. Пойду хоть к себе, напишу письмо по делу к прокурору; я было и то забыл.

Звёздова. Так мы пойдем в сад до обеда. А гостя своего взял бы ты с собой, он бы помог тебе написать получше; ты же сам признаешься, что на это ленив.

Звёздов(в сторону). Она к нему что-то благоволит. Как ни говори, а женщине любовное признание, чье бы ни было, всегда хорошо.

Варинька(Звёздову). Господин Беневольский, может быть, сам откроет вам наедине то, чего другие не хотят говорить.

Звёздов(в сторону). А Варинька его сживает с рук. Сделаю же обеим назло. (Звёздовой.) Нет, матушка, я не хочу приезжего гостя беспокоить своими делами, как-нибудь сам справлюсь. Ему надобно познакомиться с невестой, так вот мы так и сделаем: вы себе гуляйте, коли хотите, я пойду письмо писать, а их мы оставим вдвоем, пусть попривыкнут друг к дружке.

Варинька(Полюбину). Ради бога! не уходите далеко, не оставьте меня наедине с несносным человеком.

(Она садится с досадой к стороне. Звёздова, Саблин и Полюбин уходят. Звёздов, смотря на них, улыбается.)

Явление 6

Звёздов, Варинька, Беневольский.

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
Звёздов(подходя к Беневолюскому). Что ты, братец, не весел? чем огорчился?
Полно, милый, не крушись; молодежь веселится, вот и все.

Беневолюский. Однако, ваше превосходительство...

Звёздов. Да, да, да, все неприятно, правда, я этого сам не люблю. Ты видел, как я за тебя заступился? Все перестали: у меня чтоб этого не было, у меня кто гость, тот гость, кто друг, тот друг, а ты у меня первый.

Беневолюский. Вы слишком изволите...

Звёздов. Первый, я тебе говорю: уж коли я тебя, а не другого женю на Вариньке, стало, все тут.

Беневолюский кланяется.

явление 7

Те же и Федька.

Федька(Беневолюскому). Поговорите же, сударь, поскорее, а то вашу повозку совсем угонят.

Звёздов. С чем он пришел?

Беневолюский. Я не смею сказать...

Звёздов(Федьке). Говори, братец, говори, что тебе надобно?

Федька. А вот сами видеть изволите, ваше превосходительство, что случилась оказия.

Звёздов. Смелее говори, что такое?

Федька. Повозка моего барина стояла с приезде на улице, так по той самой причине ее и гонят.

Звёздов. Как гонят! кто гонят? куда гонят?

Федька. Да вот... как их?.. Господь знает, бутешники, что ли, али полиция, говорят-де, не велено на больших улицах дорожным становиться.

Звёздов. Ну, брат, я не полицеймейстер, это не мое дело.

Беневолюский. Если бы вы приказали назначить мне небольшой приют...

Федька. Кабы милость была повозку хоть на двор, а для пожитков чулан опростать.

Звёздов. Как! что это я слышу? разве еще ни комнаты, ни сарая, ничего вам не отведено?

Беневолюский. Еще нет.

Звёздов. Э, братец! что ж ты давно не скажешь? возьми комнату, две, что хочешь.

Беневолюский. Но где?

Звёздов. Где хочешь, любую. – Это твой, что ли, человек?

Федька. Ихний-с.

Во все время разговора Звёздова с Федькой Беневолюский ухаживает за Варинькой, которая от него отворачивается.

Звёздов. Сходи же, приятель; ты знаешь здесь Штукарева?

Федька. Как не знать-с.

Звёздов. Скажи ему от меня, чтоб он вам сейчас отвел, что надобно, да комнату бы выбрал, где получше; слышишь, я-де приказал.

Федька. Я к нему уж и толкнулся было, изволите видеть; да смею доложить, он не дает.

Звёздов. Какой вздор! не дает! – даст, коли я приказываю.

Федька. Смею доложить, он говорит так: что, мол, у нас все-де покои теперь заняты, а пустопорожних не имеется.

Звёздов. Врет он; как не быть пустой комнаты? верно, есть. Скажи ему, что он врет.

Федька. Слушаю-с. Да смею доложить, коли он опосле комнаты все не отведет, а повозку, не в гнев милости вашей... то бишь вашего превосходительства, сгонят на съезжую.

Звёздов. Не угонят из моего дома. Делай, что тебе говорят, и не бойся ничего.

Федька. Смею доложить...

Звёздов. Тьфу, пропасть! какой неотвязчивый! Не дают тебе, что ли, комнаты?

Федька. Так истинно, что не дают-с.

Звёздов. Позови сюда Штукарева; его, кажется, дома нет.

Федька. Никак нет-с, он дома, я его как раз кликну.

Звёздов. Постой! не бегай! ну, что его звать? все то же. (В сторону.) Как быть, чем бы отвязаться? (Громко.) Беневольский! да ты, брат, уж и приволакиваешься, а по мне твой... (указывая на Федьку). как его?..

Федька. Федор Емельянов, смею доложить.

Звёздов. Ну вот он, с ножом к горлу пристал, а все за тебя.

Беневольский. Простодушное усердие...

Звёздов. А я не знаю, что делать. Теперь я вспомнил, комнаты у нас теперь, точно, ни одной нет, разве вот эту возьмешь.

Беневольский. Но как же в зале, где все ходят?

Звёздов. Никого не пускай, да и только. Ведь у тебя есть чемодан, сундук, что-нибудь такое?

Федька. Чемодан с бельем-с и сундук с книгами-с.

Звёздов. Ну вот, чего тебе лучше? и загородись со всех сторон, никто не войдет. – Доволен ли теперь? все сделано? прощай, пойду письмо писать.

(Уходит.)

Федька(Беневольскому). Прикажете, что ли, нести пожитки?

Беневольский(Федьке). Внеси в переднюю да подожди, я тебя позову, когда следует; видишь, здесь люди.

Федька уходит.

явление 8

Беневольский, Варинька.

Беневольский. Давно сердце мое билось желанием изъяснить вам, как единственной своей владычице...

Варинька. Я удивляюсь, как вы можете со мной говорить!

Беневольский. Милый гнев! как ты драгоценен влюбленному!

Варинька(в сторону). Что это Полюбин нейдет!

Беневольский. Выслушай меня, прелестная, и тогда, если можешь, скажи...

Полюбин входит.

Варинька(увидя Полюбина). Я ни слушать вас, ни говорить с вами не намерена. Вот кто вам за меня все скажет. (Уходит.)

Явление 9

Беневольский, Полюбин.

Полюбин. Я намерен вам сказать два слова.

Беневольский. Два слова! и в них заключается все мое блаженство! слова красноречивые! слова бесценные! говорите, прошу вас, говорите.

Полюбин. Вы любите Варвару Николаевну!..

Беневольский. Ах! кто может видеть и не любить ее!

Полюбин. И так как я сам ее люблю...

Беневольский. И вы ее любите! Вы, конечно, ее брат или друг с младенчества: полюбите же и счастливца, кому суждена рука ее, обоймите его, как друга, как брата...

Полюбин. Потихе, господин Беневольский, не горячитесь. Варвара Николаевна с первого разу, как вас увидела...

Беневольский. Предалась чувству симпатии, которое от мест отдаленных невольно увлекало нас друг к другу?..

Полюбин. Напротив, она вас терпеть не может.

Беневольский. Ха! ха! ха!

Полюбин. Что вы смеетесь без пути?

Беневольский. Кто вам сказал, что она меня терпеть не может?

Полюбин. Она сама.

Беневольский. Она! и просила вас мне это сказать?

Полюбин. Да, она поручила мне поговорить с вами, и я...

Беневольский. Не трудитесь понапрасну, я давно все знаю, все понял.

Полюбин. Вы ничего не понимаете.

Беневольский. Все, я говорю вам, все; вот в чем дело...

Полюбин. Совсем нет, дайте мне сказать одно слово.

Беневольский. Нет, позвольте уж мне наперед, и вы согласитесь, что я все знаю.

Полюбин(в сторону). Что делать с дураком, который свое несет?

Беневольский. Вот извольте видеть: Варинька...

Полюбин. Прошу вас: Варвара Николаевна.

Беневольский. Помилуйте, не все ли равно? мы можем...

Полюбин. Вы никак не можете.

Беневольский. Пожалуй, хоть Варвара Николаевна, – слышала, как я при ней изъяснялся в любви ее превосходительству...

Полюбин. Что ж вы твердите о своих проказах? их без того все знают.

Беневольский. Как вы это назвали?

Полюбин. Проказы.

Беневольский. Вы сказали точно так, как оно есть, и увидите почему. – Ей, напротив, не говорил я ни слова о любви, обошелся с нею, как со служанкою...

Полюбин. Какая дерзость!

Беневольский. Терпенье, прошу вас, терпенье. Все это вместе должно было поразить сердце юное, нежное, едва начинающее любить; она на меня рассердилась и, верно, называет меня чудовищем...

Полюбин. Уродом.

Беневольский. Так должно быть, я это все знаю. Вы видите ли теперь, что вам нечего было мне говорить?

Полюбин. С вами точно говорить напрасно.

Беневольский. Итак, слушайте: я догадался, что они нарочно взяли на себя каждая не свою роль, и я притворился, будто обманут; но меня обмануть трудно, я все приметил и внутренне смеялся, смотря на смущение одной и досаду другой. – Вам самим смешно?

Полюбин. Вы имеете дар всякого рассмешить.

Беневольский. Но сделайте одолжение, выведите ее из заблужденья; я ее довольно помучил, пора перестать, не правда ли?

Полюбин. Давно пора. (В сторону.) С ним говорить нечего.

явление 10

Те же и Саблин.

(Во время разговора Саблина с Полюбиным Беневольский отворяет дверь. Федька вносит пожитки, они расставляют их по местам.)

Саблин(Полюбину). А, ты здесь! а там по тебе стосковались. Уж я сжалился да пришел за тобой. Ты с приятелем о стихах, что ли, толкуешь?

Полюбин. Какие, братец, стихи! я целые полчаса бьюсь с ним понапрасну, хочу ему сказать, чтоб он Вариньку оставил в покое, если не хочет, чтоб я его самого беспокоил.

Саблин. Ну что ж он? когда вы деретесь? я секундант, что ли?

Полюбин. Чего, братец! он ни слова не понимает либо не хочет понять. Возьмись хоть ты его вразумить.

Саблин. Я? Нет, брат, я стихами говорить не мастер. – Да что ты к нему приступил, из чего бьешься? разве тебе честь будет убить студента? Оставь это и положишься во всем на Настасью Ивановну.

Полюбин. Пожалуй; мне, право, его смерти не хочется.

Саблин. Ступай же туда, тебя ждут к обеду.

Полюбин. А ты?

Саблин. Нет, я иду в ресторацию: Звёздов мне надоел, как собака.

Полюбин. Уведи с собой Беневольского, если можно.

Саблин. Хорошо.

Полюбин. Прощай. (Уходит.)

явление 11

Беневольский, Саблин.

Беневольский(любуясь на пожитки).

О лары и Пенаты: #с004003_13!
Вы пестуны мои!
Вы златом не богаты;
Но любите свои
Углы и темны кельи,
Где я на новоселье
Вас мирно тут и там
Расставил по местам.

Саблин. Полно возиться с чемоданом, хорошо и так. Скажи мне, где ты обедаешь сегодня?

Беневольский. Я думал, что здесь.

Саблин. Нет, что здесь? скука: Звёздов еще пустится хохотать да расспрашивать.

Беневольский. Это правда; но где же?

Саблин. Душа моя, мы, кажется, в Петербурге, – здесь рестораций тьма; жаль только, что все никуда не годятся. Все же вино есть. Ты любишь вино?

Беневольский. Кто не любит его? О, всемогущее вино!: #с004003_14 веселие героя!

Саблин. Мы с тобой хоть не герои, а выпьем по стакану, я тебя попотчеваяю.

Беневольский. Нет, уж позвольте мне: я столько виноват, что хоть чем-нибудь хочу изгладить ту ошибку...

Саблин. С уговором: ни об ней, ни об стихах не говорить ни слова.

Беневольский. Ни слова.

И стукнем в чашу чашей: #с004003_14
И выпьем все до дна:
Будь верной дружбе нашей
Дань первого вина.

Уходят вместе.

Действие третье

явление 1

Звёздова, Варинька, Полюбин.

Варинька. Насилу отобедали. Я как на иголках была во весь стол. Александр Петрович нарочно все хвалил своего несносного студента, а сам, верно, иначе думает; так только, чтоб огорчить других, знает, как это всем противно.

Звёздова. Все бы ничего, да как быть таким ветреником в пятьдесят лет: теперь вдруг без всякой нужды, не подумавши хорошенько ни одной секунды, послал за подорожной, за лошадьми, скачет в деревню бог знает зачем.

Полюбин. Неужли это ему сегодня только пришло в голову?

Звёздова. Нет, он прежде говорил, да нерешительно. Я всегда полагала, что коли это сбудется, так через два-три года или и никогда, как все другие его замыслы; у него их тысяча. – Любя вас, меня его отъезд не очень огорчает. Без него Беневольского можно будет уговорить, достать ему место где-нибудь в дальнем университете, отправить его туда и даже женить, если сыщется ему подобная.

Варинька. Ах, как бы счастливо! Какие вы добрые!

Звёздова. Хорошо, милая, да надо подумать и о себе. Муж мой едет в деревню, а я с чем здесь останусь? в доме расстройка ужасная, денег нет, всем должны, все по его милости.

Полюбин. Ах, сударыня, пусть он едет, и позвольте мне быть вам полезным.

Звёздова. Я в вас всегда была уверена, Полюбин. Итак, вашему попечению препоручаю себя, мое хозяйство и всех домашних. Между ними есть кое-кто, об ком вы и без того давно печетесь. Знаете ли что? нельзя ли бы как-нибудь сделать, чтоб муж мой сам собою захотел Вариньку за вас выдать? Сперва я хотела было напугать его тем, чтоб Беневольский после женитьбы остался у нас в доме, но теперь он едет и, пожалуй, еще мне его навяжет: это уж не годится.

Полюбин. Теперь я никак не смею надеяться.

Звёздова. Есть способ очень простой: уверить его, что я вашей свадьбы не хочу, и вы уж больше не хотите, и Варинька не хочет, вот три причины, чтобы ему того захотеть. Вам известно, что он любит делать все по-своему.

Полюбин. Но не всегда ему удастся.

Звёздова. Со мною всегда: есть ли кто меня сговорчивее? Теперь только в первый раз желаю поставить на своем, пускаюсь на тонкости, и то, чтоб составить ваше счастье. – Однако ведь он в состоянии уехать не простившись. Пойду посмотрю; дождитесь меня здесь. (Уходит.)

явление 2

Варинька и Полюбин.

Полюбин. Когда бы она успела!.. Но чего не сделает умная женщина, если примется хорошенько, особливо где надобно хитрить!

Варинька. Не знаю, может быть, я не умна, а ручаюсь, что век свой проживу без хитростей.

Полюбин. Не ручайтесь, все так говорят до замужества. Впрочем, вы на других не похожи. – И надобно отдать справедливость, вас воспитала женщина редкая; какой пример! на ее месте всякая другая с меньшим умом и с бо́льшим лукавством делала бы из своего мужа, что хотела, а она пять лет замужем и в первый раз

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
намерена поступать с ним нечистосердечно, и то не для себя.

Варинька. В первый! Вольно ей говорить – в сотый раз! Да какое нам дело? лишь бы теперь ей удалось.

явление 3

Те же и Звёздова.

Звёздова. Он внизу, торопится, распоряжается, велит укладываться. Я послала его звать сюда. – Вы не будете при нашем разговоре; однако, Полюбин, не уезжайте: вам надо же знать, чем это кончится. Да если Беневольский придет, нельзя ли брату поручить, чтоб он его опять увел куда-нибудь: без него все ловчее может обделаться.

Полюбин. Не беспокойтесь: братец ваш с ним, так не скоро воротятся.

Варинька. Ах! как я стану дрожать, пока вы будете за нас стараться. Дай бог, чтоб вам удалось! боюсь до смерти.

Звёздова ее целует.

Пойдемте, пойдемте. (Уводит с собою Полюбина.)

явление 4

Звёздова(одна). Боится, что я не успею; я никак не боюсь. Эти мужчины уморительны: мой муж, например, дожил до пятидесяти лет и, кажется, посмотрелся, наслышался всего того, что обыкновенно говорят насчет лукавства нашего пола, сам поминутно о нем твердит и никак от него не отделается, когда надобно. Он еще должен образ мой выменять, что я так бережно на это отваживаюсь.

явление 5

Звёздова, Звёздов.

(Он вбегает через боковую дверь и чуть не падает, наткнувшись на сундук и чемодан Беневольского.)

Звёздов. Ох! черт возьми! лоб было расшиб! Люди! люди!

Входит слуга.

Есть ли в вас смысл человеческий? что вы за беспутные? про что вас держат в доме, такую ораву? подлый народ! зачем эта дрянь тут стоит?

Слуга. Ваше превосходительство сами приказали тут поставить; это добро Евлампия Аристарховича Беневольского.

Звёздов. Провались ты и со своим дураком Аристарховичем! зачем перед дверью?

Слуга. Вы не приказали никому в нее ходить.

Звёздов. Я! чего? когда? все на меня, как на мертвого, клепают. Отставь это к стороне, да пошел вон.

Слуга, исполнив приказание, уходит.

Звёздова. И что за мысль поселить этого студента в зале, где все ходят?

Звёздов. А зачем тут ходить? разве мало других комнат?

Звёздова. Да вот ты первый взошел.

Звёздов. Ты же позвала. Тебе всегда до меня дело, когда у меня другие дела. Ну, что надобно?

Звёздова. А вот что. Неужли ты в самом деле отправляешься в деревню?

Звёздов. Неужли!.. Сейчас лошадей приведут.

Звёздова. А я здесь остаюсь?

Звёздов. Здесь.

Звёздова. Как же я останусь?

Звёздов. Так же, как останешься.

Звёздова. С чем?

Звёздов. Как с чем?

Звёздова. Да у меня ничего нет.

Звёздов. Как ничего? все есть.

Звёздова. Ничего.

Звёздов. Все.

Звёздова. Ах, бог мой! ничего, говорят тебе.

Звёздов. Да чего ничего? например?

Звёздова. Первое, у меня нет денег.

Звёздов. У тебя нет, у других есть, можно занять.

Звёздова. Коли дадут.

Звёздов. Еще мы, кажется, не совсем обеднели, в состоянии заплатить.

Звёздова. Ты платить в состоянии, да не платишь, – оттого мало верят. Впрочем, это еще не все; у меня на руках остается твой Беневольский: что мне с ним делать?

Звёздов. А вот еще стану я много об нем думать! Дурак эдакой! ставит свои сундуки перед дверьми; того гляди, рассержусь, велю все на двор выкинуть.

Звёздова(в сторону). Счастливая минута! он на него сердит. (Громко.) Знаешь ли что? перед твоим отъездом выдадим Вариньку замуж.

Звёздов. За кого?

Звёздова. За Беневольского, разумеется.

Звёздов. Как, разумеется? я думал, что ты этого не хотела.

Звёздова. Я не хотела прежде, мне казалось, что это Вариньке противно.

Звёздов. Так, стало, Варинька не против этого?

Звёздова. Нисколько: назло Полюбину.

Звёздов. Отчего же назло ему?

Звёздова. Разве ты не знаешь, что он женится?

Звёздов. Откуда мне знать?

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru

Звёздова. Да, намерен жениться на другой с тех пор, как заметил, что здесь в доме ищет понапрасну.

Звёздов. Почему понапрасну? ведь еще он не сватался настоящим образом.

Звёздова. Избегал явного отказа, который немудрено было ему предвидеть: ты при нем Вариньку обещал другому; а впрочем, видно, он не очень был влюблен.

Звёздов. На ком же он женится?

Звёздова. Как бишь ее?

Звёздов(в сторону). Что за бестолочь! сейчас я шел коридором, а Полюбин у Вариньки руку целует.

Звёздова. Варинька очень умно рассуждает: коли Беневольский смешон, и очень смешон, так это не беда, его можно будет исправить.

Звёздов(в сторону). Да зачем же она дает Полюбину руку целовать?

Звёздова. Для молодой девушки главное выйти замуж, а там, если муж только странен, а не совсем дурак, ее дело иным его странностям снисходить, насчет других стараться вразумить его.

Звёздов(в сторону). Тут есть какие-нибудь плутни.

Звёздова. Притом страстное желание отплатить Полюбину, показать, что она им больше не дорожит, все это вовсе переменяло ее мысли.

Звёздов(в сторону). Плутни, чистые плутни; да к чему бы это?

Звёздова. Я с моей стороны страх рада, за кого бы она ни вышла: надзор над семнадцатилетней девушкой очень трудная обязанность.

Звёздов(в сторону). Из чего она бьется?

Звёздова(в сторону). Ничего не отвечает, верно, раздумал. (Громко.) Право, Александр Петрович, послушайся меня хоть раз в жизни, погоди ездить в деревню, и выдадим Вариньку за Беневольского.

Звёздов(в сторону). А! а! насилу-то понял: не хочет, чтоб я ехал в деревню, и выдумывает разные тонкости. Постой-ка, госпожа хитрая особа. (Громко.) Стало, ты хочешь, чтоб Варинька вышла за этого студента?

Звёздова. Очень хочу.

Звёздов. И она тоже?

Звёздова. Тоже.

Звёздов. А Полюбин женится на другой?

Звёздова. На другой.

Звёздов. Жаль, очень жаль.

Звёздова. Что?

Звёздов. Беневольский этот не по мне. Как Полюбина с ним сравнить? – я бы охотно передумал.

Звёздова(в сторону). Попался.

Звёздов. Ну, да если нельзя иначе, так пусть останется все по-прежнему.

Звёздова. Как?

Звёздов. Нельзя же насильно женить Полюбина на той, об которой он перестал

думать.

Звёздова. Но ведь он больше оттого перестал думать, что ты, казалось, никогда не согласишься.

Звёздов. Нет, нет, ты очень умно делаешь, что советуешь Вариньку выдать за Беневольского.

Звёздова. Мне, право, все равно, за кого бы она ни вышла, ведь не я замуж выхожу.

Звёздов. Нет, против этого нечего спорить; Беневольский, конечно, шут, ни на что не похож, безалаберная голова; ну да если муж только странен, а не совсем дурак... как бишь ты говорила? точно дело. Пусть он женится на Вариньке: быть по-твоему. Человек! человек!

Слуга входит.

Позвать Вариньку да Полюбина, коли еще здесь.

Слуга уходит.

Звёздова. Зачем?

Звёздов. Вариньке объявить, чтоб она была готова нынешний же день к свадьбе.

Звёздова. Помилуй, ведь она не крепостная твоя; что за презрение ко всему роду человеческому? надо же сделать помолвку, подумать о приданом, как везде водится.

Звёздов. Ты же меня торопила.

Звёздова(в сторону). Какой сумасбродный! (Громко.) Зачем же ты послал за Полюбиным?

Звёздов. Хочется узнать, на ком он женится. – Ну, матушка, ты должна быть предовольна: чего хотела, то и сбудется. Не говори вперед, что я люблю все делать всем наперекор.

Звёздова(в сторону). Надо же быть такому несчастью: в первый раз отроду соглашается со мною без отговорок – и на мою же беду.

Явление 6

Те же, Полюбин, Варинька.

Полюбин. Вы меня звали?

Звёздов. Да, любезный; ты, говорят, женишься?

Полюбин. Я, ваше превосходительство? как вы это разумеете?

Звёздов. Ах, батюшка, да ты, я чай, знаешь, как женятся, – все на один манер. Хорошо, что ты за ум взялся, право, славно; а я ведь выдаю Вариньку сегодня же, если можно, поскорее, перед моим отъездом.

Варинька. Сегодня? меня? за кого же-с?

Звёздов. За того, за кого ты хочешь, милая.

Варинька. Ах! как вы милостивы!

Звёздов. Жаль только, что жених твой запропал. Этот повеса, шурина мой, хоть кого так развратит, затащил его бог знает куда. Ну! да воротится, и тогда по рукам и к венцу; я вправду думал, что этому не бывать так скоро, авось ли, мол, как приеду назад из деревни; да вот Настасья Ивановна поторопила: ее благодари.

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
Варинька(Звёздовой). Ах! растолкуйте, что это значит?

Звёздов(в сторону). Какие у всех длинные лица! (Полюбину.) Ну, любезный, на ком же ты женишься?

Полюбин. Вы слишком жестоко шутите.

Звёздов. Бог с тобой! не только не жестоко, вовсе не шучу. Я, признаюсь, всегда полагал, что ты ищешь в Вариньке; да вот жена разуверила, говорит, что ты на какой-то другой намерен жениться. Спроси у нее.

Полюбин(Звёздовой). Неужли, сударыня?

Варинька. Воля ваша, а я за Беневольского ни за что не выйду.

Звёздов. Это что за новость?

Варинька. Зачем же вы сейчас сказали, что выдадите меня за того, за кого я хочу?

Звёздов. А разве ты за него не хочешь?

Варинька. Будто вы не знаете, что он мне противнее смерти!

Звёздов. Кто ж вас поймет! Вот она мне сказала, что ты только и думаешь о Беневольском и радехонька за него выйти оттого, видишь ты, чтоб отплатить вот ему. Вольно ж ей было все это говорить. – Что? разве ты мне этого не говорила?

Звёздова. Я тебе всегда говорила и теперь повторяю, что ты несносен.

Звёздов. Прошу покорно! она же разгневалась! Сама бог знает что сочинила, никакого толку не доберешься; теперь она же изволит сердиться. Ха! ха! ха! что? каков урок? хорош? будешь помнить вперед, не станешь хитрить со мной? Нет, моя душа, молода меня проводить, я уж пятьдесят лет на свете живу, все твои умыслы тотчас смекнул. Вы ничего не понимаете? слушайте: ей смерть хочется, чтоб я не ездил в деревню, вот она и затеяла. Он-де, то есть я, очень желает Вариньку выдать за Беневольского, сем уверю его, что Варинька на это согласна, что Полюбин от нее отказался. Вот, мол, – как он увидит, что все близко к тому, чего ему хочется, авось-ли останется, потом дело-то продлится и вовсе, может, не сбудется, а он покамест раздумает ехать в деревню. – Не так ли?

Звёздова(обрадовавшись). Ах! как ты догадлив!

Звёздов. Ан вышло все напротив: об Беневольском я и думать не хочу. Вариньку отдаю за Полюбина, да, да; а в деревню еду сейчас.

Полюбин и Варинька. Как счастливо!

Звёздов. Ну, любезный, я давеча как шел сюда коридором, вы меня не видали, ты у нее украдкой руку целовал.

Звёздова(в сторону). Вот что!

Звёздов(берет у Вариньки руку). Теперь дай сюда. Можешь ее целовать при всех и не совеститься. Живите-ко счастливо. Ты, душенька, с будущим своим мужем, пожалуйста, не хитри, поступай по-нашему просто, реже будешь промаха давать; а ты, брат, бери пример с меня, в обман не вдавайся. (Жене.) Ты что, моя душа! не сердись? а? неужли еще сердись? Дай щечку.

Звёздова. С твоей легкостью в нраве недостает одного, чтоб ты имел не более двадцати лет, – ты был бы бесценный человек.

Звёздов. О! я понимаю, что для тебя это в ином случае гораздо было бы приятнее; ну, да что ж делать, мой ангел! Будь довольна, чем бог послал. – Однако нечего из пустого в порожнее переливать. – Готовы ли лошади?

Слуга(входит). Впряжены-с.

Звёздова. Постой! как же нам быть с Беневольским?

Варинька. Ах! не поминайте об нем.

Звёздов. Я об нем уж говорил одному, Прохорову, давеча со мной встретился. Ну! да что об нем много думать! дураки в Петербурге не бывают без места. Кабы поскорее поспеть в деревню! Шутка ли, я там не был с тех пор, как женился, и мне оттуда пишут такие небылицы, доходов не высылают. Прощайте, прощайте, прощайте. Свадьбу сыграйте без меня. Эй! коляску подавать скорее! дорожный колпак! трость! (Уходит.)

явление 7

Звёздова, Варинька, Полюбин, немного погода Федька.

Звёздова. Поедемте его провожать, и, кстати, сейчас можем переехать на дачу, я почти все туда отправила. Полюбин, вы с нами?

Федька(вбегает). Ох! прости, господи! какая тяжелая рука!

Звёздова. Что ты?

Федька. Попался его превосходительству навстречу, он мне второпях дать изволил такого толчка, что в голове завертелось.

Звёздова. Кто ты таков?

Федька. Я слуга-с Евлампия Аристарховича.

Звёздова. А! кланяйся ему от меня, скажи, что я уехала на дачу за двадцать верст отсюда на все лето.

(Уходит.)

Варинька. И от меня поклонись своему барину; я бывшая его невеста и выхожу замуж, только не за него, – скажи ему это. (Уходит.)

Полюбин. И от меня поклонись ему; я Полюбин и женюсь на его невесте, – можешь ему донести об этом. (Уходит.)

явление 8

Федька(один). Эк что поклонов! знать, мы с баринком-то у праздника! видно, ему здесь житье от господ, что мне от своей братьи! За что, подумаешь, превосходительный на меня приокрылся! У этих больших бар, кто им первый пыль в глаза, да не вовремя, тот и виноват. Хорошо, что мой-то барин не великий господин; будет ли только исправно платить? – Ну, да что! Я ведь в Питере понаострил: за месяц вперед, а не то прощай. Денег нет – слуги нет, сам себе сапоги чисти!

явление 9

Федька, Беневольский, Саблин (входят рука об руку, оба несколько шатаются; Саблин поет песню)

Федька. Видно, наши-то навеселе.

Саблин. Вот мы и у тебя в комнате. Ну что? по-твоему, каково едят у этого француза?

Беневольский. Амброзия! (Садится в кресло и задумывается.)

Саблин. Мерзость! избаловался, прежде лучше кормил.

Федька. Вам, барин, приказано сказать...

Саблин. Поди вон, после скажешь.

Федька. Чего после, сударь! нужда прекрайняя. Ее превосходительство...

Саблин. Убирайся, знаешь куда. – Беневольский! выгони его.

Беневольский. Оставь нас.

Саблин. Кстати, там пришел с нами мальчик из ресторации, у него за пазухой бутылка; подавай сюда, штопор и стаканов достань в буфете, да чтоб никто в доме не видал, слышишь ли?

Федька. Позвольте наперед вымолвить два словца... мне приказано...

Саблин. Вон! сейчас! не то пятьсот палок! (Выталкивает его и ложится на сундук.) Пришли его ко мне в эскадрон, братец, я его научу послушанию. – Ну, что задумался? деньги проиграл! я бы тебе охотно помог, да ей-богу! никогда копейки нет за душой. То уж здесь, брат, на это хвататы, лучше не принимайся за карты; кабы не сестра, я бы от них давно без мундира шатался. Да и ты что за простяк! читал, читал, учился, пишешь стихи, а на четвертую ставишь! ну где это видано?

Беневольский. Своенравие судьбы! ее железная рука...

Саблин. Нет, брат, разве у того, кто банк метал, лоб железный! Жаль, что не знаю довольно игры, не к чему придраться.

Беневольский. Как его имя?

Саблин. Кто его знает? я сам впервые отроду его вижу.

Беневольский. Но я по вашему приглашению зашел к нему.

Саблин. Он обедал подле той комнаты, где мы с тобой сидели; я зачем-то вышел, он стал со мной говорить, познакомился, позвал к себе, – а меня куда хочешь позови, я всюду пойду. – Хорошо живет; какая куча народу к нему нашла! я чай, такие же плуты, как он сам.

Беневольский. Музы! я изменил вам, погнался за окрыленной фортуной...

Саблин(зевает). Полно бредить.

Беневольский. Я опять ваш, я опять с вами, мечты уединенья!

Саблин. Шутишь, брат; когда со мной, так не один. Куда глупо, что здесь в доме не позволяют трубок курить! я умно делаю, что к сестре не переезжаю жить.

Беневольский(вынимает бумагу и читает). Дружись, мой друг, с мечтой.

Саблин(вырывает бумагу и кидает на пол). Брось свой вздор, и без того скучно.

Федька входит с бутылкой и стаканами.

А! вот оно! повеселее будет, ставь сюда. Э! Санхо Панса! ты вензеля пишешь.

Федька. С горя, право, с горя; сходил неодадь, дай-де поравняюсь с господами. (Прислонясь к стенке, поет.) Ах ты, козлик, мой козлик! дедули мои! гей!

Беневольский. Шш! что ты, с ума сошел?

Саблин(трудясь за бутылкой). Экой пьяница!

Федька. А сами-то что? лежу в грязи, кричу: не брызжи.

Саблин(наливает и поет).

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
Vive ce roi vaillant![42 – Да здравствует Генрих Четвертый! Да
здравствует храбрый король! (фр.)]

Беневольский. О! умолчите! что за охота петь французскую песню? У нас столько своих пленительных мелодий певцов своей печали: #с004003_15.

Саблин. Пусть они сами свою печаль поют, а я стану петь «Vive Henri IV», оттого именно, что это вовсе не печально.

Беневольский. Но есть ли тут хоть малейшее воспоминание для души русского?

Саблин. Преславное: наш вход в Париж, мы первые заставили петь эту песню. Вот было житье! Выпьем скорее в память этого счастливого дня! Пей же, ну, без гримас!

Беневольский(с стаканом в руке). Вах!.. тебе!

Саблин(вливает в него весь стакан). Без рассказней!

Федька. Пей, да про себя разумей.

Саблин(выпивши). Что за бургонское! стакан было проглотил.

Беневольский(сморщившись). Нектар.

Саблин. Беневольский! душа моя! выпьем еще по стаканчику.

Беневольский. Нет, никак; я еще с обеда отуманен этими парами.

Саблин. Беневольский! не будь хоть теперь Беневольский: выпей, не заставляй себя просить. Беневольский, знаешь? я тоже когда-то учился по-латыни и очень помню одну поговорку... постой! кажется: что у трезвого на уме, то у пьяного на языке.

Беневольский. In vino veritas[43 – в вине – истина (лат.)]

Саблин. Ну, а ведь ты теперь не трезвый. – Скажи мне, любишь ли ты меня?

Беневольский. Люблю.

Саблин. А я тебя не люблю, да все равно: ты любишь, так докажи, выпей! на! да полно, я не в шутку рассержусь; бери же, вот так, поцелуй меня! стукнем!

Беневольский. Чашу в чашу.

Федька(подкрадывается). Подойду поближе, хоть понюхать.

Саблин пьет, а Беневольский ловит эту минуту, чтоб вылить стакан, и попадает прямо Федьке в лицо и на платье.

Что за обливанье, сударь? еще я покамест свое платье ношу, когда-то сошьете!

Саблин. Выплеснул! не выпил! Поделом, не терплю я этих марателей: всякий из них последний презирает всех, думает, что он всех умнее, ничем не дорожит.

Беневольский. Именем дружбы..

Саблин. Плевать я хотел на твою дружбу и знаясь с тобой не хочу, – Поеду домой. (Смотрится в зеркало.) Раскраснелся, досадно! никуда нельзя показаться: про меня и так бог знает что говорят. (Уходит.)

явление 10

Беневольский, Федька.

Беневольский(не вставая с кресел). Презрение буйным чадам Арея! бесчувственные враги изящного! – Федька! стань сюда! На каждой черте лица твоего дикая природа

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
наложила печать свою; но ты имеешь душу!.. И не обделана душа твоя резцом образованности, и закоснела она в коре невежества; но ты имеешь душу!.. подыми!

Федька подымает бумагу, брошенную Саблиным на пол.

Слушай! (Читает).

Дружись, о друг, с мечтой.

Федька. Ах! барин, только было я подружился с Алексеем, лакеем, да, вишь, и увезли его.

Беневольский. Шш.

Дружись, о друг, с мечтой.
Таинственный покой
Сопутствует нам с нею;
И Грация – печаль,
И сумрачная даль,
И будущность зарею
С ней будут нам сиять!

Счастливые вступления! эта неопределенность будущего, сумрак дальний готовят сердце к тихому, сладостному мечтанью. (Федьке.) А? что ты думаешь?

Федька. Ничего-с.

Беневольский. Ты врешь.

С ней будут нам сиять,
Дни мирны улаживать
Души и чувств прельщением,
Как легким сновиденьем...

(Федьке.) Понимаешь ли ты? сновиденье?

Федька. А кто их поймет? мне давеча такая дурь во сне привиделась! что ваши вирши!

Беневольский. Хочешь ты слушать или нет?

Федька. Как вы приказать изволите.

Беневольский. Так слушай же и молчи! (Продолжает читать.)

И мрачных мыслей сын
С мечтою не один,
Он преплывает море
Туманных бурных дум,
От коих взор и ум
Смущеньем цепенеют.

(Федьке.) Скажи правду: страшно ли это?

Федька. Страшно-с.

Беневольский. Ты понял что-нибудь?

Федька. Ничего не понял-с.

Беневольский(с радостью). И этот дар возбуждать ужас самой незначущей, часто непонятной мыслию, – он неизвестен был доньше: это свежий листок, вплетенный в венец поэзии. (Продолжает.)

Ах, скоро ли приспешут
Те дни, златой тот час,
Когда любовь отрадой
Появится для нас

Надежда! ты осталась со мною, прелестная!

Федька. Нет, барин, надежда плоха. Дайте рассказать, что здесь без вас приключилось.

Беневольский. Молчанье, повторяю я, не раскрывай рта, пока тебя не спросят. (Продолжает.)

Как обновленный свет
Собой украсит роза?
Гвоздика, милый цвет,
Тюльпан и тубероза
Узорчатым ковром
Блеснут пред томным взором?

(Федьке.) Сколько цветов поэзии! А?

Федька. Нечего сказать, что много цветов-с.

Беневольский. Цветы поэзии! Кто вас не чувствует? (Федьке.) Не прерывай же меня. Где бишь я остановился? да... «пред томным взором...».

Как чистых Муз собором
Восторженный в эфир,
Я беспредельный мир
Слию с непостижимым?

(Федьке.) Ты зеваешь, бесчувственный?

Федька. Виноват, сударь, у меня обычай такой: как мне зачнут сказки читать, так и задремлет, – еще, бывало, смолода, как наш дьячок, слово в слово такой же мастер, как и ваша милость...

Беневольский. Прочь со своими сравнениями, в пыли таящаяся душа! прочь, пока гнев не совсем овладел мною.

Федька отходит, садится на сундук и засыпает. Беневольский продолжает читать.

Дотоль, рука с рукой,
Мы по стезям незримым
Спешим, о друг! с тобой
К бессмертью, в бесконечность!
А там! – награда... вечность!

И это я написал! это излилось из моего пера! – Федька!.. Он спит, жалкий человек! вместилище физических потребностей!.. И все люди почти таковы! с кем я ни встречался здесь в столице, ни один не чувствует этого стремленья, этого позыва души – туда! к чему-то высшему, неизвестному! – Но тем лучше: как велик между ими всеми тот один, кто, как я, вознесен ввысь из среды обыкновенности! – Рука фортуны отяготела надо мною, я проиграл мои деньги – но дары фантазии всегда при мне, они все поправят. Вельможи, цари будут внимать строю моей лиры, и золото и почести рекою польются на певца. Но я ими не дорожу, я доволен одною славой, уделом великим.

Явление 11

Те же и швейцар.

Швейцар. Скоро ли, сударь, опростаете квартиру?

Беневольский. Что такое?

Швейцар. Скоро ли вы изволите отселе выбраться!

Беневольский. Пожар? неужли пожар? Федька! мои бумаги! спаси мои бумаги! в них все мое богатство.

Швейцар. Нет, сударь, бог милостив, еще ничто не горит.

Беневольский. Нет? что ж ты сказал?

Швейцар. Я спрашивал, скоро ли вы отселе съезжаете?

Беневольский. Разве тебе Александр Петрович велел?

Швейцар. Нет, он об вас ничего не приказывал; а уж как он изволил отправиться в деревню, а барыня съехала на дачу, так когда вы опростааете комнату? я бы запер.

Беневольский. Не может быть. Как это? давно ли? так скоро? будто Александр Петрович уехал?

Швейцар. Изволил уехать.

Беневольский. В деревню? далеко ли?

Швейцар. Вотчина его Прилиповка в Костромской губернии, верст отселе девятьсот с десятком, да в Рязанской село Потешное, верст будет побольше тысячи, да около Нижнего барынина деревня Березовка, деревня большая, тоже душ тысячи с полторы.

Беневольский. В которую же он теперь уехал?

Швейцар. Да бог весть, люди надвое говорили.

Беневольский. Неужли он ничего не приказывал перед отъездом?

Швейцар. Изволил крепко наказывать, чтоб штучные полы везде починить, где расклеились, да люстру из галдареи вынести...

Беневольский. Да обо мне что?

Швейцар. Об вас он ничего не приказывал.

Беневольский. Верно, ты не знаешь; кто еще в доме есть, кроме тебя?

Швейцар. Ни одного живого человека: барыня шестерых людей забрала с собою на дачу, а остальные кое-куда разбрелись.

Беневольский. Что ж мне делать?

Швейцар. Как станете перевозиться, дайте мне знать с вашим человеком: надо будет здесь убрать после вас.

Беневольский. Зачем же мне переезжать?

Швейцар. Барин крепко наказывал, чтоб здесь никому не оставаться, что-де комнаты все станут заново расписывать.

Беневольский. И мне велел переезжать?

Швейцар. Об вас он ничего не приказывал. (Уходит.)

явление 12

Беневольский, Федька.

Беневольский. Федька! Федька! беспросыпный! негодяй!.. вставай! проснись!

Федька(впросонках). Левей, Алёха...

Беневольский. Несносная тварь! вставай! вставай!

Федька(протягиваясь). Что, сударь? ась?

Беневольский. Ты спишь, мерзавец! и не говоришь мне, что все отсюда уехали и мы с тобою одни остались в опустелом доме!..

Федька. Вишь, сударь, я не раз принимался вам докладывать, да поди-ко, вы с вашими виршами не давали слова вымолвить.

Беневольский. Говори, что здесь без меня было? что ты видел? Александр Петрович не приказывал ли тебе чего-нибудь?

Федька. Он второпях дал мне толчка, что в ушах зазвенело; только я от него добра и видел.

Беневольский. Но другие что? жена его?

Федька. Барыня и барышня велели вам кланяться.

Беневольский. Только?

Федька. Нет-с; еще что бишь они велели вам сказать?

Беневольский. Почему я знаю, мучитель? Не мори меня, договаривай.

Федька. Да, право, все из головы вон вышло. – Что бишь они велели вам сказать?

Беневольский. Терпенья! дайте мне терпенья!

Федька. Да, что барышня-то, ваша невеста, – уж не ваша невеста, а выходит замуж за его милость, забыл, как зовут.

Беневольский. О судьба! ужасны твои потаенные громы! За что схватиться мне в этом кораблекрушении? – Ты не знаешь всех моих бедствий: у меня ни копейки нет денег.

Федька. Ах, создатель! ужли потеряли?

Беневольский. Проиграл.

Федька. В картёж! вот те благодарствуй!

Беневольский. Без денег! без друзей!

Федька. А еще разумник! грамотник! вот те разживусь да разбогатею. – «Что ты от меня получаешь жалованья? малость! будешь получать тысячу, слышишь? тысячу!» – Ан вышел сам без гроша: я видел, что тебе несдобровать.

Беневольский. Как ты смеешь говорить со мною во втором лице единственного числа?

Федька. Вишь, все хорохорится: «я-де всех разумнее, мне здесь дадут денег с три пропаста!» – ан, лучше бы помнить пословицу: еду – не свищу, а наеду – не спущу. (Треплет Беневольского по плечу, тот его отталкивает.) Эка дворянска амбиць! без денег, а спесивится! Пойду возьму свои пожитки да уберусь, поищу себе барина потолковее. (Уходит.)

Явление 13

Беневольский, Прохоров.

Прохоров(читает записку). Евлампий Аристархович Беневольский, недавно приехавший в Санкт-Петербург, обучался в Казанском университете разным языкам и наукам, знает грамматику.

Беневольский. Это я. Что вам нужды до меня, вам, чуждым моей скорби?

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru

Прохоров. Вы без места, как мне довелось слышать, находитесь?

Беневольский. Я всеми отвержен, душа моя подавлена под гнетом огорчений.

Прохоров(садится). Позвольте присесть. Я некоторое такое место имею, недавно упразднившееся, вам особенно свойственное.

Беневольский(в сторону). Он для меня имеет место! стало, слышал обо мне, я здесь известен. (Громко.) Что побудило вас подать мне руку помощи? кого я в вас вижу?

Прохоров. Мое прозвание Прохоров, говорил мне об вас его превосходительство Александр Петрович, у которого вы жительство имеете.

Беневольский. Ах, сударь! я об вас от него столько наслышался, – вы, кажется, издавна близки его сердцу.

Прохоров. Я только с давишной поры имею честь быть включенным в число его знакомых.

Беневольский. Как, сударь! не прежде?

Прохоров. Действительно так. Мы встретились в милютинских лавках, в 9 номере. Его превосходительство кушать изволили фрукты, а я кое к чему приторговывался.

Беневольский. Он мне сказывал, что ваше имя пользуется большой известностью.

Прохоров. Справедливо так. Вы мое имя на заглавных листках многих книг помещенным видеть можете.

Беневольский(в сторону). Ему посвящают книги! (Громко.) Позвольте, сударь, и мне поднести вам мои опыты в прозе и стихах, досуг моей беспечной музы; они, конечно, будут приняты публикою с большею благосклонностию, если украсятся вашим именем.

Прохоров. О! государь мой, сие для меня слишком много, я не более как честный содержатель типографии; но вы хорошо сделаете, если оные ваши труды нашему директору посвятите, он человек достопочтенный и надворный советник.

Беневольский. Как! вы содержатель типографии!

Прохоров. Истинно так. Не соизволено ли вам будет дать мне на образец ваше некое рукописание? – Сие весьма необходимо.

Беневольский. К чему ж это? Если вы хотите видеть мой почерк, то я уверяю вас, что он самый плохой, – отрисовка моих идей обнаруживается не в красивых литерях. Если же вы хотите знать мой слог, то можете найти кучу моих произведений во многих известных наших журналах, в «Сыне отечества», например.

Прохоров. Сие периодическое издание из лучших, нумера выходят всегда аккуратно, буквы отменно четкие, бумага вообще хорошая.

Беневольский. О! сударь, с какой точки зрения вы смотрите на вещи!

Прохоров. Вы, вероятно, переводите?

Беневольский. И сочиняю.

Прохоров. Весьма похвально. Знаете ли вы правописание?

Беневольский. Помилуйте, я, кажется, сказал вам, что многие мои сочинения помещены в журналах.

Прохоров. Бесспорно так. Но я скажу вам, государь мой, что многие из наших, впрочем, весьма почтенных словесников, коих сочинениями журналы наполняются, устаивают меня своими посещениями: из них большая часть не весьма тверды в правописании. Оно же, правописание, разумею я, главное есть для той должности, которую я предлагаю вашему благоуважению.

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
Беневольский. Какая ж это должность?

Прохоров. Должность сия в том состоит, дабы с неусыпным бдением за ошибками, встречаться могущими при книгопечатании, надсматривать.

Беневольский(в сторону). Скорее влачить за собою котомку нищеты, чем взять на себя эту прозаическую, неблагоприятную должность.

Прохоров. Вы имеете ежегодно получать в определенные сроки четыреста пятьдесят рублей, и за прочтение печатаемых книг задельная плата с каждого листа по пяти копеек вам без задержки производиться будет.

Беневольский(в сторону). Он мне душу раздирает.

Явление последнее

Те же и мальчик.

Мальчик. Мне, сударь, пора домой идти.

Беневольский. Что тебе надобно?

Мальчик. Я за вами бутылку с вином давеча принес, этот офицер сказал, что вы заплатите, а меня хозяин наш мусье побьет, коли я промешкаю.

Беневольский. Ах, братец! у меня человек вышел, унес ключ от шкатулки. Милостивый государь! я согласен быть у вас корректором; между тем заплатите за меня небольшой этот долг.

Прохоров. С превеликим удовольствием, в зачет будущего вашего жалованья.

Беневольский. Мечты моей юности! мечты, сопровождавшие меня из Казани сюда! сопутницы неизменные! куда вы исчезли, заманчивые?..

<1817>

Притворная неверность: #с004004

Комедия в одном действии в стихах

ДЕЙСТВУЮЩИЕ:

Эледина, молодая вдова. Лиза, сестра ее. Рославлев. Ленский. Блестов.

Комната в доме Элединой.

явление 1

Ленский, Рославлев.

Ленский

Ну, нет! любить, как ты, на бешенство похоже.

Рославлев

А так любить, как ты, и не любить – все то же.

Ленский

Кто с Лизою твои все ссоры перечтет?

Рославлев

Зато с ее сестрой ты холоден, как лед.

Ленский

Подумай, как вчера ты с нею обходился.
Ты дулся и молчал, бесился и бранился;
Бог знает из чего кричал, уж так кричал,
Что я со стороны, куда уйти, не знал.
Как Лиза ни добра, ей это надоело.
Она рассорилась с тобою – и за дело.

Рославлев

Она же ссорится! и я же виноват!
И мне приятели признаться в том велят!
От этих женщин мы чего не переносим?
А кончится одним: что мы прощенья просим.

Ленский

При всяком случае готов ты их бранить.
Они несносны? – Да? – Зачем же их любить?
Нет, право, за тебя становится мне стыдно:
Ты знаешь, что прослыть ревнивым незавидно;
А многие куда как резко говорят
И громко...

Рославлев

На мой счет?

Ленский

На твой.

Рославлев

я очень рад!

Ленский

Всем кажется, что ты брюзглив и своенравен;
И нежностью смешон, и ревностью забавен;
А в свете толковать о странностях других
Везде охотники.

Рославлев

Кто ж говорит об них?
Прелестницы, с толпой вздыхателей послушных,
И общество мужей, к измене равнодушных,
И те любезники, которых нынче тьма:
Без правил, без стыда, без чувств и без ума,
И в дружбе, и в любви равно непостоянны.
Вот люди!.. И для них мои поступки странны,
я не похож на них, так чуден всем кажусь.
Да, я пустых людей насмешками горжусь;
А ты б, я чай, хотел, чтоб им я был угодным,
Чтоб так же следовал сужденьям новомодным
И переделался на их бы образец
Или на твой, – ведь ты таков же, наконец!

Ленский

Ты хочешь, чтоб и я на женщин вооружился;

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
Однако ж я пока на это не решился.
Мне с ними весело, им весело со мной;
А сверх того еще вот веры я какой:
Что в добродетелях нам должно брать уроки
Мы сами же заводим их в пороки.
У них. – Немножко ветрены, неверны иногда, –
Ну что ж?

Рославлев

Как иногда! – Всегда, сударь, всегда!

Ленский

Всегда, ты говоришь, и нет невиноватых?
Как это мнение приятно для женатых!
А впрочем, нас с тобой никто не согласит:
Меня вот, например, все в свете веселит,
А ты не можешь жить без горести и муки.

Рославлев

Ты рассудителен! и если бы от скуки
Твоей Элединой понравился другой,
Ты восхищался бы находкою такой.

Ленский

А ты как думаешь? Мне надо бы терзаться?
Ни день ни ночь не спать? – С любезною расстаться
И все-таки потом везде ее следить
И всех бояться?

Рославлев

Всех. – Все могут милы быть.

Ленский

А пуще, кто умом и прелестями украшен.
Я признаюсь тебе, мне Блёстов очень страшен.

Рославлев

Шути, а этот фронт – я не терплю его!

Ленский

И дельно; он собой затмит хоть бы кого.

Рославлев

Пустая голова! Что шаг, то принужденье!
А здесь, у двух сестриц, об нем иное мненье.
Вчера же с ними он весь вечер проболтал –
Ты видел... Я сперва совсем не ревновал,
Да Блёстовым они так много занимались,
Что нас забыли. – С ним все время просмеялись.

Ленский

Они смеялись и слушали его.
Не равнодушно же смотреть им на того,
Кто в обществах всегда всех женщин забавляет.
И как ты думать мог, что он их завлекает?
Кто ж Блёстов? Старый фронт! Он с лишком в сорок лет
Везде володит, прельщает целый свет,
Острится надо всем, а сам всего смешнее;

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
Не вовсе без ума – и оттого глупее;
Охотно в дураки отца бы посвятил,
Лишь бы с улыбкою сказали: как он мил!

Рославлев

И несмотря на то, как это мне ни больно,
Я бьюся об заклад, что женщин есть довольно,
Кому он нравится.

Ленский

Конечно, для иных
Не без достоинства такой, как он, жених:
Богат и всем родня.

Рославлев(с досадой)

Ну, так они и правы!

Ленский

Э, полно! здесь его лишь любят для забавы.

Рославлев

Насмешки их над ним – уловки против нас!
Видал насмешниц я, как ладили подчас
С людьми, которые казались им противны.
Да что и говорить? – Мне в женщинах не дивны
Увертки, хитрости, лукавство против всех,
Обманы вечные, притворный плач и смех;
И только одному нельзя не подивиться,
Как люди до сих пор имеют дух жениться!

Ленский

Да успокойся.

Рославлев(с сердцем)

Я спокоен.

Ленский

Так поди
К своей возлюбленной. – Клянися ей, тверди,
Что ты навек у ней в слепом повиновенье.

Рославлев

я? к ней пойду?

Ленский

Да, ты.

Рославлев

Хорош! – я в огорченье –
А ты... Из дружбы он смеется надо мной.

Ленский(хохочет)

Тебе же в пользу я стараюсь...

Рославлев

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
Бог с тобой!
Вот каковы друзья: хоть плачь я, хоть бесися,
Он будет хохотать!

Ленский

Эй, с Лизой помирися.
Поди! у ног ее ты должен обещать,
Что ей хотя дни два не станешь докучать;
Ну, отправляйся же.

Рославлев, увидя Блёстова, отворачивается и поспешно уходит.

явление 2

Ленский, Блёстов.

Блёстов(вслед Рославлеву)

Эк он заторопился!
Я в двери, он бежать – ушел, не поклонился.
Ах, Ленский, здравствуйте! – Ваш друг не в духе?

Ленский

Да.
Престранный человек. Заметьте, что всегда
Он тотчас убежит, где только вас завидит.

Блёстов

Скажите мне, за что меня он ненавидит?

Ленский

Причина ясная: он вас боится.

Блёстов

Что?
Вот вздор!

Ленский

Вы женщинам так милы, как никто;
И милы так давно.

Блёстов

Зло! очень зло! – Однако
Кто ж нынче им не мил? без исключения всякий:
Сначала все они как будто далеки,
А после...

Ленский

Да, для вас успехи в них легки.
Назвать до дюжины... до сотни можно смело...
Да что и называть? – победы ваше дело.

Блёстов

Помилуйте!

Ленский

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
И вот не далеко искать:
Росла#769;влеву и мне нельзя не ревновать;
У вас с обеими на что-то уж похоже.

Блёстов

Вы думаете?

Ленский

Да.

Блёстов

Вы друг ему?

Ленский

Ну что же?

Блёстов

Скажите искренно, как поступил бы он,
когда бы кто ему был Лизой предпочтен?

Ленский

А разве?

Блёстов

Ничего, – одно предположенье;
Клянусь вам, ничего. – Ну, вот и подозренье!

Ленский

я и не думал.

Блёстов

Нет? – Где вам меня провесть! –

(Рассеянно)

А впрочем, хоть и я пленяю как ни есть,
Хоть Лизе нравится и нет большого чуда,
Но все, я вам боюсь, что с ней еще покуда
Мы на учтивостях – и более никак.

Ленский

я верю без божбы.

Блёстов(значительно)

А если бы не так,
На что б решился он?

Ленский

Он с Лизой бы простился;
А там и с вами бы, конечно, объяснился.

Блёстов

Стреляться бы он стал? – Стреляться не беда!
Но быть ревнивым? – о! в нем вовсе нет стыда.
Отстаньте от него, и будемте друзьями,

Ленский

Я не таков, как он, а вас боюсь, – ужли
Вы баловнем любви невинно прослыли?

Блёстов

Кто счастлив не бывал? – Но я вам дам присягу,
Что в жизнь для этого не делывал ни шагу.

Ленский

Бесчувственный! и вот пленяете вы чем!

Блёстов

Ба! – Не пленяется в наш век никто никем, –
Все дело прихоти и случая слепого;
А люди есть еще: не скажут вам ни слова,
Чтобы удач своих в любви не приплести.
Признаться, этого я не могу снести!
И как рассказывать о том, что так ничтожно?
С одной я, например, едва поверить можно,
Совсем не думавши, не знаю как успел;
Я даже говорить с ней вовсе не хотел;
И всячески она завлечь меня старалась,
Чтоб только отомстить, – и ах! сама попалась.
Другой понравился с таким же я трудом,
Ну, отгадайте чем? – любезностью, умом?
Нет! – бледностью лица! – Я был жестоко болен. –
Зато болезнью потом как был доволен!
Одну имел я связь серьезную, – в нее
Вмешалось несколько достоинство мое;
Вот это было как...

Ленский

Простите, поневоле
Я с вами расстаюсь, – мне здесь нельзя быть боле;
Хозяйки милые так долго никогда
Не заставляли ждать. – Вы остаетесь?..

Блёстов

Да.

Ленский

Так дружбу мне свою на деле докажите
И хоть Эледину, жестокий, пощадите.

(Уходит.)

явление 3

Блёстов(один)

Шути, мой друг, острись! – Я, в очередь мою,
Для шутки у тебя дорогу перебью;
Да и Росла#769;влев твой порядочной ценою
За неучтивости поплатится со мною,
И дельно. – В дураки попасть им легче всех:
Один все хмурится, другому же все смех.
Нет! женщин надо знать – так знать, как я их знаю.
Однако ж я и сам неловко поступаю:

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
К обеим вдруг сестрам я письма написал;
К обеим об любви? – Ну, как в беду попал?
Да что? – Развязка тут не самая ль плохая,
Что от одной отказ, – не та, так все другая;
Вот дурно, ежели они одна другой
Хвалиться вздумают короткостью со мной?
Да нет! не может быть: они не разболтают,
В любви и женщины, что надобно, скрывают.
А вот они идут! – Однако ж не могу
С обеими теперь быть вместе – убегу!

Явление 4

Эледина, Лиза.

Лиза

Как можно целый час смеяться до упада?

Эледина(хохочет)

Нет сил!

Лиза

Да что с тобой? Скажи, чему ты рада?

Эледина(хохочет)

Ах, что за милое письмо мне принесли!

Лиза

Письмо?

Эледина

От Блестова. – Как нежно!

Лиза

Неужли!
Он и ко мне писал сегодня же.

Эледина

Забавно!
Да где ж твое письмо? – Дай посмотреть... Вот славно!
Прочти, пожалуйста: он любит нас равно,
Из слова в слово в них написано одно.
Каков?

Лиза(прочитав)

Ну что ж, так нам обеим не завидно.

Эледина

Уж Блестов вздумал нас обманывать; обидно!
Нет, баловать его не надо – и к чему?
Садись, пиши.

Лиза

Зачем?

Эледина

Чтоб отомстить ему.
Повеса в сорок лет! – Ах, друг мой! как счастливо!
Тебе нередко ведь скучает твой ревнивый;
А мой возлюбленный, что б он ни говорил,
Своей холодностью нимало мне не мил;
Твой слишком любит – мой почти любви не знает;
А это нам в мужьях добра не обещает.

Лиза

Ну что же?

Эледина

К Блестову напишешь ты ответ,
Для шутки, так, чтобы он был ни да, ни нет.

Лиза

Как можно?

Эледина

Напиши; ты страх меня обяжешь!

Лиза

А если все потом узнают, что ты скажешь?

Эледина

Пусть знают. Я сама хочу к нему писать,
Вот тут-то он начнет мечтать, мечтать, мечтать,
Зазнается – и вдруг глаза ему откроем.
Представь себе, как мы Росла#769;влева расстроим?
Услышит, взбесится, взревнует, а потом,
Как ты сама ему признаешься во всем,
Немного надобно иметь ему рассудка,
Чтобы увериться, что это просто шутка.
Ну, если шалостью исправим мы его?
А мне не сделать уж ревнивым своего,
Так я хочу его заставить рассердиться,
Чтоб он хоть раз узнал, как весело мириться.
Ну, милая, решишь – пиши; я пособлю.

Лиза

Нет, я не напишу, что я его люблю.

Эледина

Вот как теперь гляжу, как Блестов будет славить.

Лиза

Ревнивца обмануть?

Эледина

Да, чтоб его исправить;
Теперь же случай есть... Пиши, не будь дитя.

Лиза

Да как?

Эледина

Ах! полно.

Лиза

я боюсь не шутя.

Эледина

А время между тем уходит. – Ну, скорее!

Лиза

что будет?

Эледина

Ничего.

Лиза садится.

Вот так, начни смелее.

Лиза

Ах! что я делаю!

Эледина

Поверь мне, не тужи.

Лиза

что он подумает?

Эледина

Пусть думает. – Пиши:

(Диктует.)

«Не знаю, хорошо ль, что я вам отвечаю...»

Лиза

Уж как нехорошо, я это очень знаю.

Эледина(продолжая)

«И не решилась бы я долго, – но со мной
Росла#769;влев, как назло, несносный стал такой...»

Лиза

Несносный, что за вздор?

Эледина

Ну, беспокойный...

Лиза

Точно.

Эледина

Пиши: «Он ревностью, как будто бы нарочно,
Страница 180

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
Надоедает мне».

Лиза

И все не надоест!

Эледина

«Надоедает мне. – Пусть ищет же невест
Потерпеливее; а я не в силах боле
Сносить все странности его, – я век в неволе;
Его мученья...»

Лиза бросает перо.

Ну?

Лиза

Помилуй, отчего
Ты рада выдумать все злое на него?

Эледина

А не сама ли ты сто раз мне повторяла,
Что даже часто с ним терпение теряла?

Лиза

Какая разница! то было на словах;
А это я пишу к другому.

Эледина

Дурно, страх!
Ну, да, пожалуй, я смягчу из сожаленья;
Прочти, что у тебя?

Лиза

Сейчас

(Читает.)

«Его мученья...»

Эледина(диктует)

«Так надоели мне, что, словом, хоть кого
Готова я любить, да только не его...»

Лиза

Нет! Этого писать я век не соглашуся.

Эледина

Что за ребячество!

Лиза

Ну, право, не решуся.

Эледина

Ты шутишь, – да скажи, чего бояться тут?
Ведь этого письма лишь двое не поймут,
Росла́влев с Блестовым, Росла́влев как ревнивый,
Страница 181

Лиза (дописавши)

Ответ красноречивый.
Неужли он теперь поверит, что в него
Влюбилась я!

Эледина

Кто? – он? Он верил до того.
Как знаю я мужчин! Ах, все без исключения
Какого об себе они большого мненья!
Самолюбивы как! почти не меньше нас!
Давай свое письмо, я отошлю сейчас.
А между тем тебе уж надо притворяться,
Что ты с Росла#769;влевым не хочешь вовсе знатья.–
Пусти ж меня.

(Садится.)

Теперь мне очередь писать.
Представь, как будем мы над ними хохотать!
Ах! вдруг троих мужчин помучить так приятно!

Лиза

Что тут приятного, мне, право, не понятно!

явление 5

Ленский, Рославлев, Эледина, Лиза.

Лиза

Ах! вот они! – Куда все это нам девать?
Спрячь эти глупости.

Эледина (нарочно громко)

Вот стану я скрывать;
Ты знаешь, что во всем я скрытность ненавижу.

Рославлев

Смотри, что так она прилежно пишет!

Ленский

Вижу.

Рославлев (Лизе)

Я ждал вас давеча до половины дня;
Или решились вы бегать от меня?

Лиза

Да, сударь, с вами я все ссоры прекращаю;
Вы не ошиблись; я – вас точно убегаю.

Рославлев

Не убежите же: я вас везде найду.
Лиза перебегает и становится за Элединою.

Эледина(в сторону)

Вот любит истинно! а на мою беду,
Мой Ленский самая холодная особа.

(Ленскому.)

Ах! да вы здесь. Давно?

Ленский

Сейчас вошли мы оба.
Не помешаю ли я вам?

Эледина(продолжая писать)

Нет, ничего.

Рославлев

Конечно, нечего бояться вам его.
Вы можете при нем всегда писать свободно,
Хоть бы к соперникам его – к кому угодно;
Он из учтивости не будет вам мешать.

Эледина

Хоть бы к соперникам его – почем же знать?
Я точно нежное письмо пишу.

Ленский

Прекрасно!
Да я скажу, к кому.

Эледина

К кому ж?

Ленский

Ко мне.

Эледина

Напрасно.

(В сторону.)

Как можно столько быть уверенным в себе!

Ленский

Ах! позавидует весь свет того судьбе,

(показывая на письмо)

Кто нежности от вас такие получает!
Я вижу по глазам, что чувство вам внушает.

(Эледина складывает письмо.)

И будто кончили! не лучше ль продолжать?
Расположения такого долго ждать.

Эледина(в сторону)

Смеется? – Если б я в сердцах не рассуждала

(Кличет.)

Кто тут?

Лакей входит.

На, вот письмо; поди, отдай тому,
Кому надписано...

Ленский

Куда ж идти ему?
Я здесь покамест.

Эледина

Нет; уж вы домой подите;
Там лучше прочитать.

(Уходит.)

Ленский (с улыбкой)

Вы этого хотите.

(Уходит.)

явление 6

Лиза, Рославлев. (Лиза хочет уйти.)

Рославлев

И вы?

Лиза

Позвольте.

Рославлев

Нет.

Лиза

Я вздоров не терплю.

Рославлев

Вы сердитесь за то, что я вас так люблю!

Лиза

Все это лишнее; на что нам объясняться!
Конечно, прежде в вас могла я ошибаться;
Я все надеялась ваш нрав переменить;
Но больше не хочу игрушкой вашей быть.
Вчера еще...

Рославлев

Вчера... да будьте беспристрастны!
Я жду, вы входите: вы были так прекрасны!
Я видел вас одних, – опять, какой же след

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
Вам замечать меня, где тьма народу? – нет!
Вы милы! веселы! – для всякого другого;
Со всеми ласковы, со мною – ни полслова.
Вдруг Блёстов с значащей улыбкой к вам пристал,
Болтал, болтал и так собою заслонял,
Что долго я за ним не мог вас видеть после.
Макао: #с004004_1 начался; вы сели, Блёстов возле.–
Меня упрятали покамест за бостон: #с004004_1:
Бостон ли на уме! я без того взбешен;
Играю скверно; все другие, что играют,
Кричат и сердятся, бранят меня, ругают;
А вы хохочете – и вы, и ваш чудак.

Лиза

Да не одна я, все смеялись.

Рославлев

Точно так!
Не вы одни, весь свет смеется из пустого.
Зато же същете вы где меня другого?
Кто чувствует, как я? Кто нынче есть с душой?
Кто любит истинно?.. Я, право, сам не свой:
Твержу в наш век, чтобы кокетство позабыли,
Хочу, чтоб женщины не женщинами были.

Лиза

Вот оправдание ревнивца! – Признаюсь!
Нет, как хотите вы, я с вами расстаюсь.
Да и чего мне ждать? При вас неосторожно
Ни слова вымолвить, ни замолчать не можно;
Нельзя ни встать, ни сесть, ни выйти, ни войти;
Всему вы толк иной умеете найти.
Письмо читаю я... тотчас уж подозренье;
Танцую ли с другим... и тут вам огорченье;
Получше ли к кому оденусь... все беда!
Все виновата я – и с вами брань всегда;
Хоть с Блёстовым когда я говорю учтиво,
Уж слышу, там ногой стучат нетерпеливо;
Нет, лучше вовсе бы меня вам не любить.
Вот радость! замужем невольницей мне быть.

Рославлев

Невольницей! – Тогда! – Ах! нет! избави боже,
Чтоб я осмелился...

Лиза

Тогда все будет то же,
И точно то терпеть я буду, что терплю:
Мы не поладим век.

Рославлев

Зачем я вас люблю?
Без этой глупости я вас бы ненавидел!
Мы не поладим век! – Да, я давно уж видел,
Что есть другой, с кем вы поладите скорей!
Ну что ж? так я пойду дорогою своей:
Знакомы с вельской вы? – добра, умна, прекрасна.
Так знайте ж: за меня идти она согласна;
А с нею век могу я счастливо прожить.
И – вы принудите меня ее любить.

Лиза

Извольте ж к ней сейчас отправиться – подите!

Рославлев(хочет идти)

я вас послушаюсь – иду сейчас.

(Воротясь.)

Скажите,
кто этот счастливый, что вами предпочтен?

Лиза

Зачем вам имя знать его?

Рославлев

Затем, что он
заплатит дорого... да!

Лиза

Что вы? успокойтесь;
вы что-то страшны.

Рославлев

Как?

Лиза

я вас боюсь...

(Убегает.)

Рославлев

Не бойтесь!
Какая мне нужда до вас и до него
и как его зовут...

явление 7

Рославлев(один)

Вот, взбесит хоть кого!
Да и меня ж потом ревнивым называют!

(Ходит взад и вперед.)

Но в самом деле, мне кого предпочитают?
В это время Блестов показывается.
Кто знает, может быть, и он соперник мой?
И точно! – нынче он доволен так собой!

явление 8

Рославлев, Блестов.

Блестов

Вы здесь, Рославлев? – Ну, опять сердит? Скажите:
за что? – Вы влюблены, любимы.

Рославлев

Извините!
Вы шутите, а я.. я вовсе не шучу.
Да, кстати, я давно просить у вас хочу;
Прошу покорно мне сказать чистосердечно,
Как честный человек.

Блёстов

Вы спросите, конечно,
Что не намерен ли у вас я перебить?

Рославлев

Однажды навсегда прошу мне объявить,
С какими видами так часто, постоянно
Сюда вы ездите?

Блёстов

С какими? – Очень странно!
Я видов не имел ни на кого отнюдь;
А если...

Рославлев

Их на вас имеет кто-нибудь..
Ну, кто ж?

Блёстов

Когда б от вас хотели допытаться,
Вы не сказали бы, конечно?

Рославлев

Может статья.
Но вы? вы скажете? – не правда ли?

Блёстов

Бог мой!
Как этак приставать? Вот человек какой!
И даже помолчать он не дает свободы!
Пусть так; вы смущены, я – жалостлив с природы.

Рославлев

Без предисловия.

Блёстов

Прошу же скромным быть.

(Забавляется вниманием его.)

Однако этого не должно б говорить.

Рославлев(с бешенством)

Теперь всё говорят, – ну, говорите ж.

Блёстов

Милый!
Вы слишком горячи! А если б что и было,
И если даже есть, так вам нет ну́жды в том;

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
Ну, понимаете, что вы тут ни при чем.

Рославлев

Ужли Эледина? – вот это будет ново!

Блёстов

А что ж?

Рославлев

Вы шутите.

Блёстов

Да нет.

Рославлев

Честно́е слово?

Блёстов

Честно́е слово. – Вот: всегда бедам чужим
Смеялся Ленский ваш! Ну, смейтесь же над ним.
Я от Элединой давно терплю нападки;
Да, да!

Рославлев

Но, может быть, все это лишь догадки,
Без основания.

Блёстов

Одни догадки? Вот!
А если дело-то серьезнее пойдет,
На доказательства... Что? это вас тревожит?

Рославлев

Нет! потому что их и быть у вас не может.

Блёстов

Не может, точно так. Да как у нас и быть?

(Вынимает бумажник и ищет в нем.)

А если, например, здесь можем мы найти,
Между такими же другими письмецами...
Оно? – Нет, не оно. – А, вот! – прочтите сами.

(Показывает Рославлеву письмо. Тот хочет схватить его, но Блёстов не дает, и Рославлев читает с жадностью.)

Заметьте, что Амур – лукавое дитя:
Все это писано как будто бы шутя;
Всегда ведь женщины с насмешек начинают,
А там привяжутся, а там и обожают,
А там...

(Хохочет.)

Ну, мочи нет, как Ленский мне смешон!
Я рад до крайности, что так обманут он!
Нет, вы – вы смотрите за Лизой осторожно,

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
Вы очень знаете, что женщине все можно.

(Хохочет.)

А он без милости уверен был в себе.

Рославлев

Что ж? Все мы этой же подвержены судьбе.
Вот, Ленский! наконец слова мои сбылися!
Я говорил тебе...

Блестов

Когда? – как завелися
У нас свидания почаще с нею?

Рославлев(сердито)

Нет!
Гораздо прежде. – Ах! и мне таких же бед
От Лизы можно ждать.

Блестов

Да, да, – я уверяю

Рославлев

Прошу не уверять...

Блестов(с значащей гримасой)

Нельзя; когда я знаю..
И в том, что к грусти вам причину подает,
Никто участия такого не берет,
Как я... Прощай же.

(Уходя, поет из «Жоконда»: #с004004_2.)

«В печали, в огорченье
Всегда любовники грустят в уединенье».

явление 9

Рославлев(один)

Он весел и поет! он счастлив и любим!
А Ленский между тем смирайся перед ним!
А с Лизой в ссоре я? – Хоть тем могу я льститься,
Что Лизе вряд ли он успеет полюбиться.
Вот женщины, мой друг! – Что?..

явление 10

Рославлев, Ленский.

Рославлев(увидя Ленского)

А! да вот и он
И что-то невесёл!

Ленский(увидя Рославлева)

Опять уж рассержен!

Рославлев(помолчав)

Ну, Ленский, в женщинах ничто мне не понятно!

Ленский

Мне тоже, признаюсь.

Рославлев

Они... невероятно!
Как хитры, скрытны! – в них обманется хоть кто.

Ленский

Как ветрены!

Рославлев(в сторону)

Да он заговорил не то –
Неужли угадал?

Ленский(в сторону)

Таить немного прока:
Узнает без меня, – а рассказать жестоко.
Оба сходятся с двух сторон.

Рославлев(подходя к Ленскому)

С чего бы мне начать?

(Ленскому.)

Послушай, милый мой!
Мы с Лизой разговор имели преживой,
Да с ней не сговоришь: совсем другая стала!
И неуступчива, как сроду не бывала!
Тут что-нибудь да есть. – Так! бог уж ей судья,
А что душой кривит Эледина твоя.

Ленский

Нет! за Эледину, как за себя, ручаюсь,
А в Лизе, виноват, я что-то сомневаюсь;
Однако ж не сердись, ведь это ни к чему,
Будь рассудителен. – А видно по всему,
Что вряд ли ты любим.

Рославлев

Так! обо мне заботы,
А об самом себе подумать нет охоты?

Ленский

А что?

Рославлев

Не бойсь, скажи про Лизу, что она
И точно не шутя в кого-то влюблена,
Что пишет к этому кому-то; – это мало,
Что он письмо ее везде, где ни попало,
Показывает всем; и, словом, что ты сам
Письмо ее читал?

Ленский

Да по твоим словам,
Тебе известно все, – а я сказать боялся.
Так точно: Блестов здесь со мною повстречался
И тотчас показал мне, к горю твоему,
Письмо руки ее, и писано к нему.
Теперь прошу сказать, у женщин что же прочно?

Рославлев

Письмо от Лизы?

Ленский

Да.

Рославлев

Сам видел ты?

Ленский

Сам, точно...
У Блестова... Его он носит напоказ.

Рославлев

Ты сам читал его?

Ленский

И перечел не раз;
Я верить не хотел.

Рославлев

Возможно ли? Так, стало,
Все кончено теперь! Все для меня пропало!
Как глупо вверился и как обманут я!
И кем же? – Решена судьба теперь моя.
Утешимся, мой друг. – Оставим их в покое –
Откажемся навек от женщин, будем двое,
Как братья, жить.

Ленский

Оно все так, я очень рад!
Однако ж посуди и то, любезный брат,
Что мне моя верна.

Рославлев

Верна? – да, дожидайся!
Верна! – Нет, женщинам ты лучше удивляйся,
Твоей, моей и всем! – Все верны хоть куда!
Да что я? Для тебя не велика беда;
И станешь ли тужить ты об своей потере?

Ленский(очень хладнокровно)

В чем дело, расскажи?

Рославлев

Она... По крайней мере,
Ты это заслужил холодностью своей.

Ленский

Да что же?

Рославлев

Ничего. От верной-то твоей
Показывал письмо мне Блестов, – в оба глаза
Смотрел я и читал, и перечел два раза.

Ленский(особо)

От каждой по письму!

(Ему.)

Как ты сказал? – моя?

Рославлев

Писала к Блестову письмо, – сам видел я.

Ленский

Ты шутишь?

Рославлев(усиливая голос)

Не шучу.

Ленский

Она к нему писала?

Рославлев

Да, сударь!

Ленский

К Блестову?

Рославлев

Да, сударь.

Ленский

Изъясняла
В письме любовь свою без всякого стыда?

Рославлев

Да, сударь, да, сударь, я говорю вам: да!
К чему спрашивать? для вас ведь это малость,

Ленский(в сторону)

Так обе к Блестову они писали? – Шалость!

Рославлев

Никак не вслушались – велите повторить?

Ленский(с улыбкой)

Нет, вслушался и вас хотел благодарить.

Рославлев

Что? женщин я не знал? – «Нам брать у них уроки?
И только сами мы заводим их в пороки?»
Что? прав ты?

Ленский

Может быть.

Рославлев

Как? Лиза мне верна?
И в шу#769;та, в Блестова, покамест влюблена!

Ленский

Я думаю, теперь он должен восхищаться.

Рославлев

Вот думает об чем!

Ленский

Нельзя ль тебе дождаться?
Я вмиг приду назад.

Рославлев

Их надо в стыд привести;
Пойдем.

Ленский

Что мне до них? другое дело есть.

(Хочет идти.)

Рославлев(его держит)

Эледина сама, ты помнишь, нам сказала,
Что нежности она к кому-то сочиняла...
Да что? при нас самих записка послана.

Ленский

Хоть то в ней хорошо, что искренна она.

Рославлев

Как входит в голову такое рассуждение!
Подумай хоть об том, холодное творенье:
Письмо Элединой мне Блестов показал,
Письмо от Лизы он тебе читать давал. –
Неужли позволять над нами так ругаться?

Ленский

У всякого свой вкус; он любит забавляться.

Рославлев

Ах, Лиза! Ах! на что от Вельской я отстал?
Послушай, ты письмо... проклятое читал,
Не помнишь ли, что в нем? Сказать ты можешь смело, –
Уж я не рассержусь.

Ленский

Зачем? не к спеху дело;
Мне Блёстов обещал их письма выдать в свет.

Рославлев

Прощай же, коли так; в тебе надежды нет;
Я Блёстова сыщу.

(Хочет идти.)

Ленский(удерживает его)

Постой; какой ты вздорный!
Ну, есть ли из чего шуметь?

Рославлев(хочет уйти)

Слуга покорный!

Ленский(держит его)

Постой; поверь же мне, что Блёстов не любим.

Рославлев

как?

Ленский

Забавляются над нами и над ним.

Рославлев

С чего ты взял?

Ленский

С того, что я наверно знаю.

Рославлев

А письма?

Ленский

Их себе я очень объясняю.
Вдруг обе к Блёстову послали два письма?
Нельзя, чтоб обе вдруг сошли они с ума,
Ну, сам ты рассуди.

Рославлев

Так точно. – Нет! вернее
Узнать бы. Растилкуй все это мне яснее.

Ленский

Да все объяснено. Одна из них скромна,
Другая меньше, но... обманщица ль она?
Ты веришь письмам их, а я их чувствам верю.
Лишь Блёстов сделал тут неважную потерю:
Рассудок потерял, и то не нынче...

Рославлев

Так!

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
Ты жизнь мне возвратил! – Какой же я дурак!
Я сомневаться мог! – Что значит быть ревнивым!
Сто раз уж перед ней я был несправедливым!
Как до сих пор не знать ума ее, души?
Однако ж ведь они и сами хороши:
Сидят и про себя, чай, думают: авось-ли
Над легковерьем их мы похочем – после.
Нет! не умели мы их хитрость угадать?
Нет! очередь не нам над ними хохотать?
Тебе обязан я всем, друг мой!

(Обнимает его.)

Ленский

И, как другу,
Мне окажи теперь бездельную услугу.

Рославлев(с живостью)

Вели, приказывай: что хочешь ты, чего?

Ленский

Дай Блестову пожить, не вызывай его.

Рославлев

Не вызову.

Ленский

Ну вот, насилиу усмирился.

Рославлев

Однако ж если ты судить поторопился?

Ленский

Опять за ревность!

Рославлев

Нет; да ты подумай сам:
Без доказательства нельзя же верить нам.

Ленский

Все та же песня.

Рославлев

Мне хотелось бы покуда...

Ленский

Покуда надобно уйти тебе отсюда;
Отчаянного роль я стану здесь играть;
Ты только не мешай.

Рославлев

Да надо бы узнать.

Ленский

я все узнаю,

(почти толкает его.)

всё; ну, что же, убирайся.

Рославлев

А если...

Ленский

Ах, поди!

(Толкает его,)

Рославлев

Смотри в обман не вдайся.

Ленский(выталкивает)

Да ну, поди скорей!

Рославлев тихонько входит опять и, не быв примечен Ленским, прячется через другие двери в кабинет.

Явление 11

Ленский(один)

Довольно покричал!
Немудрено: я сам уж верить начинал!
А Блёстову его соперники достались
В поверенные! – Как? все трое мы попались,
Чтобы Эледину и Лизу забавлять?
Пустое! – Не люблю я женщин баловать.
Нет хуже, как прощать насмешки их над нами;
Их поздно в руки брать, как будут нам жена́ми...
Они? я очень рад!

Явление 12

Ленский, Эледина, Лиза.

Эледина(Лизе в глубине комнаты)

Печален! – Неужли
Уж Блёстов рассказал?

Лиза

Спроси.

Эледина(Ленскому)

Куда вы шли?

Ленский(печально)

Не знаю.

Эледина

Что за грусть? – Ведь вы смеетесь вечно.

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
ленский(ходя взад и вперед)

Когда обманывал кто так бесчеловечно!
Мужчину завести, уверить, уловить,
Дать слово – и потом, как на смех, изменить.
В досаде этакой от смерти недалеко!

Эледина

Зачем же от меня так мучиться жестоко?

ленский(остановясь)

Поступок ваш меня, конечно, оскорбил;
Однако ж не об нем теперь я говорил.
Отчаянный мой друг мне в голове верти́тся...

(Лизе.)

Представьте, он совсем хотел уж застрелиться.
Все проклинал: любовь, друзей и целый свет;
Решил, что для него ни в ком надежды нет,
Что в свете все обман, что женщины все ровно
Лукавы, злы...

Эледина(перебивая)

А вы, как должно, хладнокровно
Утешили его?

ленский

Как тут попали вы.
Я, правда, ждал всего от этой головы;
Он застрелился бы; но – выдумкой счастливой
Я спас его.

Лиза(испугавшись)

Какой?

ленский

Известно, что ревнивый,
В любви обманутый, тотчас на все готов;
Так убедить его мне стоило двух слов:
Наталью Вельскую вы знаете?

Эледина

Ну что же?

ленский(Лизе)

Так точно; вас она немного помоложе.–

(Элединой.)

Брюнетка! острая! живая!.. Словом, он...

Эледина(перебивая и показывая на Лизу)

С досады на нее уж в Вельскую влюблен.

ленский

Вхожу я: в комнате почти не видно света;
Он в горе; на столе лежат два пистолета;

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
Я начал утешать, он слушать не хотел.
Об Вельской речь зашла...

Эледина(перебивая)

И к ней он полетел.

Ленский

Нет, я отвез его. – А впрочем, долго бился;
Он спорил, ссорился, но после – согласился.

Эледина(в сторону)

Злодей!

Лиза(в сторону)

Ах!

Ленский(Элединой)

И теперь они в глазах моих!
Представьте в нежности и в восхищенье их!
Не могут говорить, хоть говорить хотели,
Зато с каким огнем друг на друга глядели!

(Лизе.)

А более меня ее пленял восторг!
Скажите! я без слез смотреть на них не мог.

(Элединой.)

И что ж приятнее, как видеть двух счастливых?

(Лизе.)

В желаниях любви, всегда нетерпеливых,
При мне клялись они друг друга обожать;
И... скоро свадьба их.

(Элединой.)

А мне пришлось искать
Такую милую (хоть, правда, это странно),
Чтоб одного меня любила постоянно;
Не то чтоб Блестову я подражать хотел,
Сегодня двух невест он вдруг сыскать умел.

(Ленский смеется и раскланивается с ними; они с досады на него не смотрят, и он уходит.)

Явление 13

Эледина, Лиза.

Эледина(долго молчит, не смея взглянуть на Лизу; наконец говорит)

Какой же человек! – и я его любила!

Лиза

А я себя, скажи! за что же погубила?
Твоя же выдумка, чтоб письма нам писать!
И подлинно умно, уж нечего сказать! –

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
Ах! я от этого Рославлева теряю.

Рославлев(выходя из кабинета, в котором, он прятался)

Дай их послушаю.

(В этой сцене он несколько раз хочет подойти к Лизе.)

Эледина

Да, я еще не знаю,
Печалиться ли нам? И есть ли из чего?
Хоть Ленский мой? Скажи, ну где ж любовь его?
Ведь он же не шутя любить меня божился.
А твой? – С отчаянья почти что уж женился.
Они...

Лиза

То сделали, что должно было им,
Что сделала бы я, с терпением моим.
Как? на дурацкие мы письма отвечаем!
Кого же? Блестова мы им предпочитаем.

Эледина

Что ж? Из учтивости должны бы хоть они
Поплакать, пострадать каких-нибудь два дни.
Я видела, как здесь ревнивец твой божился,
Что вмиг бы умер он, когда б тебя лишился.
Зачем же не сдержал он слова своего?

Лиза

Зачем? – Ах, боже мой!

Эледина

Да, это роль его.
Роль Ленского теперь веселым притворяться
А наша, им назло, ничуть не огорчаться.
Поддержим честь свою и позабудем их.

Лиза(почти плачет)

Честь? – Разве честь велит обманывать других?

Рославлев(тихо в глубине комнаты)

Прелестна!

(Хочет к ней подойти.)

Лиза(плачет)

Как любил! как думал быть счастливым!
Ну вот! ты Ленского не сделала ревнивым,
А я с Росла#769;влевым лишаюсь всего;
Мне даже жаль теперь и ревности его!
Ах! если б слышал он, как я себе пеняю!
Когда бы знал...

явление 14

Рославлев, Эледина, Лиза.

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
Рославлев(с радостью)

Я здесь: все слышал и все знаю.

Лиза

Рославлев, это вы?

Рославлев

Так я еще любим?
И сказкам обо мне вы верите пустым?

Эледина

Так вздор он нам сказал про Вельскую Наташу?
Обманщик Ленский!

Рославлев

Да, он понял шутку вашу
И отплатить хотел.

Лиза

А вы с ним заодно!

Рославлев

Кто?.. я?.. Нет, не совсем... Ведь было мудрено
Не усомниться мне – такой я сумасшедший.
Да что уж толковать о глупости прошедшей?

(Элединой.)

Не ссорьтесь с Ленским; он бесценен! – Без него
Не знал бы никогда я счастья своего.

(Лизе.)

Когда бы удалось услышать мне, как мило
Жалели обо мне? – Как мне приятно было!
За это вы меня решитесь ли простить?

Лиза

Вы сами слышали, так что тут говорить.

Рославлев

Ах! сроду никогда я так не восхищался!

Эледина(увидя Ленского)

Тс! – тише!

Явление 15

Ленский, Рославлев, Эледина, Лиза.

Ленский(будто ищет кого-то)

Точно здесь. – Что, если б догадался
И он помучить их?

(Посмотрев на всех.)

Нет, все известно...

Эледина

Да!
Известно всем, что в вас нет совести, стыда;
Всех рады осмеять вы для своей забавы
И непростительно как злы и как лукавы.
Ужасный человек!

Ленский

Что ж делать? – виноват!
А вот несносен кто, все выболтать он рад!
Нет, милый мой, теперь мы сговорились двое;
А если что-нибудь вперед затею злое,
Так, верно, без тебя.

Рославлев(с довольным видом)

Пожалуй.

Эледина

Боже мой!
Вот извиняется он как передо мной!

Ленский

Что ж, хитрость мне моя – признаться я обязан –
Не вовсе удалась; довольно я наказан.

Рославлев целует руку у Лизы; Ленский с тем же подходит к Элединой; она от него отворачивается. В эту минуту является Блёстов и помирает со смеху.

явление 16

Блёстов, Эледина, Ленский, Рославлев, Лиза.

Блёстов(в сторону)

Забавны взапуски один перед другим!

(На ухо Элединой.)

Зачем обходитесь вы так жестоко с ним?
Он догадается.

Эледина смеется. Блёстов становится между Ленским и Рославлевым.

(Ленскому.)

Ваш друг в веселом нраве.
Что, если б он узнал? Нет, боже нас избави!

Ленский смеется.

(Рославлеву.)

Каков вам кажется ваш Ленский? – право, клад!
Ведь за Эледину он побожиться рад,
Что все ему верна!

Все смеются.

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
Да кто ж над кем смеется?

Ленский

Над вами, сударь, все; мне так оно сдается.

(Элединой.)

А чтоб уверился он в торжестве своем,
День нашей свадьбы мы назначимте при нем.

Эледина

Ты понял мастерски, хитрец, мою науку;
За это за одно мою получишь руку.

Ленский

Вы шутки не должны так к сердцу принимать:
Я вас в неверности не смел подозревать,
Хоть Блестов, слова нет, соперник преопасный...
Рославлев ревновал... Ну, он любовник страстный,
А я – почтительный, – тут нет других причин;
И несогласиям конец теперь один.

(Показывая на Блестова.)

За наши ссоры он пусть богу отвечает.

Рославлев(самым насмешливым тоном)

Вот Блестов разом как двух женщин обольщает!

Каждый в свою очередь подходит к Блестову с ироническим поклоном, и потом все уходят.

Явление последнее

Блестов(один)

Красавицы мои! Кто растолкует вас?
Да правда, ведь и мы не лучше в добрый час;
Сегодня любим их, а завтра ненавидим.

(Подумавши.)

Как будут замужем они, – тогда увидим!

<1818>

Проба интермедии: #с004005

Интермедия в одном действии

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Фёколков

Алегрин

Резвушков

Припрыжкинактеры

Свисталова

Диезина

Машинист

Суфлер

Актеры и актрисы

Действие происходит в провинциальном театре. – Театр представляет сцену в беспорядке.

Фёколков

Много вас, актеров и актрис.
Батюшки, мне нужен бенефис!
Матушки, мне нужен бенефис!

Прочие актеры и актрисы

Расскажите,
Что хотите
Вы от нас?

Фёколков

Вот как раз:
В бенефис вы не оставьте,
Мне чтоб не попасть впросак,
Публику вы позабавьте
Кое-чем и кое-как.

Прочие

Вам помочь
Мы не прочь.

Фёколков

Вас, друзья мои, так много –
Помолчите, ради бога!

Прочие

Правда, много нас числом.
Да какая польза в том?

Фёколков

Надо, чтоб скорей поспело.

Резвушков

Поскорее? – Так за дело
Взяться надлежит с умом!

Фёколков

В этом затрудненья мало,
Делайте, как ни попало.

Прочие

Хорошо, – да должно знать,
Что мы будем представлять?

Фёколков

О нет!

Алегрин

Балет?

Фёколков

Нет! Нет!

Припрыжкин

Комедию?

Фёколков

Интермедию!

Все(кроме его)

Интермедию! – Боже сохрани!
Интермедию! – Нет уж, искони
Солоны достались нам они!
И какая вам охота?
Только бедным нам работа,
Бедным зрителям зевота!

Фёколков. Неужто, господа, мне быть без бенефису?

Алегрин. Дайте в свой бенефис, что хотите, да только не интермедию.

Все(повторяют)

И какая вам охота?
Только бедным нам работа,
Бедным зрителям зевота.

Фёколков. Да, господа, дело праздничное; серьезное надоест, не худо бы затеять какую-нибудь потеху, ярмонку.

Резвушков(обращаясь к прочим). Ну, уж выведемте его из хлопот; делать так делать. Здесь, однако, не Петербург, автора не скоро същешь; разве наш суфлер примется, – человек он грамотный. Ну-тка, батюшка, вылезай из своего кабинета; у тебя давно рука чесалась сочинить что-нибудь для театра, вот и случай есть, отличись.

Фёколков. Вылезай, отец родной, я сам услужу в другое время.

Суфлер. Извольте, располагайте моим умом, моим пером и моим языком.

Все(кроме его)

Браво! Фора!
У суфлера
Все кипит!
Кто коль скоро
Что-то проспит,
Не затвердит,
Кто собьется,
Заикнется,
Наш суфлер лишь вострепнется,
И лишь голос он подаст,
Всякий кто во что горазд.

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru

Суфлер. Смейтесь, смейтесь, господа, а без меня иному бы из вас плохо пришлось. Да не о том речь. Вам нужна новая пьеса. Для сего нужно многое, а самое нужное: декорации, актеры, слова, музыка и танцы... танцы и пляски.

Резвушков. Верховой, спускай декорацию. Вот тебе лес и вода.

Свисталова. Актеры все налицо, в костюмах и без костюма.

Диезина. Слов чем меньше, тем лучше.

Алегрин. Музыка у нас вволю, выбирай любую.

Припрыжкин. За танцами дело не станет.

Фёколков. Так, стало, самое нужное есть, стоит только к нему присочинить кое-что.

Суфлер. Это ничего не составляет...

Свисталова. Особливо для суфлера.

Диезина. Он всякую всячину наизусть знает.

Резвушков. Он весь свой век чужое говорит.

Алегрин. Пусть его крадет, откуда хочет, была бы пьеса готова.

Свисталова. Не беспокойтесь, он, на нашу беду, пожалуй, столько сочинит, что нам ввек не выучить.

Суфлеру нашему хвала,
Природа коему дала
Писать охоту и умение!
Его ж такие сочиненья,
Что сам едва ль он их поймет,
Да и никто не разберет;
А дело все на лад идет.

Суфлер

Прошу вас, господа,
Не говорить ни слова!
Вот лес и вот вода, –
Так главное готово.
На завесе река...
Пусть будет же: Ока.
Готово и названье,
Благодаря реке:
Пирушка на Оке,
Иль: За Окой гулянье;
И песнями начать,
И плясками кончать!

Резвушков. Что же нам петь?

Припрыжкин. Какие пляски?

Суфлер. Пойте и скачите, сколько душе угодно, только не все вдруг.

Фёколков. Однако нельзя без пробы.

Суфлер. Ну, так пробуйте. – Господин певец, выступайте. Что подтверже, то и пойте. А прочих прошу изготавиться для последующего; я же между тем займусь сочинением куплетов, которые пропоет наша певица тогда, как будут готовы. – За дело! скорей! а не то я перестану сочинять.

Все. Хорошо, хорошо.

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
Пение и танцы. (По окончании суфлер говорит.)

Суфлер. Довольно, довольно. Куплеты готовы! Угодно ли мне сделать честь их пропеть в заключение?

Фёколков. Неужели заключение?

Диезина. Что ж вы еще хотите? (Берет куплеты и поет их.)

Куплеты

Довольно все плясали, пели!
Покуда вам не надоели,
Всего умнее разойтись.
Кто хочет, тот пускай сердись,
Над нашей шалостью острись.
А мы не с авторским умишком –
Хоть пошалили, да не слишком.
Притом, кто осуждать нас станет,
Не худо, ежели вспомянет,
Что позабавиться насчет
Кто интермедии идет,
Не много умного он ждет.
И в этой вздору много тоже,
Да все на прочих не похоже.
На свете же всегда водилось:
Как зрителям что полюбилось,
Никто не спросит: как оно –
Бессмысленно, или умно,
Или плачевно, иль смешно?
Лишь только бы новее было;
Всегда что ново, то и мило.

<1818>

Кто брат, кто сестра, или обман за обманом: #с004006

Опера-водевиль в одном действии

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Пан Чижевский, содержатель почтового двора.

Антося

Лудвися его дочери.

Рославлев младший, гусарский офицер.

Юлия, жена его.

Рославлев старший.

Андрей, слуга его.

Вациус, писарж почтовый.

Передовой Рославлева старшего.

Слуги проезжающих.

Жиды.

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru

Действие происходит в польском местечке в почтовом доме. Комната; справа от зрителей стол, на нем шнуровые книги, бумага и проч., слева клавикорды, на стене гитара, в середине открытый вид в цветник.

Явление 1

Рославлев младший и Юлия сидят за столом в цветнике и пьют чай. Антося и Лудвися, одна за клавикордами, другая с гитарой, и поют. Рославлевы слуги увязывают чемодан и проч. Писарж пишет за столом. Пан Чижевский читает варшавскую газету.

Антося и Лудвися

Молодость, как струйка! Молодость, как цвет!
Пробежит украдкой, поцветет – и нет!
«Милая Магдуся! –
Янек говорил, –
Злых людей не труся,
Молви: ты мне мил!»
Что ж на то Магдуся
Молвила ему?
«Сердцем отдаюся
Другу моему!»
Завтра – гость неверный! прошлый гость – вчера!
На любовь и радость нам одна пора!
Слышу ли, как зыбкий
Крадется ручей,
Как на ветке гибкой
Стонет соловей,
В розу ли всмотрюся,
Что цветет на срок,
Вспомнится Магдуся
И ее урок.
Завтра – гость неверный! прошлый гость – вчера!
На любовь и радость нам одна пора!

Рославлев младший и Юлия входят в комнату.

Рославлев младший. В дороге, чай, и песни всегда кстати, но и лошади не лишнее. Мы теперь отдохнули, освежились; отправьте нас скорее, пан почтмистрж!

Пан Чижевский. За#769;раз, яснееосвещенный! кони готовы.

Писарж(между тем показывает ему подорожную и тихо говорит). Позвольте только расспросить о имени вашем: мы никак не разберем. (Читает.) «Следующему из Санкт-Петербурга в Варшаву...»

Рославлев младший. «Гвардии ротмистру Рославлеву».

Пан Чижевский(читает про себя). «...С будущими: #c004006_1...»

Рославлев младший. И слава богу, не только с будущими, но и с настоящею (показывая на жену) назло препятствиям.

Пан Чижевский. А, понимаю, понимаю!

Жизнь скучным трактом вам казалась!
Так, взяв любовь в проводники,
Желали вы, чтобы досталась
И радость с легкой вам руки!
Так! к счастью пристани надежной
Всем мил открытый лист в жене...

Антося

Ах! как хотелось бы и мне

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
Скорей быть также подорожной.

Пан Чижевский

любовь и брак!

Рославлев младший

Одно и то же:
Они родные брат с сестрой!

Пан Чижевский

Согласен! но сестра моложе,
А братец – барин пожилой.
В дороге спутник ненадежный –
Сестра на вольных: #с004006_2 навострит,
А брат отстанет и сидит
Один, с законной подорожной.

явление 2

Те же и передовой старшего Рославлева.

Передовой. Скорее! скорее! восемь лошадей! две мне, а шесть его высокородию, который скачет по пятам моим.

Пан Чижевский(читает подорожную). «Из Варшавы в Санкт-Петербург майору Рославлеву». (Отходит к письменному столу.)

Рославлев младший. Вот неожиданный гость! Это брат мой!

Юлия. Куда нам деваться?

Пан Чижевский. Рославлев из Петербурга в Варшаву – Рославлев из Варшавы в Петербург.

Рославлев младший(отводя его в сторону). Ст! Ни слова обо мне! нам надо с тобою уговориться, любезный, драгоценный пан почтмистрж.

Передовой(писаржу). Пока нельзя ли мне с дороги и на дорогу выпить стакан вина?

Писарж. Хоть два, только вместе со мною.

Они уходят.

явление 3

Рославлев младший, Юлия, пан Чижевский, Антося и Лудвися.

Юлия. Сделайте одолжение, пан почтмистрж, не давайте лошадей проезжающему.

Пан Чижевский. Да не беспокойтесь! вас не обидим! в лошадях, благодаря бога, здесь недостатка нет. Моя станция – первая по всему тракту...

Рославлев младший. Верю, но не в том дело! мы и сами останемся здесь, да его нужно нам задержать.

Пан Чижевский. Змилуйтесь, ясновельможный пане! За кого вы нас принимаете? Я знаю всю важность своей обязанности, облеченный доверенностью правительства, – как пойду против постановлений!..

Рославлев младший. За другими... дорога наезжена...

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
Пан Чижевский. То что скажут обо мне начальники?..

Рославлев младший. Что говорят о других.

Пан Чижевский

Знать, ложен толк в вас о почтмистрже польском:
Кривнуть душой нас бог оборони!
Ввек не споткнутся в месте скользком
Ни гонор мой, ни лошади мои!
Нет! польских почт историю прочтите
И с норовом почтмистржа в Посполите
Не същете, ручаюсь вам!
Присяга в нас непобедима,
И Нарушевич скажет сам,
Что наша честь ненарушима!

Юлия. Троньтесь хоть тем, что Нарушевич как вам, так и мне земляк, что и я полька...

Рославлев младший(впуская в руку несколько червонцев). Да троньтесь хоть этим... за упокой Нарушевича.

Юлия(снимает с себя цепочку и кольцо и отдает сестрам). Вот, мои милые, носите это на память обо мне.

Антося

Какая милая цепочка,
Какой пленительный наряд!
И самого маршала дочка
Такой имеет ли навряд.

Лудвися

Колечко, я тебя в гостинец
Дружку готовлю своему.
А кто дружок?

(Надевая кольцо.)

Смотри ж, мизинец,
Не проболтайся никому!

Пан Чижевский. Делать нечего! Вы побеждаете мою непреклонность! Добрый поляк умеет сострадать ясновельможному ближнему и сам готов страдать за ясновельможную ближнюю. Что ни было бы, а кому вы не прикажете, тому лошадей и не будет.

Кровь польская сказалась в сердце польском!
Не устою на роковой черте!
И, спотыкаясь в месте скользком,
Я падаю, но в ноги красоте!
Я нелегко пускаюсь на измену,
Но ваших просьб признал я вес и цену,
Вы заглушили ложный стыд,
В мою прокрались вы душу,
И Нарушевич мне простит,
Что клятву раз свою нарушу.

Юлия. Как мы вам благодарны!

Пан Чижевский. Оно благодарности не стоит!

Рославлев младший. Нет, стоит-то стоит, да не в счете дело.

Пан Чижевский. Но растолкуйте мне теперь, зачем вы непременно хотите задержать однофамильца. Тут есть тайна, а я недаром почтмистрж: много тайн переживает у меня в руках.

Рославлев младший. Немало и остается!

Юлия. Муж мой все вам расскажет. (Сестрам.) А вы, милые, подите со мною. Надобно нам обдумать и привести в исполнение план нашей комедии на скорую руку.

Они уходят.

явление 4

Рославлев младший и пан Чижевский.

Рославлев младший. Узнайте же, что едуший из Варшавы в Петербург Рославлев – мой родной брат. Утратив родителя своего в ребячестве, видел я в брате другого отца; выросши, вижу в нем лучшего своего друга. Долго не имели мы между собою ни тайного поступка, ни тайных намерений. – Нравы, склонности, образ мыслей – все сближало нас день ото дня более и более. Но вдруг согласие разрывается. Я начинаю признавать власть любви; он, любви постоянный данник, как нарочно, отрекается от нее. Я полюбил одну женщину – он всех женщин возненавидел. Я пишу к нему, что хочу жениться и прошу его согласия, – он отвечает, что если не обещаюсь остаться с ним холостым на всю жизнь, то он отказывается от меня навсегда. Я женился и еду к нему с женою – он скачет, чтобы помешать нашей свадьбе и докончить лично то, что без успеха начал письменно. Вот наша история!

Пан Чижевский. Но каким способом надеетесь вы переупрямить его и довести до согласия?

Рославлев младший. Я сам еще порядочно не знаю! но есть надежда: брат – человек пламенный. И вообще постоянства в любви к женщинам мало, но постоянства в ненависти к ним еще менее.

Пан Чижевский. И то правда! Я смолоду и сам не охотник был до женщин, но покойная жена, однако же, принудила меня обвенчаться с нею. Помнится мне, читал и в Красицком, что богачей и барынь все злословят и все в них ищут.

Бар и барынь все бранят
Под рукою,
Презирать их каждый рад
За спиною;
Но столкнися с мудрецом
Барин знатный
Иль красотка брось тайком
Взор приятный:
Станет нову песню петь
Наш Сенека,
Переменится медведь
В человека;
Смотришь, – он, как и другой,
Гибок, тонок,
Кстати мастер делать свой
Па#769;дам-до#769;-ног.

Рославлев младший. Стук! коляска подъехала. Прощай, благодетель, и смотри же скромнее и осторожнее.

(Убегает в боковую комнату.)

Пан Чижевский(пересчитывая деньги из руки в руку). Скромнее и осторожнее!

явление 5

Пан Чижевский, Рославлев старший (в фуражке и не снимает ее).

Рославлев старший. Лошади готовы? Впрягать скорее!

Пан Чижевский. Ясновельможный...

Рославлев старший. Готовы, я спрашиваю?

Пан Чижевский. Ясноосвещенный, извольте взять терпенье.

Рославлев старший. Терпенье? – Лошадей, я говорю. Где ж мой передовой?

Пан Чижевский. Гм! Здесь!

Рославлев старший. А лошади?

Пан Чижевский(нерешительно и боязливо, с поклоном). Будут.

Рославлев старший. Ну, сейчас, сию минуту!

Пан Чижевский(приободряется и откланивается, не трогается и начинает петь, Рославлев с первого стиха зажимает ему рот).

Могу сказать вам о почтмистрже польском...

Рославлев старший. До песней ли мне теперь! Тьфу, какой безмозглый народ! послать ко мне курьера! Сам беги, вели, кричи! живо! мигом! (Выталкивает его.)

явление 6

Рославлев старший(один). Петь хочет! Сумасшедший! Теперь, может быть, у брата на свадьбе поют и пляшут... Странная судьба! Скачу сломя голову, чтобы брата отговорить от дурачества, которое сам на ходу был сделать три месяца тому назад; но вы меня вылечили от залетного воображения, от всяких попыток на супружеское счастье, от веры в вашу любовь – вы, которые никого, кроме себя, не любите. Я долго гонялся по следам вашим, долго; но поумнеть никогда не поздно. (Берет гитару, прислоняется к фортепьяно, пробует несколько аккордов и напевает куплет.)

Пускай сердечным суеверам
Еще мерещится любовь;
А я откланялся химерам
И на обман не дамся вновь.
Из ваших рук довольно пил отраву
Довольно я, красавицы! страдал;
Моя тоска была вам на забаву,
Смеялись вы, – я слезы проливал, –
Но слез моих вам более не видеть,
Я в школе был и с горя поумнел.
Как я вас обожать умел –
Так вас умею ненавидеть!
Готовьте другим
Оковы и розы,
Обеты, угрозы,
Улыбки и слезы, –
Я стал невредим.
Пускай сердечным суеверам
Еще мерещится любовь;
А я откланялся химерам
И на обман не дамся вновь.

явление 7

Рославлев старший, Антося и Лудвися.

Антося. Ах, как вы приятно поете!

Лудвися. С каким выражением вы арпеджио делаете на гитаре!

Антося. Продолжайте, сударь.

Рославлев старший бросает гитару.

Антося. Вы не хотите, чтоб мы вас слышали?

Лудвися. Мы вам помешали?

Антося. Пожалуй, мы уйдем.

Рославлев старший. Пойдите или оставайтесь: мне решительно все равно.

Антося. Может быть, вам угодно нас послушать?

Рославлев старший. Я терпеть не могу женского голоса!

Антося. Как? Вам неприятно, когда женщины поют?

Рославлев старший. И когда говорят даже!

Лудвися. Это почти что очень неучтиво!

Рославлев старший. Я предупреждаю вас, я ужасный грубиян.

Лудвися. Сестрица, он шутит.

Антося. Вы шутите, сударь, мне кажется: вам наш пол не так противен.

Лудвися. И я тоже думаю, что он вам даже слишком мил!

Антося. Вы еще, того гляди, здесь влюбитесь.

Рославлев старший. В вас?

Антося. Коли не в нас, так у нас по крайней мере!

Рославлев старший. В здешнем городе?

Лудвися. Хоть и в здешнем доме, как знать?

Рославлев старший. Не худо на дорогу.

Антося. Ни за что не ручайтесь! а кто истинно до женщин не охотник, тот не говорит им этого в глаза и вовсе с ними в разговор не вступает, берет шляпу и уходит.

Рославлев старший. Именно, прощайте. (Кричит при выходе.) Что ж, готово? Нет еще? Это разбойство! Это неслыханно, что за мешкотня! (Уходит.)

Явление 8

Антося, Лудвися, Юлия (в мужском платье, приделанные бакенбарды, сапоги со шпорами).

Юлия. Ну, каков нелюдим наш?

Антося. Очень забавен!

Чудак он, право, своенравный!
Его ввести не можно в толк:
На разговор он рыбе равный,
А вежлив, как сердитый волк.
На шутки гневом отвечает
И дуется...

Лудвися

Нет дива тут:
Предчувствием он, видно, знает,
Что нами будет он надут.

явление 9

Те же, Рославлев старший, пан Чижевский, писарж, курьер и слуга Рославлева.

Рославлев старший(держит пана Чижевского за ворот). Ты бездельник! Не может быть, чтобы все лошади были в разгоне.

Рославлев старший и курьер с одной стороны, Юлия с другой – тормозат пана Чижевского.

Рославлев старший

Скорей! скорей!
Лошадей! лошадей!

Антося и Лудвися

Смелей! смелей!
Вы откажите лошадей!

Пан Чижевский

Я рад вам дать бы лошадей,
Но с час последня пара вышла.

Рославлев старший. Как вышла?

Пан Чижевский

Есть лошади, да не для вас!
Здесь сверхкомплектных пять у нас:
Из них не ходят две у дышла,
А три не ходят уж никак!

Рославлев старший

Я не терплю докучных врак!
Твоей я спеси поубавлю,
И, если станешь врать пустяк,
Тебя – тебя ходить заставлю!

Антося и Лудвися

Вы забываетесь, никак, –
Наш папенька и сам из шляхты.
Прошу понизить голосок!
Наш герб – подкова и рожок.

Рославлев старший

Скачи от Питера до Кяхты,
От Кяхты поскочи в Моздок,
Но, верно, хуже почты этой
Нигде по трактам не найдешь.

Пан Чижевский

Да говорят же вам, не ложь!
Всех подорожных не сочтешь!
Коляска скачет за каретой!

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
За городскую эстафетой
Летит из армии курьер,
Тут подкоморжий за курьером,
Тут арендарж, тут офицер!
Тут панна вслед за офицером!

Антося и Лудвися

И день и ночь, судите вы,
Мы не выходим из упряжки;
И наши лошади, бедняжки,
И мы – совсем без головы.

Юлия(вслух). Несносный упрямец! с ним не сговоришь; я уже моих людей разослал всюду, чтобы как-нибудь на вольных убраться. Представьте, с самого утра он меня проводит. То лошадей вовсе нет, а когда сказывают ему, что есть точно, видели их в стойлах, отговоркам конца нет: одна будто бы охромела, другая крива, третья вовсе бессильна, при последнем издыхании. Упряжки не в порядке, почтари в разброде! Между тем дочери его оглушают страстными плаксивыми песнями... Верьте мне, он с ними в заговоре. Нас здесь женить хотят.

Рославлев старший(расхохотавшись). Какая мысль! а что? может быть. – Тесть любезный, не быть бы тебе моим крестником. (Грозит рукою.)

Антося и Лудвися, будто обиженные, подходят к нему и, приседая, поют.

Антося

Нет, это слишком, признаюсь,
И оставаться здесь напрасно.

(Уходит, приседая.)

Лудвися

я бешеных, суда#769;рь, боюсь!
И с вами быть, ей-ей, опасно.

(Также уходит.)

Пан Чижевский

Сердитесь вы наедине,
Но гнев сносить ваш нет мне следу!

(Уходит.)

Рославлев старший

Иль тотчас дайте ехать мне,
Иль всех я вас путем доеду!

явление 10

Рославлев и Юлия.

Юлия. Успокойтесь! мои люди все сделают, все достанут мне и вам. Я рад, что могу служить собрату в равном горе, и через полчаса мы покатымся каждый по своей дороге, а может быть, по одной и той же. – Вы куда?

Рославлев старший. В Петербург.

Юлия. А я оттуда.

Рославлев старший. Тамшний житель? Всегда или временно?

Юлия. Я там служу в гусарах.

Рославлев старший. Ах боже мой, так вы знаете Александра Рославлева, – он в них же служит?

Юлия. Товарищ, друг мой неразлучный, мы с ним живем в одной комнате.

Рославлев старший. А мне – брат родной.

Юлия. Неужели? Как счастливо! Следовательно, вы и мне родной, – дайте обнять себя. – А знаете, какую было он глупость сделал? мой друг, ваш братец чуть было не женился.

Рославлев старший. Чуть было? стало, опасность миновалась?

Юлия. Совершенно. Он уже вовсе об этом не думает!

Рославлев старший(в сторону). Мои письма подействовали. (Громко.) Как я рад встрече с вами и даже прощаю почтовому смотрителю, что задержал меня. Эй! Кто-нибудь!

Юлия. Что вам надобно? Антося, Лудвися!

Сестры входят.

Рославлев старший. Шампанского!

Антося. И! Какие прихоти! в нашем местечке этого не водится. Венгерского, коли угодно?

Рославлев старший. Чего-нибудь, что душу располагает к веселью. Скорее!

Юлия. Туда, в цветничок.

Сестры уходят.

Рославлев старший. Расскажите мне о брате, пожалуйста, все, что знаете.

Юлия. Представьте себе! в его лета жениться!

Рославлев старший. И на польке, это всего опаснее.

Юлия. Почему же? Я сам поляк.

Рославлев старший. Нет! будьте справедливы, любовь к отечеству в сторону. Наши кокетки – ученицы перед здешними.

Юлия. Быть так, но братец ваш.. ему совсем было голову вскружили, подговорили, заморозили, он уже готов был под венец, но я заклинал его именем вашим, не зная вас, и моею дружбою.. он образумился. Вы видите во мне закоренелого мизогина.

Рославлев старший. Закоренелого! Вы еще очень молоды!

Юлия. Со дня моего рождения тверд, как камень, и не изменяю моим правилам. Враг отъявленный свадеб и волокитства, томных вздохов и нежных поцелуев. Чуть-либо все женщины какой-нибудь благодетельною чумою исчезли с лица земли...

Рославлев старший. Я бы не охнул.

Юлия. Я также.

Рославлев старший. Я их терпеть не могу!

Юлия. Я их ненавижу.

Рославлев старший. Вечные прихотницы без толку, ни капли здравого смысла, ни шагу без видов, любезны на первых порах, но под конец докучливы.

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru

Юлия. Самые ничтожные, бесполезные! Дайте мне руку, передадим такие же правила нашим детям.

Рославлев старший. Я надеюсь, что у меня их никогда не будет!

Юлия. Тем лучше, забот меньше.

Антося и Лудвися входят, подносят налитые стаканы.

Юлия

Стократ счастливей, кто разум свой
Не помрачил еще любовью,
Но век проводит холостой, –
Я выпью за его здоровье.

Поверьте мне, жена для нас
Есть вечное почти мученье.
Женись лишь только – и как раз
Родятся ревность, подозренье.

Ах, то ли дело одному:
Его не мучит неизвестность,
Душе покой, простор уму
И вечная почти беспечность!

Нрав женщины имеют злой,
Капризы, что не сладишь с ними.
Чтоб избежать судьбы такой,
Останемся мы холостыми!

Антося и Лудвися устанавливают поднос с бутылками в цветнике и уходят.

Юлия. Одна есть женщина в свете, которую я люблю по самой родственной связи.

Рославлев старший. Одна уже нашлась; найдутся и более!

Юлия. Нет! двух таких не бывает; она – сердца ангельского, примерной добродетели.

Рославлев старший. О! они все ангелы! все чудесно добродетельны! где же твердость ваша? правила неизменные?

Юлия. Не ошибайтесь. Речь идет о моей сестре. Кроткое, невинное существо и так же мало заботится об нас, как мы с вами об их. Брат, отец, мать – вот кто ей наполняют душу. Здесь, например, давно ли мы остановились, и то неохотно, она уже отыскала какого-то безгласного, разбитого параличом дряхлого старика, всеми брошенного, ухаживает за ним, бережет его и благословляет случай, который задержал нас здесь, подавая ей добро творить, между тем как мы с вами от этого же случая готовы лопнуть с досады.

Антося вбегает.

Антося. Вас сестрица зовет, крайняя нужда.

Юлия. Сейчас.

Антося(ей на ухо). Ваш муж что-то по вас беспокоится.

Юлия. Иду, я скоро ворочусь к вам.

явление 11

Рославлев старший(один). Брат сестру хвалит, видит в ней совершенство! Почтенное чувство! Но кто ручается, что тут нет пристрастия? Однако он поселил во мне сильное любопытство... Что, кабы попытаться познакомиться с пригожей незнакомкою?.. Пригожею? – это еще неизвестно, но то верно, что между мною и

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
старым паралитиком она бы недолго колебалась. Разумеется, все бы кончилось шуткою, потому что я отныне впредь и навсегда, благодаря принятому намерению, об женщинах слышать не хочу. Спешить некуда, повеса Александр не женится. Что ж – попробуем. И я многим нравился.. (Охорашивается перед зеркалом.) Конечно, не столько, сколько бы хотелось, а пуще всего недолго!

Зачем теперь не вспомнить мне,
Как резво, счастливо и смело
Сердечны шалости одне
Имел за главное я дело?
Я у красавиц был в чести!
Шутил собой, шутил и ими.
Как быть!.. был проведен иными, –
Зато, отмщаясь над другими,
Успел я многих провести.

явление 12

Рославлев старший и Юлия (в женском платье).

Юлия. Пан почтмистрж, пан почтмистрж!

Рославлев старший. Это она! прехорошенькая! и как на брата похожа!

Юлия(между тем бегаёт к дверям, в цветник и в окно смотрит). Пан Чижевский!

Рославлев старший. Кого вы ищете? кого вам надобно? Хотите, я позову?

Юлия. Здешний хозяин обещал мне достать шалфея и нейдет до сих пор.

Рославлев старший. Лекарство для вас? чем вы нездоровы?

Юлия. Нет-с, не для меня, здесь больной есть, и опасно больной.

Рославлев старший. Близкий вашему сердцу?

Юлия. Ах, сударь, помогите ему, – вы, верно, лекарь.

Рославлев старший. Почему вы это думаете?

Юлия. Вы с таким участием расспрашиваете о болезни и больном.

Рославлев старший. Признаюсь, на этот раз я в отчаянии, что неискусен в медицине.

Юлия. Так я ошиблась, извините. (Уходит.)

Рославлев старший. Ошиблась – и не любопытствует знать, кто я! В самом деле! Молоденькая, личико миленькое, чувствительна – и не любопытна!

Юлия возвращается.

Рославлев старший. Нашли, кого искали?

Юлия(среди комнаты, печально). Нет-с, не нашла.

Рославлев старший. Позвольте же, я за вас пойду, разведу, отыщу и приведу.

Юлия. Пожалуйста, я вам много обязана буду.

Рославлев старший. Сию минуту. (Ворочается.) Какое в вас небесное добродушие и как непритворно! Как вы для других себя забываете! Клянусь вам... что я не видывал ничего подобного.

Юлия. Перестаньте, сударь!

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
Рославлев старший. Вы рассердились?

Юлия. Нет-с, я вам благодарна, я, право, не сержусь, вы мне говорите приятные вещи, только, простите мне, они не у места. Вспомните, что ваши услуги, помощь ваша нужна бедному старику, изможденному страданиями. Идите, спешите и пуще всего не думайте, чтобы я была сердита.

Рославлев старший. Бегу, лечу. (В дверях.) Не оскорбляется похвалами, а не любит их. (Ворочается.) Ах! кстати, вспомнил, что со мною есть маленькая дорожная аптека, – я вам сейчас принесу ее.

Юлия. Очень кстати! пожалуйста, скорее!

Рославлев старший(ворочается). Боже мой! Печатное наставление, как употреблять ее, на английском языке!

Юлия. Я умею по-английски.

Рославлев старший. А название составов и способ составления и мера приемов по-латыни.

Юлия. Я умею по-латыни.

Рославлев старший. А драхмы, унции и их дробь?

Юлия. Вес как вес, я по необходимости его знаю: матушка целый год была больна; впрочем, это знание так нетрудно, что нечем хвастать. Пожалуйста, пришлите ваш ящик.

Рославлев старший. Сию минуту. (В дверях.) Сколько познаний, и не выказывает их, и не дорожит ими! (Ворочается.) Я готов не только быть у вас в полном подданстве на услугах, рассыпаться всюду и за всякой всячиной вам в угодность, только..

Юлия. Что вы хотите сказать?

Рославлев старший(в сторону). Куда девалась моя дерзость? (Вслух.) Не теперь, но когда удастся мне вам сделать угодное перед расставанием, когда вы убедитесь, что и я не без добродушия, не без сострадания; осмелюсь ли я просить у вас..

Юлия. Чего? скажите!

Рославлев старший. Поцеловать вас в знак дружбы.

Восторгов бурных и непрочных
Во мне простыл горячий след,
И поцелуев непорочных
Теперь мне сладостнее нет.
Меня не страсти пыл волнует –
Умел я чувства обуздать,
И вас хочу поцеловать,
Как брат сестру свою целует.

Юлия. На такой поцелуй и я согласна. Идите, сударь, торопитесь, не теряйте времени... почему мне не поцеловать вас? Я готова обнять доброго человека. Только не мешкайте, бегите, принесите. Почему не обнять вас за доброе дело!

Рославлев старший. Невинна, как ребенок!

(Уходит.)

Юлия(смотрит вслед ему, потом в окно). Ушел! Войдите!

Явление 13

Юлия, Антося и Лудвися (ведут Юльина мужа, укутанного в виде больного, зонтик на глазах, все лицо почти закрыто полотенцами, жена около его старается, поправляет и любит.)

Антося

Каков, скажите, наш больной?
Больной он нового покроя!

Лудвися

Кто в этой смерти подвижной
Найдет гусарского героя?

Антося

Болезней всех образчик он!

Лудвися

Вот предисловье похорон!

Антося

Слепой, расслабленный, недужный,
Он дышит будто сгоряча...

Лудвися

Но тем болезнь ему плеча,
Что в ней врачи ему не нужны.

Рославлев младший(слабеющим голосом). Капель, микстуру, сироп! Смотрите на часы, не пора ли принимать?

Юлия. Шалун, ты уже не забудься при любезном братце! Пожалуйста, будь смирен и не подавай ни малейшего знака жизни.

Рославлев младший. Уговор лучше денег: я не гожусь в параличные; хочешь, лучше напущу на себя белую горячку, выскочу, забурлю, развожусь, брата в сторону, тебя в другую, сам на стену...

Юлия. Не дурачься, мой милый, ты все испортишь, а коли тебе непременно движение нужно, видел ты здесь креслицы на колесах? Хочешь, я тебя усажу в них и стану прокатывать из комнаты в комнату?

Рославлев младший. Сажай, вези!

Юлия. Ну, пойдем. (Уводит его.)

явление 14

Антося, Лудвися, Рославлев старший и пан Чижевский.

Рославлев старший. А, милые, вы здесь, как я рад, что вас вижу!

Антося(в сторону). Наш дикарь становится, кажется, пообщительнее.

Лудвися. Мы от вас бегали, боялись вам в глаза попасть; вы такие сердитые!

Рославлев старший. А уж вы и приняли за строгую истину мои тогдашние шутки! Как вам не стыдно? а скажите мне, где проезжая дама?

Антося. Она тотчас будет.

Пан Чижевский. У нее нет минуты свободной! все время посвящено у нее на разумные дела.

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
Рославлев старший. Да скажите мне, давно ли вы ее знаете: известны ли вам обстоятельства ее жизни?

Лудвися. Мы и сами много сказать вам не можем о ней. Вот все, что знаем, слушайте!

Она друг сирым и убогим!

Антося

Она благотворит шутя!

Лудвися

Она невинностью дитя!

Антося

Она мудрец рассудком строгим!

Пан Чижевский

Она благое существо,
В ней человеческого мало...

Рославлев старший

Да в этом женском диве, стало,
Уж женского нет ничего!

Явление 15

Те же и Юлия (в мужском костюме).

Рославлев старший. А! любезный мизогин, откуда? а я без вас сделал здесь приятнейшее знакомство!

Юлия. Поздравляю с доброй вестью: мало-помалу лошади собираются и мы скоро отправимся.

Рославлев старший. Поздравьте меня лучше с тем, что я видел вашу сестрицу и говорил с ней.

Юлия. Правду сказать, слуга у меня препроворный и в дороге – клад: в минуту избежал все местечко, переколотил всех жидов...

Рославлев старший. Как сестра ваша похожа на вас! Но признаюсь, не сердитесь – черты одни, а миловидности в ней гораздо более.

Юлия. Уступаю охотно! Я, право, не приревную к ней! Пан Чижевский, посмотрите: верно, уже все изготовлено?

Пан Чижевский. За раз, ясновельможный капитане! (Уходит)

Юлия. Что у вас за ларчик? не казна ли ваша?

Рославлев старший. Нет! но на эту пору дороже всякого сокровища: сестре вашей нужны лекарства, и я принес ей свою дорожную аптеку. Нельзя ли мне с вами пойти к ней и отнести? (Хочет идти.)

Юлия. О нет, подождите. Вы знаете, что к молодым красавицам и знатным барам входить без доклада не можно; дайте мне предварить ее. (В сторону.) Победа наша! (Уходит.)

Рославлев старший отпирает ящик и осматривает его внутри.

Антося

Как любовь бывала лекарь,
Свет уж видывал не раз, –
А теперь она аптекарь:
Часа нет ей без проказ!

Лудвися

Знать, от нас он не уйдет!
Мы, его подкарауля,
Скажем также в свой черед:
Вот и вам, сударь, пилюля!

Обе уходят.

явление 16

Рославлев старший(один). Однако, я с своим ларчиком в ожидании ее прихода очень похож становлюсь на дамского угодника. Было время, и это не так давно, прежде нежели я отказался от любви навсегда: три месяца тому назад; встреча с нею могла бы на меня сильно подействовать. Теперь я безопасен, хладнокровен, решился ничего не чувствовать. Но где же она медлит? и отчего мне так хочется опять ее видеть? Это ничего не значит: заманчивость, новость приключения. – Вот она!

явление 17

Рославлев старший, Рославлев младший (в виде больного в кресле на колесах), Юлия (развозит его по цветнику).

Рославлев старший. Какие пристальные заботы! Как она усердно хлопочет около этого бездушного, недвижимого старика. (Обращаясь к ней.) Я принес обещанное и давно жду вас.

Юлия(прибегая к нему из цветника). Дайте сюда, разберемте вместе, я вам много обязана, я вам очень-очень благодарна.

Рославлев старший. Я вам во сто раз более.. Нынешний день, например, думал ли быть на что-нибудь годным? но вы вдохнули в меня ту же страсть к добру, которая вас одушевляет, и я на все хорошее способен.

Юлия. Коли так, повозите больного, сударь, я устала, привезите его сюда.

Рославлев старший. О! хоть отсюда до Петербурга на себе, на моих плечах. (Идет и останавливается; задумавшись.)

Ручаться можно ли за что?
Наш ум – ужасный своенравец;
Давно ль мной было принято
Намеренье – не знать красавиц?
Нельзя ручаться ни за что!
Нельзя ручаться ни за что!

(Бежит в цветник и везет тележку с больным.)

Юлия(смотря на него). Чего ж мы с мужем пугались! Он очень послушлив, возит и не жалуется.

Рославлев старший(довезши до Юлии, останавливается, она разбирает аптеку; он поет).

Ваш лазарет я прикатил,
Пущусь опять, коли то надо,
Лишь только бы уверен был,
Что не замедлите наградой!

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
Лишь только б я вам угодил!
Лишь только б я вам угодил!

Юлия. Лишь только... что вы говорите?

Рославлев старший.

Лишь только б я вам угодил.

Скажите, что вам нужно, я достаточный имею навык в этих травах, порошках, эликсирах и, может быть, скорее выберу то, что требуется.

Юлия. Какое-нибудь легкое средство к возбуждению испарины.

Рославлев старший. Дайте, примусь за дело.

(Что-то высыпает, растворяет водою, мешает ложкою в стакане, между тем продолжает разговор.) Давно ли вы посвятили ваши нежные старания этому старику?

Юлия. Недавно.

Рославлев старший. Он вам родственник?

Юлия. Несколько.

Рославлев старший. Нет, от меня не кройтесь, я все знаю, он вам чужой, совершенно чужой. Вы нынче в первый раз его увидели, здесь нашли нечаянно, и ваши заботы об нем тем более заставляют удивляться.

Юлия. Не дивитесь. Это делается не по рассудку – по быстрому чувству сострадания; оно скоро вспыхнет и скорее того остывает. Завтра, может быть, я не с таким рвением попекусь об этом недужном, и, видите ли, нынешний мой подвиг превратится в ничто. Изведайте постоянство в добрых делах и тогда только называйте человека добродетельным. (Между тем оправляет больного.)

Рославлев старший. Как мило она отклоняет от себя все, что на лесть похоже. Вот раствор, он готов, мне всегда был целебен, ужасно противен вкусу, но, во всяком случае, безвреден. (Подносит Рославлеву младшему, тот рукой машет, что не хочет.)

Юлия. Не понуждайте его, он не хочет, будет время после.

Рославлев старший. Как вам угодно; однако какая у него здоровая, жилистая рука!

Юлия. Это идропическая пухлость, в лице он совершенно иссох.

Рославлев старший. Лицо его слишком увязано, ему душно, я его немного освобожу из этих свивальников.

Юлия(торопливо удерживая его). Оборони боже! не делайте того: малейшее неосторожное прикосновение произведет в нем жестокую боль. Один луч дневного света, как острие ножа, глаза ему колет.

Рославлев старший(отшедши, смотрит на больного издали). Передвижная мумия. Одною ногою уже в гробе! А придется позавидовать жребию подобных ему жалких существ. Для них только вы имеете душу пламенную, все прочие вам чужды.

Когда в вас сердце признает
Права священные несчастья,
Когда к страдальцу вас влечет
Порыв нежнейшего участия, –
Ужель могли б вы не внимать
Души тоскующей зыванью?
Ужель могли б не сострадать
От вас рожденному страданью?
Ах нет! Несчастливей не тот,
Кто бедность получил в наследство,
Недужным помощь подает

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
Искусства быстрое посредство;
Но нам дано мученья знать,
Где след один есть к упованью,
Где тот лишь может сострадать,
Кто сам виною был страданья.

Будьте искренны, – если бы человек, не старик, не тягчимый болезнями, но бодрый, в цвете лет, полюбил вас всем сердцем, преданный во власть вашу безусловно, в вас бы поставил одну свою отраду, цель жизни и все свое блаженство, вы неужли бы ему в пользу не склонились ниже к малейшей взаимности?

Юлия. Отчего же нет; но, во-первых, он бы не должен быть русским!

Рославлев старший. Не русским? кем же, ради бога!

Юлия. Нас, выезжих из Польши, не любят в вашей России!

Рославлев старший. Напротив: мужчины, все мы боготворим вас.

Юлия. Свет не из одних мужчин составлен. Ваши дамы...

Рославлев старший. О! Не думайте об них. Разумеется, вы у нас явитесь, и участь их из-за угла будет вам завидовать! Вы единственны, не бойтесь моих слов, верьте им, дайте им полную веру, они отсюда, из глубины сердца, невольно вырвались; но бесполезно вам высказать все то, что я теперь чувствую!

(Осыпает ее поцелуями.)

Рославлев младший. Он не путем пристаёт!

Рославлев старший. Больной простонал что-то.

Юлия. Он к себе просится, ему назад пора. (Идет к больному.)

Рославлев старший. Неужели мы расстаемся? О! я за вами всюду! Не правда ли, вы позволите мне за вами следовать?

Юлия. Я вам не запрещаю.

Рославлев старший(отнимает у нее колясочку.) Нет, уж это мое дело; покуда мы вместе, я буду возить больного; любовь села на козлы и правит.

За кулисами слышен хор.

Любит обновы
Мальчик Эрот.

В цветнике появляются дочери почтмейстера, писарж, люди графские и сам хозяин. Шумят, поют и пляшут, все бегут навстречу везущему графу: #с004006_3.

Рославлев старший. Какая ярмонка! Что вы, с ума сошли?

Юлия. Пусть их веселятся, оставьте их повольничать, пожалуйста, для меня! – у них нынче праздник!

Рославлев старший(уходит с Юлией и увозит больного). Веселитесь, и я весел.

явление 18

Пан Чижевский, писарж, Антося, Лудвися, Андрей, слуги Рославлева.

Любит обновы
Мальчик Эрот,
Стрелке перёной,
Знать, не черед, –
Вожжи шелко́вы
В руки берет.

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
Плеткой ременной
Хлещет и бьет.

Андрей. Эк, барин-то у меня не путем развозился!

Пан Чижевский. Не он первый, не он последний!

Судьба-проказница в насмешку
Дает нам часто напрегай,
Чему ж дивиться, что в тележку
Впряжен твой барин невзначай? (2)
Имея счастье на примете,
Век целый возится народ, (2)
Везде возня на этом свете:
Кто возит, а кому везет! (3)

Антося и Лудвися

Пускай шумиху с возу счастья

Глупец хватает, вздернув нос,
И после с лихвой, в день ненастья,
Он, плача, платит за провоз! (2)
Фортуна нас и на запятки
В свою повозку не берет, (2)
Но и без ней пути нам гладки,
Пока нас молодость везет! (3)

Танцы.

явление 19

Те же и Рославлев старший (Андрей между тем заснул на стуле).

Рославлев старший. Сделайте милость, уплетайтесь куда-нибудь подальше с вашей веселостью: у меня и без того голова кругом идет!

Они уходят. Он будит Андрея, который просыпается – зевает и потягивается.

Так и есть, только и умеешь пить и спать без просыпа, а в промежутках зевать!

Андрей(зевая и шатаясь). Да помилуйте! Что же другое делать?

Жизнь наша сон...

Рославлев старший. Молчать, пьяница! куда девался тот, – как его зовут!..

Андрей. Как его зовут? (Опять принимается петь.)

Жизнь наша сон...

Рославлев старший. Дурак! не разевай мне никогда так широко глупого своего рта. (Про себя.) Куда девался брат ее? мне непременно нужно видеться и объясниться с ним. Пойду отыщу его. (Андрею.) А тебя знаю, как протрезвить. (Уходит.)

явление 20

Андрей(один). В песне-то не то сказано, как бишь ее наладил:

Жизнь наша сон! все песнь одна!
Или ко сну, или со сна!
Одно все водится издавна:
Родятся люди, люди мрут
И кое-как пока живут;
Куда как это все забавно!

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru

Как не зевать? все – песнь одна:
Или ко сну, или со сна.
Иной зеваёт от безделья,
Зевают многие от дел,
Иной зеваёт, что не ел,
Другой зеваёт, что с похмелья!
Как не зевать и проч.
Актер в своей зеваёт роле,
Зевотой зритель давит свист,
Зевая, пишет журналист,
А сускрибент зеваёт боле!
Как не зевать и проч.
Я холост был, зевал без счета,
Подумал завестись домком
И взял жену, чтоб жить вдвоем,
И вдвое забрала зевота!
Как не зевать и проч.

Явление 21

Андрей и Юлия в мужском платье.

Юлия. Где твой барин?

Андрей. Мой барин... а вот он?

явление 22

Рославлев старший и Юлия, потом вся компания.

Рославлев старший(входя, толкает Андрея вон). Прочь! Ах, любезный, новый знакомец, я вас ждал с невероятным желанием.

Андрей уходит.

Юлия. Я пришел проститься с вами.

Рославлев старший. Куда вы? Как, уже в дорогу?

Юлия. У нас все готово, идти сестру кликнуть, потом пожать вам дружески руку и скорее отселе во всю конскую мочь.

Рославлев старший. Ваша сестра... постоит, погодите... у вас сестра – существо необыкновенное!

Юлия. Я вам сказывал.

Рославлев старший. Вы мне ничего не сказали, она свыше всего, что об ней сказать можно!

Юлия. Это для меня очень лестно; однако хорошо, что мы с вами оградилась против нежных впечатлений пылких страстей.

Любви туман и сумасбродство
Не посетят меня и вас!
Признавших красоты господство
Миллион страдают и без нас.
Они нас не прельстят собою,
Их красота пред нами дым, –
Мы, дорожа своей душою,
Поклон прелестным отдадим.

Смеюсь я над Амуром смело
И рад уверить целый свет,

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru

Что сердце наше будет цело,
Хоть стрел его опасней нет!
Пушкой летает он где хочет,
Чтобы поранить как-нибудь!
Для нас напрасно он хлопочет –
Ему мы скажем: добрый путь!

Рославлев старший. Стойте за себя, я ни за что не отвечаю. Добрый путь! Вы великий импровизатор! Я ни за что не ручаюсь, полчаса бывают иногда важнее года в судьбе человека, решают ее на всю жизнь, и самые твердые, неломкие намерения разбиваются вдребезги, как детские игрушки. Прах и дым – все наше мужество. Еще два слова об вашей сестре!

Неужли никогда в ней кровь
В час мысли не была в волненье?
Ужель не знает, что́ любовь,
Что́ сердца трепет, восхищенье?

Или в невинной простоте
Любовь по слуху только знает
И в полной блеска красоте,
Как нежна роза, расцветает?
Ах, точно ль для ее души
Еще счастливцев не сыскался,
Который счастья б в тиши
Любви блаженством наслаждался?

Ах! нет, – он, верно, верно, есть,
Напрасно я влекусь мечтами;
Нет, не моей душе процвествать:
Любовь, блаженство, радость с вами!

Юлия. Давеча я с первого свидания с вами не мог предаться совершенной искренности. Теперь выведу вас из сомнения: сердце моей сестры давно уже неравнодушно.

Рославлев старший. К кому? как? равнодушно! и уже давно? Почтмейстер, лошадей!.. во всем обман и неудача! Под каким рожден я несчастным созвездием!

Юлия. Будьте терпеливы, дайте все до конца открыть вам; но пуще не перебивайте меня ни в одном слове.

Рославлев старший. Ах, чем вы меня успокоите? Говорите!

Юлия. Не знаю, с чего начать вам рассказ, истинный, но едва вероятный; не знаю, как он на вас подействует, с трудом решаюсь: конечно, судьба этого хотела: мы недаром с вами здесь встретились.

Рославлев старший. Какое таинственное начало!

Юлия. На пути от Люблина в Краков стоит замок ветхий, брошенный богатыми владельцами; Юлия, девушка им сродни, оставалась дома с пожилую наставницею; здесь она проводила бо́льшую часть времени: посещала хижину поселян, пользовала недужных, утешала скорбных. Она сама рано познала сиротство и свою печалию научилась разделять ее вчуже. Так текли годы, наступила пора непреодолимого любопытства, желанья видеть свет; родственники, друзья покойных отца и матери, приглашали ее в Варшаву; она к ним отправилась. Столица королевства закипела тогда новою жизнью: в ней толпилось множество ваших соотечественников. Один из них, по крайней мере для приезжей Юлии, казался заметнее прочих, она его слишком заметила, он был приятен, имел очаровательный голос. Он искусно играл на гитаре, а объяснялся еще лучше.

Рославлев старший. Ах, боже мой! уж это не я ли?

Юлия(в сторону). Вот не самолюбив! (Громко.) Вы, конечно.

Рославлев старший. Продолжайте, продолжайте, да как же я об этом ничего не знаю.

Юлия. И как вам знать! Зачем, однако, вы меня перебили? я просил вас дотерпеть до развязки.

Рославлев старший. Мог ли я выдержать? Продолжайте, ради бога, продолжайте!

Юлия(в сторону). Потеряла всю нить, как сведу, сама не знаю. (Громко.) Вы тогда кружились в шумных веселостях, могли ли заметить смиренную провинциальную девушку? и которая, может быть, не смела равняться красотой с вашими знакомыми, в обществах старалась отдаляться, боялась быть отличной? Вы предпочитали тех, которые себя вперед выставляли, – она была стыдлива, следственно, по-вашему, робкая невинность вас бы самих обречь заставила. Наконец, она вас любила, а вы без примечания проходили мимо той, в чьей груди единственно вами билось сердце живейшим бескорыстнейшим чувством.

Рославлев старший. Ах! это сама истина; я только теми и занимался, которые обманывали меня. – Но почему все это вам известно, неужели эта Юлия, ангел на земли, сестра ваша?..

Юлия(сбрасывает с себя конфедератку и шинель). Я сама.

Рославлев старший. Боже мой! Какое превращение!

Юлия. Вот уже месяц, как я из Варшавы, от вас и от самой себя бежала. Здесь мне понравилось, здесь, где я никому не известна, старалась припомнить то время, когда душевное свое спокойствие употребляла на успокоение других. – Ах! другим хорошо; но мне где найти утешение? Прочих тайн моих вам, кажется, открывать нечего: я от вашего передового узнала, что вы сюда будете, схватилась за первый способ, который мне вообразился, чтобы видеть вас и говорить с вами под чужим именем. Теперь я все объяснила, что сердце мое обременяло; прощайте и помните, это был – последний наш разговор, последнее свидание.

Рославлев старший. Как! чтоб мне с вами расстаться! едва верю всему, что слышу... иногда в романах начитывал что-то подобное... Я вне себя, я в восторге: нет, нет, я вас не пущу, сударыня!

Андрей(входит). Лошади готовы.

Рославлев старший. Убирайся! пошел вон! Ах! повторите... мне еще раз об любви вашей, мною вовсе не заслуженной, и не говорите о расставанье.

Пан Чижевский(входит). Ясновельможный...

Рославлев старший. Будь проклят и оставь нас одних!

Юлия. Я вам повторяю: мы более не увидимся. Иначе какое же вам ручательство, что я не одна из тех кокеток, которые на все отваживаются для достижения цели?

Рославлев старший. Я!.. чтоб смел приравнять вас...

Входят жиды-музыканты и гудят какой-то танец.

Тс! Вот вам деньги; после, после я вас позову, а теперь проваливайтесь сквозь землю! (Бросает им червонец.) Нет, прекрасная Юлия, мы теперь соединимся навсегда.

Юлия старается от него освободиться. Он бросается на колени и в таком положении следует за нею до самого цветника.

Юлия. Или вы поезжайте, или я скроюсь отсюда туда, где никто меня не сыщет.

Рославлев старший. Нет! нет!

Антося и Лудвися входят.

Антося. Этакое презрение к нашему полу!

Лудвися. На коленях всю комнату изъездили!

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
Рославлев старший. Оставьте нас; вам будет праздник, только после, подите!

Рославлев младший, в виде больного, треплет его сзади по плечу.

Рославлев старший(вскрикивает). Что это! больной на ногах! мертвецы воскресают.

Рославлев младший(сбрасывает с себя одежду пациента). Узнаешь ли?

Рославлев старший. Брат!

Рославлев младший. Как видишь, и вот моя жена, рекомендую!

Рославлев старший. Какое дьявольское сплетение!

Антося

Что, какво свели концы?
Вот с польками быть в ссоре!

Лудвися

Напрашиваясь в мудрецы,
Вы назвали;сь на смех и горе

Пан Чижевский(кланяясь)

Позволите ль и мне при том
Сказать, ясновельможный, слово:
Как вас доехали путем –
И вам в путь ехать все готово!

Рославлев старший. Как я был глуп, о, как я глуп был! Однако, если дался ей в обман на полчаса, любезный брат, тебе эта участь предоставлена на всю жизнь, мужайся.

Рославлев младший. Не беспокойся, я сам хотел, сам и отвечаю. Куда же мы? В Варшаву? или к нам в Петербург?

Рославлев старший. К вам, и как можно скорее, с прекрасной Юлией!.. А может быть, имя вымышленное, все равно: с твоею женою! Знакомиться нам нечего, мы, кажется, довольно подружились.

Пан Чижевский. Ясновельможный! позвольте нам позвать наших музыкантов и плясунов, которых вы давеча прогнали? Мы хотим окончить наше веселье.

Рославлев старший. Делайте что хотите, теперь я готов ждать лошадей хоть трое суток!

Рославлев младший. Прекрасно: теперь мы все довольны, виват!

Рославлев младший

Наши замыслы все шатки,
Наша мудрость вся туман,
Вечно люди будут падки
И к обманам и в обман,
Если ж и с женой моею
Мне обман в участок дан,
То признайтесь, что имею
В ней хорошенький обман. (bis)

Лудвися

Бойтесь, – нам твердят издетства,
Бойтесь вы сердечных ран,
От мужчины ждите бедства, –
Он обманщик и тиран!
Знать обманы – жребий жалкий!

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
Но влачить девичий сан
Для стареющей весталки –
Вот несноснейший обман! (bis)

Пан Чижевский

Ян, как брат наш, без талана
Стал спесив, как богдыхан;
Если верить басням Яна,
То с умом и с де#769;ньгой Ян!
Но поверь его заране,
Взвесь и мозг в нем, и жупан,
То в болване и кармане
Ты найдешь пустой обман. (bis)

Андрей

Я в зевалах мастер ловкий
Я зеваю трезв иль пьян;
Но, зевая без сноровки,
Можно вызывать изъян.
Раз на винах и на жлудях
Прозевал я свой карман...
Заезвайся в добрых людях –
И тотчас попал в обман. (bis)

Рославлев старший

«Заживо гляжу в потомки!
Я на пир бессмертья зван!» –
Во#769;пит вралькин, так же громкий
И пустой, как барабан.
Счастлив он, пока в нем бродит
Самолюбия дурман;
Но одних вралей ли вводит
Самолюбие в обман? (bis)

Юлия (к зрителям)

Хоть невинный и безвредный
Мною выдуман роман,
Но сколь часто автор бедный
Для ушей чужих тиран!
Вечно горд, самолюбивый,
Всем доволен шарлатан! –
Суд же публики правдивый
Не впадет никак в обман. (bis)

Антося

Бедным авторам к успеху
Путь ухабист и песчан,
С публикою не до смеху;
С ней пропал ты или пан!
Что, как скажет критик едкий,
Мненья общего орга#769;н:
«Нас поддели, но напредки
Не заманите в обман!» (bis)

Входят музыканты – жида, мазуры, поляки и русские, и начинается дивертисмент.

<1823–1824>

Серчак и Итляр: #c004007

Серчак

Ты помнишь ли, как мы с тобой, Итляр,
На поиски счастливые дерзали,
С коней три дня, три ночи не слезали;
Им тяжело: градом пот и клубом пар,
А мы на них – то вихрями в пустыне,
То вплавь по быстринам сердитых рек...
Кручины, горя не было вовек,
И мощь руки не та была, что ныне.
Зачем стареют люди и живут,
Когда по жилам кровь едва струится!
Когда подъять бессильны ратный труд
И темя их снегами убелится!
Смотри на степь, – что день, то шумный бой,
Дух ветренный, другого превозмогший,
И сам гоним... сшибутся меж собой,
И завивают пыль и злак иссохший:
Так человек рожден гонять врага,
Настичь, убить иль запетлить арканом,
Кто на путях не рыщет алчным враном,
Кому уже конь прыткий не слуга,
В осенней мгле, с дрожаньем молодецким,
Он, притаясь, добычи не блюдет, –
Тот ляг в сыру землю;: он не живет!
Не называйся сыном половецким!

Итляр

Мы дряхлы, друг, но ожили в сынах,
И отроки у нас для битвы зрелы.
Не празднен лук, – натянут в их руках;
Не даром мещут копья, сыплют стрелы.
Давно ль они несчетный лов в полон
Добыли нам, ценою лютых браней,
Блестящих сбруй, и разноцветных тканей,
И тучных стад, и белолицых жен.
О, плачься, Русь богатая! Бывало,
Ее полки и в наших рубежах
Корысть деля;т. Теперь не то настало!
Огни ночной порою в камышах
Не так разлитым заревом пугают,
Как пламя русских сел, – еще пылают
По берегам Трубе;жа и Десны...
Там бранные пожары засвечают
В честь нам, отцам, любезные сыны.

Серчак

В твоих сынах твой дух отцовский вне;дрен!
Гордись, Итляр! Тебя их мужественный вид,
Как в зимний день луч солнечный, живит.
Я от небес лишь дочерью ущедрен
И тою счастлив... Верь, когда с утра
Зову ее и к гру;ди прижимаю, –
Всю тяжесть лет с согбенных плеч стрясаю.
Но ей отбыть из отчего шатра:
Наступит день, когда пришельцу руку
Должна подать на брачное житье;
Душой скорбя, я провожу ее,
И, может быть, на вечную разлуку...
Тогда приди всем людям общий рок!
Закройтесь, очи, – не в семье чад милых...
Наездник горький: ветх и одинок,
Я доживу остаток дней постылых!
Где лягут кости? В землю их вселят
Чужие руки, свежий дерн настелят,
Чужие меж собой броню, булат
И все мое заветное разделят!..

<1825>

Грузинская ночь: #с004008

1

К.

Но сам я разве рад твоей печали?
Вини себя и старость лет своих.
Давно с тебя и платы не бирали...

Т.

Ругаться старостью – то в лютых ваших нравах.
Стара я, да, – но не от лет одних!
Состарелась не в играх, не в забавах,
Твой дом блюла, тебя, детей твоих.
Как ринулся в мятеж ты против русской силы,
Укрыла я тебя живого от могилы,
Моим же рубищем от тысячи смертей.
Когда ж был многие години в заточенье,
Бесславыю преданный в отеческом краю,
И ветер здесь свистал в хоромех опустелых,
Вынашивала я, кормила дочь твою.
Так знай же повесть ты волос сих поседелых,
Колен моих согбенных и морщин,
Которые в щеках моих изрыты
Трудами о тебе. Виною ты один.
Вот в подвигах каких молодые дни убиты.
А ты? Ты, совести и богу вопреки,
Полсердца вырвал из утробы!
Что мне твой гнев? Гроза твоей руки?
Пылай, гори огнем несправедливой злобы...
И кочет, если взять его птенца,
Кричит, крылами бьет с свирепостью борца,
Он похитителя зовет на бой неравный;
А мне перед тобой не можно умолчать, –
О сыне я скорблю: я человек, я мать...
Где гром твой, власть твоя, о боже вседержавный!

К.

Творец, пошли мне вновь изгнанье, нищету.
И на главу мою все ужасы природы:
Скорее в том ущелье пропаду,
Где бурный ксан: #с004008_1 крути́т седые воды,
Терпеть разбойником гоненья, голод, страх,
От стужи, непогод не быв укрытым, [44 – В данном издании
пропущены следующие две строки: Засесть за камнями с ружьем на сторожахЧтоб
путника убить иль быть убитымСр.: А. С. Грибоедов. Сочинения в стихах.
Подготовка текста и примечания И. Н. Медведевой. Л., 1967]
Чем этой фурии присутствие сносить,
И злость души, и яд ее упреков.

Т.

Ничем тебя не можно умирить!
Ни памятью добра, ни силой слезных токов!
Подумай – сам отец, и сына ты лишен.
Когда, застреленный, к тебе он был внесен
И ты в последний раз прощался с трупом милым,
Без памяти приник к очам застылым
И оживить хотел потухший взор,

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
Весь воздух потрясал детей и жен вой дикий,
И вторили раскаты этих гор
С утра до вечера пронзительные крики, –
Ты сам хотел зарыться в землю с ним.
Но взятый смертью вовек невозвратим!
Когда же б искупить ты мог его из плена,
Какой тогда казны бы пожалел?
На чей бы гнев суровый не посмел?
Ты чьи тогда не обнял бы колена?

К.

И нет еще к тебе вражды!..
Я помню о людях, о боге
И сына твоего не дал бы без нужды,
Но честь моя была в залоге:
Его ценой я выкупил коня,
Который подо мной в боях меня прославил,
Из жарких битв он выносил меня..
Тот подл, кто бы его в чужих руках оставил.

Т.

Ни конь твой боевой всей крепостию жил,
Никто из слуг твоих любимых
Так верой-правдою тебе не послужил,
Как я в трудах неисчислимых.
Мой отрок, если б возмужал,
За славу твоего он княжеского дома
Сто раз бы притупил и саблю и кинжал,
Не убоился бы он язв и пушек грома.
Как матерью его ты был не раз спасен,
Так на плечах своих тебя бы вынес он.

К.

Прочь от меня! Поди ты прочь, старуха!
Не раздражай меня, не вызывай на гнев
И не терзай мне жалобами слуха..
Безвременен кому твой вопль, и стон, и рев.
Уж сын твой – раб другого господина,
И нет его, он мой оставил дом,
Он продан мной, и я был волен в том –
Он был мой крепостной..

Т. (падает на колени)

Он сын мой! Дай мне сына!
И я твоя раба – зачем же мать
От детища ты разлучил родного?
Дай раз еще к груди его прижать!..
Ах, ради бога имени святого,
Чтоб не видать кровавых слез моих,
Соедини ты снова нас двоих.

К.

Не повторяй мне горькие упреки!
В поля и в горы – вот пути широки,
Там мчится шумная река,
Садись над пропастью, беседуй свысока
О сыне с мраками ночными
И степь буди стенаньями своими,
Но в дом не возвращайся мой..
Уймись или исчезни с глаз долой.

Т.

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
Достойное заслугам воздаянье!
Так будь же проклят ты и весь твой род,
И дочь твоя, и все твое стяжанье!
Как ловчие – ни быстриную вод,
Ни крутизною скал не удержимы,
Но скачут по ветрам носимы,
Покуда зверь от их ударов не падет,
Истекший кровию и пеной, –
Пускай истерзана так будет жизнь твоя,
Пускай преследуют тебя ножом, изменой
И слуги, и родные, и друзья!
Неблагодарности в награду,
Конца не знай мученья своего,
Тогда продай ты душу аду,
Как продал сына моего.
Отступник, сам себя карая,
В безумье плоть свою гложи
И ночью майся, днем дрожи,
На церковь божию взирая.
Твой прах земле не предадут!
Лишь путники произнесут
Ругательства над трупом хладным,
И будь добычею чекалам плотоядным...
А там – перед судом всевышнего творца –
Ты обречен уже на муки без конца!

2

Т.

О, люди! Кто назвал людьми исчадий зла,
Которых от крове́й утробных
Судьба на то произвела,
Чтоб были гибелью, бичом себе подобных!
Но силы свыше есть! Прочь совесть и боязнь!..
Ночные чуда! А́ли: #с004008_2! А́ли!
Явите мне свою приязнь,
Как вы всегда являли
Предавшим веру и закон,
Душой преступным и бессильным,
Светите мне огнем могильным,
Несите ветер, свист и стон,
Дружины Али! Знак условный –
Вот пять волос
От вас унес
Ваш хитрый, смелый враг, мой брат единокровный,
Когда в <...>[45 – несколько слов не разобраны.] он блуждал
На мшистых высота́х уединенных скал.
Я крестным знаменьем от вас оборонялась,
Я матью тогда счастливой называлась,
А ныне кинутой быть горько сиротой!
Равны страдания в сей жизни или в той?
Слетайтесь, слетайтесь,
Отколе в темну ночь исходят привиденья,
Из снежных гор,
Из диких нор,
Из груди тли и разрушенья,
Из сонных тинистых зыбей,
Из тех пустыней многогробных,
Где служат пиршествам червей
Останки праведных и злобных.
Но нет их! Непокорны мне!
На мой привет не отзовутся!
Лишь тучи на́ небе несутся,
И воет ветр... Ах, вот оне!

(Прислоняется к утесу и не глядит на них.)

Али(плавают в тумане у подошвы гор)

В пар́х вечерних, перед восходом
Печальной девственной луны,
Мы выступаем хороводом
Из незримой глубины.

Т.

Робеет дух, язык прикован мой!
Земля, не расступайся подо мной...

Али

Таятся в мрачной глубине
Непримиримых оскорбленья
И созревают в тишине
До дня решительного мщенья;
Но тот, чей замысел не скрыт,
Как темная гробов обитель,
Вражды вовек не утолит,
Нетерпеливый мститель.

Р.

.
.
Настанет день, и час пробьет.

Али

Неизъяснимое свершится:
Тогда мать сына обретет
И ближний ближнего лишится.

Молчание.

Куда мы, Али? В эту ночь
Бежит от глаз успокоенье.

Одна из них

Спешу родильнице помочь,
Чтоб задушить греха рожденье.

Другие

А мы в загорские края,
Где пир пируют кровопийцы.

Последняя

Там замок есть... Там сяду я
На смертный одр отцеубийцы.

<1828>

1812 год: #с004009

<План драмы>

ОТДЕЛЕНИЕ 1

Красная площадь

История начала войны, взятие Смоленска, народные черты, приезд государя, обоз раненых, рассказ о битве Бородинской. М* с первого стиха до последнего на сцене. Очертание его характера.

Собор Архангельский: #с004009_1

Трубный глас архангела; на его призыв возникают тени давно усопших исполинов – Святослава, Владимира Мономаха, Иоанна, Петра и проч., из разных стихий сложенные и с познанием всего, от начала века до днесь, как будто во всех делах после их смерти были участниками, но вместе с тем исчезла у них память о том, что было с ними за пределами сей жизни, и где были, и откуда нынче вновь призваны к бытию. Пророчествуют о године искупления для России, если не для современников, то сии, повествуя сынам, возбудят в них огонь неугасимый, рвение к славе и свободе отечества. Хор бесплотных провожает их и живописным строем представляет их отшествие из храма; своды расступаются, герои поднимаются выспрь и исчезают.

Терем царей в Кремле

Наполеон с сподвижниками. Картина взятия Москвы. Наполеон один. Высокие воспоминания. Открывает окно, лунная ночь. Видение – или нет, как случится. Размышление о юном, первообразном сем народе, об особенностях его одежды, зданий, веры, нравов. Сам себе преданный – что бы он мог произвести?

ОТДЕЛЕНИЕ 2

Галерея в доме Познякова

Входит офицер R* из приближенных к Наполеону (см. сцена 3-я, 1-го отделения), исполненный жизни, славы и блестящих надежд. Один поседлый воин с горьким предчувствием опытности остерегает насчет будущих бедствий. Ему не верят. Хохот. Из театра несутся звуки пляски и отголоски веселых песен. Между тем зарево обнимает повременно окна галереи; более и более устрашающий ветер. Об опустошениях огня.

Улицы, пылающие дома. Ночь. Сцены зверского распутства, святотатства и всех пороков. – R* и M* в разных случаях.

Село под Москвой

Сельская картина. Является M*. Всеобщее ополчение без дворян. (Трусость служителей правительства – выставлена или нет, как случится.)

ОТДЕЛЕНИЕ 3

Зимние сцены преследования неприятеля и ужасных смертей. Истязание R* и поседлого воина. Сей юноша показывает пример, и оба умирают героями. Подвиги M*. Множество других сцен.

ЭПИЛОГ

Вильна

Отличия, искательства; вся поэзия великих подвигов исчезает. M* в пренебрежении у военачальников. Отпускается восвояси с отеческими наставлениями к покорности и послушанию.

Село или развалины Москвы

Прежние мерзости. M* возвращается под палку господина, который хочет ему сбрить бороду. Отчаяние...[46 – Многоточие – в первопечатном тексте.] самоубийство.

<Сцена из драмы>

Петр Андреевич

Надежда.] Дитя мое любезное, <Наташа>![47 - В первопечатном тексте -

Оставь шитье, узоры кружевные:
Не вырывать тебе красы своей
На светлых праздниках. Не выезжать
С боярами, князьями. Было время:
Ласкают и манят тебя с собой
И мчат в богато убранной карете.
А ныне знать, вельможи - где они?..
Тот князь, твой восприемник от купели?
Его жена? Родня? Исчезли все!
Их пышные хоромы опустели.
Когда слыла веселою Москва,
Они роились в ней. Палаты их
Блестали разноцветными огнями...
Теперь, когда у стен ее враги,
Бессчастные рассыпались дети,
Напрасно ждет защитников; сыны,
Как ласточки, вспорхнули с теплых гнезд
И предали их бурям в расхищенье.
Ты из житья роскошного обратно
В убогий дом отцовский отдана,
А мне куда с тобой?.. Куда укрыться?
И если б мог бежать отселе я,
Нет! нет!.. Не оторвался б от тебя,
О мать наша, мать России всей,
Кормилица моя, моих детей!
В тебе я мирно пожил, видел счастье,-
В тебе и гроб найду. Мой друг, <Наташа>,
Гроза над нами носится, - потерпим,
И с верою владимся той судьбе,
Которую господь нам уготовил.
Грустна, грустна!.. О ком же плачешь ты?
О прежних ли подругах и забавах?

Наташа

Ах, батюшка! я плачу не о том!
Теперь не та пора...

(Рыдает.)

Петр Андреевич

И те ли времена? О брате, что ли?
Наш Алексей... Даруй ему господь
Со славою устоять на ратном поле.
Мне все твердит: он будет жив.

Наташа

Нет, батюшка, я плачу не об нем.

(Рыдает пуще прежнего.)

Петр Андреевич

Когда же ты о родине печальна,
Рыдай, мое дитя, - и для тебя
Отрадного я слова не имею.
Бывало, на душе кручинно, - посох в руки,
С тобою сердцу легче, все забыто...
Утешенный я приходил домой.
Бывало, посетишь и ты меня, отца,
Обнимешь, все осмотришь... угол мой

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
На полгода весельем просветится...
А ныне вместе мы, и нам не легче!
Москва! Москва! О, до чего я дожил!..

(Растворяет окно.)

Родамист и Зенобия: #с004010

Акт I

Дебрь, лай, звук рогов, гром бубен. Несколько охотников, потом Родамист и за ним приближенный оруженосец Семпад, которому он доверяет беспокойство души, алчущей великих дел и ныне принужденной довольствоваться ловитвою вепрей и серн. Ему ненавистны и фарасман, и римляне, и парфы, но он сперва ополчится на сих, а Рим страшен царю, едва твердо на собственном престоле. Велит пригласить к себе посланца от римских восточных легионов, который тут же тешится охотой. Семпад идет, Родамист раскаивается, что был с ним слишком чистосердечен.

Является Касперий. Переговоры, хвастовство с обеих сторон. Римлянин кичится свободой и славой отечества. Родамист дает ему чувствовать, что то и другое живо только в памяти, по преданиям. Рим рабствует, и сила его оружия давно уже не испытана, власть царя восточного народа вернее и чистосердечнее, – велит, и любой из дружины его пожертвует жизнью. Касперий не удивляется, упоминает о Деции и о многих других опытах самопожертвования, но для благороднейшей цели. – Родамист велит удалиться прочим, а Семпаду готовиться к бою с тигром. Наедине с Касперием пытается подкупить его притворною приязнью, корыстию, честолюбием. Касперий непоколебим. Родамист отпускает его прежде себя на зрелище. Сам остается один и рассуждает: к чему такой человек, как Касперий, в самовластной империи – опасен правительству и сам себе бремя, ибо иного века гражданин. – Коня! Коня! отправляется за Касперием на ту же травлю.

2-я сцена в царском теремном саду. По-восточному прямолинейная аллея чинаров, миндальных деревьев, которые все примыкают к большой пурпурной ставке. Около нее главные чины в раболепном ожидании властителя, – Ярванд, Мирван, Бахрат, Аспрух, Армасил и проч. Аспрух сидящий, все около него стоят. Он грузинин, албанского происхождения: #с004010_1, взят в плен фарасманом, им вскормлен, дрался против соотечественников и тем гордится. Арфаксат первый по Родамисте, все перед ним преклоняются; он кичится тем, что знает только цареву слово, которое ему вместо совести и славы. Толки о близком возвращении царя с охоты, об отправлении римского посла и о том, чтобы никто из жителей не имел сообщения с чужеземцами – парфы они или римляне. Все соглашаются на все, что он ни говорит, потом он уходит. Долго никто не смеет сказать своего мнения, наконец Армасил, славный воин, воспитанный в Риме, где он был при Митридате, во время его заточения, прерывает молчание и своею откровенностию и убеждением неволью исторгает у каждого одно желание: смерть утеснителя. В Бахрате, Ярванде и Мирване видны мелкие страсти. Жалобы, что все главнейшие места воинские и все поборы поручены грузинам, иноземцам. Один жалуется, что уже не он орлоносец: #с004010_2, которого важное преимущество, но наследственное, по закону Вагаршака, о котором все вспоминают с энтузиазмом, как и с преувеличенною ненавистью к нынешнему царю, – при венчании царя на него возлагать корону; другой, что евнуху поручена царская сокровищница, которой он по наследству был хранителем; третий, что Аспрух первый в доверенности царя, когда по роду и богатству ему принадлежит сей сан. Иные даже попрекают царя, что он воздержан с женщинами, почти не имеет наложниц и в пиршествах мало участвует, что он более похож на простолюдина, нежели на царя. Армасил упрекает их в малодушии. Вбегает Ассуд, его остерегаются. Он объявляет о насильственной смерти брата, о мщении, которым пылает за сие злодейство против Родамиста. Армасил недоверчив. «Отчего же ты равнодушием его отбиваешь от нашего сообщества?» – «Он вскормлен в царедворцах, вчера еще дышал милостию царевой, ныне мгновенно возбужден против него одним внезапным случаем, – но кто поручится: завтра не обратится ли опять слабодушием в ревностного ласкателя?» – «Мне ли, юноше, быть опытнее вас, старцев? Но помните: не во множестве сила, когда дело правое, но в испытанном, надежном, несомненном мужестве участников». Является юродивый, пророчит. Он нищий скиталец, просит милостыню или согладатай царев? Притворно ли проповедует или точно безумный? Но многие, в том числе Бахрат, его знают. Все в него веруют, он

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
давно уже стяжал славу святости; пещера его в утесе, на берегу Аракса. – Здесь он тайными словами из Зендавесты: #с004010_3 прорицает успех заговорщикам. Сперва тоже нем, не отваживается говорить. Армасил: «Я знаю, отчего он немствует, – сей юноша, бывший ласкатель царев, ему заграждает уста». Армасил убеждает его верить, и он религиею истинного армянина еще более их воспламеняет к скорейшему взрыву, назначает им ночное, решительное сходбище в склепе царей армянских. Заговорщики назначают ночь к тайному сходбищу в капище за южными воротами города. Потом пустынный исчезает. Ассюд удаляется с растерзанным сердцем, что никто не принимает участия в его скорби. Он армянин, но армяне к нему холоднее иверов. – «Я дебри оглашу моими справедливыми проклятиями за жестокость царя к несчастному брату». – Целый полк прислужников, за ними Родамист. Аспрух всех раболепнее. – Противуположность аспруховой спеси с низшими и унижения перед властителем. – Родамист иных дарит дичью с охоты, кому благоволение, кому грозный суд. – Армасилу попрек, что не был на охоте. Говорит об отъезде римлянина, с которым он заключил союз, и о мире с парфами. Ждет от отца подкрепления. Все под его державою благоденствуют. «Тот день потерян, в который я не награждаю доблесть и не наказываю строптивых. Идите, покойтесь в мирных семейственных упражнениях, но не дремлет царево око. Врагов я имею и благодарю за них небо: они поощряют меня на безленостную бодрость, неусыпные труды и на славные подвиги».

Акт II

Женский терем.

Зенобия, Перизада и прочие прислужницы. Зенобия – дочь убиенного Родамистом Митридата, его дяди, но выданная замуж еще прежде смерти отца, гаремное существо, рожденное и воспитанное для чувственного наслаждения супруга, и потому Перизада напрасно хочет возбудить в ней ненависть, желание мести – страсти, ее невинному сердцу вовсе чуждые. Перизада ей напоминает о удавлении отца и кто его убийца, Зенобия едва этому верит. Отца она мало видала, почти не знала, муж ближе к ее сердцу, и ее долг его любить, угождать ему во всем и трепетать его гнева. Что приобретет она бесплодною местию? Успех невероятен, способы к тому превыше женских ее сил. Но если бы и удалось – какое от того счастье? Перизада трогает ее совесть гневом небесным[48 – Это должно быть отнесено в I действие, между 1-ой и 2-ой сценой. (Примеч. А. С. Грибоедова.)]. Зенобия впадает в грусть, Перизада предлагает ей ворожбу для развлечения и святого пустынножителя, который давно управляет ее собственным суеверием. Его вводят санные девушки потаенно. Он еще более подкрепляет слова Перизады. Наконец Зенобия совершенно расстроена его таинственными прорицаниями. Он с нее берет слово, что она ночью, в сопровождении Перизады, придет в капище вне города, где склеп царей армянских, и мертвых зовет во свидетели, что там откроет ей тайну, от которой зависит будущее безмятежное течение ее жизни. Зенобия говорит ему, что Родамист всеми любим и злодеям страшен; кто покусится восстать против него? Юродивый пустынный уверяет ее в противном.

Евнух возвещает приход Родамиста. Пустынный скрыт толпою женщин. Сцена Родамиста с Зенобиею наедине: она печальна; воспоминания, которыми ей сейчас возмутили душу, препятствуют ей предаться иному чувству. Родамист недоволен ею, подозревает в ней притворство, нелюбовь. Ни в ком не уверенный, окруженный трепещущими рабами, скрытыми предателями и открытыми корыстолюбцами... неужели в лоне супружеской любви нет ему успокоения!! Оставляет ее расстроенную и сам в волнении.

Бахрат входит с Ассюдом, который уже включен совершенно в тайное умышление против Родамиста. Армасил скорбит при самом Ассюде о сей неосторожности. Ассюд горит нетерпением отомстить царю, Армасил об одном его просит – о совершенном бездействии и о скромном сохранении тайны. Ассюд обещает более: он на себя берет убить царя. Армасил всем в свете закликает его не предаваться сему нетерпению, что он прочих тем губит, не совершив ничего; наконец говорит, что их дело слишком зрело, еще несколько мгновений, и кто поручится, что они не будут преданы – участников слишком много, в которых он не уверен, и потому надобна решимость; последнее слово – сходбище ночью и потом за оружие. (NB. Характер Армасила самый основательный: он не скор, но тверд в поступках и более молчалив;

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
опасность его не пугает, но неосторожности не простит себе. В 3-м действии совершенное развитие его характера, которому Ассюд во всем противоположен.) Некоторые из заговорщиков присоединяются к сей беседе. Вообще надобно заметить, что народ не имеет участия в их деле – он будто не существует. В 3-м уже действии возмущение делается народным, но совсем не по тем причинам, которыми движимы вельможи: восстав сама собою, мгновенно, грузинская дружина своими буйствами, похищениями у граждан жен и имуществ восстанавливает их против себя.

Аспрух велит через евнуха, чтобы все удалились; ему повинуются. Входит Родамист, несколько слов с Аспрухом о порядке дружины. Аспрух доносит о содружестве между собою многих сомнительных царедворцев, Ярванда, Бахрата и проч. Родамист презирает слишком людей, чтобы от них бояться чего-нибудь важного. Он желает какого-нибудь важного происшествия, чтобы в полной мере предаться своей деятельности, измерить себя, людей и силу обстоятельств, насколько он их превзойти может, – враги нужны великому человеку. Но скрытно и прилежно велит за ними наблюдать, при первом двусмысленном движении донести ему вновь; если требуется спеша – схватить их без доклада ему и ввергнуть в оковы; если опасность неминуема – без исследования предать смерти. Отпускает Аспруха с евнухом; несколько слов о Зенобии, о гареме; евнуху поручает насчет женщин, как Аспруху о вельможах. Родамист один. Смутное предчувствие, недоволен своим положением.

Но кто это, бродит вокруг ставки, в часы царского отдохновения, когда никто сюда не смеет приближаться? Боязлив, озирается... Родамист готовится к обороне, но делает вид, будто не замечает скрытного врага. Ассюд сперва медленно подступает, потом устремляется на царя, обезоружен им и ранен в руку.

В 2-м <акте> Ассюд хочет заколоть Родамиста, тот удерживает его, притворное соучастие, выманивает у него тайну, потом свирепствует.

В 3-м <акте> заговорщики ссорятся о будущей власти, в эту минуту устремляется на них Родамист.

Стихотворения

От Аполлона: #c005001

На замечанье Феб дает,
Что от каких-то вод
Парнасский весь народ
Шумит, кричит и дело забывает,
И потому он объявляет,
Что толки все о Липецких водах
(В укору, в похвалу, и в прозе, и в стихах)
Написаны и преданы тиснению
Не по его внушенью!

<ноябрь 1815>

Лубочный театр: #c005002

Comptable de l'ennui, dont sa muse m'assomme,
Pourquoi s'est-il nommé, s'il ne veut qu'on le nomme?

Gilbert[49 – Беря в расчет скуку, которою его муза меня убивает, спрашивается, зачем он назвал себя, если не хочет быть названным? Жильбер (фр.).]

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru

Эй! Господа!
Сюда, сюда!
Для деловых людей и праздных
Есть тьма у нас okazji разных:
Есть дикий человек, безрукая мадам.
Взойдите к нам!
Добро пожаловать, кто барин тороватый: #с005002_1,
Извольте видеть – вот
Рогатый, нерогатый
И всякий скот:
Вот вам Михайло Моськин,
Вот весь его причет:
Княгини и
Княжны,
Князь фольгин и
Князь Блесткин: #с005002_2;
Они хоть не смешны, да сам зато уж он
Куда смешон!
Водиться с ним, ей-богу! праздник.
Вот вам его Проказник: #с005002_4;
Спроказил он неловко – раз упал,
Да и не встал.
Но автор таковым примером
Не научен – грешит перед партером,
Проказит до сих пор:
Что видит и что слышит,
Он обо всем исправно вздор
И говорит и пишет.
Вот Богатонов: #с005002_3 вам – особенно он мил,
Богат чужим добром – все крадет, что находит,
С Транжирина кафтан стащил
Да в нем и ходит.
А светский тон
Не только он –
И вся его беседа
Переняли у Буйного Соседа: #с005002_5.
Что вы? Неужто по домам?
Уж надоело вам?
И к стати ль?
Вот Моськин – наблюдатель: #с005002_6;
Вот Сын Отчества: #с005002_6, с ним вечный состязатель,
Один напишет вздор,
Другой на то разбор,
А разобрать труднее,
Кто из двоих глупее?..
Что вы смеетесь, господа?
Писцу насмешка не беда.
Он знает многое смешное за собою,
Да уж давно махнул рукою,
Махнул пером, отдал сыграть,
А вы, пожалуй, рассуждайте,
Махнул пером, отдал в печать,
А вы читайте.

16 октября 1817

Кальянчи: #с005003

Путешественник в Персии встречается прекрасного отрока, который подает ему кальян: #с005003_1. Странник спрашивает, кто он, откуда. Отрок рассказывает ему свои похождения, объясняет, что он грузин, некогда житель Кахетии.

В каком раю ты, стройный, насажден?
Какую влагу пил? Какой весной обвеян?
Эйзедом: #с005003_2 ли ты светлым порожден,
Иль благодатным Джиннием взлелеян?

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru

Когда, заботам вверенный твоим,
Приносишь ты сосуд водовмещальный
И сквозь него проводишь легкий дым, –
Воздушной пеною темнеет ток кристальный
И ропотом манит к забвенью, как ручья
Гремучего поток в зеленой чаще!
Чинара трость творит жасминной длань твоя
И сахарные трости слаще,
Когда палимого Ширазского листа: #с005003_3
Глотают чрез нее мглу алые уста,
Густеет воздух, напоенный
Алоэ запахом и амброй драгоценной!
Когда ж чарующей наружностью своей
Собрание ты осветишь людей, –
Во всех любовь!.. Дервиш: #с005003_4 отбросил четки,
Примрачный вид на радость обменял:
Не ты ли в нем возжег огонь потухших сил?
Не от твоей ли от походки
Его распрямлены морщины на лице
И заиграла жизнь на бывшем мертвце?
Властитель твой – он стал лишь самозванцем.
Он уловлен стыдливости румянцем,
И кушудрей кольцами, по высоте рамен
Влекущихся, связавших душу в плен,
И груди нежной белизною,
И жилок, шелком свитых, бирюзью,
Твоими взглядами, под свесом темных вежд,
Движеньем уст твоих невинным, миловидным,
Твоей, не скрытою покровами одежд,
Джейрана легкостью и станом пальмовидным.
В каком раю ты, стройный, насажден?
Эдема ль влагу пил, дыханьем роз обвеян?
Скажи: или от Пери ты рожден,
Иль благодатным Джиннием взлелеян?
«На иоры: #с005003_5 берегах,
В дальних я рожден пределах,
Где горит огонь в сердцах,
Тверже скал окаменелых;
Рос – едва не из пелен,
Матерью, отцом, безвинный,
В чужу продан, обменен
За сосуд ценный: #с005003_6!
Чужой человек! скажи: ты отец?
Имел ли ты чадо от милой подруги?
Корысть ли дороже нам с сыном разлуки?
Отвержен ли враном невинный птенец?
Караван с шелками шел,
С ним ага: #с005003_7 мой. Я, рабочий,
Глаз я долго не отвел
С мест, виднелся где кров отчий;
С кровом он слился небес;
Вечерело. Сном боримы,
Стали станом. Темен лес.
Вкруг огня легли мы.
Куришь, огонек! светись, огонек!
Так светит надежда огнем нам горящим!
Пылай ты весельем окрест приседящим,
Покуда спалишь ты последний пенек!
Спал я. Вдруг зывают: «бой!»
В ста местах сверкает зелье: #с005003_8;
Сечей, свистом пуль, пальбой
Огласилось все ущелье.
Притаился в глубь межи
Я, и все туда ж влекутся.
Слышно – кинулись в ножи –
Безотвязно бьются!
Затихло смятенье – сече конец.
Вблизи ошня брошен был труп, обезглавлен,

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
На взор его мертвый был взор мой уставлен,
И чья же глава та?... О, горе!.. Отец!..
Но могучею рукой
Был оторван я от тела.
«Будь он проклят, кровный твой! –
В слух мне клятва загремела.–
Твой отец разбойник был...»
И в бодце: #с005003_9, ремнем увитом,
Казнь сулят, чтоб слез не лил
По отце убитом!
Заря занялась. Я в путь увлечен.
Родитель, ударом погибший бесславною,
Лежать остается – он вепрям: #с005003_10 дубравным,
Орлам плотоядным на снесь обречен!
Вышли мы на широту
Из теснин, где шли доселе,
Всю творенья красоту
В пышной обрели картвеле: #с005003_11.
Вкруг излучистой Куры
Ясным днем страна согрета,
Все рассыпаны цветы
Щедростию лета...»

<До 1822>

Юность вещего: #с005004

(Куростров. Ищут Михаила. Находят его. Ночь перед отплытием в дальний путь.)

Орел, едва лишь пухом оперенный,
Едва в себе почуял дерзость сил,
Рассек эфир, с размаху воспарил;
Хор птиц, его явленьем изумленный,
Неспорный крик ему навстречу шлет.
Нет! Дерзость тех очей и тот полет
Не зрит себе ни равных, ни преслушных
И властвует в селеньях он воздушных.
Не так между людьми: ах! от пелен
Томится столько лет ревнитель славы!
Еще томится возмужалый он,
Отвержен и не признан, угнетен..
Судьба! О, как тверды твои уставы!
Великим – средь Австралии зыбей
Иль в Севера снегах, везде одно ли
Присуждено? – Искать желанной доли
Путем вражды, препятствий и скорбей!
И тот певец, кому никто не смеет
Вослед ступить из бардов сих времен,
Пред кем святая Русь благоговеет,
Он отроком, безвестен и презрен,
Сын рыбака, чудовищ земноводных
Ловитвой жил; в пучинах ледяных,
Душой алкая стран и дел иных,
Изнемогал в усилиях бесплодных!..

<1823>

Давид: #с005005

Не славен в братии измлада,
Юнейший у отца я был,
Пастух родительского стада;
И се! внезапно богу сил
Орган мои создали руки,

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
Псалтырь: #с005005_1 устроили персты.
О! кто до горней высоты
Ко господу воскресит звуки?..

Услышал сам господь творец,
Шлет ангела, и светозрачный
С высот летит на доли злачны,
Взял от родительских овец,
Елеем благодати небесной
Меня помазал.

Что ж сии
Велики братии мои?
Кичливы крепостью телесной!
Но в них дух божий, бога сил,
Господень дух не препочил.

Иноплеменнику не с ними,
Далече страх я отгоня,
Во сретенье исшел: меня
Он проклял идолами своими;
Но я мечом над ним взыграл,
Сразил его и обезглавил,
И стыд отечества отъял,
Сынов Израиля прославил!

<1823>

«Крылами порхая, стрелами звеня...»: #с005006

Крылами порхая, стрелами звеня,
Любовь вопрошала кого-то:
Ах! есть ли что легче на свете меня?
Решите задачу Эрота.
Любовь и любовь, решу я как раз,
Сама себя легче бывает подчас.
Есть песня такая:
Легко себе друга сыскала Аглая
И легче того
Забыла его.

<декабрь 1823 – январь 1824>

Романс: #с005007

Ах! точно ль никогда ей в персях безмятежных
Желанье тайное не волновало кровь?
Еще не сведала тоски, томлений нежных?
Еще не знает про любовь?
Ах! точно ли никто, счастливец, не сыскался,
Ей друг? по сердцу ей? который бы сгорал
В объятиях ее? в них негой упивался,
Роскошествовал и обмирал?
Нет! Нет! Куда влекусь неробкими мечтами?
Тот друг, тот избранный: он где-нибудь, он есть.
Любви волшебство! рай! восторги! трепет! – Вами,
Нет! – не моей душе процвествь.

<декабрь 1823 – январь 1824>

Эпиграммы: #с005008

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
И сочиняют – врут, и переводят – врут!
Зачем же врете вы, о дети? Детям прут!
Шалите рифмами, нанизывайте стопы,
Уж так и быть, – но вы ругаться удалцы!
Студенческая кровь! Казенные бойцы!
Холопы «Вестника Европы»!

<1824?>

* * *

Как распложаются журнальные побранки!
Гласит предание, что Фауст ворожил
Над банкой, полною волшебных, чудных сил –
И вылез черт из банки;
И будто Фаусту вложил
Он первый умысел развратный: #с005008_1 –
Создать станок книгопечатный.
С тех пор, о мокрые тряпичные листы,
Вы попом сделались журналам для их браней,
Их мыслей нищеты, их скудости познаний!
Уж наложил на вас школярные персты
Михайло Дмитриев с друзьями,
Переплетясь они хвостами,
То в прозе жилились над вами,
То усыряют вас водяными стихами.

<1825?>

Отрывок из Гете: #с005009

Директор театра

По дружбе мне вы, господа,
При случае посильно иногда
И деятельно помогали;
Сегодня, милые, нельзя ли
Воображению дать смелый вам полет?
Парите вверх и вниз спускайтесь произвольно,
Чтоб большинство людей осталось мной довольно,
Которое живет и жить дает.
Дом зрелища устроен пребогатый,
И бревяной накат, и пол дощатый,
И все по зву: один свисток –
Храм взыдет до небес, раскинется лесок.
Лишь то беда: ума нам где добиться?
Смотрите вы на брови знатоков:
Они – и всякий кто каков –
Чему-нибудь хотели б удивиться;
А я испуган, встал в тупик;
Не то чтобы у нас к хорошему привыкли,
Да начитались столько книг!
Всю подноготную проникли!
Увы!
И слушают, и ловят все так жадно!
Чтоб были вещи им новы;#769;,
И складно для ума, и для души отрадно.
Люблю толпящийся народ
Я – при раздаче лож и кресел;
Кому терпенье – труден вход,
Тот получил себе – и весел,
Но вот ему возврата нет!
Стеной густеют непроломной,
Толпа растет, и рокот громный,
И голоса: билет! билет!

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
как будто их рождает преисподня.
А это чудо кто творит? – Поэт.
Нельзя ли, милый друг, сегодня?

Поэт

О, не тревожь, не мучь сует картиной.
Задерни, скрой от глаз народ,
Толпу, которая пестреющей пучиной
С собой противувольно нас влечет.
Туда веди, где под небес равниной
Поэту радость чистая цветет,
Где дружба и любовь его к покою
Обвеют, освежат божественной рукою.
Ах! часто, что отраду в душу льет,
что робко нам уста пролепетали,
Мечты неспелые... – и вот –
Их крылья бурного мгновения умчали.
Едва искупленных трудами многих лет,
Их в полноте красоты увидит свет.
Обманчив блеск: он не продлится;
Но истинный – потомству сохранится.

Весельчак

Потомству? да; и слышно только то,
что духом все парят к потомкам отдаленным;
Неужто наконец никто
не порадеет современным?
Неужто холодом мертвит, как чародей,
присутствие порядочных людей!
кто бредит лаврами на сцене и в печати,
кому ниспосланы кисть, лира иль резец
изгибы обнажать сердец,
тот поробеет ли? – толпа ему и к стати;
желает он побольше круг,
чтоб действовать на многих вдруг.
Скорей фантазию, глас скорби безотрадной,
движенье, пыл страстей, весь хор ее нарядный
к себе зовите на чердак.
дурачеству откройте дверцу,
не настезь, вполонину, так,
чтоб всякому пришло по сердцу.

Директор

Побольше действия! – что зрителей манит?
им видеть хочется – ну, живо
представить им дела на вид!
как хочешь, жар души излей красноречиво;
иной уловкою успех себе упрочь;
побольше действия, сплетений и развятий!
лишь силой можно силу превозмочь,
число людей – числом событий.
где приключений тьма – никто не перечтет,
на каждого по нескольку придется;
народ доволен разойдется,
и всякий что-нибудь с собою понесет.
слияние частей измучит вас смертельно;
давайте нам подробности отдельно.
что целое? какая прибыль вам?
и ваше целое вниманье в ком пробудит?
его расхитят по долям
и публика по мелочи осудит.

Поэт

Ах! это ли иметь художнику в виду!

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
Обречь себя в веках укорам и стыду! –
Не чувствует, как душу мне терзает.

Директор

Размыслите вы сами наперед:
Кто сильно потрясти людей желает,
Способнее оружие изберет;
Но время ваши призраки развеять,
О гордые искатели молвы!
Опомнитесь! – кому творите вы?
Влечется к нам иной, чтоб скуку порассеять,
И скука вместе с ним ввалилась – дремлет он;
Другой явился – отягчен
Парами пенистых бокалов;
Иной небрежный ловит стих, –
Сотрудник глупых он журналов.
На святочные игры их
Чистейшее желанье окриляет,
Невежество им зренье затемняет,
И на устах бездушия печать;
Красавицы под бременем уборов
Тишком желают расточать
Обман улыбки, негу взоров.
Что возмечтали вы на вашей высоте?
Смотрите им в лицо! – вот те
Окаменевшие толпы живым утесом;
Здесь озираются во мраке подлецы,
Чтоб слово подстеречь и погубить доносом;
Там мыслят дань обрести картежные ловцы;
Тот буйно ночь провести в объятиях бесчестных;
И для кого хотите вы, слепцы,
Вымучивать внушенья Муз прелестных!
Побольше пестроты, побольше новизны –
Вот правило, и непреложно.
Легко мы всем изумлены,
Но угодить на нас не можно.
Что? гордости порыв утих?
Рассудок превозмог...

Поэт

Нет! нет! – негодование.
Поди ищи услужников других.
Тебе ль отдам святейшее стяжанье,
Свободу – в жертву прихотей твоих?
Чем равны небожителям поэты?
Что силой неудержною влечет
К их жребию сердца и все обеты,
Стихии все во власть им предает?
Не сладкозвучие ль? – которое теснится
Из их груди, вливает ту любовь,
И к ним она, отзывная, стремится
И в них восторг рождает вновь и вновь.
Когда природой равнодушно
Крутится длинновьющаяся прядь,
Кому она так делится послушно?
Когда созданья все – слаба их мысль обнять –
Одни другим звучат противугласно,
Кто съединяет их в приятный слуху гром
Так величаво! так прекрасно!
И кто виновник их потом
Спокойного и пышного теченья?
Кто стройно размеряет их движенья
И бури, вопли, крик страстей
Меняет вдруг на дивные аккорды?
Кем славны имена и памятники тверды?
Превыше всех земных и суетных честей,

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
Из бранных листвиев кто чудно соплетает
С веками более нетленно и свежей
То знаменье величия мужей,
Которым он их чёла украшает?
Пред чьей возлюбленной весна не увядает?
Цветы роскошные родит пред нею перст
Того, кто спутник ей отрад, любви стезею;
По смерти им Олимп отверст
И невечернею венчается зарею.
Кто не коснел в бездействии немом,
Но в гимн единый слил красу небес с зарею?
Ты постигаешь ли умом
Создавшего миры и лета?
Его престол – душа Поэта.

<1824>

Телешовой: #с005010

В балете «Руслан и Людмила», где она является обольщать витязя

О, кто она? – Любовь, Харита
Иль Пери, для страны иной
Эдем: #с005010_1 покинула родной,
Тончайшим облаком обвита?
И вдруг – как ветер ее полет!
Звездой рассыплется, мгновенно
Блеснет, исчезнет, воздух вьет
Стопою, свыше окриленной..
Не так ли наш лелеет дух
Отрадное во сне виденье,
Когда задремлет взор и слух,
Но бодро в нас воображенье! –
Улыбка, внятная без слов,
Небрежно спущенный покров,
Как будто влаги облиянье;
Прерывно персей волнованье,
И томной думы полон взор:
Созданье выпренного мира
Скользит, как по зыбьям эфира
Несется легкий метеор.
Зачем манишь рукою нежной?
Зачем влечешь из дальних стран
Пришельца в плен твой неизбежный,
К страданью неисцельных ран?
Уже не тверды заклинаньем
Броня, и щит его, и шлем;
Не истомляй его желаньем,
Не сожигай его огнем
В лице, в груди горящей страсти
И негой распаленных чувств!
Ах, этих игр, утех, искусств
Один ли не признает власти!
Изнеможенный он в борьбе,
До капли в душу влил отраву,
Себя, и честь, и долг, и славу –
Все в жертву он отдал тебе.
Но сердце! Кто твой восхищенный
Внушает отзыв? для кого
Порыв восторга твоего,
Звучанье лиры оживленной?
Властительницы южных стран,
Чье царство – роз и пальм обитель,
Которым Эльф: #с005010_2–обворожитель
В сопутники природой дан,
О нимфы, девы легкокрылы!

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
Здесь жаждут прелестей иных:
Рабы корыстных польз, унылы
И безрассветны души их.
Певцу красавиц что? в награду?
Пожнет он скуку и досаду,
Роптаньем струн не пробудив
Любви в пустыне сей печальной,
Где сном покрыто лоно нив
И небо ризой погребальной.

<декабрь 1824>

Хищники на Чегеме: #с005011

1

Окопайтесь рвами, рвами,
Отразите смерть и плен –
Блеском ружей, твержей стен!
Как ни крепки вы стенами,
Мы над вами, мы над вами,
Будто быстрые орлы
Над челом крутой скалы.

2

Мрак за нас ночей безлунных,
Шум потока, выси гор,
Дождь, и мгла, и вихрей спор.
На угон коней табунных,
На овец золоторунных,
Где витают вепрь и волк,
Наш залег отважный полк.

3

Живы в нас отцов обряды,
Кровь их буйная жива.
Та же в небе синева!
Те же ледяные громады,
Те же с ревом водопады,
Та же дикость, красота
По ущельям разлита!

4

Наши – камни, наши – кручи!
Русь! зачем воюешь ты
Вековые высоты?
Досягнешь ли? – Вон над тучей –
Двувершинный и могучий
Режется из облаков
Над главой твоих полков.

5

Пар из бездны отдаленной
Вьется по его плечам,
Вот невидим он очам!..
Той же тканию свиенной
Так же скрыты мы мгновенно,
Вмиг явились, мигом нет,
Выстрел, два, и сгинул след.

6

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
Двиньтесь узкою тропюю!
Не в краю вы сел и нив.
Здесь стремнина, там обрыв,
Тут утес – берите с бою.
Камень, сорванный стопою,
В глубь летит, разбитый в прах;
Риньтесь с ним, откиньте страх!

7

Ждем. – Готовы к новой сече...
Но и слух о них исчез!..
Загорайся, древний лес!
Лейся, зарево, далече!
Мы обсядем в дружном вече
И по ряду, дележом
Делим взятое ножом.

8

Доли лучшие отложим
Нашим панцирным князьям,
И джигитам, узденям: #с005011_1
Юных пленниц приумножим.
И кади́ям: #с005011_2, людям божьим,
Красных отроков дадим
(Верой стан наш невредим).

9

Узникам удел обычный,
Над рабами высока
Их стяжателей рука.
Узы – жребий им приличный,
В их земле и свет темничный!
И ужасен ли обмен?
Дома – цепи! в чуже – плен!

10

Делим женам ожерелье.
Вот обломки хрусталя!
Пьем бузу: #с005011_3! Стони, земля!
Кликом огласись, ущелье!
Падшим мир, живым веселье.
Раз еще увидел взор
Вольный край родимых гор!

Каменный мост на Малке Октябрь 1825

«По духу времени и вкусу...»: #с005012

По духу времени и вкусу
Я ненавидел слово «раб»:
Меня позвали в Главный штаб
И потянули к Иисусу: #с005012_1.

<1826>

А. Одоевскому: #с005013

Я дружбу пел... Когда струнам касался,
Твой гений над главой моей парил,
В стихах моих, в душе тебя любил

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
И призывал, и о тебе терзался!..
О, мой творец! Едва расцветший век
Ужели ты безжалостно пресек?
Допустишь ли, чтобы его могила
Живого от любви моей сокрыла?..

Освобожденный: #с005014

Там, где вьется Алазань: #с005014_2,
Веет нега и прохлада,
Где в садах собирают дань
Пу́рпурного винограда,
Све́тло светит луч дневной,
Рано ищут, любят друга..
Ты знаком ли с той страной,
Где земля не знает плуга,
Вечно юная блесит
Пышно яркими цветами
И садителя дарит
Золотистыми плодами?..
Странник, знаешь ли любовь –
Не подругу снам покойным,
Страшную под небом знойным?
Как пылает ею кровь?
Ей живут и ею дышат,
Страждут и падут в боях
С ней в душе и на устах.
Так самумы с юга пышат,
Раскаляют степь..
Что́ судьба, разлука, смерть!..

* * *

Луг шелко́вый, мирный лес!
Сквозь колеблемые своды
Ясная лазурь небес!
Тихо плещущие воды!
Мне ль возвращены назад
Все очарованья ваши?
Снова ль черпаю из чаши
Нескудеющих отрад?
Будто сладостью душистой: #с005014_1
В воздух пролилась струя;
Снова упиваюсь я
Вольностью и негой чистой.
Но где друг: #с005014_3?.. но я один!..
Но давно ль, как привиденье,
Предстоял очам моим
Вестник зла? Я мчался с ним
В дальний край на заточенье.
Окрест дикие места,
Снег пушился под ногами,
Горем скованы уста,
Руки тяжкими цепями.

<1826>

Домовой: #с005015

Детушки матушке жаловались,
Спать ложиться закаивались:
Больно тревожит нас дед-непосед,
Зла творит много и множество бед,
Страница 250

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
Ступней топочет, столами ворочит,
Душит, навалится, щиплет, щекочит.

Прости, отечество!: #с005016

Не наслажденье жизни цель,
Не утешенье наша жизнь.
О! не обманывайся, сердце.
О! призраки, не увлекайте!..
Нас цепь угрюмых должностей
Опутывает неразрывно.
Когда же в уголок проник
Свет счастья на единый миг,
Как неожиданно! как дивно! –

Мы молоды и верим в рай –
И гонимся и вслед и вдаль
За слабо брезжущим виденьем.
Постой же! нет его! угасло! –
Обмануты, утомлены.
И что ж с тех пор? – Мы мудры стали,
Ногой отмерили пять стоп,
Соорудили темный гроб
И в нем живых себя заклали.

Премудрость! вот урок ее:
Чужих законов несть ярмо,
Свободу схоронить в могилу
И веру в собственную силу,
В отвагу, дружбу, честь, любовь!!! –
Займемся былью стародавней,
Как люди весело шли в бой,
Когда пленяло их собой
Что так обманчиво и славно!

Статьи

Письмо из Бреста Литовского к издателю «Вестника Европы»: #с006001

Июня 26-го дня 1814 г.

Брест.

Позвольте доставить вам некоторое сведение о празднике, который давали командующему кавалерийскими резервами, генералу Кологривову, его офицеры. Издатель «Вестника Европы» должен в нем принять участие; ибо ручаюсь, что в Европе не много начальников, которых столько любят, сколько здешние кавалеристы своего.

Поводом к празднеству было награждение, полученное генералом Кологривовым: ему пожалован орден святого Владимира I степени. Неподражаемый государь наш на высочайшей степени славы, среди торжества своего в Париже, среди восторгов удивленного света, среди бесчисленных и беспримерных трофеев, помнит о ревностных, достойных чиновниках и щедро их награждает. При первом объявлении о монаршей милости любимому начальнику приближенные генерала условились торжествовать радостное происшествие и назначили на то день 22 июня. День был прекрасный, утро, смею сказать, пиитическое.

Так день желанный воссиял,
И к генералу строй предстал
Пиитов всякого сословья;
Один стихи ему кладет

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
В карман, другой под изголовье;
А он – о доброта! какой примеров нет –
Все оды принимает,
Читает их и не зевает.–

Нет; он был тронут до глубины сердца и, подобно всем, дивился, сколько стихотворцев образовала искренняя радость. Вот приглашение, которое он получил ото всего дежурства:

Вождь, избранный царем
К трудам, Отечеству полезным!
Се новым грудь твою лучом
Монарх наш озаряет звездным.
Державный сей герой,
Смирив крамолу
И меч склоняя долу,
являет благость над тобой,
Вспомня твои заслуги неисчетны:
Тогда как разрушал он замыслы наветны
И ты перуны закалял,
От коих мир весь трепетал;
Тобою внушены кентавры,
Что ныне пожинали лавры
И в вихре смерть несли врагам.
Царь помнит то – и радость нам!
Скорее осушим, друзья, заздравны чаши!
А ты приди, узри, вкуси веселья наши
Меж окружающих сподвижников твоих,
Не подчиненных зри – друзей, сынов родных.
В кругу приверженцев, в кругу необозримом,
Ты радость обретешь в сердцах,
Во взорах, на устах,
Блаженно славным быть, блаженней быть любимым!

Все это происходило в версте от Бреста, на даче, где генерал имеет обыкновенное пребывание. Множество офицерства явилось с поздравлениями; потом поехали на место, где давали праздник, – одни, чтобы посмотреть, другие, чтоб докончить нужные приуготовления.

Есть в Буге остров одинокой;
Его восточный мыс
Горою над рекой навис,
Заглох в траве высокой
(Преданья глас такой,
Что взрыты нашими отцами
Окопы, видные там нынешней порой;
Преданье кажется мне сказкой, между нами,
Хоть верю набожно я древности седой;
Нет, для окопов сих отцы не знали места,
Сражались, били, шли вперед,
А впрочем, летописи Бреста

Пусть <Каченовский> [50 – В первопечатном тексте вместо фамилии стоит многоточие, к которому относится следующее примечание издателя «Вестника Европы»: «Мы выпустили здесь нечто, не хотел оскорбить одного собрата нашего журналиста. Издатель».] разберет);

Усадьбы, города, и селы,
И возвышенности, и доли
С горы рисуются округ,
И стелется внизу меж вод прекрасный луг.
На сем избранном месте,
При первой ликованья вести,
Подъялись сотни рук;
Секир и заступов везде был слышен стук.
Едва ль румянила два раза свод небесный
Аврора утренней порой –
Все восприяло вид иной,
Вид новый, вид прелестный,
Творенье феиной руки.

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru

Где были насыпи – пестрелись цветники,
А где темнелись кущи –
Явились просеки, к веселию ведущи,
К красивым убранным шатрам,
Раскинутым небрежно по холмам.
В середине их, на возвышенье,
Стояли светлые чертоги угощенья;
Из окон виден их
В лугу разбитый стан для воинов простых.
На теме острова был к небу флаг возвышен,
Чтоб знак веселия узреть со всех сторон,
И жерлов ряд постановлен,
Чтоб радости отзыв везде был слышен.
На скате ж, где приступен вал,
Один лишь вход удобный,
И город где являл
Картине вид подобный,
Воздвигнули врата искусною рукой
Из копий, связанных цветами,
И укрепили их в полкруге над столпами,
Унизанными осокою.
Любовь врата соорудила;
Сама природа убрала;
Подзорами: #с006001_1 оружие снабдило;
Потом веселость в них вошла.

В три часа пополудни все приглашенные на праздник офицеры съехались; все с нетерпением ожидали прибытия генерала. Наконец вздернутый кверху флаг и пушечные залпы возвестили приближение его. Он ехал верхом, сопровождаемый более 50 офицеров. Мне было весьма хотелось описать вам в стихах блеск сего шествия, блеск воинских нарядов; к несчастью, никак не мог прибрать рифмы для лядунок: #с006001_2 и киверов; итак, пусть будет это в прозе. Но то, чего не в силах выразить никакая поэзия, была встреча генерала на мосту, нарочно для сего дня наведенном, где он, при громе пушек и нескольких оркестров, при радостных восклицаниях, с восторгом был принят военными хозяевами и гостями. Слезы душевного удовольствия полились из глаз его и всех предстоящих. Он несколько времени стоял безмолвен, удивлен, обрадован, растроган, потом взошел или, лучше сказать, внесен был окружающею толпою в триумфальные врата.

Сей вход отличиям условным был рубёж;
Но случай подшутил, и что ж? –
Кто чином высшим украшался,
И доблестями тот отличней всех являлся.–

Взошед в галерею, он был еще приветствуем стихами; но я их здесь не помещу оттого, что не спросился у кавалериста – сочинителя. Потом генерал пошел на возвышение и несколько времени восхищался редкими живописными видами. – На валу шатры, кои белелись между березками; у подошвы горы луг, где разбит был лагерь; река Буг, обтекающая все место празднества; местечко Тересполь и другие селения в отдаленности; толпа народа на мостах и на берегу, взирающего с удивлением на пышный, невиданный им праздник, – все пленяло взор наблюдателя, все приводило в изумление. Вдруг запели на сей случай сочиненную солдатскую песнь, и разгласилось на лугу троекратно ура! После чего все были созваны к обеду: столы в галерее и в палатках были накрыты на 300 кувертов.

Уж запахом к себе манили яства,
Литавры грянули! – и новые приятства,
Обед сближает всех,
С ним водворяется в собранье сто утех,
Веселость, откровенность,
Любезность, острота, приязнь, непринужденность –
И, словом вам сказать,
Все радости сошлись нас угощать.
Когда ж при трубах, барабанах
Заискрилось шампанское в стаканах,
Венгерское густое полилось,
Бургонское зарделось, –
У всякого лицо от нектара краснелось;

Признаться, моя логика велит лучше пить вино, чем описывать, как пьют, и кажется, что она хоть гусарская, но справедливая. Не буду также вам говорить о различных сластях и пышностях стола, который, само собою разумеется, был весьма великолепен; 300 человек генералов, штаб и обер-офицеров были угощены нельзя лучше, нельзя роскошнее, нельзя веселее.

И гости все едва ли
Из-за обеда встали,
Взялись за песни, остроты́;
Тут излияния сердечны
Рекою полились: все в радости беспечны!
Болтливость пьяного есть признак доброты;
Пииты же, как искони доселе,
Всех более шумели,
Не от вина, нет, – на беду,
Всегда они в чаду:
Им голову кружи́т другое упоенье –
Сестер парнасских вдохновенье.

Не думайте, однако ж, чтоб забвение всего овладело шумным обществом; нет, забывали важные дела, скуку, горести, неприятности, но не забывали добродетель; она спутница чистой радости; и в сии часы, когда сердце всякого было на языке и душа отверзта для добрых впечатлений, открылась подписка в пользу гошпиталя и бедных всякого звания. На сей предмет собрано 6500 рублей.

Так посвящали мы – честь нашему собранию! –
Зававам час, другой же состраданью.

Время было тихое, благоприятное для прогулки. Серая мгла, нависшая на небе, предохранила от летнего жара; все рассыпались по валу. Между тем пушечная пальба, хоры музыкантов и песельников не умолкали ни на пять минут. Мало-помалу стало смеркаться, и под вечер пригласили всех на противоположную сторону острова; зрители были чрезвычайно удивлены, когда, проходя не весьма большое расстояние, все в глазах их переменялось: исчез ли за кустами и пригорками шатры, галерея и все место празднества; явилась природа в дикости: грозные утесы, глубокие рвы, по ту сторону реки сельская картина, луга и рощи возбуждали приятное удивление, прежние сцены казались призраком. К общей радости, нашли там множество дам, которых присутствие, конечно, есть первое украшение всякого праздника.

Их взоры нежные шумливость укрощают
И грустные сердца к веселью возбуждают.

Несколько ракет известили начало фейерверка. Он был прекрасный и продолжительный. Между многими разнообразиями искусственного огня горело вензелевое имя генерала и Владимирская звезда. Амфитеатр, где сидели зрители, сделан был из уступов горы. При выходе оттуда весь остров был уже иллюминирован. Дамы и офицеры смешались вместе; в галерее начались танцы; в полночь был ужин. Генерал до рассвета принимал участие в празднике; потом возвратился домой, сопровождаемый теми же чувствами, теми же отголосками любви и приверженности, с какими был встречен. Он в сей день являл любезного начальника, приятного гостя и чувствительного человека. Есть праздники, которые на другой же день забывают оттого, что даются без цели или цель их пустая. В столицах виден блеск, в городах полубоярские: #с006001_3 затеи; но праздник, в коем участвует сердце, который украшали приязнь, благотворительность и другие душевные наслаждения, – такой праздник оставляет по себе надолго неизгладимые воспоминания.

Философы в ученом заточенье,
Защитники уединенья,
Наш посетите стан, когда вам есть досуг.
Здесь узрите вы дружный, братский круг,
Начальника, отца обширного семейства.
Коль надобно – на смерть идут;
Не нужно – праздники дают.
У вас как будто чародейство:
От книг нейдете вы на час,

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
Минута дорога для вас;
А мы на дней не ропщем скоротечность;
Они не истекут, доколе мы живем;
А там настанет вечность,
Так дней не перечтем.

Моя одна забота, чтобы праздники чаще давались. Нам стоит 10 000 рублей, кроме фейерверка. Кончая мою репликацию, желаю вам так же веселиться, как я веселился 22-го июня.

С истинным почтением честь имею и проч.

Александр Грибоедов.

P. S. Посылаю вам 1000 рублей для бедных: #c006001_4, которых так много после пожара Москвы. В отдаленности от любезного отечественного края нам неизвестно, какие частные лица наиболее терпят от бедности. Полагаемся на вас. Конечно, заступник неимущих лучше всех знает, кому нужна помощь.

О кавалерийских резервах: #c006002

Блистательные события прошедшей войны обращали на себя всеобщее внимание и не давали публике времени для наблюдений побочных, но между тем важных причин, кои способствовали к успехам нашего оружия. К оным, конечно, принадлежат резервы, сие мудрое учреждение венценосного нашего героя, сей рассадник юных воинов, который единственно делал, что войско наше, после кровопролитных кампаний 1812 и 1813 годов, после дорого купленных побед, как феникс, восставало из пепла своего, дабы пожать новые, неувядаемые лавры на зарейнских полях и явить грозное лицо свое в столице неприятеля. Буду говорить только о формировании кавалерии; ибо сам был очевидцем, дивился быстроте хода его, трудностям, с коими оно сопряжено, и неусыпным стараниям командующего сею частью, который в точности оправдал слова великого нашего государя, изъявившего ему во всемилостивейшем рескрипте [51 – 14 июня 1813 года из деревни Петерсвальде, в Силезии. (Примеч. А. С. Грибоедова.)], что не нашел иного, коему бы можно было верить столь важную часть. Все сие усмотрит читатель из обозрения кавалерийских резервов, которое я постараюсь сделать как можно внятнее и короче, не входя в излишние подробности.

18 октября 1812 года получил генерал от кавалерии Кологривов рескрипт о принятии его в службу и повеление приготовить в Муроме 9000 кавалерии и по два эскадрона для каждого гвардейского полку. Формирование, возложенное прежде на генерала графа Толстого, не было еще начато по многим важным причинам. – Ни людей, ни лошадей, ни материалов для обмундировки, ниже каких необходимых пособий не было. Едва начали собираться толпы рекрут, как был сказан поход в Новгород-Северск, а не доходя до места получено повеление идти на Могилев Белорусский. Между тем план формирования переменен и сделан гораздо обширнее. – Повелено было сформировать для каждого армейского полку по два эскадрона из 200 нижних чинов. В Могилеве, однако, все более и более приходило в устройство; зачали поступать рекруты и лошади, начали съезжаться офицеры, которые все, подстрекаемые духом достойного их начальника, пылали благородным соревнованием, чтобы споспешествовать к славе действующей армии, и доказательство сему не двусмысленно. В начале марта 813 года зачали поступать рекруты и лошади, в исходе того же месяца седла и ружья, а в начале апреля выступили в армию 14-ть и вслед за сими 32 эскадрона, готовые в строгом смысле. Потом вся резервная кавалерия двинулась к Слониму, и едва успела туда вступить, как уже выслано 10 гвардейских эскадронов, являющих вид всадников испытанных, закоснелых в военном ремесле и кои вскоре сделались ужасными неприятелю. Так! в толь скорое время, когда самый взыскательный военноискусник не был бы вправе ничего требовать, кроме некоторого навыка в обращении с лошадьми, возникли сии с блестящей наружностью, искусные в построениях и всем отличные, достойные телохранители великого! – Но что? одобрение его величества по прибытии их во Франкфурт есть несомненный знак их достоинства.

Из Слонима перешли все кавалерийские резервы в Брест Литовский и оттоле отправлялись ежемесячно в действующую армию по десяти, двенадцати, двадцати, а в разные времена от августа до января пошло в армию 113, ныне же в готовности 150

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
эскадронов. И так в пятнадцать, а с настоящего формирования в двенадцать месяцев образовалось 65 000 кавалерии.

Кто когда-либо служил в кавалерии, кто хоть малейшее имеет понятие о трудностях сей службы; кто приведет себе на память, что прежде сего один конный полк формировался целыми годами; кто вспомнит, в какое смутное время кавалерийские резервы восприяли свое начало; кто расчислит, какие запутанности встречаются при начале всякого важного и огромного государственного дела; кто взвесит обстоятельства, коих не в силах отворотить никакая предусмотрительность, например: отдаленность губерний, из коих приводятся лошади, порча их на дороге, неопытность иных гражданских чиновников, коим поручено было в губерниях принимать, разбирать, отводить ремонты и так далее; кто притом знает, чего стоит в кроткого земледельца внушить дух бранный, чего стоит заставить забыть его мирную, безмятежную жизнь, дабы приучить к непреклонным воинским уставам, – тот, конечно, подивится многочисленной и отборной коннице, образованной в столь короткое время, в беспрестанных переменах места, на походе от Оки до Буга (2000 верст) по краям, опустошенным неприятелем; подивится войску, ополченному в случайностях войны, как бы в тишине мира, под сению которого редко что требуется к спеху и дается времени столько, сколько потребно для совершения нужного дела.

К вящему доказательству, как успешно формировалась кавалерия, служит конница Польской армии, стоявшая под Гамбургом, равно как и большая часть бывшей во Франции, которая вся составлена генералом Кологривовым; притом эскадроны из новообразованных, которые принимали участие в военных действиях, почти все отличились. Для примера упомянем о Павлоградском гусарском, который, составленный весь из рекрут и не доходя еще до своего назначения, в одной сшибке с неприятелем разбил его наголову и взял 200 нижних чинов в плен; также и Сумской ударил один на два эскадрона и обратил их в бегство, имея в виду сильное неприятельское подкрепление. Теперь, обзрев быстрое и успешное формирование, займемся другим не менее важным предметом.

Утихла буря на политическом горизонте; уже не отзываются громы ее, и мир, как благотворный луч солнца, озаряет гражданскую деятельность; истинный патриот, не помышлявший о своем стяжании тогда, когда отечество, удрученное бедствиями, взывало к нему, ныне в мирном досуге рассчитывает убытки, претерпенные государством. Убытки сии неизбежны в военное время. Но скажем, к успокоению людей, пекущихся о народном благосостоянии, что кавалерийские резервы, относительно к огромности сего учреждения, весьма мало стоили казне не по одному только бескорыстию командующего сею частию (я не хочу верить, чтобы какой-нибудь российский чиновник помыслил о личных своих выгодах, особенно в то время, как дымилась еще кровь его собратий на отеческих полях); нет! не мудрено [52 – В первопечатном тексте явная опечатка: «Но мудрено».] было бы ему, единственно занятому важным поручением, и простительно даже не иметь внимания к экономическим расчетам, по-видимому несовместным с пылким духом ревностного военачальника. Отдадим справедливость генералу Кологривову, что он во всякое время умел сливать воинскую деятельность с соблюдением государственной экономики, и покажем это на опыте.

В Муроме делались заготовления провианта и фуража на 12 000 человек и 90 812 лошадей. Генерал Кологривов, по прибытии своем туда, прекратил сие, соображаясь, что таковое число людей и лошадей не могло прийти в одно время и содержаться в одном месте.

Последствия оправдали принятые им меры, ибо резервы переменили квартиры, а бесполезные заготовления продались бы с публичного торгу гораздо дешевле, чем стоили казне; таким образом, сбережено более полумиллиона казенной суммы.

Военным министерством назначено было употребить вольных ремесленников для скорейшего обмундирования нижних чинов и для делания конского прибора. Сие оказалось ненужным: хозяйственными распоряжениями, употреблением своих мастеров и приучением наиболее к ремеслу рекрут все сделано равно поспешно, а казенные издержки уменьшены более чем на 200 000 рублей.

С самого начала формирования приводились лошади не только в изнурении, но и в болезнях; должно было продавать их с публичного торгу. Но генерал Кологривов, почитая всегда священной обязанностью пеших о сохранении государственной пользы, завел на свой счет конский лазарет, в коем лошади по большей части вылечиваются и обращаются на службу. Основание и содержание сего заведения не

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
стоит казне ничего, кроме корма лошадям.

Скажу еще одно слово о продовольствии войска, об этой необозримой части государственных расходов. Везде, где только стояла резервная кавалерия, не только не допускали возвышаться справочным ценам, но и значительно понижали их, даже в местах, где после неприятеля сами жители во всем нуждались. Польза, приистекавшая от того для казны, можно сказать, неисчислима, ибо только во время пребывания кавалерийских резервов в Брестском и соседственных поветах уменьшение казенных издержек простирается до нескольких миллионов.

Впрочем, нельзя упомнить всех случаев, в коих генерал Кологривов отвращал по возможности ущерб, который могла претерпеть казна. Конечно, должно бы более сказать о ревности его к службе, об известной опытности, о невероятных его стараниях и о чудесной деятельности; но он, сколько я знаю, не любит небрежные, хотя правдивые хвалы; касательно ж до читателей, верно, всякий благоразумный человек, который приложил внимание к сей статье, со мною вместе скажет: хвала чиновнику, точному исполнителю своих должностей, радеющему о благе общем, заслуживающему признательность соотечественников и милость государя! хвала мудрому государю, умеющему избирать и ценить достойных чиновников!

<1814>

О разборе вольного перевода Бюргеровой баллады «Ленора»: #с006003

Iniquitas partis adversae justum bellum ingerit[53 - несправедливость противной стороны вызывает справедливую войну (лат.).].

Я читал в «Сыне отечества» балладу «Ольга» и на нее критику, на которую сделал свои замечания.

Г-ну рецензенту не понравилась «Ольга»: это еще не беда, но он находит в ней беспрестанные ошибки против грамматики и логики, – это очень важно, если только справедливо; сомневаюсь, подлинно ли оно так, дерзость меня увлекает еще далее: посмотрю, каков логик и грамотей сам сочинитель рецензии!

Г. Жуковский, говорит он, пишет баллады, другие тоже; следовательно, эти другие или подражатели его, или завистники. Вот образчик логики г. рецензента. Может быть, иные не одобряют оскорбительной личности его заключения; но в литературном быту то ли делается? – Г. рецензент читает новое стихотворение; оно не так написано, как бы ему хотелось; за то он бранит автора, как ему хочется, называет его завистником и это печатает в журнале и не подписывает своего имени. – Все это очень обыкновенно и уже никого не удивляет.

Грамматика у г. рецензента своя, новая и сродни его логике; она, например, никак не допускает, чтоб

Рать под звон колоколов
Шла почить от всех трудов.

Вступать в город под звон колоколов, плясать под музыку. – Так говорится и пишется и утверждено постоянным употреблением, но г. рецензенту это не нравится: стало быть, грамматически неправильно.

Между тем уважим прихоти рецензента, рассмотрим по порядку все, что ему не нравится.

Во-первых, он не жалуется баллад и повторяет сказанное в одной комедии, что «одни только красоты поэзии могли до сих пор извинить: #с006003_1 в сем роде сочинений странный выбор предметов». Странный выбор предметов, т. е. чудесное, которым наполнены баллады, – признаюсь в моем невежестве: я не знал до сих пор, что чудесное в поэзии требует извинения.

В «Ольге» г. рецензенту не нравится, между прочим, выражение рано поутру; он его ссылает в прозу: для стихов есть слова гораздо кудрявее[54 – Он вообще непримиримый враг простоты; не знаю, как ускользнули от его критики дышащие

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
пиитической простотой стихи: Божий промысел кляла, Руки белые ломала, Черны волосы
рвала. И стемнело небо ясно, Закатилось солнце красно, Все к покою улеглись, Звезды
яркие зажглись. (Примеч. А. С. Грибоедова.)].

Также ему не по сердцу восклицание ах!, когда оно вырывается от души в стихах:

Изменил ли друг любезный!
Умер ли, ах! я умру.

В строфе, в которой так живо описано возвращение воинов-победителей в отеческую
страну:

На сраженье пали шведы,
Турк без брани побежден,
И, желанный плод победы,
Мир России возвращен,
И на родину с венками,
С песнями, с бубнами, с трубами
Рать под звон колоколов
Шла почить от всех трудов.

Слово турк, которое часто встречается и в образцовых одах Ломоносова, и в
простонародных песнях, несносно для верного слуха г. рецензента, также и
сокращенное: с песнями. Этому горю можно бы помочь, стоит только растянуть
слова; но тогда должно будет растянуть и целое; тогда исчезнет краткость, чрез
которую описание делается живее; и вот что нужно г. рецензенту: его длинная
рецензия доказывает, что он не из краткости бьется.

Далее он изволит забавляться над выражением: слушай, дочь – «подумаешь, –
замечает он, – что мать хочет бить дочь». Я так полагаю, и, верно, не один, что
мать просто хочет говорить с дочерью.

Еще не нравятся г. рецензенту стихи:

...В Украине дальной
Если клятв не чтя своих,
Обошел налой: #с006003_2 венчальной
Уж с другою твой жених.

Он находит, что проза его гораздо лучше:

Может быть, неверный
В чужой земле Венгерской
Отрекся от своей веры
Для нового брака.

Так переводит он из Бюргера; не видно между тем, почему это хорошо, а русские
стихи дурны. Притом г. рецензенту никак не хочется, чтобы налой, при котором
венчаются, назывался наложником. Но он час от часу прихотливее: в ином
месте эпитет слезный ему кажется слишком сухим, в другом тон мертвеца слишком
грубым. В этом, однако, и я с ним согласен; поэт не прав; в наш слезливый век и
мертвецы должны говорить языком романическим. Nous avons tout changé; #с006003_3,
nous faisons maintenant la médecine d'une méthode toute
nouvelle[55 – Мы все изменили, мы лечим теперь по совершенно новому методу
(фр.).]. Вот как в балладе любовник-мертвец говорит с Ольгой:

«Мы лишь ночью скачем в поле;
Я с Украины за тобой:
Поздно выехал оттоле,
Чтобы взять тебя с собой».
«Ах, войди, мой ненаглядный!
В поле свищет ветер хладный;
Здесь в объятиях моих
Обогрейся, мой жених!»

* * *

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru

«Пусть он свищет пусть колышет,
Что до ветру мне? Пора!
Ворон конь мой к бегу пышет,
Мне нельзя здесь ждать утра.
Встань, ступай, садись за мною,
Ворон конь домчит стрелою,
Нам сто верст еще: пора
В путь до брачного одра».

* * *

«Где живешь? скажи нелестно:
Что твой дом? велик? высок?»
«Дом землянка». – «Как в ней?» – «Тесно».
«А кровать нам?» – «Шесть досок».
«В ней уляжется ль невеста?»
«Нам двоим довольно места».

Стих: «В ней уляжется ль невеста?» заставил рецензента стыдливо потупить взоры; в ночном мраке, когда робость любви обыкновенно исчезает, Ольга не должна делать такого вопроса любовнику, с которым готовится разделить брачное ложе? – Что же ей? предаться тощим мечтаниям любви идеальной? – Бог с ними, с мечтаниями; ныне в какую книжку ни заглянешь, что ни прочтешь, песнь или послание, везде мечтания, а природы ни на волос.

Ольга встала, вышла, села
На коня за женихом,
Обвила ему вокруг тела
Руки белые кольцом.
Мчатся всадник и девица
Как стрела, как пращ: #с006003_4, как птица,
Конь бежит, земля дрожит,
Искры бьют из-под копыт.

Эта прекрасная строфа, сверх чаяния, понравилась и г. рецензенту; он только замечает, что поэт дал слову пращ значение ему несвойственное; – наконец, исписав 17 страниц, г. рецензент дописался до замечания справедливого. Скажу только, что слово пращ в таком смысле, как оно принято в «Ольге», находится также в одном месте у г. Жуковского:

От стука палиц, свиста пращей
Далече слышен гул дрожащий.

Стихотворения Жуковского, т. 1, стр. 107.

Потом г. рецензент от нечего делать предлагает несколько вопросов для решения, – от нечего делать, говорю я: потому что он мог легко бы сам себе на них отвечать, например, в стихах:

Наскакал в стремленье яром
Конь на каменный забор.
С двери вдруг, хлыста ударом,
Спали петли и запор.

Он спрашивает: что такое наскакал на забор? Всякий грамотный и неграмотный русский человек знает, что наскакал на забор значит: примчался во всю прыть к забору. – «С какой двери (продолжает он) спали петли» и пр. – С той же, на которую в переводе у г. рецензента: седок поскакал, опустив узду. Далее в стихах:

На дыбы конь ворон взвился,
Диким голосом заржал,
Стукнул в землю – провалился
И навеки с глаз пропал.

Рецензент спрашивает: с чьих глаз? – Такие вопросы заставляют сомневаться, точно ли русский человек их делает. Он свою рецензию прислал из Тентелевой деревни: #с006003_5 Санкт-Петербургской губернии; нет ли там колонистов? не колонист ли

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
он сам? – В таком случае, прошу сто раз извинения. – Для переселенца из Немечины он еще очень много знает наш язык. Но к концу рецензент делается чрезвычайно весел. Ему не нравится, что

Ольга в страхе, без ума,
Неподвижна и нема,

и он хочет ее уронить. – Да, да! – ведь у Бюргера, – говорит он, – могла же она упасть и лежать. Надобно ее непременно уронить. Куда девалась ваша стыдливость, г. рецензент. Но за этим следует замечание, которое похоже на дело. В балладе адские духи припевают погибшей Ольге:

С богом в суд нейди крамольно,
Скорбь терпи, хоть сердцу больно,
Казнена ты во плоти.
Грешну душу бог прости.

Точно, не шло бы адским духам просить бога о помиловании грешной души, хотя это и у Бюргера так, однако три первые стиха, по-моему, более походят на злые укоризны, на иронию, чем на проповедь, вопреки г. рецензенту; но, видно, участь моя ни в чем с ним не соглашаться. Его суждения мне не кажутся довольно основательными, а у меня есть маленький предрассудок, над которым он, верно, будет смеяться: например, я думаю, что тот, кто взял на себя труд сверять русский перевод с немецким подлинником, должен, между прочим, хорошо знать и тот и другой язык. Конечно, г. рецензент признает это излишним, ибо кто же сведущий в русском языке переведет с немецкого:

Rasch auf ein eisern Gitterthor
Gings mit verhängtem Züge1,

т. е. «пустился во весь опор на железные решетчатые ворота».

Кто переведет это таким образом, как г. рецензент: «быстро на железную решетчатую дверь поскакал (седок), опустив узду». Так точно французское: ventre à terre[56 – во весь опор (фр.)] можно перевести брюхом по земле.

У Бюргера Ленора говорит:

Verloren ist verloren[57 – Утрачено – значит утрачено (нем.)].

А Ольга в русской балладе:

Нет надежды, нет как нет!

Рецензент кричит: Нет! не то! не то! не то! Надлежало сказать: то, то, именно то, не может быть проще и вернее, не может быть иначе. Но если верить г. рецензенту, он сам по себе не вооружился бы против Ольги, взыскательные неотвязчивые читатели его окружают. Они заставили его написать длинную критику. Жалею я его читателей; но не клевет ли он на них? – В противном случае, зачем было говорить с ними так темно: «Что касается до меня, то я, право, ничего бы не нашел сказать против этих стихов, кроме того, что, так сказать, нейдут в душу». Такой нескладный ответ, натурально, никого не удовлетворит: с неугомонными читателями надобно было поступить проще; надобно было сказать им однажды навсегда: «Государи мои! не будем толковать о поэзии! она для нас мудреная грамота, а примитесь за газеты». Читатели бы отстали, а полезная и оскорбительная критика в журнале не наполнила бы 22-х страниц.

Но нет! г. рецензент не мог отговориться: судить криво, бранить – какое невинное удовольствие! Как отказать себе в этом? притом же писать для того, чтобы находить одно дурное в каком-либо творении, – подвиг немного трудный: стоит только запастись бумагой, присесть и писать до тех пор, доколе не наскучит; надоело: кончить, и выйдет рецензия вроде той, которая сделана на «Ольгу». – Может быть, иные мне не вдруг поверят; для таких опыт – лучшее доказательство.

Переносюсь в Тентелеву деревню и на минуту принимаю на себя вид рецензента, на минуту, и то, конечно, за свои грехи. Около меня лежат разные сочинения в стихах и в прозе, ко мне, будто невзначай, попалась в руки «Людмила». Читаю и на первом стихе второго куплета останавливаюсь:

Пыль туманит отдаленье.

Можно сказать: пыль туманит даль, отдаленность, но и то слишком фигурно, а отдаление просто значит, что предмет удаляется; если принять, что пыль туманит отдаленье, можно будет сказать, что она туманит удаление и приближение. Но засим следует:

Светит ратных ополченье.

Теперь я догадываюсь: отдаленье поставлено для рифмы. О, рифма! [58 – Читатели не должны быть в заблуждении насчет сих резких замечаний: они сделаны только в подражание рецензенту «Ольги». (Примеч. А. С. Грибоедова.)] Далее:

Где ж, Людмила, твой герой?

Слишком напыщенно.

Где твоя, Людмила, радость?
Ах! прости, надежда-сладость.

Надежда-сладость – Опять-таки для рифмы! Одно существительное сливают с другим для того, чтоб придать ему понятие, которое не заключается в нем необходимо. Например, девица-краса, любовник-воин, но надежда – всегда сладость. – Далее мать говорит дочери:

Мертвых стон не воскресит.

А дочь отвечает:

Не призвать минувших дней;
Что прошло – невозвратимо.
Возвращу ль невозвратимых?

Мне кажется, что они говорят одно и то же, а намерение поэта – заставить одну говорить дело, а другую то, что ей внушает отчаяние. Вообще, как хорошенько разобрать слова Людмилы, они почти все дышат кротостью и смирением, за что ж бы, кажется, ее так жестоко наказывать? Должно думать, что за безрассудные слова, ибо под концом усопших хор ей завывает:

Смертных ропот безрассуден,
Час твой бил – и пр.

Но где же этот ужасный ропот, который навлек на нее гнев всевышнего? Самая богобоязненная девушка скажет то же, когда узнает о смерти своего любезного. Царь небесный нас забыл – вот самое сильное, что у ней вырывается в горести, но при первом призраке счастья, когда она мертвеца принимает за своего жениха, ее первое движение благодарить за то бога, и вот ее слова:

Знать трону#769;лся царь небесный
Бедной девицы тоской!

Неужели это так у Бюргера? Раскрываю «Ленору». Вот как она говорит с матерью:

O Mutter! Mutter! was mich brennt,
Das lindert mir kein Sakrament.
Kein Sakrament mag Leben
Den Todten wieder geben [59 – Никакая святыня не может
утолить, Никакая святыня не может жизнь вернуть мертвецу (нем.)].]

Извините, г-н Бюргер, вы не виноваты! Но возвратимся к нашей Людмиле. Она довольно погоревала, довольно поплакала, наступает вечер.

И зеркало зыбких вод,
И небес далекий свод

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
В светлый сумрак облеченны.

Облеченны вместо облечены нельзя сказать; это маленькая ошибка против грамматики. О, грамматика, и ты тиранка поэтов! Но чу! бьет полночь! К Людмиле крадется мертвец на цыпочках, конечно, чтоб никого не испугать.

Тихо брякнуло кольцо,
Тихим шепотом сказали:
Все в ней жилки задрожали,
То знакомый голос был,
То ей милый говорил:
«Спит иль нет моя Людмила,
Помнит друга иль забыла?» и так далее.

Этот мертвец слишком мил; живому человеку нельзя быть любезнее.

После он спохватился и перестал говорить человеческим языком, но все-таки говорит много лишнего, особенно, когда подумаешь, что ему дан краткий, краткий срок и миг страшен замедленья.

Мы коней своих седлаем,
Темны кельи покидаем.

Такие стихи

Хотя и не варяго-росски: #с006003_6,
Но истинно немного плоски.

И не прощаются в хорошем стихотворении.

Поздно я пустился в путь,
Ты моя – моею будь!

К чему приплетен последний стих?

Способ, который употребляет мертвец, чтоб уговорить Людмилу за собою следовать, очень оригинален:

чу! совы пустынной крики!
· · · · ·
Едем, едем

Кажется, что крик сов вовсе не заманчив и он должен бы удержать Людмилу от ночной поездки. И это чу! слишком часто повторяется:

чу! совы пустынной крики!
· · · · ·
чу! полночный час звучит.
· · · · ·
чу! в лесу потрясся лист!
чу! в глуши раздался свист!

Такие восклицания надобно употреблять гораздо бережнее; иначе они теряют всю силу. Но в «Людмиле» есть слова, которые преимущественно перед другими повторяются. Мертвец говорит:

Слышишь! пенье, брачны лики!
Слышишь! борзый конь заржал,
· · · · ·
Слышишь! конь грызет бразды!

А Людмила отвечает:

Слышишь? колокол гудит!

Наконец, когда они всего уже наслушались, мнимый жених Людмилы признается ей, что дом его гроб и путь к нему далек. Я бы, например, после этого ни минуты с ним не остался; но не все видят вещи одинаково. Людмила обхватила мертвеца

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
нежною рукой и помчалась с ним:

Скоком, лѣтом по долинам. –

Дорогой спутник ее ворчит сквозь зубы, что он мертвый и что:

Путь их к келье гробовой.

Эта несообразность замечена уже рецензентом «Ольги». Но что ж? Людмила, верно, вскрикнула, обмерла со страху? Она спокойно отвечает:

Что до мертвых? что до гроба?
Мертвых дом – земли утроба.

Впрочем, дорогой Людмиле довольно весело: ей встречаются приятные тени, которые

Легким, светлым хороводом
В цепь воздушную свились.

И вокруг ее:

Поют воздушны лики,
Будто в листьях повилики
Вьется легкий ветерок,
Будто плещет ручеек.

Потом мертвец опять сбивается на тон аркадского пастушка и говорит своему коню:

Чую ранний ветерок.

Но пусть Людмила мчится на погибель; не будем далее за нею следовать.

* * *

Чтоб не нагнать скуки на себя, ни на читателя, сбрасываю с себя маску привязчивого рецензента и в заключение скажу два слова о критике вообще. Если разбирать творение для того, чтобы определить, хорошо ли оно, посредственно или дурно, надобно прежде всего искать в нем красот. Если их нет – не стоит того, чтобы писать критику; если ж есть, то рассмотреть, какого они рода? много ли их или мало? Соображаясь с этим только, можно определить достоинство творения. Вот чего рецензент «Ольги» не знает или знать не хочет.

<Июль 1816>

Письмо к издателю «Сына Отечества» из Тифлиса: #с006004

От 21 января <1819 г.>

Вот уже полгода, как я расстался с Петербургом: #с006004_1; в несколько дней от севера перенесся к полуденным краям, прилежащим к Кавказу (не мысленно, а по почте: одно другого побеспокойнее!); вдоль по гремучему Тереку вступил в скопище громад, на которые, по словам Ломоносова: #с006004_2, Россия локтем возлегла, но теперь его подвинула уже гораздо далее. Округ меня неплодные скалы, над головою царь-птица и ястреба, потомки Прометеева терзателя: #с006004_3; впереди светлелись снежные верхи гор, куда я вскоре потом взобрался и нашел сугробы, стужу, все признаки глубокой зимы; но на расстоянии нескольких верст суровость ее миновалась: крутой спуск с Кашаура ведет прямо к весенним берегам Арагвы; оттуда один шаг до Тифлиса, и я уже четвертый месяц как засел в нем, и никто из моих коротких знакомых обо мне не хватится, всеми забыт, ни от кого ни строчки! Стало быть, стоит только заехать за три тысячи верст, чтобы быть как мертвым для прежних друзей! Я не плачу им таким же равнодушием, тем, которых любил, бывши с ними в одном городе; люблю и теперь вспоминать проведенное с ними приятное время, всегда об них думаю, навещаюсь у приезжих обо всем, что происходит под вашим 60 градусом северной широты; все, что оттуда здесь узнать можно, самые

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
незначачие мелочи сильно действуют на меня, и даже газетные ваши вести я читаю с жадностью.

Теперь представьте мое удивление: между тем как я воображал себя на краю света, в уголке, пренебреженном просвещенными жителями столицы, на днях, перебиравши листки «Русского инвалида» в № 284 прошедшего декабря, между важными известиями: #с006004_4 об американском жарком воскресенье, о бесконечном процессе Фуальдеса, о докторе Верлинге, Бонапартовом лейб-медике, вдруг попадаю на статью о Грузии: стало быть, эта сторона не совсем еще забыта, думал я; иногда и ею занимаются, а следовательно, и теми, которые в ней живут... И было порадовался, но что ж прочел? Пишут из Константинополя от 26 октября, будто бы в Грузии произошло возмущение, коего главным виновником почитают одного богатого татарского князя. Это меня и опечалило, и рассмешило.

Скажите, не печально ли видеть, как у нас о том, что полагают происшедшим в народе нам подвластном, и о происшествии столько значащем, не затрудняются заимствовать известия из иностранных ведомостей и не обинуясь выдают их по крайней мере за правдоподобные, потому что ни в малейшей отметке не изъявляют сомнения, а можно б было, кажется, усомниться, тем более что этот слух вздорный, не имеет никакого основания: вероятно, что об истинном бунте узнали бы в Петербурге официально, не чрез Константинополь. Возмущение народа не то что возмущение в театре против дирекции, когда она дает дурной спектакль: оно отзывается во всех концах империи, сколько, впрочем, ни обширна наша Россия. И какие есть татарские князья в Грузии? Их нет, во-первых, да если бы и были: здесь что татарский князь, что немецкий граф – одно и то же: ни тот, ни другой не имеют никакого голоса. Я, как очевидец и пребывая в Тифлисе уж с некоторого времени, могу вас смело уверить, что здесь не только давно уже не было и нет ничего похожего на бунт, но при твердых и мудрых мерах, принятых ныне правительством, все так спокойно и смирно, как бы в земле издавна уже подчиненной гражданскому благоустройству. Вместо прежнего самоуправства ныне каждый по своей тягбе идет покорно в дом суда и расправы, и русские гражданские чиновники, оберегатели частных прав, каждого удовлетворяют сообразно с правосудием. На крытых улицах базара промышленность скопляет множество людей, одних для продажи, других для покупок; иные брадатые политики, окутанные бурками, в меховых шапках, под вечер сообщают друг другу рабавии (новости) о том, например, как недавно здешние войска в горах туда проложили себе путь, куда, конечно, из наших никто прежде не заходил. На плоских здешних кровлях красавицы выставляют перед прохожими свои нарумяненные лица, которые без того были бы гораздо красивее, и лениво греются на солнышке, нисколько не подозревая, что отцы их и мужья бунтуют в «Инвалиде». В караван-сарай привозятся предметы трудолюбия, плоды роскоши, получаемые через Черное море, с которым ныне новое ближайшее открыто сообщение сквозь Имеретию. В окрестностях города виртембергские переселенцы: #с006004_5 бестревожно обстраиваются; зажиточные исчисляют, сколько веков, годов и месяцев составят время, времена и полвремени, проповедуют Штиллингов золотой Иерусалим с жемчужными воротами, недостаточные работают; дети их каждое утро являются на улицах и в домах с духовными виршами механика К***, которых никто не слушает, и с коврижками, которые все раскупают, и щедро платят себе за лакомство, им на пропитание. Вечером в порядочных домах танцуют, на саках (террасах) звучат бубны и завывают песни, очень приятные для поющих. Между тем город приметно украшается новыми зданиями. Все это, согласитесь, не могло бы так быть в смутное время, когда богатым татарским князьям пришло бы в голову возмущать всеобщее спокойствие.

Не думаю, чтобы повод к распространению таких слухов подала прошлогодняя экспедиция командующего Грузинским отдельным корпусом генерала от инфантерии Ермолова. Вот что было: заложена крепость на Сунже с намерением пресечь шатания чеченцев, которые часто слезают с лесистых вершин своих, чтобы хищничать в низменной Кабарде. Крепостные работы окончены успешно и беспрепятственно. Имея притом в виду во всех направлениях расчистить пути среди гор, в которых многие места по сие время для нас были непроходимым блуждалищем, и разрыть во множестве сокровенные в них богатства природы, дано им было предписание генерал-майору Пестелю занять Башлы в Дагестане. Акушинцы и другие народы, не уразумев истинных его намерений, испуганные, обсели соседственные высоты; когда туда же приступил от крепости Грозной сам генерал Ермолов, они мгновенно рассеялись; возбудителям этого скопления дарована пощада, и, одним словом, никогда в тамошних странах державная власть нашего государя не опиралась столь надежно на покорстве народов, как ныне. Еще нужны труды и подвиги, подобные тем, которые подъяты здешним главноначальствующим с тех пор, как он вступил в управление земель и

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
народов, ему вверенных, – и необузданность горцев останется только в рассказах о прошедшем. Впрочем, если и принять в уважение, что экспедиция, о которой я сейчас упомянул, причину толков о мнимом грузинском бунте, на что же нам даны ландкарты, коли в них никогда не заглядывать? Они ясно показывают, что события с Кавказской линии также не годится переносить в Грузию, как в Литву то, что случается в Финляндии.

Я бы, впрочем, не взял на себя неблагоприятного труда исправлять газетные ошибки, если бы обстоятельство, о котором дело идет, не было чрезвычайно важно для меня собственно по месту, которое мне повелено занимать при одном азиатском дворе. Российская империя обхватила пространство земли в трех частях света. Что не сделает никакого впечатления на германских ее соседей, легко может взволновать сопредельную с нею восточную державу. Англичанин в Персии прочтет ту же новость, уже выписанную из русских официальных ведомостей, и очень невинно расскажет ее кому угодно в Тавризе или Тейране. Всякому предоставляю обсудить последствия, которые это за собою повлечь может.

А где настоящий источник таких вымыслов? Кто первый их выпускает в свет? Какой-нибудь армянин, недовольный своим торгом в Грузии, приезжает в Царьград и с пасмурным лицом говорит товарищу, что там плохо дела идут. Приятельское известие передается другому, который частный ропот толкует общим целому народу. Третьему не трудно мечтательный ропот превратить в возмущение! Такая догадка скоро приобретает газетную достоверность и доходит до «Гамбургского Корреспондента», от которого ничто не укроется, а у нас привыкли его от доски до доски переводить, так как же не выписать оттуда статью из Константинополя?

Потрудитесь заметить почтенному редактору «Инвалида», что не всяким турецким слухам надлежит верить, что если здешний край в отношении к вам, господам петербуржцам, по справедливости может назваться краем забвения, то позволительно только что забыть его, а выдумывать или повторять о нем нелепости не должно.

Заметка по поводу комедии «Горе от ума»: #с006005

Первое начертание этой сценической поэмы, как оно родилось во мне, было гораздо великолепнее и высшего значения, чем теперь в суетном наряде, в который я принужден был облечь его. Ребяческое удовольствие слышать стихи мои в театре, желание им успеха заставили меня портить мое создание, сколько можно было. Такова судьба всякому, кто пишет для сцены: Расин и Шекспир подвергались той же участи, – так мне ли роптать? – В превосходном стихотворении многое должно угадывать; не вполне выраженные мысли или чувства тем более действуют на душу читателя, что в ней, в сокровенной глубине ее, скрываются те струны, которых автор едва коснулся, нередко одним намеком, – но его поняли, все уже внятно, и ясно, и сильно. Для того с обеих сторон требуется: с одной – дар, искусство; с другой – восприимчивость, внимание. Но как же требовать его от толпы народа, более занятого собственной личностью, нежели автором и его произведением? Притом сколько привычек и условий, нисколько не связанных с эстетической частью творения, – однако надобно с ними сообразоваться. Суетное желание рукоплескать, не всегда кстати, декламатору, а не стихотворцу; удары смычка после каждых трех-четырёх сот стихов; необходимость побегать по коридорам, душу отвести в поучительных разговорах о дожде и снеге, – и все движутся, входят и выходят, и встают и садятся. Все таковы, и я сам таков, и вот что называется публикой! Есть род познания (которым многие кичатся) – искусство угождать ей, то есть делать глупости.

<1824–1825>

Характер моего дяди: #с006006

Вот характер, который почти исчез в наше время, но двадцать лет тому назад был господствующим, характер моего дяди. Исторiku предоставляю объяснить, отчего в тогдашнем поколении развита была повсюду какая-то смесь пороков и любезности; извне рыцарство в нравах, а в сердцах отсутствие всякого чувства. Тогда уже многие дуэлировались, но всякий пылал непреодолимою страстью обманывать женщин в любви, мужчин в карты или иначе; по службе начальник уловлял подчиненного в

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
разные подлости обещаниями, которых не мог исполнить, покровительством, не основанным ни на какой истине; но зато как и платили их светлостям мелкие чиновники, верные рабы-спутники до первого затмения! Объяснимся круглее: у всякого была в душе бесчестность и лживость на языке. Кажется, нынче этого нет, а может быть, и есть; но дядя мой принадлежит к той эпохе. Он как лев дрался с турками при Суворове, потом пресмыкался в передних всех случайных людей в Петербурге, в отставке жил сплетнями. Образец его нравоучений: «я, брат!..»

Частные случаи петербургского наводнения: #с006007

Я проснулся за час перед полднем; говорят, что вода чрезвычайно велика, давно уже три раза выпалили с крепости: #с006007_1, затопила всю нашу Коломну: #с006007_2. Подхожу к окошку и вижу быстрый проток; волны пришибают к возвышенным тротуарам; скоро их захлестнуло; еще несколько минут – и черные пристенные столбики исчезли в грозной новорожденной реке. Она посекундно прибывала. Я закричал, чтобы выносили что понужнее в верхние жилья (это было на Торговой: #с006007_3, в доме в. в. Погодина). Люди, несмотря на очевидную опасность, полагали, что до нас нескоро дойдет; бегаю, распоряжаюсь – и вот уже из-под полу выступают ручьи, в одно мгновение все мои комнаты потоплены; вынесли, что могли, в приспешную: #с006007_4, которая на полтора аршина выше остальных покоев; еще полчаса – и тут воды со всех сторон нахлынули, люди с частью вещей перебрались на чердак; сам я нашел убежище во 2-м ярусе, у Н. П. – Его спокойствие меня не обмануло: отцу семейства не хотелось показать домашним, чего надлежало страшиться от свирепой, беспощадной стихии. В окна вид ужасный: где за час пролегла оживленная, проезжая улица, катились ярые волны с ревом и с пеною, вихри не умолкали. К театральной площади, от конца Торговой и со взморья, горизонт приметно понижается; оттуда бугры и холмы один на другом ложились в виде неудержимого водоската.

Свирепые ветры дули прямо по протяжению улицы, порывом коих скоро воздымается бурная река. Она мгновенно мелким дождем прыщет в воздухе, и выше растет, и быстрее мчится. Между тем в людях мертвое молчание; конопать и двойные рамы не допускают слышать дальних отголосков, а вблизи ни одного звука ежедневного человеческого; ни одна лодка не появилась, чтобы воскресить упавшую надежду. Первая – гобвахта: #с006007_5 какая-то, сорванная с места, пронеслась к Кашину мосту, который тоже был сломлен и опрокинут; лошадь с дрожками долго боролась со смертью, наконец уступила напору и увлечена была из виду вон; потом поплыли беспрерывно связи, отломки от строений, дрова, бревна и доски – от судов ли разбитых, от домов ли разрушенных, различить было невозможно. Вид стеснен был противустоящими домами; я через смежную квартиру П. побежал и взобрался под самую кровлю, раскрыл все слуховые окна. Ветер сильнейший, и в панораме – пространное зрелище бедствий. С правой стороны (стоя задом к Торговой) поперечный рукав наместо улицы между Офицерской: #с006007_6 и Торговой; далее часть площади в виде широкого залива, прямо и слева Офицерская и Английский проспект: #с006007_7 и множество перекрестков, где водоворот сносил громады мостовых развалин; они плотно спиральсь, их с тротуаров вскоре отбивало; в самой отдаленности хаос, океан, смутное смешение хлябей, которые отвсюду обтекали видимую часть города, а в соседних дворах примечал я, как вода приступала к дровяным запасам, разбирала по частям, по кускам и их, и бочки, ушаты, повозки и уносила в общую пучину, где ветры не давали им запружать каналы: все изломанное в щепки несло, влеклось неудержимым, неотразимым стремлением. Гибнущих людей я не видал, но, сошедши несколько ступеней, узнал, что пятнадцать детей, цепляясь, перелезли по кровлям и еще не опрокинутым загородам, спаслись в людскую, к хозяину дома, в форточку, также одна <калека>: #с006007_8, которая на этот раз одарена была необыкновенною упругостью членов. Все это осиротело. Где отцы их, матери!!! Возвратясь в залу к Столыпину, я уже нашел, по сравнению с прежним наблюдением, что вода нижние этажи иныя совершенно залила, а в других поднялась до вторых косяков 3-х стекольных больших окончин, вообще до 4-х аршин уличной поверхности. Был третий час пополудни; погода не утихала, но иногда солнце освещало влажное пространство, потом снова повлекалось тучами. Между тем вода с четверть часа остановилась на той же высоте, вдаль появились два катера, наконец волны улеглись и потоп не далее простер смерть и опустошение: вода начала сбывать.

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru

Между тем (и это узнали мы после) сама Нева против дворца и адмиралтейства горами скопившихся вод сдвинула и расчленила огромные мосты: Исакиевский: #с006007_9, Троицкий: #с006007_10 и иные. Вихри буйно ими играли по широкому разливу, суда гибли, и с ними люди, иные истощавшие последние силы поверх зыбей, другие на деревьях бульвара висели над kloкочущей бездною. В эту роковую минуту государь явился на балконе. Из окружавших его один сбросил с себя мундир, сбежал вниз, по горло вошел в воду, потом на катере поплыл спасать несчастных. Это был генерал-адъютант Бенкендорф. Он многих избавил от потопления, но вскоре исчез из виду, и во весь этот день о нем не было вести. Граф Милорадович в начале наводнения пронесся к Екатерингофу, но его поутру не было, и колеса его кареты, как пароходные крылья, рыли бездну, и он едва мог добраться до дворца, откудова, взявши катер, спас нескольких.

Все, по сю сторону Фонтанки до Литейной и Владимирской, было наводнено. Невский проспект превращен был в бурный пролив; все запасы в подвалах погибли; из нижних магазинов выписные изделия быстро поплыли к Аничкову мосту; набережные различных каналов исчезали, и все каналы соединились в одно. Столетние деревья в Летнем саду лежали грядями, исторгнутые, вверх корнями. Ограда Ломбарда на Мещанской: #с006007_11 и другие, кирпичные и деревянные, подмытые в основании, обрушивались с треском и грохотом.

На другой день поутру я пошел осматривать следствия стихийного разрушения. Кашин и Поцелуев мосты были сдвинуты с места. Я поворотил вдоль Пряжки. Набережные, железные перилы и гранитные пиластры лежали лоском. Храповицкий – отторгнут от мостовых укреплений, неспособный к проезду. Я перешел через него, и возле дома графини: #с006007_12 Бобринской, среди улицы очутился мост с Галерного канала; на Большой Галерной: #с006007_13 раздутые трупы коров и лошадей. Я воротился опять к Храповицкому мосту и вдоль Пряжки и ее изрытой набережной дошел до другого моста, который накануне отправило вволю по Офицерской. Бертов мост тоже исчез. По плавающему лесу и по наваленным поленам, погружаясь в воду то одной ногою, то другою, добрался я до Матисовых тоней: #с006007_14. Вид открыт был на Васильевский остров. Тут, в окрестности, не существовало уже нескольких сот домов; один – и то безобразная грудa, в которой фундамент и крыша – все было перемешано; я подивился, как и это уцелело. – Это не здешние; отсюда строения бог ведает куда унесло, а это прибило сюда с Ивановской гавани: #с006007_15. – Между тем подошло несколько любопытных; иные, завлеченные сильным спиртовым запахом, начали разбирать кровельные доски; под ними скот домашний и люди мертвые и всякие вещи. Далее нельзя было идти по развалинам; я приговорил ялик и пустился в Неву; мы поплыли в Галерную гавань: #с006007_16; но сильный ветер прибил меня к Сальным буянам: #с006007_17, где, на возвышенном гранитном берегу, стояло двухмачтовое чухонское судно, необыкновенной силою так высоко взмощенное; кругом поврежденные огромные суда, издалека туда заброшенные. Я взобрался вверх; тут огромное кирпичное здание, вся его лицевая сторона была в нескольких местах проломлена как бы десятком стенобитных орудий; бочки с салом разметало повсюду; у ног моих черепки, луковица, капуста и толстая связанная кипа бумаг с надписью: «№ 16. февр. 20. Дела казенные».

Возвращаясь по Мясной, во втором доме от Екатерингофского проспекта: #с006007_18 заглянул я в нижние окна. Три покойника лежало уже, обвитые простиралами, на трех столах. Я вошел во внутренний двор, – ни души живой. Проникнул в тот покой, где были усопшие, раскрыл лица двоих; пожилая женщина и девочка с открытыми глазами, с оскаленными белыми зубами; ни малейшего признака насильственной смерти. До третьего тела я не мог добраться от ужаснейшей наносной грязи. Не знаю, трупы ли это утопленников или скончавшихся иною смертью. На Торговой, недалеко от моей квартиры, стоял пароход на суше.

Необыкновенные события придают духу сильную внешнюю деятельность; я не мог оставаться на месте и поехал на Английскую набережную: #с006007_19. Большая часть ее загромождена была частями развалившихся судов и их груза. На дрожках нельзя было пробраться; перешед с половину версты, я воротился; вид стольких различных предметов, беспорядочно разматанных, становился однообразным; повсюду странная смесь раздробленных <...>[60 – Не дописано.]

Я наскоро собрал некоторые черты, поразившие меня наиболее в картине гнева расшвирипевшей природы и гибели человеков. Тут не было места ни краскам

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
витийственности, от рассуждений я также воздерживался: дать им волю – значило бы поставить собственную личность на место великого события. Другие могут добавить несовершенство моего сказания тем, что сами знают; г-да Греч и Булгарин берутся его дополнить всем, что окажется истинно замечательным, при втором издании этой тетрадки, если первое скоро разоидется и меня здесь уже не будет.

Теперь прошло несколько времени со дня грозного происшествия. Река возвратилась в предписанные ей пределы; душевные силы не так скоро могут прийти в спокойное равновесие. Но бедствия народа уже получают возможное уврачевание; впечатления ужаса мало помалу ослабевают, и я на сем останавливаюсь. В общественных скорбях утешен мыслию, что посредством сих листков друзья мои в отдаленной Грузии узнают о моем сохранении в минувшей опасности, и где ныне нахожусь, и чему был очевидцем.

<ноябрь 1824>

Произведения, приписываемые Грибоедову: #с007

Ода на поединки

Доколе нам предрассуждёнью
Себя на жертву предавать
И лживому людей суждёнью
Доколе нами управлять?
Не мы ли жизнь, сей дар священный,
На подвиг гнусный и презренный
Спешим безумно посвятить
И, умствуя о чести ложно,
За слово к нам неосторожно
Готовы смертью отомстить?

Тобой ли, страсти нежной чувство,
О сладость чистых душ, любовь!
Могло быть создано искусство
Пролить любезных сердцу кровь?
Ах, нет! то не твое внушенье!
То ревности одной стремленье,
То гнусной гордости удел!
Они, отраву в нас вливая,
В свирепство нежность претворяя,
Нас мчат на тьму злодейских дел.

Там вижу: юноша, страдая,
В крови, лишенный жизни, пал!
Соперник, яростью пылая,
На смерть с веселием взирал.
Еще он, страстью покоренный,
Не внемлет истине священной
И злобы шествует стезей;
Рассудок им не управляет,
Ему он тщетно повторяет:
Страшися мщенья! ты злодей!
Когда, забыв вражду, очнешься
От сна, несчастный, твоего,
Узрев свой подвиг, ужаснешься,
Как мог исполнить ты его!
Наполнит сердце трепетанье,
И тайной совести страданья,
Как змеи, будут грудь терзать!
Мечтами будешь ты томиться,
И тень кровавая явится
Тебя в убийстве укорять.

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru

Стараться будешь ты напрасно
Ее из мысли истребить;
Она в душе твоей всечасно
И в мрачном сердце будет жить.
В ушах стенанья повторятся,
И будет кровь в очах мечтаться,
Проливая твоей рукой!
Быть может, скорбью изнуренный
И сына чрез тебя лишенный,
Отец предстанет пред тобой!

Се старец, сединой покрытый,
Едва не в гроб сведен тоской!
От грусти впадшие ланиты,
Черты, изрытые слезой!
Уста полмертвы растворяет,
Рукою сердце он сжимает,
Стремится гласу путь открыть;
Но стоны стон перерывая,
Сей глас во груди умерщвляя,
Претят страдальцу говорить.

И наконец, прервав молчанье,
Злодей! тебе он вопиет:
Хоть раз почувствуй состраданье!
Зри! старец горьки слезы льет.
Тобой подпоры всей лишенный,
Пришел, мученьем отягченный,
Молить тебя, чтоб жизнь прервал:
Умру! тебя благословляя.
Умолк и, руки простирая,
Без чувств к ногам твоим упал.
Вотще бежишь, да отвратится
Твой взор от жалкой жертвы сей!
Смотри – се мать к тебе стремится,
Души лишенная своей,
Предавшись сердца исступленью,
Не верит сына умерщвленью,
Везде бежит его искать! –
Узря тебя, не укоряет,
Но гласом слезным умоляет,
Чтоб ей, где сын ее, сказать.

Тут бросишь яростные взоры
На близ стоящих – на себя,
Почувствуешь в душе укоры,
Но поздны, поздны для тебя!
В мученья сердце погрузится,
И на челе изобразится
Тебя карающий позор;
Глас совести твоей открылся!
Но лют, не умолим явился:
Изрек ужасный приговор.

Лить кровь ты почитал отрадой,
Итак, страданьем дни исчисль!
Сцепленье лютых мук наградой
За ложную о чести мысль!
Итак, отчаянью предайся
И мыслью горестной терзайся,
Что вечны казни заслужил,
Чтоб мир, сей клятвой уstraшенный,
Твоим примером наученный,
В смиренье духа возгласил:

Приди, прямое просвещение,
Невежества рассеять тьму!
Сними с безумцев ослепленье

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru

И дай могущество уму,
Чтобы, тобой руководимый,
Под свой покров необоримый
Он мог все страсти покорить;
Заставь сей мысли ужасаться:
Что должен робким тот считаться,
Кто извергом не хочет быть!

<1809>

Восток

Из Заволжья, из родного края,
Гости, соколы залетны,
Покручали сумки переметны,
Долги гривы заплетая;
На конях ретивых посадились,
На отъезд перекрестились,
Выезжали на широкий путь.
Что замолкли? в тишине
Что волнует молодецку грудь?
Мысль о дальней стороне?
Ах, не там ли воздух чудотворный,
Тот Восток и те сады,
Где не тихнет ветерок проворный,
Бьют ключи живой воды;
Рай-весна цветет, не увядает,
Нега, роскошь, пир в лесах,
Солнышко горит, не догорает
На высоких небесах!
Терем злат, а в нем душа-девица,
Красота, княжая дочь;
Блещет взор, как яркая зарница,
Раздирает черну ночь;
Если ж кровь ее зажжется,
Если вспыхнет на лице, –
То забудь о матери, отце,
С кем душой она сольется.
Станом гибким, гибкими руками
Друга мила обвивает,
Крепко жмет, румяными устами
Жизнь до капли испивает!
Путники! от дочери княжой
Отбегите неоглядкой!
Молодые! к стороне чужой
Не влекитесь думой сладкой,
Не мечтайте чародейных снов!
Тех земель неправославных
Дивна прелесть и краса лугов,
Сладки капли роз медвяных,
Злак шелковый, жемчуги в зерне.
Что же видно в стороне?
Столб белеет на степи широкой,
Будто сторож одинокий,
Камень! Он без надписи стоит:
Темная под ним могила,
Сирий им зашельца прах покрыт.
И его любовь манила;
Чаял: «Тут весельем разольюсь,
Дни навеки удолжатся!»
Грешный позабыл святую Русь...
Дни темнеют, вновь зарятся;
Но ему лучом не позлатятся
Из-за утренних паров
Божьи церкви, град родимый, отчий кров!
Буйно пожил век, а ныне –

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
Мир ему! один лежит в пустыне,
И никто не искал,
Не нарезал имени, прозванья
На отломке диких скал;
Не творят молитвы, поминанья;
Персть забвенью предана;
У одра больного пожилая
Не корпела мать родная,
Не рыдала молода жена...

Важное приобретение

Германской музою пиита вдохновенный,
В залог бессмертия нетленный
От Славы имя получил:
Михайлом прежде был, а ныне Михаил.

<1825>

Душа

Жива ли я?
Мертва ли я?
И что за чудное виденье!
Надзвездный дом,
Зари кругом,
Рождало мир мое веленье!
И вот от сна
Привлечена
К земле ветшающей и тесной.
Где рой подруг,
Тьма резвых слуг?
О, хор воздушный и прелестный!
Нет, поживу
И наяву
Я лучшей жизнью, беспечной:
Туда хочу,
Туда лечу,
Где надышусь свободой вечной!

Загородная поездка

(Отрывок из письма южного жителя)

На высоты! на высоты! Подальше от шума, пыли, от душного однообразия наших площадей и улиц. Куда-нибудь, где воздух реже, откуда груды зданий в неясной дали слились бы в одну точку, весь бы город представил из себя центр отменно мелкой, ничтожной деятельности, кипящий муравейник. Ну куда же вознестись так высоко, так свободно из Петербурга? – в Парголово.

В полдень, 21-го июня, мы пустились по известной дороге из Выборгской заставы. Не роскошные окрестности! Природа с великим усилием в болоте насадила печальные ели; жители их выжигают. Дымный запах, бледное небо, скрипучий песок, все это не располагает странников к приятным впечатлениям. Подымаемся на пригорок и на другой (кажется, на шестой версте); лошадям тяжело, но душе легче, просторнее. Отсюда взор блуждает по бесконечной поверхности лесной чащи. Те же ели, но под скудную тенью их редких ветвей, в их тощей зелени, в бездушных иглах нет отрады, теперь же, с крутизны холма, пирамидальные верхи их сглажены, особенности исчезли; под нашими ногами засинел лес одной полосой, далеко протяженной, и вид неизмеримости сообщает душе гордые помышления. – В сообществе равных нам, высших нас так точно мы, ни ими, ни собою не довольные, возносимся иногда

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
парением ума над целым человечеством, и как величественна эта зыбь вековых истин и заблуждений, которая отовсюду простирается далеко за горизонт нашего зрения!

Другого рода мысли и чувства возбуждает, несколько верст далее, влево от большой дороги, простота деревенского храма. Одинок, и построен на разложистом мысе, которого подножие омывает тихое озеро; справа ряд хижин, но в них не поселяне. Нежная белизна красавиц и торопливость их услужников напоминают... не знаю именно, о чем; но здесь они менее озабочены чинами всякого рода.

Вот и край наших желаний. Все выше и выше, места картинные: мирные рощи, дубы, липы, красивые сосны, то по несколько вместе стоят среди спеющей нивы, то над прудом, то опоясывают собою ряд холмов; под их густою сению дорога завивается до самой вершины, – доехали.

Тут всякий спешит на дерновую площадку, на которую взбегают уступами, со стороны сада. Сквозь расчищенный просек виднеются вдали верхи башен петербургских. Так рассказывают, но мы ничего не видали. Наше зрелище ограничивалось тем живописным озером, мимо которого сюда ехали; далее все было подернуто сизыми парами; и вот одно ожидание рушилось, как идея поэта часто тускнеет при неудачном исполнении. В замену изящной отдаленности мы любовались тем, что было ближе. Под нами, на берегах тихих вод, в перелесках, в прямизнах аллей, мелькали группы девушек; мы пустились за ними, бродили час, два; вдруг послышались нам звучные плясовые напевы, голоса женские и мужские с того же возвышения, где мы прежде были. Родные песни! Куда занесены вы с священных берегов Днепра и Волги? – Приходим назад: то место было уже наполнено белокуроыми крестьяночками в лентах и бусах; другой хор из мальчиков; мне более всего понравились двух из них смелые черты и вольные движения. Прислонясь к дереву, я с голосистых певцов невольно свел глаза на самих слушателей–наблюдателей, тот поврежденный класс полуевропейцев, к которому и я принадлежу. Им казалось дико все, что слышали, что видели: их сердцам эти звуки невняты, эти наряды для них странны. Каким черным волшебством сделались мы чужие между своими! Финны и тунгусы скорее приемлются в наше собратство, становятся выше нас, делаются нам образцами, а народ единокровный, наш народ разрознен с нами, и навеки! Если бы каким-нибудь случаем сюда занесен был иностранец, который бы не знал русской истории за целое столетие, он, конечно бы, заключил из резкой противоположности нравов, что у нас господа и крестьяне происходят от двух различных племен, которые не успели еще перемешаться обычаями и нравами.

Песни не умолкали; затянули: «Вниз по матушке по Волге»; молодые певцы присели на дерн и дружно грянули в ладоши, подражая мерным ударам весел; двое на ногах оставались: Атаман и Есаул. Былые времена! как живо воскрешает вас в моей памяти эта народная игра: тот век необузданной вольности, в который несколько удальцов бросались в легкие струги, спускались вниз по протоку Ахтубе, по Бузан-реке, дерзали в открытое море, брали дань с прибрежных городов и селений, не щадили ни красоты девичьей, ни седины старческой, а, по словам Шардена, в роскошном фируз-Абате угрожали блестящему двору шаха Аббаса. Потом, обогатясь корыстями, несметным числом тканей узорчатых, серебра и золота и жемчуга окатного, возвращались домой, где ожидали их любовь и дружба; их встречали с шумною радостью и славил в песнях.

Время длилось. Северное летнее солнце, как всегда перед закатом, казалось неподвижно; мой товарищ предложил мне пуститься верхом, еще подальше, к другой цепи возвышений. Сели на лошадей, которые здесь сродни горным мулам, но из нашей поездки ничего не вышло, кроме благотворного утомления для здоровья. Дым от выжженных и курившихся корней носился по дороге. Солнце в этом мраке походило на ночное светило. Возвратились опять в Парголово; оттуда в город. Прежнюю дорожку, прежнее уныние. К тому же суровость климата! При спуске с одного пригорка мы разом погрузились в погребной, влажный воздух; сырость проникала нас до костей. И чем ближе к Петербургу, тем хуже: по сторонам предательская трава; если своротить туда, тинистые хляби вместо суши. На пути не было никакой встречи, кроме туземцев финнов: белые волосы, мертвые взгляды, сонные лица!

<Июнь 1826>

Путевые заметки: #с008

Моздок – Тифлис: #с008001

<13 октября 1818.>

1-й переход

Светлый день. Верхи снежных гор иногда просвечивают из-за туч; цвет их светло-облачный, перемешанный с лазурью. Быстрина Терека, переправа, караван ждет долго. Кусты. Убитый в виду главнокомандующего: #с008001_1. Караван, описание, странствующие 600 [человек]: ружейные армяне, пушки, пехота, конные рекогносцируют. Приближаемся к ландшафту: верхи в снегу, но еще не снежные горы, которые скрыты; слои, кустарники, вышины. Погода меняется, ветер, небо обложилось; вступаем в царство непогод. Взгляд назад – темно, смятение, обозы, барабанный бой для сбора, огни в редуте. Приезд в редут Кабардинский.

<14 октября.>

2-й переход

Свежее утро. Выступаем из редута. Он на нижнем склоне горы. Против ворот бивуаки, дым, греются. Поднимаемся в гору более и более, путь скользкий, грязный, излучистый, с крутизны на крутизну, час от часу теснее от густеющих кустов, которые наконец преобразуются в дубраву. Смешение времен года; тепло, и я открываюсь; затем стужа, на верхних, замерзших листьях иней, смешение зелени. Пускаю лошадь наудачу в сторону; приятное одиночество; лошадь ушла, возвращается к верховым. Едем гусем, все круче, зов товарища, скачу, прискакиваю, картина. Гальт. На ближнем холме расположим приют.

Отъезд далее. Мы вперед едем. Орлы и ястреба, потомки Прометеевых терзателей: #с008001_2. Приезжаем к Кумбалеевке; редут. Вечером иллюминация.

<15 октября.>

3-й переход

Пускаемся вперед с десятью казаками. Пасмурно, разные виды на горах. Снег, как полотно, навешен в складки, золотистые холмы по временам. Шум от Терека, от низвержений в горах. Едем по берегу, он течет между диких и зеленых круглых камушков; тьма обломков, которые за собой влечет из гор. Дубняк. Судбище птиц: как отца и мать не почтет – сослать. Владикавказ: #с008001_3 на плоском месте; красота долины. Контраст зеленых огород с седыми верхами гор. Ворота, надпись; оно тут не глупо. Фазаны, вепри, серны (различные названия), да негде их поест в Владикавказе.

<16 октября.>

4-й переход

Аул на главе горы налево. Подробная история убитых на сенокосе. Редут направо: #с008001_4. Замок осетинский. Кривизна дороги между утесов, которые более и более высятся и сближаются. Облака между гор. Замок и конические башни налево: #с008001_5. Подъем на гору, направо оброшенный замок. Шум Терека. Нападение на Огарева. Извилистая дорога; не видать ни восхода, ни исхода. Пролом от пороха. Дариель: #с008001_6. Копны, стога, лошаки на вершине [61 – Сбоку приписано: «Товарищи порываются вперед, я за ними не следую».]

Ночь в Дариеле. Ужас от необычайно высоких утесов, шум от Терека, ночлег в казармах.

<17 октября.>

5-й переход

Руины на скале. Выезд из Дариеля. Непроходимость от множества камней; иные из них огромны, один разделен надвое, служит вратами; такой же перед въездом в Дариель. Под иными осетинцы варят, как в пещере. Тьма арбов и артиллерийский снаряд заграждают путь на завале. Остаток завала теперь необъятен, – каков же был прежде: #с008001_7. Терек сквозь его промыл себе проток, будто искусственный. Большой объезд по причине завала: несколько переправ через Терек, множество селений, pittoresque[62 – живописное зрелище (фр.)]. Селение Казбек, вид огромного замка, тюрьма внутри, церковь из гранита: #с008001_8, покрыта плитой, монастырь посреди горы Казбека. Сама гора в 25-ти верстах.

Сион. Множество других, будто висящих на скалах, башен и селений, иные руины, иные новопостроенные, точно руины: #с008001_9. Поднимаемся выше и выше. Постепенность видов до снегов, холод, зима, снеговые горы внизу и сверху, между ними Коби в диком краю, подобном Дариелю. Множество народу встречается на дороге.

<18 октября.>

6-й переход

Ужасное положение Коби: #с008001_10– ветер, снег кругом, высота и пропасть. Идем все по косогору; узкая, скользкая дорога, сбоку Терек; поминутно все падают, и всё камни и снега, солнца не видать. Всё вверх, часто проходим через быструю воду, верхом почти не можно, более пешком. Усталость, никакого селения, кроме трех, четырех осетинских лачужек, еще выше и выше, наконец добираемся до Крестовой горы. Немного не доходя дотудова истоки гор уже к югу. Вид с Крестовой, крутой спуск, с лишком две версты. Встречаем персидский караван с лошадьми. От усталости падаю несколько раз.

Подъем на Гуд-гору по косогору преузкому; пропасть неизмеримая сбоку. По ту сторону ее горы превысокие, внизу речка: едва можно различить на крутой уединенной горке осетинские жилья. Дорога вьется через Гуд-гору кругом; несколько верховых встречаются. Не знаю, как не падают в пропасть кибитка и наши дрожки. Еще спуск большой и несколько других спусков. Башни оброшенные; на самом верху столб и руины. Наконец приходим в Кашаур, навьючиваем, берем других лошадей, отправляемся далее, снег мало-помалу пропадает, все начинает зеленеться, спускаемся с Кашаура, неожиданная веселая картина: Арагва внизу вся в кустарниках, тьма пашней, стад, разнообразных домов, башен, хат, селений, стад овец и коз (по камням всё ходят), руин замков, церквей и монастырей разнообразных, иные дики, как в американских плантациях, иные среди деревьев, другие в лесу, которые как привешены к горам, другие над Арагвой. Мостик. Арагва течет быстро и шумно, как Терек. Дорога как в саду – грушевые деревья, мелоны, яблони.

И самая часть Кашаура, по которой спустились, зелена. Много ручьев и речек из гор стремится в Арагву. Смерклось; длинная тень монастыря на снежном верху. Чувствуем в темноте, что иногда по мостикам проезжаем. Утесы, воспоминание о прежних, – горы востока, а не страшны, как прежние. Впереди румяные облака. Посананур.

Мы в дрожках; один из нас правит.

<19 октября.>

7-й переход

Вдоль по берегу Арагвы, которая вся в зелени. Бук, яблонь, груши, сливы, тополи, клен; на скале руины, много замков. Ананур, карантин: #с008001_11. Удаляемся вправо от Ананура. Душет. Замок и замки. Наша квартира как <...>[63 – Не дописано.]

<20 октября.>

8-й переход

Отъезд вдоль Арагвы. Опять знакомые берега. Утренняя песнь грузинцев.

Я лег между обгорелым пнем и лесистым буком, позади меня речка под горою, кругом кустарник, между ними большие деревья. Холмы из-за дерев, фазан в роце; лошади, козлики мимо меня проходят. Товарищ на солнышке. Наши лошади кормятся.

Изгибистый Терек обсажен лесом от Моздока до Шелкозаводска. В станицах старообрядцы и жены на службе у гребенцев, дети вооружены. От 15 – до 100 лет. Из 1600–1400 служат.

Даданиурт, Андреевская, окруженная лесом. Кумычка. Жиды, армяне, чеченцы. Там, на базаре, прежде Ермолова выводили на продажу захваченных людей, – нынче самих продавцов вешают.

Телава и Сигнах взбунтовались в 1812 г. В Сигнахе русских загнали в крепость. Потом они заперлись в монастырь. Их выпустили на переговорах, раздели голыми, пустили бежать в разные стороны и перестреляли, как дичь. Коменданту отрезали часть языка и дали ему же отведать. Потом искрошили всего в мелкие куски.

Исправник Соколовский не берет взятки и не имеет жены, которая, из низкого состояния вышедши в классные дамы, поощряла бы мужа к лихоимству.

Казачи бежали. Цицианов спросил, подобно царю Ираклию: «Горы их на том же месте? Ну, так и они воротятся».

На мудрое уничтожение стряпчих Цициановым – мерзость провиантских комиссаров. Не скупают вовремя хлеб, все хотят дешевле. Время уходит, и они, в зимнюю пору и в отдаленных местах, подряжают несколько тысяч арб; волы падают без корма. За отпуск пыли деньги выморжают. Жители обременяются, и войска не довольствуются вовремя.

Амилахваров в башне.

Внизу сторожа, в среднем этаже он сам, в верхнем его казна. Вместо окон скважины. Начальствовал в Кахетии. Смененный, получил 2000 руб. серебром пенсии, которую и сберегает. «Русские даром ничего не дают. Коли придерутся: вот им за 14-ть лет пенсия обратно»[64 – Сбоку приписано: «Детям ничего не дает».]

Тифлис – Тегеран: #с008002

<29 января 1819.>

Прелюбезный Степан Никитич!: #с008002_1

Ты ко мне пишешь слишком мало, я к тебе вовсе не пишу, что того хуже. С нынешнего дня не то будет. Однако не постигаю, как вы все меня хорошо знаете, еще бы ты один, что бы очень естественно, а то все, все. Неужели я такой обыкновенный человек! И Катенин, и даже князь: #с008002_2, который почти не живет в вещественном мире, а все с своими идеальными Холминскими и Ольгиными, – и угадали, что я вряд ли в Тифлисе найду время писать; и точно, временем моим завладели слишком важные вещи: дуэль, карты и болезнь.

Ты мне пеняешь, зачем я не уведомляю тебя о простреленной моей руке: #с008002_3. Стоит ли того, друг мой! Еще бы мне удалось раздробить ему плечо, в которое метил! А то я же заплатил за свое дурачество. Судьба... В тот самый день, в который... Ну, да бог с ним! Пусть стреляют в других, моя прошла очередь.

Иные славят Александра,

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
Иных прельщает Геркулес
И храбрость Конона, Лизандра,
Еще других Мильтиадес.
Есть мужества пример,
Рау, рау, рау, рау,
Рау, рау, рау, рау,
Британский гренадер.

Князю напоминай обо мне почаще. Это одно из самых приятных для меня созданий. Не могу довольно нарадоваться, что он в числе тех, которые меня любят и к кому я сам душевно привязан. Его статура, чтение, сочиненья, горячность в спорах о стопах и рифмах, кротость с Катериною Ивановной: #с008002_4, – не поверишь, как память об этом обо всем иногда развеселяет меня в одиночестве, в котором теперь нахожусь. Досадно, что на этот раз некогда к нему писать. Матушке сказать два слова я еще не принимался, а Осип Мазарович торопит; это брат нашего поверенного, отправляется в Россию. Товарищ Амбургер тоже не выдержал, поехал к водам, а может быть, не воротится. Что ж ты скажешь, мое золото, коли я вытерплю здесь два года?

А начальная причина все-таки ты. Вечно попрекаешь меня малодушием. Не попрекнешь же вперед; право, нет: музам я уже не ленивый служитель. Пишу, мой друг, пишу, пишу. Жаль только, что некому прочесть: #с008002_5. Прощай, не расстался бы с тобой! Обнимаю тебя крепко-накрепко. Однако как мне горько бывает!..

<30 января.>

Теперь на втором переходе от Тифлиса я как-то опять сошелся с здравым смыслом и берусь за перо, чтобы передать тебе два дня моей верховой езды. Журнал из Моздока в Тифлис: #с008002_6 получишь после, потому что он еще не существует, а воспоминаний много; жаль, что я ленился, рассеялся или просто никуда не годился в Тифлисе. Представь себе, что и Алексей Петрович: #с008002_7, прощавшись со мною, объявил, что я повеса, однако прибавил, что со всем тем прекрасный человек. Увы, ни в том, ни в другом [не] сомневаюсь. Кажется, что он меня любил, а впрочем, в этих тризвездных особах нетрудно ошибиться; в глазах у них всякому хорошо, кто им сказками прогоняет скуку; что-то вперед будет! Есть одно обстоятельство, которое покажет, дорожит ли он людьми. Я перед тем, как садиться на лошадь, сказал ему: «Ne nous sacrifiez pas, Excellence, si jamais vous faites la guerre à la Perse»[65 – Не обрекайте нас в жертву, ваше превосходительство, если когда-нибудь будете воевать в Персии (фр.).]. Он рассмеялся, сказал, что это странная мысль. Ничуть не странная! Ему дано право объявлять войну и мир заключать; вдруг придет в голову, что наши границы не довольно определены со стороны Персии, и пойдет их расширять по Аракс! – А с нами что тогда будет? Кстати об нем, – что это за славный человек! Мало того, что умен, нынче все умны, но, совершенно по-русски, на все годен, не на одни великие дела, не на одни мелочи, заметь это. Притом тьма красноречия, а не нынешнее отрывчатое, несвязное, наполеоновское риторство; его слова хоть сейчас положить на бумагу. Любит много говорить; однако позволяет говорить и другим; иногда (кто без греха?) много толкует о вещах, которые мало понимает, однако и тогда, если не убедится, все-таки заставляет себя слушать. Эти случаи мне очень памятливы, потому что я с ним часто спорил, разумеется, о том, в чем я твердо был уверен, иначе бы так не было; однако ни разу не переспорил; может быть, исправил. Я его видел каждый день, по несколько часов проводил с ним вместе, и в удобное время его отдыха, чтобы его несколько узнать. Он в Тифлис приехал отдохнуть после своей экспедиции против горцев, которую в марте снова предпринимает, следовательно – менее был озабочен трудами.

Что ты читал или прочтешь до сих пор, мною было писано давеча, в два часа пополудни, но червадар, как у нас называют, а по-вашему подводчик, с обозом тогда пришел, стали развьючивать, шуметь и не дали быть пристальным; теперь, в глубокую ночь, когда все улеглись, я хоть очень устал, а не спится. Стану опять с тобой беседовать.

Об Ермолове мы говорили. В нем нет этой глупости, которую нынче выдают за что-то умное, а именно, что поутру или, как говорится, по <...> неприступен, а впрочем, готов к услугам; он всегда одинаков, всегда приятен, и вот странность: тех даже,

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
кого не уважает, умеет к себе привлечь... Якубович, на которого он сердит за меня и на глаза к себе не пускает, без ума от него. Об бунте писали в «Инвалиде» вздор, на который я в «Сыне отечества» отвечал таким же вздором: #с008002_8. Нет, не при нем здесь быть бунту. Надо видеть и слышать, когда он собирает здешних или по ту сторону Кавказа кабардинских и прочих князей; при помощи наметанных драгоманов, которые слова его не смеют проронить, как он пугает грубое воображение слушателей палками, виселицами, всякого рода казнями, пожарами; это на словах, а на деле тоже смиряет оружием послушников, вешает, жжет их села – что же делать? – По законам я не оправдываю иных его самовольных поступков, но вспомни, что он в Азии, – здесь ребенок хватается за нож. А право, добр; сколько мне кажется, пряминых чувств, или я уже совсем сделался панегиристом, а кажется, меня в этом нельзя упрекнуть: я Измайлову, Храповицкому не писал стихов.

В последний раз на бале у Мадатова я ему рассказывал петербургские слухи о том, что горцы у нас вырезали полк. И он, впрочем, рад, чтобы это так случилось: «Чего, братец, им хочется от меня? Я забрался в такую даль и глушь; предоставляю им все почести, себе одни труды, никому не мешаю, никому не завидую. Montrez-moi ton vainqueur et je cours l'embrasser[бб – Укажите мне моего победителя, и я брошусь его обнимать (фр.).]».

Однако свечка догорает, а другой не у кого спросить. Прощай, любезный мой; все храпят, а секретарь странствующей миссии по Азии на полу, в безобразной хате, на ковре, однако возле огонька, который более дымит, чем греет, кругом воронье и ястреба с погрешками привязаны к столбам: того гляди, шинели расклюют. Вчера мы ночевали вместе с лошадьми: по крайней мере ночлег был.

31-го января.

Мой милый, я третьего дня принялся писать с намерением исправно уведомлять тебя о моем быту, но Ермолов еще так живо представляется перед моими глазами, я только накануне с ним распростился, это увлекло меня говорить об нем; теперь обратить внимание от такого отличного человека к ничтожному странствователю было бы несколько не занимательно для читателей, если бы я хотел их иметь, но я пишу к другу и сужу по себе: ты для меня занимательнее всех Плутарховых героев.

28-го, после приятельского завтрака, мы оставили Тифлис; я везде нахожу приятелей или воображаю себе это; дело в том, что многие нас провожали, в том числе Якубович, и жалели, кажется, о моем отъезде. Мы расстались. Не доезжая до первого поста, Саганлука, где только третья доля была предлежавшего нам переезда, солнце светило очень ярко, снег слепил еще более, по левую руку, со стороны, Дагестанские горы, перемешанные с облаками, образовали прекрасную даль, притом же не суховидную. Путь здесь не ровный, как в наших плоских краях; каждый взход, каждый спуск дарит новой картиной. Впрочем, зимние пути самые лучшие; по крайней мере воздух кроткий, а во всякое другое время года зной и пыль утомили бы едущих; итак, в замену изящного, мы наслаждаемся покойной ездой. Но первый переход был для меня ужасно труден: мы считаем 7-мь агачей, по-вашему 40 с лишком верст; я поутру обскакал весь город, прощальные визиты и весь перегон сделал на дурном грузинском седле и к вечеру уморился; не доходя до ночлега, отстал от всех, несколько раз сходил с лошади и падал на снег, ел его; к счастью, у конвойного казака нашлась граната, я ей освежился. Так мы дошли до Демурчишама. Сон и не в мои лета обновляет ослабшие силы. На другой день, кроме головной боли, я еще кое-чем недомогал, не сильно однако. Тот же путь, что накануне, но день был пасмурен. На середине перехода дорога вилась вокруг горы и привела нас к реке Храме. Мы ехали по ее течению, а на склоне гора подалась влево и очистила нам вид на мост великолепный!.. В диких, снегом занесенных степях вдруг наехали на такое прекрасное произведение архитектуры, ей-богу. Утешно! и удивляет!.. Я долго им любовался, обозревал со всех сторон; он из кирпича; как искусно сведен и огромен! Река обмывает только половину его, в другой половине караван-сарай, верно, пристройка к полуразрушенному; меня в этом мнении укрепляет то, что остальная часть состоит из четырех арок, которые все сведены чрезвычайно легко и с отличным вкусом, – нельзя, чтобы строитель не знал симметрии; верхи остры; первая от караван-сарая, или средняя, самая большая, по моему счету 40 шагов в диаметре: я ее мерил шедши и параллельно там, где течение реки уклоняется; третья арка больше второй, но меньше первой, четвертая равна второй. Караван-сарай велик, но лучше бы его не было; при мне большой зал был

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru занят овцами; не знаю, куда их гонит верховой, который с конем своим расположился в ближайшем покое. С середины моста сход по круглой, витой, ветхой и заледеневшей лестнице, по которой я было себе шею сломил; это ведет в открытую галерею, которая висит над рекою. Тут путешественники, кто углем, кто карандашом, записывают свои имена или врезают их в камень. Людское самолюбие любит марать бумаги и стены; однако и я, сошедши под большую арку, где это громогласное, учил его повторять мое имя. В нескольких саженях от этого моста заложен был другой; начатки из плиты много обещали; не знаю – почему так близко к этому, почему не кончен, почему так роскошно пеклись о переправе чрез незначительную речку, между тем на Куре, древней Цирусе Страбона, нет ничего подобного этому. Как бы то ни было, Сенаккюрпи, или, как русские его называют, Красный мост, свидетельствует в пользу лучшего времени если не для просвещения, потому что Бетанкур: #с008002_9 мог быть выписной, то по крайней мере царствования какого-нибудь из здешних царей или одного из Софиев: #с008002_10, любителя изящного.

Съехавши с моста, я долго об нем думал; возле меня трясся рысцей наш переводчик Шемир-бек: #с008002_11. Я принужден был ему признаться, что Петербург ничего такого в себе не вмещает, как он, впрочем, ни красив и ни великолепен, даже в описании Павла Петровича Свинына: #с008002_12. «Представьте, – сказал он мне, – 8 раз побывать в Персии и не видеть Петербурга, это не ужасно ли!» – «Не той дорогой мы взяли», – отвечал я ему. Эта глупость меня рассмешила, не знаю – рассмешит ли тебя? Впрочем, такие ничтожности я часто буду позволять себе, потому что пишу для тебя собственно и для тех, которым позволишь заглянуть в нашу переписку, а не для печати, а не для пренумерантов «Сына отечества», куда, впрочем, это мараение по дурному слогу и пустоте мыслей принадлежит. Извини, что делаю тебе это замечание: ты скромн и любишь мое дарование, не уступишь меня критике людей, которых я презираю; но письма мои к другим я нарочно наполняю личностями, чтобы они как-нибудь со столика нашего любезного князя: #с008002_13 не попали на станок театральной типографии. Ни строчки моего путешествия я не выдам в свет, даром что Катенин жалеет об этом и поощряет меня делать замечания, что для меня чрезвычайно лестно, но я не умею разбалтывать ученость; книги мои в чемоданах, и некогда их разрывать; жмусь, когда холодно, расстегиваюсь, когда тепло, не справляюсь с термометром и не записываю, на сколько ртуть поднимается или опускается, не припадаю к земле, чтобы распознать ее свойство, не придумываю по обнаженным кустам – и к какому роду принадлежит их зелень.

Зовут обедать, прощай покудова. Если бы я мог перенести тебя на то место, где пишу теперь! Над рекою, возле остатков караван-сарая, куда мы прибыли после трудного пути, однако довольно рано, потому что встали давеча в 4 часа утра. Погода теплая, как уже в конце весны. В виду у меня скала с уступами, точно как та, к которой, по описанию, примыкают развалины Персеполя: #с008002_14; я через ветхий мост, что у меня под ногами, ходил туда; взлезал и, опершись на повисший мшистый камень, долго стоял подобно Грееву Барду; недоставало только бороды: #с008002_15.

Вечером.

Хочешь ли знать, как и с кем я странствую то по каменным кручам, то по пушистому снегу? Не жалею меня, однако: мне хорошо, могло бы быть скучнее. Нас человек 25, лошадей с вьючными не знаю, право, сколько, только много что-то. Ранним утром поднимаемся; шествие наше продолжается часа два-три; я, чтобы не сгрустнулось, пою, как знаю, французские куплеты и наши плясовые песни, все мне вторят, и даже азиатские толмачи; доедешь до сухого места, до пригорка, оттуда вид отменный, отдыхаем, едим закуску, мимо нас тянутся наши вьюки с позвонками. Потом опять в путь. Народ веселый; при нас борзые собаки; пустимся за зайцем или за призраком зайца, потому что я ни одного еще не видал. Этим случаем наши татары пользуются, чтобы выказать свое искусство, – свернут вбок, по полянам несутся во всю прыть, по рвам, кустам, доскакивают до горы, стреляют вверх и исчезают в тумане, как царевич в 1001-й ночи, когда он невесту кашемирского султана взмахнул себе на коня и так взвился к облакам. А я, думаешь, назади остаюсь? Нет, это не в Бресте, где я был в «кавалерийском»: #с008002_16, – здесь скачу сломя голову; вчера купил себе нового жеребца; я так свыкся с лошадей, что по скользкому спуску, по гололедице, беззаботно курю из длинной трубки. Таков я во всем: в Петербурге, где всякий приглашал, поощрял меня писать и много было охотников до моей музыки, я молчал, а здесь, когда никому ничего и прочесть, потому что не знают по-русски, я не выпускаю пера из рук. Странность свойственна человекуам.

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru

Одна беда: скудность познаний об этом крае бесит меня на каждом шагу. Но думал ли я, что поеду на Восток? Мысли мои никогда сюда не были обращены. Иногда делаю непростительные или невежественные ошибки, давеча, например, сколько верст сряду вижу кусты в хлопчатой бумаге и принял их за бамбак, между тем как это оброски от караванов, – в тесных излучинах здешние колючие отростки цепляют за хлопчатую бумагу, и ее бы с них можно собрать до нескольких пудов.

Дорого бы я дал за живописца; никакими словами нельзя изобразить вчерашних паров, которые во все утро круг горы стлались; солнце их позлащало, и они тогда как кипящее огненное море... потом свились в облака и улеглись у подножия дальних гор. Между ними черная скала Пепис плавала в виде башни; долго она то скрывалась от наших глаз, то появлялась по мере того, как мы переменяли направление; наконец подошли к ней – нет приступу, и в середине за#769;мок; не понимаю – как туда всходят. Мы ночевали в ***: #c008002_17, но не имели в виду страшилища <...>.

Ночлег здесь обыкновенно в хате, довольно высоко освещенной маленьким отверстием над входом, против которого в задней стене камин; по обеим сторонам сплочены доски на пол-аршина от земли и устланы коврами; около них стойла, ничем не заслоненные, не заставленные. Между этими нарами у нас обыкновенно ставится круглый стол дорожный, повар наш славный, кормит хорошо. [Ребята и взрослые глазят на приезжих.] Мазарович покуда очень мил, много о нас заботится; и уважителен, и весел.

Нынче мы с трудом проработывались между камней, по гололедице, в царстве Жуковского: #c008002_18, над пропастями; туманы, туманы над горами.

Вчера я весь день как сурок проспал. Четыре дня, как мы из Тифлиса, три остается до Эривани; нас очень пугают Дилижанским ущельем.

2-го февраля.

От караван-сарая мы отправились по течению Автафы, встречу ее течению, и пошли ущельем, где около нас повторялись кавказские места – скалы лесистые, у их подножия, между ними шумит река, то делится на тонкие струи. Только то разница, что в прежних ущельях порохом и ломом боролись с преградными твержами, а здесь руками человек ничего не приспособлено к удобному проезду. Груды камней на каждом шагу как будто нарастают; отростки деревьев бьют в глаза; дорога почти непроходимая; вышли на открытое место – тут сильный ветер поднялся навстречу и не переставал нас продувать и после, когда уже горы сузились, и мы возле, в лесу, выбрали себе у склона горы, упершись в речку, местечко для отдыха и ночлега. Тут мы расположились на временную пастырскую жизнь, склали себе из вьюков балаганы, обвешали их коврами, развели огни, около них иные согревались, другие, насадив на лучину куски сырого мяса, готовили себе кебаб. Лучше всех курился огонек на острове, поодаль от нас, около которого обсело странствующее купечество; лошади наши паслись на пригорках.

А хорошо было ночевать Мафусаилам и Ламехам; первый, кто молотом сгибал железо, первый, кто изобретал цевницу и гусли, – славой и любовью награжден в обширном своем семействе. С тех пор, как есть города и граждане, едем, едем от финского залива дотудова, куда сын Товитов ходил за десятью талантами: #c008002_19, а все в надежде добыть похвальную знаменитость, и, может, век до нее не доедем...

Эривань, 4-го февраля.

Вот другой день пребываем в армянской столице, любезный мой. Худо ли, хорошо ли мы ехали, можешь судить по маршруту, но, для верности, на каждый переход прикладывай верст по пяти, на иной – и десять придется лишних, которые если не домерены межевщиками, то от того не менее ощутительны для усталых путешественников:

От Тифлиса – Версты

Инджа – 24

Джогас – 24

Караван-сарай – 30

Биваки:

Богас – 42

Караван-сарай – 36

Эривань – 50

248 = 41 1/3 агачам

Не стану утомлять тебя описанием последнего нашего перехода до здешнего города; довольно того, что я сам чрезвычайно утомился: не больше и не меньше 60-ти верст по глубоким снегам проехали мы в шесть часов, – разумеется, порядочной рысью. Вот действительная служба: сочинение канцелярских бумаг не есть труд, особливо для того, кому письмо сделалось любимым упражнением. Вам, гиперборейцам, невероятно покажется, что есть другие края, и на юге, где можно себе отморозить щеки; однако это сбылось на одном из наших людей, и все мы ознобили себе лица. Еще теперь слышу, как хрупкий снег хрустит под ногами наших лошадей; во всякое другое время быстрая Занги в иных местах застыла, в других – медленно пробивается сквозь льды и снега под стены Эривани. Земля здесь гораздо возвышенней Грузии и гораздо жарче; один хребет гор, уже от Тифлиса или еще прежде, отделился влево, с другим мы расстаемся, – он уклоняется к западу; все вместе составляет ту цепь, которую древние называли Тавром. Но здешние равнины скучнее тех скатов и подъемов, которые мы позади себя оставили, – пустынное однообразие. Не знаю, отчего у меня вчера во всю дорогу не выходил из головы смешной трагический стих:

Du centre des déserts de l'antique Arménie [67 - Из середины пустынь древней Армении (фр.)].

Въехавши на один пригорок, над мглою, которая носилась по необозримой долине, вдруг предстали перед нами в отдалении две горы – первая, сюда ближе, необычайной вышины. Ни Стефан-Цминд: #с008002_20, ни другие колоссы кавказские не поразили меня такою огромностью; обе вместе завладели большею частью горизонта, – это двуххолмный Арарат, в семидесяти верстах от того места, где в первый раз является таким величественным. Еще накануне синелись верхи его. Кроме воспоминаний, которые трепетом наполняют душу всякого, кто благоговеет перед священными преданиями, один вид этой древней горы сражает неизъяснимым удивлением. Я долго стоял неподвижен; мой златокопыт, по-видимому, не разделял чувств своего седока, двинулся, понесся и мигом погрузил меня с собою в влажную стихию; меня всего обдало сыростию, которая до костей проникает. Основание Арарата исчезло, середина тоже, но самая верхняя часть, как туча, висела над нами до Эривани.

Уже в нескольких верстах, в нескольких сажнях от города, догадались мы, что доезжаем до обетованного приюта; туман долго застилал его от наших глаз, наконец, на низком месте, между кустами, влево от дороги, по которой и мы своротили, пояснились две части зданий, одна с другой ничем не соединенные. Мы въехали в пригородок. Но – представь себе удар человеку, который в жестокую стужу протрясся полдня в надежде приютиться в укромной горнице; навстречу нам ни души; стало быть, не радели о нашем успокоении, не отвели еще квартир. Я бесился; притом неуважение к русским чиновникам всякого на моем месте, и с меньшим самолюбием, так же бы оскорбило. Миновали сады, высокие трикровные кладбища, длинные каменные ограды, за которыми стоят дома, башни и куполы мечетей, а навстречу нет никого! Мазарович кричит, что прямо ворвется к сардарю: #с008002_21 и сделает суматоху. Наконец выступаем на поле, что между крепостию и городом, и тут несется к нам посланный от сардаря чиновник в драгоценной шубе, на богато убранном коне и просит извинения, что адъютант, посланный нас принять, не по той поехал дороге; в самом деле, мы избрали путь кратчайший, но не тот,

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
которым обыкновенно сюда прибывают. В ту же минуту фараш: #с008002_22, в высокой шапке, в желтом чекмене, в синем кафтане, с висящими на спине рукавами, длинным шестом своим указывал нам путь и бил без милосердия всякого, кто ему под руку попадался, мужчин и женщин. Женщины становились к нам задом, – это меня огорчало, но впереди хамы несли стулья в отведенный нам дом, – это меня веселило. Такое особенное предпочтение нам, русским; между тем как англичане смиренно сгибают колена и садятся на пол, как бог велит, и разутые, – мы, на возвышенных седалищах, беззаботно, толстыми подошвами нашими топчем персидские многоценные ковры. Ермолу обязаны его соотчичи той степени уважения, на которой они справедливо удерживаются в здешнем народе.

Однако, прежде чем идти далее, позволь сообщить тебе замечание. Для дамской нежной разборчивости оно бы не годилось, но ты, военный человек, не взъешишь. При первом появлении посланного от сардаря и с ним двух фарашей, нашего обоняния коснулся самый чудный, тяжелый, неприятный запах. Не поверишь: избыток ассафедиты в наших аптеках – резеда в сравнении с этим. Не понимаю, как они, три злодея, так сильно и скоро умели заразить собою воздух!

Вслед за действующим посохом фараша, за толпою народа, им гонимого, мы въехали чрез широкие наружные ворота в дом Мегмед-бека; в круглом, крытом и немощном подъезде слезли с лошадей и через другие ворота, над которыми возвышается большая надстройка, вступили во внутренний двор, обнесенный с одной стороны теремом, с другой – высокой и фигурной стеною; в нем замерзшие фонтаны и водометы; взошли на крыльцо, для входа перед нами отдернули тяжелую заполу, которую здесь завешивают все двери, и впустили в переднюю комнату. Справа зал, слева зал, и один как другой; множество впадин и простынь, и потолок лепной всякой всячиной; окна косячатые с резьбой, тьма симметрически расположенных четверугольничков из разноцветной слюды; однако свету достаточно, чтобы лба не расшибить. Мы расположились в обеих залах. Вмиг запылали каминь, на небольших амвонах расставили жаровни, подали кальяны. Вскоре нагрянула к нам тьма посетителей и затерянный адъютант. Нас очень забавляло это европейское наименование, которое придают человеку тем только отличающемуся от прочих, что он ближе к особе сардаря и, следовательно, чаще подвергается палочным ударам. Хозяин наш отбыл на охоту, брат заступал его место и изъяснял, что дом, услуга и даже собственная его особа нам принадлежат. Тут же мы нашли английского указателя, не книжку, а человека. Во все мешается, все указывает; природа, кажется, обрела его хлопать бичом возле кюррикеля или работать веслами в Темзе, – здесь он переводит альбионское строевое ученье на фарсийский язык, который для этого довольно плохо знает; ему вверяют целый баталион или меньше, – по крайней мере, он так говорит. Сарбазы: #с008002_23 порядочные выйдут балансеры, если по нем образуются. Между тем он нам смерть надоедает; вот другой день не знаем, как от него отделаться; вообще неугомонное любопытство и неотвязчивость здесь в большом употреблении. Каждую минуту незнакомые лица наполняют комнату, смотрят в глаза, в бумагу, если пишешь, и в эту самую минуту какая-то необыкновенная рожа, прикрытая уродливой шапкой, уткнулась в мое письмо. Мне страшная охота припадает за это проучить ее.

Сардарь прислал нам дикого барана с своей охоты; пребольшой зверь, рога с оленьи, передняя часть преимущественно обросла тучным руном; за эти гостинцы надобно отдавать; Мазарович щедро оплачивается калейдоскопами, которым пора прельщать Азию, потому что нам уже пригляделись.

Вечером озарило наши покои красное солнышко Эривани – лысый приветливый, веселый старик, любитель русских, почитатель Ермолова, хозяин наш Мегмед-бек, саранг, полковник – не в том значении, что за этим чином следует генерал-майор и проч., а просто военный начальник. Перед ним, за ним несли увесистые подсвечники, подносы с сладостями и лакомства, которыми, если бы их описать, вряд ли бы я разлакомил твое воображение. Но в каком бы виде оно ни было, гостеприимство должно притупить стрелы насмешливых наблюдателей; лучше познакомить тебя с персидскою учтивостью. Вот образчик: Мазаровичу сказал Мегмед-бек, что он до того обрадован его приездом, что, если бы такому дорогому гостю вздумалось позабавиться и отсечь голову всем его слугам и даже брату, он бы чрез то великое удовольствие принес хозяину; а мне, первостепенному мирзе, когда я просил его велеть унести жаровни, чтобы от жару не переменить место и не отсечь от него далее, объявил, что место мое у него под правым глазом. Карамзин был заплакал, Жуковский стукнул бы чашей в чашу: #с008002_24, я отблагодарил янтарным гроздным соком, нектаром Эривани, и пурпурным кахетинским. Беседа наша продолжалась далеко за полночь. Разгоряченный тем, что видел и проглотил, я перенесся за

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
двести лет назад в нашу родину. Хозяин представился мне в виде добродушного москвитянина, угощающего приезжих из немцев, фаши – его домочадцами, сам я – Олеарий. Крепкие напитки, сырые овощи и блюдцы с сахарными брашнями – все это способствовало к переселению моих мыслей в нашу седую старину, и даже увертливый красный человечек, который хотя и называется англичанином, а, право, нельзя ручаться – из каких он, этот аноним, только рассыпался в нелепых рассказах о том, что делается за морем, – я видел в нем Маржерета, выходца при Дмитрие, прозванном Самозванцем, и всякого другого бродящего иностранца того времени, который в наших теремах пил, ел, разживался и, возвратясь к своим, ругательством платил русским за русское хлебосольство. И эриванский Маржерет, или Дурьгильбрэд, язвительно отзывается насчет персиян, которые не допускают его умереть с голоду.

Эривань, 5-го февраля.

Наутро, после нашей вечерней беседы, я встал с жестокою головною болью; надо было приодеться и ехать к сардарю. В передней ждал нас иасскул: #с008002_25 его в красном длинном платье, при ужасной палке с позолоченным набалдашником для известного употребления.

Сардарь Гусейн-хан (из царствующего ныне поколения Каджаров) в здешнем краю первый по боге, третий человек в государстве; власть его надежнее, чем турецких пашей; он давно уже на этом месте; платит ежегодно в бейрам: #с008002_26, не всегда одинаково, в виде подарка, а не государственных доходов, несколько тысяч червонцев, за которые имеет право взимать третью долю со всего, что земля производит, а расшутится, так и все три доли его. Разумеется, что продавцы ждут, покуда он свою часть не сбудет с рук. Не только внутренняя торговля – им часто стесняется и внешняя, несмотря на трактаты, которые, так как и Адам-Смитова система, не при нем писаны. От себя содержит войско, но в военное время требует денег от двора. В судных делах его словесное приказание – закон, если истцы или ответчики не отнесутся к Шар – кодексу великого пророка, которого уставы неизменны.

Одевшись, мы отправились к его высокостепенству. Нам предшествовал иасскул и так же исправно отправлял свою должность, как фараш накануне. Дома здесь испещрены внутри, снаружи удерживают цвет природы, свойственный материалам, из которых выстроены, – по большей части дикие. В нашем отечестве роскошь гостиние и залы убирает с изящною простотою, а извне любит раскрашивать стены и приставлять к ним столбики.

Мы доехали зубчатой крепостной оградой, потом, через несколько скважен, которые называются улицами, протеснились до последнего двора сардаря. Не знаю – что тебе сказать об его хоромах? Нет ничего целого, притом столько кривизны, поворотов, переулков, пристроек, надстроек, входов, проходов, узких, сумрачных и вовсе мрачных, что толку не доберешься. В преддверии, род конуры, и на площадке перед ним толпилась тьма любопытных; их наружность, ужимки, платья – все это похоже на вход в маскарад. Взошли в приемную; она должна быть очень хороша для персидских глаз: велика, пол устлан дорогими узорчатыми коврами, и потолок, и весь зал расписан многими японскими узорами; слева ставни занимают всю продолговатую стену: в них цветная слюда перемешана с резьбою и с наклееными коймами – это окна. Прямо против входа камин; в правой, тоже длинной, стене выемка в полукружие, в котором выпуклый потолок представляет хаос из зеркальных кусков, и там камин. На всех стенах, в два ряда, один над другим, картины – похождения Ростомы, персидского великана сумраков, которого Малькольм вклеил в свою историю. Я имел время на все это уставить мой лорнет, потому что нашего сардаря еще не было. Хан, сын его, в красной шубе, подогнувшимися коленами сидел на отцовском особенном ковре возле камин, что против входа. Он делал нам обыкновенные вопросы о здоровье высоких особ. Потом все в пояс поклонились входящему сардарю. Тьма народу высыпала за ним. Он, взявши за руку Мазаровича, сказал ему, что познакомился с нами, его мирзами, потом с тремя детками уселся в угол на своем месте. Сын его стал у притолки с прочими приближенными чиновниками, брат сардаря сидел по другую сторону камин, мы к окну на приготовленных для нас стульях, все прочее благоговело, стоя в глубоком молчании. Он сделал те же вопросы, что сын его; подали кальян, чай с кардамоном: #с008002_27. На головах несли огромные серебряные подносы с конфетами; несколько подносов со множеством сластей поставили перед нами. Сардарю прислуживали на коленях. Конфеты совсем для меня нового рода, однако

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
превкусные; я около них постарался. Между тем разговор происходил о походе
Алексея Петровича в Чечню и в Дагестан, о путешествиях нашего государя по Европе
для утверждения повсеместного мира. Не помню, право, при каком случае он Вену
перепутал с Венециею <...>.

Нахичевань, 9-го февраля.

Третьего дня, 7-го, мы отправились из Эривани, сегодня прибыли сюда; всего
133½ версты. Не усталость меня губит – свирепость зимы нестерпимая; никто
здесь не запомнит такой стужи, все южные растения померзли. Притом как мне
надоели все и всё! Прав Шаховской – скука водит моим пером; немудрено, что я
тебе сообщу ее же! Нет! нынешний день не опасайся ничего: ложусь спать с одним
воспоминанием о тебе!

10–13 февраля.

Сейчас думал, что бы со мною было, если бы я беседой с тобою не сокращал
мучительных часов в темных, закоптелых ночлегах! Твоя приязнь и в отдалении для
меня благодетельное. Часто всматриваюсь, вслушиваюсь в то, что сам для себя не стал
бы замечать, но мысль, что наброшу это на бумагу, которая у тебя будет в руках,
делает меня внимательным, и все в глазах моих украшает надежда, что, бог даст,
свидимся, прочтем это вместе, много добавлю словесно – и тогда сколько
удовольствия! Право, мы счастливо созданы.

Как я тебе сказал, мы выехали из Эривани 7-го. Обстоятельно не могу изобразить
его. Мы там всего пробыли три дня с половиной, и то задержали некоторые дела с
сардаром. Думали также переждать холод, но напрасно: он не переставал
свирепствовать. Я даже не отважился съездить в древний Эчмядцинский монастырь, в
18-ти верстах от Эривани в сторону, и вообще, кроме как для церемониального
посещения сатрапу, не отходил от мангала: #с008002_28 и от камина, который, по
недостатку дров, довольно скудно отапливался. Сколько я мог видеть при въезде и
выезде, город пространен, а некрасив, и длинные заборы и развалины, следы
последней осады русскими, дают ему вид печального запустения. Об обычаях здешних
и нравах мне еще труднее сказать мое мнение от недостатка времени и случая к
наблюдениям. Если по одному позволено судить о многих, вот что видел в доме
богатого и знатного эриванца. Фараши его в 18 градусов по Реомюру, с раскрытой
шеей, без зипунов, не согреваются даже достаточною пищею, но господин иногда
ущедряет: разделяет им подачи со своего стола из собственных рук, по кусочку
пирожного, наиболее приближенным. Это домашние дела; в делах государственных
здесь, кажется, не любят сокровенности кабинетов: они производятся в присутствии
многочисленных слушателей. Я, в простоте моего сердца, сперва подумал, что,
таким быть, редко во зло употребляется обширная власть, которой облечены здешние
высшие чиновники, но в том, в чем наш поверенный в делах объяснялся с сардаром,
например о переманке и поселении у себя наших бродящих татар, о притеснении
наших купцов, высокостепенный был кругом не прав, притом изложил, составленную
им самим, такую теорию налогов, которая не думаю, чтобы самая сносная для
шахских подданных, вверенных его управлению. И все это говорилось при
многолюдном сборище, чье расстроенное достоинство ясно доказывает, что польза
сардаря не есть польза общая. – Рабы, мой любезный! И поделом им! Смеют ли они
осуждать верховного их обладателя? Кто их боится? У них и историки панегиристы.
И эта лестница слепого рабства и слепой власти здесь беспрерывно восходит до
бека: #с008002_29, хана, беглер-бека: #с008002_30 и каймакама: #с008002_31 и
таким образом выше и выше. Недавно одного областного начальника, невзирая на его
30-тилетнюю службу, седую голову и алкоран в руках, били по пятам, – разумеется,
без суда. В Европе, даже и в тех народах, которые еще не добыли себе
конституции, общее мнение по крайней мере требует суда виноватому, который
всегда наряжают. Криво ли, прямо ли судят, иногда не как хотят, а как велют, –
подсудимый хоть имеет право предлагать свое оправдание. Всего несколько суток,
как я переступил границу, и еще не в настоящей Персии, а имел случай видеть уже
не один самовольный поступок. Ты это в свое время узнаешь. В заключение скажу
тебе об эриванских жителях, что они летом, может быть, очень приятные люди, а
зимой вымораживают своих гостей; это никуда не годится; я продрог у сардаря и
окостенел у Мегмед-бека.

День нашего отъезда из Эривани был пасмурный и ненастный. Щедро обсыпанный
снегом, я укутался буркою, обвертел себе лицо башлыком, пустил коня наудачу и не

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru принимал участия ни в чем, что вокруг меня происходило. Потеря небольшая; сторона, благословенная летом в рассказах и описаниях, в это время и в эту погоду ничего не представляет изящного. Арарат, по здешней дороге, пять дней сряду в виду у путешественников, но теперь скрылся от нас за снегом, за облаками. Подумай немножко, будь мною на минуту: каково странствовать молча, не сметь раскрыться, выглянуть на минуту, чтобы, хуже скуки, не подвергнуться простуде. И между ног беспрестанное движение животного, которое не дает ни о чем постоянно задуматься! Часто мы скользим по оледенелым протокам; иные живее прочих; незамерзшие – проезжали вброд. Их множество орошают здешние поля; вода нарочно проведена из горных источников и весной, усоряя пшеничные борозды, долго на них держится посредством ископанных для этого гряд, с которых мы каждый раз обрывались и вязнули в зыбучих глубях.

Нет! я не путешественник! Судьба, нужда, необходимость может меня со временем преобразить в исправники, в таможенные смотрители; она рукою железною закинула меня сюда и гонит далее, но по доброй воле, из одного любопытства, никогда бы я не расстался с домашними пенатами, чтобы блуждать в варварской земле в самое злое время года. С таким ропотом я добрался до Девалу, большого татарского селения, в 88; агача от Эривани, бросился к камельку, не раздевался, не пил, не ел и спал как убитый.

На другой день, для перемены, опять в поле снег, опять тошное странствие! К счастью, отъехав с пол-агача, поравнялись с персидским барином, ханом каким-то, который на поклон отправлялся к шах-зиде: #с008002_32! За ним фарши, – один вез кальян, у другого к седлу прикреплен жаровня со всегда готовыми углями для господской курьбы, у третьего огромная киса с табаком для той же потребности. Если бы вместо этой пустой роскоши собрать всех кальянщиков, подкальянщиков и самих страстных курителей кальяна и заставить их расчистить, утоптать, умять снег на дороге, чтоб как-нибудь можно было ехать в повозках, не гораздо ли бы лучше! Новый наш спутник в восхищении, что нашел случай познакомиться с российским поверенным в делах, начал отпускать ужасную нелепицу! Что за гиперболы! В Европе, которую моралисты вечно упрекают порчею нравов, никто не льстит так бесстыдно! Слова: душа, сердце, чувства повторялись чаще, нежели в покойных розовых книжечках «Для милых»: #с008002_33! Любовь будто бы от одного слова, от одного взора нового почтенного знакомца заронила искру в сердце его (персидского хана) и раздула неутушимый пожар, и проч. Во всякое другое время я бы заткнул уши; но теперь этот восточный катаклизм пришелся очень кстати: едва заметно было, как мы сделали 6-ть агачей до ночлега. Мне пришлось в голову – что, кабы воскресить древних спартанцев и послать к ним одного нынешнего персиянина велеречивого, – как бы они ему внимали, как бы приняли, как бы проводили?

<Февраль 1819.>

Таврис с его базаром и караван-сараями. Встреча, почести, фетхалихан боится каймакама: #с008002_34. Обед у англичан, визит каймакаму. Сир Роберт Портер. Приезд шах-зиды, церемониальное посещение, англичане, мое мнение насчет их и наших сношений с Персией. Бани и климат в сравнении с тифлисскими. Мерзлые плоды. Пляска и музыка.

21-го <февраля> выезд из Тавриса. Лошади шах-зиды славные; день кроткий, бессолнечный; с обеих сторон пригорки, слои белые, глинистые, из которой дома строятся. Возле самого Тавриса красные, пшеничные загоны, борозды под малым снегом похожи на овощные огороды. Место довольно гористое, 2; станции. Раскинутые сады, тополи, славные квартиры в деревнях, лучше, чем в прежних.

Второй день. Путь вниз, возле гор; справа долина, за которой другая цепь гор. Возле караван-сарая много отдыхающих путешественников, верблюдов и ослов; и мы отдыхаем. Скидаю маску, новый свет для меня просиял. Из караван-сарая поднимаемся в гору по глубокому и рыхлому снегу, и так до самых Уджан.

В виду летний замок. После обеда отправляемся; тьма лисиц на дороге, пьют, играют по снегу и, при нашем приближении, убегают в горы. Юг, 20 ветров, красные облака и между ними синева; черные тучи сзади; между этим всем звезды, как палительные свечи.

Третий переход трудный, крутизны и страх снежно. Съезд на ка;терах. Долго еду, спускаюсь в селение, где ночлег. Вьюки падают, чуть не убивают людей каждый

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
раз, когда объезжают их верховые стороной, где снег глубокий.

Четвертый переход приятный, однако много подъемов. Река Миана. Часто переезжаем вброд около красных утесов, которые похожи на обыкновенные здания. Приезд в Миану. Опасное насекомое, ковры.

Пятый. Туманы. Вступаем в ущелья самые узкие, пещеры, туман. Мост на Кизиль-агаче: #с008002_35, оттуда же по горам, на каждом шагу падают лошади; тьма селений, но всё не те, где ночевать. Блуждание по полям, где нет дороги и снег преглубокий. Так застигает ночь. Приезд в замок.

Шестой. Трудный путь по зимней дороге; где проталины, там скользко и камни. Устаю. Солнышко садится чрезвычайно живописно и золотит верхи гор, которые, как волны, зыблются от переменчивого отлива. Местечко, славный замок. Хан. Много деревень.

Седьмой. Бесснежный путь. Славный издали Занган красиво представляется. Встреча. Перед Занганом в деревне – встреча. Множество народу. Сходим возле огромного дома. Описание его. Славные плоды. Явление весны. Музыка вечером.

Восьмой день там же. Накануне батоги и 5 туманов за лошадь.

Девятый. Горы простираются справа и слева. Между ними долина необозримая. Вот до которых пор доходило посольство. На кургане, окруженном деревьями, беседка приемная, другая тоже, башня четверугольная как в Зангане гарем, треугольник для евнухов, беседка для бани. Ямы на поле, замок, далее руины Султани: #с008002_36. Тьма верблюдов, ширванские купцы. Мечеть вся внутри изложена двойными изразцами. История Кодабенде. Лепные слова как кружево. 37 шагов в диаметре, 43 шага до 3-го этажа, от 2-го до 5-го 22; потом 60 шагов без ступеней, сход на платформу, где купол, 8 минаретов, в одном 40 шагов. Вид оттуда.

Десятый день холодный и дождливый. Целый день в маске и в тюрьме. Заезжаем в деревню, где хозяин желает прихода русских. Вечером прояснилось. Дождь смыл снег, даже на горах. Скачем до Абгара. Сады в Абгаре, мечети; выезжаем из ворот, славная дорога, скачем друг перед другом и доскакиваем до ночлега. Уже горы чрезвычайно расширились. На другой день в 3½ часа поспеваем в Казбин: #с008002_37.

Казбин, древняя метрополия поэтов и ученых. Фисташковые деревья. Хозяин жалуется богу на Каджаров. Остатки древнего великолепия – мечети, мейданы и проч. Перед Казбином много деревень в стороне, принадлежат сардарю Эриванскому; им же выстроены училища в Казбине.

Из Казбина едем к юго-востоку; широкая равнина продолжается. Ночлег. На другой день большой переход; я отстаю. Утро славное; мальчик с ослом плачет, что он вперед нейдет. Встреча с ханом, религиозное прение. Издали увеселительный замок шахов в местечке, стоит на террасах; большой двор, вправо жилья, конюшни, влево два царские жилья и башня. С другой стороны замок Алия и горы. И теперь хорошо, а летом еще лучше должно быть.

Переход похож на прогулку; много народу встречается на дороге. Мы то въезжаем на пригорки у склона горы, то опускаемся, но вскоре горы нас сами оставляют и уклоняются schreck überrüks[68 – Следует: schräg überrücks – вкось и назад (нем.).] влево; открываются Негиристанские горы. Подъезжаем к руинам, направо Раги Мидийские, мечеть, и там возвышается Тагирань. Наш дом.

Тагирань.

Негиристанские горы влево. Демавенд за облаками, впереди равнина, справа развалины Рагов Мидийских и мечеть. Стены с башнями, ворота выложены изразцами, неуклюжие улицы (грязные и узкие) – это Тагирань.

Визит седер-азаму, бодрый старичок: #с008002_38. Накануне бейрама, по знаку астронома, пушечный выстрел, подарки, форма принимания.

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru

В навруз: #с008002_39 мы, как революционные офицеры, перед нами церемониймейстер, проезжаем несколько улиц, въезжаем через крытые ворота; на обширной площади много народу; чисто, род бульвара. Слева башни разноцветные и стены; впереди мечеть, справа новая мечеть, первый позлащенный купол. Поворачиваем влево, через ворота в крытую улицу; еще площадь, усеяна народом, разные костюмы, песни, бимбаши, огромные пушки на помостах, фальконеты; доезжаем до внутреннего двора, где настоящий праздник. Ждем в комнате возле тронной. Потом и англичане. Перед окошками множество чиновников в богатых шалевых платьях, суетятся в промежуточных аллеях; перед тронном бассейном водометами, в ширину трона; уставлен искусственными цветами, как у нас вербы; сорбеты подносятся; далее, в продолговатости, другой такой же бассейн.

Взводят на наши места. Три зала фальконетов. Журавль. Шах-зиды, большие и малые. Царь в богатом убранстве и с лорнетом. Амлихово замечание: #с008002_40. Муллы, стихи, God save the king[69 – «Боже, храни короля» (англ.)]: #с008002_41, трубы, стихи, слон, деньги, представления, телодвижения короля: #с008002_42. Как длинна борода царя. Он также в гареме празднует бейрам.

Накануне, ночью и во весь день, все варварская музыка.

Наш дипломатический монастырь.

Тегеран – Султанея: #с008003

<8-28 июля 1819.>

8-го июля целую ночь не сплю, изготавливаемся в путь. Толпа женщин; раскрываются напоследях. Прощальное посещение седег-азаму: #с008003_1. Он в холодке сидит во внутренних воротах, жалуется, что должен ехать по ночам с шахом, в его лета#769; упоминает об Румянцеве. – Откланиваемся. – Остановка за вьюками. Отправляемся в самый полудневный жар. Бесплодный вид Тегеранских окрестностей. Сады, как острова, уединенно зеленеют среди тощей равнины. Между гор Демавенд с снежным челом. Вдоль гор доходим до Кенда. Тьма разнообразных деревьев, черешен, шелковиц, орешников грецких, абрикосов и проч. Роскошествуем в свежей квартире под пологом, объедаемся фруктами.

9-го <июля> встаем в глубокую полночь; ни зги не видать, смятение. Спускаемся с горы, камни хрустят, вода плещет под ногами. Мы всё [едем] вдоль гор. К утру слышатся позвонки. Звезда. Небо проясняется. Выезжаем на большую дорогу. Тьма верблюдов, лошаков, коней. Уклоняемся в сторону. Завтракаем. Шах и всякие шах-зиды позади. «Откуда эти господа?» – «Со страхом повергаюсь в прах перед вашим величеством». – «Усердие всегда водит нас истинным путем». Залп в Сулейманге. Моя встреча с дочерью хана в трахтараване. – За Сулеймангой три деревни: самая последняя Сункур-Абид. Насилу доезжаем.

Высокий свесистый дуб, под ним помост. Тут мы располагаемся.

10-го <июля> ночью же встаем, перед утром свежо и приятно. Я часто отдаляюсь от других и сажусь отдыхать возле воды, где тьма черепашек. Поля кругом в хлебах; вообще вид обработанного и плодородного края. Несколько деревень. Наконец Сефир-Ходжа; кругом аллея, где располагаюсь спать. Ветер ужасный и знойный. Укрываюсь в деревню.

11-го <июля> жар и утром печет немилосердно, все с себя скидаю, скачу стремглав. Много колесил округ Казбина, срывал молодые фисташки. Наконец, на квартире тьма фруктов и отдых. Молитва хана на рассвете. Pittoresque[70 – живописное зрелище (фр.)].

Июля 11-го. Видим шахов стан круг его дворца. Приезжаем, разбиваем наши палатки. Луна не показывается, нет бейрама.

Июля 12. Бейрам. Жар. Барабаны, трубы, дудочки, красное знамя, фальконетные залпы... но что делает эффект на параде, не всегда еще полезно в деле, в сражении. Внутренность палатки вся в коврах, а внешняя [сторона] так и поливается. Казбин. Посылается Эйвас к Хозров-хану.

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
<Июля> 13. Шахский дворец, как скотный двор, полуразрушенный. Сам он очень приветлив, только много томошится на своей подушке. Разговор о маскарадах, театрах и вообще о наших увеселениях. Шах дарит государю Аббас-Мирзу.

<Июля>. 14. Возле нашей палатки факир с утра до вечера кланяется к востоку и произносит: «Ей Али!»: #с008003_2 и, обратившись в другую сторону, – «Имам-Риза»: #с008003_3. Поэт Фехт-Али-хан, лет около 60, кротость в обращении, приятность лица, тихий голос, любит рассказывать. Шах за одну оду положил ему горсть бриллиантов в рот.

<Июля> 15. Бунт в Реште, осажденный Хозровханом: #с008003_4. Эйвас не возвращается, Абдул-Вагиб посылается в Решт.

<Июля> 17. Шах с избранными из гарема отъезжает к прохладному роднику возле гор, где разбивает свой шатер и пользуется жизнью.

<Июля> 19. Юсуф-Хан-Спадар делал учение с пальбою.

<Июля> 20. Шах его потребовал к себе.

– К чему была вчерашняя пальба?

– Для обучения войск вашего величества.

– Что она стоила?

– 2000 р. из моих собственных.

– Заплатить столько же шаху за то, что палили без его спросу.

Утром мы едем за агач от орды, в горы, к югу. Вдоль ручья дикий сад. Ручей проведен водоскатами. Все это местечко включено между гор полукружием. Живописный вид в Султанейскую долину. На дороге три арки – развалины моста. На возвратном пути между ними свистнула пуля по неосторожности персидского стрелка. Заезжаем в мечеть (остаток от древнего города); круглая, внутри стихи, между прочим: «да погубит бог того, кто выдумал сарбазов, а особенно...» Пословица о Каджарах.

<Июля> 25. Дожди беспрестанные; бумажные палатки протекают.

<Июля> 26. Приезд Аббас-Мирзы.

<Июля> 27. Вхожу на одну из дворцовых террас. Дальний вид Султанейского лагеря.

<Июля> 28. 10 000 отправляются к Багдату против турков.

Разговор с нагиб-султаном. Его видимая преданность нашему государю.

Зарю играют; каждый вечер дудочкам, пищалкам и литаврам созвучала вестовая.

Мирза: #с008003_5 потерял значительную сумму. Нашли воров и деньги, которые шах себе взял.

Рассказ Вагина: #с008004

10 июля <1819.>

Шах меня подарил Гаджи-Мирзе-Магмед-Агвари. В их бога он не веровал, и в какого веровал, неизвестно, все ворожил; бывало, запрется у себя, сделает воценого человека, произнесет над ним что[-то] и перерубит надвое, туловище в одну сторону, а исподнюю часть в другую. Так он в 40 дней доставил голову Цицианова. Шах ему писал неправду, что повоевал Россию, а мой хозяин ему отписал, что, коли так, иди возьми Тифлис; шах рассердился, хотел его порубить, а он, узнавши это, бежал с сыном, с женою и со всем домом, и я с ним, в Багдат. Там владел Гассад-паша. Мой хозяин ему несколько раз предлагал шахскую и Мегмед-Али-Мирзы голову, коли они на него пойдут войною. Шах по нем посла послал, его не выдали.

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
Другой на место Гассад-паши был назначен из Царьграда, Давуд-Эффенди, и подступил к Багдату. Мой хозяин поднял такой ветер в его лагере, что свету божьего не видать, и качал несколько дней верблюжью голову; потом верблюжьи, лошацьи, собачьи головы зарывали возле Давудова лагеря, ночью. Этих людей поймали. Давуд-Эффенди спросил: по чьему приказанию? кто у вас ворожит? Ему отвечали: Гаджи-Мирза etc. Потом мой хозяин назначает, в который день еще вихрю подняться и ставке Давуд-Эффендия надвое разорваться. Так и вышло, и все его войско побежало. Наконец Давуд-Эффенди с помощью Мегмед-Али-Мирзы опять воротился к Багдату. Несколько в городе узнали, что он при себе ферман имеет владеть ему в Багдате, и без драки отворили ворота. Гассад-пашу казнили и моего хозяина с сыном, дом разграбили и после разломали. Несметное множество народу собралось и всяких степных арабов, когда кувшин с нефтью принесли к деревянным воротам дома, чтобы их поджечь, ни капли не нашли, из <...> его искры посыпались <...>.

Миана – Тавриз – Гаргары: #с008005

Вали Курдистанский; молитвы Фетали-шаха. В деспотическом правлении старшие всех подлее.

<17–24 августа 1819.>

17 <августа>. Жар в саду. Амлих плечо сжег. Мианские ковры, клопы. Хан с сарбазами, который к нам ушел. Отправляемся перед закатом солнца. Груды утесов, река Мианачай излучисто пересекает тесные ущелья; разные формы камней, особливо при месячном свете; спуски, всходы, один спуск ближе к Тюркменчаю: #с008005_1, прекрутой.

18 <августа>. Ночью приезжаем к Тюркменчаю; не сплю; вьюк потерян. Походный декламатор. Тьма куропаток. В 4 часа пополудни отправляемся. Тьма куропаток; гористая дорога, снопы, арбузы с приветствием от жнецов и собирателей. Спуски, всходы, 2 караван-сарая; прежние разбои, ныне безопасно.

19 <августа>. Под вечер в Ужданах, в палатках, в виду дворец.

20 <августа>. Поутру едем во дворец – двукровный, весь открытый, по персидскому зодчеству; обсажен ветлами, между которыми трилиственник. Эриванское сражение, смотр войскам. Русские головы, как маковые, летят: #с008005_2. В другой комнате красавицы, азиатки и мадамы; принадлежности – собачка, куропатка, утка.

22 <августа>. Ханский сынок умница. Песчаная, каменная и холмистая дорога. Встреча. Таврис. Ханский певец. Ханский мирза.

23 <августа>. хлопоты за пленных. Бешенство и печаль.

24 <августа>. Idem. Подметные письма. Голову мою положу за несчастных соотечественников. Мое положение. Два пути, куда бог поведет... Верещагин и шах-зида Ширазский. Поутру тысячу туман чрезвычайной подати... Забит до смерти, 4-м человекам руки переломали, 60 захватили. Резаные уши и батоги при мне.

30-е августа <1819>.

Во второй раз привожу солдат к шах-зиде, он их берет на исповедь поодиночке, подкупает, не имеет ни в чем успеха и бесится.

Наиб-султан. Зачем вы не делаете, как другие чиновники русские, которые сюда приезжали? Они мне просто объявляли свои порученности.

Я. Мы поступаем по трактату и оттого его вам не объявляем, что вы лучше нас должны его знать: он подписан вашим родителем.

Наиб-султан. Если Мазарович будет так продолжать, поезжайте в Тейрань.

Я. Мы не по доброй воле в Тавриси, а по вашему приказанию.

Наиб-султан. Видите ли этот водоем? Он полон, и ущерб ему невелик, если разольют из него несколько капель. Так и мои русские для России.

Я. Но если бы эти капли могли желать возвратиться в бассейн, зачем им мешать?

Наиб-султан. Я не мешаю русским возвратиться в отечество: #с008005_3.

Я. Я это очень вижу; между тем их запирают, мучат, до нас не допускают.

Наиб-султан. Что им у вас делать? Пусть мне скажут, и я желающих возвращу вам.

Я. Может быть, ваше высочество так чувствуете, но ваши окружающие совсем иначе: они и тех, которые уже у нас во власти, снова приманивают в свои сети, обещают золото, подкидывают письма.

Наиб-султан. Неправда; вы бунтуете мой народ, а у меня все поступают порядочно.

Я. Угодно вашему высочеству видеть? Я подметные письма ваших чиновников имею при себе.

Наиб-султан. Это не тайна; это было сделано по моему приказанию.

Я. Очень жаль. Я думал, что так было сделано без вашего ведения. Впрочем, вы нами недовольны за нашу неправду: где, какая, в чем она? Удостойте объявить.

Наиб-султан. Вы даете деньги, нашептываете всякие небылицы.

Я. Спросите, дали ли мы хоть червонец этим людям; нашептывать же им ни под каким видом не можем, потому что во всех переулках, примыкающих к нашим квартирам, расставлены караулы, которые нас взаперти содержат и не только нашептывать, но и громко ни с кем не дают говорить.

Наиб-султан. Зачем вы не делаете, как англичане? Они тихи, смиренны. Я ими очень доволен.

Я. Англичане нам не пример, и никто не пример. Поверенный в делах желает действовать так, чтобы вы были им довольны, но главное, чтобы быть правым перед нашим законным государем императором. Однако, ваше высочество, позвольте мне подойти к солдатам, чтобы я слышал, как ваши чиновники их расспрашивают.

Наиб-султан. Мои чиновники дело делают, и вам до них нужды нет.

Я. Я имею большое подозрение, что они свое дело делают не чисто, как обыкновенно. Они, когда были от вас посланы в нашем присутствии расспрашивать русских об их желании, только что проповедовали им разврат, девками и пьянством их оболщали; когда же мы подошли, то убежали со стыдом. Между тем нам не позволено было ехать на мейдан и отобрать просящихся идти в отечество. Потом, когда вы велели, чтобы я своих людей привел сюда и чтобы прочих солдат привели из батальона, которые по выходе из моей квартиры были захвачены, я сделал вам в угодность, своих привел третьего дня, их тщательно расспрашивали, никто из них обратно не перешел к вам; но людей, которых имена у меня записаны, которые объявили мне свое желание быть посланными в Россию, которые были захвачены и вы приказали их мне представить налицо, мне их вовсе не показали. Ныне я опять пришел согласно с вашею волею; вот – мои люди, а прочих мною требуемых нет. Притом же ваши четыре чиновника поодиночке каждого из солдат, что я привел, берут на сторону, уговаривают, и бог знает как уговаривают, а мне вы даже не позволяете быть к ним ближе.

Пришли доложить, что из 70-ти человек, мною приведенных, один только снова перешел на службу к его высочеству, но и этот ушел от них, бросился ко мне в ноги, просил, чтобы я его в куски изрубил, что он обеспамятовал, сам не знает, как его отсунули от своих, и проч.

Шах-зида поручал солдатам служить вперед верою и правдою их государю, так же, как они ему служили, между тем мне давал наставления о будущем их благе, чтобы им в России хорошо было.

Я. Я буду иметь честь донести вашему высочеству о поступлении с ними нашим правительством, когда, отведа их в Тифлис, ворочусь сюда. Между тем чрезвычайно приятно видеть, как вы, Наиб-султан, об их участии заботитесь. Ваше высочество, конечно, не знаете, что их уже за давнее время не удовлетворяли жалованьем в вашей службе, и, верно, прикажете выдать столько, сколько им следует.

Наиб-султан. Нет, нет, нет. За что это? Если бы они меня не покидали, продолжали бы мне служить, это бы разница.

Я. Я думал, что за прошедшую службу их ваше высочество не захотите их лишить платы.

Наиб-султан. Пусть Мазарович дает, они теперь его.

Я. Да, у него в руках будущая их участь. Впрочем, и за прошлое время, коли вы отказываетесь, поверенный в делах этот долг ваш им заплатит. Ожидая от вашего высочества, что сдержите ваше слово и велите привести сюда прочих, желающих с товарищами идти в родину, тех, об которых я имел честь подать вам список.

Тут он позвал нашего беглеца Самсона Макинцева, я не вытерпел и объявил, что не только стыдно должно бы быть иметь этого шельму между своими окружающими, но еще стыднее показывать его благородному русскому офицеру, и что бы Наиб-султан сказал, кабы государь прислал с ним трактовать беглого из Персии армянина? – «Он мой ньюкер». – «Хоть будь он вашим генералом, для меня он подлец, каналья, и я не должен его видеть». Тут он рассердился, зачал мне говорить всякий вздор, я ему вдвое, он не захотел иметь больше со мною дела – и мы расстались.

<4–7 сентября 1819.>

4-го сентября.

По многим хлопотам выступление.

5-го сентября.

Ночь, поуस्ताю[71 – Очевидно, неправильно прочитанное слово или опечатка в первопечатном тексте; по смыслу предложения следует: поотстаю.], днем нахожу своих. Брошенный больной. Дыни, хлопчатая бумага. Возле Софиян у мельницы водопад, холодок, кусты, маленький вал, завтракаем. – Идем в ущелье, соляные воды и горы. Взбираемся на высочайшую гору, крутую; узкая тропинка между камнями. Вид оттудова. Вышли в 2 пополудни, пришли в Маранд в 7-мь пополудни. Виноградная беседка.

6-го сентября.

Днем в Маранде. Назаров, его положение. Известие о милостях государя к Маман-хану. Шум, брань, деньги. Отправляемся; камнями в нас швыряют, трех человек зашибли. Песни: «Как за реченькой слободушка», «В поле дороженька», «Солдатская душечка, задушевный друг». Воспоминания. Невольно слезы накатились на глаза[72 – Справа приписано: «Каменисто».]

«Спевались ли вы в баталионе?» – «Какие, ваше благородие, песни? Бывало, пьяные без голоса, трезвые об России тужат». Сказка о Василье-царевиче – шелковые повода, конь золотогривый, золотохвостый, золотая сбруя, золотые кисти по земле волочатся, сам богатырь с молодецким посвистом, с богатырским покриком, в вицмундире, с двумя кавалериями, генерал-стряпчий, пироги собирает, и проч., и проч. «Слышал, сказывает – кто?» – «Так сказывает Скворцов, что в книжке не сложится, человек письменный».

Успокоение у разрушенного караван-сарая; оттудова равниной идем до ущелья; земля везде оголилась; потом сквозь ущелье, трещины, расселины. Водопроводы с шумом извергаются из ущельев. Около горы сворачиваем вправо до Гаргар.

Разнообразные группы моего племени, я Авраам. Выступили из Маранда в 8 часов вечера, в караван-сарай 4 часа утра; оттудова в 7-м часу, в 11 часов в Гаргарах.

Ананурский карантин: #с008006

29-го ноября <1819>.

Вползываем в странноприимную хату, где действительно очень странно принимают. Холод, спрашиваем дров. Нет, а кругом лес. У ветхого инвалида покупаем дорого охапку. Затапливаем, от дыму задыхаемся. Истопили, угар смертельный и морозно по-прежнему. Спрашиваем корму для себя и для лошадей, – ничего съестного.

Наконец является маленький, глупенький доктор, с хлыстиком, вертится на одной ножке и объявляет, что мы в «политическом госпитале» (в мифитическом: от сырости запах претяжелый), что нашу комнату иногда заливают вода по колена, что срок сидения зависит от комиссара. Докторишка исчез, и я от угара проболел 24 часа. Явился комиссар, как смерть, курносый.

«Спасите. Карантин ваш очень мудро устроен, чтобы чумы далее не пропускать: потому что она с теми, которых постигнет здесь, непременно похоронится, потому что от холоду смерть, от дыму смерть, от угару смерть (да и сам комиссар, как смерть, курносый, – мы его наконец видели), но Бебутов и я не чумные, не прикажите морить...»

Тифлис – Тавриз: #с008007

<10 января – февраль 1820.>

10 января. Сады, влево Кура. Едем по склону горы, влево крепость Саганлук; поворачиваем вправо, кряж гор остается к северу. К югу Меднозаводская гора и хребет. Озеро. От Код Квеша на возвышении. Перед этим развалины на утесе, который как будто руками человека сложен из различных камней.

12-го (января). Через гору в Гергер. Казармы. Оттуда высочайший Безобдал...: #с008007_1

1801. Омар-хан разбит пшевцами, хевсурцами, в кольчугах, в шишаках, в числе 5000. Русские только были зрителями: #с008007_2.

Ad memorandum[73 – Для памяти (лат.).]. – При князе Цицианове Гуляков взял Чары и Беликаны и убит в Чарах в сражении против лезгин: обнадеялся на 15-й Егерский полк, который побежал и смял прочих.

Цицианов армянам: «я и об живых об вас небрегу, стану ли возиться с вашими мертвыми».

Возится с солдатами, бьет одного и после уверяет, что поссорились, награждает деньгами. Рубли превращает в медали после приказа, что гвардии за развод, а его солдатам за штурм дано по рублю[74 – Далее в первопечатном тексте опущены записи о горе близ Гумри (Алагезе), «где часто замерзают, хотя высота обыкновенная», об Арарате (16 января), о приезде в Эчмиадзин (17 января).].

17-го <января>. В монастыре хорошая гостиница, услуга. Бедственное положение патриарха.

18 января, понедельник. Осматриваю монастырь. Рука св. Георгия, копье, кусок от креста. Место – 4 столпа мраморные, – где было сошествие Христа по представлении, тому назад 1500 лет: #с008007_3. Ризница скрыта. Ковры. Типография на 3 станка. Патриарх ветхий, сетует о судьбе погибших монетчиков в Царьграде. Сам поплачивается за русских приезжих.

До Эривани 12 верст. Летняя беседка с витыми галереями в три этажа. Сам сардарь на балконе. Вода на улицах. Ad memorandum: Mehtour.

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
Патриаршее сравнение: Эчмедзин как роза между терниями. Портрет шахов гравирован в Париже.

С. Бегичев. Мать и сестра.

Огарев.

Шаховской.

Катенин.

А. О.

Шмидт.

Панин.

П*. Н.

Завадовский.

А. П. Огарева.

Бебутова: #с008007_4.

19 <января>. Вода ночью замерзла в комнате. Отправляюсь. Арарат вправо, как преогромный белый шатер. Много деревень, садов, речек. Маленькое ущелье Девалу[75 – далее в первопечатном тексте опущена запись от 20 января о том, как Грибоедов дважды тонул в какой-то речке, которая «вздулась и нигде нет проезду».]

22 <января>. Медление в Нахичевани. Армяне живут хуже татар, – окно для света и дыму, без камина. Мирза-Мамиш, персидская лесть. Чем к ней кто доступнее, тем ее покрывало более редееет[76 – далее в первопечатном тексте опущена запись от 24 января о приезде в Гаргары.]

Февраль. От Гаргар к юго-западу, влево, через ущелье, занесенное снегом. Выехавши на широту – равнина до караван-сарая. – По пригоркам до Маранда. Маранд виднеется на высоте за три агача. – Из Маранда в горы подъем трудный. От караван-сарая спуск до Софиянки, ровно до Тавриза; влево и вправо делятся горы: #с008007_5.

Крым: #с008008

<24 июня – 12 июля 1825.>

Июня 24. Середа. Иванов день. Вверх по Салгиру верхом. Сады, минареты, Перовского дачка: #с008008_1 – приятной, легкой архитектуры домик. Облако столбом над Чатыр-Дагом, будто куритса. Ручьи падают справа от нашей дороги в Салгир. Тополи, надгробные камни с чалмами. – Аянь: #с008008_2, на восток от него в полуверсте источник Салгира в известковой каменной котловине. Пещера, вход с двух сторон; спереди с шумом извергается источник, слева род окошка; мы, разутые, лезем в него, цепляемся по голым камням, над нами свод, род пролома сверху, летучая мышь прилеплена к стене возле, и внутренняя продолговатая пещера позади нас. Мы сидим над самым о[брывом]м. М. Ш. называет его глазом. Вода холодная, как лед.

После обеда из Аяна косогором к западу, направо лесистая впадина к дороге между Чатыр-Дагом и Темирджи, склонение к северу Яйлы, под ним домик, тут дача Офрена, сзади подошва Чатыр-Дага, впереди ущелье Кизиль-Кобе, проезжаем чрез ущелье Альгар, деревня Човки: #с008008_3 (станция к Алуште), влево малый Джанкой, вправо речка Кизиль-Кобе, ущелье входит клином в гору: #с008008_4, там родник

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
сперва наружу, потом отвесно под землю, потом снова широкою лентою падает на камни и течет в долину, которая позади нас; орлиные гнезда, орешник, кизиль, род ворот между двух самородных камней, пещеры, своды, коридоры, столбики, накипи.

Симферополь. Цыганская нынешняя музыка в Крыму – смесь татарского с польским и малороссийским.

Июня 25. Дожливый день. Берем несколько назад, потом левее, по северной подошве Чатыр-Дага до Буюк-Джанкой, оттуда вверх довольно отлогая дорога, лесистая, справа овраги, тесные и глубокие долины, бездны лесные, там течет Альма, ее исток между Чатыр-Дагом и Султан-горой, белые холмы Саблы в отдалении, еще далее горы Бахчисарая. Поднимаемся на террасу каменную, инде поросшую лесом, убежище чабанов внизу, а далее в равнине все еще туман. Шатаемся по овчарням.

После обеда. Наелись шашлыка, каймака: #с008008_5, на круглом столике, поселившись в каменной яме к северу от овчарного хлева. Зелень и климат северные. Низменная даль все еще подернута непроницаемою завесой, оттуда тучи поднимаются к нам, ползут по Чатыр-Дагу. Он совершенно дымится. Горизонт более и более сужается, наконец я весь увит облаками.

У здешних пастухов лица не монгольские и не турецкие. Паллас: #с008008_6 производит их от лигурийцев и греков, но они белокуры, черты северные, как у осетинов на Кавказе.

Гроты снеговые, стены покрыты мохом, над ними нависли деревья. Спускаюсь вглубь, впалзываю в узкое отверстие, и там снежное приятелище – родник замерзший. Скатываем камень, – продолжительный грохот означает непомерную глубину. Выхожу оттуда, – синее небо.

Поднимаемся на самую вершину. Встреча зайца. На иных зубцах самого верхнего шатра и на полянах ясно, но у самого верхнего зубца нас захватывают облака, – ничего не видать, ни спереди, ни сзади, мы мокрехоньки, отыскиваем пристанища. Розовая полоса над мрачными облаками, игра вечернего солнца; Судак синее вдали; корабль в Алуште будто на воздухе; море слито с небом. Попадаем в овчарню на восточной вершине, обращенной лицом к югу. Сыворотка, холод, греюсь, ложусь на попону, седло в головах, бляение козлов и овец, нависших на стремнинах. Ночью встаю, луна плавает над морем между двух мысов. Звезда из-за черного облака. Другая скатилась надо мною. Какой гений подхватил ее?

Июня 26. Пятница. Кочуем в тумане и в облаках целое утро. Сажусь на восточный утес, вид на глубину к Темирджи. Два корабля в Алуште. Съезжаем до лучшей погоды в Корбек: #с008008_7, лесом ручьи. На квартире (крайнейверху) с балкона вид на море. Справа из-за Султан-горы высовывается Кафель. Балкон под сливою и грецким орешником. – Под вечер пешком в Алушту средними возвышениями, подошвою Чатыр-Дага. Замок Алустон в развалинах, налево Шумы, деревня Темирджи на воздухе; возвращаюсь низом, сперва садами, потом тропою, которая ведет в Бешуй, ногами растираю душистые травы, от которых весь воздух окурен. Татары любят земные плоды.

Ночью встаю, месячно.

27 <июня>. Опять в гору; сперва лесом, потом голые вершины уступами. Круча.

Панорама с Чатыр-Дага:

Впереди под ногами площадь, терраса Чатыр-Дага, первая под самым темем, шатром (чадирь), все негладкости будто стесаны, пониже дичь, густой лес, в нем источник Альмы между Султан-горой и Чатыр-Дагом. Далее дугою Севастополь, Бахчисарай, Саблы, белые меловые горы, правее Салгир, Акмечеть: #с008008_8, еще далее Козлов: #с008008_9 и море, между всем этим; ближе к месту, с которого смотрю, волнистые холмы, по ним солнце играет. – Справа Зуя, Карасубазар, над ним дымок, задняя пологая часть восточной Яйлы, часть Азовского моря голубую полосою окружает с востока степь и дол до Перекопа. – Слева западная часть задней Яйлы, Св. Нос к Балаклаве чернеется. – Обратясь назад – море, даль непомерная, с запада спускается к нему Яйла, из-за ней Кафель, прямо Алушта, к востоку берег изгибом до Судака, выдавшегося далеко в море, точно между Обсерваторией и Горным Корпусом. За Судаком Карадаг и проч. 3 корабля. На вершине (западном зубце, где мы стоим), между двух углов, шагов

50 стремительный спуск к югу, пологий к северу, обрыв к Альме, дебрь. – За Темирджи несколько слоев гор еще ее возвышеннее. – От Чатыр-Дага к северу площадь, терраса, будто укрепление с исходящими углами, с бойницами, из них иные красные, желтые, серые, и между ними зелень. Белизна меловых гор, которые тянутся, как лагерь.

Несколько орлов с закрученными крыльями; их плавный и быстрый полет. Дождь, словно занавесь, постепенно закрывает предметы и близится к нам, наконец сечет нас. Прячемся. Новая картина. Улитки. Я над стремниной. Опять ведренно, выхожу из засады. Противуположность, – спереди был мрак, сзади ясно, теперь наоборот. – Следую направлению верхнего обреза от запада к востоку, смотрю на дольные картины из-за промежутков скал, как из-за зубцов Кремля. – Сперва Салгир был вправо, потом прямо против меня, теперь влево, по мере моего шествия. К западу картина становится уже и расширяется к востоку. С восточной оконечности вид на дебрь между Кизиль-Кобе (вчера казался так высок, а нынче через него гляжу), Темирджи и Чатыр-Даг. Ветер переменился, облака назад пошли и, после дождя, разодранные, как после битвы, тянутся от Султан-горы серединою Чатыр-Дага в Темирджинское ущелье, словно оттудова пар воскуривают; позади всего море, пропасти под ногами и зубцы. Не понимаю, как меня ветер не снес! Прихожу к пастухам, волынки, рожки и барабаны.

Возвращаюсь в Корбек.

После обеда в Шуму; плутаю по оврагам; лошадь мне ногу зашибла. Новая большая дорога. Рысью в Алушту.

Алушта; древние развалины замка, около которого домики с плоскими кровлями прислонены к холму, образуемому со многими другими подошву Чатыр-Дага; около него ручьи и сады в яминах. Все место окружено амфитеатром, к морю отрогами обоих Яйл и Чатыр-Дага, которого вершины господствуют над сей долиною. Корабль нагружается лесом; другой от флота зашел за пресной водою. Разговор с офицерами о Чатыр-Даге. Морские ванны. Эфенди хвастает крепкою черешнею.

28 июня. Едем берегом. Узенькая тропа. Жар несносный. Вправо то голые утесы, то лес. Кафель. Иногда крутой въезд, потом опять спуск к морю. Мыс. Проехав, из-за него выказался Кучук-Ламбат: #c008008_10. С одной стороны голый и не самый высокий утес, с другой возвышенный и лесистый Аюдаг, далее выдавшийся в море, окружают приятнейший залив; волны дробятся о берег. Фонтан под фигою; вид благосостояния в селении. Дом. Воскресный день. Бороздин называет это «пользоваться премию природы, не выезжая из отечества». Сад, розмарины, *Tauriers-roses*, маслины, смоковницы, лилеи, дева утеса в Кизильташе. – Еще родник в саду; беседка к морю, затишие от бури, напоминает такую же в Выдубеце. Подводные камни, не доезжая до деревни. Бакланы, дельфины. *Venite adoremus*[77 – Приидите, поклонимся (лат.).].: #c008008_22

29 <июня>. Парфенит: #c008008_11, вправо Кизильташ, шелковицы, смоковницы, за Аюдагом дикие каменные места, участок Олизара, шумное, однообразное плескание волн, мрачная погода, утес Юрзуфский, вид с галереи: #c008008_12, кипарисники возле балкона; в мнимом саду гранатники, вправо море беспредельное, прямо против галереи Аю, и впереди его два голые белые камня.

Отобедав у Манто[78 – в первой публикации фамилия была прочитана неверно: Монта.] (у жены его прекрасное греческое, задумчивое лицо и глаза черные, восточные), еду далее; Аю скрывается позади, сосны на Яйле, лесистые высокие места, впереди Гаспринский мыс: #c008008_13 ограничивает горизонт.

Подъезд к Никитскому саду лучше самого сада. Заглохшая тенистая тропа посреди одичалых остатков греческого садоводства, под гору, плющом увитые ясени и клен, грецкий орешник, акация, дикий виноград, смоковницы, плачущие ивы. В саду *rus delphinus*, которого я давно домогался названия в Ширване.

Всегда ли лето бывает так прохладно? Дорога более возвышена. Род часовни, где лошадь привязана. Выезжая из сада и поднявшись кверху, в перелеске руины греческой церкви. Вообще до сих пор развалины не живописны, исключая алустонских торчащих трех обломанных башен.

Приятный запах листьев грецкого орешника, когда его в руках растираешь.

НВ. Отъехав от Юрзуфа и посмотреть назад, вид берега расширяется через передовые отроги Яйлы, вид на долины к Ялте пространен, и пожелтевшие нивы разнообразят темную, многотенную картину.

Ночью в Дерекое: #с008008_14. Кладовая хозяйина. Один каштанник во всем краю. Сад Мордвинова в Ялте.

Округ Никиты. Запущенные и оброшенные сады греков, выведенных в Мариуполь.

30 июня. Пространная долина, и плодоносная. Горы почти так же высоки, как около Алушты, и окружают до пристани. Аутка: #с008008_15 – греческое селение в сторону от дороги, но в ней все по-татарски. От Аутки лесом прямо в гору, справа с Яйлы водопады Ялты: #с008008_16. Оборотясь назад, вид расширяется от верха Яйлы до Никиты-буруна; прелестная темная (фонс#233;е) долина, усаженная лесом; пестрота нив, садов и деревень, часть моря у Яйлы. Спустясь на большую дорогу, опять лесом до Кушелева сада в Урьянда: #с008008_17. Нос Айтодор каменистый выдается в море; тут развалины монастыря. Выезжая из леса и поднявшись на высоту – пространный вид. Яйла, голая, дикую стеною господствует над Гаспри, Хуреис: #с008008_18, Мускор: #с008008_19 и Алупкую. С пригорка над Гаспрою опять виден Аюдаг, который было исчез за Никитинским мысом. – Чрезвычайно каменисто; земляничный лес на Яйле, как кровь красный. Вчера высота Яйлы была осемена соснами, а ныне безлесна.

В Алупке обедаю, сижу под кровлю, которая с одной стороны опирается на стену, а с другой на камень; пол выходит на плоскую кровлю другого хозяйина, из-за нее выглядывает башенка мечети. Муэдзин Селами-Эфенди, шелковицы, виноградные лозы, сюда впереди два кипарисника тонкие и высокие, возле них гранатовый куст; вообще здесь везде оливы, лавры и гранатники рдеют. Паллас говорит, что у Айтодора устрицы, но пора рабочая, теперь не ловят. Греки в Аутке.

После обеда. Из Алупки в Симеис, оливы, гранаты, коурме#769;: #с008008_20, роскошь прозябения в Симеисе; оттудова утес, обрушенный в море торчма, на нем развалины замка; проезжаем сквозь теснины частию нависших и в море обрушенных громад, другая на суше, над нею прямо обломанный утес, повсюду разрушение. Дождь, укрываемся к казакам (береговой кордон, далее содержит его балаклавский полк), от дождя быстрые потоки и водопады. Яйла совершенно обнажилась из-за передовых гор. Кукунейс; между ним и Кучук-коем: #с008008_21 обвал от землетрясения, будто свежевспаханная земля; оттудова вид на крайний мыс южного берега форус, темный, зубцы и округлости отрисовываются позади светящим вечерним заревом. (На другой день я увидел, что это только зубчатая поперечная скала между Мшаткою и Кучук-коем.)

Лень и бедность татар. Нет народа, который бы так легко завоевывал и так плохо умел пользоваться завоеваниями, как русские.

1 июля. Из Кучук-коя косогором. Я задумался и не примечал местоположения; впрочем, те же обвалы, скалы справа, море слева, поперечные зубчатые скалы. Поднимаемся близ форусского утеса вверх лесом, похоже на подъем с моря на Чатыр-Даг, красноречивые страницы Муравьева, перевалиясь через Мердвень. Паллас прав насчет лицеочертаний приморских татар трех последних деревень.

Байдарская долина – возвышенная плоскость, приятная, похожая на Куткашинскую. Кровли черепичные; кажется, хозяйство в лучшем порядке; хозяйский сын хорошенький. Тут я видел, что#769; во всей Азии, как хлеб молотят: подсыпают под ноги лошадям, которых гоняют на корде.

После обеда в лес до Мискомии. Оттудова две трети долины заслонены выступающею с севера горою, так что тут делается особенная долина; отсюда в гору извивистой тропой спускаемся к хуторку, к морю (bergerie), где была разбита палатка для Екатерины во время ее путешествия; справа из-за плетня белеются меловые горы, между Узеном и Бельбеком. Поднимаюсь на гору. Панорама: вправо долина Узеня, под пригорком Комара, или Карловка, слева море разными бухтами входит, врезывается в берега. Прямо впереди тоже море окружает полуостров, которого две оконечности – Севастополь и Балаклава. Влево, в море флот из 9-ти кораблей; под ногами два мыса, как клавиши. Еще ниже островерхий пригорок, на нем замок и башни древнего Чемболо; на втором мысе (из двух параллельных) сады и обработанная поляна.

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
Объезжаем ближайшую гору, к северу кадикой: #с008008_23, бухта тихая, как пруд, и местечко балаклавское на подошве западной горы; бухта сжата продолговатыми мысами, на вид безвыходными. Школа, дом Ревельота, церковь, мечеть упраздненная, балконы на улицу. Ночью мало видно. Дежурный капитан. Готовится мне ялик для прогулки по бухте, на другой день, на рассвете.

Комната моя в трактире с бильярдом. Морская рыба макрель, кефала.

2 июля. Поутру, бухтою, вниз к устью, – не видать никакого выхода; на протяжении до открытого моря на 1 ½ версты заслонено утесами с обеих сторон; слева замок, полукруглый залив по выходе в море. Дельфины и бакланы. Плыдем в оба направления, к востоку Святой Нос, как будто развалины монастыря. Воротясь назад, приятный вид местечка – в церковной ограде кипарис, мечеть внизу, старая церковь в горе, школа – самое чистенькое здание. Настоящий грек, слуга в трактире, пылает желанием сразиться с греками и сдирает с меня втридорога за квартиру.

Уезжаем из Балаклавы назад к верху бухты, налево в гору, вправо внизу кадикой, церковь беленькая, приятный вид после запачканных мечетей, еще в гору, мимо Корани (все 4 деревни греческие). Хорошо отстроенные домики.

Возвышение, с которого Гераклиевский полуостров как на ладони; окружен морем. Панорама: мы лицом прямо на запад, вправо белеются дома Севастополя и большая бухта, корабельные мачты, далее северная коса и еще далее козловский берег, впереди маяк и две бухты, как на чертеже. Хутор монастырский и другие, налево новая колокольня св. Георгия (напрасно выстроенная). Позади гористый вид, мыс Ай-Даг, Святая гора, отсюда виден; говорят, что он первый в Крыму представляется плывущим из Царь-града. Не это ли Криуметопон? Это похожее на дело, нежели «баранья голова» Муравьева: #с008008_24. Долина Узень, слева белый кряж гор известковых новейшего образования: вглубь всей картины верх Чатыр-Дага, нависшего как облако.

NB. Воспоминание о великом князе Владимире: #с008008_25.

Едем в монастырь. Крутизна по входе в ворота; внезапности для меня нет, потому что слишком часто описано (так же, как и Байдарская долина: если бы безыманная, она бы мне более понравилась; слишком прославлена). Спускаюсь к морю, глаз меня обманул: гораздо глубочайший спуск, чем я думал. От церкви глядеть наверх, к колокольне, похоже на Киевскую Лавру, но вид из Лавры несравненно лучше. – В море справа два камня, как башни, между ними утес вогнутою дугою, слева скалы; под их тенью раздеваюсь и бросаюсь в море. Вода холодная, как лед. Красивые разноцветные камушки, прекрасно округленные. Назад подъем тяжел. Змея. Митрополит из Кефалоники.

Едем в Севастополь; жарко, сухо, мерзко и никакого виду. Город красив. Сначала виден с Артиллерийской бухты дом Снаксарева. Мы берем вправо, в заставу. Под вечер гуляю. Лучшее строение города – госпиталь над южной, самой пространной бухтою. Огибаю Артиллерийскую бухту, базар, живопись, купаются, скверные испарения. Батарея, закат солнца, иду на Графскую пристань, оттуда большою улицею вверх, мимо двух церквей, домой. Ночь звездная, прекрасная, но безлунная. Маяки светятся в стороне к Инкерману: #с008008_26.

3 июля. Севастополь лежит лицом к Ктенусу, одною стороною на южную военную (или корабельную) бухту, а другою на Артиллерийскую. Несколько батарей на северной косе и на мысе военной гавани. Ктенусом плывем 7-мь верст; лес истреблен (жаль, а то бы прелестное гулянье по воде). В балках справа казенный сад, где гулянье 1-го мая, пороховой магазин, слева сухарный завод, справа и слева хутора. Выезжаем в камышовый Узень, струйка пресной воды, ясени и другие деревья; направо гора двойная, изрытая пещерами; коридор, полуразрушенная внутренность церкви (живопись: святой с ликом, стертый), точно арки гостиного двора или караван-сарая. Древний мост слывет Ханским; перейдя через него, насупротив прежних и выше их две другие горы, тоже пробитые пещерами, иные застроены и вымазаны, с окошечками, нашими артиллеристами, рабочими на селитренном заводе. Здесь церковь целее, фигурные украшения, горнее седалище. Из придела церкви обломанный свод без лестницы; Александр туда, и я за ним. Вверху ступени в крепость, идет к южной крутизне, там пещеры ярусов в десять, иные раскрашенные, иные клетчатые, выдолбленные украшения.

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
Вид на луг и долину Узенья прелестный. Также, оборотясь вправо, на залив. Вероятно, когда нападали на жителей, то они спасались на верхние жилища; если подламывали пилястры, то бросались в крепость. С севера и востока стены и башни довольно целы, так как эти обе стороны здесь приступнее и положе, то и был тут он укреплен тверже, двойною стеною. На север башня круглая и далее четырехсторонняя, на восток зубчатая стена, башня круглая, опять стена, четырехугольная башня и еще стены и круглая башня угловая.

Инкерман самый фантастический город; представляю себе его снизу доверху освещенным вечером. – Но где брали воду? – Отчего монахи? – Во всяком случае, ариане, ибо готфы сперва были ариане; таков был и переводчик их Библии епископ Ульфила.

С севера сход, крыльцо к роднику. Приятно умываться, когда сам божок или нимфа ручья подает воду из рукомойника. Панорама с крепости: к западу Ктенус и горы такие же, как та, на которой крепость и которые отделяют полуостров. К югу, за долиною Узенья, Байдарские горы; с востока и севера протяжение тех гор, на которых крепость.

После обеда. Часов в 5-ть после обеда еду к карантину. Стена, в которой пролом, прилежит к нынешним зданиям и тянется к заливу направо и по возвышениям югом, где обращается вдавшимися углами многоугольника к западу, возле песчаной бухты упирается в море, и тут пролом и части стен и башен. К сей стороне, внутри, насыпной холм. Не здесь ли Владимир построил церковь? («Корсуняне подкопавше стену градскую крадяху сыплемую персть и ношаху себе в град, сыплюще посреде града, и воины Владимировы присыпаху более». Нестор.) – Может, великий князь стоял на том самом месте, где я теперь, между Песочной и Стрелецкой бухты. Тут, теперь, наравне с землею основание круглой башни и четверосторонней площади к Стрелецкой бухте. – Впереди все видно, что происходит в древнем Корсуне, и приступ легок. Через город видны холмы Инкермана и два его маяка и верхи западной Яйлы, очерчивающей горизонт как по обрезу; Чатыр-Даг левее и почти на одной черте с городом обособится от всех, как облако, но фигура его явственна и правильна. Смотрящему назад видны два кургана, один прибрежный, другой средиземной. Я на этом был, – груда камней, и около него два основания древних зданий. Солнце заходит в море, и черное облако застывает часть его; остальная в виде багрового серпа месяца. Худое знамение для варягов. С насыпного холма, внутри города, виден маяк, а далее, по морю и кругом, не видать. – Пещеры к югу; их множество. Проводник уверяет, что они ведут к Инкерману, обложены огромными дикими квадратными камнями. –

Колодезь, водопровод. – Лисица. – Два корабля и флот.

4 июля. Поутру однообразною дорогою, тою же заставою, в которую въехал. Надоело, велел своротить вправо, чтобы сблизиться с морем; едем рвом, множество четверосторонников; поля разделены на клетки каменными основаниями; налево, над рвом, возвышение, на нем [и и и] из огромных грубообтесанных камней, сложенных одни над другими в два ряда, к югу два круглые основания, в них ямины, далее параллелограмм; тут и кончится возвышение.

Подъехав к морю: позади осталась Стрелецкая бухта, круглая впереди; те же клетки и фундаменты параллельных оград. Паллас предоставил себе со временем внимательнее осмотреть остатки древностей около бухт Казацкой, Круглой и Стрелецкой, но при том и остался. Вот что я видел. В конце загиба Камышовой бухты два хутора, второй купца Сергеева «Екима Сергеевича покойного; сын его Левушка махынький, 22-й годочик». В одном из его огородов: [и и и] один бок 16, другой 24 шага с одной стороны, в 4 ряда камни, и еще надделан неполный ряд; иной камень в 2 аршина длины и 19; ширины; другие бока в три ряда. Обойдя загиб бухты и перевалась через пригорок, такой же [и и и] и тут на холме, до самого маячного перешейка, груды огромных и средственных.

Маяк в 12 саженой вышины. Панорамный вид полуострова не так хорош, как с горы Карани: кроме двух возвышенных мысов с правой стороны, ничего не видать. Флот в море, идет к Николаеву на всех парусах. У берега свинки (дельфины) кувыркаются, фонтаном пускают воду из головных отдушин; столпили в стадо рыбу салтанку, которая от них не может отбиться, море наполнили кровью и насыщаются. Стая чаек реет округ их и подхватывает объедки трапезы. Бакланы, уже сытые, плывут впереди.

На возвратном пути, перейдя ров Стрелецкой бухты, на пологом возвышении к древнему Корсуню древние фундаменты, круглые огромные камни и площади. Не здесь ли витийствовали херсонцы, жилали на дачах и сюда сходились на совещания? А нынешний остаток стен может быть только Акрополь. Впрочем, я ужасный варвар насчет этих безмолвных свидетелей былых времен; не позволяю себе даже догадок. Что такое bâtisses суслорéennes[79 – циклопические кладки (фр.)]? Похоже на турок и персиян, у которых Тезеев храм в Афинах и Персеполь приписываются построению Дивов. – С маяка и на здешнем полуострове видно то же направление земли, как во всем Крыму, – северные берега пологи, южные круты и обрывисты.

5 июля. Через Ахтиарский залив на северную косу; оттуда вид на Севастополь, Корсунь и маяк. Едем вдоль берега, поворачиваем, миновав Учкуй, вдоль Бельбека. Берега в садах; справа горы положе и в зелени, слева крутые и голые, меловые. Вероятно, на Каче и на Альме то же. Дуван-кой: #c008008_27, – долина расширяется, справа восточная часть Мангупской горы, прямо срезана, выглядит из-за протяжения гор, что с правой стороны от дороги.

Сворачиваем еще правее, переезжаем через Бельбек и продолжаем путь вдоль речки Кара-Илаза. Примечательный и оригинальный вид гор, чрез которые прорывается Бельбек, – сахарные головы, верхушки бисквитные. Иной бок закруглен вперед или назад, наверху род теремов и замков или бельведеров, разноцветных от смешения зелени со слоями камней. Гора над Кара-Илазом тоже как будто сверху укреплена исходящими башенками. Оттуда уступами тополи высочайшие. Мельница, дом, гарем (желтенький, в ограде). Гостиница, прекрасное угощение.

Гроза великолепная.

Поднимаемся в верхний Кара-Илаз, ущельем вдоль Суук-Су, потом в Ходжа-сала, влево в ущелье, плуаем заглохшею тропкою, въезд на Мангупскую гору с севера, ворота, стены, часть замка, окна с готическими украшениями.

В утесе высечены комнаты. Ходы, лестницы, галереи к северо-востоку вне крепости. На самом конце площадка, под нею вторым уступом острый зубец утеса, направо долина, налево под ногами голое ущелье, где Ходжа-сала; далее море. Спуски, сходни в круглый зал, шесть комнат к западу, к востоку три, узкий ход по парпету, множество других развалин.

Башни и стены к востоку в маленьком промежутке, где не так отвесно. Большая, местами довольно целая, стена западная. Спускаемся заросшею стремниною. Жидовское кладбище. Не худо бы разобрать надписи. Вид прямо на Кара-Илаз. Ночью в Бахчисарай. Музыка, кофейная, журчание фонтанов, мечети, тополи. Татарин мимо нас скачет вон из города, искры сыплются из трубки.

6 июля. Хан-сарай полуразвалившийся. Вид с минарета. Иду пешком вверх по нашему переулку, оттуда к мавзолею грузинки, от него вверх и опять вниз к мостику. В перспективе гаремная беседка, вид города: тополи, трубы, минареты. Азис, вниз по Чурук-Су базарною улицею, деревня, 6 мавзолеев, один осьмиугольный, карнизы обложены мрамором. Опять в Бахчисарай; от него на восток ущельем вверх по Чурук-Су. Дома под навесом утесов. Минареты, куполы развалившихся баней. Вправо лощина врезана в ту же гору, которая с юга господствует над Бахчисараем. Сворачиваем туда; проехав немного, справа монастырь навис под горою и прилеплен в горе; лестница и церковь и коридоры высечены в камне, балкон пристроен снаружи и келейка, где старик со старушкою. Внизу надгробный памятник неизвестного, надпись русская сглажена. Оттуда ложбиною вверх, везде фонтаны, дорога влево, клином наверху Иосафатова долина в дубовой роще. Налево отвесная гора Чуфут-Кале, туда ведет лестница. Та же система укрепления, что в Мангупе. Оленье поле; на стремнине против монастыря остатки башни и стены.

Местоположение Чуфут-Кале: к северу ущелье, где протекает Чурук-Су и где Бахчисарайские горы; к западу ложбина монастырская; к югу лощина кладбищная; к востоку долина глубокая и лесистая между гор, где низменная дорога от Альмы к Каче. Тут вид горный до самой Яйлы-западной. Промежуточные возвышения, холмы и долина погружены в тени, над ними природа разбила шатер, он светозарен от заходящего солнца, которое прямо в него ударяет; все прочее от нашедших с запада облаков покрыто темнотою. Эту картину я видел, проехав Иосафатову долину; к югу от нее и выше, над стремниною, за которой внезапно выставляется Тепе-Кермен с

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
пещерным его венцом, – точно вышка, крепостца наверху. Тут я увидел почти все течение Качи, как она вьется из гор, а позади нас впадение ее в море, которое светится. Впадение в Качу Чурук-Су. Дождь в Бахчисарайском ущелье. Вправо горы Кара-Илаза. На Каче Татар-кой: #c008008_28. Возвращаюсь к мавзолею грузинки: #c008008_29.

Чуфут-гора одна из меловых белых гор между Салгиром и Касикли-Узеном, подобно как Тепе-Черкес-Инкерман и Мангуп, и все они пещеристы. Кто этот народ и против кого окапывался к югу? Раббин говорит: хазары, которые прежде назывались готфами.

9 июля. По двухдневном странствовании еду к М-те Hoffr#232;ne в Татар-кой. Из Ахмечета дорога влево от кладбища, вправо остается Лангов хутор и еще далее его же деревенька. Верстах в шести от города с высоты вид моря. Во всем Крыму, как бы долина глубока ни была, – подняться на ближайшую гору, и откуда-нибудь море непременно видно. Спуск к Саблам, где все зелено, между тем как в степи, позади меня, все желто. Чатыр-Даг. Сенные покосы. Крестьяне в Саблах выведенцы из России. Султан. Ирландский проповедник Джемс в Саблах, увидавши меня, рад, как медный грош. Школа плодовых деревьев; коли слишком растут в высоту, то это плохо для плодов. Столетнее алое. Переезжаем Алму у Карагача; ниже сад Чернова на Алме же; далее лесом, низеньким. Переезжаем Бодрак, налево Мангуш. Вступление вправо в ущелье Бахчисарайское с востока, наполнено садами, строениями, развалины дворца, влево, сверху, торчит Чуфут-Кале, ложбина вправо. – Баня в Бахчисарае хуже тифлисской; прежде я там не был, потому что, когда прочел Муравьева, – как будто сам водою окатился.

10 июля. Утром в Татар-кой. Крутизна к Каче; прекрасная Качинская долина, милые хозяйки: #c008008_30. Султан о религии толковал очень порядочно в Бахчисарае, свое и чужое, но премудрость изливается иногда из уст юродивых.

11 июля. Кавалькада в Тепе-Кермен. Гора, нависшая над Татар-кочем, верх которой в виде стены, стойма поставленной. Ораторство султана. Ходим по пещерам.

12 июля. Лунная ночь. Пускаюсь в путь между верхнею и нижнею дорогою. Приезжаю в Саблы: #c008008_31, ночую там и остаюсь утро. Теряюсь по садовым извитым и темным дорожкам. Один и счастлив. Джемс кормит, поит, пляшет и, от избытка усердия, лакомит лошадью, которая ему руку сломала. Возвращаюсь в город: #c008008_32...

Отдельные заметки: #c008009

28 томов книг получил каймакам: #c008009_1 из Италии, однако говорит, что там еще много осталось хороших.

Визирь, битый, по условию каймакама с шах-зидою: #c008009_2, за финансы.

Где только персиянин может на словах отделаться без письма – он очень рад. В важнейших делах обсылаются через фарашей, которые словесно их производят, и это много способствует к усовершенствованию их природного витийства. В Москве тоже обычай есть с людьми многое приказывать, что гораздо заходит за сферу их деятельности.

Верзилице женщин. Мусульманов обличают в любви с христианками.

5-го марта 1822. Тифлис.

Прихожу к Полю; бичё его, который тарелки чистит, принимает депутацию от крепостных своих мужиков. Они жалуются, что им есть нечего; он, князь, им уделяет рубль из своего жалованья. И мой бичё, конюх Иван, – князь, сын маиорский. Прихожу домой, у моего Амлиха гости. «Кто у тебя?» – «Цари». – «Как цари?» – «Да-с, царевнины сыновья, царевичи, нам соседи».

Эриванский поход: #c008010

<12 мая – 1 июля 1827.>

12 мая. Четверток. Прибытие Семптер-аги из Карса. Новости от Бенкендорфа, нахичеванцев переселяют. В виду у нас вход в пустыни знойные и беспитные. Выезжаем из Тифлиса, Вознесенье. В Сейд-Абаде многолюдно и весело. Толпа музыкантов на дереве, при проезде генерала: #с008010_1 гремят в бубны. Обогнув последнюю оконечность мыса, вид к югу туманного Акзибеюка; вершина его поливается дождем. По дороге запоздалый инженерный инструмент и сломанные арбы с дребезгами искусственного моста, разметанные по дороге, производят на генерала дурное впечатление. Минуем Коди, верстах в двух от большой дороги сворачиваем в Серван, вдали лагерь у храма. Услужливость мусульман. Речь муллы.

13 <мая>. Пятница. Поутру прибыли к храму. Быстрота чрезвычайная, новое направление реки, мост снесен. Ночью Шулаверы, живописные ставки в садах. Казак линейский по-чеченски шашкою огонь вырубает и всегда наперед скажет, какой конь будет убит в сражении.

14 <мая>. Суббота. Драгунский полк проходит. Лошади навьючены продовольствием и фуражом; люди пешие.

15 <мая>. Воскресенье. Ущелье вверх по Шулаверке чрезвычайно похоже на Салгирскую долину: #с008010_2. Лесистые, разнообразные горы; позади всего высовывается Лалавер, как Чатыр-Даг с каменистым, обнаженным челом.

Лагерь на приятном месте. Бабий мост, 4 версты от Симийского погоста, где расширение вида необыкновенно приятное. Генерал делается опасно болен. Беспокойная ночь.

16 <мая>. Понедельник. Вверх поднимаемся по ужасной, скверной, грязной дороге. Теснина иногда расширяется; вид с Акзибеюка обратно в Самийскую долину, на Кавказ и проч. Климат русский, Волчьи ворота. Пишу на лугу и, забывшись, не чувствую сырости, похожей как на Крестовском острове: #с008010_3, покудова чернила не разлились по отсыревшей бумаге и сам я промок до костей. Ночую с генералом; он все болен. Тут и доктор, и блохи.

17 <мая>. Днёвка.

18 <мая>. В 4 часа меня будят; тащат с меня халат; сырость, холод, Лапландия, все больны. Еду вперед по верховой дороге; несколько руин справа и слева и селения. Крутой спуск в овраг каменной речки. Вся помпа воинственная, с которой ожидают прибытия главнокомандующего: #с008010_4.

19, 20 <мая>. Днёвка. Карапапахцы поселились на турецкой границе, перехватывают и режут наших посланных. Как бы их оттуда вытеснить? Заботы о транспортах.

21 <мая>. Там же. Принятие турецкого посланца с музыкою. Толст, глуп и важен.

22 <мая>. Там же. Чем свет сажусь на жеребца, который ужасно упрямится. Пускаюсь к развалинам Лори: #с008010_5 в 3-х верстах от лагеря. Деревня, беру проводника. Слезая в овраг каменистый и крутобregий, где протекает Тебеде с шумом, с ревом и с пеной. Чистый водопад дробится о камни справа. Смелая арка из крупного, тесаного камня через него перекинута. Развалина другого моста через Тебеде. Стены и бойницы в несколько ярусов по противулежащему утесу, вползаю через малое отверстие в широкую зубчатую башню, где был водоем; вероятно, вода под землю была проведена из реки. Тут с востока вытекает другая речка, и в виду по сему новому ущелью водопад крутит пену, как будто млечный проток. Из тайника крутая и узкая стежка вьется над пропастью. Духом взбираюсь вверх. Развалины двух церквей, бань, замка с бойницами к северу, оттуда ворота, много резной работы; вообще положение развалин род Трапезонда. К югу два мыса над Тебедею, к западу бок над нею же, к востоку над другою речкою, к северу замок и ров оборонял его от нападений с луговой плоскости. Прежде здесь царствовала сильная династия Таи, от 8 до 12-го столетия; храбрые, умные цари много обращались с византийцами, от которых заняли зодчество и другие искусства.

Ныне на развалинах в недавнем времени поселились бамбакские выходцы в малом количестве [80 – Далее в рукописи – перерыв; следующий текст – на других листах.]

– Письмо Игурлехана. Лишение надежды есть тоже покой.

Просьба, адрес поздравительный карабахцев. Роза расцвела в роще, с ее появлением все цветы получили новую жизнь.

Отъезд турецкого посланца. – Приезд Обрескова. Полная ночь. – Поход.

Июнь 1. Середа. В Гергеры, вдоль Тебеде. Налево руины Лори. Попы армянские на дороге в ризах подносят бога главнокомандующему, который его от них, как рапорт, принимает.

К востоку синятся дальние горы; один конус похож на Тепе-Кермен.

Приходим к лесистой подошве Безобдала; мой шатер над ручьем, приятное журчание.

2-го <июня>. Днёвка. Обскакиваю окрестности. Поднимаюсь на верх горы над лагерем. Ароматический воздух лесной и луговой. Теряю лошадь.

3-го <июня>. Подъем на Безобдал. Трудность обозам. Я боковой стежкой дохожу до самого верха, где ветер порывистый. Спуск грязный на Кишлаки. Гвардейский лагерь прелестен.

Палатка Аббас-Кули над рекою. Заглохшие тропы к опустелым скалам.

Ночью от блох житья нет; в дождь ложусь на дворе.

4-го (июня). Приезд грузинского ополчения. Свалка на дороге. Пещеры. Мавзолей Монтрезора: #с008010_6. Дурной лагерь в Амамлах.

5-го <июня>. Воскресенье. Вдоль южной цепи гор переваливаемся через Памву. Вид Бамбахской долины вроде котловины. – Прекрасное лагерное место. Алагез к юго-западу.

Иду на пикет казачий. Табуны. Боюсь за них.

6-го <июня>. Завтрак у Раевского. Лагерное место у руины церкви в Судогенте.

Алагез к западу. Гром, убита лошадь. Арарат открывается.

7-го <июня>. Алагез к северо-востоку. Хорошо до привала. До сих пор в полдень жар несносный, ночью холод жестокий.

Кормы тучные. Артемий Араратский.

С пригорка вид на обширную и прелестную долину Аракса. Арарат бесподобен. Множество селений.

С привала места #769;, сожженные солнцем. Лагерь за версту от деревни Аштарак. Скорпионы, фаланги. Купол Арарата.

Прелестное селение Аштарак – мост в три яруса на трех арках, под них река Абарень дробится о камни. Сады, город. Селение принадлежит матери Хосро-хана. Жара.

Ночью головы сняты с двух людей, солдата и маркитанта.

8-го <июня>. Приезд в Эчмядзин. Клир, духовное торжество. Главнокомандующий встречен с колокольным звоном.

Разбиваю палатку между двух деревьев; цветы, водопроводы. Большой обед у архиерея.

Гассан-хан – враг монастыря. Багдатский паша принял к себе жителей.

Султан Шадимский на нашей стороне и его 4 племени. Мехти-Кули-хан перешел к нам с 3000 семействами.

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
9-го <июня>. Четверг. Поездка в лагерь под Эриванью. После обеда генерал ходит рекогносцировать крепость. Где только завидят белые шапки, туда и целят. Шадимский султан и его подвластные народы нам сдались.

В четверг известие о замысле Гассан-хана с 3000 кутали и карапахами напасть на наши транспорты. Вечером гвардия отправляется в экспедицию; радость молодежи.

Вальховский с колокольни видит пыль вдали.

10-е <июня>. Пятница. 11-е <июня>. Суббота. Приезд посланного от Аббас-Мирзы.

12-е <июня>. Воскресенье. У обедни в монастыре.

Под вечером едем к Эривани. Арарат безоблачный возвышается до синевы во всей красе.

Ночь звездная на Гераклеевой горе. Генерал сходит в траншею. Выстрелы. Перепалка. Освещение крепости фальшфейером.

13-е <июня>. Из Эривани скачу обратно в Эчмядзин. Арарат опять прекрасен. Жар под Эриванью, в Эчмядине прохладно.

С этого дня жары от 43 до 45 ; в тени 37 . В 5-м часу поднимается регулярно ветер и пыль и продолжается до глубокой ночи.

18-е <июня>. Кто хочет истинно быть другом людей, должен сократить свои связи, как Адриан изрезал границы Римской империи, чтобы лучше охранять их.

Вот задача моей жизни в главной квартире. C'est encore une folie de vouloir étudier le monde en simple spectateur. Celui qui ne prétend qu'observer, n'observe rien, parce qu'il est inutile dans les affaires et importun dans les plaisirs, il n'est admis nulle part. On ne voit agir les autres, qu'autant qu'on agit soi-même; dans l'écoulement du monde, comme dans celle de l'amour. Il faut commencer par pratiquer ce qu'on veut apprendre[81 – Вот еще одна нелепость – изучать свет в качестве простого зрителя. Тот, кто хочет только наблюдать, ничего не наблюдает, так как его нигде не пускают, как человека бесполезного в делах и докучливого в удовольствиях. Наблюдать деятельность других можно не иначе как лично участвуя в делах – одинаково при изучении света или любви. Нужно самому упражняться в том, что хочешь изучить (фр.).]. Andr ; Ch ;nier.

Поэтический вечер в галерее Эчмядзинской; в окна светит луна; архиерей как тень бродит. Известие о вырезанных лорийских жителях с 150 арбами транспортными, которые ушли не сказавшись.

19-е <июня>. В Эривань. Переправа через Зангу. Обед у Красовского; спор генералов о брешах. Посылают кольбелей-Султана, чтобы способствовал Курганову к выгону скота.

Каменисто, скверно, вечером ужасные ветер и пыль.

Лагерь на Гарнычае, тону в реке. Ночлег у Раевского.

20 <июня>. Дневка. Являются с покорностью племянник и сын Вели-аги. Вечером переносим лагерь на противоположный берег реки. Степь оживила при свете огней. Месяц. Арарат. Ущелье Горнычая.

Курганов, ложное о нем известие. Сакен в моей палатке.

21 <июня>. Поутру известия опровергаются. Обработанный край: куда ни кинешь глазом, всё деревни; яркая зелень у подошвы вечных снегов Арарата. Лагерь на Ведичае, куда выгнан скот. Являются Аслан-Султан и другие. Курганов со скотом. Карапахцы.

Чудесная ночь. Известие о неприятеле за Араксом.

22 <июня>. Идем чрез Девалу. Два аиста на мечети стерегут опустелую деревню. Край безводный. Деревень не видать. Привал без воды. Генерал, по слуху о

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
неприятеле, отправляется в авангард. Прокламация садакцам и миллинцам:
#с008010_7. Садараки прекрасный ночлег.

23 <июня>. Проходим версты 4 в малое ущелье, как ворота Шарурских гор. Прекрасная открывается обработанная страна; множество деревень и садов; хлеба поспели, некому снимать. Но осенью вид всего этого прескверный. Я бывал в сентябре – все сухо, вяло, желто, черно.

Лагерь на Арпачае.

24 <июня>. Днёвка. Термометр до 47. Приезд карапахцев, Мехмет-аги, Гумбет-аги Бамбахского и других. Ночью не сплю. Рано, в 3 часа, поднимаемся.

25 <июня>. День хорошо начат, избавляем деревенских жителей от утеснения. Им платят на привале по 6-ти реалов лишних на быка; они благословляют неприятеля. Вообще, война самая человеколюбивая.

На привале отправление бумаги к Красовскому. Раздача энамов, подарков. Я открываю лавку царских милостей. Известие, что шарульцы и миллинцы гонят к нам скот. Безводно, но не чрезвычайно жарко.

Еду вдоль Аракса открывать неприятеля, но открываю родники пречудесные. Жатва не собрана, иные снопы начаты, но не довязаны; вид недавнего бегства. Прекрасная деревня над Араксом, Хоки. Заезжаю в авангард. Лагерь не доезжая до Хок. Тучи и дождь, потом луна всходит. Огни бивуак в ночи производят действие прекрасное.

26 <июня>. Рано поднимаемся; жар ужасный. Рассказ Аббас-Кули, что Елизаветпольское сражение дано на могиле поэта Низами: #с008010_8.

8 верст от Нахичевани пригорок. Оттуда пространный вид к Аббас-Абаду и за Аракс. Вид Нахичеванской долины, к северо-востоку Карабахские горы, каменистые, самого чудного очертания. Эйлан-даг и две другие ей подобные горы за Араксом, далее к западу Арарат. Сам Нахичеван стоит на длинном возвышении, которое также от Карабахских гор.

Вступление в Нахичеван. Ханский терем. Вид оттудова из моей комнаты.

Неприятель оставил город накануне. В Аббас-Абаде 4000 сарбазов и 500 конницы. Комендант сменен.

Змеиная гора – в увеличенном виде обожженный уродливый пень. Такие еще две.

27, 28 <июня>. Известие о шахе от Мекти-Кули-хана. Муравьев послан рекогносцировать крепость. С моего балкона следую в подзорную трубу за всеми его движениями.

29 <июня>. В 4 ½ часа кончаю почту, седлаю лошадь и еду к крепости, где 50 человек казаков в ста сажнях от стен заманивают неприятеля. Засада в деревне с восточной стороны. К 10 часам сильная рекогносцировка – 2 полка уланских, 1 драгунский, 2 казачьих, 22 конных орудий обступают крепость. Канонируют. Бенкендорф перебрасывает 2000 человек через Аракс, которые на противоположных высотах гонят перед собою неприятеля. Из крепости стреляют на переправу. Парламентер из крепости. Али-Наги сыновья, Исмиль и Мустафа-ага, переговариваются с нами с гласиса.

30 <июня>. Приезд иавера: #с008010_9. Отпущен с угрозами. Вечером поездка к Раевскому в лагерь. Водопады.

Июль 1-ое. Переносится лагерь к крепости. Начало работ не производится за недостатком материалов.

Письма

Щербатову И. Д., 1808: #с009001

(Перевод с французского)

<Москва, 1808.>

Крайне огорчен, князь, быть лишенным удовольствия присутствовать на вашем собрании, тому причина мое недомогание. Рассчитываю на вашу любезность, надеюсь, что вы доставите мне удовольствие отужинать у нас сегодня вечером. Вы меня очень обяжете, согласившись на мое приглашение, так же как ваши кузены Чаадаевы, члены собрания и т. д., г. Буринский, который, конечно, доставит мне удовольствие своим присутствием.

Преданный вам Александр Грибоедов.

Измайлову В. В., 1814: #с009002

<Брест-Литовск, 1814.>

Прошу вас покорно, милостивый государь, поместить следующую статью о Кавалерийских резервах в вашем журнале. Чем скорее вы это сделаете, тем более обяжете меня и всех моих здешних сослуживцев. Кажется, что это не против плана вашего издания; не думаю также, чтобы читатели упрекали меня в сухости. Они находили в «Вестнике» известия о доходах, расходах и долгах Франции и других наций; неужели государственная экономия их отечества менее стоит внимания?

Честь имею пребывать и проч.

Бегичеву С. Н., 9 ноября 1816: #с009003

9 ноября 1816. Петербург.

Любезный Степан! где нынче изволите обретаться, Ваше флегмордие? Не знаю, что подумать об тебе; уверен, что меня любишь и, следовательно, помнишь, но как же таки ни строчки к твоему другу. С меня, что ли, пример берешь? и то неизвинительно: я не писал к тебе, потому что был болен, а теперь, что выздоровел, первое письмо к тебе. Если ты не намерен прежде месяца быть в С.-Петербург, то, пожалуй, потрудись не быть ленивым, обрадуй меня хотя двумя словами.

Признаюсь тебе, мой милый, я такой же, какой был и прежде, пасынок здравого рассудка; в Дерпт не поехал и засел здесь, и очень доволен своей судьбой, одного тебя недостает. – Квартира у меня славная; как приедешь, прямо у меня остановись, на Екатерининском канале у Харламова мосту, угольный дом Валька: #с009003_1. Да приезжай же скорее, неужели все заводчика корчишь, перед кем, скажи, пожалуй, у тебя нет матери: #с009003_2, которой ты обязан казаться основательным. Будь таким, каков есть. – Здесь круг друзей твоих увеличится; да и старые хороши, кроме того в-о-р-о-б-ь-е-в-а на днях спрашивала, скоро ли ты будешь, есть ли у тебя годовые кресла? – Было время, что я бы с завистью это слушал, но теперь прекрасный пол меня не занимает и по очень важной причине. Я ведаюсь с аптекой; какая занимательная часть фармакопия! Я на себе испытываю разные спасительные влияния мужжевеловых порошков, сасипареля, серных частиц и т. п.

Приезжай, приезжай, приезжай скорее. В воскресенье я с Истоминой и с Шереметевым еду в Шустер-клуб: #с009003_3; кабы ты был здесь, и ты бы с нами дурачился. – Сколько здесь портеру, и как дешево! –

Прощай, мой друг, пиши, коли не так скоро будешь, что это за мерзость – ничего не знать друг об друге, это только позволительно двум дуракам, как мы с тобою.

Прощай.

Доставила ли тебе К. Алекс. 500 р.?

Андрею Семеновичу: #с009003_4 усерднейший поклон.

Бегичеву С. Н., 5 декабря 1816: #с009004

С.-Петербург, 1816. декабря 5.

Милый друг Степан. Спешу тебя уведомить, что я получил твое письмо, виделся с Дмитрием Николаевичем: #с009004_1 и с Андреем Семеновичем. – А ты болен! видишь, какая у меня с тобою равная доля! Но теперь тебе лучше; смотри же, как оправишься, не мешкая приезжай сюда. Алексей Иванович Кологривов уверяет, что ты намерен переходить в армию; я уверяю, что ты слишком умен для этого. Кто любит службу и желает дослужиться до высшей степени, тот должен быть в Петербурге. Пожалуй, не воображай, что я это говорю в мою пользу. Конечно, я буду счастливее, живя с тобою вместе, но ты сам много выиграешь, если не выйдешь из гвардии. И что ж тебя в ней пугает? что многие поручики не бреют бороды, как говорит Алексей Иванович? Поэтому стыдно быть и генералом, потому что нынче большая часть генералов таких, у которых подбородок не опушился. Или ты боишься нести большие труды и часто излишние? De Ligne говорит: si l'exercice d'un seul bataillon ne vous transporte pas, si vous ne vous sentez pas la volonté de vous trouver partout, si vous êtes distrait, si vous ne redoutez pas que la pluie n'empêche votre regiment de manoeuvrer – donnez votre place à un jeune homme qui sera fou de l'art des Maurice et des Eugène, qui sera persuadé qu'il faut faire trois fois plus que son devoir pour le faire passablement[82 – если обучение даже одного батальона не восхищает вас, если вы не чувствуете желания поспевать всюду, если вы рассеянны, если вы не волнуетесь из-за дождя, могущего помешать маневрам вашего полка, – уступите ваше место юноше, с ума сходящему от искусства Морица Саксонского и Евгения Савойского, убежденного, что нужно делать втрое больше, чем требует его долг, чтобы считать его исполненным сносно (фр.).]. – Притом здесь ты через 5 лет полковник верно. А часы, дни, в которые ты будешь свободен от службы, ты их проведешь весело, с друзьями. Там, в дрянном Иркутском полку: #с009004_2, ты не можешь иметь друзей ни по сердцу, ни по уму.

Прощай, меня торопят, нынче вторник, письма отдаются рано на почту. – Не ленись, пожалуй, писать. Коммуникация между нами открылась pour parler militairement[83 – говоря по-военному (фр.).]. Ты знаешь, где я, я знаю, где ты.

Прощай еще раз, целую тебя от всего сердца.

Усердный друг твой А. Г.

Бегичеву С. Н., 4 сентября 1817: #с009005

4 сентября 1817. Петербург.

Любезный друг Степан. Вот почти месяц, как мы с тобою расстались: #с009005_1; я с тех пор в первый раз принимаюсь к тебе писать, и то второпях. – Прием на почте продолжается до 12 часов, теперь скоро одиннадцать. Нужды нет, если не узнаешь ничего подробного: по крайней мере не будешь надвое полагать, жив ли я или нет. Вот перечень всего того, что со мной происходило со дня, как мы распростились в Ижорах: #с009005_2. Прежде всего прошу Поливанову сказать свинью. Он до того меня исковеркал, что я на другой день не мог владеть руками, а спины вовсе не чувствовал. Вот каково водиться с буйными юношами. Как не вспомнить псалмопевца: «Блажен муж, иже не иде на совет нечестивых». – Знаешь ли, с кем я теперь живу? Через два дня после Ижор встречаюсь я у Лареды: #с009005_3 с Кавериним. Он говорит мне: «Что? Бегичев уехал? Пошел с кавалергардами в Москву? Тебе, верно, скучно без него? Я к тебе переезжаю». – Мы разошлись, я поехал, естественно, к Шаховскому; ночью являюсь домой и нахожу у себя чужих пенатов, Каверинских. Он все такой же, любит с друзьями и наедине подвыпить или, как он называет: тринкену задать.

Брат твой – Иркутский полковник: #с009005_4; поздравь его от меня, как увидишь. Неужто он явится в полк? Сделай одолжение, отговори его от этого. У него,

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
кажется, перед глазами мой пример. Я в этой дружине всего побыл 4 месяца, а теперь 4-й год, как не могу попасть на путь истинный. Да нельзя ли тебе написать к Арсеньеву об Шмитовых деньгах? Ты бы через это большую пользу принес человечеству: для того что у меня нет ни копейки, а Шмит, верно бы, со мною поделился.

Прощай, бесценный друг мой, люби меня и помни; скоро ли свидимся, не знаю. – На днях ездил я к Кирховше: #с009005_5 гадать об том, что со мною будет; да она не больше меня об этом знает; такой вздор врет, хуже Загоскина комедий. – Кстати, Шаховской меня просит сделать несколько сцен стихами в комедии, которую он пишет для бенефиса Валберховой, и я их сделал довольно удачно. Спишу на днях и пришлю к тебе в Москву: #с009005_6.

Прощай, от души тебя целую. Пиши ко мне, непременно пиши. стыдно тебе, коли меня забудешь. Поклонись Никите: #с009005_7.

Усердный поклон твоим спутникам Д. С. и А. С. Языковым, Кологривову и даже Поливанову – скомороху.

Катенину П. А., 19 октября 1817: #с009006

19 октября <1817. Петербург>.

Что ты? душа моя Катенин, надеюсь, что не сердись на меня за письмо, а если сердись, так сделай одолжение, перестань. Ты знаешь, как я много, много тебя люблю. Согласись, что твои новости никак не могли мне быть по сердцу, а притом меня взбесило, что их читали те, кому бы вовсе не следовало про это знать. Впрочем, я вообще был не в духе, как писал, и пасмурная осенняя погода немало этому способствовала. Ты, может быть, не знаешь, как сильно хорошее и дурное время надо мной действуют, спроси у Бегичева. Ах! поклонись Алексею Скуратову, да сажай его чаще за фортепьяно: по-настоящему эти вещи пишутся в конце письма; но уж у меня однажды навсегда никто не на своем месте. А самое первое голова. – И смешно сказать от чего? – Дурак Загоскин в журнале своем намарал на меня ахиною: #с009006_1. Коли ты хочешь, непростительно, точно непростительно этим оскорбляться, и я сперва, как прочел, рассмеялся, но после чем больше об этом думал, тем больше злился. Наконец не вытерпел, написал сам фасегию: #с009006_2 и пустил по рукам, веришь ли? нынче четвертый день, как она сделана, а вчера в театре во всех углах ее читали, благодаря моим приятелям, которые очень усердно разносят и развозят копии этой шалости. Я тебе ее посылаю, покажи Бегичеву; – покажи кому хочешь, впрочем. Воля твоя, нельзя же молчаньем отделяться, когда глупец жужжит об тебе дурачества. Этим ничего не возьмешь, доказательство Шаховской, который вечно хранит благородное молчание, и вечно засыпан пасквилями. Ах! кстати он совершенно окончил свою комедию: #с009006_3, недостает только предисловия, развязка преакуратная: граф женится на княжне, князь с княжной уезжают в деревню, дядя и тетка изъясняют моральную цель всего происшедшего, Машу и Ваньку устыжают, они хотят – стыдятся, хотят – нет, Цаплин в полиции, Инквартус и многие другие в дураках, в числе их будут и зрители, я думаю, ну да это не мое дело, я буду хлопать. – Хочешь ли кое-что узнать об других твоих приятелях. Изволь. – Об Чепегове, однако, я ничего не могу сказать, потому что не видал его с тех пор, как ты отправился в Москву. – А Андрей Андреевич: #с009006_4 последний вторник является на вечер к Шишкову, слушает Тасса в прозе: #с009006_5 и благополучно спит, потом приходит ко мне и бодрствует до третьего часа ночи. Я его как душу люблю и жалею, а сам я регулярно каждый вторник болен. Читал ты Жандров отрывок из Гофоллии в «Наблюдателе»? – Бесподобная вещь, только одно слово, и к тому же рифма пребогомерзкая: говяда. Видишь ты: в Библии это значит стадо, да какое мне дело?: #с009006_6[84 – Так в первопечатном тексте.] Я теперь для него «Семелу» Шиллерову перевожу слово в слово, он из нее верно сделает прелестную вещь – это для бенефиса Семеновой: #с009006_7. А я ей же в бенефис отдаю Les fausses infidélités: #с009006_8. для Валберховой я сделал четыре сцены, которыми Жандр очень доволен: #с009006_9. На будущей почте пришлю тебе. Скажи Бегичеву, что это бесстыдное дело, он мне еще ни строчки не писал. – И я ему буду платить тем же. Прощай, сейчас еду со двора: куда, ты думаешь? учиться по-гречески. Я от этого языка с ума схожу, каждый божий день с 12-го часа до 4-го учусь, и уж делаю большие успехи. По мне он вовсе не труден: #с009006_10.

Как ты думаешь? «Вестник Европы» не согласится у себя напечатать. Бегичев с ним приятель. – Я бы подписал свое имя (коли нельзя иначе).

Вместо Загоскина:

Вот вам Михайло Моськин.

А в другом месте:

Вот Моськин-Наблюдатель.

А стих:

Княгини и пр. и пр.

Вот как раздробить:

Княгини и

Княжны,

Князь фольгин и

Князь Блесткин.

Между тем обнимаю тебя.

Бегичеву С. Н., 15 апреля 1818: #с009007

15 апреля 1818. <Петербург>.

Христос воскрес, любезнейший Степан, а я со скуки умираю, и вряд ли воскресну. Сделай одолжение, не дурачься, не переходи в армию; там тебе бог знает когда достанется в полковники, а ты, надеюсь, как нынче всякий честный человек, служишь из чинов, а не из чести.

Посылаю тебе «Притворную неверность», два экземпляра, один перешли Катенину. Вот, видишь ли, отчего сделалось, что она переведена двумя. – При отъезде моем в Нарву, Семенова торопила меня, чтоб я не задержал ее бенефиса, а чтоб меня это не задержало в Петербурге, я с просьбой прибегнул к другу нашему Жандру. Возвратясь из Нарвы, я нашел, что у него только переведены сцены двенадцатая и XIII-я; остальное с того места, как Рославлев говорит: я здесь, всё слышал и всё знаю, я сам кончил. Впрочем и в его сценах есть иное мое, так как и в моих его перемены; ты знаешь, как я связно пишу; он без меня переписывал и многих стихов вовсе не мог разобрать и заменил их своими. Я иные уничтожил, а другие оставил: те, которые лучше моих. Эту комедию собираются играть на домашних театрах; ко мне присылали рукописные экземпляры для поправки; много перевернуто, вот что заставило меня ее напечатать. Однако довольно поговорено о «Притворной неверности»; теперь объясню тебе непритворную мою печаль. Представь себе, что меня непременно хотят послать куда бы ты думал? – в Персию и чтоб жил там: #с009007_1. Как я ни отнекиваюсь, ничто не помогает; однако я третьего дня, по приглашению нашего министра: #с009007_2, был у него и объявил, что не решусь иначе (и то не наверно), как если мне дадут два чина, тотчас при назначении меня в Тейеран. Он поморщился, а я представлял ему со всевозможным французским красноречием, что жестоко бы было мне цветущие лета свои провести между дикообразными азиатцами, в добровольной ссылке, на долгое время отлучиться от друзей, от родных, отказаться от литературных успехов, которых я здесь вправе ожидать, от всякого общения с просвещенными людьми, с приятными женщинами, которым я сам могу быть приятен[85 – не смейся: я молод, музыкант, влюбчив и охотно говорю вздор, чего же им еще надобно? (Примеч. А. С. Грибоедова.)]. Словом, невозможно мне собою пожертвовать без хотя несколько соразмерного возмездия.

– Вы в уединении усовершенствуете ваши дарования.

– Нисколько, ваше сиятельство. Музыканту и поэту нужны слушатели, читатели; их нет в Персии...

Мы еще с ним кое о чем поговорили; всего забавнее, что я ему твердил о том, как сроду не имел ни малейших видов честолюбия, а между тем за два чина предлагал себя в полное его распоряжение.

При лице шаха всего только будут два чиновника: Мазарович, любезное создание, умен и весел, а другой: я, либо NN. – Обещают тьму выгод, поощрений, знаков отличия по прибытии на место, да ведь дипломат на посуле, как на стуле. Кажется, однако, что не согласятся на мои требования. Как хотят, а я решился быть коллежским асессором или ничем: #с009007_3. Степан, милый мой, ты хоть штаб-ротмистр кавалергардский, а умный малый, как ты об этом судишь?

Бегичеву С. Н., 30 августа 1818: #с009008

30 августа <1818. Новгород>.

На этот раз ты обманулся в моем сердце, любезный, истинный друг мой Степан, грусть моя не проходит, не уменьшается. Вот и я в Новгороде, а мысли все в Петербурге. Там я многие имел огорчения, но иногда был и счастлив; теперь, как оттуда удаляюсь, кажется, что там всё хорошо было, всего жаль. – Представь себе, что я сделался преужасно слезлив, ничто веселое и в ум не входит, похоже ли это на меня? Нынче мои именины: благоверный князь, по имени которого я назван, здесь прославился; ты помнишь, что он на возвратном пути из Азии скончался;: #с009008_1 может, и соименного ему секретаря посольства та же участь ожидает, только вряд ли я попаду в святые!

Прощай, мой друг; сейчас опять в дорогу, и от этого одного беспрестанного противувольного движения в коляске есть от чего с ума сойти! – Увидишь кого из друзей моих, из знакомых, напоминай им обо мне; в тебе самом слишком уверен, что никогда не забудешь верного тебе друга.

А. Г.

Коли случай будет заслать или заехать к Гречу, подпишись за меня на получение его журнала: #с009008_2. Ах! чуть было не забыл: подпишись на афишки: #с009008_3, присылай мне их, а когда уедешь из Петербурга, поручи кому-нибудь другому, Катенину или Жандру. – Прощай, от души тебя целую.

У нас нынче новый балет.: #с009008_4

Бегичеву С. Н., 5 сентября 1818: #с009009

5 сентября <1818. Москва>.

Мы сюда приехали третьего дни, а вчера я получил от тебя письмо, милый мой Степан; это меня утешило до крайности, и, однако, заставило опять вздохнуть по Петербурге. Здесь для меня все ново и, следовательно, всё еще приятно; соскучиться не успею, потому что через три дни отправляюсь; ты уже пиши ко мне в Тифлис. Павлова я видел, и он у меня побывал, завтра познакомит с женою; Чебышева в тоске, Алексей Семенович Кологривов скоростижно умер; мужа: #с009009_1 ее здесь нет. Чипягова ждем не дождемся; осведомься, выехал ли он из Петербурга; я справлялся на многих станциях, в смотрительских книгах, имени его нет нигде. Брата твоего: #с009009_2 тоже здесь нет, зато есть монумент Минину и Пожарскому: #с009009_3, и «Притворную неверность» играют: #с009009_4, и как играют! Кокошкин вчера передо мною униженно извинялся, что прелестные мои стихи так терзают, что он не виноват: его не слушают. Было бы что слушать. Вчера меня залобызали в театре миллион знакомых, которых ни лиц, ни имен не знаю. – Кстати, коли увидишь Семенову (Мельпомену): #с009009_5, скажи, что ее неверный князь: #с009009_6 здесь, и я его за нее осыпал упреками и говорил, что, если он еще будет ей делать детей, то она для сцены погибнет. Он уверяет, что Святой Дух за

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
него старается, что он при рождении последнего ребенка не при чем. Медведева здесь – прехорошенькая, я ей вчера в «Сандрильоне»: #с009009_7 много хлопал, здешние готентоты ничему не аплодируют, как будто наперекор петербургским, которые рады, что бог им дал ужасные ладони, и при всяком случае, готовы ими греметь; надо однако согласиться, что тот, кто у вас Льва играет, – Розций в сравнении с первейшими здешними актерами.

Ты жалуешься на домашних своих казарменных готентотов; это – участь умных людей, мой милый, бо́льшую часть жизни своей проводить с дураками, а какая, их бездна у нас! чуть ли не больше, чем солдат; и этих тьма: здесь всё солдаты – и на дороге во всякой деревне, точно завоеванный край. Может и я скоро надену лямку: Павлов путем взялся похлопотать за меня при жене и при Ермолове, а если этот захочет перевести меня в военную, я не прочь. Что ты об этом скажешь? Пиши ко мне, почаще и побольше! Я поминутно об тебе думаю, и последние увещевания очень помню, и ты можешь судить, сколько я сделался основателем; тотчас отрыл Павлова и на другой день по приезде сюда отправился заказывать себе всё нужное для Персии. Эти благие намерения, однако, не исполнились: я заехал к приятелю, оттуда в ресторацию, плотно поел, выпил бутылку шампанского, и после театра слег в постель с чрезвычайною головною болью. Матушка мне приложила какую-то патку с одеколоном, которой мне весь лоб сожгло, нынче я, однако, свежее и, что встал, пошел поглазеть на молоденькую старую знакомку: #с009009_8, которая против нас живет, и уже успел с нею опять сдружиться и, побеседовавши с тобой, к ней отправлюсь. Ах, Персия! дурацкая земля! Гейер приехал с Кавказу, говорит, что проезду нет: недавно еще на какой-то транспорт напало 5000 черкесов; с меня и одного довольно будет, приятное путешествие.

Прощай, любезный друг, пиши же и справься еще о пашпортах и об <...>[86 – Одно слово не разобрано.]; благодарствуй, что позаботился об этом. Матушка тебе кланяется, сестра: #с009009_9 еще не приехала, Жандр у нас еще живет, только я не видал его, он спасается где-то с Варварой Семеновной: #с009009_10.

Перо прескверное, и вздор пишу, да много <...>[87 – два слова не разобраны.]

Верный друг твой.

Колечицкой А. И., 5–9 сентября 1818: #с009010

(Перевод с французского)

<5–9 сентября 1818. Москва.>

Мадам!

Непременно мы будем иметь честь явиться к вам, прежде чем поехать на концерт; я радуюсь предстоящему удовольствию провести с вами несколько приятных часов.

Ваш слуга Грибоедов.

Бегичеву С. Н., 9 сентября 1818: #с009011

9–го сентября 1818. Москва.

Любезнейший Степан! письмо это пишу у твоего брата, в присутствии Наумова и Павлова, которые уверены, что я если не в эту минуту, так ввек не успею отправить к тебе мое послание. Ты можешь представить, обрадовался ли я Дмитрию Никитичу. Супружницы его не имел удовольствия видеть: говорят, бесподобная женщина. Постой, надобно тебе вкратце сказать все прочее, что я здесь видел: 1) Андрея Семеновича: #с009011_1, который у меня был; да правду сказать, вот и все интересное; завтрашний день я пускаюсь в путь далее. – Ужо дома побольше напишу, и это уж без меня доставится на почту.

Сто раз тебя целую.

Верный друг.

Бегичеву С. Н., 18 сентября 1818: #с009012

18 сентября 1818. Воронеж.

Сто раз благодарю тебя, любезнейший, дорогой мой Степан, и за что бы ты думал? Попробуй отгадай?... За походную чернильницу: она мне очень кстати пришлась, за то чаще всего буду ее выкладывать, чтоб к тебе писать. Получил ли ты письмо мое из Новгорода, другое из Москвы и несколько строк через Наумова? Сделай одолжение, уведоми; а пашпорты ко мне доставлены в самый день моего отъезда из Москвы, в которой я пробыл неделю более, чем предполагал: #с009012_1. Наконец, однако, оттуда вырвался. Там я должен был повторить ту же плачевную, прощальную сцену, которую с тобою имел при отъезде из Петербурга, и нельзя иначе: мать и сестра так ко мне привязаны, что я был бы извергом, если бы не платил им такую же любовь: они точно не представляют себе иного утешения, как то, чтоб жить вместе со мною. Нет! я не буду эгоистом; до сих пор я был только сыном и братом по названию; возвратясь из Персии, буду таковым на деле, стану жить для моего семейства, переведу их с собою в Петербург. В Москве всё не по мне. Праздность, роскошь, не сопряженные ни с малейшим чувством к чему-нибудь хорошему. Прежде там любили музыку, нынче она в пренебрежении; ни в ком нет любви к чему-нибудь изящному, а притом «несть пророк без чести, токмо в отечестве своем, в сродстве и в дому своем»: #с009012_2. Отечество, сродство и дом мой в Москве. Все тамошние помнят во мне Сашу, милого ребенка, который теперь вырос, много повесничал, наконец становится к чему-то годен, определен в миссию, и может со временем попасть в статские советники, а больше во мне ничего видеть не хотят. В Петербурге я по крайней мере имею несколько таких людей, которые, не знаю, настолько ли меня ценят, сколько я думаю что стою; но, по крайней мере, судят обо мне и смотрят с той стороны, с которой хочу, чтоб на меня смотрели. В Москве совсем другое: спроси у Жандра, как однажды, за ужином, матушка с презрением говорила об моих стихотворных занятиях и еще заметила во мне зависть, свойственную мелким писателям, оттого, что я не восхищаюсь Кокоскиным и ему подобными. Я это ей от души прощаю, но впредь себе никогда не прощу, если позволю себе чем-нибудь ее огорчить. Ты, мой друг, поселил в меня, или, лучше сказать, развернул свойства, любовь к добру, я с тех пор только начал дорожить честностью и всем, что составляет истинную красоту души, с того времени, как с тобою познакомился и ей-богу! когда с тобою побываю вместе, становлюсь нравственно лучше, добрее. Мать моя тебя должна благодарить, если ей сделаюсь хорошим сыном. Кстати об родных, или некстати, все равно. В Туле я справлялся об Яблочковых, посылал к Варваре Ивановне Кологривовой, но мне велели сказать, что они в деревне, а если от тебя есть письмо, то чтобы прислал. Жаль, что не удалось, а время было с ними познакомиться: я в Туле пробыл целый день за недостатком в лошадях, и тем только разогнал скуку, что нашел в трактире на стенах тьму глупых стихов и прозы, целое годовое издание покойника «Музеума»: #с009012_3.

Вообще везде на станциях остановки; к счастью мой товарищ – особа прегорячая, бич на зрителей, хороший малый; я уже уверил его, что быть немцем очень глупая роль на сем свете, и он уже подписывается Амбургев, а не – р и вместе со мною немцев ругает наповал, а мне это с руки. Один том Петровых акций: #с009012_4 у меня в брочке, и я zelo на него и на его колбасников сержусь; коли найдешь что-нибудь чрезвычайно забавное в «Деяниях», пожалуй напиши, я этим воспользуюсь. Еще моя к тебе просьба: справься через Аксинью, Амлихову любовницу, о моей Дидоне. Илья Огарев пришлет ей из костромы деньги на твое имя, а если уедешь в отпуск, препоручи это Жандру, да также заранее меня уведоми, куда к тебе адресовать письма. Прощай, мой милый, любезный друг; я уже от тебя за 1200 верст, скоро еще дальше буду; здесь однако пробудем два дни, ближе не берутся починить наших брочек. Катенина ты напрасно попрекаешь ко мне совершенною холодностию, он был у меня на квартире на другой день после того, как я исчез из Петербурга, и очень жалел обо мне и досадовал. Так по крайней мере рапортует Аксинья Амлиху.

Мазаровичу С. И., 12 октября 1818: #с009013

(Перевод с французского)

12 октября <1818>. Моздок.

Любезный и достойный Семен Иванович, вот мы и у подножья Кавказа, в сквернейшей дыре, где только и видишь, что грязь да туман, в которых сидим по уши. Было б отчего с ума сойти, если бы приветливость главнокомандующего: #с009013_1 полностью нас не вознаградила за все напасти моздокские. Здешний комендант: #с009013_2 передал нам ваше письмо, полное любезной заботливости о тех, кого вам угодно называть вашими товарищами, и кто, по существу, лишь подчиненные ваши. Правда, что с тех пор как я состою при вас в качестве секретаря, я не нахожу уже, чтобы зависимость бедного канцелярского чиновника так была тяжела, как прежде был в том уверен. Вздор истинный, в чем я еще более убедился в тот день, когда представлялся его высокопревосходительству господину проконсулу Иберии: невозможно быть более обаятельным. Было бы, конечно, безрассудством с моей стороны, если бы за два раза, что я его видел, я вздумал бы выносить оценку его достоинствам; но есть такие качества, которые в человеке необыкновенном видны сразу же, при чем в вещах на вид наименее значительных, например, своя манера особенная смотреть, и судить обо всем, с остроумием и изяществом, не поверхностно, но всегда становясь выше предмета, о коем идет речь; нужно признать также, что говорит он чудесно, так что я часто в беседе с ним не нахожу что сказать, несмотря на уверенность, внушаемую мне самолюбием.

Что до вас, любезнейший мой начальник, очень бы хотелось мне пространнее и подробнее изложить здесь все, что я о вас думаю, но лучше об этом промолчать, чтобы не заслужить упрека в пошлости; не принято восхищаться людьми в письмах, к ним обращенных. Я вам скажу только, что мне не терпится поскорее сердечно вас обнять; зачем же вы, дипломат, проводите на лагерных бивуаках дни свои, которые должны были бы быть посвящены одному поддержанию мира? Как только будем вместе, расскажу вам пространно о всех дорожных наших бедствиях: об экипажах, сто раз ломавшихся, сто раз починаемых, о долгих стоянках, всем этим вынужденных, и об огромных расходах, которые довели нас до крайности. Вот рассказ, вам отложенный до Тифлиса; нынче мы направляемся к Кавказу, в ужасную погоду, и притом верхом, как часто буду я иметь случай восклицать:

о Coridon, Coridon, quae te dementia caepit!..[88 - О коридон, коридон, какое безумие тебя охватило! (лат.).]: #с009013_3

Все это однако кончится, когда мы увидимся. Амбургер просит передать вам нижайшее почтение, он сам вам не пишет, так как не имеет ничего прибавить к тому, что я вам сообщил, поэтому благоволите читать мы всюду, где встретите я, меня, мне и проч.

С чувством совершенного уважения честь имею быть преданным вам: #с009013_4.

Тот, кого я попрошу передать вам это письмо, привезет вам и письма от матушки. Сверх того у меня много других писем для вас в багаже. Простите мне мое маранье, у нас перья плохо очинены, чернила сквернейшие, и к тому же я тороплюсь, сам, впрочем, не зная почему.

Толстому Я. Н. и Н. В. Всеволожскому, 27 января 1819: #с009014

27 января <1819>. Тифлис.

Усердный поклон любезным моим приятелям: Толстому, которому еще буду писать особенно из Тавриза, Никите Всеволожскому, коли они оба в Петербурге, двум Толстым; Семеновским, Тургеневу Борису, – Александру Евграфовичу, которого сто раз благодарю за присылку писем от людей, близких к моему сердцу. Фридрихсу, au charmant capitaine Fridrichs, tr#232;s chauve et tr#232;s spirituel[89 - очаровательному капитану Фридрихсу, очень лысому и очень остроумному.(фр.).]. Сделайте одолжение, не забывайте странствующего Грибоедова, который завтра опять садится на лошадь, чтобы трястись за 1500 верст. Я здесь обжился, и смерть не хочется ехать, а нечего делать. Коли кого жаль в Тифлисе, так это Алексея Петровича: #с009014_1. Бог знает, как этот человек умел всякого привязать к себе, и как умел...

Коли кто из вас часто бывает в театре, пускай посмотрит на 1-й бенуар с левой

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
стороны и подарит меня воспоминанием: #с009014_3, может быть, это отзовется в
моей душе, и заставит меня икать где-нибудь возле Арарата или на Араксе.

Трубецкого целую от души.

Объявляю тем, которые во мне принимают участие, что меня здесь чуть было не
лишили способности играть на фортепьяно, однако теперь вылечился и опять задаю
рулады: #с009014_2.

Грибоедов.

Катенину П. А., 26 марта 1819: #с009015

26 марта 1819. Тегеран.

Любезный Павел Александрович.

Благодарю тебя за письмо и за акт из «Сплетен». Ты мне очень этим удружил.
Продолжай, мой милый, писать, а я читать буду: #с009015_1.

Смертная лень и скука, ни за что приняться не хочется. Прощай.

Верный друг твой

Грибоедов.

Жандра поцелуй.

Мазаровичу С. И., около 5 сентября 1819: #с009016

(Перевод с французского)

<Около 5 сентября 1819.>

Дорогой и достойный Семен Иванович!

Я поистине думаю только о вас, потому что я уже в пути и приблизительно знаю,
когда кончатся мои собственные беспокойства, тогда как бог знает когда придет в
порядок тот хаос, в котором я вас оставил. Тысячу пожеланий! Спокойного будущего
– вот то, что я вам посылаю. Обнимите дорогого Спиридона: #с009016_1. У меня 168
человек, свежих и бодрых: #с009016_2. Берегусь недоброжелателей, которые
захотели бы поиграть со мной в дороге. Напомните Шемиру: #с009016_3 чтоб он
взял расписку с армянина в 7' / червонцев; это деньги, которые я послал с Шемиром
армянину за сыр, вино и пр. Я не заплатил ему в Тавризе, потому что я думал, что
он поедет со мной.

Ради любви ко мне, который вам действительно предан, не портите себе здоровья,
раздражаясь против животных, которыми вы окружены. Доброй ночи, да благословит
вас бог.

Шемир поручает себя вашей доброте – посмотрите на сумасшедшего! Был слух, что он
не останется при вас.

Мазаровичу С. И., 6 сентября 1819: #с009017

(Перевод с французского)

№ 16 сентября 1819. Маранд.

Рапорт г. поверенному в русских делах в Персии его секретаря Александра
Грибоедова.

Милостивый государь!

Два перехода сделаны. Сегодня мы отдыхаем; припасов мне более не выдают, я их покупаю. Мехмендар: #с009017_1 палач и вор, которого мне придали, я думаю, нарочно, чтоб я лопнул от бешенства. В Альваре: #с009017_2 он хлебом выдал половину, а мясом одну треть того, что указано в фирмане: #с009017_3; вместо всего остального, он собрал контрибуцию телятами, но их не доставил. Когда я его как следует пробрал, он стал оправдываться незначительностью средств бедного селения Альвар, уверяя меня, что в Маранде найду я для людей моих Эльдорадо: #с009017_4; я умолк. Вчера в 2 часа пополуночи обоз мой тронулся в путь, я задержался минуты на три, чтобы попрощаться с Шемиром: #с009017_5, но буквально всего на три минуты. Я хочу следовать за моими людьми; мехмендар остается, видимо, чтобы пополнить вчерашний дефицит за счет местных поселян, а мне дает проводника, с которым я сбился с дороги; я проплутал всю ночь и часть утра; когда мехмендар появился, я чуть его не убил. Измученный усталостью, нашел я, наконец, свой отряд; один больной отстал в 2-х фарсангах: #с009017_6 отсюда, во время ночной моей поездки, багаж сильно обогнал пеших, ни одного осла, никакого вьючного животного под рукой. Спрашиваю у мехмендара мула и Софияне: #с009017_7, близ которого мы завтракали хлебом и водой. – «Мула!.. Зачем?» – «Чтобы привезти больного» и проч. «Боже меня сохрани! Если я буду вам помогать подбирать ваших отставших людей, Шахзаде: #с009017_8 мне голову отрубят!» В конце концов он мне начисто отказал и сказал мне, что человек, о коем идет речь, вероятно либо уже отведен в Тавриз, либо, в случае оказания им сопротивления, убит поселянами, что таковы точные веления правительства. Видали предателей! Однако все это, за счет пропавшего бедняги больного, произвело свое действие на моих людей, которым я все рассказал и повторил, в присутствии мехмендара, все что от него слышал. Они были возмущены, более не разбредались, и несмотря на проделанный марш, на подъемы и спуски действительно очень тяжелые, каменистые, еле проходимые, я их всех привел сюда в Маранд в 7 часов вечера. Благоволите сосчитать с 2 часов пополуночи до 7 часов пополудни. Сегодня я вынужден стать на отдых, как по всеобщему желанию, так и по состоянию моих солдат. Я бы не стал останавливаться, если б не знал, что они совсем разбиты от усталости.

Я потребовал от того, кто здесь распоряжается временно (ad interim) за Назр-Али-хана: #с009017_9, послать на розыски того больного (Левонтий Сарбов). Он оставил это без внимания. Здесь, как и в Альваре, недодали половину припасов, сегодня совсем ничего не дают, но я попрошу вас молчать о мошенничествах мехмендара до его возвращения в Тавриз; я его вам туда пришлю с рекомендательным письмом, если только законное мое возмущение не перейдет за край ранее того и я по прибытии на границу не велю его выпороть, – единственный язык, который понимают в этой стране.

Примите чувства совершенного моего почтения милостивый государь, от вашего покорнейшего

Александра Грибоедова.

Мазаровичу С. И., 11–13 сентября 1819: #с009018

(Перевод с французского)

11–13 сентября 1819. Казанчи – Пернаут.

Рапорт г. поверенному в русских делах в Персии.

Милостивый государь.

Я не знаю, получили ли вы два моих рапорта, № 1 и № 3, не откажите сообщить мне об этом через первого же чепара: #с009018_1, которого вы пошлете в Тифлис, чтобы я мог при случае повторить по пунктам все мои претензии против способа, которым со мной обращались. Пока что мехмендар имеет наглость просить у меня официальную бумагу для представления вам. После всех подлостей, которые я от него претерпел, он хочет еще получить свидетельство, и я от сего не отказываюсь. Милостивый государь, честь имею удостоверить вас, начальника моего, что мой мехмендар Махмед-бек выполнял должность свою при мне как мошенник самый отъявленный, с

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru

каким я когда-либо имел дело, бесчестный человек в самом обширном значении слова, и таврическое правительство если оно захочет в некотором роде оправдаться в том, что ко мне его приставила, должно по меньшей мере задать ему палками по пяткам, что в этой стране столь щедро раздается и столь привычно принимается. Да, я вполне серьезно должен жаловаться на него, как и на нескольких других персидских офицеров, начиная от Тавриза. Но ни единая живая душа здесь не сможет предъявить какую-либо жалобу на меня, если только не прибежит к выдумкам. Если я и ответил с едкостью на глупости, которые мне велел передать Кельбель-хан в Нахичевани: #с009018_2, то это еще было весьма деликатно по сравнению с его грубостями, если я несколько раз и обругал мехмендара, не бил же я его палкой, хотя он сотню раз заслуживал, чтобы его поколотить. В нас бросали камнями: #с009018_3, и я с сознательным молчанием скрывал перед моими собственными людьми ярость, меня душившую, и они вели себя спокойно. Мы проходили среди белого дня мимо огромных бахчей, которые постоянно подвергаются ограблению со стороны солдатни государя: #с009018_4, именем которого здесь совершаются вымогательства и поборы всякого рода, но никто из моих людей не смел сорвать ни одной дыни, не заплатив, или я платил за них, что я охотно делал и зачастую, так как отказать усталому пешеходу в плоде, утоляющем жажду, в нынешнее время года было бы низменной скарденостью, мало способствующей тому, чтобы ободрить людей за мной следовать. Наконец, милостивый государь, я постоянно в мыслях моих имел пример вашей твердости, как равно и умеренности вашей при шахском дворе и при дворе Наиб-Султана: #с009018_5. И сам я имел довольно выдержки, меня не могли провести, но даже будучи раздраженным, я не позволил себе переходить за черту того, что предписывается трезвым рассудком, и не оскорбил никого. И если бы вам об этом донесли бы иначе, это было бы чистой ложью, смею вас в том заверить моей честью.

Теперь, чтобы поставить вас в известность о том, что со мной происходит, расскажу вам про Нахичевань. Меня там пригвоздили, так сказать, на два мучительных дня. В первый день к вечеру еще принесли некоторые припасы, на следующий день не выдали ничего, отказали мне в лошадях и запретили строго-настрого червадарам: #с009018_6 поставлять их мне за деньги. Мехмендар оправдывался передо мной, что вся эта путаница происходит от Хана, а Хан возражал, что, поскольку срок действия фирмана истек в Нахичевани, он не обязан обо мне заботиться и даже что в его городе нам вообще не обеспечено законное покровительство, а косвенным путем меня предупредили, что меня вполне могут взять под арест впредь до нового приказа из Тавриза. По приезде моем Кельбель-хан отказался меня видеть, отговорившись делами гарема, куда он в тот момент запрятался. Он назначил мне свидание на другой день, я полтора часа его прождал, он так и не появился, и в конце концов велел меня отпустить, выставив поводы слишком пустые, чтобы здесь их повторять. А вы, милостивый государь, еще хорошо отзывались об этом грубияне. Я как следует не знаю, что именно персы замыслили, но вот как я поступил. В первый же день люди мои набросились на крепкий напиток, который приготавливают армяне; я был слишком занят, чтобы им помешать, но вечером, поняв, что моих людей рассеивают умышленно, чтобы напоить их, подкупить их несколькими томанами: #с009018_7 и затем отнять у меня, – я их всех собрал вокруг себя, поставил хорошую стражу у своей квартиры; ночью я внезапно поднялся и всех их лично проверил, некоторых, за шум незначительный, который они между собой подняли, велел связать, показывая себя более рассерженным, чем я был на самом деле; я их крепко отругал, пригрозив, что с завтрашнего дня буду примерно наказывать тех, кто хлебнет хоть каплю водки или будет заводить беспорядок, и затем передам их связанными персидскому правительству, чье благосклонное отношение к себе они знают. Я дал им понять, что они-то во мне нуждаются, а что я собственно, не имею никакого серьезного интереса и ни малейшей ответственности за их сохранность. Все это весьма походило на речь Бонапарта к депутатам провинций в 1814 г.: #с009018_8 Тем не менее наполеонада эта всех привела в разум. Все утихло, назавтра никто не решился отпрашиваться на базар, никто не пил. Поскольку дороги отсюда до Карабага: #с009018_9 славятся как малонадежные во всех отношениях, а ждать охранного конвоя от правительства не приходилось, я велел сделать железные наконечники на полсотни пик, которые и роздал своему отряду. Оружие пресекверное, но все же могущее послужить защитой против Абул-фетх-хана или против этого грузинского разбойника Александра, который в здешних окрестностях всегда подстерегает всех наших, кто идет в город или возвращается.

Только благодаря Мирзе-Мамишу, служащему в чепархане, которому я обещал, что буду рекомендовать его вашему благоволению, я тайком раздобыл 6 лошадей на ночь, так как днем никто не отважился бы мне их доставить; этого мне едва хватало для

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
больных, но дело не терпело отлагательства, и вчера около 10 ч. вечера я вывел всех своих людей. Строго говоря, мы удрали без ведома Хана и мехмендара; никто не знал дороги, какой я решил идти, за исключением одного проводника, которого удалось мне случайно достать. Но ночной этот отъезд оказался для меня злополучным. Первое злоключение случилось у моста, еще в самом городе. Из Тавриза вместе со всей толпой шел с нами некто Васильков, в свое время за преступления прогнанный в России сквозь строй. Он сказался больным ревматизмом в колене, и я о нем в особенности заботился, не заставляя его никогда спускаться с большого тюка мягких вещей, растирал регулярно ему колени ромом, укрывал его от ночной свежести. Теперь он спрыгнул с лошади и заявил мне, что недуг его не позволяет ему ехать далее; я предложил устроить его на лошади поудобнее, отдавал ему свою собственную лошадь, хотел, чтобы его несли его товарищи, – все напрасно; с холодной решимостью он сказал мне, что он далее за мной не пойдет, что я, ежели хочу, вправе его убить. Конечно, я имел на то право, но подобный поступок, хотя бы и законом дозволенный, противен человеку чувствительному. Я успокоил остальных, маскировав дело перед ними, как мог, и он был предоставлен своей участи, – персы конечно, не преминут его прикончить. Мы перешли через три потока, довольно широкие и глубокие, и это каждый раз вызывало беспорядок. Я остановился, чтобы проверить, все ли на месте, – двоих не оказалось. Представьте себе беспокоество мое, это было приблизительно в 5 верстах от города. Я сделал привал, одним велел спать, другим караулить, а сам с Юсуфом (из Багдада) поскакал назад, на поиски их; я кричал, звал их по именам, Юсуф тоже, никакого ответа, кроме отзывов «Али» нескольких бродячих татар. Немое оцепенение мной овладело. Слава богу, мы не потеряли дороги, но вернулся я в отчаянии. Они, наверно, напились, сказал я себе, в суматохе отъезда, и разум их и силы им изменили, – и я послал за ними еще трех человек, верхом и вооруженных; так продолжалось до рассвета следующего дня. Одного мне привели; предположения мои подтвердились, он в городе запасся кувшином вина. Другой пропал, может быть, навсегда. Зовут его Ларин; красивый парень с лицом, располагающим к доверию, послушный, но любит выпить. Если Вы узнаете, что его приведут обратно в Тавриз, подумайте, как бы его освободить. Я за него очень огорчен.

Кстати, я смог проверить число тех, кого я веду, только на половине дороги, по выходе из Альвара. Накануне мне внесли в список имена тех, кто остался в заключении в Мейдане. Наличное число оказалось 158, без одного (о котором я имел честь вам упомянуть в моем донесении № 1); двое потеряны после Нахичевани, остается 155, помимо вагина: #с009018_10, которого я не смешиваю с другими.

Сегодня, на рассвете, я установил, что нахожусь все в той же долине, которая простирается от ущелья вблизи Аракса до Нахичевани, но только несколько более к северо-востоку. Мы углубились в горы, и после нескольких часов марша, пройдя, я полагаю, около 4 с половиной фарсангов, мы оказались у знаменитой Змеиной скалы: #с009018_11, оттуда поднялись в селение, именуемое Казанчи; отсюда я пишу вам. Остается мне еще на завтра, как говорят, 8 фарсангов каменной горной дороги до Пернаута, который принадлежит нам. И если мы дойдем туда целы и невредимы, скажу, что у персов ума нет даже и на то, чтобы гадить как им хотелось бы.

Представьте себе, я еще никого не нашел для того, чтобы послать к нашему пограничному коменданту. Вчера явился ко мне один человек из Гаруссы, где расположен первый русский пост. Он туда возвращался с караваном, я хотел поручить ему отвезти мое письмо, и за эту небольшую услугу он запросил с меня 50 телят! При таком чрезмерном запросе и не имея при том гарантии его верности, я рассудил за лучшее выгнать его, отметив имя его в моем журнале. Что за подлое отродье эти армяне! Никто из них и знать меня не хотел, а при этом всегда на ухо и шепчут, что мы их будущие (in spe) покровители. Хороши протезы? Они нас продают тем самым персам, которые готовы их распинать и варить под любым соусом; еще недавно они сожгли двоих армян в Нахичевани.

Я вам написал бы еще пространнее, милостивый государь, зная что вы принимаете участие в моем теперешнем положении, но я пишу на полу, облокотиться не на что; куча ядовитых насекомых, которые меня заставляют подпрыгивать каждый раз, как они приползают к моему письму, ветер, поминутно тушащий свечу, наконец, утомление и бессонная ночь, которую я провел сейчас, чтобы написать вам мое донесение, – все это не дает мне и двух мыслей связать, и вы мне извините мое маранье. Хотя я вам и высказал в начале настоящего письма мнение мое о фирмане Шахзаде, который привел к тому, что я остался без помощи в Нахичевани, о злонамеренности Кельбель-хана и двоедуши Мехмед-бека, вы, милостивый государь, распорядитесь в отношении всего этого, как вы пожелаете, я не смею предугадывать

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
суждение, которое вы об этом вынесете, и если даже вы сочтете необходимым не придавать этому делу огласки, я о том скорбеть не буду, так как в конце концов теперь я уж почти разделался со всеми тягостями. Я уже тем весьма доволен, что заставил мехмендара протрусить до Карабабы; не найдя меня там, он возвращается впопыхах сюда, весьма озадаченный тем, что я пошел не по той дороге, которую он мне указал. Я ему на то заметил, что, если бы он хоть немного заботился бы обо мне, он бы мог меня провести сюда прямо из Аракского ущелья и тем дал бы мне выиграть три дня, и от стольких докук меня бы это избавило! Он покидает меня, и я отнюдь не буду чувствовать себя обездоленным его отъездом. Совесть его, которая весьма редко в нем говорит, заставляет его бояться, что, если он последует за мной в Пернаут, я там, в отместку за все, велю поступить с ним круто. Мерзавец не может понять, что, как только я буду на нашей территории, никакое негодование не заставит меня нарушить долг гостеприимства, добродетели, столь свойственной всякому человеку в моем отечестве.

Примите, милостивый государь, чувства совершеннейшей преданности от вашего покорного слуги

Александра Грибоедова. № 411 сентября 1819. <Казанчи>.

Р. С. Пернаут, 13 сентября.

Я воспользовался, милостивый государь, неотступными просьбами мехмендара, который во что бы то ни стало хотел получить от меня какую-нибудь бумагу как предлог, чтобы явиться к вам. Я не стал запечатывать этого письма в Казанчи, чтобы не оставлять вас в сомнении насчет прибытия моего на границу, и заставил одного из людей Махмед-бека сопровождать меня. Все это не очень надежно, так как этот подлец уже вытянул из меня 2 дуката в Нахичевани за почту в Тавриз, думаю, что монеты он присвоил, так как знаю от него самого, что пакет мой еще у него в руках. Он мне наплел тридцать сказок в свое оправдание, пусть-ка он вам их порасскажет! Однако позвольте уведомить вас, что я послал вам первый свой рапорт из Маранда № 1, 2-й из Нахичевани и этот третий отсюда, из Пернауа, армянского селения, вассального Мехте-Кули-хану, под Российским владычеством. Вчера, 12 сего месяца, по ущелью реки Алинджи мы дошли до горы: #с009018_12, один склон которой принадлежит Ирану, а другой – нам. Казалось, что она поднимается до бесконечности, мы два часа должны были взбираться на нее и только на вершине добрались до места перехода на нашу сторону (ad status, quod ad passatum). Оттуда до сего места – раз перепрыгнуть. Благодаренье богу! Экспедиция моя наполовину уже выполнена. Хотелось бы, чтобы и вы могли бы сказать то же об управлении вашем, будущий исход которого еще слишком неясен, чтобы я вперед мог быть за вас спокоен. У вас теперь много русских подданных, которым вы всегда, когда захотите, можете поручить доставить ваши письма в Тифлис. Сблагодарите, пожалуйста, написать мне.

Из любви к справедливости, не похвалите ли вы перед Наиб-Султаном услуги, мне оказанные султаном сарбазов: #с009018_13 в Гаргаре, Мирзой-Мамишем в Нахичевани?

Вложенное письмо адресовано Шамиру: #с009018_14.

Мазаровичу С. И., 6 октября 1819: #с009019

(Перевод с французского)

Милостивый государь,

только 2-го числа или, лучше сказать, в ночь на 3-ье я прибыл в Тифлис здоровым и был прекрасно принят начальством. Для меня намечается уже заря спокойствия, но нужно говорить еще со многими лицами и еще многое пересказывать им относительно цели моей экспедиции сюда и о будущем моем путешествии.

Я должен был привести в порядок для генерала Вельяминова подробный список людей, приведенных мною. Все это, естественно, мешало мне приняться за работу, чтобы довести до вашего сведения подробности моего похода, начиная с границы, медленность его должна казаться вам необъяснимой. Я сообщу вам обстоятельство этого похода в самом сжатом виде, чтобы не задерживать Папа-Меликса, которого

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru отправляют к вам завтра. Меня продержали один день в Сиссиане – в Гаруссе, 3 – в Шуше, откуда я съездил в Чиначи для личных переговоров с полковником Реутом, заменяющим Мадатова. Частые перерывы пути происходили из-за снабжения продовольствием. На том тракте, которым я следовал, не были предупреждены и не приготовились: то в магазинах была только одна мука и нужно было несколько дней, чтобы испечь хлеб, то останавливались потому, что надо было смолотить зерно. Что поделаешь? Не то чтобы мне создавали затруднения – тут не было ничьей вины. Что касается мяса, капусты и пр., обозных лошадей, все это было на мой счет; тем не менее издержки не превысили 300 рублей. Мои счета в порядке, и я жду только свободного времени, чтобы переписать их начисто и затем представить вам.

Из Шуши я поехал вперед до Елизаветполя, где меня задержали на 7 дней, прежде чем получилось приказание из Тифлиса отправить меня дальше. А здесь! Нечего говорить вам; деловые бумаги были посланы, из них видно, насколько приличия, законы и, наконец, причины очень важные противятся тому, чтобы было исполнено пунктуально торжественно данное мне вами обещание. Генерал Вельяминов делает все от него зависящее, чтобы на меня легло как можно меньше вины в глазах этих моих несчастных; однако перед 80-ью из них я все же буду виноват. Это очень горько, после стольких забот, стольких неприятностей, вынесенных ради единственной мысли, что это послужит их общему счастью. Однако с моей стороны было бы жестоко усиливать еще своими жалобами то огорчение, которое уже самый этот случай должен доставить вам, милостивый государь. Неудержимый порыв доброты заслонил тогда от вас неизбежные последствия, развертывающиеся теперь, и вот я оказался дураком и обманщиком!

Чтобы смягчить немного печальное впечатление, которое, я думаю, причинил вам, я скажу вам, милостивый государь, что относительно обязательств, заключенных с перебежчиками, ваша манера действовать была всеми очень одобрена, и так как тут прекрасно осведомлены насчет персидских козней против вас, то вас хвалят, но вам не завидуют. Что касается персов, то Серхенг-Мехмет-Кули находится здесь со всей свитой; он прикинулся бодрым, несчастным, и вот вопрос о пенсии на очереди.

Четыреста семей, которые последовали за ним, будут размещены в окрестностях Елизаветполя... Не напишете ли вы мне два слова по поводу его жены?

Повсюду, где я проезжал, я уведомлял местные власти, что каждый человек, будь то сам шах, если он переезжает нашу границу без подписанного вами паспорта, должен будет подвергнуться суровому допросу на месте и быть задержан до окончательного решения, о котором вам будет сделан запрос. Так именно всегда смотрел на дело Елизаветпольский комендант: #c009019_1, человек очень разумный, но у него нет на этот счет никакой положительной инструкции; он мне сказывал, что отныне он иначе и не будет действовать. Между тем был схвачен человек с письмами от Селим-хана к Могилевскому; мне казалось, что дело должно было бы быть выяснено перед моим приездом сюда, потому что я задержался на 7 суток в Гандже; я говорил об этом генералу В., и верите ли вы, что он ничего об этом не знает? Однако я не знаю, как мне истолковать этот случай.

Ходжа-бек, землевладелец (если таковые есть в Персии) между Казанче и нашей границей, при моем проезде по Алиндже, послал своего сына приветствовать меня. Мы говорили по-персидски; он жаловался на свое положение и выразил желание перейти в русское подданство. Но жалуются в Карабаге, а в Шемшедилье мечтают о покровительстве Ирана. И с нашей, и с их стороны только и слышны жалобы. Но на границе какое обоюдное шпионство и дезертирство! Оттуда бегут! Бегут и от нас, и, по-моему, это Харибда и Сцилла. Там и здесь чиновники отвратительны, насколько я мог наблюдать. Я буду иметь честь беседовать с вами об этом в более удобное время.

Мною получены 3 небольших бумаги из тех, что вы направили ко мне. Ларин пришел ко мне в Шушу. Он шел 4 дня без еды, не видя живой души, стараясь найти мои следы через леса и неприступные горы; наконец на него напали, но, молодой и сильный, он отбилсЯ от трех негодяев, которые хотели его связать. Таким образом после всех бедствий он присоединился ко мне. Удивительная воля и решимость. Благодарю вас за то, что вы были так внимательны к моей просьбе за двух единственных персов, которые не поступили со мной плохо. Терпение, скажете вы; да сохранит вам его господь, милостивый государь, без него нет спасения в Табризе. Генерал В. рассказал мне вкратце содержание ваших бумаг; кажется, что толпа бородачей: #c009019_2 еще волнуется и так же глупа, как и в те времена, когда я с ней расстался. Продолжайте ласкать их и кормить пощечинами, смотря по

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
требованию момента. Впрочем, простите мне мою рапсодию; в будущем буду готовить вам доклады заблаговременно, потому что я вижу, что нельзя нигде располагать своим временем по желанию.

С чувством совершеннейшего уважения имею честь быть вашим покорным слугой.

Александр Грибоедов.

№ 15

Тифлис, 6 октября 1819.

Завтра я отправляюсь дальше. Амбургер свидетельствует вам свое почтение; он бы очень желал вернуться к вам возможно скорей, но силы этому препятствуют. Поистине я нахожу его больным; свойство железистых вод не оказалось настолько действительным, чтобы улучшить его здоровье.

Катенину П. А., февраль 1820: #с009020

Февраль 1820. Тавриз.

Любезный Павел Александрович. Я очень давно не писал к тебе. Не извиняюсь: потому что знаю, как это неизвинительно. – Прости, не пеняй в уважение прежней и, даст бог, всегдашней нашей дружбы. Мне дали известие о смерти Дарьи Андревны. Кому не жаль матери! Но, может статься, ты уже утешен. До меня известия из России доходят как лучи от Сириуса, через шесть лет; а потому не сообщу тебе своих размышлений, как бы я на твоём месте расположился в качестве помещика: ты вероятно давно уже зажил по-своему. Скажу об моем быту. Вот год с несколькими днями, как я сел на лошадь, из Тифлиса пустился в Иран, секретарь бродящей миссии. С тех пор не нахожу самого себя. Как это делается? Человек по 70-ти верст верхом скачет каждый день, весь день разумеется, и скачет по два месяца сряду, под знойным персидским небом, по снегам в Кавказе, и промежутки отдохновения, недели две, много три, на одном месте! – И этот человек будто я? Положим, однако, что еще я не совсем с ума сошел, различаю людей и предметы, между которыми движусь: прошедшим годом, как я действовал и что со мною судьба шутила, опишу коротко.

Весною мы прибыли в Тейран. Я не успел обозреться, только что раз поскитался в развалинах Рагов Мидийских: #с009020_1, раза три в Каосе-Каджаре: #с009020_2, в Негиристане и в других окрестностях феталишаховой столицы... Жар выгнал нас в поле, на летнее кочевье в Султанейскую равнину, с Шааен-Шаа, Царем Царей и его двором. Ах! Царь-государь! Не по длинной бороде, а впрочем во всем точь-в-точь Ломоносова государыня Елисавет, Дщерь Петрова. Да вообще, что за люди вокруг его! что за нравы! Когда-нибудь от меня услышишь, коли не прочтешь. Теперь слишком запущено. Начать их обрисовывать, хоть слегка, завлекло бы слишком далеко: в год чего не рассмотрим! Из Султানেи мы в конце августа попали в Табрис. Не все еще. Перед Султанеи в Абгаре ферсехов в двадцати по сю сторону от Казбина пожилы несколько во время Рамазана: #с009020_3, смотрели восточную трилогию: Страсти господнего угодника Алиа, слышали удары дланями в перси, вопли: «Ва Гуссейн! О! фатме!» и пр. Я на это глядел, об тебе думал. В Ахенде (за переход от Римского моста на Кизиль-Озане, в горах Кафланку) тоже на недолго остановились, с тем, что дальше ехать или на месте остановиться казалось одинаково скучным, но последнее менее тягостным. Из Табриса, в начале сентября, я отправился в Чечню к Алексею Петровичу за новыми наставлениями. Нашел его, как прежде, необыкновенно умным, хотя недружелюбным. Он воет, мы мир блюдем; если, однако, везде так мудро учреждены посольства от императора, как наше здесь: полки его опаснее, чем умы его дипломатов. Я наконец опять в Табризе. Владетельный Ша-Заде-Наиб-Султан-Аббас-Мирза, при котором мы честь имеем находиться, и, в скобках сказать, великий мне недоброжелатель, вызвал из Лондона оружейных мастеров, шорников и всяких рабочих; собирается заводить университеты. И у него есть министр духовных сил дервиш каймакам Мирза-Бюзрук. Дайте нам Уварова. Ты видишь, что и здесь в умах потрясение. Землетрясение всего чаще. Хоть то хорошо, коли о здешнем городе сказать: провались он совсем; – так точно иной раз провалится.

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru

Не воображай меня, однако, слишком жалким. К моей скуке я умел примешать разнообразие, распределил часы; скучаю попеременно то с лугатом: #с009020_4 персидским, за который не принимался с сентября, то с деловыми бездельями, то в разговорах с товарищами. Веселость утрачена, не пишу стихов, может и творились бы, да читать некому, сотруженики не русские. О любезном моем фортепяно, где оно, я совершенно неизвестен. Книги, посланные мною из Петербурга тем же путем, теряются. Довольно о себе. Вы как? Что происходит в вашем ученом и неученом мире? В мое время, если бы возможность была массу сведений наших литераторов, академиков, студийозов и профессоров разделить поровну нашим людям с талантом, вряд ли бы на каждого пришлось по стольку, чем Ланкастер учит: читать и писать, и то плохо. Ты не в счету. Играют ли твою «Андромаху»: #с009020_5? Напечатана ли? Как ее достать? Коли не ex dono Auctoris[90 - в подарок от автора.(лат.)], намекни по крайней мере, куда отнестись? Да во всяком случае пиши ко мне. Сколько я удовольствия лишаюсь от лени! Если бы любезные мне люди от меня имели письма, верно бы отвечали. По крайней мере я люблю нежиться этим воображением.

Князю почтенному: #с009020_6 низко поклонись за отсутствующего. Не могу довольно порадоваться, что и он в числе тех, которые хотят, не хотят, а должны меня помнить. Часто бывали вместе. Славный человек! Кроткий, ласковый нрав, приятный ум, статура его, чтение, сочинения, горячность в спорах об стопах и рифме, наш цензор всегдашний, и сам под ценсурой у Катерины Ивановны: #с009020_7...Не поверишь, как память обо всем этом мне весела в одиночестве! Жандрик мой как живет? в 1820-м году прежним ли святым молится? Об Чепягове ты мне писал. Скажи, кто бы думал, что его в чем ни есть Иону достанется заменить? Однако охота была нашему прозорливому другу петь свою феогонию: #с009020_8 такому человеку, который богов знать не хочет? Чепягов и Чебышев! Не знаю, почему при этих схожих именах мне пришли два другие: Гейнзиус и Гревюс: #с009020_9!

Прощай, дружески тебя обнимаю, крепко. Мой Шерасмин: #с009020_10 свидетельствует свое почтение...

Из всего надо пользу получать, и ты из моего письма научись чему-нибудь. Вот тебе арабский стих:

Шаруль-бело из кана ла садык.[91 - Худшая из стран - место, где нет друга.(араб.)]

NB. C'est un peu de l'instruction de la veille, car je ne sais pas encore un mot d'Arabe, aussi vous n'aurez pas le vers traduit.[92 - Это немножко вчерашней учености; так как я еще не знаю ни слова по-арабски, то и вы не получите стиха в переводе(фр.)]

Рыхлевскому А. И., февраль 1820: #с009021

Февраль 1820. Тавриз

Милостивый государь Андрей Иванович! Письмо ваше я уже давно получил, еще в Тифлисе, и только оттого позамедлил благодарить, что сперва хотел о Серебрякове посоветоваться с г. Мазаровичем. Нынче он об нем доносит начальству и между тем поручил мне вам свидетельствовать почтение и признательность за воспоминание в письме ко мне. Очень приятно не быть позабытым от того, кого уважаем. И потому без всяких дипломатических кудрявостей скажу, что для меня письмецо от вас хоть не велико, да дорого. Притом же знаю я, что по службе занятий у вас в Георгиевском много, а вечером бостон в употреблении. Тем похвальнее оторваться от такой деятельности и посвятить несколько минут прежнему спутнику. Мне досугу много, и, наоборот, должен бы писать вам целые листы; но из Персии о чем прикажете? Возвратимтесь в благополучное отечество, и будет о чем побеседовать, на словах или на письме.

Напомните обо мне Василию Захарьичу. По ком теперь изволит томиться? На днях читал я в «Статистическом опыте о России», что в Кизляре есть много индейцев, но мы с ним (и с вами, в скобках сказано) кроме хорошенькой Ахвердовой никого не заметили. Спешите в Тифлис, не поверите, что за роскошь! В клубе балы, и с масками. И я однажды очень неудачно принарядился, не успел войти в зал, все закричали, что у г. маркиза Б шишка на лбу.

Прощайте, почтеннейший Андрей Иванович, прошу не оставлять меня дружеским расположением, которое всегда с признательностью будет ценить

душою вам преданный

А. Грибоедов.

P. S. Кстати или некстати порадитесь моей радости. Я уже не тот бедный Ир: #с009021_1, нищий, слуга государю из хлеба, как прежде. Меня уведомят, что состояние мое поправляется. Теперь при первом попутном ветре лечу. Лишь бы Алексей Петрович: #с009021_2 позволил поднять паруса... Опять буду независим.

Каховскому Н. А., 3 мая 1820: #с009022

3 мая 1820. Тавриз

Любезный Николай Александрович! Благодарю за письмо с границы. Вы хорошо начали, дай вам бог стойкость в воспоминании о приятелях покинутых, это будет необычайно. Между тем от души радуюсь, что вы сохранны переступили за межу восточных абдеритов. Персияне пугали вас вооружением, все не так страшно, как моя судьба жить с ними и, может статься, многие дни! Как же вас возносили на неприступный status, quo ad praesentum[93 – Положение, существующее в данное время. (лат.)] и как

Полком окружали
Военных теней?
В присошках пищали,
Курки без кремней?
Как ханы и беки
Пролили вам реки
Хвалы круговой?
С преклонной главой
Ньюкеры и дусты!
И головы их,
При шапках больших,
Под шапками пу́сты.

Этой порубежной фарсы недоставало, чтоб в мыслях ваших утвердить без того уже выгодное мнение, которое вы приобрели об их Иране. Бог с вами, однако; вы теперь дома, или почти дома, с достойным Романом Ивановичем и с другими людьми, вам приятными. А мы! я! Со всем тем не воображайте меня зарытым в книгах; это остается до будущего времени. С вашего отъезда я дом мой верх дном поставил, расширил, надстроил, пристроил, и если бы вам воротиться, никак бы не узнали комнату, где так усердно упражнялись в бостон и асонас. И даже игре смена. Теперь в моде vingt-un[94 – Двадцать одно. (фр.)] с Алларом и Джибелли. Я выигрываю: Мазарович ругает, и еще больше, когда слышит, что маленькую de la Fosse я непременно к себе беру. Резвая, милая! Воля Симона, добрейшего человека, но виноват ли я, что он ударился в набожность и мораль глубокую! Скука чего не творит? а я еще не поврежден в моем рассудке. Хочу веселости. Он мне промеж нравоучительных разговоров объясняет, что дом свой запрет, если я в новоселье сдружусь с любовью. Шутит! может, и дело говорит, но я верно знаю, что если только залучу к себе мою радость, сам во двор к себе никого не пущу, и что вы думаете? На две недели, по крайней мере, запрусь... В ту самую пору, как к вам мое письмо дойдет, это, может, так и сбудется.

У Мазаровича завелся поп, каплан, колдун домашний, римский епископ, халдей, потомок Балтазара. Где этакого миссионера открыли? Шахзада подарил его поверенному и братья коэфоры причащаются. На днях мы хоронили Кастальди, от которого M-me La Marinière овдовела. Вот вам чин погребения: покойник был неаполитанец, католик. Отпевали его на халдейском языке. Духовный клир: несторияне, арияне, макарияне, махинеицы преадамиты, а плачевники, хоронильщики, зрители, полуравнодушные, полурасстроганные, мы были и наши товарищи европейцы, французы, англичане, итальянцы, и какое же разнообразие вер и безверия! Православные греки, реформаторы, пресвитерияне, сунни и шиа! А всего-навсего лиц

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
с двадцать! всякого зверя два, два: #с009022_1. Очень пестро, а право не лгу.
Мазарович сочинил эпитафию по-латыни, я русскую:

Из стран Италии – отчизны
Рок неведомый сюда его привел.
Скиталец, здесь искал он лучшей жизни...
Далеко от своих смерть близкую обрел!

Длинно и дурно, но чтоб не вычеркивать, заменю ее другою, в ней же заключается историческая истина.

Брыкнула лошадь вдруг, скользнула и упала, –
И доктора Кастальдия не стало!

Желаете ли государственных вестей? Аббас-Мирза халат от отца получил; мы не ездили глазеть на эту помпу. Третьего дни на Фет-Али-хана петлю накинута, и уже фарши готовились затянуть, но пророчествующий в Магомете Пиш-Намаз: #с009022_2 спас будущего удавленника и укротил гнев Шахзады, который за то взбесился, что хлеб дорог. Скупщики всякого жита каймакам и визирь, а Фет-Али-хана давят. Фет-Али-хан в свою очередь, чтоб дешевле продавалась насущная пища, пошел всех бить на базаре, и именно тех, у которых ни ломтя нет хлеба. При таких обширных и мудрых мерах государственного хозяйства отдыхает наблюдатель, которому тошнит от их дел с нами, от наших с ними... резьба из вишневой косточки.

Разнесся слух о прибытии в Тифлис главнокомандующего: #с009022_3. Шахзада нам объявил и, если не бредит, думал я, так это новое доказательство, что он об Тифлисе больше нас знает, правда, и мы лучше его смыслим о том, что в его собственном городе происходит, но утешенье ли? особенно для людей, которые различны языком, нравами, и физикою, и моралью. Все, однако, согласно уважают Алексея Петровича, а от него награда – пренебрежение! Слух подтвердился, и вы, умолча обо всем прочем, засвидетельствуйте мою преданность ео, qui Caucasei fastigia montis sua sub juga mittet[95 – Тому, кто поработил горные хребты Кавказа. (лат.)].]

Роману Ивановичу, Алексею Александровичу, Ивану Александровичу: #с009022_4 искреннее почтение, прочим по порядку тоже. Да вообще Кабардашке и другим придворным генерала низкий поклон.

Прощайте, мой любезный Николай Александрович. Удоволил я ваше терпение, жду 2-го номера от вас, а от меня еще то ли будет? Не извиняюсь, но где же позволено предаваться шутливости, коли не в том краю, где ее порывы так редки. Мои сотруженики обнимают вас přátельски.

Покорнейший

А. Грибоедов.

Фортопьян еще нет. Катоптрик Леташинский постоянно мешкает.

Каховскому Н. А., 25 июня 1820: #с009023

25 июня 1820. Тавриз.

Жду не дождусь письма от вас. Что вы мне такое намекнули об отъезде в Петербург? Как это? Когда? Официально? Или по догадке вашей? Выведите из сомнения, любезный Николай Александрович. Либо воскресите, либо добейте умирающего. Еще слушайте кое-что: было время, обольстил меня добрейший Роман Иванович, и я в Андреевской просил у главнокомандующего: #с009023_1 быть переведенным в Тифлис судьей или учителем. Коли вздумают опечалить меня исполнением этой отчаянной просьбы и зайдет речь об этом, вы уж как-нибудь отвратите от меня грозу: потому что я ни за сокровища Оранг-Зеба: #с009023_2, нигде и никогда, ввек не жилец более по сю сторону Кавказа.

Lindsay и Mackintosh сперва много писали доброго о Грузии, потом жаловались на полицейский присмотр за ними. Мне непонятно, либо это собственно их

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
неосновательное замечание, либо в самом деле неловкая шутка полицеймейстера. Кому два англичанина опасны? Они же разобитые расстались с Персией. Что касается до политических разведок, так для этого нет нужды Аббасу отряжать европейцев: по большей части тифлисы сами продали свои души персиянам. Кажется, нам должны быть выгодны посещения людей денежных, и честь делает нынешнему управлению такой землею, которая оглашена была непроходимую от лезгинских ножей, а ныне Монтис говорит, что его соотечественники без числа покушаются туда путешествовать.

Как жаль однако, что вас теперь нет здесь. Мазарович отстроил Palais de Russie[96 – Русский дворец(фр.)] великолепнейший. Мой домик, кабы не колебался так часто от землетрясений, загляденье на Востоке. И каких бы вы женщин у меня нашли! Именно не одну, а многих, и одна прелестнее другой. Кто бы это предвидел месяца два тому назад! Пути любви неисповедимы.

Прощайте, любезный мой; не взыщите на скоропись и недостаток склада. Болен я жестоко и пишу с удивительным напряжением тела и души.

Алексею Александровичу мое почтение скажите.

Вам преданный и покорнейший

А. Грибоедов.

Рыхлевскому А. И., 25 июня 1820: #с009024

25 июня 1820. Тавриз

Милостивый государь, любезнейший Андрей Иванович, где вы теперь? В последнем письме вашем, которому я обязан превеселыми минутами, вы у Поля в клубе людей искали. Перед кем потушили фонарь?: #с009024_1 Скажите искренно. Или ваш поиск намерены перенести в Петербург? Что главнокомандующий намерен делать, я не спрашиваю: потому что он сфинкс новейших времен. Вы не поверите, как здесь двусмысленно наше положение. От Алексея Петровича в целый год разу не узнаем, где его пребывание и каким оком он с высоты смотрит на дольную нашу деятельность. А в блуждалище персидских неправд и бессмыслицы едва лепится политическое существование Симона Мазаровича и его крестonosцев. Что за жизнь! В первый раз отроду вздумал подшутить, отведать статской службы. В огонь бы лучше бросился Нерчинских заводов и зываю с Иовом: да погибнет день, в который я облекся мундиром иностранной коллегии, и утро, в которое рекли: се титулярный советник. День тот да не взыщет его господь свыше, ниже да приидет на него свет, но да примет его тьма, и сень смертная, и сумрак. – Об моих делах ни слова более, не губить же мне вас моею скукою. Про ваш быт желал бы знать.

Отчего на генералов у вас безвременье? Один с ума сошел (Эристов). Другой (Пузыревский) пал от изменнической руки; Ахвердов от рук мирных, благодетельных, докторских, жаль его семейства, племянница в Кизляре всех жалче.

Отчего великий ваш генерал: #с009024_2 махнул рукою на нас жалких, и ниже одним чином не хочет вперед толкнуть на просторном поле государевой службы? Что бы сказал он с своим дарованием, кабы век оставался капитаном артиллерии? Я хотя не осмелил еще моего мнения до того, чтобы с ним смеряться в способностях, но право дороже стоишь моего звания.

Вероятно, что на мои вопросы ответу от вас не получу, ну так хоть о чем-нибудь о другом, только не забудьте: отпишите и заставьте себя любить более и более.

Вам преданный

А. Грибоедов.

Р. С. Семен Иванович: #с009024_3 несколько раз просил меня вам изъяснить постоянные его к вам чувства дружества и уважения, но он же виноват, коли я этого до сих пор не исполнил. В тот раз при отправлении курьера не дал времени ни с кем письмами побеседовать.

Уиллоку Генри, 14\26 августа 1820: #с009025

(Перевод с французского)

Тавриз, 14/26 августа 1820 года.

Нижеподписавшийся секретарь миссии его величества императора всероссийского при персидском дворе имеет честь предупредить г-на Уиллока, поверенного в делах его величества короля Британии при упомянутом дворе, что он с большим неудовлетворением вынужден сообщить ему следующее...: #с009025_1

Нижеподписавшийся, будучи лично знаком с братом г. поверенного в делах, склоняется к убеждению, что в его действиях, безусловно, не было злонамеренности, но самое большое – мгновенное недомыслие, приведшее его к такого рода поступку. Во всяком случае, выражается настоятельная просьба г-ну поверенному в делах соизволить дать предписание другим английским офицерам, которые в будущем собралась бы ехать в Грузию, избегать таких способов действия во имя самых очевидных мировых причин.

1. Сообразно с современным положением вещей в Европе, не будет хорошо истолковано, что один русский помогал англичанину избавиться от законной службы своему монарху, и наоборот.

2. Если когда-либо правительство было бы информировано о вышеупомянутом происшествии, господа английские офицеры, которые иногда выезжают отсюда в Тифлис, возможно, не встретили бы приема, подобающего их рангу, заслугам и т. д., что компрометировало бы рекомендации, которыми г-н Мазарович и все его служащие всегда счастливы быть в состоянии их снабдить.

3. Не почувствуют ли персияне, что им позволительно продолжать свое заслуживающее порицания поведение в отношении русских солдат-перебежчиков, находя поощрение в снисходительности и добрых услугах, оказываемых им в этих случаях подданными одной европейской весьма дружественной России державы.

Достаточно одного слова объяснения людям благомыслящим, чтобы понять друг друга, и, не добавляя более ничего, нижеподписавшийся имеет честь повторить господину поверенному в делах Англии выражение чувства самого совершенного уважения.

Грибоедов.

Каховскому Н. А., 19 октября 1820: #с009026

19 октября 1820. Тавриз.

Поздравляю вас с наступающим октябрем, любезнейший Николай Александрович, с тем самым октябрем, который, по вашим словам, должен свести нас в Тифлисе. Следовательно, для меня праздник. Не суетно ли ваше предсказание? Хоть неправда, да отрада. Валет мой: #с009026_1 скажет вам, как я живу без Мазаровича: денег нет, ума нет.

Много благодарю вас за ваше письмо. Его привез мне политического свойства армянин, Казар, глупейшее создание, какое только есть в двух союзных государствах! Пишите мне о Мирзе-Массуде, как его главнокомандующий принял. Если велит его побить, так это много наши дела в Персии поправит.

В ваших вестях упоминается о будущей свадьбе. Поздравляю Коцебу, а не Елену Романовну. Стало быть, покойник Август фон Коцебу породнится с Романом Ивановичем и с Алексеем Петровичем! Следовательно, в Тифлисе нельзя будет откровенно говорить об его литературном пачканье? Нет нигде уже в Русском царстве свободы мнения! Прощайте. Завтра чем свет Амлих мой окажет курьерскую свою борзость. Ложусь спать.

Верный вам Грибоедов.

Алексею Александровичу: #с009026_2 засвидетельствуйте чувство глубочайшего и пр. Секретно от Романа Ивановича, которому скажите мое искреннее почтение.

Рыхлевскому А. И., 24 октября 1820: #с009027

24 октября 1820. Тавриз.

Милостивый государь Андрей Иванович.

Я в шутку писал вам о своих делах. Вы в них приняли участие с дружескою заботливостью. Умею ли я это ценить, бог даст, увидите со временем, не век мне быть в Персии, а вам в Грузии, сойдемся в отечестве, где и мне статья случай будет служить вам, сколько истинно желаю. До тех пор все-таки я у вас в долгу, и мало этого: прошу от вас еще одолжения. Отправляется в Тифлис наш Шамир Бегляров, чтобы кое-как склеить дела совершенно расстроенные. Не нужно мне его поручать в вашу благосклонность, он сам имеет честь вам быть лично знакомым. Однако, натерпевшись в Персии вместе со мною, получил полное право на мое ходатайство при всяком, кто мне добра желает, следовательно при вас особенно, чтобы вы в делах ему покровительствовали, послужили бы ему сильною защитою против недоброоходов, из которых, как вам известно, первый П. И. Могилевский к нему не благоволит. Он снабжен письмами к высоким властям. У вас немало власти, употребите ее на благо нашему товарищу, бог воздаст вам.

Простите, что мало пишу: по обыкновению дотянул до последней минуты, ни в чем не успеваю. Зато в другой раз подробнее побеседую, и коли наскучу, – на себя пеняйте. Зачем ласковым ответом поощряете на болтовство?

Сергею Александровичу Наумову скажите мое почтение, если он еще обо мне помнит.

С чувством отличного почтения и преданности,

милостивый государь,

ваш покорнейший А. Грибоедов.

Рыхлевскому А. И., 3 ноября 1820: #с009028

3 ноября 1820. Тавриз.

Милостивый государь Андрей Иванович.

Неделю или немногим более назад писано мною было вам по оказии с отъезжающим в Тифлис для поправки дел расстроенных наших Шамиром Бегляровым, коего я поручал благосклонности вашей, распространяемой особливо вами и на меня: чтобы вы сильною защитою ему в сих делах, вам известных, стали противу недоброоходов наших, из коих первым считаю П. И. Могилевского. Пользуясь ныне срочною отправкою в Тифлис, решил я поделиться с вами мыслию моею, пришедшей ко мне уже после отъезда Беглярова, кою, надеюсь, примете вы снисходительно, – а именно: минуя всяческие пути окольные, обратиться с ходатайством и правдивым повествованием о всех мытарствах и несчастиях наших к самой высокой особе: #с009028_1, но, впрочем, полагаюсь вполне на усмотрение ваше, ибо вам, человеку ближнему, виднее, как лучше поступать в сем деле нашем. За умолчание о себе не пеняйте очень, ибо я и вообще не охоч делами своими другим, хотя бы и друзьям близким, докучать, а по здешней суматошной жизни ныне и вовсе обленился писать. Вот когда увидимся – наговоримся полною мерою и по душам, а пока порадуите меня ласковым ответом своим.

С отличной преданностью остаюсь,

милостивый государь,

ваш покорнейший А. Грибоедов.

Неизвестной, 17 ноября 1820: #с009029

(Черновое)

17 ноября 1820 – час пополночи. Тавриз.

Вхожу в дом, в нем праздничный вечер; я в этом доме не бывал прежде. Хозяин и хозяйка, Поль с женою, меня принимают в двери. Пробегаю первый зал и еще несколько других. Везде освещение; то тесно между людьми, то просторно. Попадаютя многие лица, одно как будто моего дяди, другие тоже знакомые; дохожу до последней комнаты, толпа народу, кто за ужином, кто за разговором; вы там же сидели в углу, наклонившись к кому-то, шептали, и ваша возле вас. Необыкновенно приятное чувство и не новое, а по воспоминанию мелькнуло во мне, я повернулся и еще куда-то пошел, где-то был, воротился; вы из той же комнаты выходите ко мне навстречу. Первое ваше слово: вы ли это, Александр Сергеевич? Как переменялись! Узнать нельзя. Пойдемте со мною; увлекли далеко от посторонних в уединенную, длинную, боковую комнату, к широкому окошку, головой приклонились к моей щеке, щека у меня разгорелась, и подивитесь! вам труда стоило, нагибались, чтобы коснуться моего лица, а я, кажется, всегда был выше вас гораздо. Но во сне величины искажаются, а все это сон, не забудьте.

Тут вы долго ко мне приставали с вопросами, написал ли я что-нибудь для вас? – Вынудили у меня признание, что я давно отшатнулся, отложился от всякого письма, охоты нет, ума нет – вы досадовали. – Дайте мне обещание, что напишете. – Что же вам угодно? – Сами знаете. – Когда же должно быть готово? – Через год непременно. – Обязываюсь. – Через год, клятву дайте... И я дал ее с трепетом. В эту минуту малорослый человек, в близком от нас расстоянии, но которого я, давно слепой, невидел, внятно произнес эти слова: лень губит всякий талант... А вы, обернясь к человеку: посмотрите кто здесь?.. Он поднял голову, ахнул, с визгом бросился мне на шею... дружески меня душит... Катенин!.. Я пробудился.

Хотелось опять позабыться тем же приятным сном. Не мог. Встав, вышел освежиться. Чудное небо! Нигде звезды не светят так ярко, как в этой скучной Персии! Муэдзин с высоты минара звонким голосом воззещал ранний час молитвы (–[97 – Так в первопечатном тексте.] ч. пополночи), ему вторили со всех мечетей, наконец ветер подул сильнее, ночная стужа развеяла мое беспамятство, затеплил свечку в моей храмине, сажусь писать, и живо помню мое обещание; во сне дано, наяву исполнится: #с009029_1.

Каховскому Н. А., 27 декабря 1820: #с009030

27 декабря <1820>. Тавриз

Итак, вы в негодовании на меня, любезный Николай Александрович, за упрямство, с которым я как будто присягнул не писать вам, так мне Шамир: #с009030_1 говорит. Непонятный человек, я бы на вашем месте радовался, что унялись скучать вам свою скукою: потому что во всех моих письмах одно и то же, как вчера, так и нынче. Прощаем в пустыне, оброшенные людьми и богом отверженные. – Пришлите к нам Шамира скорее; авось оживит нас несколько, или нет! пусть его веселится, женится, песни поет: одним счастливецом больше на свете.

Продолжение впредь с Канумом, который через три дни отправляется: #с009030_2.

Вложенный здесь конверт возьмите на себя труд передать Роману Ивановичу: #с009030_3; челом бью о пересылке по адресу.

Sérieusement, il y a quelque chose qui m'empêche de vous continuer ma présente, mais vous serez pleinement compensé par l'ennui que je m'apprête à vous causer avec une epître longue de dix aunes.[98 – Серьезно, есть нечто, мешающее мне продолжать это письмо, но вы будете сполна вознаграждены скукой, которую я собираюсь вам доставить посланием в десять аршин (фр.).]

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
Попросите Романа Ивановича в скором времени переслать конверт матушке, потому что мне оно очень важно. Дружески вас обнимаю и прошу не сердиться.

Неизвестному, ноябрь 1820: #с009031

(Отрывок чернового письма)

(Перевод с французского)

<Ноябрь 1820. Тавриз.>

Знания которыми я обладаю, сводятся к владению языками: славянским и русским; латинским, французским, английским., немецким. В бытность мою Персии, изучал я персидский и арабский. Но для того, кто хочет быть полезен обществу, еще весьма недостаточно иметь несколько разных слов для одной идеи, как говорит Ривароль; чем больше имеешь знаний, тем лучше можешь служить своему отечеству. Именно для того, чтобы получить возможность их приобрести, я и прошу увольнения со службы или отозвания меня из унылой страны, где не только нельзя чему-либо научиться, но забываешь и то, что знал прежде. Я предпочел сказать вам правду, вместо того чтобы выставлять предлогом нездоровье или расстройство состояния, общие места, которым никто не верит.

Письма к Т. Этье, 1821–1823: #с009032

Этье Т., январь 1821

(Перевод с французского)

Господину командиру 1-го Мирандского и 42-го батальона Нахичеванского сартипу:
#с009032_1 Этье.

Дорогой друг,

окажите мне дружескую услугу, очините мне несколько перьев потоньше: #с009032_2.

Преданный вам

Грибоедов.

январь 1821.

Этье Т., 1822

(Перевод с французского)

Дорогой друг,

пожалуйста, одолжите мне ненадолго ваш Гюлистан: #с009032_3.

Преданный вам

Грибоедов.

<1822>

Этье Т., 19 мая 1823

(Перевод с французского)

Дорогой Этье, если вы располагаете собой около трех часов, приходите ко мне обедать с Всеволожским, о котором я вам говорил и который очень хочет с вами познакомиться: #с009032_4.

Преданный вам

Грибоедов.

19 мая 1823.

Этье Т., 10 июля 1823

(Перевод с французского)

Я только что приехал из деревни, дорогой г-н Этье, для того, чтобы повидаться с Грибоедовым, и, так как он хочет вас видеть, приходите, если можете, ко мне, вы обяжете нас обоих.

Ваш А. Всеволожский.

10 июля 1823 г.

Поторопитесь, потому что мы собираемся обедать.

Грибоедов.

Этье Т., около 15 сентября 1823

(Перевод с французского)

Друг мой, я возвратился в Москву, и вы очень обяжете меня, приехав ко мне.

Преданный вам

Грибоедов.

<Около 15 сентября 1823.>

Кюхельбекеру В. К., 1 октября 1822 – конец января 1823: #с009033

<1 октября 1822 – конец января 1823> 1 октября 1822. Тифлис

Любезный Вильгельм. Пеняй на мою лень и прав будешь. Дивлюсь, коли сохранил ты ко мне хотя искру любви, признаю себя совершенно недостойным. Сколько времени утекло!: #с009033_1 сколько всего накопилось! Сперва знай, что письмо из Харькова, об котором ты упоминаешь, до меня не дошло, следовательно, благодарю не читавши. Из последнего, от 22-го августа, вижу, что у тебя опять голова кругом пошла. На которую наметил неудачно? Назови. А я, в отраду, научу тебя преданию из книги, прежде всех век изданной: Эрут и Мерут: #с009033_2 были два ангела, ниспосланные богом для отвращения человеков от соблазнов любви. Тогда же долу спустилась планета Венера в лице жены прелестной. Послы господни ее увидели, смутились в сердцах своих, к ней прилепились всею силою чувства... как вдруг взвилась она высоко от желателей и восприяла свое место в телах небесных. Два ангела – вслед за нею, но охватили мрак и пустоту. Вымысел стоит Иксионова: #с009033_3, а тебе дано их обоих оправдать своими опытами.

Согласись, мой друг, что, утративши теплое место в Тифлисе, где мы обогревали

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
тебя дружбою, как умели, ты многого лишился для своего спокойствия. По крайней мере, здесь не столько было искушений: женщины у нас, коли поблаговиднее, укрыты плотностью чадера, а наших одноземок природа не вооружила черными волшебствами, которые души губят: любезностию и красотою. Ей-богу, тебе здесь хорошо было для себя. А для меня!.. Теперь в поэтических моих занятиях доверяюсь одним стенам. Им кое-что читаю изредка свое, или чужое, а людям ничего, некому: #с009033_4. Кабы мог я предложить тебе нелестивые надежды, силою бы вызвал обратно. Этому не сбыться; хочешь ли покудова слышать о приятелях обоего пола?

Граф Симонич женился на хорошенькой княгине Анне Атаровне. Грека, рыцаря промышленности, выгнали от Ахвердовых и я при этом острацизм был очень деятелен.: #с009033_5

Генеральша Крабе по-прежнему родит детей, как печатает.

Умерли: Наумов, Юргенсон и мишхарбаш Бебутов, Шпренгель, etc., etc.

Только что было расписался, повестили мне об отъезде с г. Клендс в Кахетию; это третье путешествие с тех пор, как мы расстались...: #с009033_6

И сколько раз потом я еще куда-то ездил. Целые месяцы прошли, или, лучше сказать, протянулись в мучительной долготе. Оставляю начатые строки в свидетельство, что не теперь только ты присутствен в моих мыслях. Однако, куда девалось то, что мне душу наполняло какою-то спокойною ясностью, когда, напитанный древними сказаниями, я терялся в развалинах Берд,

Шамхора и в памятниках арабов в Шемахе? Это было вовремя Рамазана, и после, с тех пор, налегла на меня необъяснимая мрачность. Алексей Петрович смеялся, другие тоже, и напрасно. Пожалей обо мне, добрый мой друг! помяни Амлиха, верного моего спутника в течении 15-ти лет. Его уже нет на свете. Потом Щербаков приехал из Персии и страдал на руках у меня; вышел я на несколько часов, вернулся, его уже в гроб клали. Кого еще скосит смерть из приятелей и знакомых? А весной, конечно, привлечется сюда cholera morbus[99 - холера (лат.)], которую прошлого года зимний холод остановил на нашей границе. Трезвые умы, Коцебу, например, обвиняют меня в малодушии, как будто сам я боюсь в землю лечь; других жаль сторишно пуще себя. Ах, эти избалованные дети тучности и пищеварения, которые заботятся только о разогретых кастрюльках etc., etc. Переселил бы я их в сокровенность моей души, для нее ничего нет чужого, страдает болезнию ближнего, кипит при слухе о чьем-нибудь бедствии; чтоб раз потрясло их сильно, не от одних только собственных зол. Сокращу печальные мои выходки, а все легче, когда этак распишешься.

Объявляю тебе отъезд мой за тридевять земель, словно на мне отягчело пророчество: и будет ти всякое место в предвижение. Пиши ко мне в Москву, на Новинской площади, в мой дом. А там, авось ли еще хуже будет. Давича, например, приносили шубы на выбор: я, года четыре, совсем позабыл об них. Но как же без того отважиться в любезное отечество! Тяжелые. Плечи к земле гнетут. Точно трупы, запахом заражают комнату всякие лисицы, чекалки, волки... И вот первый искус желающим в Россию: надобно непременно растерзать зверя и окутать его кожей, чтоб потом роскошно черпать отечественный студеной воздух.

Прощай, мой друг.

Глинке Ю. К., 26 января 1823: #с009034

(Перевод с французского)

26 января 1823. Тифлис.

Милостивая государыня. Замедлив до бесконечности ответом на обязательное письмо, которое вы были так любезны мне прислать, напрасно стал бы я ломать себе голову, выдумывая какой-нибудь предлог, который хоть немного оправдал бы мою неучтивость, вы все равно им не были бы обмануты. Но, сударыня, подумайте, во-первых, о расстоянии, нас разделяющем, о частых разъездах, поглощающих пять шестых времени моего пребывания в этом краю; к тому ж еще, письма всех тех, кто меня не забывают, век целый томятся на почте, прежде чем доходят до меня. Одно

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
меня успокаивает – что мой и вместе ваш друг отлично знает особенности, моему характеру свойственные. Он, должно быть, вас предупредил, что во всех постоянных моих уклонениях от обычаев и условностей никогда нельзя винить ни сердце мое, ни недостаток чувства.

Прибегая к снисходительности вашей в том, что до меня касается, хочу побеседовать с вами немного о человеке, который лучше меня во всех отношениях и который так дорог вам, равно как и мне. Что подельвает любезный наш Вильгельм? Преследуемый несчастьем: #с009034_1 прежде, чем успел он насладиться теми немногими действительными удовольствиями, которые дает нам общество, гонимый и непонятый людьми, в то время как сам он всякому встречному отдается со всей прямотой, сердечностью и любовью.. разве не должно бы все это привлечь к нему общую доброжелательность? Всегда боящийся быть в тягость другим и отягощающий лишь свою собственную чувствительность. Предполагаю, что теперь он вместе с вами (в деревне, в Смоленской губернии), окруженный любезными родственниками. Кто бы сказал полгода назад, что я буду ему завидовать, вплоть до неблагосклонной звезды его! Ах! Если причастность к несчастью приносит какое-то облегчение несчастливцам, передайте ему, сударыня, что вместо того, каким он меня здесь знал прежде – беззаботного, веселого, даже резвого, ныне я стал в тягость себе самому, одинок совершенно среди людей, полностью мне безразличных; еще несколько дней, и я покину этот город и ту скуку и отвращение, которые здесь меня преследуют, чтобы, может статься, найти их снова в другом месте. Скажите ему, что еще одно имя присоединилось к его имени в списке изгнанников, жертв несправедливости человеческой, имя Катенина, одного из друзей, воспоминание о котором придавало еще прелесть родной стороне, когда я думал о своем возвращении.: #с009034_2 Вильгельм знает его и поймет, о ком идет речь. Убеждайте превосходнейшего вашего брата примириться с судьбой и смотреть на наши несчастья как на горнило нравственное, из которого мы выйдем менее пылками, более хладнокровными, приобретшими несколько внушительности, как если бы мы всю жизнь свою благоденствовали; и если судьба отсрочит конец наших дней, раздражительная старость, сухой кашель и вечно повторяемые наставления юношеству – вот та тихая гавань, куда в конце концов всякий приходит, и я, и Вильгельм, и счастливицы сих дней.

Простите, сударыня, что я растянул письмо мое меланхолическими излияниями, от которых мог бы вас избавить. Намерение мое, взявшись за перо, единственно было облегчить свою совесть искренним признанием вины, которую я перед вами чувствую и в которой не перестаю себя упрекать.

Примите уверения в чувствах совершеннейшего к Вам почтения и проч., и проч.

А. Грибоедов.

Письма к Н. Н. Муравьеву, 26 января – 16 февраля 1823: #с009035

Муравьеву Н. Н., 26 января 1823

Тифлис, 26 января 1823 г.

Милостивый государь Николай Николаевич.

Я уже укладываюсь. фортепьяно к вашим услугам. Назначьте мне, кому я должен буду сдать их с рук на руки: тогда бы без дальних отлагательств мог я запечатать свою квартиру и отправиться.

Прощайте, командуйте счастливо, наигрывайте шумные каденцы, пользуйтесь благоразворением климата и не забывайте

вам преданного

А. Грибоедова.

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
Муравьеву Н. Н., 16 февраля 1823

Его высокоблагородию милостивому государю Николаю Николаевичу Муравьеву, 1-го Карабагского полка г. полковнику

Милостивый государь Николай Николаевич.

Фортепяно уложено как можно бережливее и снесено в назначенный вами дом к К. Бебутову, от которого деньги, две тысячи сто рублей ассигнациями, мною сполна получены. Поступаю с вами немножко по-жидовски, причитаю сто рублей за ящик, только много самим заплачено. Впрочем, судя по готовности, с которою вы предлагали мне взять на ваш счет перевозку нового для меня инструмента из Петербурга, я полагаю, что вы не примете к сердцу этой малозначащей прибавки. Я же, с моей стороны, должен радоваться, что досталось фортепяно отлично хорошее человеку с талантом музыкальным и любителю искусства, который будет знать им цену и вспомнет иногда обо мне с признательностью.

Прощайте надолго.

Ваш усерднейший А. Грибоедов.

16-го февраля <1823>.

Ермолову П. Н., 15 февраля 1823: #с009036

(Перевод с французского)

15 февраля <1823>. Тифлис.

Любезный полковник!

Пишу вам несколько строк, во-первых чтобы вам сообщить, что я еще в Тифлисе, что от Москвы весьма далеко.: #с009036_1 Впрочем, дорожные мои приготовления все благоразумно уже закончены; сегодня как раз я только что упаковал в ящик свое фортепяно, проданное Муравьеву; можно было подумать, что я друга в гроб укладывал, так у меня теснилось сердце.: #с009036_2 Книги мои тоже уже упакованы, чтобы их можно было мне послать в случае, если я не возвращусь. За сим нечего уже более ожидать; добрый час, хорошая примета, что такую важность имело для римлян и еще и теперь для нас, восточных людей, – и затем – в дорогу.

Прощайте, мой любезнейший и почтеннейший друг, вы, конечно, во многом являетесь причиною грусти, которую я чувствую, покидая эту страну. Воспоминания об чистосердечии, о пленительной доброте душевной, которая так вам свойственна; частые наши бдения ночные, во время вашей болезни, когда мы вдвоем болтали с полной откровенностью, помните ли вы о всем этом? Во время моего возвращения из Персии? А мирные и счастливые дни в Мушраване каждый раз, когда я к вам приезжал? Наконец, не знаю что... но сейчас, когда пишу вам, плачу как ребенок.

Прощайте еще раз – и большая просьба к вам согласиться на то, что я сейчас вам изложу.

Джибелли накануне потери зрения. Вы понимаете весь ужас его положения, если это с ним случится. Друг мой, в свое время, когда вы ехали в Карабаг, вы обещали мне услуги ваши во всем, что ему может быть полезным. Нынче, когда собираются сдать в аренду недвижимое имущество Мехти-Кули-хана, соблаговолите внести Джибелли в список тех, кто предлагает больше за сад или одну-две деревни Хана около Шуши. Как только он оправится от болезни, даже кривой или ослепший, он смог бы вернуться в горы со всеми гарантиями, которые потребовались бы от него для аренды, которую вы были б добры за ним оставить. Не сомневаюсь в успехе этого дела, поскольку эта будет зависеть от вас, – если ж нет, боже, кто сжалится над судьбой его, – конечно уж не Мадатов.

Прощайте. Братски обнимаю вас.

Преданный вам

А. Грибоедов.

Похвисневу Н. Н., 5 мая 1822 – 19 февраля 1823: #с009037

5 мая 1822 – 19 февраля 1823. Тифлис.

Я умираю от ипохондрии, предвижу, что ночь проведу в волнении беспокойного ума, сделайте одолжение, любезный Николай Николаевич, пришлите мне полное число номеров прошлогоднего «Вестника»: #с009037_1, хоть и нынешнего последнюю тетрадь, авось-ли дочитаюсь до чего-нибудь путного.

Ваш усердный Грибоедов.

Коли эта записка не застанет вас дома, то, когда назад придете, пришлите со своим человеком.

Письма к В. Ф. Одоевскому, осень 1823: #с009038

Одоевскому В. Ф., осень 1823 («Любезнейший князь...»)

<Осень 1823. Москва.>

Любезнейший князь. Много благодарю вас за присылку приятных произведений вашего пера: #с009038_1. Знаю, что похвалю не ужогу вам, хотя бы нечего возмущаться и самой щекотливой скромности от человека прямодушного, не кроителя пустых вежливостей, и который высоко ценит свойства ума вашего и дарования. В этих моих чувствах надеюсь еще более утвердиться по вторичном прочтении ваших остроумных памфлетов.

Верный ваш А. Грибоедов.

Одоевскому В. Ф., осень 1823 («Любезный друг...»)

Любезный друг. Сделай одолжение, пришли мне Калайдовича, «Памятники древн. росс. словесности»: #с009038_2, и Арцибашева: #с009038_3; да возле тебя в книжной лавке не найдется ли Гесс де Кальве, «Теория музыки»: #с009038_4, и Успенский, «Русск. древности из частной жизни Россиян»: #с009038_5, одна часть? При сем прилагаю 25 р. Извини, что утруждаю тебя моими поручениями, может быть безвременными. Верный твой Грибоедов.

Одоевскому В. Ф., осень 1823 («Пишу вам...»)

Пишу вам два слова, любезнейший князь, и не более: потому что нынешний день отправляю множество писем с фельдъегерем в Тифлис. Сам у вас буду, и тогда условимся, когда именно провести у меня день в дружеской беседе, – без женщин пуще всего. За оду: #с009038_6 благодарю вас. Верный ваш А. Грибоедов.

Всеволожскому А. В., 8 августа 1823: #с009039

8 августа <1823>. Тульской губ. Ефремовского уезда село Лакотцы.

Любезный друг. Пишу тебе из какого-то оврага Тульской губернии, где лежит древнее господское обиталище приятеля моего Бегичева. Опоздавши выездом из Москвы, чтобы сюда перенестись, я уже предвидел, что не успею к тебе в Нижний:

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
#с009039_1; однако думал выгадать поспешностию в езде время, которое промедлил на месте. Ничуть не так. Отсюда меня не пускают. И признаюсь: здесь мне очень покойно, очень хорошо: #с009039_2. Для нелюдима шум ярмонки менее заманчив. Ты, мой друг, легко поверишь, что во всей этой неудаче на больших дорогах я одного жалею: не свидеться с тобою по предположению, которое сердечно меня утешало. Зато, по долгией разлуке, в Москве дружнее обнимемся. А мне туда след будет непременно, коли скоро отсюда не уберусь; близок сентябрь, какой же честный человек в осеннюю, суровую пору решится ехать в Тифлис? Коммерческие наши замыслы тоже рушились, за безденежием всей компании: #с009039_3. Сговоримся в Москве, склеим как-нибудь, коли взаимная польза соединит нас, право, это хорошо, а если нет: утешимся, взаимная, добрая приязнь давно уже нас соединила, и это еще лучше. Прощай, любезный Александр; не замешкайся, будь здоров, помни об своем милом семействе, а иногда и обо мне.

Верный твой А. Грибоедов.

P. S. Коли это письмо застанет тебя в Нижнем, потрудись велеть разведать, как деятелен обмен нынешнего года с персиянами и на какие именно статьи более требования для выпуска и привозу?

Грибоедовой М. С., 1823: #с009040

(Перевод с французского)

Милая Маша, я провел мучительную ночь. Пожалуйста, пошли этот плод моей бессонницы Кюхельбекеру: #с009040_1.

Что касается книги, возврати ее тому, кому она принадлежит. Это убожество.

<Конец 1823.>

Письма к А. Н. Верстовскому, декабрь 1823: #с009041

Верстовскому А. Н., декабрь 1823 («Любезнейший друг...»)

<Декабрь 1823. Москва.>

Любезнейший друг. Коли буду туда, так единственно по твоему вызову: #с009041_1. Холод истерзал все лица, которые нынче ко мне являлись, боюсь для себя той же участи. – В красоте твоей музыки нисколько не сомневаюсь и заранее поздравляю тебя с нею. Верный твой Г.

Верстовскому А. Н., декабрь 1823 («Последняя выдумка...»)

<Декабрь 1823. Москва.>

Последняя выдумка еще превосходнее первой, итак, сидим дома. А вечером кабы свидеться у меня и распить вместе бутылку шампанского, так и было бы совершенно премудро??

К Вяземскому я еще давеча писал, чтобы ускорил посылкой куплетов и вообще всего манускрипта. А вот темпо мазурки, которое я прибавил, что поется везущим тележку, когда встречают его прочие:

Любит обновы
Резвый Эрот,
Стрелке перёной,
Знать, не черед,
Вожжи шелковы

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
В руки берет,
Плеткой ременной
Хлещет и бьет.

Да нельзя ли бар и красавиц приспособить к известной польской песне: «Обещала даць С собой поиграць», только тогда надо будет четыре средние стиха от 8-го до 12-го – медведя, человека и Сенеку – выкинуть: #с009041_2.

Вяземскому П. А., май 1824: #с009042

<Май 1824. Москва.>

Я сам слишком привязан к свободе, чтобы осмелиться стеснять ее в ком бы то ни было, почтеннейший князь. Располагайте собою на завтра, а в среду я у вас обедаю, и тогда условимся, когда привлечь вас ко мне, покуда Давыдов еще не уехал в деревню, а я в Петербург.

Ваш покорнейший Грибоедов.

Бегичеву С. Н., 10 июня 1824: #с009043

<10 июня 1824. Петербург.>

Степану Никитичу.

Брат любезный, бесценный друг мой. – Ты верно меньше всех готов был к неожиданной тайне моего отъезда, но, конечно, лучше всякого оценил его необходимость. Крепиться можно до некоторой степени, еще минута – и сделаешься хуже бабы; я знал себя, и поступил как должно, помчался не оглядываясь, и вплоть до Клина каждый толчок служил мне лекарством, облегчением от бесполезной чувствительности, уныние превращал в досаду на дорогу, а потом в усталость, и пр. – На первой станции нашел я портрет Дениса Васильевича Давыдова, на второй картинку: игрока Реньяра: #с009043_1 с подписью приличных стихов; какое сближение обстоятельств! Но, будь уверен, что я не улыбнулся, а подумал о человеке, которого мы все любим[100 – Прошу покорно Льву этого не показывать. (Примеч. А. С. Грибоедова.)]: #с009043_2. Два раза снег шел на дороге, 29 и 30 мая! Я продрог, принужден был ночевать, на четвертые сутки поспел сюда; здесь я уж восемь дней гуляю; коли дома, то, верно, один другого сменяет в моей комнате, когда же со двора выхожу, то повсюду рассыпаюсь, досуг и воля. Все просят у меня манускрипта: #с009043_3 и надоедают. Шаховской, Жандр и Греч пристают, чтоб я у них жил, и Паскевич в лагерь тащит, однако расчелвериться невозможно. Те трое об тебе часто вспоминают, я обещался дать тебе знать. А вот Шмит сейчас вошел ко мне; ты не поверишь, как он с благодарностию относится об одолжениях, которые ты ему делал. С Самойловым выдаюсь. Третьего дни сестры его, графини Бобринской, было рождение; я у них пировал на даче, музыка, дамы, шампанское, и в старые годы меня бы оттуда не скоро вытащили, теперь другая пора, выдаюсь по необходимости; только не могу еще тебе сказать ничего удовлетворительного насчет моего требования. Наумов каждый день у меня бывает. Я через него знаю об отпуске моем и позволении ехать в чужие края, все это давно уже послано к Ермолову, и здесь готов дубликат; хочу, завтра на корабль сяду. Друг сердечный, разреши от данного мною обещания. Свидетелься на короткое время – значит только снова растравить горькое чувство расставания. Впрочем знай, что для меня, во всяком случае, что скажешь, то и святое дело. – Павлов, Мадатов и еще одно лицо всех их поважнее гораздо чином (с Трубецким получишь отгадку) – уморительные люди; я сколько нагляделся смешного, и сколько низостей...

Теперь об важных людях кстати: Василий Сергеевич Ланской – министр внутренних дел, цензура от него зависит, мне по старому знакомству, вероятно, окажется благоприятен. Александр Семенович тоже: #с009043_4. Частью это зависит от гр. Милорадовича; на днях он меня угощал обедом в Екатерингофе. Вчера я нашел у Паскевича великого князя Николая Павловича; это до цензуры не касается, но чтоб дать понятие, где бываю и кого вижу.

С Трубецким буду писать тебе вторично и много. Анну Ивановну поцелуй за меня, и

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов grīboyedov.ru
Софью Петровну, и Андрея Барышникова, и прочим всем кланяйся.

Пиши: в Военно-счетную Экспедицию, Андрею Андреевичу Жандру; он уже доставит мне. Чепягов здесь; одним глазом ослеп, и другой у него чуть держится, каждый день ждет, что вовсе зрения лишится.

Никита, брат Александра Всеволодского, Александр, брат Володи Одоевского, журналист Булгарин, Мухановы и сотни других лиц – все у меня перед глазами. Прощай, голова вихрем идет. С горячностью тебя обнимаю, душевный, милый, несравненный друг.

10-го июня. Петербург. Живу я у Демута: #c009043_5, но адрес к Жандру.

Ужо еду в Царское: #c009043_6.

Бегичеву С. Н., июнь 1824: #c009044

<Июнь 1824. Петербург.>

Душа, друг и брат. – Слава богу, нашел случай мимо почты писать к тебе. Чебышев взялся доставить. Он подговаривал меня вместе прокатиться в Москву, и признаюсь, соблазнительно очень, да сборы его слишком скоры, я не успел, или, лучше сказать, не могу в эту минуту оторваться от побрякушек авторского самолюбия. Надеюсь, жду, урезаю, меняю дело на вздор, так что во многих местах моей драматической картины, яркие краски совсем пополовели, сержусь и восстанавливаю стертые, так что, кажется, работе конца не будет;...[101 – Так в первопечатном тексте.] будет же, добьюсь до чего-нибудь; терпение есть азбука всех прочих наук; посмотрим: что бог даст. Кстати, прошу тебя моего манускрипта никому не читать и предать его огню, коли решишься: он так несовершенен, так нечист; представь себе, что я с лишком восемьдесят стихов – или, лучше сказать, рифм переменял, теперь гладко, как стекло. Кроме того, на дороге мне пришло в голову придумать новую развязку; я ее вставил между сценою Чацкого, когда он увидел свою негодяйку со свечью над лестницею, и перед тем, как ему обличить ее; живая, быстрая вещь, стихи искрами посыпались, в самый день моего приезда, и в этом виде читал я ее Крылову, Жандру, Хмельницкому, Шаховскому, Гречу и Булгарину, Колосовой, Каратыгину, дай честь – 8 чтений. Нет, обчелся – двенадцать; третьего дня обед был у Столыпина, и опять чтение, и еще слово дал на три в разных закоулках. Грому, шуму, восхищению, любопытству конца нет. Шаховской решительно признает себя побежденным (на этот раз). Замечанием Виельгорского я тоже воспользовался. Но наконец мне так надоело все одно и то же, что во многих местах импровизирую, да, это несколько раз случилось, потом я сам себя ловил, но другие не домекались. – *Voilà*; *ce qui s'appelle sacrifier*; *l'instant du moment*. [102 – Вот что называется приносить жертвы ради интересов минуты (фр.).] – Ты, бесценный друг мой, насквозь знаешь своего Александра, подивись гвоздю, который он вбил себе в голову, мелочной задаче, вовсе несообразной с ненасытностью души, с пламенной страстью к новым вымыслам, к новым познаниям, к перемене места и занятий, к людям и делам необыкновенным. И смею ли здесь думать и говорить об этом? Могу ли прилежать к чему-нибудь высшему? Как притом, с какой стати, сказать людям, что грошовые их одобрения, ничтожная славишка в их кругу не могут меня утешить? Ах! прилична ли спесь тому, кто хлопочет из дурацких рукоплесканий!!

Перебью себя, эта выходка не впору, будет впору, когда отсюда вырвусь. Теперь стану продолжать, как начал, кратко и складно, и опять об кулисах, и опять об актрисах. Колосова, по личностям с одним из членов комитета, еще не заключила нового условия и при мне не выходила на сцену, но у себя читала мне несколько Мольера и Мариво. Прекрасное дарование, иногда заметно, что копия, но местами забывается и всякого заставит забыть. Природа свое взяла, пальма в комедии принадлежит ей неотъемлемо. Разумеется, что она, в свою очередь, пленилась моим чтением; не знаю, искренно ли? Может быть, и это восклицания из Мариво. – Но гениальная душа, дарование чудное, теперь еще грубое, само себе безотчетное, дай бог ему напитаться великими образцами, это Каратыгин; он часто у меня бывает, и как всякая сильная черта в словах и в мыслях, в чтении и в разговоре его поражает! Я ему читал в плохом французском переводе 5 акт и еще несколько мест из «Ромео и Юлии» Шекспира; он было с ума сошел, просит, в ногах валяется, чтоб перевести, коли поленюсь, так хоть последний акт, а прочие Жандру дать, который

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
впрочем несколько меня не прилежнее. Я бы с ним готов вместе трудиться, но не думаю, чтоб эти литературные товарищества могли произвести что-нибудь в целом хорошее; притом же я стану переводить с подлинника, а он с дурного списка, сладить трудно, перекраивать Шекспира дерзко, да и я бы гораздо охотнее написал собственную трагедию, и лишь бы отсюда вон, напишу непременно.

Однако заметь, что я поглупел здесь: три страницы исписал, а главное, об чем с первой строки хотел и теперь хочу наведаться, улетело на воздух за бесконечными толками о чтении и представлении, об шутах и шутовстве.

Что ты сам, мой друг? Как провел время у Барышниковых? Ты мне об этом скромничаешь, об Анне Ивановне: #с009044_1 говоришь только, что на днях будет матерью, что я и без тебя знаю, а какова она? терпеливо ли ждет роковой минуты? Боже оборони, не страдает ли по-прежнему? не боится ли? Может быть, теперь уже всё решилось? Пиши мне тотчас. Да скажи ей, моему милому другу, что если монашеские, жаркие желания и обеты доходят до господ бога, так никому в свете легче не рожать. Я враг крикливого пола, но две женщины не выходят у меня из головы: твоя жена и моя сестра; я не разлучаю их ни в воспоминаниях, ни в молитвах. Да еще скажи ей, коли нам вчетвером с Софьей Петровной бывало весело, так, конечно, во сто раз будет веселее, когда дитя ее станет переходить с рук на руки, от матери к отцу, а от отца (потому что не умеет быть нежным с детьми) тотчас ко мне. Постой, однако, и пишу, и боюсь; лучше ничего не говори ей, до поры, до времени, а только кланяйся и поцелуй, а также и Софии Петровне дружеские объятия и поклон нижайший.

Прощай. Хотел бы еще писать тебе о Катенине и об его «Андромахе», я лучшие места списал для тебя. Но каким оно дурным слогом в ухо бьет, кроме 4-го акта, конца 5-го и 3-го. И как третий акт превосходен, несмотря на дурной слог! Впрочем, я дурное замечаю тебе для того только, что в печати это скорее всего заметят; на сцене оно скрадется хорошим чтением; вообще как бы мало это стоило выправить и сгладить, и не давать поводу к придиркам. Славный человек, ум превосходный, высокое дарованье, пламенная душа, и всё это гибнет втуне. Прощай, пожалуйста отпусти, не могу отвязаться, болтаю как 60-летняя старуха. Пуквиля: #с009044_2 не мог еще достать, запрещен; есть он у Столыпина и Дашкова, но, разумеется, они не продадут. Коли увидишь, сестру Машу: #с009044_3, дай ей мое письмо, пусть начитается досыта, а потом разорви на клочки. Я ничего об моих не знаю, в Москве ли они, в деревне ли? Дмитрия: #с009044_4, красоту мою, расцелуй так, чтобы еще более зарделись пухлые щечки. Александру Васильевну тоже, дениса и Льва: #с009044_5 и весь освященный собор. Верстовскому напомни обо мне, и пожми за меня руку. Представь, что я только сейчас вспомнил об «Маврах»; бегу в цензуру.

НВ. 1000 руб. я не получал, а нужна смертная, но похвали меня, приехал сюда ровно с тысячью рублями, три беленькие 25-рублевые и несколько синих ведутся, живу в трактире: #с009044_6, сперва обедал каждый день в клубе, а теперь чаще всего дома. Прощай, прощай, прощай.

Вяземскому П. А., 21 июня 1824: #с009045

21 июня <1824>. Петербург.

Любезнейший князь, на мою комедию: #с009045_1 не надейтесь, ей нет пропуска; хорошо, что я к этому готов был, и следовательно, судьба лишнего ропота от меня не услышит, впрочем, любопытство многих увидеть ее на сцене или в печати, или услышать в чтенье послужило мне в пользу, я несколько дней сряду оживился новою отеческою заботливостью, переделал развязку, и теперь кажется вся вещь совершеннее, потом уже пустил ее в ход, вы ее на днях получите.

Как у вас там на Серпуховских полях?: #с009045_2 А здесь мертвая скука, да что? не вы ли во всей Руси почуяли тлетворный, кладбищенский воздух? А поветрие отсюда.

Я еще дней на семь буду в Москву и, конечно, загляну к вам в Остафьево, где на свободе потолкуем. – Благодарю вас за письма к Н. М. Карамзину, стыдно было бы уехать из России, не выдавши человека, который ей наиболее чести приносит своими трудами, я посвятил ему целый день в Царском Селе: #с009045_3 и на днях еще раз поеду на поклон, только далеко и пыльно. Тургеневу переслал ваше письмо, а не

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
видал: потому что лицо у меня несколько времени вспухло и не допускало выходить из дому, он тоже на даче и далеко живет; однако перемена в министерстве, кажется, не повредила его службе, по крайней мере так относятся те, которым до этого никакого дела нет, в Английском клубе здесь, как в Москве, ремесло одно и то же: знать все обо всех, кроме того, что дома делается.

Шаховской занят перекройкой «Бахчисарайского фонтана» в 3 действиях с хорами и балетом, он сохранил множество стихов Пушкина, и всё вместе представляется в виде какого-то чудного поэтического салада: #с009045_4.

Гнедича я видел, несмотря что у него и галстук повязан экзаметром: #с009045_5, в мыслях и словах и поступи что-то надутое, но кажется, что он гораздо толковее многих здесь.

Крылов (с которым я много беседовал и читал ему) слушал всё выпуча глаза, похваливал и вряд ли что понял. Спит и ест непомерно. О, наши поэты! Из таких тучных тел родятся такие мелкие мысли! Например: что поэзия должна иметь бют: #с009045_6, что к голове прекрасной женщины не можно приставить птичьего туловища и пр. – Нет! можно, почтенный Иван Андреевич, из этого может выйти прекрасная идеальная природа гораздо выше нами видимой, слышали ли вы об грифоне индо-бастрианского происхождения, посмотрите на него в обломках Персеполя, в поэме Фердусия. – А!

Я еще не был вместе с Севериным и, может быть, не встречу. Мой паспорт давно отправлен к Ермолову.

Погода пасмурная, сыро, холодно, я на всех зол, всеглупы, один Греч умен, принес мне Домбровского «Institutiones Linguae Slavicae» и Клапротову «Азию Полиглотту», я от сплина из поэтов перешел в лингвисты, на время, разумеется, поукудова отсюдова вырвусь.

Прощайте, любезный сподвижник, не хочу долее пугать вас угрюмым слогом. Мочи нет тошно.

Ваш слуга Г.

НВ. Очень хорошо сделали, что приписали параграф для показания Jullien, я вам очень благодарен, особенно коли не удастся мне более побывать в Москве... Это послужит вместо литературного паспорта: #с009045_7.

Вяземскому П. А., 11 июля 1824: #с009046

11 июля <1824>. Петербург

Любезный князь Петр Андреевич, одним письмом вы меня до сих пор вспомнили и обрадовали. Нельзя ли еще одним? Адрес мой: в Военно-счетную экспедицию, его высокоблагородию Андрею Андреевичу Жандру, для передачи А. С. Грибоедову.

Эти строчки доставит вам Сосницкий. Примите его в число тех, кого любите. Коли сами в городе, согласите его сыграть Вольтера, роль, в которой он необыкновенно хорош (во втором акте): #с009046_1. Вся портретная истина сохранена в точности. Это одушевленная бронза того бюста, что в Эрмитаже: #с009046_2. Я бы желал не столько остроты (которой, впрочем, эта комедия не изобилует), но чтобы картина неизбежной дряхлости и потухшего гения местами прояснялась памятью о протекшей жизни, громкой, деятельной, разнообразной. Кто век прожил с бо́льшим блеском? И как неровна судьба, так сам был неровен: решительно действовал на умы современников, вел их, куда хотел, но иногда, светильник робкий, блудящий огонек, не смеет назвать себя; то опять ярко сверкает реформатор бичом сатиры; гонимый и гонитель, друг царей и враг их. Три поколения сменились перед глазами знаменитого человека; в виду их всю жизнь провел в борьбе с суеверием – богословским, политическим, школьным и светским, наконец, ратовал с обманом в разных его видах. И не обманчива ли самая та цель, для которой подвизался? Какое благо? – колебание умов ни в чем не твердых?.. Теперь, на краю гроба, среди обожателей, их фамиама, их фимисков.. А где прежние сподвижники, в юности пылавшие также алчностью славы, ума, опасностей и торжеств? И где прежние

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
противуборники? – отцы, деды тех, которые нынче его окружают???

Этого нет в комедии, но есть прозаическое сходство: удивление при встрече с любовницей после 60 лет разлуки; самодовольствие Вольтера, что он первый познакомил французов с англичанами, первый был вызван и увенчан в театре; анекдот с перстнем, кофейная острота и проч. мелочь. Как бы то ни было, Сосницкий чрезвычайно хорош и добавляет автора. Не знаю, как вы его найдете?

Прощайте, меня перерывают.

NB. Пишите же ко мне. Вот я не ленюсь. А кабы теперь был в Москве, сыграл бы в деревне у вас роль старухи-маркизи, Вольтеровой любовницы.

Бегичеву С. Н., 31 августа 1824: #с009047

31 августа <1824>. Стрельна.

Брат любезный. Не еду к тебе и не пишу тебе, совесть мучит. Слушай. Узнавши о твоей новорожденной, первое мое движение было к тебе лететь, поздравить и обнять крепко-накрепко мать, отца и весь дом; право, ходя по комнате, я уже у вас был, нянчил ребенка, шалил с кормилицей, но проклятый недочет в прогонах все испортил, взять было неоткуда. Лев и Солнце: #с009047_1 давно уже покоятся в ломбарде, а Чебышеву задолжать – сохрани боже! Я от него сюда бежал, в Стрельну; представь себе, что он вздумал ко мне приписаться в самые нежные друзья, преследовал меня экстазами по улицам и театрам и наконец переехал в три номера Демутова трактира, и все три – возле моей комнаты: два по сторонам и один антресоли; каково же встречать везде Чебышева! По бокам Чебышев! над головой Чебышев! Я, не говоря ему ни слова, велел увязать чемоданы, сел в коляску, покатился вдоль помория и пристал у Одоевского, будто на перепутии; много верхом езжу, катаюсь по морю; дни прекрасны, жизнь свободная.

Не сердись, мой истинный друг, где бы я ни затерялся, первый ты на уме и на языке. Нет у меня ни жены, ни дочери. Душою принадлежу тебе одному. Прощай.

Верный друг А. Г.

Булгарину Ф. В., октябрь 1824: #с009048

<Начало октября 1824. Петербург.>

Милостивый государь Фаддей Венедиктович.

Тон и содержание этого письма покажутся вам странны, что же делать?! – Вы сами этому причину. Я долго думал, не решался, наконец принял твердое намерение объявить вам истину; *il vaut mieux tard, que jamais*[103 – * лучше поздно, чем никогда (фр.)]. Признаюсь, мне самому жаль: потому что с первого дня нашего знакомства вы мне оказали столько ласковостей; хорошее мнение обо мне я в вас почитаю искренним. Но, несмотря на все это, не могу долее продолжать нашего знакомства. Лично не имею против вас ничего; знаю, что намерение ваше было чисто, когда вы меня, под именем Талантина, хвалили печатно и, конечно, не думали тем оскорбить: #с009048_1. Но мои правила, правила благопристойности, и собственно к себе уважение не дозволяют мне быть предметом похвалы незаслуженной или, во всяком случае, слишком предускоренной. Вы меня хвалили как автора, а я именно как автор ничего еще не произвел истинно изящного. Не думайте, чтобы какая-нибудь внешность, мнения других людей меня побудили к прерванию с вами знакомства. Верьте, что для меня моя совесть важнее чужих пересудов; и смешно бы было мне дорожить мнением людей, когда всемерно от них удаляюсь. Я просто в несогласии сам с собою: сближаясь с вами более и более, трудно самому увериться, что ваши похвалы были мне не по сердцу, боюсь поймать себя на какой-нибудь низости, не выкланиваю ли я еще горсточку ладана!!

Расстанемся. – Я бегать от вас не буду, но коли где встретимся: то без приятности и без вражды. Мы друг друга более не знаем. Вы, верно, поймете, что, поступая, как я теперь, не сгоряча, а по весьма долгому размышлению, не могу уже ни шагу

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
назад отступить. Конечно, и вас чувство благородной гордости не допустит опять
сойтись с человеком, который от вас отказывается. Гречу объясню это пространнее...
а может быть, и нет, как случится. Прощайте. Я об вас всегда буду хороших
мыслей, даже почитаю долгом отзываться об вас с благодарностью. Вы обо мне
думайте, как хотите: #с009048_2.

Милостивый государь,

ваш всепокорнейший А. Грибоедов

Октябрь.

Катенину П. А., 17 октября 1824: #с009049

17 октября <1824. Петербург>.

Любезный друг. Положим, что я уже извинился, как следует, и ты мне простил
5-тилетнее молчание. А. А.: #с009049_1 доскажет тебе остальное. Жаль, что не
могу попасть к тебе в Кострому, а так давно собираюсь! Но мне есть утешение,
коли не с тобою, так о тебе беседую часто и с теми даже, с кем ты не знаком и
кто тебя не стоит. На днях всё как будто судьбою устроено, чтобы мне сердцем и
мыслями перенестись к тебе, почтенный друг. Люди менее несправедливы на твой
счет; стало, и об них можно передать тебе вести. Чаше прежнего произносит твое
имя Андромаха, которая должна явиться в альманахе: #с009049_2; в Париже вышли о
тебе отзывы, исполненные уважения: #с009049_3; в театре превозносят Каратыгина и
тебе приписывают развитие его дарования. Жоминьи и пр. его чрезвычайно хвалит,
находит только, что не должно бы ноги ставить параллельно; *car c'est donner dans
le Drame*[104 – ибо это значит вдаваться в драму. (фр.)]. Было бы о чем
расписать, но мелочи, главные черты Петербурга и его глупцов, тебе более, чем
мне, известны. Я по крайней мере всё нашел по-старому; у Шаховского прежние
погремушки, только имя новое, он вообразил себе, что перешел в романтики, и с
тех пор ни одна сказка, ни басня не минует его рук, всё перекраивает в пользу
Дюр, Брянского и пр.: на днях, кажется, соорудил трилогию из «Медведя и
Пустынника» Крылова: #с009049_4. Я у него бываю, оттого, что все другие его
ругают, это в моих глазах придает ему некоторое достоинство. Жандр пробудился из
усыпления, переводит «Венцеслава» необыкновенно хорошо, без рифм, и тем лучше
выходит: #с009049_5. Сам не отстаю от толпы пишущих собратий. А. А. везет к тебе
мои рифмы: #с009049_6, прочти, рассмейся, заметь, что не по тебе, орфографию от
себя дополни, переписывал кто-то в Преображенском полку.

Мы поменялись ролями. Бывало, получу от тебя несколько строк, и куда Восток
денется, не помню где, с кем, в Табризе вообразу себя вдруг между прежними
друзьями, опомнюсь, вздохну глубоко, и предаю себя в волю божию, но я был
добровольным изгнанником, а ты!.. Милый, любезнейший друг, не тужи, право не о
чем и не об ком. Тебе грустить не должно, все мы здесь ужаснейшая дрянь. Боже
мой! когда вырвусь из этого мертвого города? – Знай однако, что я здесь на
перепутьи в чужие края, попаду ли туда, не ручаюсь, но вот как располагаю собою:
отсюда в Париж, потом в южную Францию, коли денег и времени достанет, захвачу
несколько приморских городов, Италию и фракийским Воспором в Черное море и к
берегам Колхиды: #с009049_7. Кстати о ней, вчера храпел я у немцев: #с009049_8
при шуме, треске и грохоте диких ямб Грильпарцера. Давали его «Золотое руно».
Главный план соображен счастливо. В первой части Медея представлена в отечестве,
куда прибывают аргонавты, царь кольхов желал бы освободиться от воинственных
иноземцев, прибегает к чародейству дочери, она в первый раз познала, что
сверхъестественные силы даны ей на пагубу, в борьбе между долгом и любовью,
которую наконец совершенно побеждает, и для пришельца забывает отца и богов
своих. Чудно, что немец, и следовательно, ученый человек, не воспользовался
лучше преданиями о зверских нравах древней Колхии, ни на минуту не переносится
туда воображением, притом если бы повел от Арна по всем мытарствам, Медея,
мужественная его сопутница, гораздо бы более возбудила к себе соучастия.
Французу это невозможно, но Грильпарцер какими стеснен был условиями! Вторая
часть начинается прекрасно (так ли я только помню?). Медея перед тем, как
вступить в Коринф, отрекается от всех волшебств, хочет пожить беспорочно с мужем
и детьми, зарывает в землю фиал с зелием, руно, жезл и покров чародейный; жаль
только, что поэт заставляет ее всю свою утварь укладывать в чемодан, а не прямо

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
в землю! Во втором акте превосходное место, когда посланный от Амфикионов требует ее изгнания из Коринфа, все прочее глупо до крайности. Автор тонет в мелочных семейственных подробностях и трагические его лица спускаются ниже самых обыкновенных людей. Актриса м-ль Оредерюнь не без дарований, но подрядилась каждому стиху давать отдельное выражение и утомляет, притом не имеет пламенной души, как наша Семенова. Сказать ли тебе два слова о Колосовой? в трагедии – обезьяна старшей своей соперницы: #с009049_9, которой средства ей однако не дались, в комедии могла бы быть превосходна, она и теперь, разумеется, лучше Валберховой и тому подобных <...>, только кривляет свое лицо непомерно, передразнивает кого-то, думаю, что Мариво; потому что пленилась ее игрою, как сама мне сказывала, собственную природу выпустила из виду, и редко на нее нападает, и как однообразна! Шаховской не признает в ней ни искры таланта, я не согласен с ним, конечно, она еще не дошла и половину до той степени совершенства, до которой могла бы достигнуть. В заключение скажу тебе, что для одного Каратыгина порядочные люди собираются в русский театр, несмотря на скудность трагического репертуара. Пиши, ради бога, долго ли нам слушать, что:

Едва луч утренний нам в мраке светит ночи,
В Авлиде лишь одни отверзты наши очи: #с009049_10.

Прощай, мое сокровище, комнатный товарищ Одоевский сейчас воротился с бала и шумит в передней, два часа ночи; кабы А. А. не завтра отправлялся, я бы не так торопился и многое бы придумал, чтобы разбить твои мысли. Еще раз прощай и полюби меня по-старому. Обнимаю тебя от души. Ей-богу! готов бы сейчас в ссылку, лишь бы этим купить тебе облегчение жестокой и незаслуженной судьбы.

Верный твой А. Грибоедов

Гречу Н. И., около 24 октября 1824: #с009050

<Около 24 октября 1824. Петербург.>

Напрасно, брат, всё напрасно. Я что приехал от Фока, то с помощью негодования своего и Одоевского изорвал в клочки не только эту статью, но даже всякий писанный листок моей руки, который под рукою случился. Прощай. Крепко [105 – Слово «Крепко» прочитано предположительно.] твой А. Г.

Коли цензура ваша не пропустит ничего порядочного из моей комедии, нельзя ли вовсе не печатать? – Или пусть укажет на сомнительные места, я бы как-нибудь подделался к общепринятой глупости, урезал бы; и тогда весь 3-й акт можно поместить в альманахе: #с009050_1.

Еду. – Скажи Булгарину... да нет! Я сам скажу, он меня поймет!

P.S. 24-го октября. Представь себе, что я тотчас отвечал на твою записку, в тот же день, как получил, и уверен был, до сей минуты, что отослал этот самый листок. Vide supra. [106 – Смотри выше. (лат.).]

Бегичеву С. Н., 4 января 1825: #с009051

4 января <1825. Петербург>.

Друг и брат! Пишу тебе в пятом часу утра. Не спится. – Нынче день моего рождения, что же я? На полпути моей жизни: #с009051_1, скоро буду стар и глуп, как все мои благородные современники.

Вчера я обедал со всею сволочью здешних литераторов. Не могу пожаловаться, отовсюду коленипреклонения и фимиам, но вместе с этим сытость от их дурачества, их сплетен, их мишурных талантов и мелких душишек. Не отчаивайся, друг почтенный, я еще не совсем погряз в этом трясином государстве: #с009051_2. Скоро отправлюсь и надолго. Даже насчет любви моей будь беззаботен, я расхолодел, хотя моя Людмила: #с009051_3 час от часу более ко мне жметя. 1 № «Сына отечества» разгадал тебе загадку. Скажу тебе коротко, как это все завязалось. Долго я жил уединен от всех, вдруг тоска выехала на белый свет,

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
куда, как не к Шаховскому? Там по крайней мере можно гулять смелою рукою по лебяжьему пуху милых грудей etc. В три, четыре вечера Телешова меня с ума свела, и тем легче, что в первый раз, и сама свыклась с тем чувством, от которого я в грешной моей жизни чернее угля выгорел: #с009051_4. И что для меня заманчиво было, что соперником у меня – Милорадович, глуп, хвастлив, идол Шаховского, который ему подличает. Оба скоты! Я этого chevalier bavard[107 – болтливый рыцаря.(фр.)] бесил ежедневно, возбуждал против себя негодование всего дома, потом стрелял каким-нибудь тряпичным подарком в Ежову, и опять мирился, и опять ссорился. Между тем Телешова до такой степени в три недели нашей симпатии успела... в танцах, что здесь не могли ей надивиться, всякий спрашивал ее, отчего такая прелестная перемена? такое совершенство? А я, одадь стоя, торжествовал; наконец у меня зашло рифмами, которые ты, вероятно, читал. Представь себе, с тех пор я остыл, реже вижусь, чтоб не разочароваться. Или то меня с ног сшибло, что теперь все так открыто, завеса отдернута, сам целому городу пропечатал мою тайну, и с тех пор радость мне не в радость. – Рассмейся.

Брат. Ты меня зовешь в деревню. Коли не теперь, не нынешним летом, так верно со временем у тебя поищу прибежища, не от бурей, не от угрызающих скорбей, но решительно от пустоты душевной. Какой мир! Кем населен! И какая дурацкая его история!

Прощай, мой друг; побывай у матушки. Любовь во второй раз, вместо чужих краев, определила мне киснуть между своими финнами. В 15-м и 16-м году точно то же было. Теперь я пропустил славный случай: Жомины хотел со мною путешествовать. Mais en attendant, qu'il faisait ses malles, je faisais l'amour,[108 – Но в ожидании, пока он займется чемоданами, я занялся любовью.(фр.)] и он укатил один.

Получил ли ты мое письмо на днях? и каким образом не дошла до тебя моя и Шаховского эпистола, вскоре после наводнения? Пиши, брат, не ленись, поправь-ка черный колпак на голове, да примись за перо. Послушай: моя тысяча лежит дома за прошлый год, выручи ее, брат, в уплату 2300-т, или подождешь? Ты ведь замышляешь о расширении своих владений, так монета нужна. Дениса Васильевича: #с009051_5 обнимаю и души от моего имени. Нет, здесь нет эдакой буйной и умной головы, я это всем твержу; все они, сонливые меланхолики, не стоят выкурки из его трубки. Дмитрию, Александре Васильевне, Анне Ивановне: #с009051_6, чадам и домочадцам многие лета.

Бегичеву С. Н., 25 января 1825: #с009052

<25 января. 1825. С.-Петербург.>

Здравствуй, любезный друг Степан! Не собратся бы мне к тебе писать, если бы не сидел я у Грибоедова, а всякий день было в голове непременно писать к тебе, и много; итак, еще [здравствуй].

Жандр (у А. В. Новосильцева).

Вот тебе Жандровы строки, друг и брат; он у меня нынче обедает, и я принудил его начертить тебе несколько каракулей. О себе нечего тебе сказать, живу и люблю тебя по-прежнему; что в городе делается – не знаю и знать не хочу. Сделай одолжение, напиши мне что-нибудь о вашем быту. Каков...? И что он проповедует? Катенин из своего уединения бог знает какой бред сюда высылает: #с009052_1. Напр., разговор Булгарина, который ты оценил по достоинству, он весь на свой счет берет как самое язвительное злоумышление против «Андромахи». О, его и наше вообще самолюбие!

Сюда явился Павлов из Тифлиса, да жаль, глуп и ничего не знает. Прощай.

Обнимаю тебя накрепко.

Верный твой у Новосильцева

А. Г.

«Венцеслава»: #с009052_2 велю переписать и пришлю к тебе.

Катенину П. А., первая половина января – 14 февраля 1825: #с009053

<Первая половина января – 14 февраля 1825. Петербург.>

Умнейший, любезнейший Павел Александрович! Вчера я получил твое письмо, и знаешь ли, какое оно действие произвело на меня? Я заперся на целый день, и у огонька моей печки полсутки пожил с тобою, почтенный друг. Прежние года с такою полнотою оживились в моей памяти! Давно я не проводил времени так уединенно и между тем так приятно!.. Критика твоя, хотя жестокая и вовсе не справедливая, принесла мне истинное удовольствие тоном чистосердечия, которого я напрасно буду требовать от других людей: не уважая искренности их, негодую на притворство, черт ли мне в их мнении? Ты находишь главную погрешность в плане: мне кажется, что он прост и ясен по цели и исполнению; девушка сама не глупая предпочитает дурака умному человеку (не потому, чтобы ум у нас, грешных, был обыкновенен, нет! и в моей комедии 25 глупцов на одного здравомыслящего человека); и этот человек, разумеется, в противуречии с обществом его окружающим, его никто не понимает, никто простить не хочет, зачем он немножко повыше прочих, сначала он весел, и это порок: «Шутить и век шутить, как вас на это станет!» – Слегка перебирает странности прежних знакомых, что же делать, коли нет в них благороднейшей заметной черты! Его насмешки не язвительны, покуда его не взбесит, но всё-таки: «Не человек! змея!», а после, когда вмешивается личность, «наших затронули», предается анафеме: «Унизить рад, кольнуть, завистлив! горд и зол!» Не терпит подлости: «ах! боже мой, он карбонарий». Кто-то со злости выдумал об нем, что он сумасшедший, никто не поверил, и все повторяют, голос общего недоброхотства и до него доходит, притом и нелюбовь к нему той девушки, для которой единственно он явился в Москву, ему совершенно объясняется, он ей и всем наплевал в глаза и был таков. Ферзь тоже разочарована насчет своего сахара медовича. Что же может быть полнее этого? «Сцены связаны произвольно». Так же, как в природе всяких событий, мелких и важных: чем внезапнее, тем более увлекают в любопытство. Пишу для подобных себе, а я, когда по первой сцене угадываю десятую: раззеваюсь и вон бегу из театра. «Характеры портретны». Да! и я, коли не имею таланта Мольера, то по крайней мере чистосердечнее его; портреты и только портреты входят в состав комедии и трагедии, в них, однако, есть черты, свойственные многим другим лицам, а иные всему роду человеческому настолько, насколько каждый человек похож на всех своих двуногих собратий. Карикатур ненавижу, в моей картине ни одной не найдешь. Вот моя поэтика; ты волен просветить меня, и, коли лучше что выдумаешь, я позаймусь от тебя с благодарностью. Вообще я ни перед кем не таился и сколько раз повторяю (свидетельствую Жандром, Шаховским, Гречем, Булгариним etc., etc., etc.), что тебе обязан зрелостию, объемом и даже оригинальностью моего дарования, если оно есть во мне. Одно прибавлю о характерах Мольера: «Мещанин во дворянстве», «Мнимый больной» – портреты, и превосходные; «Скупец» – антропос собственной фабрики, и несносен.

«Дарования более, нежели искусства». Самая лестная похвала, которую ты мог мне сказать, не знаю, стою ли ее? Искусство в том только и состоит, чтоб подделываться под дарование, а в ком более вытвержденного, приобретенного по́том и сидением искусства угождать теоретикам, т. е. делать глупости, в ком, говорю я, более способности удовлетворять школьным требованиям, условиям, привычкам, бабушкиным преданиям, нежели собственной творческой силы, – тот, если художник, разбей свою палитру и кисть, резец или перо свое брось за окошко; знаю, что всякое ремесло имеет свои хитрости, но чем их менее, тем скорее дело, и не лучше ли вовсе без хитростей? pugae difficiles.[109 – замысловатые пустяки (лат.).] Я как живу, так и пишу свободно и свободно.

14 февраля <1825>.

Те две страницы посылаю тебе недописанные. Они уже месяц как начаты, и что я хотел прибавить, не помню, но, вероятно, о себе: итак, благодарю мою память, что она мне на сей раз изменила. Ты говоришь, что замечания твои останутся между нами. Нет, мой друг, я уже давно от всяких тайн отказался, и письмо твое на другой же день сообщил с кем только встретился: Дельвигу, между прочим, которого два раза в жизни видел, Булгарину, Муханову, Наумову, Одоевскому, Каратыгину и

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
тогда же вечером Варваре Семеновне, Жандру и всем, кто у них на ту пору
случился. Вероятно, еще многим, но кто же теперь всех их упомнит?

Брат твой: #с009053_1 был у меня и очень обрадовался рассказами о тебе, как ты
веселишься и танцуешь в Костроме.

Слушай, зачем ты не обратишься с просьбой прямо к государю? верно, ему давно уже
известно, что ты клеветан, и, конечно, он бы воротил тебя из ссылки. Попытайся,
сделай это для себя и для твоих искренних приятелей.

Ответ твой подлецу Р. В. Г. напечатан: #с009053_2. Доволен ли ты? Все
благомыслящие люди на твоей стороне, но издателям много труда стоило добиться
разрешения от министерства к напечатанию твоего картеля. Какой ты, однако, вздор
пишешь Жандру о разговоре Булгарина в «Талии»: #с009053_3. Этот человек
подкапывается под рухлую славу Лобанова, также враг Гнедичева перевода
«Андромахи»: #с009053_4 (сколько я знаю, хотя бы он не хотел знать литературных
подлостей и сплетен), как же ты мог это взять на свой счет! На сей раз я точно
поскромничаю и письма твоего не оглашу всенародно, Гречу и Булгарину ничего не
скажу из того, что было ты поручил, и... думается, ты сам видишь, как жестоко
обмануло тебя мрачное твое расположение... Ты требуешь моего мнения о твоих
«Сплетнях» и «Сиде»: #с009053_5. «Сплетни», сколько я помню, не произвели на
меня приятного впечатления, они не веселы, и слог не довольно натурален, хоть и
есть иные стихи превосходные. В «Сиде» есть одна сцена (особенная), которая
мастерски переведена, и читана мною и прочитана сто раз публично и про себя. Это
встреча Диего с Родригом, в доме Химены, не помню в конце ли 3-го или 4-го акта,
ее без слез читать нельзя, вообще весь перевод приносит тебе много чести, но
также попадаются небрежности в слоге, жесткости и ошибки против языка (для тех,
кто их замечать хочет), точно такие же погрешности повредили твоему
напечатанному отрывку из «Андромахи», не в мнении беспристрастных ценителей
изящного, но тех, которые давно уже каждый шаг твой оспаривают на поприще трудов
и славы. – Зачем ты не даешь сыграть «Андромахи»? Семенова душою этого жelaет,
соединение таких двух талантов, как она с Каратыгиным, не всегда случается,
может быть, он в чужие края отправится, и тогда трагедии твоей опять лежать в
продолжении нескольких лет.

Прощай, мой свет, пиши ко мне скорее на имя Жандра, но скорее: потому что я
здесь еще недолго промедлю. А живу я точно, как ты в Кологриве, очень уединенно,
редко с кем вижусь из старых моих знакомых, с большим числом из них не
возобновил прежних коротких связей, вновь ни с кем не дружусь, лета не те,
сердце холоднее. Прощай, обнимаю тебя от души.

Верный твой А. Г.

NB. Сделай одолжение, решишь обратиться с просьбой прямо к государю. Кроме
собственной его души, ни на чью здесь не надейся, никто за брата родного не
похлопочет. Зачем ты Телешову дрянью называешь, не имея об ней никакого понятия?
Как же на других пенять, когда ты так резко судишь о том, чего не знаешь?

Булгарину Ф. В., январь – февраль 1825: #с009054

<Январь – февраль 1825. Петербург.>

Любезнейший друг, коли ты будешь что-нибудь писать о «Телеграфе»: #с009054_1, не
можешь ли его спросить, как он ухитрился произнести грозный суд о ходе
катенинской трагедии по одному только действию, которое напечатано в «Талии»?
Это или что-нибудь подобное, пожалуйста, скажи печатно. Коли я напишу, то никого
не уверишь, чтобы тут не привмешалось дружеское пристрастие; я думаю, лучше,
коли бы ты сам вступился. Прощай.

Будь здрав,

верный твой А. Г.

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
Булгарину Ф. В., февраль 1825: #с009055

Февраль 1825. С.-Петербург.

Любезный друг, пересмотри все, что я отметил на память: #с009055_1, потому что у меня никакой нет книги о Персии. Зачем ты мне прислал вдвойне работу? Я сначала не приметил, что это одно и то же, и писал на черном списке, потом то же принужден был перенести в белую тетрадь.

NB. При имени Александра Гривс, в Бомбее, нельзя ли приложить следующее замечание:

Семейство Гривс, дети покойного петербургского медика, получило наследство после дяди в Бомбее, с условием в нем поселиться. Там девицы Гривс славятся своею красотою и привязанностью к России и вообще известны под названием гордых петербургских красавиц. Многие знаменитые искатели домогались их руки, но не были приняты даже в число их знакомых; между тем всякий русский или хоть мельком побывавший в России находит в их доме самый ласковый и родственный прием. Здесь новый этому опыт.

Неужели ты не заметил, что Цикулин врет об английском наказании кошками?!

Бегичеву С. Н., 18 мая 1825: #с009056

18 мая 1825. Петербург.

Бесценнейший друг и брат! Ты не досадуй, что я до сих пор позамедлил ответом на милое твое письмо, с приложением антикритики против Дмитриева: #с009056_1. Ты уже, верно, из газет знаешь, что Столыпин, с которым я в путь собирался, умер. Мы бы его похоронили, и все тут, но вдова его ангел, а не женщина; одно утешение находит быть со мною, это с ее стороны довольно мечтательно, но их пол не то, что мы; сама она же говорит, что всякая женщина, как плющ, должна обвиваться вокруг кого-нибудь и без опоры погибнет. От меня слишком бы жестоко было лишить ее (хоть это и не может продлиться) моего присутствия в ту самую минуту, в которой оно необходимо, и я покуда остаюсь. Бедное человечество! Что наши радости и что печали! Как бы то ни было, я не долго замешкаюсь, ее со всем семейством отец, Н. С. Мордвинов, перевезет к себе на дачу; тогда и я свободно помчусь наконец.

Ты с жаром вступился за меня, любезный мой Вовенарг: #с009056_2. Благодарю тебя и за намерение и за исполнение. Я твою тетрадку читал многим приятелям, все ею были очень довольны, а я вдвое, потому что теперь коли отказался ее печатать, так, конечно, не оттого, чтобы в ней чего-нибудь недоставало. Но слушай: я привык тебя уважать; это чувство к тебе вселяю в каждого нового моего знакомца; как же ты мог думать, что допущу тебя до личной подлой и публичной схватки с Дмитриевым: личной и подлой: потому что он одною выходкою в «Вестнике Европы» не остановится, станет писать, пачкать, бесить тебя, и ты бы наконец его прибил. И все это за человека, который бы хотел, чтобы все на тебя смотрели как на лицо высшего значения, неприкосновенное, друга, хранителя, которого я избрал себе с ранней молодости, коли отчасти по симпатии, так ровно столько же по достоинству. Ты вспомни, что я себя совершенно поработил нравственному твоему превосходству. Ты правилами, силою здравого рассудка и характера всегда стоял выше меня. Да! и коли я талантом и чем-нибудь сделаюсь известен свету, то и это глубокое, благоговейное чувство к тебе перелью во всякого моего почитателя. – Итак, плюнь на марателя Дмитриева, в одном только случае возьми за перо в мою защиту; если я буду в отдалении или умру прежде тебя и кто-нибудь, мой ненавистник, вздумает чернить мою душу и поступки. Теперешний твой манускрипт оставляю себе на память.

Вильгельм: #с009056_3 третьего дни разбудил меня в четвертом часу ночи, я уже засыпал глубоким сном; на другой день – поутру в седьмом; оба раза испугал меня до смерти и извинялся до бесконечности. Но дело не шуточное!!! побранился с Львом Пушкиным, хочет драться; вероятно, я их примирю, или сами уймутся. – Узнаешь ли ты нашего неугомонного рыцаря?

Прощай, нынешний вечер играют в школе, приватно, без дозволения цензуры, мою комедию: #с009056_4. Я весь день, вероятно, проведу у Мордвиновых, а часов в

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
девять явлюсь посмотреть на мое чадо, как его коверкать станут. Журналисты повысились в моих глазах 5-ю процентами, очень хлопочут за Кюхельбекера, приняли его в сотрудники, и, кажется, удастся определить его к казенному месту. У Шишкова не удалось, в почтамте тоже и в Горном департаменте, но где-нибудь откроется щелка.

Сейчас помирил Вильгельма. С той минуты перебивало у меня 20 человек, голову вскружили. Прощай.

Обнимаю тебя и любезную Анну Ивановну.

Бегичеву С. Н., 4 июня 1825: #с009057

4 июня 1825. Киев.

Друг и брат, описывать тебе Киева нечего, потому что ты здесь бывал; другим я передал в Петербург первые мои впечатления по приезде сюда, тебя уведомяю, что я тут и через несколько дней помчусь на юг далее. – В Лавре я встретил Кологривову Д. А.: от нее узнал, что твоя сестра: #с009057_1 живет в уединении недалеко от дому, где я остановился, вероятно, я ее не увижу, потому что несвятостию моего жития бурного и бестолкового не приобрел себе права быть знакомым с молчаливыми пустынножителями; у меня в наружности гораздо более светского, чем на самом деле, но кто же ее об этом уведомит? Итак, вряд ли я буду к ней допущен. Прощай покуда; перед отъездом, может быть, еще раз удастся написать к тебе. Поцелуй за меня дитя свое и Анну Ивановну.

Верный друг твой.

Пиши ко мне в Тифлис, на имя губернатора Романа Ивановича Ховена.

Одоевскому В. Ф., 10 июня 1825: #с009058

10 июня 1825. Киев.

Благодарю тебя душевно за два письма, любезный друг, особенно за секретную почту. С первой строки я угадал, в чем дело. Не хочу льстить тебе, я полагал, что ты, с чрезвычайно просвещенным умом, не деятелен, холоден, не довольно заботлив о вещественных нуждах друзей твоих. Я судил по моим опытам: презираю деньги, достаток, богатство и как это все называется? Потом, когда случится друг или просто хороший знакомый в стесненном положении и требует помощи, смотришь: помочь нечем. – Я, однако, на твой счет грубо ошибся и тем искреннее спешу в том признаться. Представь себе всю эту сложность обстоятельств. Письмо твое уже не застало меня в Петербурге, его распечатали Александр с Вильгельмом, уверенные, что нам с тобою от них таить нечего; сам брат твой мне это объявляет, теперь не знаю, оба ли они письма прочли или одно только? Ты скорее меня известишься об этом: спроси Александра. – Как хочешь, а я от него не скрою твоего поступка; напрасно ты взял с меня честное слово, я тебе не давал его; притом же брат Александр мой питомец, l'enfant de mon choix, я обязан не оставлять его в заблуждении насчет людей особенно ему близких, он же тебя более по мне знает, из моих описаний, вы слишком были молоды, когда вместе живали или виделись, и не могли составить себе решительного мнения друг о друге. Итак, извини, мой милый Владимир, коли я со всею откровенностью передам ему изящную черту твоего характера. Сам я в древнем Киеве; надыхался здешним воздухом и скоро еду далее. Здесь я пожил с умершими: Владимир и Изяславы совершенно овладели моим воображением; за ними едва вскользь заметил я настоящее поколение; как они мыслят и что творят – русские чиновники и польские помещики, бог их ведает. Природа великолепная; с нагорного берега Днепра на каждом шагу виды изменяются; прибавь к этому святость развалин, мрак пещер. Как трепетно вступаешь в темноту Лавры или Софийского собора, и как душе просторно, когда потом выходишь на белый свет: зелень, тополи и виноградники, чего нет у нас! Хорошо, однако, что побывал здесь в начале июня; говорят, что зимою немногим лучше северной России. Посетителей у меня перебивало много, однако скромных, мало мешали.

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
Верстовского обними за меня: здесь я узнал, что отец его перебрался на житье в Москву; что же, от того лучше или хуже для музыки? Я почти уверен, что истинный художник должен быть человек безродный. Прекрасно быть опорой отцу и матери в важных случаях жизни, но внимание к их требованиям, часто мелочным и нелепым, стесняет живое, свободное, смелое дарование. Как ты об этом думаешь?

За статью в «Телеграфе»: #с009058_1 приношу тебе заранее мою благодарность; только вопрос теперь, где я наткнусь на нее? Здесь не найдешь; в Крыму, где буду слоняться недели с три, того менее; в Керчи сяду на корабль и поплыву в Имеретию, оттуда в горы к Ермолову, итак, прощайте, журналы, до Тифлиса. – Меня приглашают неотступно в Бердичев на ярмарку, которая начнется послезавтра: #с009058_2: там хотят познакомить с Ржевуцким; притом в Любаре семейство Муравьевых устраивает мне самый приятный прием; боюсь сдать на их веру, не скоро вырвешься. – Прощай, милый мой мудрец, сердечно радуюсь твоим занятиям, не охлаждайся, они всякой жизни придают высокое значение, и даже в Москве (откуда вынеси тебя бог поскорее). Только я не разумею здесь полемических памфлетов, критик и антикритик. Виноват, хотя ты за меня подвизаешься, а мне за тебя досадно. Охота же так ревностно препираться о нескольких стихах, о их гладкости, жесткости, плоскости; между тем тебе отвечать будут и самого вынудят за брань отплатить бранью. Борьба ребяческая, школьная. Какое торжество для тех, которые от души желают, чтобы отечество наше оставалось в вечном младенчестве!!!

Прощай, люби меня, и пиши прямо в Тифлис на имя военного губернатора его превосходительства Романа Ивановича Ховена. Твой адрес пребеспутный: что такое ваш монастырь Георгиевский и Тверская, без означения дома, чей он?..

NB. Я сейчас перечел твое письмо, ты требуешь, чтобы Кюхельбекер поспешил новым сочинением прежде выхода в свет 4 части «Мнемосины», но как же ему опубликовать о новой книге, не исполнив своих условий с публикою насчет выхода той, за которую деньги уже заплочены? – Я уверен, что ты далее медлить не будешь.

Бегичеву С. Н., 9 июля 1825: #с009059

9 июля <1825>. Симферополь.

Брат и друг. Я объехал часть южную и восточную полуострова: #с009059_1, очень доволен моим путешествием, хотя здесь природа против Кавказа вся представляет словно в сокращении, нет таких гранитных громад, снеговых вершин Эльбруса и Казбека, ни ревущего Терека или Арагвы, душа не обмирает при виде бездонных пропастей, как там в наших краях, зато прелесть моря и иных долин, Качи, Бельбека и Касикли-Узенья и пр. ни с чем сравнить не можно. Я мои записки вел порядочно, коли не поленюсь, перепишу и перешлю тебе. Но вот беда, выехать не с чем, а жить здесь долее вчуже не для чего. Пришли, брат, на подъем. Наперед тебя уверяю, что скоро никак не могу тебе заплатить, а когда бог даст, покуда никаких способов в виду не имею. Но если тебе полторы тысячи не сделают разницы, поделись со мною. – Прощай, можешь или не можешь – все равно, но напиши мне сюда два слова непременно. Я сделал дурачество, писал тебе, чтобы до Тифлиса твои конверты меня нигде не отыскивали, а между тем ничего о тебе не знаю.

Обнимаю тебя от души. Перецелуй всех своих.

Верный твой друг. А. Г.

Бегичеву С. Н., 9 сентября 1825: #с009060

9 сентября 1825. Симферополь.

Друг и брат. Твои 1500 р. я получил еще перед исходом прошедшего месяца. Объяснить тебе вполне благодарности не умею; без тебя мой корабль остался бы на мели, пришлось бы зимовать здесь. – Еще раз благодарю тебя, и не в последний, бог даст, свидимся, и тогда сердечное объятие лучше всякого письма выразит тебе мое чувство. Я тотчас не писал к тебе по важной причине, ты хотел знать, что я с собою намерен делать, а я сам еще не знал, чуть было не попал в Одессу, потом подумал поселиться надолго в Соблах, неподалеку отсюда. Наконец еду к Ермолову

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
послезавтра непременно, все уложено. Ну вот, почти три месяца я провел в Тавриде, а результат нуль. Ничего не написал: #с009060_1. Не знаю, не слишком ли я от себя требую? умею ли писать? право, для меня все еще загадка. – Что у меня с избытком найдется что сказать – за это ручаюсь, отчего же я нем? Нем как гроб!!

Еще игра судьбы нестерпимая: весь век желаю где-нибудь найти уголок для уединения, и нет его для меня нигде. Приезжаю сюда, никого не вижу, не знаю и знать не хочу. Это продолжилось не далее суток, потому ли, что фортепьянная репутация моей сестры известна, или чутьем открыли, что я умею играть вальсы и кадрили, ворвались ко мне, осыпали приветствиями, и маленький городок сделался мне тошнее Петербурга: #с009060_2. Мало этого. Наехали путешественники, которые меня знают по журналам: сочинитель Фамусова и Скалозуба, следовательно, веселый человек. Тыфу, злодейство! да мне невесело, скучно, отвратительно, несносно!.. И то неправда, иногда слишком ласкали мое самолюбие, знают наизусть мои рифмы, ожидают от меня, чего я может быть не в силах исполнить; таким образом, я нажил кучу новых приятелей, а время потерял, и вообще утратил силу характера, которую начинал приобретать на перекладных. Верь мне, чудесно всю жизнь свою прокататься на 4-х колесах; кровь волнуется, высокие мысли бродят и мчат далеко за обыкновенные пределы пошлых опытов; воображение свежо, какой-то бурный огонь в душе пылает и не гаснет... Но остановки, отдыхи двухнедельные, двухмесячные для меня пагубны, задремлю либо завьюсь чужим вихрем, живу не в себе, а в тех людях, которые поминутно со мною, часто же они дураки набитые. Подожду, авось придут в равновесие мои замыслы беспредельные и ограниченные способности. Сделай одолжение, не показывай никому этого лоскутка моего пачканья; я еще не перечел, но уверен, что тут много сумасшествия.

Прошу у тебя как милостыни: не прерывай со мною переписки, чтоб я знал, где ты, потому что легко станется, что я по многом странствии прямо к тебе вернусь, и тем лучше, коли ты в деревне будешь. Адрес мой в главную квартиру генерала Ермолова.

Отчего я туда пускаюсь что-то скрепя сердце? Увидишь, что мне там несдобровать, надо мною носятся какие-то тяжелые пары Кюхельбекеровой атмосферы, те, которые его отовсюду выживали, и присунули наконец к печатному станку Греча и Булгарина. Прощай, поцелуй Анну Ивановну и ребенка и будущего на днях, когда родится.

О Чатыр-даге и южном берегу после, со временем. Прощай, мой бесценный Степан.

Володя пишет ко мне в Киев о полемической выходке за мою честь в «Телеграфе», но мне никогда этого не случалось видеть. Ты, вероятно, читал; как находишь? Да получил ли ты мое письмо еще из Петербурга о твоей тогдашней статье в мою же защиту и как ты принял мое мнение?: #с009060_3 Прав ли я был? Не слышал ли чего-нибудь о Шатилове и Алябьеве? Чем кончилось их дело?: #с009060_4 Пожалуйста, в первом письме ко мне поболтай о чем-нибудь, а то скуп стал на слова.

Давыдова памфлета: #с009060_5 я не получил и нет его на почте. Ты жалуешься на журналы; стало быть, я счастлив, что с мая месяца их в глаза не видал.

Александр Одоевский будет в Москве: поручаю его твоему дружескому расположению, как самого себя. – Помнишь ли ты меня, каков я был до отъезда в Персию, таков он совершенно. Плюс множество прекрасных качеств, которых я никогда не имел.

Коли зимою ворочусь в Москву, и ты там будешь, так заберусь к Дмитрию: #с009060_6 в Яшкино.

Бегичеву С. Н., 12 сентября 1825: #с009061

12 сентября <1825>. Феодосия.

Третьего дня я вырвался наконец из дрянного городишка, где, однако, всякое со мною случалось, и веселое и грустное. А Брест!! Литовский! вероятно, нет хуже местечка на взгляд, но и там пожилосо. В несколько часов я прокатился по солнышку до Карасубазара, и еще станцию далее; справа чернелись верхи Айл и Чатыр-Дага, потом передовые холмы их заслонили в виду продолговатый Агер-мышь.

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru

Мы спустились в какую-то бесплодную ложбину, и долго тут ехали, наконец повернули круто от селения Эльбузы в горные дикие места, где дорога просечена разными извилами, густые леса, кручи, скалы, хаос ужасный, все смешано в этом искривленном направлении, спустились под вечер в роскошную Судацкую долину. Я не видал подобной, и она считается первою в полуострове по избытку виноградников, сады от Таракташа до моря на протяжении нескольких верст, веселые домики помещиков, странные верхи утесов, и к западу уединенные развалины генуэзского замка. Я ночевал у барона Боде. Публицист из Духа Журналов etc., etc.

На другой день (вчера) рано побрел к мысу, на котором разметаны Сольдайские руины. Я был один. Александра: #c009061_1 отправил по колясочной дороге в Кафу. Кто хочет посещать прах и камни славных усопших, не должен брать живых с собою. Это мною несколько раз испытано. Поспешная и громкая походка, равнодушные лица и пуще всего глупые, ежедневные толки спутников часто не давали мне забыть, и сближение моей жизни, последнего пришельца, с судьбою давно отшедших – для меня было потеряно. Не так в Сольдае. Мирно и почтительно взошел я на пустырь, обнесенный стенами и обломками башен, цеплялся по утесу, нависшему круто в море, и бережно взобрался до самой вершины, и там башня и свод уцелели. С Чатыр-Дага вид пространнее, но нет признака, чтобы там люди живали, [чтобы] усел город, чтобы стекались в него купцы и странники изо всех частей света, чтобы, наконец, он взят был на щит рассвирепевшим неприятелем и груды камней одни бы свидетельствовали о прежней величавой его жизни. Здесь это все есть. И не приморскими видами я любовался; перебирал мысленно многое, что слышал и видел, потом вообразил себя на одной из ростральных колонн петербургской биржи. Оттуда я накануне твоего отъезда любовался разноцветностью кровель, позолотою глав церковных, красотою Невы, множеством кораблей и мачт их. И туда взойдет некогда странник (когда один столб, может быть, переживет разрушение дворцов и соборов) и посетует о прежнем блеске нашей северной столицы, наших купцов, наших царей и их прислужников. – Когда я сошел сверху к берегу, лошади были приведены с почты, и я поскакал. Скучные места, без зелени, без населения, солонец, истресканный палящим солнцем, местами польнь растет, таким образом до Козькой долины, где природа щедрее и разнообразнее. То глубокие спуски в лесную чащу, дубы, осокори, дикие груши, дикий виноград, потом крутые подъемы, и с высоты виднеется море, которого синяя влага в ведреную пору всегда для глаз приятна; местами торчат обрушенные, ветхие стены италийцев, греков или готфов, судя по тому, кто какие книги читает и которым верит. Самая миловидная полоса этой части Крыма по мне, Оттузы. – Сюда я прискакал поздно ночью, при лунном сиянии.

Нынче обегал весь город, чудная смесь вековых стен прежней Кафы и наших однодневных мазанок. Отчего однако воскресло имя Феодосии, едва известное из описаний древних географов и поглотило наименование Кафы, которая громка во стольких летописях европейских и восточных. На этом пепелище господствовали некогда готические нравы генуэзцев; их сменили пастырские обычаи мунгалов с примесью турецкого великолепия; за ними явились мы, всеобщие наследники, и с нами дух разрушения; ни одного здания не уцелело, ни одного участка древнего города не взрытого, не перекопанного. – Что ж? Сами указываем будущим народам, которые после нас придут, когда исчезнет русское племя, как им поступать с бренными остатками нашего бытия.

А мне между тем так скучно! так грустно! думал помочь себе, взялся за перо, но пишется нехотя, вот и кончил, а все не легче. Прощай, милый мой. Скажи мне что-нибудь в отраду, я с некоторых пор мрачен до крайности.

Пора умереть! Не знаю, отчего это так долго тянется. Тоска неизвестная! воля твоя, если это долго меня промучит, я никак не намерен вооружиться терпением; пускай оно остается добродетелью тяглого скота. Представь себе, что со мною повторилась та ипохондрия, которая выгнала меня из Грузии, но теперь в такой усиленной степени, как еще никогда не бывало. Одоевскому я не пишу об этом; он меня страстно любит и пуще моего будет несчастлив, коли узнает. Ты, мой бесценный Степан, любишь меня тоже, как только брат может любить брата, но ты меня старше, опытнее и умнее; сделай одолжение, подай совет, чем мне избавить себя от сумасшествия или пистолета, а я чувствую, что то или другое у меня впереди.

Бестужеву А. А., 22 ноября 1825: #c009062

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
22 ноября 1825. Станица Екатериноградская.

Поверишь ли, любезный мой тезка, что я только нынче получил письмо твое? А доказательством, что боюсь остаться в долгу, пусть будет тебе поспешность, с которою отвечаю. Нынешний день у нас, линейских, богат происшествиями, сюда прибыл Алексей Петрович: #с009062_1; кругом меня свисты, висты, бредни и пр.: не самая благоприятная пора, чтобы собраться с мыслями, но откладывать до завтра не хочу, кто знает, где мы завтра будем, и скоро ли наживешь здесь хоть сутки спокойствия? Досугу не имею ни на секунду, окружен шумным сонмищем, даже сплю не один, в моей комнате гнездится Мазарович с латинским молитвенником и с дипломатическими замыслами; одно спасение – это из постели на лошадь и в поле. Кавказская степь ниоткуда, от Тамани до Каспийского моря, не представляется так величественно, как здесь; не свожу глаз с нее; при ясной, солнечной погоде туда, за снежные вершины, в глубь этих ущелий погружаюсь воображением и не выхожу из забвения, покудова облака или мрак вечерний не скроют совершенно чудесного, единственного вида; тогда только возвращаюсь домой к друзьям и скоморохам. – Климат необыкновенный! На Малке я начал что-то поэтическое, по крайней мере самому очень нравилось, обстоятельства прервали, остыл, но при первой благоприятной перемене снова завьюсь в эфир.: #с009062_2 – что ты пишешь? скажи мне; одно знаю, что оргии Юсупова срисовал мастерскою кистью: #с009062_3, сделай одолжение, вклей в повесть, нарочно составь для них какую-нибудь рамку. Я это еще не раз перечитаю себе и другим порядочным людям в утешение. Эдакий старик, придворный подлец!! Оржицкий передал ли тебе о нашей встрече в Крыму?: #с009062_4 Вспоминали о тебе и о Рылееве, которого обними за меня искренно, по-республикански. Зовут меня, прощай. Не пеняй, что мало, не пеняй, что толку немного, но ей-ей! я сегодня в вихрях ужасных.

P. S. Любезнейший Александр, не ленись, напиши мне еще раз и побольше, что в голову взойдет; не поверишь, каким веселым расположением духа я тебе нынче обязан, а со мною это редко случается. Поклонись Булгарину. Ни «Пчелы», ни «Северного Архива», ни «Сына Отечества» не могу достать, – какие мы здесь безграмотные! Мой адрес: Начальнику Кавказского корпусного штаба генерал-майору Вельяминову, не забудь, а то письмо твое опять прокочет месяцев шесть.

Кюхельбекеру в. к., 27 ноября 1825: #с009063

27 ноября 1825. Станица Екатериноградская.

Душа моя Вильгельм. Спешу уведомить тебя о моем житье, покудова не народился новый месяц, а с ним и новые приключения; еще несколько дней и, кажется, пушусь с Алексеем Петровичем в Чечню; если там скоро утишатся военные смуты, перейдем в Дагестан, а потом возвращусь к вам на Север. – Здесь многие или, лучше сказать, все о тебе вспоминают: Вельяминов, с которым я до сих пор слонялся по верхней Кабарде, Коцебу 2-ой, Цебриков, Талызин, Устимович, Павлов etc., etc., и даже старик наш: #с009063_1, несмотря на прежнюю вашу ссору, расспрашивал о тебе с бо́льшим участием. Аттестат вышлетя к тебе на днях. – Мазарович непременно бы наградил тебя длинною эпистолиею, да, по счастью, надумывается для важных депеш к Несельроду и комп.; мы живем в одной комнате, я у него под носом то курю, то стреляю; впрочем, скоро расстанемся, я в горы, а он через, обратно в Тифлис. – Ты был в родах в тот раз, как приписал мне строчки две в письме Одоевского, что же произвел? Пришли прочесть, дай мне быть восприемником, несмотря, что мы в разлуке.

Меня слишком лениво посещает вдохновение, теперь о том и помышлять нечего, развлечение беспрестанное; Бегичев в последнем письме утешает меня законом упругости, что пружина на время сжатая, коль скоро исчезнет препятствие, с большим порывом отпрянет и на свободе сильнее будет действовать, а я полагаю, что у меня дарование вроде мельничного колеса, и коли дать ему волю, так оно вздор замелет; право, милый мой Вильгельм, не знаю, с кем я умом поделился, но на мою долю осталось немного. Помоги тебе бог, будь меня достойнее во мнении друзей и недругов. Кстати о достоинстве: какой наш старик чудесный, не взирая на все об нем кривые толки; вот уже несколько дней, как я пристал к нему вроде тени; но ты не поверишь, как он занимателен, сколько свежих мыслей, глубокого познания людей всякого разбора, остроты рассыпаются полными горстями, ругатель безжалостный, но патриот, высокая душа, замыслы и способности точно государственные, истинно русская, мудрая голова. По долговременной отлучке я ему

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
еще лучше узнал цену. Это не помешает мне когда-нибудь с ним рассориться, но уважения моего он ни в каком случае утратить не может.

Дела здешние были довольно плохи, и теперь на горизонте едва проясняется. Кабарду Вельяминов усмирил, одним ударом свалил двух столпов вольного, благородного народа. Надолго ли это подействует? Но вот как происходило. Кучук Джанхотов в здешнем феодализме самый значительный владелец, от Чечни до Абазехов никто не коснется ни табунов его, ни подвластных ему ясырей, и нами поддержан, сам тоже считается из преданных русским. Сын его, любимец Алексея Петровича, был при посольстве в Персии, но, не разделяя любви отца к России, в последнем вторжении закубанцев был на их стороне, и вообще храбрый из всех молодых князей, первый стрелок и наездник и на все готовый, лишь бы кабардинские девушки воспевали его подвиги по аулам. Велено его схватить и арестовать. Он сам явился по приглашению в Нальчикскую крепость, в сопровождении отца и других князей. Имя его Джамбулат, в сокращении по-черкесски Джамбот. Я стоял у окна, когда они въезжали в крепость, старик Кучук, обвитый чалмою, в знак того, что посетил святые места Мекку и Медину, другие не столько знатные владельцы ехали поодаль, впереди уздени и рабы пешие. Джамбот в великолепном убранстве, цветной тишлай сверх панциря, кинжал, шашка, богатые седло и за плечами лук с колчаном.

Спешились, вошли в приемную, тут объявлена им воля главнокомандующего. Здесь арест не то, что у нас, не скоро даст себя лишиться оружия человек, который в нем всю честь полагает. Джамбот решительно отказался повиноваться. Отец убеждал его не губить себя и всех, но он был непреклонен; начались переговоры; старик и некоторые с ним пришли к Вельяминову с просьбою не употреблять насилия против несчастного смельчака, но уступить в сем случае было бы несогласно с пользою правительства. Солдатам велено окружить ту комнату, где засел слушник; с ним был друг его Канамат Касаев; при малейшем покушении к побегу отдан был приказ, чтобы стрелять. Я, зная это, заслонил собою окно, в которое старик отец мог бы всё видеть, что происходило в другом доме, где был сын его. Вдруг раздался выстрел. Кучук вздрогнул и поднял глаза к небу. Я оглянулся. Выстрелил Джамбот, из окна, которое вышиб ногою, потом высунул руку с кинжалом, чтобы отклонить окружающих, выставил голову и грудь, но в ту минуту ружейный выстрел и штык прямо в шею повергли его на землю, вслед за этим еще несколько пуль не дали ему долго бороться со смертью. Товарищ его прыгнул за ним, но среди двора также был встречен в упор несколькими выстрелами, пал на колена, но они были раздроблены, оперся на левую руку и правую успел еще взвести курок пистолета, дал промах и тут же лишился жизни.

Прощай, мой друг; мне так мешали, что не дали порядочно досказать этой кровавой сцены; вот уже месяц, как она происходила, но у меня из головы не выходит. Мне было жаль не тех, которые так славно пали, но старца отца. Впрочем, он остался неподвижен и до сих пор не видно, чтобы смерть сына на него сильнее подействовала, чем на меня. Прощай еще раз. Кланяйся Гречу и Булгарину.

Бегичеву С. Н., 7 декабря 1825: #с009064

7 декабря 1825. Станица Екатериноградская.

На убедительные твои утешения и советы надобно бы мне отвечать не словами, а делами, дражайший мой Степан. Ты совершенно прав, но этого для меня не довольно, ибо, кроме голоса здравого рассудка, есть во мне какой-то внутренний распорядитель, наклоняет меня ко мрачности, скуке, и теперь я тот же, что в Феодосии, не знаю, чего хочу, и удовлетворить меня трудно. Жить и не желать ничего, согласись, что это положение незавидно. – Ты говоришь мне о таланте; надобно бы вместе с тем иметь всегда охоту им пользоваться, но те промежутки, когда чувствуешь себя пустейшим головою и сердцем, чем прикажешь их наполнить? Люди не часы; кто всегда похож на себя и где найдется книга без противуречий? Чтобы больше не ивничать, пускаюсь в Чечню, Алексей Петрович не хотел, но я сам ему навязался. – Теперь это меня несколько занимает, борьба горной и лесной свободы с барабанным просвещением, действие конгрегов: #с009064_1, будем вешать и прощать и плюем на историю. Насчет Алексея Петровича объявляю тебе, что он умнее и своеобразнее, чем когда-либо. Удовольствие быть с ним покупаю смертельною скукою во время виста, уйти некуда, все стеснены в одной комнате; но потом за ужином и после до глубокой ночи разговорчив, оригинален и необыкновенно приятен. Нынче, с тех пор как мы вместе, я еще более дивлюсь его сложению

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
телесному и нравственному. Беспреданно сидит и не знает почечуя, окружен
глупцами и не глупеет.

Нужна оговорка: Вельяминов, его начальник штаба, чрезвычайно неглупый человек, твердых правил, прекраснейших сведений etc. Но он не был при нем все время, что я находился в России, почти 3 года. С этим я в нынешний приезд в короткое время сблизился более, чем прежде. Глаз на глаз, судьба завела меня с ним на Малку и оттуда к разным укреплениям новой линии; всё вместе и всё одни, я этому случаю благодарен за прекраснейшее открытие достойного человека. Что говорит об нем Якубович? Коли ругает, так врет. Вообще многое, что ты слышал от меня прежде, я нынче переверил, во многом я сам ошибался. Например насчет Давыдова, мне казалось, что Ермолов не довольно настаивал о его определении сюда в дивизионные. Теперь имею неоспоримые доказательства, что он несколько раз настоятельно этого требовал, получал одни и те же отказы. Зная и Давыдова, и здешние дела, нахожу, что это немаловажный промах правительства. Сталь был бескорыстен, а кроме того дурак. Лисаневич храбрый человек, но опрометчив, умер геройски, жил без толку. Горчаков карточный генерал, Шульгин и не более. Здесь нужен военный человек, решительный и умный, не только исполнитель, чужих предначертаний, сам творец своего поведения, недремлющий наблюдатель всего, что угрожает порядку и спокойствию от Усть-Лабы до Андреевской. Загляни на карту и суди о важности этого назначения. Давыдов здесь во многом поправил бы ошибки самого Алексея Петровича, который притом не может быть сам повсюду. Эта краска рыцарства, какою судьба оттенила характер нашего приятеля, привязала бы к нему кабардинцев. Я теперь лично знаю многих князей и узденей. Двух при мне застрелили, других заключили в колодки, загнали сквозь строй; на одного я третьего дня набрел за рекою: висит, и ветер его медленно качает. Но действовать страхом и щедротами можно только до времени; одно строжайшее правосудие мирит покоренные народы с знаменами победителей. Посмотрим, чем кончится поход против чеченцев; их взволновал не столько имам, пророк недавно вдохновенный, как покойный Греков, способный человек, но грабитель. Войска точно мало, но хороших начальников вовсе нет. С успехами в Чечне сопряжена тишина здесь между кабардинцев, и закубанцы не посмеют так часто вторгаться в наши границы, как прошлою осенью. Имя Ермолова еще ужасает; дай бог, чтобы это очарование не разрушилось. В Чечню! в Чечню! Здесь война особенного рода: главное затруднение – в дебрях и ущельях отыскать неприятеля; отыскавши, истребить его ничего не значит.

Прощай, я завлекся тем, что перед глазами, все это нескладно, но ты добавишь собственным размышлением. Целуй Анну Ивановну и Дмитрия. Мне бы хотелось из похода, т. е. месяца через два, прямо к вам воротиться, а впрочем что бог на душу положит. Пиши в главную квартиру на имя Алексея Петровича.

Жандру А. А. и Миклашевич В. С., 12 декабря 1825: #с009065

12 декабря 1825. Станица Екатериноградская.

Андрей любезнейший, я только нынче получил почту твою от 19-го октября, а когда моя пойдет и через кого доставится в Георгиевск – не знаю, но досуг есть, и пишу. Философия твоя чуть было меня не прослезилась, милый друг мой. «К чему ведет нас эта жизнь?» Оглянись, с тобою умнейшая, исполненная чувства и верная сопутница в этой жизни, и как разнообразна и весела, когда не сердится. У тебя я, я и я, а наш Александр Одоевский? И когда мы не вместе, есть о ком думать.

Avec ce cortège d'amis on ne s'ennuye pas mon coeur, [110 – с такой свитой друзей мое сердце не скучает(фр.)..] в том и счастье, чтобы сердце не оставалось пусто. Да хотя бы у нас только и назначения было, чтобы тебе ко мне писать, а мне любоваться твоею эпистолией, так есть за что благодарить бога. Как ты решил? Все равно, а я нынче весь день был занят твоими портретами. Вижу, что правда, и огорчительная, насчет Катенина и Кандида. Смерть государя: #с009065_1 причиною, что мы здесь запраздновали, и ни с места. Мне уже тошно становится, никакого толку. Мазарович с утра морит меня изломанным французским языком, снег петербургский, солнца давно нет, скучно в поле, дома еще скучнее, не дают призадуматься, все это вроде арабесков, как об них говорит Алексей Петрович, что у человека из задницы дуб растет, с которого он зубами желуди хватает. Глупо.

Для развлечения бываю по вечерам в азиатской дружеской беседе Мирза-Джана, а у

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
него певец, Алаиер, мурлычит татарские эклоги; коли поход в Чечню не состоится, то я долее не выдержу; как ни люблю Алексея Петровича, но по совести сказать, на что я ему надобен? Вот вам, например, я точно необходим, теперь сам вижу, испытал, что такое разлука, тянет обратно, уверен, что встретят меня с тою же горячностью, с которою провожали, а быть кому-нибудь в утешение куда приятно!!

Сделай милость, объяви мне искренно, или вы, лучше, скажите мне, милый друг Варвара Семеновна, отчего наш Александр так страстно отзывается мне о В. Н. Т... [111 – фамилия тщательно зачеркнута.] Ночью сидит у ней, и оттудова ко мне пишет, когда уже все дети спать улеглись... Не давайте ему слишком увлечься этой дружбою, я по себе знаю, как оно бывает опасно. Но может быть, я гадкими своими сомнениями оскорблю и ее, и Александра. Виноват, мне простительно в других предполагать несколько той слабости, которая испортила мне полжизни. Точно это вздор, она его гораздо старше, ни с чем не сообразно, и вы утаите эту статью от нашего друга, к стати, он теперь в Москве, по возвращении, ради бога, ему не показывайте. Не хочу от вас скрывать моих пятен, а то бы одним махом уничтожить всю эту подлость. Прощайте, милые мои, бесценные существа. Какое у вас движение в Петербурге!!: #с009065_2 – А здесь... Подождем. Варвара Семеновна, понуждайте нашего ленивца, чтобы не отставал от Одоевского, я перед вами на колена становлюсь. Пишите к дальнему другу и родственнику вашего избрания. Сто раз благодарю вас, что нянчите Вильгельма: #с009065_3, чур не заглядываться, тотчас треснетя головою об пол. На днях прибыл сюда фельдъегерь Экунин и привез мне письмо из Театральной школы, стало быть, как я ни далек от нее, а все ближе вас, вы, верно, с нею не бываете в таких коротких сношениях. Шаховской таки сосватал сестру за полицейского Юпитера: #с009065_4, черт с ними со всеми. Скажите мне два слова об Аристофане, Фонтане: #с009065_5, Колосовой, Каратыгине, Григорьеве. Правда, я было позабыл, что не те времена.

От ужаса вся стынет кровь,
Лишь плачет тихая любовь.

На чей счет Булгарин нынче ветошничает, с кем в войне? Прощай, брат Андрей, когда-нибудь напишу тебе умнее, а ты все-таки отвечай. Коли вы Вариньки не согнали, так поцелуй ее от меня, между тем мой Сашка: #с009065_6 почтительно вам кланяется.

Продолжение впредь твоя ли рука?

Николаю I, 15 февраля 1826: #с009066

15 февраля 1826 г. <С.-Петербург.>

Всемиловейший государь!

По неосновательному подозрению, силою величайшей несправедливости, я был вырван от друзей, от начальника, мною любимого, из крепости Грозной на Сундже, чрез три тысячи верст в самую суровую стужу притащен сюда на перекладных, здесь посажен под крепкий караул, потом был позван к генералу Левашову: #с009066_1. Он обошелся со мною вежливо, я с ним совершенно откровенно, от него отправлен с обещанием скорого освобождения. Между тем дни проходят, а я заперт. Государь! я не знаю за собою никакой вины. В проезд мой из Кавказа сюда я тщательно скрывал мое имя, чтобы слух о печальной моей участи не достиг до моей матери, которая могла бы от того ума лишиться. Но ежели продлится мое заточение, то, конечно, и от нее не укроется. Ваше императорское величество сами питаете благоговейнейшее чувство к вашей августейшей родительнице...

Благоволите даровать мне свободу, которой лишиться я моим поведением никогда не заслуживал, или послать меня пред Тайный Комитет лицом к лицу с моими обвинителями, чтобы я мог обличить их во лжи и клевете.

Всемиловейший государь! Вашего императорского величества верноподданный Александр Грибоедов.

Письма к Ф. В. Булгарину, 17 февраля – апрель 1826: #с009067

Булгарину Ф. В., 17 февраля 1826

<Гауптвахта Главного штаба.> 17 февраля <1826>

С дозволения инквизиции.

Друзья мои Греч или Булгарин, кто из вас в типографии: #с009067_1? Пришлите мне газет каких-нибудь и журналов, и нет ли у вас «Чайльд-Гарольда»: #с009067_2? Меня здесь заперли, и я погибаю от скуки и невинности. Чур! Молчать.

Грибоедов.

Das Papier in's Feuer[112 - Бумагу в огонь.(нем.)].

Фадей, мой друг, познакомься с капитаном здешним Жуковским: #с009067_3, nous sommes camarades comme cochons[113 - мы с ним закадычные друзья(фр.)], может быть удастся тебе и ко мне проникнуть. Я писал к государю, ничего не отвечает: #с009067_4.

Булгарину Ф. В., после 17 февраля 1826 («Сто тысяч раз...»)

<Вскоре после 17 февраля.>

Сто тысяч раз благодарю, что потешил заключенного; а то я сидел только и проклинал моих гонителей. Сделай одолжение, не пугайся. Бояться людей – значит баловать их. – Пришли мне Пушкина «Стихотворения»: #с009067_5 на одни сутки. Как бы я желал тебя видеть!!!

Булгарину Ф. В., после 17 февраля 1826 («дай, брат...»)

Дай, брат, пожалуйста, длинных академических газет да еще каких-нибудь журналов – я тотчас пришлю назад.

Верный твой друг.

Булгарину Ф. В., после 25 февраля 1826

<Вскоре после 25 февраля.>

Сделай одолжение, достань у Греча или у кого-нибудь «Атлас к Анахарсису»: #с009067_6 или какую-нибудь карту Греции да новых журналов пришли. О, правосудие!!

Булгарину Ф. В., февраль – март 1826

<Конец февраля – начало марта.>

«Атлас к Анахарсису». Вчера я говорил Жуковскому, что ты у него был; он у меня спрашивал, видел ли ты меня? – Нет: #с009067_7. Коли захочешь, он доставит тебе случай у меня побывать.

Булгарину Ф. В., после 16 марта 1826

<После 16 марта.>

Любезный друг. С нами чудные происшествия. Караул приставлен сторожайший, причина неизвестная. Между тем, я комитетом оправдан начисто, как стекло. Ивановский, благороднейший человек, в крепости говорил мне самому и всякому гласно, что я немедленно буду освобожден: #с009067_8. Притом обхождение со мною, как его, так и прочих, было совсем не то, которое имеют с подсудимыми. Казалось, все кончено. Съезди к Ивановскому, он тебя очень любит и уважает, он член Вольного общества любителей словесности и много во мне принимал участия. Расскажи ему мое положение и наведайся, чего мне ожидать. У меня желчь так скопляется, что боюсь слечь или с курка спрыгнуть. Да не будь трус, напиши мне, я записку твою сожгу, или передай сведения Жандру, а тот перескажет Алексею, а Алексей найдет способ мне сообщить. Vale[114 - привет (лат.)].

Булгарину Ф. В., 19 марта 1826 («Любезный друг. Одолжи...»)

19 марта.

Любезный друг. Одолжи меня 150 рублями, а коли у тебя нет, то извести о моем голодном положении Жандра или Петра Николаевича Чебышева. В случае, что меня отправят куда-нибудь подальше, я чрез подателя этой же записки передам тебе мой алмазный крест, а ты его по боку.

Прощай.

Булгарину Ф. В., 19 марта 1826 («Любезный друг, очень...»)

<19 марта.>

Любезный друг, очень, очень благодарен тебе за присылку денег. Сделай одолжение, достань мне «Тавриду» Боброва: #с009067_9, да ежели нельзя на подержание, то купи мне «Le Calcul Differentiel» de Francoeur», по-французски или по-русски: #с009067_10.

Булгарину Ф. В., 18 апреля 1826

<21 марта.>

Очень хорош и заботлив ты, Калибан Венедиктович! присылаешь ко мне Муханова, а не мог мне дать знать об отправлении в ночь фельдъегеря; таким образом, заготовленные мои письма остались в столе и будут лежать по твоей милости. Где ты вчера, моя душа, набрался необыкновенного вдохновения?: #с009067_11 эй, берегись. Галича: #с009067_12 получил; насчет шейного платка успокой Семена, которому прошу засвидетельствовать мое почтение.

Булгарину Ф. В., 21 марта 1826

<18 апреля.>

Христос воскрес: #с009067_13, любезный друг. Жуковский просил меня достать ему точно такое же парадное издание Крылова, как то, которое ты мне прислал: #с009067_14. Купи у Сленина. Vous entendez bien, que je ne peux pas lui refuser un petit présent de ce genre[115 - вы, конечно, понимаете, что я не могу отказать ему в маленьком подарке такого рода. (фр.)]. Да пришли, брат, газет. Друг мой, когда мы свидимся!!!

NB. Крылова он нынче же должен подарить в именины какой-то ему любезной дамочки.

Булгарину Ф. В., после 18 апреля 1826

<После 18 апреля.>

Благодарю тебя за четвероногие «Апологи»: #с009067_15; на днях дочитываю Degerando, коли еще нет продолжения, то достань мне старое издание, которое мне 15 лет тому назад подарил профессор Буле, оно доведено до фикте и Шеллинга: #с009067_16. Также «Анахарсиса» скоро кончу и попрошу на место его Шубертовы календарики: #с009067_17. Кажется, что мне воли еще долго не видать, и вероятно, буду отправлен с фельдъегерем: #с009067_18, в таком случае, я матушке дам знать о деньгах, которыми ты меня одолжил.

Письма к Н. А. Муханову, апрель-июнь 1826: #с009068

Муханову Н. А., апрель – май 1826 («я совершенно лишен книг...»)

(Перевод с французского)

<Апрель – май 1826.>

Я совершенно лишен книг: #с009068_1. Пришлите мне 3 первых тома Карамзина: #с009068_2. И нет ли у вас «Статистики» Арсеньева: #с009068_3? Что вы слушали достоверного? Я вам послал надежного человека, пишите, не боясь быть скомпрометированным.

А. Г.

Муханову Н. А., апрель – май 1826 («Так как я...»)

(Перевод с французского)

<Апрель – май.>

Так как я нехорошо себя чувствую, то вылазка на сегодняшнюю ночь очень сомнительна. Может быть – завтра. – Пришлите мне книг. Дружески обнимаю.: #с009068_4

Г.

Муханову Н. А., июнь 1826

(Перевод с французского)

<Июнь.>

Дело в том, что я себя плохо чувствую. Боже, какой климат! Попросите Хомякова сейчас же зайти ко мне. Если же я, сделав усилие, приду к вам, то это будет не раньше полудня. До свидания.: #с009068_5

Грибоедов.

Алексееву С. И., 3 июня 1826: #с009069

3 июня <1826>. Петербург.

Почтеннейший друг и тюремный товарищ, Степан Ларионович. Мы когда-то вместе молились усердно нашему создателю и в заключении в чистой вере находили себе неотъемлемую отраду. Теперь одни в вашем семействе за меня помолитесь, поблагодарите бога за мое освобождение и еще за многое; 2-го числа нынешнего

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
месяца я выпущен, завтра или на днях получу отправление. Податель этого письма мне искренний приятель, Александр

Алексеевич Муханов, он знает подробно все, что обо мне знать можно. Сделай одолжение, почтеннейший друг, полюби его, а мне бы очень хотелось быть на его месте и перенестись в Хороль: #с009069_1, мы бы многое вспомнили вместе, теперь я в таком волнении, что ничего порядочно не умею ни сказать, ни написать. В краткости толку мало, а распространяться некогда. Надеюсь, что я уже ознакомлен в почтенном твоём семействе, верно, они примут во мне участие, друг любезнейший и благородный, верь, что я по гроб буду помнить твою заботливость обо мне, сам я одушевлен одною заботою, тебе она известна, я к судьбе несчастного Одоевского не охладел в долговременном заточении и чувствую, надеюсь и верую, что бог мне будет помощник.

Прощай, милый, бесценный Степан Ларионович, засвидетельствуй мое искреннее почтение твоей супруге, она извинит мне это короткое обхождение без чинов, с нами не чинились в штабе: #с009069_2, так и мы поступаем. Коли удостоишь меня письмом, то в Москву под Новинским в собственный дом. С горячностью обнимаю тебя. Это письмо первое, но не последнее.

Искренний друг душою преданный

А. Грибоедов.

Миклашевич В. С., 6 июня 1826: #с009070

<6 июня 1826. Петербург.>

Милый друг Варвара Семеновна. Я знаю, коли вам не написать, так вы будете ужасно беспокоиться. Дело вот в чем: я не могу сна одолеть, так и клонит, сил нет домой воротиться, велел себе постель стлать, между тем хозяйничаю, чай пью, все это у Булгарина: #с009070_1, которого самого дома нет. Скажу вам о государе мое простодушное мнение: он, во-первых, был необыкновенно с нами умен и милостив, ловок до чрезвычайности, а говорит так мастерски, как я, кроме А. П. Ермолова, еще никого не слыживал. Нас представили в 3-м часу на Елагином острове, оттуда Муравьев, который меня и туда привез в своей карете (университетский мой товарищ, не выдавшийся со мной уже 16 лет), завез к Жуковской матери на Крестовой, где я и обедал.

Прощайте, пишу и сплю.

Извозчику прикажите дать 2 руб. 60 копеек + 20 коп. на водку.

Булгарину Ф. В., июнь – июль 1826: #с009071

<Окрестности С.-Петербурга, июнь – июль 1826.>

Любезный Булгарин, как тебя бог бережет? О Грече я слышал неприятность, будто его снова-здорово преследуют за Госнера: #с009071_1; я между тем странствую по берегу морскому и переносюсь то на верх Дудоровой горы, то в пески Ораниенбаума; на днях ворочусь – и прямо в твою пустыньку: #с009071_2. «Bergeron»: #с009071_3 не нашелся у Майера; Шмидта: #с009071_4 я прочел, и лучше бы не читал: бесконечное прение об уродах уйгурах, турки ли они или тангутцы? Тибетинцы? Столько трудов для объяснения себе, кто был давно исчезнувший народ, о котором почти никто не говорил, который ничего не сделал достопамятного и пропал, как не бывал. Сделай одолжение, пришли «Временник»: #с009071_5 и «Абуль-Газа»: #с009071_6, да коли нет «Бержерона», так по-русски «План-Карпина»: #с009071_7; вероятно, достать можно. Он у меня в Москве есть. Прощай, поминай добром. Греча очень, очень жалею, но уверен, что все нападки на него пустые. Верный твой.

Загоскину М. Н., июль – август 1826: #с009072

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
<Июль – август 1826. Москва.>

Любезный Михайло Николаевич.

Мне в своих обстоятельствах совестно было тревожить тебя об ложе, но давеча ты сам вызвался, и я надеюсь на данное слово. Эти строчки на память.

Un bienfait n'est jamais perdu[116 – доброе дело не пропадает (фр.)].

Будь здоров. А. Г.

Добринскому А. А., 9 ноября 1826: #с009073

(Перевод с французского)

9 ноября <1826>. Тифлис.

Любезный товарищ по заключению. Не думайте, что я о вас позабыл. Вы до сих пор не имели от меня никаких известий единственно по неимению верной okazji для посылки вам хоть нескольких строк. Сразу по прибытии моем в Тифлис я говорил о вас с главнокомандующим: #с009073_1, и он принял ходатайство мое о вас самым удовлетворительным образом. Затем, когда Паскевич перед своим отбытием в Елизаветполь поручил мне от его имени похлопотать перед Алексеем Петровичем за Шереметева, который разделяет вашу печальную участь, я снова получил ответ, что он не находит никаких затруднений для того, чтобы сделать представление кому следует о переводе вас обоих в один из полков, назначенных для действий против неприятеля. Еще недавно, когда я сопровождал его до Сертичали, он вновь мне повторил, заверяя, что я могу быть совершенно покоен на ваш счет, что он не предвидит больших препятствий к тому, чтобы переменить вам полк, ни со стороны начальника главного штаба, ни даже со стороны его величества, чье намерение состоит в том, чтобы те, кто, как вы, лишь частично были замешаны, могли бы воспользоваться нынешней войной, чтобы полностью и с честью снять с себя временную опалу. Милый друг, будьте уверены, что во мне вы имеете человека, который всем сердцем готов служить тем, кого он любит. Ваше несчастье, столь мало вами заслуженное, наше совместное пребывание в бедственном узилище, плачевное состояние, в котором вы меня там нашли, наконец, еще столько разных оснований всегда присутствуют в мыслях моих, – оснований слишком важных, чтобы я когда-либо мог о вас забыть. Мы много говорили о вас с Бельфором, который недавно сообщил мне о вас последние новости. Сейчас же, как только генерал Ермолов вернется, я пристану к нему с вашим делом, насколько мне бог даст жара и красноречия, и немедленно дам вам знать о последних решениях, которые он примет. Прошу вас, доверьтесь моей счастливой звезде. В первый же раз, когда вы возьметесь за перо, чтобы писать мне, сообщите, чем вы занимаетесь. Не позволяйте скоропреходящему несчастью сломить вас. У Михаила Грекова есть собрание книг, читайте, размышляйте и разумным употреблением часов досуга приготовляйтесь хорошо послужить отечеству. Когда характер достойного человека проходит через горнило тяжелейших испытаний, он от этого только лучше становится – поверьте, так говорит вам человек, который знает это по собственному опыту. Прощайте, мысленно тысячу раз вас приветствую.

Привет от меня всем знакомым в вашем гарнизоне. Будьте терпеливы, милый друг, и помните

вашего усерднейшего

А. Грибоедова.

Я недостаточно римлянин насчет имен и отчеств, милый друг, и если я исказил ваше на конверте, сообщите мне, и укажите, как полагается его писать.

Бегичеву С. Н., 9 декабря 1826: #с009074

9 декабря 1826. <Тифлис.>

Милый друг мой! Плохое мое житье здесь. На войну не попал: потому что и Алексей Петрович туда не попал. А теперь другого рода война. Два старшие генерала ссорятся, с подчиненных перья летят: #c009074_1. С Алексеем Петровичем у меня род прохладения прежней дружбы. Денис Васильевич: #c009074_2 этого не знает; я не намерен вообще давать это замечать, и ты держи про себя. Но старик наш человек прошедшего века. Несмотря на все превосходство, данное ему от природы, подвержен страстям, соперник ему глаза колет, а отделаться от него он не может и не умеет. Упустил случай выставить себя с выгодной стороны в глазах соотечественников, слишком уважал неприятеля, который этого не стоил. Вообще война с персиянами самая несчастная, медленная и безотвязная. Погодим и посмотрим.

Я на досуге кое-что пишу.: #c009074_3 Жаль, что не в силах распространиться тебе о себе и о моих созданиях. Сейчас из обеда, а завтра Давыдов возвращается: #c009074_4. – Я принял твой совет: перестал умничать; достал себе молоденькую девочку, со всеми выдаюсь, слушаю всякий вздор, и нахожу, что это очень хорошо. Как-нибудь дотяну до смерти, а там увидим, больше ли толку, тифлисского и петербургского. Тебя не браню за упорное молчание, угадываю причины; однако, коли в Москве будешь, схвати удобный случай и напиши. Мазаровичева получила нежные представления от сестры своей Зыбиной или Зубковой в пользу Дурнова, и намерена передать их моим. Что об этом знаешь? Конечно или вновь завязалось?: #c009074_5

Буду ли я когда-нибудь независим от людей? Зависимость от семейства, другая от службы, третья от цели в жизни, которую себе назначил, и, может статься, наперекор судьбы. Поэзия!! Люблю ее без памяти, страстно, но любовь одна достаточна ли, чтобы себя прославить? И наконец, что слава? По словам Пушкина...

Лишь яркая заплата
На ветхом рубище певца: #c009074_6.

Кто нас уважает, певцов истинно вдохновенных, в том краю, где достоинство ценится в прямом содержании к числу орденов и крепостных рабов? Все-таки Шереметев у нас затмил бы Омира, скот, но вельможа и крез. Мученье быть пламенным мечтателем в краю вечных снегов. Холод до костей проникает, равнодушие к людям с дарованием; но всех равнодушнее наш Сардар: #c009074_7; я думаю даже, что он их ненавидит. Vouons se qui en sera[117 - Посмотрим, что будет(фр.)]. Если ты будешь иметь случай достать что-нибудь новое, пришли мне в рукописи. Не знаешь ли что-нибудь о судьбе Андромахи: #c009074_8? напиши мне. Я в ней так же ошибся, как и в Алексее Петровиче. Когда-нибудь и, может быть, скоро, свидимся... Ты удивишься, когда узнаешь, как мелки люди. Вспомни наш разговор в Екатерининском: #c009074_9. Теперь выкинь себе все это из головы. Читай Плутарха, и будь доволен тем, что было в древности. Ныне эти характеры более не повторяются. – Когда будешь в Москве, попроси Чадаева и Каверина, чтобы прислали мне трагедию Пушкина «Борис Годунов»: #c009074_10.

Прощай, целую Анну Ивановну и мою невесту: #c009074_11. Тебя, мой милый, люблю с каждым годом и месяцем более и более. – Но что проку. Мы не вместе. И жалеть надобно меня. Ты не один.

Заставь Ермолова Петра Николаевича возвратить мне мой манускрипт «Горя от ума». Дмитрия и Александру Васильевну обнимаю. В переписке ли ты с Андреем? Он от меня ни строчки не имеет. Невозможно: #c009074_12.

Булгарину Ф. В., 11 декабря 1826: #c009075

11 декабря <1826. Тифлис>.

Сармат мой любезный. Помнишь ли ты меня? А коли помнишь, присылай мне свою «Пчелу» даром, потому что у меня нет ни копейки. Часто, милый мой, вспоминаю о Невке, на берегу которой мы с тобою дружно и мирно жили, хотя недолго. Здесь твои листки: #c009075_1 так ценятся, что их в клочки рвут, и до меня не доходит ни строчки, хотя я член того клуба, который всякие газеты выписывает. Воротилась ли твоя Länchen: #c009075_2? Mein Gruss und Kuss. Tantchen: #c009075_3 auch meine wünsche für ihr woh[118 – Мой привет и поцелуй. Тетушке также

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
мои добрые пожелания(нем.)] передай исправно. Гречу поклонись. Благодарим тебя
за прелестную Фуксову статью: «Один день из жизни Суворова»: #с009075_4.

Твои прогулки и встречи: #с009075_5 тоже здесь высоко ставятся, за 3000 верст
полагаюсь, что это истинная картина петербургских нравов. Продолжай, будь так же
плодовит в твоих произведениях, как ты мил и добр в обществе хороших приятелей.
Прощай. Благослови тебя бог.

Верный твой.

P. S. Не искажай слишком персидских имен и наших здешних, как Шаликов в
московских газетах пишет: Шаманда вместо Шамшадиль etc., etc.

Отчего вы так мало пишете о сражении при Елизаветполе: #с009075_6, где 7000
русских разбили 35000 персиян? Самое дерзкое то, что мы врезались и учредили
наши батареи за 300 саженой от неприятеля и, по превосходству его, были им
обхвачены с обоих флангов, а самое умное, что пехота наша за бугром была удачно
поставлена вне пушечных выстрелов, но это обстоятельство нигде не выставлено в
описании сражения.

Ахвердовой П. Н., 26 января 1827: #с009076

(Перевод с французского)

26 января <1827. Тифлис>.

Милостивая государыня.

У меня сильнейший нервный припадок после почти двухчасового озноба. Это пустяки,
за последнее время это бывает со мной очень часто; но я бы не хотел, чтобы вы
обвинили меня в непростительной холодности относительно предложения, сделанного
мне Харитоном Яковлевичем: #с009076_1 от вашего имени. Поверьте, что я
непрестанно о нем думаю. Выходя из церкви, я предполагал провести у вас день, но
мне сообщили у А. А. Вельяминова, что вы на обеде у генерала Краббе. Я хотел
сказать вам об этом в клубе, но со мной неожиданно случился припадок. Это меня
тяготит. Простите, пожалуйста, мою докучливость, во внимание беспредельного
уважения и преданности, которые к вам питает, милостивая государыня, ваш
покорнейший слуга А. Грибоедов.

Всеволожскому А. В., 19 марта 1827: #с009077

19 марта 1827. Тифлис.

Я давно собирался писать к тебе, любезнейший друг Александр Всеволодович. Но
здесь пронеслись слухи, что будто ты был позван в Астрахань: #с009077_1, и так
тайно! так страшно!!.. впрочем в душе моей я так же был за тебя уверен, как
некогда ты за меня: #с009077_2, наперед предугадывал, что с тобою ничего очень
важного и неприятного не приключится, зная тихую твою семейную жизнь, дела
хозяйственные и нисколько не политические, выбор друзей и книг самый
безвредный. – Другое, что мне помешало напомнить тебе о себе, это собственно
наши здесь глухие и громкие дела, приготовления к походу, жажда побед, и между
тем ждем и не двигаемся, толки робких подчиненных: что почта, то новый
начальник, а покудова остаемся при старом: #с009077_3. Теперь рад случаю,
комиссионер твой здесь, ему вручу мою грамоту, смотри и ты не пренебреги мною,
отзовись строчкой!

Кстати о делах человеческих, персидская твоя торговля пошла на ветер, как все
мирское. Теперь война, и мы претерпели поражение, не дравшись: торговля, мечты о
богатом прибытке, все исчезло. Nettier мне пишет, что он по этому случаю
находится в самых трудных обстоятельствах, потерял время, ничего не нажил и даже
прожился. Позволь мне быть за него ходатаем, любезный друг. Я твердо уверен в
чувстве справедливости, которое не допустит тебя бросить человека потому только,
что нужда в нем миновалась. И теперь повторяю тебе сказанное мною 4 года тому

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
назад: нельзя найти в торговых оборотах, особенно для Персии, усерднейшего и более исполнительного комиссионера: #с009077_4. Судьба не дала тебе им воспользоваться, но он когда-нибудь и впредь может пригодиться. Между тем он, как говорит, истратил с тех пор, как в делах с тобою, собственных денег 15 000 р.; и три с половиною года, в которые ничего не приобрел. Подумай о нем, о человеке, живущем только от трудов своих и прилежания: настаивать я не буду, ты верно, сам не захочешь быть ничьим разорителем. Одно препятствие может встретиться – в ненадежности твоих денежных способов на эту пору, может быть. Но тогда он будет довольствоваться письменным твоим обязательством, с придачею чего-нибудь в наличности. Сделай одолжение, не оставь этого без внимания. Поговори с братом: #с009077_5, которому я дружески кланяюсь. Он, конечно, против этого ничего иметь не будет. Когда и как ты намерен обеспечить Hettier за понесенные им убытки, потрудись меня уведомить. Я этого ожидаю от твоей любви и уважения, которые сам к тебе чувствую искренно и бесконечно.

Может и то случиться, что старание мое лишнее, ты имел время с ним окончить: потому что немало времени прошло с тех пор, как Hettier писал ко мне. Тем лучше.

Прощай, милый мой друг. Ребров мне сказывал, что София Ивановна отправилась в Москву, следовательно, туда передай ей мое почтение. Прощай.

Душою преданный тебе А. Г.

Благодарю тебя, что позаботился обо мне истинно дружеским участием в бытность твою в Петербурге, в начале 1826 года: #с009077_6.

Булгарину Ф. В., 16 апреля 1827: #с009078

16 апреля 1827. Тифлис.

Любезный друг Фадей Венедиктович. Прежде всего просьба, чтобы не забыть, а потом уже благодарность за дружеское твое внимание к скитальцу в восточных краях. Пришли мне, пожалуйста, статистическое описание, самое подробнейшее, сделанное по лучшей, новейшей системе, какого-нибудь округа южной Франции, или Германии, или Италии (а именно Тосканской области, коли есть, как края наиболее возделанного и благоустроенного), на каком хочешь языке, а адресуй в канцелярию главноуправляющего: #с009078_1 на мое имя. Очень меня обяжешь, я бы извлек из этого таблицу не столь многосложную, но по крайней мере порядочную, которую бы разослал нашим окружным начальникам, с кадрами, которые им надлежит наполнить. А то с этим невежественным чиновным народом век ничего не узнаешь, и сами они ничего знать не будут. При Алексее Петровиче у меня много досуга было, и если я не много наслужил, так вдоволь начитался. Авось теперь с божиею помощью употреблю это в пользу.

Стихи Жандра в 1-м № я нигде не мог отыскать, ты не прислал мне, а другие – к «Музе», я, еще не зная, чьи они, читал здесь вслух у Ховена и уверен был, что это произведение человека с большим дарованием.: #с009078_2 Поощрай, прищипывая его. А я надеюсь, что воротясь из похода, как-нибудь его сюда выпишу. Не могу довольно отблагодарить тебя за приятное твое письмо и за присылку журналов. Желал бы иметь целого «Годунова». Повеса Лев Пушкин здесь, но не имел ко мне достаточного внимания и не привез мне братнина манускрипта. За то я его принял по-неприятельски, велел принести пистолеты и во все время, что он у меня сидел, стрелял в дверь моей комнаты, пробил ее насквозь сверху до низу, и Льва с пальбой отпустил в полк на юнкерство. В первой сцене «Бориса» мне нравится Пимен-старец, а юноша Григорий говорит, как сам автор, вовсе не языком тех времен.: #с009078_3

Не ожидай от меня стихов, горцы, персияне, турки, дела управления, огромная переписка нынешнего моего начальника: #с009078_4 поглощают все мое внимание. Не надолго, разумеется, кончится кампания, и я откланяюсь. В обыкновенные времена никуда не гоюсь: и не моя вина; люди мелки, дела их глупы, душа черствеет, рассудок затмевается, и нравственность гибнет без пользы ближнему. Я рожден для другого поприща.

Разведай у Петерса, моего портного, и Жандра попроси, что он пятый месяц не шлет

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
мне платье, получивши деньги 600 р. от матушки. Скажи ему по-французски, что он свинья. – 1-я глава твоей «Сиротки» так с натуры списана, что (прости, душа моя) невольно подумаешь, что ты сам когда-нибудь валялся с кудлашкой.: #с009078_5
Тьфу, пропасть! как это смешно, и жалко, и справедливо. Я несколько раз заставлял моего Александра, : #с009078_6 когда он это читал вслух своим приятелям. – Многие просят, чтобы ты непременно продолжал и окончил эту повесть.

Länchen meiner Liebenschwürtdiger Freundin und Tante: #с009078_7 meinen besten Gruss.[119 – Леночке, моей любезной приятельнице, и Тante – наилучший привет (нем.).]

Прощай, кланяйся друзьям и помни о добром приятеле, который тебя душевно любит.

А. Г.

Мазаровичу С. И., 8 мая 1827: #с009079

(Перевод с французского)

8 мая 1827. <Тифлис.>

Господину статскому советнику Мазаровичу.

Дорогой Мазарович, какую дополнительную статью вы составили по-персидски в пользу наших купцов? Если у вас есть черновик, прошу вас одолжить мне его, и поверьте, что если статья эта, как я не сомневаюсь, поддерживает интересы нашей коммерции, то главнокомандующий сумеет ее оценить и в свое время представить на одобрение императорского министерства, указав на то, что вы ее автор.

Если у вас есть французская или русская копия Гюлистанского договора, то вы очень обяжете меня, предоставив ее мне. Я уже запаковал и отправил все свои бумаги в Шулаверы; оказывается, что в настоящий момент мне необходим договор, вы же можете его всегда достать в Петербурге в скольких захотите экземплярах.

Главнокомандующий: #с009079_1 приказал мне предупредить вас, чтобы вы запаслись в его канцелярии подорожной по казенной надобности.

Примите уверенность в моем уважении.

А. Грибоедов.

8 мая. Воскресенье.

Мазаровичу С. И., 4 апреля – 12 мая 1827: #с009080

<4 апреля – 12 мая 1827. Тифлис.>

Дорогой Мазарович.

Ваши заметки о Персии изобилуют оригинальными наблюдениями. Жаль, что это только, так сказать, эскиз. Во всяком случае, то, о чем вы там упоминаете, вызывает во мне большое желание услышать от вас более пространное изложение на эту тему в первый же раз, как только мы с вами увидимся. В ожидании сделайте мне удовольствие: пришлите атлас Мариера. Я продержу его у себя не более двух дней.

Ваш Грибоедов.

Ахвердовой П. Н., 28 июня 1827: #с009081

(Перевод с французского)

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
28 июня 1827, перед рассветом.

Нахичевань.

Любезнейшая и почтеннейшая Прасковья Николаевна. Я провожу бессонную ночь, ожидал, пока перепишут мои служебные бумаги после чего я должен разбудить генерала: #с009081_1, чтобы он их подписал. Неправда ли, все это очень весело для человека, который дорожит своей независимостью? Скажите мне, как покончить со всеми этими дрязгами? На несчастье еще можно подумать, что неприятеля точно подкупили, чтобы он как можно меньше нас тревожил. До сих пор один-единственный раз позабавился, побеспокоив арьергард Эристова. Господи боже, ну и генералы тут у нас! Можно подумать, что они нарочно созданы для того чтобы все больше и больше укреплять во мне отвращение, которое питаю я к чинам и высоким званиям. Муравьев сегодня утром ходил в рекогносцировку крепости Аббас-Абад. Я был слишком занят, чтобы следом за ним сесть в седло. Но так как я из всей компании лучше всех устроен в отношении помещения, и из окон моих великолепно можно обозревать всю местность, я часто поднимал голову от своих бумаг, чтобы, направить подзорную трубу в то место, где происходило дело. Я видел, как неприятельская кавалерия скакала во всех направлениях и переправлялась через Аракс, чтобы отрезать Муравьева и две сотни его казаков. Он удачно выбрался из этого дела, никакой серьезной схватки не произошло, и он к нам вернулся цел и невредим, хотя и не успев ничего разведать из того, что хотел видеть. Главнокомандующий к нему имеет большое уважение и доверие, но какой-то бес тут мешается, и у них часто происходят серьезные ссоры, один кричит, другой дуется, а я тут нахожусь, чтобы играть глупейшую роль примирителя, не получая ни малейшей благодарности ни от кого. Это между нами. Скажите хоть вы мне спасибо за вашего зятя: #с009081_2. Впрочем, я вам не ручаюсь, что в один прекрасный день они не рассорятся навсегда, и это меня иногда приводит в меланхолию. Не говорите ему об этом ничего в ваших письмах и не рассказывайте об этом даже его супруге. Действительно, генерал иногда бывает очень несговорчив, а характер вашего зятя тоже нельзя назвать уживчивым.

Получили ли вы ответ от Этье? У нас уже четыре недели как нет почты, и мы не знаем ничего, что происходит за пределами нашего сегодняшнего горизонта. Удушающая жара. 47 по Реомюру, скверная пища, что для меня не представляет важности, ни книг, ни фортепьяно. Точно до смерти. Спокойной ночи, нежнейший поцелуй от меня Дашеньке и маленькой Соне Орбелиани. Я совсем засыпаю, и, однако, более часа еще пройдет, пока я смогу лечь в постель. Черкните мне дружески странички две о том, что делается у вас в Тифлисе, буду вам очень признателен, и вспоминайте иногда того, кто вам так искренне предан уже столько лет. Окна в комнате разбитые, ветер ужасный, поминутно свечи задувает, и я стоя пишу в какой-то стеной впадине. Передайте от меня целый акафист приветствий и поклонов Надежде Афанасьевне: #с009081_3, Анне Андреевне: #с009081_4, Софье Федоровне, Марии Ивановне: #с009081_5, Катерине Акакиевне: #с009081_6 и всем моим знакомым принцессам.

С беспредельным почтением

ваш усердный слуга

А. Грибоедов

Ахвердовой П. Н., 3 июля 1827: #с009082

(Перевод с французского)

3 июля 1827. Главная квартира под стенами Аббас-Абада

Благоволите заметить, любезнейшая и достойнейшая Прасковья Николаевна, что на меня временами находит, что я пишу письмо за письмом, и то же самое в отношении визитов, когда я где-нибудь на месте. Вот для вас уже № 2. Пишу вам на открытом воздухе, под прекрасным небом Персии, дует адский ветер пыль страшнейшая, и что хуже всего, уже смеркается, вполнину не видно, но я не хочу отказываться от удовольствия написать вам несколько строк.

В прошлый раз, когда я запечатывал письмо к вам, было уже половина 4-го утра. Я

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru велел оседлать мою лошадь и поехал к Аббас-Абаду, к стенам которого были посланы 50 казаков, чтобы тревожить гарнизон или вернее кавалерию, которая находится в крепости, и завлечь ее в засаду[120 – Ваш зять: #с009082_1 провел там бессонную ночь, обманувшись в своих ожиданиях сверх всякого описания. Генерал: #с009082_2 сказал ему, что если бы сражение завязалось, он тотчас бы представил его к генеральскому чину, но это не вернуло ему хорошего настроения. (Примеч. А. С. Грибоедова.)], где поставлены были главные силы нашей кавалерии. Я присоединился к нашему небольшому отряду но весь маневр не удался по нелюбезности противника, который не пожелал дать себя провести. Несколько охотников явилось погарцевать вокруг нас, но слишком далеко от того места, где их ждали. Мы отделались несколькими пулями, которые просвистали над нашими головами, не задев никого; так продолжалось до 10 часов утра, когда главнокомандующий приказал произвести серьезную рекогносцировку силами 2 уланских, 2 казачьих и 1 драгунского полка с 22 орудиями легкой артиллерии. Я поместился на расстоянии выстрела от одной из сторон крепости, откуда было видно, как проходили наши войска, как если бы я смотрел из самого центра крепости. Долго палили из пушек с обеих сторон. Зрелище было красивое, довольно ничтожное, думаю, в отношении военного успеха но великолепное для глаз, а мне большего и не надо, поскольку я тут нахожусь только для собственного развлечения. В этот самый момент генерал Бенкендорф пустил 2000 кавалеристов впласть через Аракс, они его мигом перешли, и неприятель был вытеснен со всех высот по ту сторону реки. Я хотел бы, чтобы вы как художница, видели бы все это, и в особенности живописную долину, где происходила эта сцена. Со всех сторон у нас тут гряды гор, самые причудливые, какие только могла создать природа, между прочими так называемая Помпеева скала, которая высится, как ствол дерева, разбитого и обугленного молнией, но только гигантских размеров; это в сторону нашей карабагской границы. Среди лабиринта холмов, различных возвышенностей и целых горных цепей, самой своеобразной формы, – цветущая долина, заботливо возделанная, которую орошает Аракс, и к северу снежная вершина Арарата. Я уже переходил вброд знаменитую реку, чье историческое имя столько говорит воображению.

Третьего дня мы стали лагерем около Аббас-Абада, вчера открыли траншею, и сегодня ночью я последую за генералом, чтобы посмотреть, что там происходит. Этим утром наше общество чуть было не лишилось Влангали, из-за семи злосчастных ядер, которые прогрохотали над его палаткой, или верней над всей главной квартирой, где и упали в разных местах, не убив никого. Все это вносит развлечение в мою жизнь, я начинаю до некоторой степени находить в этом вкус; это лучше, чем плесневеть в городах.

Прощайте. Что сказать вам о вашем зяте? Невозможно лучше его исполнять свой долг, согласно тому, как он понимает свою службу, – и быть более непонятым своим начальником, который, впрочем, отличнейший человек, если не считать его манер. Не говорите об этом ничего г-же Муравьевой: #с009082_3. Может статься, с успехами в действиях против неприятеля отношения между друзьями наладутся, и тогда я первый вам об этом сообщу.

Поклоны мои всей вашей семье, Чавчавадзе и госпоже Каstellо.

Ахвердовой П. Н., 15–19 июля 1827: #с009083

(Перевод с французского)

<15–19 июля 1827. Карабаба.>

Я весь в огне, это начало горячки. Шаумбург пишет за меня. Дело 5-го числа: #с009083_1 и взятие Аббас-Абада: #с009083_2 были нашими последними счастливыми днями. С тех пор только болезни, солнце, пыль, скорее страдание, чем жизнь, и я первый изнемогаю от этого, я, который считал себя приспособившимся к этому климату в продолжение бесконечной миссии Мазаровича. Ваш зять доволен приездом графа Сухтелена, у которого он остается помощником. Я же ничем не доволен. Прощайте! Мое почтение вам, всем вашим, красивой семье. Давыда: #с009083_3 по головке. Представьте, я вчера прочел письмо лорда Русселя из Варшавы; в нем говорится про т-те Муравьеву, когда она была еще Соней, про нину: #с009083_4 словом, про всю компанию, про танцы, торжественные речи, признания. Чувствуете вы, что я начинаю бредить?

Паскевичу И. Ф., 26 июля 1827: #с009084

(Перевод с французского)

Аббас-Абад, 26 июля 1827.

Генерал. Моя миссия закончена, т. е. мои переговоры с принцем: #с009084_1 были бесконечны, и я решил уехать. Я был принят как нельзя лучше, никогда в Персии и в мирное время не оказывали столько любезностей при приеме чужестранца, каким бы званием он ни был облечен. До такой степени, что 22-го обер-церемониймейстер явился с огромной свитой и поднес мне фирман с поздравлениями от принца по поводу именин ее величества императрицы-матери: #с009084_2. Сверх того сласти и комплименты с утра до вечера каждый день. Я буду иметь честь сообщить вам подробности в особом рапорте, если в этом имеется надобность: #с009084_3.

Сообщите два слова, чтобы мне знать, что вы прикажете относительно Мирзы-Сале. Разрешаете ли вы мне его привезти? 1) Персы хотят непременно перемирия на 10 месяцев. 2) Принц, принужденный наконец сознаться, что нападение было с его стороны и что император имеет право требовать от него жертв, говорит, что он готов на все, лишь бы только это не было сделано совершенно бесплодно, как это было после Гюлистанского мира, когда уступки нескольких провинций были для него только поводом для огорчений, оскорблений и т. д., и т. д.: #с009084_4 Он готов отправиться сам принести свои извинения его величеству государю императору и согласиться на все условия, которые столь великий повелитель пожелает ему предъявить, но по крайней мере тогда он постарается убедить раз навсегда в его благорасположении и покровительстве. В случае, если он не сможет поехать лично, он отправит вместо себя своего старшего сына Эмира-Заде. Он просит вас сообщить его просьбу в Петербург. Вот предложения, которые я получил, равно как и письмо по этому поводу. Я вел переговоры о перемирии до потери голоса, вот, может быть, почему мне это так плохо удалось. Впрочем, нужно раньше знать, как вы решите по поводу Мирзы-Сале, который милейший малый на свете.

Прощайте, ваше превосходительство. Я засыпаю, я был очень болен в кара-Зиадине, и думные дьяки его высочества собирались для совещания вокруг моей постели. Каковы ваши приказания? Я не думаю, чтобы было нужно прекращать переговоры в данное время.

Дозвольте мне привезти к вам Мирзу-Сале. Имеется еще много очень интересных вещей сообщить вам. В данную минуту я в восторге, что нахожусь среди своих и чувствую себя близко от вас.

Мой низкий поклон генералам гр. Сухтелену и Бенкендорфу и Обрескову.

Примите уверение в моем уважении и искренней привязанности, которую питает к вам, генерал, ваш глубоко преданный и усердный слуга

Алекс. Грибоедов.

Я провел всю ночь в походе, мои мысли неясны, поэтому я пишу еще хуже, чем обыкновенно.

Паскевичу И. Ф., 30 июля 1827: #с009085

КОМАНДИРУ ОТДЕЛЬНОГО КАВКАЗСКОГО КОРПУСА ГЕНЕРАЛУ ОТ ИНФАНТЕРИИ,
ГЕНЕРАЛУ-АДЪЮТАНТУ И КАВАЛЕРУ ПАСКЕВИЧУ ОТ ИНОСТРАННОЙ КОЛЛЕГИИ НАДВОРНОГО
СОВЕТНИКА ГРИБОЕДОВА

ДОНЕСЕНИЕ

30 июля 1827. Лагерь при селении карабабы.

20-го числа июля я, по приказанию вашего высокопревосходительства, отправился из крепости Аббас-Абад в персидский лагерь, куда в тот же день прибыл перед

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
вечером; 7-мь часов езды скорой, расстояние около 49 верст от Аракса до опустелой деревни Каразиадин, где я должен был ждать, когда позовет меня к себе Аббас-Мирза. Скучно разбросанные палатки не означали присутствия многочисленного войска. Вечером прибыл ко мне Мирза-Измаил с приветствиями от Шахзады, который на ту пору прохлаждался в горах, и только на другой день намерен был спуститься к Каразиадину, или в Чорскую долину (так называется целый округ из 12-ти деревень). К моей палатке поставлен караул почетный, разумеется, чтоб иметь надо мною надзор; но все условия вежливости были соблюдены, даже до излишества. 21-го <июля>, поутру, подошва гор к югу, со стороны Хоя, запестрела вооруженными конными и сарбазами, – и вскоре был разбит лагерь на большом протяжении.

В час пополудни за мною прибыл наиб Эмика-Агаси от Аббас-Мирзы, к которому я отправился с толпою народа; при мне же были Мирза-Измаил и Мирза-Сале. Я был допущен к аудиенции тотчас, без предварительных церемоний. Аббас-Мирза один был в обширной палатке; со мною взошли несколько человек из его приближенных.

После первых приветствий и вопросов о вашем здоровье, обо мне собственно, он начал мне вспоминать о прежнем моем пребывании в Тавризе и проч. Потом долго и горько жаловался на генерала Ермолова, Мазаровича, Севаримидзева, как на главных, по его мнению, зачинщиков нынешней войны. Я ему отвечал, что неудовольствия были обоюдны, по случаю спора о границах, но с нашей стороны никогда бы не вызвали военных действий, если бы сам Шахзада не вторгнулся в наши области.

«Моих и шаха послов не допускали до государя, писем не доставляли в Петербург, – сколько я их показывал князю Меншикову, мне обратно присланных, даже не распечатанных, сколько теперь у меня их сохраняется, в том же виде, для оправдания моего перед государем вашим».

Я ему напомнил о двукратном приезде в Россию Абуль-Гассан-хана, о Мамед-Гассан-Хане-Афшаре, о Мирза-Сале, бывших в Петербурге, чрез которых всегда можно было представить императорскому двору жалобы, если бы они основаны были на справедливости. Наконец, князь Меншиков для того был прислан в Персию от самого государя, чтобы устранить поспешно и навсегда возникшие тогда несогласия, впрочем, когда кто лежит болен целый год, не отыскивают уже первых причин его болезни, а стараются уврачевать ее, – так и с настоящею войною.

Разговор в этом смысле продолжался более часу. Я вынужден был сказать, что не имею поручения разбирать то, что предшествовало войне, что это не мое дело...

«Так все вы говорите: не мое дело, – но разве нет суда на этом свете!»

«Ваше высочество сами поставили себя судьей в собственном деле и предпочли решить его оружием. Не отнимая у вас ни благоразумия, ни храбрости, ни силы, замечу одно только: кто первый начинает войну, никогда не может сказать, чем она кончится».

«Правда», – отвечал он.

Я продолжал: «Прошлого года персидские войска внезапно и довольно далеко проникли в наши владения по сю сторону Кавказа. Нынче мы, пройдя Эриванскую и Нахичеванскую области, стали на Араксе, овладели Аббас-Абадом, откуда я прислан...»

«Овладели! взяли! Вам сдал Аббас-Абад зять мой, трус, – он женщина, хуже женщины».

«Сделайте то, что мы сделали, против какой-либо крепости, и она сдастся вашему высочеству».

«Нет, вы умрете на стене, ни один живой не останется; мои не умели этого сделать, иначе вам никогда бы не овладеть Аббас-Абадом».

«Как бы то ни было, при настоящем положении дел уже три раза, как генерал получал от вас предложения о мире, и ни одно из ваших сообщений не сходствует с условиями, мимо которых с нашей стороны не приступят ни к каким переговорам. Такова есть воля государя».

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru

Чтобы на этот счет не было более недоразумений, я сюда прислан. При том должен объявить вашему высочеству, что посланные ваши, если явятся с предложениями другого рода, несогласными с нашими, или для прений о том, кто первый был причиною войны, – они не только не получат удовлетворительного ответа, но главноначальствующий не признает себя даже вправе их выслушивать. Условия же, если ваше высочество расположены их выслушать, я сейчас буду иметь честь изложить вам, – в этом именно состоит мое поручение».

«Послушаем, – сказал он; – но разве должно непременно трактовать, наступая на горло, и нельзя рассуждать о том, что было прежде?»

Тут он опять начал распространяться о безуспешных прежних его усилиях жить с нами в мире, под сению благорасположения к нему российского императора. Обвинения с жаром против пограничных начальников, не щадя и своих сардара и брата его; потом неистощимые уверения в преданности императору – всё это быстро следовало одно за другим. Я из некоторых слов мог, однако, заметить, что личный характер государя императора сильно действует на него, как отпечаток твердости и постоянства в предприятиях; так, он отзывался, по свидетельству ли англичан, или по другим до него дошедшим сведениям, но повторил не раз, что он знает о решительных свойствах великого императора, это свидетельствуют все сыны и братья европейских царей и послы, приезжавшие поздравлять его со вступлением на престол. То же заметил я потом и в прочих лицах, с которыми имел дело в персидском лагере; они рассказывают множество анекдотов, – иные справедливые, большею частью вымышленные, но представляющие российского государя в каком-то могущественном виде и страшном для его неприятелей. Я воспользовался этим, чтобы обратить внимание Шахзады на неприличность прошлогодних поступков в Персии против кн. Меншикова.

«Как, с такими понятиями о могуществе нашего государя, вы решились оскорбить его в лице посланника его величества, которого задержали против самых священных прав, признанных всеми государствами? Теперь, кроме убытков, нами понесенных при вашем впадении в наши области, кроме нарушений границ, оскорблена личность самого императора, – а у нас честь государя есть честь народная!»

При этих словах он как будто поражен был какою-то мыслью и так непринужденно, громко и красноречиво раскаивался в своем поступке, что мне самому ничего не оставалось к этому прибавить. Предоставляю вашему высокопревосходительству судить, насколько это раскаяние смиренно, по известному уже вам характеру персиян.

После того он всех выслал; остались: он, я и мой переводчик; но за занавесью выказывался человек, в котором я опять узнал Алаяр-Хана. Аббас-Мирза наконец решился выслушать условия, говоря, однако, что он уже их знает от Мирзы-Сале.

Переводчик мой пространно объяснил ему, чего требует наше правительство; но по данным ему от меня наставлениям, ни разу не уклонялся от должной учтивости и уважения к тому, с кем говорил, всячески щадя его самолюбие. Шахзада несколько раз покушался его прервать, но я с покорностью просил его быть терпеливее, иначе мое поручение останется недовершенным. Когда всё с нашей стороны было объяснено, он едва не вскочил с места.

«Так вот ваши условия. Вы их предписываете шаху иранскому как своему подданному! Уступка двух областей, дань деньгами! Но когда вы слышали, чтобы шах персидский сделался подданным другого государя? Он сам раздавал короны. Персия еще не погибла».

«И Персия имела свои дни счастья и славы; но я осмелюсь напомнить вашему высочеству о Гуссейн-Шахе-Софии, который лишился престола, побежденный авганцами. Предоставляю собственному просвещенному уму вашему судить, насколько русские сильнее авганцев»: #с009085_1.

«Кто же хвалит за это шаха Гуссейна? он поступил подло, – разве и нам следовать его примеру?»

«Я вам назову великого человека и государя, Наполеона, который внес войну в русские пределы и заплатил за это утратою престола».

«И был истинный герой: он защищался до самой крайности. Но вы, как всемирные

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
завоеватели, всё хотите захватить, – требуете областей, денег и не принимаете никаких отговорок».

«При окончании каждой войны, несправедливо начатой с нами, мы отдаем наши пределы и вместе с тем неприятеля, который бы отважился переступить их. Вот отчего в настоящем требуется уступка областей

Эриванской и Нахичеванской. Деньги – также род оружия, без которого нельзя вести войну. Это не торг, ваше высочество, даже не вознаграждение за претерпленные убытки: требуя денег, мы лишаем неприятеля способов вредить нам на долгое время».

Не скрою от вашего высокопревосходительства, что эти слова показались очень неприятными Аббас-Мирзе. Может быть, я и несколько перешел за черту данного мне поручения; но смею вас уверить, что этим не только ничего не испорчено, но при будущих переговорах уполномоченные его императорского величества избавлены будут от труда исчислять персиянам итоги военных издержек, которые они оценивают, по-своему, довольно дешево, ибо армия их во время войны, даже в собственном краю, кормится, сколько можно, даром, на счет поселян беззащитных.

Аббас-Мирза подозвал меня как можно ближе и почти на ухо начал меня расспрашивать о степени власти, от государя вам вверенной, – можете ли вы от себя убавить некоторую часть своих требований; что есть два рода главнокомандующих: одни на все уполномоченные, другие с правами ограниченными, – какова, наконец, власть генерала Паскевича?

«Большая, – отвечал я, – но чем она более, тем более ответственность».

Потом я объяснил ему, что у нас одна господствующая воля – самого государя императора, от которой никто уклониться не может, в какую бы власть облечен ни был; условия будущего мира начертаны по воле государя, и исполнитель – главнокомандующий и проч. Это завлекло меня в сравнение с Персией, где единовластие в государстве нарушается по прихоти частных владельцев и разномыслием людей, имеющих голос в совете шахском, даже исступлением пустынного, который из Кербелаи является с возмутительными проповедями и вовлекает государство в войну бедственную. Аббас-Мирза часто оборачивался к занавеске, за которой сидел Алаяр-Хан, и сказал мне:

«У вас тоже не одна воля: в Петербурге одно говорят, Ермолов – другое; у нас был муштаид для мусульман, вы тоже, для возбуждения против нас армян, выписали в Эчмеадзин христианского калифа Нерсеса» и др.

После многих отступлений мы опять обратились к условиям будущего мира.

«Итак, генерал Паскевич не может или не хочет сделать никакой отмены в объявленных вами предложениях? Мы заключим перемирие; это он может; тем временем я сам к нему прибуду в лагерь, скажу ему, чтобы он указал мне путь к императору, – сам отправлюсь в Петербург, или пошлю моего старшего сына, он наследник мой, как я – шахский. Будем целовать руку великого государя, престол его, – мы его оскорбили, будем просить прощения, он сам во всем властен, но великодушен; захочет областей, денег – и деньги, и весь Адзербидзам, и самого себя отдам ему в жертву; но чистосердечным сим поступком приобрету приязнь и покровительство российского императора».

Эту идею он развивал мне с различными изменениями, и при каждом разе я напоминал ему, что ваше высокопревосходительство не вправе, в нынешних обстоятельствах, дать ему или Эмир-Заде пропуск в С.-Петербург; что это намерение гораздо удобнее было исполнить прошлого года, во время коронации императора; Шахзада предпочел тогда схватиться за оружие; и я не могу скрыть, что государь разгневан именно и лично самим Аббас-Мирзою.

Он снова говорил, что знает, чувствует это, – готов исправить вину свою, снискать утраченное им благоволение государя, эти уверения он повторял до бесконечности.

«Скажите, г. Грибоедов, вы жили в Тавризе, – чего я ни делал, чтобы с вами остаться в дружбе? чем можете укорить меня, каким проступком против трактата?»

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru

Я привел ему на память рассеяние возмутительных фирманов в Дагестане, на которые в свое время жаловался генерал Ермолов.

«Видели ли вы их? где они? Это нелепости, вымышленные моими врагами – Ермоловым и Мазаровичем, так как и уши и носы убитых на Кавказе русских, которые будто бы привезены были лезгинами ко мне в Тавриз. Когда же это было? Вы свидетель, что это ложь; между тем император Александр выговаривал это Мамед-Гуссейну-Хану в Петербурге; такими клеветами возбуждали против меня покойного вашего императора и так же умели лишить меня благосклонности его преемника. С кн. Меншиковым можно было иметь дело – умный и не коварный человек; но он всегда отговаривался, что не имеет власти делать мне иных предложений, кроме тех, которые мне уже объявлены были генералом Ермоловым. Теперь, если мы вам отдадим области, заплатим требуемую сумму, что приобретем в замену? Новые предлоги к будущим распрям, которые со временем созреют и произведут опять войну. При заключении прежнего мира мы отказались в пользу вашу от обширнейших провинций, на всё согласились, что от нас хотели, – англичане тому свидетели; и что же приобрели, кроме новых притязаний с вашей стороны, обид нестерпимых! Мир во сто раз хуже войны! Нынче посланные мои принимаются ласковее генералом Паскевичем, сообщения его со мною вежливее, чем во время так называемого мира; я перечесть не могу всех оскорблений, мною претерпенных в течение десяти лет. Нет! Я или сын мой – мы непременно должны ехать к императору...» и проч.

Я опять представлял ему невозможность вашему высокопревосходительству допустить сие; об этом и в обыкновенное время приличие требует писать предварительно в Петербург и просить на то соизволения его императорского величества. Он начал рассчитывать, как скоро может прибыть ответ из Петербурга; требовал от меня ручательства, что государь допустит его к себе; просил меня стараться об этом дружески и усердно при вашем высокопревосходительстве, а вас самих – ходатайствовать за него в С.-Петербурге, – в то самое время, как я неоднократно изъявлял ему мое сомнение о том, возможно ли такие предложения делать и принимать в военное время. Способ трактовать – исключительно свойственный персиянам, которые разговор о деле государственным внезапно обращают в дружескую гаремную беседу и поручают хлопотать в их пользу чиновнику воюющей с ними державы, как доброму их приятелю. Все это, – я заметил самому Шахзаде, – довольно бесполезно. Начались и продолжались толки о перемирии на то время, как пошлетя донесение в С.-Петербург и получится желаемый ответ, т. е. от 4-х до 5-ти недель. Я не признал за нужное оспаривать далее надежд Аббас-Мирзы, не подкрепляя их, впрочем, ни малейшим уверением, и занялся условиями перемирия как дела, для нас полезного. Предложение о том было с его стороны. Он хотел, чтобы мы отступили к Карабагу, а он – в Тавриз; Нахичеванскую область очистить и считать нейтральною, кроме Аббас-Абада, которого гарнизон он на себя брал продовольствовать. Во многом мы были согласны; я иное отвергал, – ни в чем не условились, и я просил дать мне несколько часов досуга, чтобы обдумать и написать ему проект перемирия.

«Нет! сейчас решить, я не хочу вашего письма. Ради бога, не пишите, – вы потом не отступитесь ни от одного слова».

Кончилось, однако, на том, что я у себя обделаю и потом представлю ему условия для временного прекращения военных действий. Приветствия полились рекою, похвалы, лесть, более или менее сносные. Аббас-Мирза спрашивал, часто ли обо мне наведываются его окружающие? кто из них был у меня? чтобы утром явились ко мне, не оставляли меня скучать. В этом тумане я откланялся. Шесть часов продолжался разговор наш. Перед вечером я прибыл к себе.

Ночью я написал проект перемирия по данному наставлению мне от вашего высокопревосходительства. Потом заставил его перевести. Случай казался удобным привести к окончанию это дело: Аббас-Мирза сам подал тому первый повод. Притом я, в трехлетнее мое пребывание в Тавризе, никогда не видел его в таком расположении духа, с такою готовностью на всякого рода соглашения, в такой горячности раскаяния. Впоследствии, однако, подтвердились наблюдения, не одним мною сделанные, что у персиян слова с делами в вечном между собою раздоре.

22-го <июля>. Рано поутру я сверил подлинник с переводом бумаги, которую намерен был отправить к Аббас-Мирзе. Меня посетил Мирза-Мехмед-Али-Мустафа и проговорил целое утро. Дело шло о невыгодном положении Шахзады, отца его и вообще всей Персии в отношении к нам. Я изумлялся тому, что слышал: персидское высокомерие исчезло совершенно. Между прочим, я высказал Мирзе-Мехмед-Али то, что не

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
договорил накануне самому Шахзаде, по той причине, что мы ни минуты вдвоем не оставались, о будущей незавидной судьбе его: когда весь Азербейжан будет в руках наших, – какое лицо представит он из себя между братьями, лишась удела ему от шаха пожалованного и этим лишением обязанный сам себе, своей опрометчивости, все бедствия, которые потом постигнут Персию, если война продолжится, припишут ему же, – и это, конечно, не только не утвердит его наследственного права, но может отдалить его от престола.

Мирза-Мехмед-Али во всем соглашался и передал мои слова Аббас-Мирзе, потому что он сам мне потом говорил об этом.

Бумагу мою я к нему отправил и должен был в тот же день вторично к нему явиться; но, вместо того, почувствовал в себе сильный жар во всем теле, боль головную и слег в постель со всеми признаками горячки, – действие губительного климата. Ртуть в полдень, возвысившись до 40 градусов теплоты, в предшествующей ночи понизилась до 8-ми от точки замерзания.

В этот же день я получил от Шахзады особенного рода лестный знак внимания, который дает верное понятие о персидском искательстве и до чего они желают вкрасаться в нашу приязнь, при настоящем положении их дел. Главный церемониймейстер Махмед-Гуссейн-Хан, с многочисленную прислугою и с подносами всяких сластей, вручил мне поздравительный фирман, за печатью Аббас-Мирзы, по случаю дня ангела ее величества вдовствующей государыни императрицы. И в самое мирное время нельзя быть внимательнее. Причина же, я полагаю, Мирза-Сале, – мы накануне вспоминали с ним о торжестве в Петергофе, при котором он однажды находился.

23-го <июля> я чувствовал облегчение, но не мог еще встать с постели. Ко мне прибыл Мирза-Измаил с проектом перемирия, сочиненного под сказанием Шахзады и уже одобренного шахом, который на два ферсанга сблизился с Чурсом. Курьеры к нему и от него скакали беспрестанно.

С персидской стороны требовалось, чтобы мы, кроме Аббас-Абада, оставили Нахичеванскую область, также Эчмеадзин, в котором для охранения храма божия быть двум приставам: их и нашему, а войскам не находиться ни русским, ни персидским. Прения продолжались с утра. В 3 часа пополудни Мирза-Мехмед-Али прибыл и возобновил их, – продержали меня до глубокой ночи; на многое согласились; статья их об оставлении нами Эчмеадзина и Нахичеванской области была вычеркнута. Со всем тем, ничего не кончено.

24-го <июля> я еще был слаб; но, видя бесполезность переговоров, отдаляющих дело от истинной цели, я просил отпуска. Опять прибыли ко мне Мирза-Мехмед-Али-Мустафа, Мирза-Измаил и Мирза-Сале, – и я в течение целого дня должен был выдерживать диалектику XIII столетия. Возвращались к предложениям, в которых накануне условились. Главное разногласие состояло в том, что с персидской стороны требовалось перемирие на 10 месяцев. Мирза-Мехмед-Али откровенно мне объявил, что это необходимо для отдаления из Хоя шаха, двора его и войска, от которых обнищала вся провинция. Я ему дал почувствовать, что эти причины уважительны только для их пользы; но в настоящее время, когда мы одержали некоторую поверхность, кажется, можно беспристрастно соблюсти и нам свои выгоды.

Наконец, видя, что рассуждения о перемирии были только предлогом для продержания меня в их лагере, я объявил, что мы не имеем нужды в прекращении военных действий; первая мысль об этом принадлежит Шахзаде. Я представил ему условия, на которых оно с нашей стороны может быть допущено, – вольны принять их, или нет. Но мой Аббас-Мирзе усердный совет: для успокоения края, особы шаха в преклонности лет его и для собственной безопасности своей принять просто мир, который даруется ему на известных условиях. Говорили очень долго; я, наконец, подействовал на воображение персидских чиновников тем, что мы, когда пойдем далее и завладеем Азербейжаном, то, обеспечив независимость этой обширной области, со стороны Персии на десять ферсангов никому не позволим селиться близ границы, – сама провинция прокормит 20 тысяч милиции, образованной из народа, известного духом неудовольствия против нынешнего своего правительства; нам стоит только поддержать ее в сем расположении, и, таким образом, мы навсегда прекратим наши политические сношения с Персиею как с народом, не соблюдающим трактатов, – мы так же будем мало знать их, как авганцев и проч. отдаленные государства в глубине Азии.

«Этот план у нас, – говорил я, – очень известен, и полагается весьма сбыточным; но к исполнению его приступят в такой крайности, когда вы, упорствуя, продлите войну, вами самими начатую. Скажите его высочеству, что лучше принять условия, покуда их делают». Это и многое другое предлагал я вроде размышления, более нежели угрозы.

С вечера и на другой день с рассветом я повторял настоятельно требование мое об отпуске. 25-го <июля>, поутру, за мной прибыл Гаджи-Мажуд-Ага, чтобы проводить меня к Шахзаде. При нем находились два его брата, Али-Нага-Мирза Казбинский, Мехмед-Касум-Мирза Урумийский и Эсиф-ед-даулет Алаяр-хан, также несколько других, в числе которых, как мне потом сказали, был и Гассан-хан, брат сардаря Эриванского, но я не узнал его. Он, во все время пребывания моего в лагере, сильно говорил против всякого с нами сближения, ездил к шаху и просил денег и войска для защиты Эриванской области.

Я полагал, что наши условия при последней аудиенции, при стольких значащих свидетелях, или торжественно будут отвергнуты, или станут рассуждать о них, – вышло ни то, ни другое. Тон Шахзады был самый униженный: он извинялся, что чиновники его столько беспокоили меня делами; сказал, что все мои мысли о нем, о будущем его положении ему известны. Но не это его озабочивает, а проступок против государя, утрата его доверенности, и просил перемирия на десять месяцев. Мирза-Мехмед-Али донес ему, что я не доверяю их чистосердечию, Алаяр-хан этому чрезвычайно удивился. Но я поспешил объяснить ему, что прошлого года также решались послать к императору Эмир-Заде и вместо того войска их напали на наши границы; несколько сорванных голов у наших фуражиров возбуждали надежды их до крайней дерзости, – характер народа известен. Нет причины думать, чтобы нынче поступили искренне: и тогда русский главноначальствующий, потеряв время и остановясь среди успехов нашего оружия, какое оправдание представит государю императору в том, что так противуречит настоящему отношению между собою двух воюющих армий? Десятимесячное перемирие – тот же мир, а предполагаемая выгода заключается в темной надежде, что сам Шахзада или сын его отправится в Петербург, – но там подпишет ли он все статьи мира, согласно с пользою России, или, что гораздо вероятнее, будет стараться об уменьшении наших требований?

«Нет! – сказал с жаром Аббас-Мирза, – мы всё подпишем, если император лично мне или моему сыну объявит свою волю и уверит нас в будущем его покровительстве. Я сына моего сейчас представлю генералу Паскевичу в залог, и еще двое из моих братьев к нему отправятся в лагерь...» и проч., и проч.

Потом опирался на продолжительное перемирие, им некогда заключенное с генералом Торماسовым. Спрашивал моего совета и надеюсь ли я, что государь дозволит ему или сыну его прибыть к высочайшему двору. Такое униженное, убедительное настаивание отняло у меня возможность отвечать ему коротко и резко. Я более всего отговаривался неведением, сомнением и старательно избегал, чтоб слова мои не утвердили в нем какой-либо надежды по сему предмету. Совет же подал ему чистосердечный, – представлял ему разорение, которому подвергаются его подданные, бережно говоря о неустойчивости их нерегулярного войска; сравнивал характеры двух народов: персиян – смелых при счастье, но теряющих бодрость и даже подчиненность при продолжительных неудачах, – с другой стороны указывал на наших, которые во всех обстоятельствах одинаковы, повинуются и умирают. Наконец, с возможною учтивостью доказывал, что лучше разом принести жертву необходимости, нежели длить время и, с тем вместе, претерпеть гораздо важнейшие потери. Это не помогло; Шахзада не отступал от любимой своей мысли – самому или через сына прибегнуть к великодушью государя императора.

Сим заключается все то, что идет к делу; посторонних разговоров было много, ибо Шахзада продержал меня еще долее, нежели в первый раз. Я заметил, между прочим, что переход к нам Мехти-Кули-Хана много озаботил персиян насчет доверия, которое это происшествие внушает всякому, кто пожелает поискать российского покровительства. Аббас-Мирза сказал мне, между прочим:

«Самым опасным оружием генерала Паскевича я почитаю то человеколюбие и справедливость, которые он оказывает мусульманам своим и нашим. Мы все знаем, как он вел себя против кочевых племен от Эривани до Нахичевани, – солдаты никого не обижали и он всех принимал дружелюбно. Этот способ приобрести доверие в чужом народе и мне известен, – жаль, что я один это понимаю во всей Персии; так я действовал против турок, так и в Карабахе, и прошлого года. С другой стороны,

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
Гассан-Хан усердствовал вам, сколько мог, и ожесточил против себя всю Грузию. Генерал Ермолов, как новый Чингисхан, отомстил бы мне опустошением несчастных областей, велел бы умерщвлять всякого, кто ни попадетсся, – и тогда, об эту пору, у меня две трети Азербайджана стали бы в ружье, не требуя от казны ни жалованья, ни прокормленья».

Я отвечал ему, что генерал Ермолов так же, как нынешний главноначальствующий, наблюдал пользу государства; можно одной и той же цели домогаться разными путями.

О сражении 5-го июля: #с009085_2 он говорит очень откровенно: отдает вашему высокопревосходительству справедливость, что вы искусно маневрируете, – и он видел себя почти взятого в обход вашу пехоту, когда не полагал даже, что она переправится через Аракс: #с009085_3; если бы знал, что пойдут на него со всеми силами, то не уклонился бы от сражения, но послал бы до 5000 конницы, которая, выше переплыв через реку, очутилась бы у нас в тылу и напала на наш обоз. Об Елисаветполе, об Асландузе рассказывал мне с такою же искренностью, или, может быть, взял на себя говорить мне только приятное и то, что может польстить нашему патриотическому самолюбию.

Был третий час пополудни, как я от него вышел, получа письмо на имя вашего высокопревосходительства.

Мирза-Мехмед-Али угощал меня обедом против их обыкновения, ибо они обедают с захождением солнца. Потом потчевал меня в своей палатке Мехмед-Гуссейн-Хан, Эшик-Агаси. Внимание, приветливость и лесть расточали передо мною с избытком. Я бывал у них, живал с ними в мирное время в приязни и никогда не видел подобного приема ни себе, ни другому чужестранцу, хотя бы знатнейшему чиновнику союзной с нами державы.

Чурский лагерь обширен, но палатки персидские требуют большого помещения; я полагаю, что у них тут от 7-ми до 8-ми тысяч войска, в том числе 4 баталиона сарбазов неполные, – я видел 10 пушек. Долина не обширная; при въезде в нее влево ущелье ведет к Гергерам, – его охраняют Гассан-Хан с курдами, вправо на Марандской дороге – Али-Нага-Мирза, между ею и Хойскою – лагерь Аббас-Мирзы. Возвращаясь от Каразиадина до первой воды – 1 ½ часа; откудова до высоты, определяющей границу Чурса, где также вода, – 3 часа; оттудова – 2 ½ часа езды до Аракса, верстах в 4-х выше Аббас-Абада.

Я оставил персидский лагерь с ободрительным впечатлением, что неприятель войны не хочет, что она ему тягостна и страшна; от повторенных неудач все духом упали, все недовольны. В день моего прибытия, от появления 10-ти конвойных казаков пикеты повсюду разбежались, едва могли собрать их. Сарбазы, которые у меня стояли в карауле, жалуются, что их не кормят, – Керим-Бек-Султан их просто изъяснялся, что начальники у них глупцы и они с ними пропадут. Несмотря на крепкий присмотр, конные подъезжали и спрашивали моего переводчика: «Скоро ли мир? зачем мы их тревожим?» – и что война им ужасно надоела. Гаджи-Махсуд-Ага, присланный ко мне от Аббас-Мирзы, чтобы наведаться о моем здоровье, когда я ему сказал, что мы в нем уважаем человека, который служил при кн. Цицианове, обрадовался, и тотчас предложил готовность свою служить нам, и много рассказывал о недостатках и неустройстве в их войске. Этот человек может нам быть полезен; притом он не бежал, а с позволения генерала Ермолова удалился в Персию и ныне находится адъютантом при Аббас-Мирзе. Я поручил нашему Аббас-Кули вступить в разговор с курдами (не эриванскими), которые на обратном пути были у меня в конвое. Они тайно просили его, чтобы русский главноначальствующий написал доброе слово их хану, и они тотчас перейдут все к нам. Таков дух войска. О расположении управляющих государством ваше высокопревосходительство можете заключить из объяснения со мною Аббас-Мирзы: «Все обмануты в своих ожиданиях. Наши, где только встретятся, разбиты, и не испытывают щедрости шаха, который теперь так же мало склонен рассыпать казну, как и в прежнее время». Мирза-Мехмед-Али нешуточно уверял меня, что шахское войско наводит гораздо более трепета жителям, нежели наше. 12 000 кальваров хлеба наложено подати на Хойскую провинцию под видом покупки. Шах насильно велел брать по туману кальвар: #с009085_4, тогда как он продает по 5-ти между народом.

Из униженного тона, с которым говорили со мною Аббас-Мирза и его чиновники, очевидно, что они не ослепляются насчет сравнительного положения их сил с нашими. Но ожидать невозможно, чтобы они сейчас купили мир ценою предлагаемых им

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
условий, и для этого нужна решительность; длить время в переговорах более им свойственно. В совете шахском превозмогающие ныне голоса Алаяр-Хана и сардаря с братом; они еще твердо стоят против мира и имеют на то личные свои побудительные причины: первый поддерживает прежнее свое мнение и боится, что дело дойдет до расплаты за ту войну, которой он главнейший возбудитель; сардарь и брат его, с уступкою нам Эриванской области, лишаются значительного источника их богатства. Тогда только, когда падет Эривань и персияне увидят себя угрожаемыми в столице Азербейжана, если какое-нибудь непредвидимое обстоятельство не возбудит в них прежней дерзости, можно, кажется, ожидать заключения мира на условиях, которые мы ныне им предлагаем.

Стороною я, однако, узнал, что они готовятся к покушению на Аббас-Абад. Вероятно, что начальники не захотят долго держать в бездействии войска (которых, по разным слухам, у них 65 тысяч, и можно наверное полагать до 45 тысяч), потому что они тогда непременно разбегутся, не видя случая к грабежу и испытывал всякого рода недостатки.

Надворный советник Грибоедов.

Ахвердовой П. Н., 14 августа 1827: #с009086

(Перевод с французского)

14 <августа> 1827. <Карабабы.>

Примите мои поздравления по случаю приезда Егорушки: #с009086_1, почтеннейшая моя Прасковья Николаевна. Хотите вы от нас хороших или дурных новостей? Начну с того, что вас более всего интересует. Муравьев чувствует себя как нельзя лучше, что до меня, то три раза начиналась было у меня лихорадка, а теперь я страдаю от жары до обмороков, ртуть не опускается никогда ниже 33 в тени, это, я думаю, 50 на солнце, на ногах не держусь больше. Мне не дают воли выбраться навсегда из этого пекла, а в конце концов придется поспорить мне с высшими властями, иначе рискую здесь изжариться, и без малейшей пользы для кого-либо.

Вы, я думаю, знаете, что я был послан с поручением к Аббасу-Мирзе; принимали меня как принца крови и лишь немного времени недостало, чтобы заставить подписаться под нашими условиями противника, который больше любит прятаться, чем сражаться. Подлецы, а миру нет. Меня зовут. Доброй ночи. Завтра поеду на железные воды, открытые в ущелье поблизости, оттуда поднимусь на Сальварти, чтобы побыть несколько времени у Раевского, и от него отправлю прошение, чтобы отделаться от всех тревожений мира сего. Если мне откажут, думаю, у меня хватит решимости приехать к вам безо всякого разрешения. Мы были и Гаруссе, но вместе с главнокомандующим: #с009086_2, что весьма меня стеснило. Как рад я был повидать Симонича, но злодей не предложил мне поиграть на любезном моем фортепьяно. Примите уверения в безграничной преданности, которую питает к вам

Ваш усерднейший слуга

Грибоедов.

Ахвердовой П. Н., 3 октября 1827: #с009087

(Перевод с французского)

3-го октября, в 2 часа пополудни.

<1827. Эривань.>

Главнокомандующий: #с009087_1 еще у меня и не имеет, как мне кажется, ни малейшего желания лечь спать. Офицер, который едет курьером, должен подождать несколько минут, пока запечатают официальные бумаги, и я пользуюсь этим временем, чтобы напомнить вам о себе, дорогая и глубокоуважаемая Прасковья Николаевна. Мы все здесь в чаду победы, среди многочисленного и шумного населения. Взятие Сардарабада в 4 дня: #с009087_2, а Эривани – в 6-ть:

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
#с009087_3 – разве это не покажется вам поразительным? Что говорят об этом в Тифлисе? Черкните мне, пожалуйста, два слова о приезде моей двоюродной сестры: #с009087_4 в наш добрый город. Как ей там живется в то время, как ее муж наполняет ужасом Персию? Любопытно мне было бы наблюдать ее первые впечатления, произведенные на нее переездом по ее сторону гор. Я говорю первые, так как последующим я не буду радоваться, решив уехать или и совсем бросить службу, которую я ненавижу от всего сердца, какое бы будущее она мне ни сулила. Ваш зять: #с009087_5 теперь за начальника. Мне бы очень хотелось, чтобы он сделал что-нибудь значительное, потому что его прославят единодушно все, кто знает отсутствие способностей в Эриване. Доброго дня и доброй ночи. Хоть иногда вспоминайте вашего преданнейшего слугу А. Г. Обществу мой поклон. Вчера у нас был большой парад за стенами и молебствие перед брешью. (Сказать мимоходом, разрушали город ужасно: ад бомб во время осады.) Когда запели «Господи, помилуй», появился Симонич, в сопровождении всех офицеров, опираясь на костыли. Не знаю отчего, но слезы выступили у меня... Песнопения меня тронули, а при виде этой почтенной немощи сердце мое сжалось. (Не infirmitas; [121 – увечье (фр.).], благородно изувеченный, как это сказать?): #с009087_6

Вольховскому В. Д., 10–22 января 1828: #с009088

Тавриз, 10–22 января 1828.

Любезнейший Владимир Дмитриевич. Пользуюсь ответом г. Макдональда, чтобы вам дать знать о себе и о наших. Переговоры прерваны после многих толков, пустых, как с персиянами всегда бывает.

Рапорты ваши в копии все препровождены к его императорскому величеству.

Сначала генерал: #с009088_1 был недоволен вашим соглашением с Муэтемидом: #с009088_2 по смыслу которого мы должны отступить за Аракс, а потом уже получить деньги. Но после того его высокопревосходительство рассудил, что все это персидская уловка: потому что вы не имели повеления трактовать. Ничего в таком роде не писано в Тейран, что бы могло дать повод тамошнему министерству для исходатайствования чрез вас перемены наших условий. Старые шутки.

Уверены ли вы, любезный друг, что деньги точно в казбине? Мы в этом сомневаемся. Может быть, транспорт воротили в столицу чрез другие ворота.

Насчет шумного приема Гамас-Али-Мирзы мое мнение следующее: когда шах узнал, что дела доведены к концу с Аббас-Мирзой и медлить исполнением долга невозможно, то он сыграл новый акт, как будто наследником недоволен, хочет назначить другого, и мы, потерявши два месяца выгаданного, – охотно сбавили наши требования, чтобы совершенно впросак не попасться. Благодаря бога, вышло иначе. На генерала это подействовало как надобно. Он крепко досадовал на беспечность его шахского величества... На днях выступаем на Тейран.

Между прочим, замечу вам одно: к чему вы были так снисходительны и зажились с этим народом? Таким образом миссия ваша совершенно изменилась и, может быть, подала некоторую надежду шаху или Муэтемиду на большую проволочку. Так кажется, но вы на самом месте лучше знаете, что делать.

Генерал очень много о вас заботился, и все мы очень, очень желаем вас видеть, по мне, хоть и без денег.

Для ускорения высылки первого транспорта, советую вам пригрозить им известием, что если мы достигнем до Зенгана, не встретя денег, то при дальнейшем движении вперед не можем оставить позади себя шаткое народонаселение, неуверенное, кому оно принадлежать будет, и тогда... объявлено будет навсегда принадлежащим – России.

Мы напрасно вперед не пошли прежде. Я это знаю, но причин найдется много. – Правление здешнее удивительно как мало приспособлено к местным соображениям. По какой это желтой или зеленой книге построено? Один человек, распорядительный и глупый, при нем несколько писцов и рассыльных чиновников гораздо бы лучше соответствовали цели.

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
Генерал тоже не совсем доволен. Насчет должных поборов он решил, чтобы более не
взимать их, а только натурою для продовольствия и пр.

Эристов получил Александровскую ленту: #с009088_3.

Великий князь Константин Николаевич назначен шефом Грузинского гренадерского
полка.

7-й Карабинерский переименован Эриванским. Вот вам все наши новости. Прощайте,
любезный и почтенный друг.

Весь ваш А. Гр.

Паскевичу И. Ф., 16 марта 1828: #с009089

С.-Петербург. 16 марта 1828 г.

A mon Comte, deux mots[122 - Моему графу два слова (фр.)]. Мой благодетель.
Поздравляю вас и себя. Все, что вы для меня желали, сбылось в полной мере. Я
получил от Нессельроде уведомление, что государю угодно меня пожаловать 4000
черв., Анною с бриллиантами и чином статского советника: #с009089_1. - А вы!!! -
Граф Эриванский и с миллионом. Конечно, вы честь принесли началу нынешнего
царствования. Но воля ваша, награда необыкновенная. Это отзывается Римникским и
тем временем, когда всякий русский подвиг умели выставить в настоящем блеске.
Нынче нет Державина лиры, но дух Екатерины царит над столицей севера. Надеюсь,
что черные мысли навсегда от вас отступят. Государь благоволит вам, как только
можно, право, в разговоре с ним я забыл расстояние, которое отделяет повелителя
седьмой части нашей планеты от дипломатического курьера; он с семейным участием
об вас расспрашивал. Государыня тоже. Вот добра! Чудо! О Сашеньке, об вашей
жене: #с009089_2, и об вас так милостиво и так подробно разведывала, что сердце
радовалось. Великий князь тоже, вчера я представлялся его высочеству: #с009089_3
и представьте мое удивление, он так же об вас говорит, как бы я отзывался, знает
вас насквозь, дорожит вами много, долго обо всем любопытствовал и несколько раз
повторял: «J'espère qu'Iv. Fed. ne doute pas de mon attachement et comme
nous l'aimons tous sincèrement»[123 - Я надеюсь, что Ив. Фед. не
сомневается в моей привязанности и в том, как мы все искренно его любим (фр.)].
Скажите Осипу Федоровичу: #с009089_4, что если он хочет перейти совершенно в
дипломаты, без военного мундира, то место его готово, иначе какого рода он
только желает получить назначение, ему не откажут. Его высочество изволил к вам
писать об этом и обещал мне показать, что именно. Вы знаете, что одна эстафета
перехвачена под Екатериноградом. Очень может быть, что и письмо это там же в
воду кануло. Всего не опишешь; при первом случае не забуду ни одной запятой, ни
полслова из моей поездки и прибытия сюда. А теперь голова кругом идет, я
сделался важен, ваше сиятельство вдали, а я обращаюсь в атмосфере всяких
великолепий.

Как Александр Христофорович мне об вас говорил, о вашей кампании, о вашем мире,
о славе, о делах ваших; ей-богу, как патриот и как истинный ваш ценитель. И
заметьте, что все ваши отношения с его братом ему совершенно известны, и
холодность и причины. Воля ваша, Иван Федорович, а вы с Бенкендорфами будьте
хороши, тем более, что вы точно их любите, да бог знает как все умели сделать
навыорот с Константином Христофоровичем, который благороднейший рыцарь в свете.
Вам известно, как я к этому человеку привязан. Судите мое положение, мы с ним
ужинали в карантине. Что ж, я от него узнал, будто вы публично радовались его
отъезду. Кто ему эту чепуху перенес, конечно, кто-нибудь и при нем обращался
вроде подлеца Курганова. К счастью, что когда я что-нибудь говорю, то мне должно
верить, и нетрудно мне было его убедить, что ему перенесли вздор, клевету,
недостойную ни вас, ни его. Он уже здесь, нынче к нему съезжу.

Нессельроде о вас говорит с отличным уважением. Да просто все. Царь хорош, так и
все православие гремит многие лета. Некогда, тороплюсь. А proros. Вчера мне
медальку прислали за персидскую войну, для меня это во 100 раз дороже Анны. Vive
l'Empereur[124 - Да здравствует император (фр.)] и вы, мой бесценный
благодетель, кабы я стал вас много благодарить, то было бы глупо. Вы меня и без
слов поймете. Верный ваш

А. Грибоедов.

Vachilof vient de sortir de chez moi et vous fait dire mille jolies choses[125 - Башилов только что вышел от меня и шлет вам тысячу приветствий (фр.)].

Какий Фединька: #с009089_5 красавчик! Да что за вздор говорит! Об Аббас-Мирзе etc., etc. Славный мальчик!

Андроников повергается к стопам вашим. С ума сошел, на веревке не удержишь, с тех пор как удостоился видеть государя и поручик гвардии.

Чевкин у меня сейчас был и свидетельствует вам свое почтение и усердно поздравляет. Как же ваше сиятельство мне говорили, что он верно будет вами доволен, а он говорит, что даже ни к чему не был представлен. Он редактор и Указа, и Рескрипта, и всего, что до вас касается.

Паскевичу И. Ф., март – апрель 1828: #с009090

<Конец марта – начало апреля 1828. Петербург.>

Почтеннейший, истинный мой благодетель граф Иван Федорович. Вашему сиятельству я обязан всем уважением и теми приятностями, которые мне здесь ежедневно оказывают. Но от вас также я слег в постель, болен, замучен обедами, отравляюсь, пью за здоровье графа Эриванского, а я опиваюсь.

Сухазанет принял меня в руки с самого приезда. Я был приглашен к обеду во дворец. Там мы в первый раз встретились, и с тех пор он от меня не отстает, либо у него, либо у Белосельских, либо у Лавалей. Третьего дня я у него обедал с Чернышевым, который с большим участием об вас расспрашивал. Еще когда-то Левашев, тоже все об вас, а при дворе просто все. Кн. Василий Долгорукий, между прочим, уверяет меня, что испрашивал ленту Беклемишеву, он в письме к К. Волконскому прибавил, что этот человек давний ваш друг: и потому разом и уважили представление. Я думаю, лжет, как всякий благородный, придворный человек. Но какое дело?

Это означает меру их понятия о благоволении к вам государя императора. – Депрерадович, Опперман, граф Петр Ал. Толстой, Кутузов, наконец, все те, у которых я бываю, при мне любят вас очень горячо. Нет! без шуток, эти четыре человека, кажется, точно так думают, как говорят. Вчера был большой обед у старого моего и вашего знакомого сенатора Чилищева, где тоже много нашлось у вас друзей, и провозглашали вашу славу открытым ртом. Впрочем, аллилуйя и хвалебным вам песням конца нет. Когда будет досуг, опишу вам, что и дорогою я встречал те же восклицания вам в похваление и добрым людям на услышание. Довольны ли вы?

Но вот и пятна на солнышке. Множество толков о том, что ваш характер совсем изменился, что у вас от величия голова завертелась, и вы уже никого не находите себе равного, и все человечество и подчиненных трактуете как тварь. Это хоть не прямо, а косвенно до меня доходило, но здесь бездна гостиных и кабинетов, где это хором повторяется. Я все-таки опираюсь на известную природную вашу порывчивость, ссылаюсь в том на стародавних ваших приятелей, которые всегда знали вас вспыльчивым человеком. Et dans mon plaidoyer, je m'efforce à faire entendre, que grandi comme vous êtes de pouvoir et de réputation, vous êtes bien loin d'avoir adopté les vices d'un parvenu[126 - И в своей защитительной речи я силюсь дать понять, что, возвеличившись во власти и в славе, вы очень далеки от того, чтобы усвоить себе пороки выскочки (фр.)].

Не сетуйте на это, почтеннейший мой благодетель. В особе самого государя я, благодаря бога, нашел такое непритворное, лестное расположение в вашу пользу, что с этою твердою опорой вы еще далеко пойдете. В усердии вашем, в способностях, в благородстве души вашей он уверен, и просто он говорил мне об вас так умно, так живо и справедливо, как никто, даже с каким-то дружественным пристрастием. Заметьте, что его величеству известны все ваши недоразумения с Красовским: #с009090_1, с Сипягиным и просто со всеми. К счастью, я нашел в особе моего государя такое быстрое понятие, кроме других качеств, что полслова

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
достаточно в разговоре с ним, он уже наперед все постигает. Таким образом, я вполне мог и могу пользоваться получасом, который он не всякому уделить может. О перемене вашего характера тоже дело шло и о причинах этого. Я сказал, что ответственность ваша была чрезмерная, что вы находились в обстоятельствах самых затруднительных, обстоятельно изложил ваше положение после Ушаганского дела и как оно истинно происходило, это насчет Красовского, также о продовольствии и что, несмотря на все попечения Сипягина, вы по ту сторону гор рисковали остаться без куска хлеба. Но что ваши неудовольствия на Сипягина давно уже миновались. Enfin, ai-je ajouté, V. M. sait bien, qu'aprés la souveraineté il n'y a rien de tel, comme les devoirs d'un commandant en chef etc., etc.[127 - Наконец, прибавил я, ваше величество хорошо знаете, что после верховной власти ничего нет более ответственного, как обязанности главнокомандующего (фр.).]. Всего не упишешь, но государь, отпуская меня, сказал, что он очень доволен, что побыл со мною наедине. Это на днях было. А я рад душевно, что, кроме правды, ничего лишнего у меня не вырвалось, в обыкновенном положении души это со мною иначе и быть не может. Но тут легко можно было завлечься, чтобы себя, либо свое дело, либо другого выставить в лучшем свете. Ей-богу! как вас любит царь ваш! Понимаю теперь, что вы должны каждое слово его принимать за Евангелие, особенно теперь, бывши осыпаны его милостями.

Я еще буду писать вам. Теперь отрывают. Я все утро пробыл с Родофиником, а потом с Нессельродом. И Нессельрод хлопочет о перемене нравственной, которая с вами произошла. Намедни гр. Дибич говорил, что он точно таков же был, как вы, взявши на себя огромную обузу и в самых критических обстоятельствах.

Радуюсь, что кое-что успел сделать для Аббас-Кули и Шаумбурга. Меня опять турят в Персию, чуть было не послали с ратификацией, но я извинился физической немощию.

Сделайте одолжение, ваше сиятельство, дайте Льва и Солнца Чевкину, гр. Кушелеву и Бухгольцу. Вам это ничего не стоит, а они вам навек будут благодарны. Прикажите об этом Амбургеру.

Путру я на минуту заезжал к Сологубовым: #с009090_2. Какая хорошенькая невеста у Обрескова! Чудо! Это гораздо важнее его лент и Амбасадорства: #с009090_3. Прощайте. Душевно вас обнимаю и с чувством полного уважения и преданности честь имею пребыть вашего сиятельства всепокорнейший слуга А. Грибоедов.

Паскевичу И. Ф., 12 апреля 1828: #с009091

12 апреля <1828>. Петербург.

Почтеннейший, мой дражайший благодетель.

Сейчас мне в департаменте объявил К. К. Родофиникин, что к вашему сиятельству отправляется курьер с ратификациями. Нового мне вам сказать нечего, притом в присутственном месте не так вольно слова льются. Я еще нового назначения никакого не имею: #с009091_1. Да если и не получу, да мимо идет меня чаша сия. Душевно бы желал некоторое время пребыть без дела официального и предаться любимым моим занятиям. В Английском клобе здесь пили за здоровье графа Ериванского и изготовили ему диплом в почетные члены. Скоро ли и сами ли вы лично двинетесь на врага христовой церкви?: #с009091_2 Прощайте.

С чувством полного уважения, любви и благодарности вашего сиятельства всепокорнейший слуга А. Грибоедов.

Сахно-Устимовичу П. М., 13 апреля 1828: #с009092

13 апреля <1828. С.-Петербург>.

Почтенный друг Петр Максимович. Два раза для вас был у Дибича, для объяснения ему, что крест вам следует вопреки ничтожности чина, в котором вы года переслужили, был в министерстве юстиции, в Герольдии. Теперь о чине вашем поступило к докладу, а о кресте все еще ничего нет. – Извините, что мало пишу,

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
во-первых, в департаменте Азиатском, а не дома, а второе обстоятельство получите от Андроникова...

Верный друг А. Грибоедов.

Одоевскому А. И., начало июня 1828: #с009093

(Черновое)

<Начало июня 1828>. Петербург.

Брат Александр. Подкрепи тебя бог. Я сюда прибыл на самое короткое время, прожил гораздо долее, чем полагал, но все-таки менее трех месяцев. Государь наградил меня щедро за мою службу. Бедный друг и брат!

Зачем ты так несчастлив! Теперь ты бы порадовался, если бы видел меня гораздо в лучшем положении, нежели прежде, но я тебя знаю, ты не останешься равнодушным, при получении этих строк, и там... вдали, в горе и в разлуке с ближними.

Осмелюсь ли предложить утешение в нынешней судьбе твоей! Но есть оно для людей с умом и чувством. И в страдании заслуженном можно сделаться страдальцем почтенным. Есть внутренняя жизнь нравственная и высокая, независимая от внешней. Утвердиться размышлением в правилах неизменных и сделаться в узах и в заточении лучшим, нежели на самой свободе. Вот подвиг, который тебе предстоит. Но кому я это говорю? Я оставил тебя прежде твоей экзальтации в 1825 году. Она была мгновенна, и ты, верно, теперь тот же мой кроткий, умный и прекрасный Александр, каким был в Стрельно и в Коломне в доме Погодина. Помнишь, мой друг, во время наводнения, как ты плыл и тонул, чтобы добраться до меня и меня спасти: #с009093_1.

Кто тебя завлек в эту гибель!![128 - Зачеркнуто: «В этот сумасбродный заговор! кто тебя погубил!!»] Ты был хотя моложе, но основательнее прочих. Не тебе бы к ним примешаться, а им у тебя ума и доброты сердца позаимствовать! Судьба иначе определила, довольно об этом.

Слышу, что снисхождением высшего начальства тебе и товарищам твоим дозволится читать книги. Сейчас еду покупать тебе всякой всячины, реестр приложу возле.

Каратыгину П. А., апрель – июнь 1828: #с009094

<Апрель – начало июня 1828. Петербург.>

Друг мой Петя, сделай одолжение, достань ложу в 1 ярусе поближе и пару кресел, коли можешь.

Прощай.

А. Г.

Френу Х. Д., июнь 1828: #с009095

(Перевод с немецкого)

<Начало июня 1828.>

Высокочтимый г. статский советник. Я вам сердечно обязан за любезное внимание, которое вы мне оказываете в отношении моих будущих ученых занятий в Персии: #с009095_1. Я только опасаюсь, что не могу выполнить всего того, что вы ожидаете от моего усердия в науке. Ваше любезное приглашение я могу принять не раньше как во вторник на будущей неделе. В среду я уезжаю.: #с009095_2

Ваш преданный слуга Алекс. Грибоедов.

Булгариной Е. И., 5 июня 1828: #с009096

(Перевод с немецкого)

5 июня <1828. Петербург>.

Прощайте, любезная Леночка, верный друг, целую вас от всего сердца, и Танту: #с009096_1 тоже. Прощайте! Прощаюсь на три года, на десять лет, может быть, навсегда. Боже мой! Неужто должен я буду всю мою жизнь провести там, в стране, столь чуждой моим чувствам, мыслям моим... Ничего... Может быть, я еще когда-нибудь сбегу в Карлово: #с009096_2 от всего, что мне сейчас так противно. Но когда? Еще далеко до того. Покуда обнимаю вас, добрый друг мой, будьте счастливы.

Ваш верный друг А. Грибоедов.

Булгарину Ф. В., 6 июня 1828: #с009097

Любезный друг *Benedicti filius*[129 – Бенедиктов сын (лат.)], узнай, пожалуйста, у Малиновского, или у Никиты Всеволожского, или Сапожкова, или у кого хочешь имя, отчество и чин Семашки: #с009097_1 и напиши ко мне тотчас с следующей экстрю. Прощай. Люби меня и Länchen: #с009097_2 поцелуй.

Верный твой друг А. Грибоедов.

Царское Село. 6 июня 1828.

Пословицы Строева: #с009097_3 пришли, сделай милость.

Булгарину Ф. В., 12 июня 1828: #с009098

12 июня <1828>. Москва.

Любезнейший друг Фадей Венедиктович. Чем далее от Петербурга, тем более важности приобретает мое павлинное звание.: #с009098_1 – Здесь я несколькими часами промедлил долее, чем рассчитывал. Но ты можешь посудить, до какой степени это извинительно в общении с матерью и с миленькими полукузинками; *jolies comme des anges*[130 – хорошенькие как ангелы. – (фр.)..], и этот дом родимый, в котором я вечно, как на станции!!! Проеду переночую, исчезну!!! Une <...> éxistance[131 – Проклятое существование (в подлиннике более резкое выражение). – (фр.)].

Скажи Ордынскому: #с009098_2, что я был здесь опечален чрезвычайно, именно на его счет. Похвиснев, которого я полагал сделать предстателем у Вельяминоваза его братьев, умер. И жаль, собственно, за этого молодого человека и за братьев нашего приятеля. Но в Туле думаю найти истинного ко мне дружески расположенного Алексея Александровича, брата Вельяминова, а коли нет, то буду писать к нему.

Сходи к пи́куло челове́куло: #с009098_3. Он у меня ускромил месяц жалования. Но со мною нет полномочия, письма государева к тому государю, к которому я еду. Подстрекни, чтобы скорее прислали, иначе как же я явлюсь к моему назначению. Я слишком благодетельствован моим государем, чтобы осмелиться в чем-либо ему не усердствовать. Его именем мне объявлено, чтобы я скорее ехал, я уже на пути, но в том не моя вина коли не снабдили меня всем нужным для скорейшего исполнения высочайшей воли. Здесь я слышу стороною вещи оттудова, которые понуждают меня торопиться. Приторопи же и ты мое азиатское начальство, его превосходительство пи́куло <...> дери́куло.

На первый случай пришли мне Иордена «Атлас всеобщий» и карту войны, непременно и скорее, а антиквитетами и отвлеченностями: #с009098_4 повремени. Новейшее сочинение о коммерции, о ведении консульских книг, двойную или десятерную бухгалтерию тоже пришли, и руководство мне и моему Амбургеру.

Вот, мой друг, письмо ко мне моей сестры.: #c009098_5 Рассуди и, если можно, спишись с ней и помоги. Адрес ее:

Марье Сергеевне Дурновой, Тульской губернии, в город Чернь. Но я совершенно оставляю это на твой произвол, как другу, обо мне искренно попечительному.

Скажи Александру Всеволодскому, что Одоевский требует от матушки уплаты долга = 5 000 рублей. Может ли он уплатить ему за матушку (которой он сам должен тридцать четыре тысячи)? – Она совестлива, больна и безденежна, Александр меня любит и честен. Поговори ему, и понудь его непременно сделать мне приятное.

Прощай. Ты дал мне волю докучать тебе моими делами. Терпи и одолжай меня, это не первая твоя дружеская услуга тому, кто тебя ценить умеет.

Андрея: #c009098_6, нашего благородного, славного и почтенного малого, Андрея обними за меня. Звонят здесь без милосердия. Оглушили, коляска готова. Прощай на долгую разлуку. Леночке и Танте поклон.

Матушка посылает тебе мое свидетельство о дворянстве, узнай в герольдии наконец, какого цвету дурацкий мой герб, нарисуй и пришли мне со всеми онёрами.

Булгарину Ф. В., 13 июня 1828: #c009099

Тула. 13-го июня <1828>.

Вчера я позабыл еще об одном для меня важном предмете, «Hassel's Geographie von Asien, 4 vol.»; все четыре волюма пришли поскорее в Тифлис. Греф: #c009099_1 ее при мне ожидал. Аделунг обещал купить мне.

Прощай Тула, Воронеж! Что за точки на сем свете, и почему надобно по несколько часов ими заниматься. Как въедешь? Как выедешь? Верный твой друг А. Г.

Жандру А. А., 24 июня 1828: #c009100

24 июня <1828>. Новочеркасск.

Любезный Андрей. Мухи, пыль и жар, одурь берет на этой проклятой дороге, по которой я в 20-й раз проезжаю без удовольствия, без желания: потому что против воли. Двое суток пробыл я у матушки, двое у Степана: #c009100_1, с которым много о тебе толковали. Он надеялся, что ты вместе со мною его посетишь. Но вышло иначе, я и сам блеснул, как зарница перед ночью, посадил с собою Степана, и покатались к сестре: #c009100_2. Она с мужем: #c009100_3 бог знает в какой глуши, капусту садит, но чисто, опрятно, трудолюбиво и весело. Зять мой великий химик, садовник, музыкант, успешно детей делает и сахар из свеклы. Сашку: #c009100_4 я наконец всполоснул торжественно, по-христиански. Что за фигура: точно лягушка. И все это происходит в Чернском уезде неподалеку от Скуратова, имения бывшего и сплывшего, которое они, между прочим, продали! И там я пробыл двое суток, расстались друзьями, расстаюсь и с тобою, мой друг, знай, что я жив.

Варваре Семеновне: #c009100_5 поклон, поцелуй и почтение.

Скажи фадее: #c009100_6, чтобы он прислал фасады Степану, да попроси его, чтобы он от себя или чрез Малиновского написал к Семашке в Астрахань и пригласил бы его ко мне определиться. Где-то по дороге в церкви, а именно в селе Кривцовом, еще о сю пору читают только декларацию о Турецкой войне и ругают наповал персиян, полагая, что персияне и турки одно и то же.

Прощай, брат.

Булгарину Ф. В., 27 июня 1828: #c009101

27 июня 1828. Ставрополь.

Любезнейшая Пчела. Вчера я сюда прибыл с мухами, с жаром, с пылью. Пустил бы я на свое место какого-нибудь франта, охотника до почетных назначений, dandy петербургского Bonds-street – Невского преспекта, чтобы заставить его душою полюбить умеренность в желаниях и неизвестность.

Здесь меня задерживает приготовление конвоя. Как добрый патриот, радуюсь взятию Анапы: #с009101_1. С этим известием был я встречен тотчас при въезде. Нельзя довольно за это благодарить бога тому, кто дорожит безопасностью здешнего края. В последнее время закубанцы сделались дерзки до сумасбродства, переправились на нашу сторону, овладели несколькими постами, сожгли Незлобную, обременили себя пленными и добычею. Наши, пошедшие к ним наперерез с 1000 конными и с 4 орудиями, по обыкновению, оттянули, не поспели. Пехота [132 – 39-го Егерского полка майор Казачковский, который думал фрунтом ударить на черкесскую конницу и сам тяжело ранен. (Примеч. А. С. Грибоедова.)] вздумала действовать отдельно, растянулась длинною цепью, тогда как донской полковник Родионов предлагал, соединившись, тотчас напасть на неприятеля, утомленного быстрым походом. Горцы расположены были табором в виду, но, заметив несовокупность наших движений, тотчас бросились в шашки, не дали ни разу выстрелить орудию, бывшему при пехотном отряде, взяли его и перерубили всех, которые при нем были, опрокинули его вверх колесами и поспешили против конного нашего отряда. Родионов удержал их четырьмя орудиями, потом хотел напасть на них со всеми казаками линейскими и донскими, но не был подкреплен, ударил на них только с горстью донцов своих и заплатил жизнью за великодушную смелость. Ему шашкою отхватили ногу, потом пулею прострелили шею, он свалился с лошади и был изрублен. Однако, отпор этот заставил закубанцев бежать от Горячих вод, которым они угрожали нападением. Я знал лично Родионова, жаль его, отличный офицер, исполинского роста и храбрый. Тело его привезли на Воды. Посетители сложились, чтобы сделать ему приличные похороны, и провожали его, как избавителя, до могилы.

Теперь, после падения Анапы, все переменялось, разбои и грабительства утихли, и тепловодцы, как их здесь называют, могут спокойно пить воду и чай. Генерал Эммануэль отправился в Анапу, чтобы принять присягу от тамошних князей. На дороге с той стороны Кубани толпами к нему выходили навстречу все горские народы с покорностию и подданством.

Опять повторяю, что выгоды от взятия Анапы неисчислимы. Бесит меня только этот пехотный майор, который не соединился с Родионовым и [был] причиною его безвременной смерти. Он 20-й крымской дивизии. Нашего кавказского корпуса штаб-офицер никогда бы этой глупости не сделал. Впрочем, в семье не без урода. В 825 году я был свидетелем глупости Булгакова, который также пропустил закубанцев и к нам и от нас.

Прощай. Лошади готовы.

Коли к моему приезду гр. Эриванский возьмет Карс, то это не мало послужит в пользу моего посольства. Здесь я уже к его услугам, все меня приветствуют с чрезвычайною переменою его характера. Говорят, что он со всеми ласков, добр, внимателен, и бездну добра делает частного и общего. А у нас чиновники – народ добрый, собачья натура, все забыли прошедшее, полюбили его и стали перед ним на задние лапки. Но жребий людей всегда один и тот же. О дурном его нраве все прокричали в Петербурге и, верно, умолчат о перемене: потому что она в его пользу. Прощай еще раз, любезный друг. Пришли мне от Винтера стекла три, четыре, от карманных часов, которые я у него купил. Я забыл запастись ими, а стекло в дороге расшиблось, и я принужден руководствоваться светилами небесными.

<30 июня 1828. Владикавказ.>

Ура! Любезнейший друг. Мои желания и предчувствия сбылись. Карс взят штурмом: #с009101_2. Читай реляцию и проповедай ее всенародно. Это столько чести приносит войску и генералу, что нельзя русскому сердцу не прыгать от радости. У нас здесь все от славы с ума сходят.

Верный друг твой А. Г.

Порадуй от меня этим его превосходительство Константина Константиновича

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
Родофиникина. Я оттого не доношу ему официально, что не имею места, где бы прислониться с пером и бумагой для чистописания, а служба требует наблюдения различных форм благоприличия, несовместных с дорожною ездою.

Родофиникину К. К., 10 июля 1828: #с009102

Июля 10-го дня 1828 года. Тифлис.

Милостивый государь Константин Константинович. Чувствительнейше благодарю ваше превосходительство за партикулярное письмо ваше от 19-го истекшего июня. Из официальных бумаг моих вы уже знаете о моем прибытии в Тифлис; я несколько на пути сюда был задержан недостатком конвоя на Линии и испорченностью дороги в горах.

Будьте спокойны насчет Персии. Официальных бумаг о сношениях наших с нею за последнее время я почти никаких не нашел, но столько узнал, чтоб приостановиться отсылкою курьера к Амбургеру. Граф Иван Федорович: #с009102_1, между прочим, запретил ему отдавать Аббас-Мирзе портрет и ответ государя императора, до некоторого времени. Также здесь удержаны еще знаменитые пленники Гассан-хан и зять шахской, человек 70 офицеров и до 1500 рядовых персидских. Хойская провинция еще занята нашими войсками, и более 8000 семейств армянских переселены уже по сю сторону

Аракса, остальные за ними вслед выводятся. – Вот что с нашей стороны. – С персидской долго медлили ратификациею: #с009102_2. Мир-Гассан-хана Тальшинского генерал Раль еще не выжил из его ханства, и так далее. В прежние времена можно бы опасаться важнейших несогласий. Но теперь все это уладится просто, само собою.

Ратификация о сю пору должна уже прибыть к гр. Паскевичу с возвращением его адъютанта; для сего предмета и Хан: #с009102_3, говорят, прибыл в Гумри, с которым я через три дни увижусь.

Говорил я с пленными, которым сообщение со всеми свободно, с муштеидом: #с009102_4, имеющим верные сведения из Табриза, с архиепископом Нерсесом, прибывшим обратно от патриарха, которого он провожал, с Коцебу, только что возвратившимся из Тегерана; наконец, с целым городом: потому что я здесь всех знаю. Персия в таком истощенном положении, что не помышляет о войне ни с кем в свете, разве мы подадим ей способы восстать против Турции. Повиновения внутри государства очень мало: от этого не скоро и не всех выдают наших пленных. В замену и мы своих задерживаем. Говорят, что Амбургер в отчаянии от характера людей, с которыми имеет дело, они еще бесчестнее и лживее прежнего сделались после военных неудачей прошедшего и нынешнего года. Впрочем, нечему удивляться. Мы их устрасили, но не перевоспитали. И задача эта наскоро решиться не может. Амбургер, по частным слухам, действует очень умно и усердно. А я оттого не возвестил моего приезда сюда, чтобы не помешать ему. Хочу сперва узнать в Главной корпусной квартире, в чем дело? – pour ne pas tomber là comme une bombe[133 – чтобы не упасть туда, как бомба (фр.)]. Оттудова отправляю я вам проект моего письма к Абул-Гассан-хану.

Секретно. На границе чума. Вот причина, которая могла бы меня задержать в карантине гораздо долее, чем ваше превосходительство бы думали. И тогда не пеняйте, если я в одно время в двух местах разом не буду. Либо в Персии величаться. Либо в Турции окуриваться.

Удивляюсь, куда девался конверт вашего превосходительства № 1117. Но здесь его нет ни на почте, ни в канцелярии. Также недостает газет № 68, 69, 70.

Удостоите меня поскорее присылкою кредитива: #с009102_5.

Иначе боюсь, что опять его сиятельство вице-канцлер и вы будете пенять мне, зачем не поспеваю в Персию. С чем же я явлюсь туда??? Также одолжите уведомлением, когда вещи могут прибыть в Зензелей: #с009102_6, чтобы я до тех пор мог распорядиться отправкою туда надежного чиновника, и именно Дадашева.

Что прикажете делать с юными ориентальными дипломатами, которые цветут здесь,

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
как сонные воды, в бездействии? Разве вы изволите ассигновать им особенное жалованье? Беровая можно будет со временем поместить на консульское место где-нибудь при Каспийском море. Шаумбург просится в отпуск. Лебедев! Кузьмин! Ваценко etc. По прибытии в лагерь гр. Ивана Федоровича обо всем донесу обстоятельнее вашему превосходительству.

Поручая себя в благосклонное внимание ваше, честь имею с чувством совершенной преданности пребыть вашего превосходительства всепокорный слуга А. Грибоедов.

Тифлис. 10 июля 1828.

Его превосходительству м. г. Константину Константиновичу Родофиникину.

Родофиникину К. К., 11 июля 1828. Отношение № 1: #с009103

Тифлис, июля 1-го дня 1828 года.

Честь имею донести вашему превосходительству, что я прибыл сюда в Тифлис в ночь на 6-е сего месяца. На другой день поутру я виделся с г. генерал-адъютантом Сипягиным и любопытствовал узнать от него о последних сношениях наших с Тавризом и Тегераном; также я был в канцелярии г. главноуправляющего Грузиею: #с009103_1, где думал найти бумаги касательно сего предмета; но все сведения мною собранные так недостаточны, что я никак не решился послать курьера в Персию с уведомлением о моем приезде и почел нужным предварительно видеться с графом Паскевичем-Эриванским, к которому сего дня, 11-го июля, отправляюсь.

Я, не медля здесь нисколько, тотчас поспешил в действующий отряд, но местное начальство не могло решиться снабдить меня всем нужным к сей поездке, потому что в течение 13-ти дней не было курьера от г. корпусного командира и неизвестно было, останется ли он в Карсе или придвинет войско свое ближе сюда, к Ахалцыху; в сем последнем случае сообщение с ним открылось бы ближайшее. Теперь отправляюсь давно учрежденным военным путем на Гумры, а оттуда далее чрез турецкую границу. С совершенным почтением и пр.

Родофиникину К. К., 12 июля 1828: #с009104

12 июля 1828. Тифлис.

Ваше превосходительство.

Все недостающие пакеты, о которых я так беспокоился, сейчас получены, и я сажусь в коляску: #с009104_1. Официально получите от меня извещение об этом из Гумров, если карантинные постановления там меня задержат, так как и здесь я, страха ради, прожил три дня лишних.

Покорно благодарю за содействие ваше к отправлению вещей моих в Астрахань. Но как же мне будет с посудой и проч.? Она мною нарочно куплена в английском магазине для дороги: #с009104_2. Нельзя же до Тейрана ничего не есть. Здесь я в доме графа: #с009104_3 все имею, а дорогию не знаю, в чем попотчевать кофеем и чаем добрых людей.

Копию с высочайшей грамоты я здесь оставляю и патент консульский для перевода. Аделунг при этом будет. Мальцева беру с собою. Но предупреждаю ваше превосходительство, что мне непременно надобно сюда воротиться, на 7 дней: #с009104_4. Я, кроме пары платья, теперь ничего с собою не беру. А то мне окуркою все перепортят. Я думаю, что уже довольно бестрепетно подвизаюсь по делам службы. Чрез бешеные кавказские балки переправлялся по канату, а теперь спешаю в чумную область. По словам Булгарина, вы, почтеннейший Константин Константинович, хотите мне достать именное повеление, чтобы мне ни минуты не медлить в Тифлисе. Но ради бога, не натягивайте струн моей природной пылкости и усердия, чтобы не лопнули.

Здесь такая дороговизна, что мочи нет. Война преобразила этот край совершенно. Рублями серебром считают там, где платили прежде абазами, или, по-вашему,

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
пиастрами. Зачем же вы, достойнейший мой начальник и покровитель, ускурили у
меня жалованье более нежели на месяц? Здесь в казенной экспедиции получен указ,
что я удовлетворен с 25-го апреля, а мне отпущено ipso facto только с 2-го июня.
Нельзя ли дополнить к концу года. Притом за что же Амбургер лишается того, что
грудью заслуживает. Я знаю, что вы в Петербурге дружны и уважаемы всеми
министерствами; напишите требование – и поможете нам, грешным.

Извините, что так много говорю вам о своих карманных делах. О политических
всегда буду доносить вам, как и его сиятельству вице-канцлеру: #с009104_5, с тою
целью, что вы не откажете способствовать к успешному прохождению моей должности
искренними советами. Опытность ваша велика, а моя часто недостаточна.

Примите уверение в непритворном чувстве уважения и преданности беспредельной,
вашего превосходительства всепокорнейший слуга

А. Грибоедов.

Паскевичу И. Ф., около 13 июля 1828: #с009105

(Перевод с французского)

<Шулаверы, около 13 июля 1828.>

Ваше сиятельство. Прибыв в Тифлис, я хотел тотчас же двинуться далее, чтобы
явиться к вам, но неожиданное известие о заразе, распространившейся в войсках
командуемого вами корпуса, объяввшее ужасом Грузию, поставило меня в
окончательную нерешимость. Несмотря на то, я собрался в главную квартиру, так
как не мог получить ни от генерала Сипягина, ни из вашей канцелярии каких-либо
сведений о последних сношениях наших с Тавризом и Тегераном. Позднее доставление
мне кредитивных грамот также не могло не поставить меня в затруднение
относительно того, на что решиться; я получил их при самом выезде из Тифлиса.

Я пишу вам из Шулавер, на полпути в Джелалоглу, который отстоит еще довольно
далеко от цели моего путешествия. Испорченные от бывших ливней дороги делают
следование в экипажах невыносимым, а крайний недостаток в подставных лошадях
заставляет меня возвратиться в Тифлис. Я не упущу, впрочем, отправить мои вещи
на вьючных лошадях. Умоляю ваше сиятельство не прогневаться за эту проволочку.
Имея сделать вам весьма важные сообщения и узнав, что хан, следующий к вам с
мирным трактатом, ратификованным его величеством шахом, готов отправиться к
вашему сиятельству, я прошу вас остановиться обменом ратификаций до моего
прибытия к шаху, которое, по всей возможности, постараюсь ускорить: #с009105_1.

Соблаговолите уведомить меня вовремя, если найдете то удобным, о
продолжительности карантинного очищения, которому я должен подвергнуться при
переезде через границу, на пути следования к месту моего назначения.

Примите и пр.

Амбургеру А. К., 18 июля – 7 августа 1828: #с009106

(Перевод с французского)

Тифлис. 18 июля 1828.

Любезный Амбургер. Я сам еще не знаю, какого рода служебные обязанности я на вас
возложу: по всему, что я слышу, ваши дела идут как нельзя лучше, о чем я уже
сообщил в министерство: «Боюсь безвременным предписанием помешать его действиям,
по всем дошедшим до меня слухам, весьма успешным и соразмерным его испытанным
способностям и усердию»: #с009106_1.– Не найдя в канцелярии генерала: #с009106_2
никаких предыдущих бумаг, касающихся наших последних сношений с Тавризом и
Тегераном, я поспешил отправиться за ними в Карс. Но представьте мою неудачу.
Мне доставили лошадей, которые не шли, что вынудило меня вернуться назад с
третьей отсюда почтовой станции. И вот я вновь укладываю свои чемоданы, чтобы их
навьючить на лошадей, – в ожидании верительных грамот, подписанных императором у

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
Сатунова на Дунае, а также верительного письма для вас, которое было послано мне сюда. Я поручил теперь их перевести, и по приезде своем в Персию я отправлю ноту шахскому министерству о признании вас генеральным консулом на всем протяжении его государства. Жалованье ваше и вашего секретаря Иванова находится у меня. Что касается последнего, то убедите его от моего имени устроить так, чтобы вы были им довольны. Это для него единственный путь преуспевать по службе. Если я вам сейчас не посылаю денег, то это потому, что у меня нет никакой уверенности в том, что они безошибочно дойдут к вам.

Ахалкалаки, 25 июля.

Я приехал сюда после бесконечных объездов, ибо всякое сообщение с Карсом было прервано, и главнокомандующий в это время двинулся к Ахалкалакам, которые и взял приступом, форт Гартвис тоже был взят третьего дня. Мы захватили множество пушек, знамен и пленных. Я говорил с Мирзой-Джафаром, его полномочия подтверждены, но у него их недостаточно для того, чтобы принять ратифицированный договор с нашей стороны. И даже есть разница в редакции копии трактата, которой он снабжен. Но я посоветовал графу пренебречь этой стороной дела. Гораздо же более существенным является то обстоятельство, что Аббасом-Мирзой не передано его делегату Мирзе-Джафару полномочий, равными которым снабжены наши уполномоченные. Я сам привезу наш ратифицированный трактат Аббасу-Мирзе. В ожидании этого его уполномоченный сообщил мне редакцию своей копии трактата.

Тифлис, 7 августа.

Вы не поверите, какая путаница вышла с моими делами. Я сижу здесь и ничего не делаю. Мои вещи, без которых я не могу обойтись в дороге, были направлены дурными распоряжениями комиссионеров в Астрахань; другие остались в Георгиевске, куда я уже послал летучку. Это прямо разорение, так как я плачу за все вдвое. Дружески поздравьте меня. Я жених, но вернусь за женой не ранее зимы. Если она вполнину любит меня, как я ее, то, конечно, она сделает меня счастливым. При свидании я расскажу вам, как все это произошло. Фельккерзам мне сообщил, что вы недовольны вашим назначением. Но почему же? Если это из-за маленького жалованья, то я уже поставил это на вид графу, и он все нам устроит. Я в этом деле исходил из соображения, что, составляя независимое от него ведомство, я все же должен обратиться к нему, потому что вы действовали под его управлением и он был временно вашим начальником. Если вы недовольны значением вашего места, то вы неправы, так как оно очень влиятельное, и вы, конечно, поймете, любезный друг, что не мне вас разочаровывать в недостатках службы, и это было бы неблагоприятно с моей стороны, на что, само собой разумеется, я не способен. Вы уже поверенный в делах *ipso facto*, и так будет всегда. Работайте и верьте, что я оценю это более, как если бы это касалось моей собственной репутации, которой я, впрочем, не придаю значения в дипломатии. Только случай заставил меня вступить на этот путь.

P. S. Напишите Абул-Гассан-хану или кому другому относительно вещей, которые скоро придут в Гилань.

Нессельроде К. В., 26 июля 1828: #с009107

(Перевод с французского)

Господин граф!

Ввиду того, что директор Азиатского департамента: #с009107_1 объявил мне распоряжение вашего сиятельства, чтоб я направился как можно скорее к месту моего назначения, я покинул Петербург, как только получил часть бумаг, относящихся к моей отправке.

Только 13 июля я имел честь получить в Тифлисе верительную грамоту, но я не отправил курьера в Персию, чтоб объявить там о моем приезде, не узнав за это время ничего положительного о наших самых недавних отношениях с Тавризом и Тегераном.

Вернувшийся господин Коцебу – офицер генерального штаба, выполнив свою миссию, которая заключалась в том, чтоб нам возвратили пленных соотечественников, пожаловался мне на медленность, с которой персы проводят их выдачу.

Генерал Сипягин сообщил мне донесение относительно Талышского ханства, где пришлось применить силу против хана этой провинции, который иначе не захотел уступить ее.

Армянский епископ Нерсес, прибывший из Эчмиадзина, говорил мне много насчет переселенцев 8000 семейств армян, которые пришли из-за Аракса, чтобы поселиться в наших провинциях: #c009107_2; вследствие этого Марага, Салмаст и Урмия почти обезлюдели, что для Аббас-Мирзы, согласно финансовому вычислению персов, составляет потерю в 100 000 туманов ежегодного дохода, или 4 курура капитала; это его чрезвычайно огорчило.

Гассан-хан, брат бывшего Эриванского сардара, и Мехмед-Эминхан – пасынок шаха, оба содержащиеся в качестве пленников в Тифлисе, навестили меня там, в числе многих других.

От них я узнал, что договор, судя по письмам, недавно ими полученным, был уже ратифицирован шахом и что посланный Аббас-Мирзы должен был в скором времени передать его для обмена в штаб-квартиру графа Эриванского: #c009107_3.

Я послал срочно донесение его превосходительству, советуя ему задержать у себя посланца-перса до тех пор, когда я смогу прибыть в его ставку, в Карс, доступ куда стал опасным вследствие заразной болезни, занесенной туда пленными турками; неизвестность, в которой я находился относительно вопросов, возбуждаемых вами в настоящее время с персиянами, не дала мне возможности долго задержаться в Тифлисе.

Я скоро, вслед за своей депешей, отозвался к главнокомандующему. Прибыв в Гумри, я нашел, что всякие сообщения с ним на Карс были прерваны, что он должен был двинуться на Ахалкалаки, и я немедленно присоединился к маленькому отряду из 600 человек, который туда направлялся и с которым я и прибыл туда, уже после того, как эта местность была взята штурмом.

Я действительно нашел у главнокомандующего мирзу Джавара, подателя персидской ратификации Туркменчайского договора, который немедленно будет обменен на ратификацию нашего двора.

Через этого возвращающегося посла я извещаю Аббас-Мирзу и Абул-Гассан-хана о моем скором приезде в Персию.

Тон Мирзы Джавара самый покорный на свете, уже нет в этих людях прежней уверенности самомнения; он проявляет наибольшую покорность всему, что требуют от его повелителя. Миссия имеет своей задачей, помимо обмена ратификациями, рассмотрение некоторых вопросов местного интереса, касающихся вознаграждения персидских подданных, бывших собственниками в Ереване.

Господин Фелькерзам – адъютант главнокомандующего, которому было поручено преподнести Аббас-Мирзе портрет и письмо его величества императора, – вернулся из Тегерана; он говорил мне, что его принимали всюду в Персии с самым большим почетом и принц окружил большой пышностью его приезд ко двору; этим он хотел показать окружающим и самому народу, что он был польщен выражениями благосклонности, которыми его величество – наш милостивый государь – изволил его удостоить. Шах решительно отказал разным посланцам-туркам в своем сотрудничестве в делах, которые им предстоит распутать с нами. Весь его Совет совершенно согласен с его мнением. Аббас-Мирза идет еще дальше: он искренно желает перенести войну в Багдад, если ему гарантируют владение им в будущем и еще, помимо этого, если шах представит ему для этого средства.

Господин Амбургер добавляет в своей последней депеше, что принц очень огорчен, что его величество государь не согласился его принять тотчас же, что он горит желанием броситься к ногам его величества, пусть даже это будет в русском лагере, что он чувствовал бы себя очень польщенным, если б император приблизил его к своей особе, окруженный воинственной пышностью, среди тех блестящих побед, которые его величество государь одерживает в настоящее время над турками.

Если я осмелюсь изложить свое мнение вашему сиятельству, я ничему этому не верю, этот принц, еще так мало утвердившийся в своем правлении, очень озабочен тем, чтоб снова завоевать у своего отца и своей нации то доверие, которое было сильно

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
подорвано его неудачами; такой дальний путь ему в настоящую минуту очень трудно предпринять.

Я полагаю, что эти проявления являются только выставлением напоказ преданности нашему августейшему повелителю, разве только в случае, если люди и обстоятельства совершенно изменились в Персии со времени последней войны. Все еще остается вопрос об уплате 8-го курура за обусловленную эвакуацию Хоя: #с009107_4.

Ваше сиятельство уже неоднократно были осведомлены главнокомандующим о разных предложениях принца на этот счет.

Господин Амбургер отчаивается в возможности получить эту сумму. С этой стороны мирза Джавар уверяет меня, что деньги готовы и что его повелитель не замедлит произвести уплату по истечении срока; но настроение Аббас-Мирзы столь переменчиво, что я не могу ничего утверждать насчет этого вашему сиятельству, с той оговоркой, что буду сообщать все, что узнаю верного по этому вопросу по прибытии в Тавриз.

Что касается способа уплаты, я буду руководствоваться последними инструкциями, которые ваше сиятельство отправили графу Эриванскому от 18 июня из лагеря под Карассан.

В общем, я очень рад, что могу успокоить ваше сиятельство относительно наших сношений с Персией и того, с какой осторожностью и энергией до сего велись дела с нашей стороны, хотя честь этого мне отнюдь не принадлежит.

Благодаря счастливой случайности, посланец Аббас-Мирзы очутился при штурме Ахалкалак: #с009107_5 и сильное впечатление, которое произвела на него неустранимость наших войск, очень кстати вновь пробудило в нем воспоминания о годе, проведенном у своих, когда он вернется в свое государство.

Проникнутый важностью тех интересов, которые привлекают в настоящее время внимание вашего сиятельства и которые могут оставить вам мало времени для занятий делами более мелкого порядка, я не осмеливаюсь расширять далее настоящий мой доклад и даже в будущем постараюсь уложиться в еще более тесные рамки.

Что касается текущих коммерческих дел миссии, которые мне поручены, я уже отправил несколько отношений в Азиатский департамент, что и буду продолжать в дальнейшем.

Имею честь быть с особенным почтением и уважением, господин граф, вашего сиятельства весьма покорным слугой.

Александр Грибоедов.

№ 10

Лагерь под Ахалкалаки. 26 июля 1828.

Ахвердовой П. Н., 29 июля 1828: #с009108

(Перевод с французского)

29 июля <1828>. Гумры.

Любезнейшая и дражайшая Прасковья Николаевна. Представьте себе мою досаду! Идем на Ахалкалаки, с Карсом сообщения больше нет, я следую за общим потоком, и в сотый раз уже, думаю, должен бросить весь свой багаж. Как все это затруднительно, сколько лишних расходов! И для чего вся эта гонка? Скажите Нине: #с009108_1, что так не будет долго продолжаться; вскоре, самое большее через два года, я заживу отшельником в Цинондалах: #с009108_2. Курьер мой все не появляется, и где и когда он меня сыщет? Я укрылся в палатке, дует сильнейший ветер, всех нас, думаю, унесет. Мы с Мальцевым загнали нескольких лошадей, из тех, что я купил в Тифлисе. И зачем только мы так спешили! Добрейший друг мой!

Письма к А. Г. Чавчавадзе, 10 августа – 7 декабря 1828: #с009109

Чавчавадзе А. Г., 10 августа 1828

Милостивый государь князь Александр Гарсеванович,

бывший у нас в плену Гассан-хан, который ныне обратно отправляется в Персию, просит меня на основании Тюркменчайского трактата, чтобы в проезд его через Эривань позволили ему взять с собою тех из его прежних служителей с их семействами, которые сами того пожелают. Я полагаю, что ваше сиятельство можете, если таковые найдутся, дать им на то позволение, что же касается до мирзы Исмаила, о котором также Гассан-хан ходатайствует, то я не знаю, вправе ли вы сие исполнить, не донеся о том прежде своему начальству. Вам, я думаю, приличнее будет в таком же смысле отвечать ему, когда он сам вас о том просить будет, и я, со своей стороны, немедленно о сем сообщу его сиятельству графу Паскевичу-Эриванскому.

Августа 10-го дня, 1828. Тифлис.

Имею честь быть с совершенным почтением и преданностию, милостивый государь, вашего сиятельства всепокорнейший слуга

Александр Грибоедов.

Чавчавадзе А. Г., 1 октября 1828

Милостивый государь князь Александр Гарсеванович!

По прибытии моем в Нахичевань, обратились ко мне с просьбою перешедшие из Маранда Мугаммед-хан: #с009109_1 и Али-бек о покровительстве при сборе ими доходов своих в прежнем их владении. Это касается прямо до обязанности моей подкреплять моим старанием исполнение трактата: #с009109_2 со стороны персиян и права выходцев из Азербиджана в наши владения касательно оставленного ими имущества в прежнем их отечестве.

Но в то же время вышеупомянутые просители объявили мне желание свое быть переселенными со своими нукерами в Эривань. Вашему сиятельству честь имею при сем передать просьбу их в подлиннике и с переводом. От себя же прибавлю в их пользу, что покойный брат их и они первые по ту сторону Аракса объявили себя приверженцами россиян в прошедшую кампанию. Желание же их не пребывать далее в Нахичеванской и Ордебадской областях, где притом нет у них никакой собственности, сообразно со статьею XIV трактата, которой постановлено, что важных перебежчиков Россия не имеет права селить в областях Нахичеванской, Карабахской и Эриванской за Араксом, как ближайших к персидской границе.

Если ваше сиятельство ответит им земли для поселения или просто назначите места для жительства, еще до зимы, по власти, вам предоставленной от вашего начальства, и потом уже донесете его сиятельству г. главноуправляющему: #с009109_3, то сим самым исполнится прошение означенных ханов.

Я с моей стороны тоже не умедлю довести сие до сведения графа: #с009109_4 ибо, допуская терпеть нужду значащих людей, оставивших отечество и оказавших услуги России, значило бы ронять достоинство и то уважение правительства, которым оно должно повсеместно пользоваться.

Имею честь быть с совершенным почтением и преданностию, милостивый государь, вашего сиятельства покорнейший слуга

А. Грибоедов.

1-го октября 1828. На переправе Аракса, против Джулфы.

Чавчавадзе А. Г., 23 октября 1828

Российско-императорская миссия в Персии № 84 Правителю областей Армянской и Нахичеванской господину генерал-майору и кавалеру Чавчавадзе

23-го октября 1828. Тебриз.

Персидское правительство вступило ко мне с нотою касательно купцов ему подвластных, которых караван, по возвращении из Турции, был задержан вашим сиятельством в

Диадине, в противность торгового трактата: #с009109_5, заключенного между обеими державами, в котором именно изображено следующее:

Статья IV. Если бы Россия или Персия находились в войне с какою-либо постороннею державою, то в подвластных той державе областях не возбраняется обоюдным подданным договаривающихся сторон провозить товары через земли, взаимно им принадлежащие.

Вследствие сего я согласился, по ходатайству здешнего правительства, снабдить означенных купцов моим отношением, в их пользу, к вашему сиятельству, убедительно прося вас в то же время приказать, дабы возвращены им были их лошади и вьюки.

Ст. советник Грибоедов.

Чавчавадзе А. Г., 24 ноября 1828

Милостивый государь князь Александр Гарсеванович!

Жена Гусейн-хана сардаря, Хаджи Бегум, ныне проживающая в Хое, прислала мне документы на имение ее, находящееся в Эривани. Препровождая к вашему сиятельству в копии упомянутые на имение Хаджи Бегум доказательства, прошу вас покорнейше поверенному ее, отправляющемуся по сему делу в Эривань, оказать всякое пособие для отыскания права его верительницы, о чем уже имел я честь лично просить ваше сиятельство в проезд мой через Эривань: #с009109_6.

Имею честь быть с совершенным почтением и таковою же преданностью, милостивый государь, вашего сиятельства всепокорнейший слуга

А. Грибоедов.

Ноября 24-го дня 1828. Тебриз.

Чавчавадзе А. Г., 7 декабря 1828

Милостивый государь князь Александр Гарсеванович!

Вследствие ходатайства каймакама: #с009109_7 о возвращении проживающего в Эривани семейства хойского жителя Матафи Бабы, я почел долгом своим обратиться к вашему сиятельству с убедительнейшею просьбою, дабы вы упомянутое семейство приказали снабдить надлежащим билетом для возвращения в Персию.

С совершенным почтением и таковою же преданностью имею честь быть, милостивый государь, вашего сиятельства всепокорнейший слуга

А. Грибоедов.

декабря 7-го дня 1828. Тебриз.

Ахвердовой П. Н., август 1828: #с009110

(Перевод с французского)

<Середина августа 1828.>

Любезный друг. Вы меня видели в начале моего припадка. Это был один из самых сильных и продолжался до сегодняшнего утра. Прибель дал мне лекарство, которое не подействовало. Так как невероятно, чтобы Нина: #с009110_1 долго верила тому, что я ей наговорил относительно моего исчезновения, то прошу вас, скажите ей, что, конечно, мне было худо, но что теперь много лучше, хотя я не могу еще выйти из комнаты. И поцелуйте ее нежнее.

Амбургеру А. К., август 1828: #с009111

(Перевод с французского)

<Середина августа 1828.Тифлис.>

Из газет вы узнаете о наших победах. Теперь во власти государя почти все крепости на Дунае, и уже осаждена Варна. После взятия Анапы с этой стороны фронта граф взял штурмом Карс, Ахалкалаки и Гартвис, думаю, что и Ахалцых сдастся не позже четырех дней: #с009111_1. Вам нет надобности усиленно это распространять среди персиян, так как слухи об этом давно уже до них дошли.

Моя инструкция по отношению к нашим соседям очень проста. У меня достаточно полномочий, чтобы быть полезным Аббасу-Мирзе в одном из важнейших обстоятельств его жизни: #с009111_2. Я знаю от самого государя императора, что он склонился к этому из чистого великодушия; если же до сих пор ко мне плохо относились здесь, то причиной тому мое требование соблюдения трактата; в противном случае я возьму обратно свои верительные грамоты без шума и скандала, и им ничего более не останется, как свистеть. Вы видели, что последовало за отъездом Рибопьера из Константинополя. Император Николай обладает энергией, какой не имели его предшественники, и приятно быть министром государя, который умеет заставить уважать достоинство своих посланников.

Кстати, устройте так, мой друг, чтобы всюду меня принимали наиболее приличествующим мне образом. Мой чин невелик, но моему месту соответствует ранг тайного советника, фактически превосходительства.

И потому по его сторону Кавказа везде меня принимали, как мне подобает: полицейские власти, исправники, окружные начальники и на каждую станцию высылались для меня многочисленный кавалерийский эскорт. У меня здесь есть почетный караул, наравне с Сипягиным, так же было и в лагере Паскевича; так как я здесь всем равен, то мне пишут не иначе как «отношениями», и нет у меня начальства, кроме императора и вице-канцера: #с009111_3. Смею надеяться, что в Персии не менее, чем здесь, сделают все, что следует по характеру моих полномочий. Вы знаете, что́ на Востоке внешность делает все.

Я видел Макниля, и его жена приезжала познакомиться с моей хорошенькой невестой: #с009111_4.

До свидания. Весь ваш

А. Г.

У меня письмо Толстого, адресованное вам с деньгами на уплату за вашу коляску.

Бутурлин переложил на вас 200 червонцев, что он мне должен, но это глупости, я напишу ему, чтобы он мне сам их заплатил.

Перед моим отъездом из лагеря Паскевич послал самую лестную рекомендацию вице-канцлеру относительно вашей службы, я со своей стороны сделал то же. Надеюсь, что это будут иметь в виду впоследствии.

Я пошлю вам из Эривани еще одного курьера. Нельзя ли Аббас-Мирзу заставить заплатить скорее 8-й курур, он себе ужасно повредит, коли промешкает, и я ему не могу быть в спасение. Я нарочно остановлюсь в Эривани. А то он подумает, что, как новый приезжий от государя, я могу сделать ему уступку. Вообще представьте ему, что мне даже неприлично к нему прибыть, покуда не исполнена основная статья мира. Иначе мы возвратимся к прениям декарганским. Этот последний курур из наличных не то, что другая статья, как, например, размен пленных или имуществ переселенцев. Без этого все, что сделано, как будто не существовало, ни мира, ни ратификации, и прежняя уплата 7-го курура ни во что вменится. Вот слова императора, из депеши вице-канцлера от 19-го июня: «Коли будут персияне прибегать к новым изворотам, то оставить их, покуда военные обстоятельства дозвоят мне опять к ним обратиться».

Родофиникину К. К., 17 августа 1828 («По возвращении моем из лагеря...»): #с009112
17 августа 1828. Тифлис.

По возвращении моем из лагеря под Ахалкалаками, я и секретарь миссии Г. Мальцев сильнейшею лихорадкою заплатили дань здешнему мучительному климату во время жаров; я, и по сих пор одержимый сею болезнью, не могу выходить из комнаты. Война отвлекла отсюда почти всех искусных врачей; таким образом, я должен ожидать выздоровления единственно от действия природы, без всякого пособия искусства. Это меня понуждает просить ваше превосходительство, чтобы вы обратили внимание на будущее положение наше в Персии, где в случае болезни моих чиновников или многочисленной прислуги мы уже совершенно должны отдаться на произвол климата и всех местных невыгодных обстоятельств.

Ваше превосходительство, в бытность мою в С.-Петербурге, сами полагали назначение врача при миссии необходимым, но при составлении штатов сие часть было упущено по скорому отъезду из столицы его сиятельства Г-на вице-канцлера: #с009112_1. Притом же вы весьма справедливо рассуждали, что назначение к миссии человека, который только носит звание доктора медицины и еще не освоился с болезнями и с способом лечения в том краю, куда он посылается, не принесло бы никакой пользы. При сем случае замечу еще, что отдаваться российским чиновникам в Персии в руки английских врачей совершенно неприлично: 1-е, потому, что мы, может быть, не всегда будем находиться с ними в одном месте; 2-е, они уже там пользуются слишком большим влиянием и уважением, чтобы по первому требованию быть готовыми к нашим услугам, и по большей части отказываются от платы за пользование, а сие налагает на российских чиновников некоторый род одолжения без всякой возможности быть им иначе полезными. Надлежит присовокупить, что в политическом отношении учреждение врача при миссии было бы весьма полезно для большего сближения с самими персиянами, которые не чуждаются пособий европейских докторов и открывают им вход во внутренность семейств и даже гаремов своих, в прочем ни для кого не доступных. Во всех восточных государствах англичане сим способом приобрели себе решительное влияние; стоит только припомнить себе слабое начало Гюзератской компании, которая одному из своих врачей, счастливо вылечившему некоторого из соседних индостанских державцев, обязана была уступкою в ее пользу значительных владений, которые потом, постепенно возрастая, в наше время доставили Англии владычество над всею Восточною Индией. Еще ныне в самой Персии ирландец Г. Кормик, лейб-медик Аббас-Мирзы, решительно владеет умом его и всеми намерениями. Г. Макниль в Тегеране тем же кредитом пользуется во дворце самого шаха. Он теперь несколько дней находится в Тифлисе, и я в частых с ним разговорах изумлялся глубоким познаниям этого человека о малейших интересах и соотношениях того государства, в котором он уже несколько лет пребывает в качестве доктора английской миссии и придворного врача его величества шаха. Смело могу уведомить ваше превосходительство, что никакой дипломат не может достигнуть сего обыкновенными путями без вспомогательных средств той полезной науки, которая Г. Макнилю повсюду в Персии доставила вход беспрепятственный.

По сим причинам честь имею представить на благоусмотрение вашего превосходительства об определении к миссии служащего ныне в Астрахани городовым

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
лекарем доктора медицины г. Александра Семашко. Я об нем уже много был наслышан в С.-Петербурге от торгующих там персиян и от некоторых наших чиновников, долго проживавших в Астрахани.

Все согласно признавали, что он совершенно ознакомился со способом лечения болезней в жарких климатах, и азиатские жители Астрахани возымели к нему полное доверие. Я только в сомнении, согласится ли г. Семашко покинуть Россию для употребления себя на службу его императорского величества в краю чужом, скучном, не представляющем никакой приманки для человека с талантом, в Персии, коей имя даже пугает самых отважнейших искателей случаев отличиться и сделаться известными правительству своим усердием и способностями. Я списался с вышеупомянутым доктором и ныне имею его решительное согласие быть употребленным при миссии, если на то только будет согласно мое начальство. Прошу ваше превосходительство, приняв в уважение изложенные мною причины, подкрепить оные при его сиятельстве г. вице-канцлере сильным вашим содействием. Полагаю, что оклад 600 червонных будет достаточен для безбедного прожитка г. Семашки в Персии, также на инструменты и другие вещи, необходимые в практике его искусства. Что же касается до ежегодных издержек на лекарства, то ваше превосходительство сами примерно, лучше меня, можете определить, какая для сего сумма будет потребна на 50 человек прислуги и казаков, при мне находящихся включительно. К сему надобно приобрести такое или большее еще число природных персиян всякого звания, которые будут прибегать к нашему врачу с просьбами о их пользовании.

Паскевичу И. Ф., 23 августа 1828: #с009113

23 августа 1828. Тифлис.

Ваше сиятельство, почтеннейший мой бесценный покровитель граф Иван Федорович.

Возвратясь от вас: #с009113_1, я схвачен был жестокою лихорадкою и пролежал в постели, также и Мальцев. Быстрая перемена климата холодного на здешний душный самовар, я думаю, тому причиною. Вчера я думал, что в промежутке двух пароксизмов мне удастся жениться без припадка болезни. Но ошибся: в самое то время, как мне одеваться к венцу, меня бросило в такой жар, что хоть отказатья совсем, а когда венчали, то я едва на ногах стоял: #с009113_2. Несмотря на это, во вторник с женою отправляюсь в Персию: #с009113_3. Она вам свидетельствует свою непритворную любовь и почтение, как благодетелю, другу и родственнику ее мужа.

О получении 8-го курура: #с009113_4 мне уже уверительно говорил Макниль. Слава богу всевышнему, который везде и во всем вам сопутствует, и в битвах, и в переговорах!

Каков Ахалцых!! – Дорого достался, недаром вы это роковое имя твердили ежеминутно во время моего пребывания у вас. А Бородин – храбрый, прекрасный и преданный вам человек. Чувствую, сколько эта потеря должна огорчать вас, но, преследуя столько блестящих и смелых военных предприятий, как ваше сиятельство, надобно наперед быть готовым на жертвы и утраты, самые близкие к сердцу.

Прощайте, ваше сиятельство, я не в естественном положении ни физически, ни морально и ничего более прибавить не в силах. Бедный Лукинский! в несколько дней заплатил жизнь за стакан воды холодной. Решительно так: он, почувствуя тот же жар, ту же болезнь, как я, не поберегся, напился воды со льдом, и я от невесты попал к мертвому трупу несчастного, который один, без никого, без ближних друзей и родственников, кончил дни скоро, и никем не оплакан.

Радовался я за Петра Максимовича: #с009113_5. Дай бог вам во всем удачи, вам [134 – В подлиннике описка: «вы».], который умеет награждать достойных.

С искренним чувством душевной приверженности вашего сиятельства всепокорнейший слуга

А. Грибоедов.

Паскевичу И. Ф., 6 сентября 1828: #с009114

6 сентября 1828. Тифлис.

Ваше сиятельство,

бесценнейший граф Иван Федорович.

Вы мне дали лестное поручение поцеловать мою жену, а я, привыкший вас слушаться, исполнил это немедленно. Точно так же, по прибытии в Еривань, сделаю все буквально, как вам угодно было приказать мне.

Вы говорите, что я слишком озабочился моею женитьбою. Простите великодушно, Нина мой Карс и Ахалцых, и я поспешил овладеть ею, так же скоро, как ваше сиятельство столькими крепостями.

В Петербурге молва о ваших делах громка и справедлива, мой друг Булгарин называет вас героем нынешнего царствования, и Родофиникин в официальных бумагах возжигает вам фимиам своей фабрики. А еще известие о самых последних и прекрасных делах не могло туда дойти.

Вчера я получил самую приветливую и ободрительную депешу от Нессельроде, который от имени государя поздравляет меня с дебютом моей переписки министерской, удостоенной высочайшего внимания и благоволения. «Sa majesté a daigné honorer de son intérêt et de son suffrage les notions et les vues, développées dans votre communication». – «Sa majesté se plaît à y voir un présage du zèle clair, qui vous guidera dans les importantes fonctions, dont elle vous a chargé, et applaudit d'avance au succès, de vos soins etc. etc.». – «Bien charmé d'avoir vous annoncer, Monsieur, le suffrage, que notre auguste maître a bien voulu accorder au début de votre correspondance»[135 – «Его величество соизволил удостоить своим вниманием и одобрением соображения и предположения, изложенные в вашем донесении». – «Его величеству благоугодно видеть в нем предзнаменование того просвещенного усердия, которое будет руководить вами в исполнении важных обязанностей, возложенных на вас, и приветствовать заранее успех ваших хлопот и т. д. и т. д.» – «Крайне доволен, что могу сообщить вам оценку, которую нашему августейшему повелителю угодно было высказать по поводу первого вашего донесения». – (фр.)..]. Все это чрезвычайно приятно, хотя заслуг моих еще ровно никаких нет. Боюсь после ведренных дней внезапной грозы за долговременное пребывание в Тифлисе, в котором по возвращении из Ахалкалак зажился месяц и два дни. Но кто меня знает, легко может поверить, что не домашние дела меня задержали. Не посети лихорадка так жестоко и неотвязно, то я бы в нынешний приезд, верно, не женился. Но при хине и это не лишнее. Va pour le mariage[136 – Идет! согласен на женитьбу! – (фр.)..].

Ваше сиятельство желаете скорейшего моего возвращения в Тифлис. Это будет зависеть от вашего ходатайства у моего вице-канцлера.: #с009114_1 Коли вы ему два слова напишете о том, что я, по долгу службы, не успел двух недель пробыть с родными после женитьбы, – то он, конечно, выпросит у государя позволение мне сюда приехать месяца на три.

Судьба не щадит ваших неприятелей ни в поле, ни в постеле. Бедный Бенкендорф умер от желтой горячки. – Брат покойного: #с009114_2 не так сильно против вас ожесточен и когда-нибудь искренно с вами примирится.

Амбургер жалуется на пограничных начальников, Панкратьева, Мерлини, что досаждают Аббас-Мирзе неприличными письмами. Я не довожу сего обстоятельства до сведения вашего официальною бумагою, чтобы не педантствовать мнимую важностию. Но одно слово вашего сиятельства и категорическое предписание этим господам, конечно, заставит их удержаться от переписки, мимо Амбургера, с персидским правительством.

Завтрашний день пойдет от меня и Завилейского к вашему сиятельству План компании и Записка на благосклонное ваше рассмотрение: #с009114_3. Во время болезни я имел довольно трезвости рассудка и досуга, чтобы обмыслить этот предмет со всех сторон. Прошу вас почтить труд наш и полезное предприятие прозорливым и снисходительным вниманием.

Прощайте, ваше сиятельство, любите по-прежнему и не оставляйте вашего преданного вам по гроб

А. Грибоедова.

Nina se rapelle à votre souvenir, et vous fait dire mille choses réspectueuses et aimables[137 – Нина просит напомнить вам о себе и поручает передать вам тысячу почтительных приветствий. – (фр.)..]. Просто вас обнимает, и ей от меня сие дозволяется только в отношении к вам.

Вы заботитесь о куруре. Третьего дня я получил окончательное решение персидского правительствa, они чистыми деньгами дают еще 50 тысяч туман: следовательно, только 100 тысяч представлены будут вещами ценою в 150 тысяч. Я немедленно отправлюсь и, бог даст, все это легко обделается. Но прошу вас, ваше сиятельство, не сообщайте этого до времени министерству, покуда я сам не донесу о том из Табриза. А то у нас будут думать, что все это само собою делается. Ничуть не бывало. То, что мы говорили в лагере под Ахалкалаками, приведено в исполнение, и Амбургер именно умел обратить в пользу мое мешканье. Дайте мне хоть раз выкинуть с успехом маневр дипломатический. Довольно для вас триумфов, счастливых приступов, побед в поле, охота вам еще заниматься нашею дрязгою.

У меня к вам целые томы просьб, но побеспокою вас только одною в пользу бедного Огарева, которому существовать нечем. 1 ½ года тому назад угнаны у него его лошади хищниками. Он несколько раз домогался выдачи из казны ему за это какого-нибудь пособия. Я думаю, все вместе не простирается до 2 тысяч рублей ассигнациями. И Гоziуш уверяет, что совестно ему отказать в этом. Прикажите, ваше сиятельство, принять в уважение его заслуги, честность и бедность.

Еще раз ваш весь телом и душою. Idem.

Устимовичу, Сакену и Хомякову не откажитесь от меня поклон передать.

Паскевичу И. Ф., 7 сентября 1828: #с009115

Милостивый государь граф Иван Федорович!

Генеральный консул: #с009115_1 наш в Табризе препроводил ко мне, для поднесения вашему сиятельству, счет сделанных им экстраординарных издержек во время заведования им нашими персидскими делами в качестве комиссара вашим сиятельством при особе Аббас-Мирзы оставленного. Честь имею при этом заметить, что из числа суммы 3 885 червонных мною уже получены от вашего сиятельства для уплаты г. Макдональду, у которого надворный советник Амбургер их занял.

Но я, по недостатку верного чиновника, с которым бы можно оную сумму отправить в Табриз, оставил ее у себя. Кроме счета самого Амбургера, присовокуплены такие же гг. Иванова, Коцебу и Фелькерзама; последний занял еще у г. Амбургера 2000 червонных. Ваше сиятельство, усмотрите из письма ко мне генерального консула нашего в Персии, в копии при сем прилагаемого, причины, оправдывающие расходы по его службе.

С совершенным почтением и таковою же преданностию имею честь быть, милостивый государь, вашего сиятельства всепокорнейший слуга

Грибоедов.

Сентября 7-го дня, 1828. Тифлис.

Паскевичу И. Ф., 8 сентября 1828. Отношение: #с009116

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
8 сентября 1828 г. Тифлис.

По прибытии моем из С.-Петербурга в Тифлис, я нашел здесь переводчика поручика Шахназарова, назначенного вашим сиятельством к определению при персидской миссии, которого я вследствие сего и причислил к своей канцелярии с 6-го числа июля текущего года, с которого времени он получает жалование по окладу 300 черв. в год.

Сей чиновник во время персидской кампании был прикомандирован к генерал-адъютанту Бенкендорфу; а в продолжение Дейкарганских и Туркменчайских переговоров деятельно упражнялся в переводах в собственной канцелярии вашего сиятельства, за что и был представлен к годовому окладу и следующему чину; но в отношении его сиятельства вице-канцлера об отпуске чиновникам высочайше пожалованных денег, в награду, имя Шахназарова пропущено. Вследствие чего ваше сиятельство, от 6-го июня нынешнего года, благоволили повторить о нем представление министерству иностранных дел.

Кроме того, он за Джеванбулакское дело произведен в поручики, а при заключении мира в следующий чин, который, однако же, ему не объявлен, о чем и вступил ко мне с просьбою, дабы я исходатайствовал у вашего сиятельства объявление ему утверждения в чине штабс-капитана; а так как он обременен семейством и долгами и нужны ему еще больше издержки для экипировки при отъезде со мною в Персию, то и прошу ваше сиятельство обратить на сего человека благосклонное ваше внимание, для отпуска ему вышеозначенного денежного награждения, которое он в полной мере заслужил старанием и трудами в прошедшую кампанию и в продолжение мирных переговоров.

Булгарину Ф. В., 24 июля – сентябрь 1828: #с009117

24 июля 1828.

Биваки при Казанче, на турецкой границе.

Любезный друг, пишу к тебе под открытым небом и благодарность водит моим пером, иначе никак бы не принялся за эту работу после трудного дневного перехода. Очень, очень знаю, как дела мои должны тебе докучать. Покупать, заказывать, отсылать!!!

Я тебя из Владикавказа уведомил о взятии Карса. С тех пор прибыл в Тифлис. Чума, которая начала свирепствовать в действующем отряде, задержала меня на месте; от Паскевича ни слова, и я пустился к нему наудачу. В душной долине, где протекают Храм и Алгетла, лошади мои стали; далее, поднимаясь к Шулаверам, никак нельзя было понудить их идти в гору; я в реке ночевал; рассердясь, побросал экипажи, воротился в Тифлис, накупил себе верховых и вьючных лошадей, с тем, чтобы тотчас пуститься снова в путь, а с поста казачьего отправил депешу к графу, чтобы он мне дал способы к нему пробраться; уведомил его обо всем, о чем мне крайне нужно иметь от него сведения, если уже нельзя нам соединиться, и между тем просил его удержать до моего приезда Мирзу-Джафара, о котором я слышал, что к нему послан из Табриза. Это было 16-го. В этот день я обедал у старой моей приятельницы Ахвердовой, за столом сидел против Нины Чавчавадзевой, второй том Леночки: #с009117_1, все на нее глядел, задумался, сердце забилося, не знаю, беспокоил ли другого рода, по службе, теперь необыкновенно важной, или что другое придало мне решительность необычайную, выходя из стола, я взял ее за руку и сказал ей: Venez avec moi, j'ai quelque chose ࢰ vous dire[138 – Пойдемте со мной, мне нужно что-то сказать вам. – (фр.)..]. Она меня послушалась, как и всегда, верно, думала, что я ее усажу за фортепьяно, вышло не то, дом ее матери возле, мы туда уклонились, взошли в комнату, щеки у меня разгорелись, дыханье занялось, я не помню, что я начал ей бормотать, и все живее и живее, она заплакала, засмеялась, я поцеловал ее, потом к матушке ее, к бабушке, к ее второй матери Прасковье Николаевне Ахвердовой, нас благословили, я повис у нее на губах во всю ночь и весь день, отправил курьера к ее отцу в Эривань с письмами от нас обоих и от родных. Между тем вьюки мои и чемоданы изготовились, все вновь уложено на военную ногу, на вторую ночь я без памяти от всего, что со мною случилось, пустился опять в отряд, не оглядываясь назад. На дороге получил письмо летучее от Паскевича, которым он меня уведомляет, что намерен сделать движение под Ахалкалаки. На самой крутизне Безобдала гроза сильнейшая продержала нас всю

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
ночь, мы промокли до костей. В Гумрах я нашел, что уже сообщение с главным отрядом прервано, граф оставил Карский пашалык и в тылу у него образовались толпы турецких партизанов, в самый день моего прихода была жаркая стычка у Басова Черноморского полка в горах за Арпачаем. Под Гумрами я наткнулся на отрядец из 2-х рот Козловского, 2-х 7-го Карабинерного и 100 человек выздоровевших, – все это назначено на усиление главного корпуса, но не знало, куда идти, я их тотчас взял всех под команду, 4-х проводников из татар, сам с ними и с казаками впереди, и вот уже второй день веду их под Ахалкалаки, всякую минуту ожидаем нападения, коли в целости доведу, дай бог. Мальцев в восхищении, воображает себе, что он воюет.

В Гумрах же нагнал меня ответ от князя Чавчавадзева отца, из Эривани, он благословляет меня и Нину и радуется нашей любви. – Хорошо ли я сделал? Спроси милую мою Варвару Семеновну и Андрея: #с009117_2. Но не говори Родофиникину, он вообразит себе, что любовь заглушит во мне чувство других моих обязанностей. Вздор. Я буду вдвое старательнее, за себя и за нее.

Потружусь за царя, чтобы было чем детей кормить.

<Начало сентября 1828, Тифлис>

Строфы XIII, XIV, XV.

.

. [139 – в подлиннике проставлено две строчки точек.]

Промежуток 189; месяца.: #с009117_3

Дорогой мой Фадей. Я по возвращении из действующего отряда сюда, в Тифлис, 6-го августа занемог жестокою лихорадкой. К 22-му получил облегчение, Нина не отходила от моей постели, и я на ней женился. Но в самый день свадьбы, под венцом уже, опять посетил меня пароксизм, и с тех пор нет отдыха, я так исхудал, пожелтел и ослабел, что, думаю, капли крови здоровой во мне не осталось.

Еще раз благодарю за все твои хлопоты. Не бойся, я не введу тебя в ответственность за мои долги. Вместе с сим, или вскоре после, ты получишь от дяди Мальцева 15 000 рублей и, следовательно, до 1-го января со всеми расквитаешься.

Изредка до меня доходит «Сын Отечества» и «Северный Архив», «Северная Пчела» довольно регулярно. Но отчего же прочих журналов ты мне не присылаешь? А об иностранных и в помине нет. Сделай одолжение, позаботься об этом. Прощай. Прими поцелуй от меня и от жены.

Амбургеру А. К., 10 сентября 1828: #с009118

(Перевод с французского)

Шулаверы. 10 сентября 1828. На пути в Эривань.

Я женился, мой любезный Амбургер, был тяжело болен и скоро присоединюсь к вам. Постарайтесь о том, чтобы приготовили мне помещение, где бы моя жена нашла приют на две, на три недели, которые я проведу в Тавризе. Говорят, что шаха нет в Тегеране, тогда возможно, что я проведу всю зиму в Тавризе, в этом случае я приму свои меры, чтобы устроиться получше.

Я отослал главнокомандующему ваш рапорт и счет вашим экстраординарным расходам: #с009118_1. Но знаете, я боюсь, что вас не одобряют, потому что вы, не имея миссии представительного характера, щедро раздавали подарки в некоторых случаях, как если бы вы были чрезвычайный посланник. Правда, что без этого ничего нельзя сделать в Персии, и я очень надеюсь на доверие, которое генерал к вам питает, но Азиатский департамент производит и обсуждает расчеты совсем иначе: #с009118_2. При нашем свидании я расскажу вам, как бедно содержали меня в этом отношении.

Вообразите себе, что все, что вы получите от меня официального, я уже отослал вам несколько времени тому назад, во время моей болезни, через военного губернатора Тифлиса, в уверенности, что он направит несколько «летучек» в Аббас-Абад и что он знал, какие следует принять меры, чтобы они дошли до вас в назначенный пункт. Ничуть не бывало. Мои чиновники нашли их в гражданской канцелярии губернатора с другими запоздалыми бумагами, газетами и проч.

До свидания. Принимайте курур на условиях, которые вы сумели установить и которые так согласуются с желаниями министерства; это принесет вам много чести.

Весь ваш А. Грибоедов.

Как только я приеду в Эривань, я дам вам знать, когда я двинусь оттуда, для того, чтобы ваш мехмендар: #с009118_3 напрасно бы меня не ждал.

Паскевичу И. Ф., 14 сентября 1828: #с009119

14 сентября 1828. Хамамли

Почтеннейший и бесценный мой покровитель граф Иван Федорович.

Пишу к вам в холод и ветер ужаснейший, палатки едва держатся. – Здоровье мое мне еще не позволяло выехать из Тифлиса; но последние известия, полученные мною из Персии, не дозволили мне долее медлить. Пишут, что бунт в восточной стороне государства увеличивается день ото дня, и сколько долг службы, столько и любопытство побудило меня к сближению с театром такого важного происшествия. Благодаря Сипягину я имею доктора до Эривани: #с009119_1, оттудова возьму другого до Табриза: #с009119_2. Впрочем, дорога мне как будто полезна. Я себя лучше чувствую, нежели в Тифлисе.

Коль скоро узнаю что-либо новое и решительное, и, вероятно, уже в Эривани, о персидских делах – донесу вам с точнейшею подробностью.

Тесть мой зовет меня в Баязет, а я его в Эчмядзин. Вероятно, однако, что мы на нынешний раз с ним не увидимся: #с009119_3. Зураб Чавчевадзе (о котором князь Александр меня просит, чтобы вашему сиятельству его отрекомендовать для отправления с известием, а я не прошу, потому что не знаю на этот счет вашей воли) встретился мне с знаменами Баязета на самой вершине Базобдала. Вот и еще пашалык в руках наших, и без крови: #с009119_4. Бог вам, видимо, покровительствует. Иностранные газеты провозгласили вас покорителем Трибизонда.

Однако не пишется, и погода и жена мешают.

Прощайте, ваше сиятельство, до теплой комнаты, где присесть за перо будет удобнее.

Вашу комиссию о распространении слухов, о мнимом походе вашем на Эрзерум, я исполнил с успехом, заставил графиньку Симонич плакать по муже и Ахвердовых о Муравьеве.

Читали ли вы речь английского короля, в которой сказано, что российский император отрекся от права воинствующей державы в Средиземном море?? – Только что за глупое министерство нынче в Англии, их Веллингтон и Абердин. Не знают, что им делать, на нас смотрят злобно, а помешать нечем, с завистью на Францию, снаряжающую экспедицию в Морею: #с009119_5. (Впрочем для меня эта экспедиция двусмысленна.) В Португалии не умеют, или не хотят поддержать законного государя, своего союзника, против подлого похитителя престола: #с009119_6. А в Ирландию, до сих пор тихую и покорную, посылают войско, при появлении которого она, может быть, точно взбунтуется. Веллингтон еще прежде отзывался, что покорение сего острова никогда не было довершено. Чудесное правило, это все равно, если бы нам теперь уничтожить права Польши и ввести русский распорядок или беспорядок по Учреждению о губерниях: #с009119_7.

Сделайте одолжение, ваше сиятельство, предпишите в вашу канцелярию, чтобы ко мне

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
тотчас отправляли курьеров, коль скоро накопится несколько № газет, или каждые 2 недели раз. Кроме конвертов министерства, нельзя мне в нынешнем моем положении долго оставаться без политических известий из Европы.

С чувством глубочайшего почтения душою вам преданный и покорный

А. Грибоедов.

Амбургеру А. К., 20 сентября 1828: #с009120

20 сентября <1828, Эривань>.

Любезнейший Андрей Карлович. Сейчас прибыл ко мне от вас Юсуф. 50 тысяч я посылаю Майвалдову, от которого и получите расписку по доставлении денег куда следует. Желание ваше насчет переводчика я угадал и не везу вам никакого ориентального шута, институтского воспитанника. Я знал, что Мирза для вас гораздо нужнее. Об жаловании вашем мы переговорим и настроим гр. Ивана Федоровича: #с009120_1, которому я уже внушил, как он должен писать к вице-канцлеру: #с009120_2, коль скоро получит на этот счет отношение от меня из Табриза.

С Родофиникиным нечего толковать, он, свинья, всех нас кругом обрезал, просто сказать, обокрал. И если бы государь один день остался в Петербурге после моего назначения, то я бы нашел случай ему доложить. Совсем не говорите об этом с вашим секретарем.

Панкратьев будет поставлен на место. Во-первых, потому что вы имели право обидеться, и затем – по истинному уважению, каким вы пользуетесь у главнокомандующего. Прощайте. Я тороплюсь и с нетерпением жду свидания с вами.

Весь ваш А. Г.

Мирза-Джафар забросал меня нотами. Вот еще бог навязал на меня самозванца-посланника. Брожение в жителях от него превеличайшее. А он от графа не имеет никакого кредитива быть здесь, да и граф на это власти не имеет. Вы знаете формы. Что же касается до позволения выходить от вас в Персию, это графом и в Тифлис, и сюда предписано, и никто не препятствует. По научению Мирзы-Джафара здесь всего 60 семейств потребовали билеты, и те теперь сидят и нейдут. А я уверен, что он пишет об тысячах своему принцу: #с009120_3.

Вы знаете характер графа, когда до него дойдет, то он его просто велит по шеям проводить. Что за государство, что за народ, этот еще ½-европеец, и вздор делает, воображаю, какая бестолочь ожидает меня далее.

Паскевичу И. Ф., 23 сентября 1828: Отношение № 52: #с009121

23-го сентября 1828 г. Эривань.

Имею честь уведомить ваше сиятельство, что, по прибытии моем в Эривань, я нашел Мирзу-Джафара на возвратном пути, основавшего здесь свое местопребывание. Опираясь на фирманы, которые он имеет от своего двора, и на словесное позволение вашего сиятельства, он требовал от местного начальства билеты и свободный пропуск всем тем из наших подданных, которые, по силе трактата, пожелают переселиться в Персию. Сущность трактата не могла быть известна здешним чиновникам, предпочтительно занятым внутренним управлением; самого областного начальника здесь не было, и потому сначала допущен был персидский посланный к свободному здесь проживанию и к исполнению объявленных им поручений; тем более что от тифлисского военного губернатора получена бумага, где говорится о нем как о посланнике, которого должно принимать и содержать соответственно его званию. Но вскоре вредные последствия его внушений и принятого им на себя официального характера побудителя и покровителя переселения соделались явными. Некоторые недовольные новым порядком, вводимым нашим правительством, объявили желание уйти навсегда отсюда. На ту пору я прибыл и, сведав, что происходило, послал за

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru

Мирзою-Джафаром и выговаривал ему неуместность его поведения. Из слов же его я усмотрел, что он искренно верил в правильность своих поступков, выказал мне свои фирманы; а позволение вашего сиятельства прежним персидским подданным, имеющим в Эривани собственность, продавать и обменивать оную он понял превратно, так же как и персидское министерство и консул наш в Тавризе, воображая, что сие также дает новым нашим подданным право переселиться с своею собственностью и семейством в Персию, ежели они того пожелают. Я не распространялся с ним в толковании трактата, худо им понимаемого, о чем уже мною пространно писано к нашему консулу; а по прибытии в Тавриз надеюсь сие пояснить персидскому министерству однажды навсегда. Главное, в чем я остановил Мирзу-Джафара, состояло в невозможности ему долее пребывать в Эривани в качестве резидента, в каковом звании он не аккредитован от своего двора, не признан нашим и не имеет на то от вашего сиятельства письменного дозволения. По многим объяснениям, он наконец сдался на очевидность моих доводов и ныне поутру отъезжает.

Не почитаю излишним изложить мое мнение насчет трех статей Туркменчайского трактата, которые до сих пор толкуются превратно с обеих сторон. Если ваше сиятельство предпишете тифлисскому военному губернатору и пограничным начальникам в Эривани, в карабаге, Тальше и проч., чтобы по одному и тому же предмету не было разнообразных толкований, то сие воздержит наших подданных от новой страсти к переселению, к которому они не могут и не должны быть допущены.

1) Статьею XII предоставлен трехлетний срок тем из подданных обеих держав, которые имеют недвижимую собственность по обе стороны Аракса и которые в течение сего времени могут свободно продавать и обменивать оную. О свободе переселяться тем или другим не сказано ни слова.

2) Статьею XIV не дозволено переметчикам и дезертирам, каковы суть ханы, беки и духовные начальники или муллы, которые своими внушениями могли бы иметь вредное влияние на соотчичей, селиться близ границы. Что касается до прочих жителей, то те, которые перешли или впредь перейдут из одного государства в другое, могут селиться и жить всюду, где дозволит то правительство, под коим они будут находиться (*le Gouvernement, sous lequel ils seront placés*).

Примечание. Что же касается до того государства, из которого они перешли или перейдут, то нигде не сказано, что оно должно давать им на то позволение, билеты и свободный пропуск.

3) Статьею XV даруется его величеством шахом полное прощение всем жителям и чиновникам Азербейджана. Сверх того будет предоставлен тем чиновникам и жителям годичный срок, считая от дня заключения трактата, для свободного перехода со своими семействами из персидских областей в российские, для вывоза и продажи движимого имущества; относительно же имущества недвижимого определяется пятилетний срок для продажи ононого.

Примечание. Сей годичный срок для перехода и пятилетний для продажи недвижимого имущества поставлен исключительно в пользу переходящих из Персии в Россию, а не наоборот. Нигде не сказано и не могло быть сказано, чтобы мы должны отпускать своих подданных с семействами и имуществами, ибо вся статья основана на завоевании Азербейджана, где многие нам служили и не захотели бы далее оставаться в подозрении под законом прежнего правительства, ими оскорбленного и мстительного, по выступлении наших войск.

Вот, по-моему, единственный способ толковать трактат: а о переселении жителей нигде не сказано, что оно из России в Персию должно быть российским правительством терпимо. Я полагаю, что не излишним бы было, если бы ваше сиятельство соизволили предписать циркуляром всем пограничным начальникам, как по сему предмету впредь поступать надлежит.

Паскевичу И. Ф., 23 сентября 1828: отношение № 53: #с009122

23-го сентября 1828 г. Эривань.

Генеральный консул наш в Персии жаловался мне сначала партикулярно, потом официально и теперь в третий раз просит меня довести до вашего сведения о неприличном тоне, в котором генерал Панкратьев списывается с ним и с самим

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
Аббас-Мирзою. Насчет непосредственной переписки пограничных начальников с персидским правительством вашему сиятельству известно из моей инструкции, что им сие запрещается. Не можно им предоставить право, которым пользуетесь ваше сиятельство как главнокомандующий пограничный начальник, облеченный особенным доверием государя императора, и потому убедительнейше испрашиваю у вашего сиятельства, чтобы вы благоволили однажды навсегда предписать им, дабы они воздержались от переписки с Аббас-Мирзою и вообще с персидским министерством и начальством в Тавризе мимо меня или того, кто во время отсутствия моего назначен мною старшим исправляющим мою должность; в таком отношении находится Амбургер. Иначе я не могу отвечать за могущие от сего произойти неудовольствия персидского двора, которым не я буду виною. Что же касается до самого Амбургера, то он, по своему поведению и усердию, несколько раз вашим сиятельством одобренному, не заслуживает и не обязан терпеть резких и грубых нареканий генерала Панкратьева.

Паскевичу И. Ф., 23 сентября 1828: Отношение № 54: #с009123

23-го сентября 1828 г. Эривань.

Я имел честь из Тифлиса и из Амамлов партикулярно уведомить ваше сиятельство о бунте в Персии; достовернейшие подробности, до меня дошедшие, суть следующие:

Риза-Кули-хан Кочанский открыто поднял знамя мятежа против шаха и в отсутствие правителя Хорасана, известного вашему сиятельству Хасан-Али-Мирзы, на охоте в Шапуре предательски захватил в плен сына его. Шах без замедления послал войско для охранения города Мешеда под командою отца бывшего у нас в плену Мамед-Эмин-хана. Бывший сардар Эриванский назначен правителем Хорасана, чему нельзя довольно радоваться, по отдалению от наших границ сего вредного человека. Вообще приписывают бунт неудовольствию против угнетения сына шахского Хасан-Али-Мирзы; полагают, что с прибытием сардаря спокойствие скоро восстановится.

Аббас-Мирза все еще находится в Хамадане; но уведомляет меня, что, по прибытии моем в Тавриз, немедленно туда возвратится.

Шах также хотел отбыть из своей столицы, но удержан был от сего ружейным выстрелом, направленным на него в ту самую минуту, как он выезжал из стен города.

Паскевичу И. Ф., 23 сентября 1828: Отношение № 55: #с009124

23-го сентября 1828 г. Эривань.

Генеральный консул наш в Персии доносит мне об отъезде Фетх-Али-хана беглербега из Тавриза в Хой, с 300 т. туманов в уплату следующего нам осьмого курура для очистки Хойской провинции. Предписание вашего сиятельства он получил, которым вы его уполномочивали согласиться на персидские предложения. Последняя его сделка с тавризским министерством основана на том предписании, которое он имел от меня согласно с инструкциею вашего сиятельства, полученною мною в лагере под Ахалкалаки. Распоряжение сие было уже наперед высочайше одобрено, как явствует из отношения к вам по сему предмету вице-канцлера; а потому я сие с особенным удовольствием имею честь довести до вашего сведения.

Паскевичу И. Ф., 23 сентября 1828: Отношение № 56: #с009125

23-го сентября 1828 г. Эривань.

Английский министр в Персии и чиновники его, по представлению вашего сиятельства, удостоены были всемилостивейшим пожалованием от двора нашего орденами и подарками, исключая секретаря миссии Кемпбеля, который во время Туркменчайских переговоров отбыл в Англию; но прежде сего он из первых являлся к вашему сиятельству и деятельно участвовал в сближении нас с персиянами. Если вашему сиятельству угодно будет сделать о нем особенное представление, для

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
доставления ему награды от высочайшего двора нашего наравне с его сослуживцами,
то сие было бы принято всею английскою миссиею в Персии с благодарностью.

При том из писем ко мне Макдональда и нашего консула я уведомлен, что
чрезвычайным послом его императорского величества в Лондоне князем Ливеном не
сделано еще никакого сообщения английскому двору о наградах, дарованных
государем императором чиновникам великобританской миссии в Персии. Министр
статс-секретарь по иностранной части лорд Абердин изъяснялся, что со стороны
короля не будет никакого препятствия в утверждении их в сих наградах, если
только доведено будет официально до его сведения нашим послом в Лондоне.

Я о сем доношу ныне вице-канцлеру, но уверен, что отзыв к нему такого же рода
вашего сиятельства подкрепит гораздо действительнее мое представление.

Паскевичу И. Ф., 1 октября 1828: #с009126

1-го октября 1828 г. Переправа на Араксе против Джульфы.

В Нахичеванской области нашел я еще более беспорядка и притеснений от
переселения армян, нежели в Эривани. Вашему сиятельству известно, как скудна
прежними жителями и как небогата сия провинция. Здесь армянам, пришельцам,
лучше, нежели в ином месте, где я их встречал; но брожение и неудовольствие в
умах татарских доходит до высочайшей степени. Насколько их жалобы основаны на
справедливости, ваше сиятельство сами изволите усмотреть из нижеследующей
таблицы. Я нарочно выбрал самые высшие пропорции между новопоселенными и
старожилами, чтобы можно было судить об истинном отягощении последних. Очень
легко может случиться, что они в отчаянии бросят свое хозяйство и имущество, и
тогда напрасно мы это будем приписывать персидским внушениям, как это недавно
случилось при бегстве садаракцев. Бегство их приписано проезжему Мирзе-Джафару,
который, по собранным мною известиям от самой же полиции, ни в чем тут не
причастен; и теперь, когда я объяснил областному начальству, что их не должно
было пускать и можно воротить, сообразно с трактатом, то, быв силою возвращены,
они моему переводчику объявили настоящие причины их побега: беспорядочное
управление и тягостные повинности, т. е. то же, что и в Грузии. После я
пространнее осмелюсь изложить вашему сиятельству мое мнение по сему предмету;
теперь возвращаясь к новопереселенным армянам в Нахичеванской области.

Несоразмерность сия превышает всякое понятие; можно смело сказать, что после
сего ни казна от жителей, ни жители от своего достояния ничего не получают, а от
пришельцев правительство обязалось в течение шести лет ничего не брать.

Две меры мне кажутся необходимыми для успокоения, хотя на время, справедливых
опасений прежних помещиков:

1) Надлежит в наискорейшем времени выслать отсюда далее, а именно в Даралагез,
часть новоприбывших семейств, хотя не более 500; для них там и места готовы, и
старожилы берутся им выстроить дома на зиму. По смете, которую я видел в
областном правлении и в комитете, их можно по 20 и 15-ти водворить на новых
местах, в таких селениях, где первобытных жителей вдвое и втрое против сих
количеств отдельно взятых. Кроме того, есть уже из новоприбывших семейств до
200, которые от тесноты сами просят, чтобы их далее выселили; из остальных, в
дополнение к 500, половину можно уговорить; другую, более упорную, приневолить.
Но гораздо менее неудобства заслужить ропот 100 или 150 семейств, нежели целой
провинции, новоприобретенной и пограничной, которую мы, наконец, заставим
вздыхать о прежнем персидском правлении, известном вашему сиятельству своими
неотеческими чувствами к подданным; я даже опасаясь, что это все скоро явится в
иностранных газетах, и не слишком в нашу пользу. Сомнительно состояние и тех,
которых мы заставили к себе перейти, и других, которые от нас перейдут сотнями и
тысячами по непрозорливости начальства. В бытность мою в Эривани, кн.
Аргутинский всеми силами противился новому переселению некоторых семейств из
Нахичеванской области в Даралагез. Я и тогда видел, что он слишком горячо
вступает за интересы вверенных ему выходцев, и это ему честь делает; также и
здешний штабс-капитан Неверовский, от него зависящий. Всякий частный чиновник
должен грудью стоять за вверенную ему порученность; но дело главного начальства

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
знать, какие, в частности, допускать уступки для достижения общей пользы. Если ваше сиятельство предпримете в наискорейшем времени переселить упомянутое число 500 семейств новопришедших армян в Даралагезский округ, то окажете сим истинное благодеяние Нахичеванской области.

2) В здешнем мусульманском краю, где все народонаселение похоже на паству, которая живет, движется и бродит, все по примеру одного или нескольких, гасе mouтопни#232;re[140 – стадо баранов (фр.)], правительству необходимо иметь на жалованье и совершенно за себя некоторые значительные лица. Воля вашего сиятельства, но мы этого не умеем делать, и нами никто не доволен. У беков и ханов мы власть отнимаем, а в замену даем народу запутанность чужих законов. Тех, которые нам вверились и оставили отечество, оказавших даже важные услуги, мы трактуем как нищих; по их примеру никто нам не верит. Таким образом, несчастные братья Марандского хана, первые принявшие нашу сторону, когда мы вступили в Азербейджан, не могли добиться, чтобы им отвели для поселения пустопорожние земли, которых у нас бездна, и какое-нибудь денежное содержание.

Я, коль скоро прибыл в Нахичевань, то меня обступили беки, султаны, все с ропотом справедливым на стеснение, о котором я уже выше упомянул. Отговориться было нечем. Тратить пустые слова было бы бесполезно, ибо собственная нужда к ним слишком близка: они требуют дела и скорой помощи. Я хотя и объяснил им, что по внутренности не имею никакой власти, чиновник проезжий, посылаемый в чужое государство, но вашему сиятельству известно, что здесь, в Азии, коль скоро является новое лицо, несколько значительное, то от него ожидают всех благ и удовлетворения во всех просьбах. Я почел лучшим способом взять в сторону Назар-Али-хана и Ших-Али-бека, обошелся с ними как можно почетнее и доверчивее, вашим именем говорил им, что на них лежит обязанность распространять в народе доверие и привязанность к правительству, что нынешний случай в отношении к переселенцам необыкновенный и скоропроходящий и проч. Нельзя себе представить, как они были довольны оказанным мною их особам незначимым отличием. Я точно видел после сего, что они поступили добросовестно, ибо те же лица беков и прочих помещиков я нашел после не выражающими прежнего неудовольствия.

Еще раз повторяю, что нельзя дать себя уразуметь здешнему народу иначе, как посредством тех родовых начальников и духовных особ, которые давно уже пользуются уважением и доверием, присвоенными их званиям. Нынешнею весною, в проезд мой чрез Эривань, я писал вашему сиятельству о смешном превращении, произведенном генералом Красовским, прапорщиков в казиев. И теперь тот же порядок. Муллы досаждают, народ вслед за ними, а наши городовые и областные суды, нимало не заботясь приноровиться к местным обычаям и не дерзая сего делать в силу регламентов, судят протяжно и подписывают определения и решения, которым жители подчиняются не по убеждению, а как будто бы насильственно. Что за поспешность с нашей стороны вмешиваться во все мелкие тяжбы и ничтожные соотношения новых подданных между собою. Боимся ли мы пристрастия мусульманских судей, – но власть их единственно основана на выборе и доверии народном. Коли кази пристрастен, то его бросают и идут к другому, а он лишается хлеба. Прежде сего на их решения могли действовать угрозы светских правителей: сардаря, хакима и т. п., у нас этого быть не может; а где один из тяжущихся христианин, то, по мухаммеданскому шаро (духовный закон), допускается по шести свидетелей обоих вероисповеданий. Можно бы еще, в таком случае, наряжать депутата от правительства.

Вы простите все эти отступления, но я, по моему давнему обычаю, пишу к вашему сиятельству как думаю и не официально.

О Назар-Али-хане, как старшем в семействе Кенгерлу, старее Эксан-хана и Ших-Али-бека, смею представить вашему сиятельству, что назначение ему на ежегодное содержание 800 туманов, или 1100 червонцев, из суммы, которая высочайше назначена в награду перешедших к нам и прочим ханов, сделало бы в здешнем краю и во всех наших мусульманских провинциях и пограничных персидских впечатления самое выгодное для нашего правительства, и это не так, как мы обыкновенно делаем, – даем не спросясь, чего хотят. Я наверно знаю, что это тахит его желаний; притом он старик, недолго проживет, но долго за нас томился в плену.

Не худо, если бы ваше сиятельство написали слова два Ших-Али-беку и Эксан-хану или хотя первому. Иногда присылка от вас халата с почетным русским чиновником более подействует, нежели присутствие войска, строгие наказания, присяга и

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
прочие понудительные средства.

О присяге в Эривани и много кое о чем буду уже писать из Тавриза.

Паскевичу И. Ф., 17 октября 1828: #с009127

№ 77

17 октября 1828 г. Тавриз.

По болезненному моему состоянию и большей части моих чиновников и прислуги, я принужденным нашелся взять из Эривани состоящего при тамошнем военном госпитале ординатора Мальберга, который также сопровождает меня до Тегерана, о чем я нужным почел известить ваше сиятельство, испрашивая на то вашего соизволения. Коль скоро ворочусь сюда в Тавриз, где могу найти пособия от английских докторов, то отошлю его обратно к его назначению, также, ежели прибудет до тех пор мой собственный доктор, определенный к миссии.

Нессельроде К. В., 20 октября 1828. Депеша: #с009128

(Перевод с французского)

20-го октября 1828 г.

Возврат моей тифлисской лихорадки помешал мне совершить путешествие с желаемой быстротой; я очень недавно добрался до Тавриза.

Полковник Ренненкамф, почти окончив съемку со стороны малого Арарата, осведомлялся у меня, когда приедет Мирза-Масуд для окончания соображения дела разграничения. Я отправил из Нахичевани отношение к персидскому комиссару; потом, встретив его при переправе через Араке, я лично просил его поспешить к месту назначения. Теперь я слышал, что оба комиссара пришли к соглашению и немедленно отправятся на пограничную линию в Талыш.

По ту сторону Аракса я был принят с большим почетом так же, как в Тавризе. Но всего более понравилась мне та добрая память, которую оставили наши войска в сельском народе. Войско михмандара, присланное ко мне от имени шаха, раздражало крестьян своими притеснениями и грубым обращением; бедные люди громко упрекали этих солдат в их несходстве с русскими, которые и справедливы, и ласковы, так что народ очень был бы рад их возвращению.

На другой день, 7-го сего месяца, Аббас-Мирза поспешил дать мне свидание. Он сдержал слово, данное им в письме из Хамадана, приехать в Тавриз, как скоро я туда буду. Болезнь моя была причиною, что он предупредил меня здесь несколькими днями. Он принял меня, так как и членов миссии, которых я ему представил; и вся беседа его состояла в уверениях преданности августейшей особе нашего государя, портрет которого украшал грудь его.

9-го числа я вручил ему ратификацию трактата, которую он принял стоя, окруженный всеми сановниками своего двора и при гоме пушек; затем последовали те же уверения, что накануне, и еще с большею напыщенностью.

С тех пор нисколько не ослабло внимание принца ко мне; он рад бы видеть меня каждый день, и по нескольку раз в день, если б болезнь не помешала мне следовать его частым приглашениям. Но, несмотря на всю эту предупредительность, как только речь заходит о делах, начинаются затруднения. Одно освобождение наших пленных подданных причиняет мне невероятные заботы; даже содействие правительства почти недостаточно для того, чтобы отнять их у их настоящих владельцев. Только случайным образом удастся мне открыть место их несправедливого заключения, и только тогда мое вмешательство имеет успех.

Уплата 8 курура еще очень далека от осуществления, и дело это представляет неразрешимые затруднения:

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru

а) Правда, что 300 т. туманов уже выплачены нашим властям в Хое, за исключением около 2 т., но и эти не замедлят доставить.

б) Остальные 100 т. туманов, несмотря на положительные обещания, выраженные Макдональду, выплатить их, шах вовсе не ставит на счет и даже формально отказался от уплаты: #с009128_1. Таким образом, поручительство английского посланника – одна мечта. Едва ли его правительство возьмет на себя эту уплату в угоду шаха. В таком случае, Макдональд, как честный человек, принужден будет своим состоянием покрыть сумму подписанного им векселя, который в моих руках. Вопрос в том: хватит ли на это его состояния?

в) У нас в залоге алмазы, обеспечивающие остальные 100 т. туманов.

Целые дни проходят в выслушивании самых нелепых предложений, все насчет этого дела, то самого шаха, то министров его, между тем как в моей власти только настаивать на одном и том же и отвергать одно за другим все предложения. Когда я сюда прибыл, то воспользовались моим званием полномочного министра, чтобы склонить меня к полной уступке 200 т. туманов по причине очень простой: что нет уже ни гроша лишнего. Я отвечал Аббас-Мирзе шутя, что я уполномочен вытребовать у него полную и немедленную уплату его долга без всякого права делать снисхождения. «Если вы так настаиваете на этом, – сказал он мне, – как же вы поступите с 9 и 10 курурами, которые обещали мне простить вполне, если я исполню прочие условия?» Но это обещание просто выдумка его, потому что главнокомандующий никогда не манил его этим. Я ему отвечал, что не буду тревожить его по двум другим курурам, предоставляя себе требовать их от шаха, когда подойдет срок, и даже теперь я поступил бы не иначе, если бы находящаяся у нас в закладе провинция не была удельною землею его высочества, так что я поставлен в печальную необходимость докучать ему.

«Точно вы не знаете, – говорил он мне, – что шах и слышать не хочет об этих деньгах и что оба курура падут на мою ответственность». Я возражал, что не обязан знать, какие у него домашние расчеты с отцом, что шах подписал и ратифицировал договор, а мое дело блюсти за исполнением его, и проч.

Впрочем, верно то, что страна до крайности обеднела и отягощена налогами; так что, когда подлежащий подати народ не мог уже ничего доставить сборщикам доходов, Аббас-Мирза отдал нам в заклад все свои драгоценности; его двор, его жены отдали даже бриллиантовые пуговицы со своих платьев. Словом, крайность выше всякого описания. Но как ответственность моя слишком велика, к тому же я узнал о существовании 31 т. туманов, недавно силою добытых в Мараге и у Шагагов; также о том, что золотые вещи, ценою в 15–20 т. туманов, находятся в закладе у английского посланника, так как он поручился за персидское правительство в его доме нашему, то по всему этому я объявил, что не приму никакого соглашения для сообщения его вашему сиятельству, покуда не будут доставлены в Хой еще 50 т. туманов, и прибавил, что, в случае упорного отказа, я уеду в Тегеран, оставив дела statu quo, т. е. за нами останутся полученные из Хойского комитета 300 т. туманов; область Хойская по-прежнему будет занята нашими войсками: #с009128_2, а залогом будут нам служить алмазы в 130 т. туманов, хранящиеся в цитадели за печатями как русской, так и английской миссий.

Вот, ваше сиятельство, положение этого нескончаемого дела о деньгах. Мой категорический ответ произвел свое действие. 50 т. туманов золотом и серебром будут немедленно доставлены в Хой. Для пополнения суммы Аббас-Мирза велел расплавить в слитки превосходные золотые канделябры и разные вещи из гарема, одна работа которых стоит столько же, сколько самый металл; это распоряжение явно доказывает безденежье шаха. Кроме того, я настоял на выдаче одному из английских офицеров, а именно майору Гарту, документа, в силу которого он вправе наложить контрибуцию на какой угодно азербейджанский округ, чтобы добыть остальные 50 т. туманов. Я полагаю, что это будет исполнено не сегодня, так завтра. Я не хотел употребить кого-либо из наших для этого дела, чтоб не возбудить ненависти в стране, в которой мы проживаем. Надо было выбрать между персиянином и англичанином, и, разумеется, выбор пал на последнего, так как ничто не побуждает меня доверять персиянину.

После уплаты 400 т. туманов мы оставим у себя в закладе алмазы за остающиеся 100 т. туманов, а Хой может быть очищен согласно с разрешением вашего сиятельства. Однако я замечу, что если и несправедливо удерживать двойной залог (провинцию и алмазы) без всякого о том договора, особенно за недоданную только

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
пятую часть долга, то, с другой стороны, я не предвижу выкупа вещей Аббас-Мирзой, так как он положительно не имеет денег; разве мы согласимся вместо денег принять на ту же сумму хлопчатой бумаги, шелку и драгоценных вещей; и не то пусть интендантство Кавказского Отдельного корпуса вышлет сюда комиссионеров для закупки скота, лошадей, хлеба и пр. На последнюю меру его сиятельство главнокомандующий гр. Паскевич-Эриванский уже изволил однажды дать свое согласие, отчего я снова ее предлагаю; вместе с тем умоляю ваше сиятельство дозволить ее и нынче.

Извините, граф, что я так распространился об этом предмете; но я опасюсь ответственности, в которую так легко попасть, когда дело идет о деньгах и когда нельзя ожидать ни откровенности, ни податливости от тех людей, с которыми мне приходится иметь дело. Примите и т. д.

Нессельроде К. В., 23 октября 1828. Деша: #с009129

(Перевод с французского)

23-го октября 1828 г.

Бунт в Хорасане не имел других более важных последствий, кроме тех, о которых я сообщил вашему сиятельству 21-го прошлого сентября. Начальство над новою армиею, собранною против мятежников, распределено между бывшим эриванским сардаром, его братом Хасан-ханом, Джафар-ханом, Суфан-Кули-ханом и прочими лицами, участвовавшими в кампании 1827 г. против нас.

Царевич Александр просил у Аббас-Мирзы позволения прибыть сюда из Эрзерума, но получил отказ.

По приезде моем сюда, я узнал, что принц ожидал возвращения из Багдада своего посланного. Причина его размолвки с пашою заключается в осквернении священной для шиитов кербелайской территории вступлением в нее турецкого войска, в противность заключенного с Персиею торжественного договора, по которому это место богомолья со всем его округом считается нейтральным.

В разговоре со мною Аббас-Мирза сказал мне, что Персия имеет серьезные причины жаловаться на турок, которые не исполняют ни одного договора (замечание любопытное в устах персидского принца). Он прибавил, что они не выполнили ни одного из условий, в которых сговорились с ним, и что он охотно пристал бы к нам, если бы только был уверен, что это будет приятно императору. Я дал ему понять, что содействие его всегда будет для нас приятно, только бы оно не имело последствием общности взаимных интересов, потому что это повело бы к еще бо́льшим препятствиям, поставляемым расположению его величества к миру. Кроме того, я ему заметил, что теперь он уже не может располагать пашалыками, как было в начале войны: Баязет уже занят нами, а Муш и Ван покорятся при первом появлении русского отряда и что здесь, вероятно, мы запасемся продовольствием для войска; а персидский корпус не принесет нам никакой пользы; напротив, истощит страну и тем помешает нам в дальнейших операциях. Говоря таким образом, я полагал, что чем откровеннее буду в сообщениях такого рода, тем лучше, так как всегда найдется тысяча средств косвенным образом воспламенить его воображение, не давая ему повода свалить вину на нас, в случае если бы он решился на рискованное дело, в котором бы после раскаялся. Он говорил, что далек от намерения помешать нам в чем-либо, напротив, предлагает свои услуги русскому императору. Пусть укажут ему, куда идти, так, чтобы это не стесняло наших завоевательных планов. Он обойдет Ван и нападет на Багдад.

Два дня спустя он не скрыл от меня полученных им свежих известий от Кербелайского шейха, от Мутафического и от других начальников аравийских племен, так как и от знатнейших лиц города Багдада, которые все в заговоре против паши, под предводительством его кеая. Они приглашают принца прийти к ним с какою бы то ни было, хотя и малочисленною, армиею; тогда они немедленно отделились бы от Давуд-паши, а Аббас-Мирзе предоставили бы город и всю страну.

Так как время осеннее и в настоящую минуту Аббас-Мирза, по безденежью своему, вследствие наших денежных требований, не в состоянии ничего предпринять, то я и не воспользовался его политическими сообщениями. Я подожду приказаний вашего

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
сиятельства, которые последуют уже по возвращении моем в Тегеран. Не позволяя себе влиять чем-либо на ваше решение, я скажу, что если война продлится, то одновременное взятие Эрзерума русскими, а Багдада Аббас-Мирзою принесет пользу нашему делу.

То, что я имел честь доложить вам до сих пор, предшествовало несколькими днями другому обстоятельству. Английский посланник получил из Константинополя депешу от одного подначального агента, находящегося под покровительством нидерландского посланника. Депеша сообщает, что наши войска потерпели под Шумлою значительное поражение, которое приободрило Диван и народ в Константинополе. Там уверены, что в нынешнем году не станут пробиваться через Балканы. Известие о предполагаемом уроне русских, донельзя преувеличенном в турецких бюллетенях, деятельно повлияло на набор войска в Азии; и войско это, по словам английского корреспондента, одушевлено желанием сразиться с неприятелем. Этот же успех до того раздул надежды Дивана, что Реис-эфенди отвергнул предложение, сделанное Порте посланником Стратфорд-Канингом, из Корфу, где он ныне живет, – предложение, клонившееся к тому, чтобы расположить ее к миролюбивым мерам. Я принимаю это дело за напыщенное извращение той вылазки, во время которой у нас отняли редут и т. д., и я рад, что не скрывал о том по приезде сюда.

Согласно с другим письмом генерала Эльфингстона, находящегося теперь в Константинополе, эту столицу по-прежнему наделяют продовольствием Одесса и Крым.

Сообщаю вам об этом, граф, с тем, чтобы дать понятие о здешних слухах и о том действии, которое они могут произвести на решение персидского правительства.

Примите и проч.

Нессельроде К. В., 23 октября 1828 («Господин Граф...»): #с009130

(Перевод с французского)

Господин граф,

осмеливаюсь беспокоить ваше сиятельство по поводу, который очень важен для меня и моих подчиненных. Мы живем здесь в таких ужасных условиях, что все от этого болеют. Если вашему сиятельству было бы угодно разрешить мне взять некоторую сумму денег от персидского платежа, то я смог бы купить поблизости две или три хибарки, которые я бы переделал на европейский лад, пусть они не будут элегантными, но по крайней мере пригодными для жилья. Для этого мне потребны всего лишь 3000 туманов, а если сверх того я располагал бы еще 7000 туманов, то впоследствии я бы смог поступить таким же образом и в Тегеране.

Любой английский офицер живет в гораздо лучших условиях, чем я. Я уже издержал 900 дукатов на ремонт и меблировку комнат, которые я занимаю.

В случае, если получение наличных денег от персидского правительства представится слишком затруднительным, я с радостью соглашусь получить эквивалент указанной суммы строительными материалами и выставлю счет только за ремонтные работы и жалованье рабочим. Все это позволит достичь цели, то есть получить возможность жить в более или менее пристойных условиях.

Мой дом переполнен; кроме моих людей, в нем живут пленники, которых мне удалось отыскать, и их родственники, приехавшие за ними. Все они люди бедные, и у них нет другой возможности найти крышу над головой, кроме как в помещении миссии. До настоящего времени все мои люди, исключая меня и генерального консула, то есть секретари, переводчики и 10 казаков, которых я взял с собой, вынуждены квартировать в хибарах, из которых были выселены их владельцы, что, разумеется, не способствует поддержанию хорошего отношения к нам со стороны местных жителей. Однако во всем этом нельзя винить Аббаса-Мирзу, так как в его дворце царит полное запустение; жалость берет, когда видишь, в каких условиях живут его пять не то шесть сыновей, которых я недавно посетил.

Не смея больше задерживать вашего внимания на сем предмете, я буду ждать ответа, который соблаговолит дать ваше сиятельство. Осмелюсь лишь только обратить внимание на то, что от решения вашего сиятельства в значительной мере зависит

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
здоровье всех членов миссии.

Господин граф, примите уверения в глубочайшем и совершенном почтении и преданности. Вашего сиятельства низайший и всепокорнейший слуга Александр Грибоедов.

№ 86

Тавриз, 23 октября 1828.

Паскевичу И. Ф., 26 октября 1828. Отношение № 97: #с009131

26-го октября 1828 г. Тавриз.

Избегая пересочинения одних и тех же бумаг, честь имею представить вашему сиятельству в копии две депеши мои к вице-канцлеру. Содержание их слишком близко касается важных поручений и обширного круга действия, высочайшей властью предоставленного вашему сиятельству, и потому я почел нужным неукоснительно довести их до вашего сведения. Замечания, которые угодно будет вам сделать по разным предметам, мною излагаемым, могут раскрыть новые виды, которые по отдаленности избежали бы внимания министерства иностранных дел. Честь имею присовокупить следующее:

1) Аббас-Мирза если уплатит 400 т. туманов, то решительно не в состоянии дать более наличными деньгами, ибо ни он их не имеет, ни край ему подвластный, в котором все вообще обеднели. Не благоугодно ли будет вашему сиятельству принять в уплату вещи, ценностью своею равняющиеся вполне или частью требуемой сумме, иначе мы ввек не выручим последних 100 т. туманов. Если вам угодно будет сделать здесь закупку хлеба или скота, верблюдов, катеров и лошадей, то сие в теперешних обстоятельствах весьма удобно. Не знаю, до какой степени теперь войска действующего отряда нуждаются в продовольствии; может быть, они снабжены им достаточно, но что касается до крупного рогатого скота, то я, во время пребывания моего в Грузии, удостоверился, что его там весьма мало.

2) По получении с персиян четырех пятых долей осьмого курура, за остальные 100 т., ни под каким уже благовидным предлогом нельзя нам удерживать Хой, имея в руках наших залог из драгоценных камней на сумму, превосходящую наше требование. Я всемерно старался неготицировать дальнейшее пребывание войск наших в Хое, согласно с желанием вашего сиятельства, предлагал даже возвращение драгоценных камней, но здешнему правительству слишком ощутителен убыток, который оно претерпевает от занятия нами сей области, и доводы его неоспоримы, ибо тем временем, как мы требуем с них следующую нам контрибуцию, они платят вдвойне, быв лишены хойских доходов.

3) Последнее условие Аббас-Мирзы такого рода, что он сверх 350 т. чрез сорок дней уплатит еще 50 т. туманов по ракаму, вытребованному мною английскому майору Гарту: #с009131_1, для собрания сих денег в различных здешних уездах с помещиков, купцов, ремесленников и проч., но с тем условием, чтобы я, перед отбытием моим в Тегеран, снабдил его бумагою к генералу Панкратьеву касательно очищения Хойской области, коль скоро сии деньги получатся. Я на сие согласился, имея в виду, что без понуждения моего деньги сии так скоро не уплатятся и наши войска могут зимовать в Хое, по желанию вашего сиятельства. С другой стороны, нельзя, однако, так верно рассчитывать на неаккуратность персидскую. В таком случае, если деньги сии через сорок дней будут уплачены, то не угодно ли будет вашему сиятельству перевести в Аббас-Абад или Нахичевань комитет для получения остальных 100 т. туманов, весьма, впрочем, сомнительных.

4) Аббас-Мирза не противится пребыванию войск наших в Хое, лишь бы поставить ему для собирания податей и внутреннего управления своих собственных чиновников, а нашим более ни во что не вмешиваться. Если на сие будет разрешение вашего сиятельства, то войска наши могут там остаться всю зиму; но сам я не решился принять сие предложение, опасаясь столкновения властей весьма неприятного и даже беспорядков в самом народонаселении той области.

5) Получение остальных 100 т. туманов, по обоюдному условию Аббас-Мирзы со мною, отдалено до науруза: #с009131_2 следующего года, т. е. до 10-го марта. Между тем

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
посылается им агент его к шаху, чтобы под залог тех же драгоценных камней, которые теперь у нас в руках, или акта, которым Аббас-Мирза поступает доходами с одной из своих областей в пользу отца своего, получить от его величества займы означенные 100 т. туманов. Я с моей стороны буду подкреплять при шахе старание сына его: #с009131_3, чтобы еще до науруза получить сию сумму. Но все сие весьма ненадежно.

б) Надеюсь, что и ваше сиятельство одобрите несовершенную мою доверенность к английскому ручательству. Оно было основано на слове и фирмане шахском. Но шах отказался, – следовательно, и ручательство Макдональда – личное, не обеспеченное полномочием на то от его правительства. Но хотя я всемерно стараюсь от самих персиян выручить те 100 т. туманов, за которые поручился Макдональд и половина коих уже отправлена в Хой, чем избавляю и его, и себя от ответственности; со всем тем я имею в руках бумагу с подписью английского посланника, в силу коей он обязывается платить нам, если бы персияне оказались несостоятельными.

В заключение честь имею испросить окончательного распоряжения вашего сиятельства насчет очищения Хойской провинции. Конвенция, одобренная как вами, так и по представлению вашему государем императором, остается во всей силе. За 300 т. ваше сиятельство согласны были вызвать оттуда войска наши; сия сумма и сверх того 50 т. уже уплачены, и 50 т. других также будут отданы в свое время или несколько позже, по обычаю здешнему. Но тогда уже не поздно ли будет войскам нашим выступать в поход, по испорченности дорог в зимнее время? Если же принуждены они будут зазимовать в Хое, то будете ли ваше сиятельство согласны, чтобы мы не взымали никаких денежных податей с тамошних жителей? В таком случае и Аббас-Мирза не станет домогаться скорейшего очищения сей области. Прошу ваше сиятельство почтить меня как можно поспешнее вашим ответом. Если я уже к тому времени отбуду в Тегеран, то генеральному консулу: #с009131_4 нашему предоставлю право распечатывать официальные конверты, которые присылаемы будут на мое имя, и он по сему предмету будет руководствоваться вашим предписанием.

Паскевичу И. Ф., 30 октября 1828: #с009132

30 октября 1828. Тавриз.

Тесть мой: #с009132_1 завоевал в Баязете несколько восточных манускриптов; сделайте милость, не посылайте их в императорскую библиотеку, где никто почти грамоте не знает, а в Академию наук, где профессора Френ: #с009132_2 и Сенковский извлекут из сего приобретения возможную пользу для ученого света.

Родофиникину К. К., 30 октября 1828: #с009133

30 октября 1828. Тавриз.

Милостивый государь Константин Константинович.

Почтеннейшее письмо вашего превосходительства от 25 сентября имел честь получить вчера и спешу благодарить за участие, которое вам угодно принимать в домашних и дипломатических моих делах.

Насчет моей свадьбы, это вещь простая. Кабы я не заболел в Тифлисе, то она бы отложена была до будущего лета. Но, замешкавшись по расстройству здоровья, не хотел я упустить сего случая, и просил тогда же графа Ивана Федоровича довести сие до высочайшего сведения, посредством отношения к его сиятельству г. вице-канцлеру. Ни болезнь, ни жена, однако, меня долго не задержали. 6-го августа я воротился из Турции в Тифлис, а 9-го сентября выехал сюда. Но зато лихорадка мне с жестокостию отплатила на дороге, и я в Табриз доплелся в полном смысле полуживой. Для пользы вверенных мне дел я слишком рано сюда прибыл, и знал это наперед, но боялся быть в ответственности перед начальством, которое у нас соразмеряет успех и усердие в исполнении поручаемых дел по более или менее скорой езде чиновников. Из Тифлиса я бы угрожал Аббас-Мирзе, что вовсе не буду, коли он сполна не заплатит следующих нам денег. Так я и начал, а он, зная, что мое прибытие есть залог его безопасности и покровительства России, поспешил начать уплату. Если бы я еще месяц сюда не приехал и продолжал мой маневр, то о

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
сю пору весь 8-й курур был бы уже в наших руках. Теперь же что вышло? Меня мучат с утра до глубокой ночи bestолковыми предложениями, просят неотступно о прощении им сперва двухсот, потом 100, потом пятидесяти тысяч туман. Доводы неоспоримы, они разорены кругом, а я, конечно, ни на что не соглашаюсь. Но дела нейдут вперед. До моего сюда прибытия выколотили у них 200 т., покуда я еще в Эривань не прибыл, и 100 с тех пор. Но коль скоро услышали, что я в Нахичевани, то решительно отказались платить более. Таково умоначертание здешнего народа и правительства. Всякого новоприезжего дипломатического агента они встречают, как человека, облеченного в обширную власть, который должен им делать от себя уступки, угождения, подарки и т. п. В двадцать пять дней я у них насилу мог изнасиловать 50 т. сверх 300, а за 150 т. остальными еду в Тейран, куда послан Аббас-Мирзою Макниль исходатайствовать ему займы от отца его 100 т.; действия Макниля я должен буду подкреплять моим настоянием при шахе: #с009133_1. Теперь, ваше превосходительство, сообразите трудность моего положения. Война с Турциею не кончена, и теперь совсем не те обстоятельства, чтобы с ненадежным соседом поступать круто и ссориться.

Мало надеюсь на свое умение, и много на русского бога. Еще вам доказательство, что у меня государево дело первое и главное, а мои собственные ни в грош не ставлю. Я два месяца как женат, люблю жену без памяти, а между тем бросаю ее здесь одну, чтобы поспешить к шаху за деньгами, в Тегеран: #с009133_2, а может быть и в Испаган, куда он на днях отправляется.

Иванов решительно отказался от своей должности и подал официальную бумагу, что он ни за что не останется. Он вам сам скажет, что я его уговаривал самыми убедительными доказательствами, объявил ему от вашего имени, что он не найдет в Петербурге ни места, ни жалованья; но он остался непреклонен и на днях едет. Нельзя же мне поневоле держать чиновника! Ему же хуже, и жаль, он гораздо способнее, нежели я полагал. Рука по-французски и по-русски очень четкая, а на русском языке и слог его не дурен.

Прощайте, ваше превосходительство. Примите уверение в чувстве неограниченного почтения и преданности, с коими имею честь быть ваш всепокорнейший слуга

А. Грибоедов.

Амбургер желает иметь Шаумбурга, но обо всем этом я официально отнесусь к вашему превосходительству с Ивановым, он дни через два едет.

Сахно-Устимовичу, 30 октября 1828: #с009134

Тавриз. 30 октября 1828 г.

Почтеннейший мой Петр Максимович. Ваше письмо меня чрезмерно порадовало, слава богу, хоть один из тех людей, которые мною искренно любимы и уважаемы, доволен своею судьбою. Но для этого мало стечения счастливых обстоятельств и даже истинных заслуг, надобно еще иметь характер сказать себе: вот это мне надобно, вот цель, дойду и успокоюсь. Судя по вашим словам, вы стали на эту точку и ничего более не хотите, а как я еще далек от конца моих желаний! Или лучше сказать, чего желаю! Nescio! как тошно в этой Персии, с этими Джафарханами, или, как моя жена их называет, Чепарханы. – По клочкам выманиваю от них следующую нам уплату. Как у нас мало знают обращение в делах с этим народом! Родофиникин только что не плачет, зачем я до сих пор не в Тегеране. Напротив, я слишком рано сюда прибыл; по переписке из Тифлиса я бы лучше, скорее с ними кончил, угрожал бы им, даже разрывом; издали все страшнее. А теперь они меня почитают залогом будущей своей безопасности с нашей стороны. Гр. желал, чтобы нашим зимовать в Хоях, и это завлекло меня в самое трудное положение – согласить наши денежные требования с дальнейшим удерживанием их провинции. Кажется, однако, что я довольно успешно в этом оборотился, и войска будут зимовать в Хоях, и деньги получим. Вы знаете, что по получении 400 т. мы должны выступить, а за остальные 100 т. удержим... [алмазы?] в залог. 50 т. сверх 300 я уже заставил послать в Хои, теперь насчет других 50 отдалил нарочно срок, т. е. через 20 дней от 26 октября. Это, по-видимому, величайшее снисхождение с моей стороны. Но с тем условием, что если сумма сия к означенному сроку не уплатится, то Хои не опорожняются. Вам слишком известна неустойка персидская, любезный друг, и вы можете наверно

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
угадать, что они по крайней мере 10-тью днями позже выполнят свою обязанность, тогда мы будем иметь 400 т. чистыми деньгами и Хои все-таки не будут очищены по праву. Потрудитесь это объяснить Ф. С. Хомякову, я надеюсь, что он не обидится, зачем не ему пишу об этом, как бы и следовало, но ведь это все равно, коли я вас прошу ему показать.

Помилуйте, однако: какие вы все чудные, начиная с моего благодетеля графа: #с009134_1. Никто мне не пишет о его награждении, о получении им Андреевской ленты, и если бы я не нашел этого ночью в каком-то лоскутке «Северной пчелы», то так бы и осталось. Не хочу же ему более ни слова приписывать. А вот вы что сделайте, милый мой Петр Максимович, да непременно. Наденьте лучший мундир, облекитесь в ваши регалии и с торжественным видом принесите графу усерднейшее поздравление от лица всего персидского посольства, и жены моей включительно. Пожалуйста, сделайте.

Прощайте, любезнейший прежний сотрудник и сострадаец. Помните меня и пожалейте иногда о преданном сердечно вам

А. Грибоедове.

Паскевичу И. Ф., 31 октября 1828: #с009135

Милостивый государь граф Иван Федорович!

Нижегородского драгунского полка прапорщик князь Роман Чавчавадзе, посланный ко мне с бумагами от вашего сиятельства, был здесь мною представлен с прочими чиновниками Аббас-Мирзе. Его высочество удостоил его пожеланием ордена Льва и Солнца второй степени. Фирман в оригинале и переводе на имя князя Чавчавадзе честь имею при сем представить на благоутверждение вашего сиятельства.

Пребываю с совершенным почтением и преданностию, милостивый государь, вашего сиятельства всепокорнейший слуга

А. Грибоедов.

31-го октября 1828 г. Табриз.

Паскевичу И. Ф., 31 октября 1828. Отношение: #с009136

31-го октября 1828 г. Тавриз.

В ответ на почтеннейшее отношение, ваше сиятельство, от 22-го сентября, № 414, честь имею известить вас, что я предлагал английскому посланнику получить от меня 2000 червонцев, которые были выданы мне из интендантства Отдельного Кавказского корпуса на сей предмет, во время пребывания моего в главной квартире вашего сиятельства при Ахалкалаке: #с009136_1. Макдональд просил меня, чтобы всех данных им займы нашему консулу 3650 червонцев, и 750 Абуль-Хасан-хана включительно, ваше сиятельство взяли на себя труд сделать перевод через С.-Петербург в Лондон, на имя г.г. Базет, Кольвин, Кравфорт и комп., которых адрес при сем честь имею приложить. Ассигнацию же вашего сиятельства, данную Абуль-Хасан-хану на 3000 туманов, я пересылаю с нынешним моим курьером. Лестный отзыв вашего сиятельства насчет Макдональда и благосклонность, с которою вы изъявляете угодность быть ему всегда полезным, я имел удовольствие ему передать, за что он приносит вашему сиятельству чувствительнейшую благодарность.

2000 червонцев, которые я получил из интендантства, я, по собственному разрешению вашего сиятельства, удержал у себя и прошу вас покорнейше приказать зачесть их в счет моего жалованья на следующий год.

Ахвердовой П. Н., ноябрь 1828: #с009137

<Ноябрь 1828. Тавриз.>

Примите мои искренние приветствия, любезнейший и почтеннейший друг. Я уже давно сделал все, что следовало для вашего племянника, : #с009137_1 и если граф: #с009137_2 к нему не очень благожелателен, то, кто знает, не передали ли ему о каких-нибудь невинных шутках, которые тот сболтнул на его счет, а сплетники, как это обычно бывает, довели до начальства в раздутом и злостном виде разговоры, которые можно упрекнуть самое большее в нескромности. А это водится. Впрочем, все то, что вы мне говорите насчет графа Эриванского, доставляет мне живейшее удовольствие. Он мой друг и благодетель, и я натурально, желал бы, чтобы все были ему так же преданны, как я. Советы, которые вы даете мне, чтобы я заботился о занятиях для жены моей, очень разумны и полезны, но все мое время занято проклятой контрибуцией, которую я все никак не могу полностью вытянуть от персов. Тут еще море бездонное всяких хлопот. Кажется мне, что не очень я гожусь для моего поста, здесь нужно больше уменья, больше хладнокровия. Дела приводят меня в дурное расположение духа, я делаюсь угрюм, иногда охота берет покончить со всем, и тогда становлюсь уж вовсе глуп. Нет, ничего я не стою для службы, и назначение мое вышло неудачно. Я не уверен, что сумею выпутаться из всех дел, которые мне поручены, многие другие исполнители бы их в сто тысяч раз лучше. Одна моя надежда на бога, которому служу я еще хуже, чем государю, но которого помощь действительная со мной всегда была. Вот увидите, что в конце концов меня же еще будут благодарить за все, что будет удачно достигнуто и без того, чтобы я в том принимал участие, как в Персидскую кампанию, где столько других больше имели заслуг перед правительством, чем я, и, однако ж, больше всех наградили меня.

Дашеньке: #с009137_3 нежнейший поцелуй. Как мы ее с женой любим, пари держу, она и не подозревает о наших разговорах в Тавризе, все про нее и про Катеньку: #с009137_4, как-то найдем их, когда воротимся, за кого их выдадут? Маленькие их кокетства в клубе, и т. д., и т. д.

Прощайте, почтеннейшая Прасковья Николаевна. Думайте о нас, любите нас столько же, сколько мы вам искренне преданы. Ваша Нина и ваш верный друг.

А. Грибоедов.

Родофиникину К. К., 9 ноября 1828. Отношение № 153: #с009138

Ноября 9-го дня 1828 года. Табрис.

По прибытии моем в Табрис, я здесь нашел г. титулярного советника Иванова, который убедительно просил меня уволить его от занимаемой им ныне должности секретаря г-на генерального консула. Я старался отклонить г-на Иванова от принятого им намерения; но причины его показались мне впоследствии уважительными. Пробыв 6 лет в Персии в одном чине, он решительно полагает для себя невыгодным остаться здесь долее. Что касается до своего повышения, то он убежден в справедливости начальства, что проведенное им здесь время будет принято во внимание; но при нынешней своей должности опасается, что род занятий, с нею сопряженных, по неважности своей лишает его возможности усовершенствовать свои способности, дабы сделаться со временем полезным для заведования делами, требующими гораздо более навыка и познаний. И потому он готов на условиях менее выгодных насчет жалованья продолжать службу свою в Петербурге под лестным начальством вашего превосходительства или во внутренности России, но только не здесь и не в нынешнем качестве. Я, с моей стороны, не мог долее отказывать ему в его просьбе и дал ему позволение ехать, полагая, что держать чиновника в противность его склонностям мало обещает успеха для дел ему вверенных; с другой стороны, мне самому известно, с какими лишениями сопряжено долговременное пребывание в Персии, если оно даже подкреплено доброю волею и твердым намерением устоять против неприятностей, скуки, отсутствия развлечений и всех невыгод здешнего края.

Я должен отдать справедливость г. Иванову, что он чиновник ревностный и способный для канцелярских упражнений. Здесь он также с успехом управлял делами в отсутствие в Тегеране г. Амбургера. И потому я, не желая, чтобы он время свое

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru потерял бесполезно, рекомендовал его его сиятельству господину графу Паскевичу-Эриванскому для причисления его к своей канцелярии на место титулярного советника Шаумбурга, которого можно переместить сюда в должность секретаря г. генерального консула, что и почитаю долгом довести до сведения вашего превосходительства.

Паскевичу И. Ф., 10 ноября 1828. Отношение: #с009139

(Перевод с французского)

Тавриз, 10 ноября 1828.

Я успел уже продлить срок уплаты должных нам за очищение Хоя денег, с намерением оставить там наши войска на зимовку, согласно с предписанием вашего сиятельства, как получено мною от генерала барона Сакена извещение за № 393 о новом назначении квартирующего в Хое отряда.

Я счел долгом сообщить принцу, что генерал Панкратьев, успокоенный мною насчет близкого выкупа Хоя, а именно в 25 дней, считая с 26-го октября, по уговору нашему с его высочеством: #с009139_1, готовится к выступлению с большею частью своего отряда, с намерением избежать подходящее дурное время года, однако к этому я прибавил, будто генерал требовал от меня письменного ручательства в том, что впредь войска его не будут поставлены в неприятную необходимость снова занять провинцию, в случае если его высочество не сдержит данного нам слова. От неожиданной ли радости, что так скоро очистится страна от чужого войска, или от страха, как бы наши войска, возвратясь, не засели уже окончательно в провинции чуть ли не самой богатой во всем Адербейджане; как бы то ни было, персияне устроили так, что не далее как сегодня или завтра будут доставлены из Хоя еще 35 т. туманов. Таким-то образом я вымогаю у них по частям следующую нам сумму; теперь менее, чем когда-либо, я в состоянии определить время, в которое мы получим ее сполна. Может быть, виновата собственная моя неопытность в ведении дел с здешним народом, но и то надобно сказать, что многое ратует в его пользу. Это прежде всего совершенный недостаток в средствах как у принца, так и у его подданных; далее, положение наших дел в Турции, далеко не решенных. Я совершенно согласен с мнением вашего сиятельства, что, если еще продлится война, можно бы склонить Аббас-Мирзу вполне в нашу пользу; но, в таком случае, не надобно преследовать его нашими денежными претензиями.

Шах выехал из своей столицы и направился на Ферахан, местечко, лежащее на пути из Хамадана в Испагань. Он писал сыну, чтобы тот попросил меня остаться здесь до его возвращения. По-видимому, важные обстоятельства заставили его поспешить отъездом в такую позднюю пору. Спешу передать вам из них те, о которых я слышал.

1) Дела в Хорасане идут не так, как желало бы правительство. Многого ожидали от военного таланта и влияния на жителей бывшего эриванского сардаря; между тем до сих пор он принужден держаться в стороне от укрепленных городов, которые не пускают его к себе. Он находится еще в трех фарсангах от Нишапура, в ожидании присылки от брата подкрепления.

2) В городе Иезде и округе его открытый мятеж.

3) Восстание также в Луристане, раздираемом несколькими партиями. Двое сыновей шаха: Махмуд и Махмед-Таги спорят из-за власти.

4) Такое же состояние умов в Кермане, восставшем против притеснений губернатора, сына шаха Хасан-Али-Мирзы; генерал его, Хаким-хан, недавно потерпел поражение от мятежников, которыми командовал Шефи-хан.

Эти беспорядки заставили шаха ехать как для того, чтобы быть ближе к восставшим южным провинциям, так и для собрания денег и войска у сыновей своих, губернаторов буруджирского, хамаданского и других, которым он послал приказы о немедленном прибытии к нему в Ферахан. Примите и т. д.

Паскевичу И. Ф., 11 ноября 1828. Отношение: #с009140

11-го ноября 1828 г. Тавриз.

Я имел честь известить ваше сиятельство об отправлении персидским правительством 30 тыс. туманов в счет 8-го курура. Между тем генерал-майор Панкратьев уведомил меня, что, по случаю выступления его из Хоя, вашему сиятельству угодно учредить для приема следующих нам от персидского правительства денег комитет в Аббас-Абаде, под председательством генерал-майора Мерлини. Вследствие чего я уже вступил в надлежащее сношение с здешним правительством, дабы оно отправляло следующие нам деньги не в Хой, а в Аббас-Абад, и вместе с тем отнесся к генерал-майору Мерлини, дабы он, до учреждения комитета, отправляемые персиянами суммы принимал к себе под сохранение в Аббас-Абаде, где находились бы они на ответственности коменданта и персидского сдатчика до окончательного принятия оных новоучрежденным комитетом. Но дабы замедление с нашей стороны в приеме отправляемых персиянами сумм не могло послужить им предлогом к просрочке следующей нам уплаты, я почел нужным обратиться к вашему сиятельству с убедительнейшею просьбою, дабы вы изволили предписать, чтобы упомянутый комитет в Аббас-Абаде был учрежден в наискорейшем времени и немедленно приступил к отправлению вверенного ему поручения.

Паскевичу И. Ф., 12 ноября 1828. Отношение: #с009141

12-го ноября 1828 г. Тавриз.

По выступлении наших войск из Тавриза, надворный советник Амбургер, по лестному выбору вашего сиятельства, был здесь оставлен в качестве комиссара, впредь до учреждения здесь постоянной миссии, и в исправлении вверенных ему дел неоднократно удостоился одобрения вашего. По болезненному своему состоянию, он лично просил ваше сиятельство, чтобы ему дозволено было, по прибытии сюда поверенного в делах или министра, отправиться обратно в Россию для излечения, и удостоен был вашим на это согласием; но вскоре потом министерство иностранных дел нашло полезным учредить вместе с постоянною миссиею и генерального консула, в котором качестве был назначен надворный советник Амбургер. По прибытии моем сюда, он вновь повторил просьбу свою об отпуске его в Россию; хотя причины его были весьма уважительны, ибо, кроме видимой слабости здоровья, он в течение 10-ти лет почти непрерывно находился на службе в Персии, исключая кратчайший промежуток, когда он отбыл в С.-Петербург вслед за кн. Меншиковым, и вскоре опять воротился на службу с действительным статским советником Обресковым. Я, однако, не мог согласиться на его просьбу, находя его пребывание здесь необходимым, особенно в нынешних обстоятельствах, и он решился дожидаться более благоприятного времени. Вместе с сим я, однако, должен заметить, что его жалованье весьма недостаточно по здешним издержкам, и притом ему ничего не дано на обзаведение. Вашему сиятельству известно, как всякое сношение с персиянами увлекает в непредвидимые и неизбежные расходы, и потому я почел долгом обратиться с ходатайством к вашему благосклонному посредству, чтобы Амбургеру испросить прибавку к нынешнему его жалованью, по крайней мере 600 черв., что составит 1800 р. Также единовременную сумму, хотя в виде награды, чтобы он мог на первый случай устроить свое хозяйство и несколько уравнять приходы свои с расходами, которые большею частью определяются не частными прихотями, а надобностями, тесно сопряженными с его званием.

Я уверен, что предстательство ваше как государственного человека, облеченного особенным доверием его императорского величества, и как разборчивого начальника, имевшего случай оценить по достоинству способности и усердие Амбургера, непременно будет уважено министерством иностранных дел, что и побудило меня утрудить ваше сиятельство моим представлением в его пользу, преимущественно пред вице-канцлером, в глазах которого, конечно, мое мнение не может иметь равного веса с отношением к нему вашего сиятельства.

Паскевичу И. Ф., 26 ноября 1828. Отношение: #с009142

26 ноября 1828 г. Тавриз.

Из бумаг вашего сиятельства, полученных мною с последним из Тифлиса прибывшим

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
курьером, я заметил, что многие мои депеши, давно уже мною отправленные, до сих пор не получены вашим сиятельством. Сие замедление я могу только приписать остановкам в карантинах и потому прошу ваше сиятельство приказать, чтобы, задерживая моих курьеров положенное число дней, бумаги от них тотчас были отбираемы и окурены, для немедленного препровождения к вашему сиятельству.

Паскевичу И. Ф., 29 ноября 1828. Отношение № 207: #с009143

29-го ноября 1828 г. Тавриз.

На почтеннейшее отношение вашего сиятельства от 16-го октября, № 420, об истребовании от персидского правительства русских беглецов, составляющих так называемый здесь Русский батальон, имею честь ответить, что я, на основании слов трактата, неоднократно повторял о том требовании персидскому правительству, но до сих пор оно от сего уклонялось по известной своей медлительности в подобных делах и всегдашнему желанию отклоняться от всякого справедливого нашего требования, ссылаясь при том на статью XIV, в которой сказано, что ни одна из высоких договаривающихся сторон не будет требовать выдачи переметчиков и дезертиров, перешедших в подданство другой до начатия последней войны или во время оной, а о выдаче перебежавших после войны умолчено.

Что же касается до так называемого майора Самсона, то я имею уже известие, что он будет наконец немедленно выслан за Кизыл-Узен, по неоднократно и настоятельному о том требованию: #с009145_1.

Паскевичу И. Ф., 29 ноября 1828 («Милостивый государь...»): #с009144

Милостивый государь граф Иван Федорович!

Отношением от 9-го ноября 1828 г. за № 2866 ваше сиятельство изволили уведомить меня, что г. карабахский комендант капитан Калачевский донес покойному тифлисскому военному губернатору о притеснениях, причиняемых персидским правительством армянам, желающим переселиться в Карабах, вследствие чего угодно вашему сиятельству, дабы я вступил по сему предмету в надлежащее сношение с его высочеством Наиб-Султаном.

За особенное удовольствие поставляю себе донести ныне до сведения вашего сиятельства, что еще до получения почтеннейшего вашего отношения по сему предмету, по бумагам капитана Калачевского было уже по настоятельному моему требованию сделано надлежащее исполнение.

Аббас-Мирза отправил рагам для покровительства и для возвращения семейств и имуществ тем из карадагских жителей, которые к нам переселились.

С совершенным почтением и таковою же преданностию имею честь быть, милостивый государь, вашего сиятельства покорнейший слуга

А. Грибоедов.

№ 208. ноября 29 дня, 1828. Табриз.

Паскевичу И. Ф., 29 ноября 1828 («Подлинно оный...»): #с009145

29 ноября 1828 г. Табриз.

Подлинно оный Сафраз Сааков употреблен был в прошедшую кампанию, до взятия Аббас-Абада, на посылку письма вашего сиятельства к нахичеванским ханам, каковое письмо он и доставил, что известно Шамиру Беглярову, переводчику, при канцелярии вашего сиятельства находящемуся.

Калачевскому С. Ф., 29 ноября 1828: #с009146

29 ноября <1828>. Табриз.

Любезный Калачевский. Что вы все ратуете с персиянами. Уже давно мир, пора и вам угомониться. Впрочем, это не значит, чтоб я удерживал вас от исполнения вашей должности. Прилежите к вашим делам со всею ревностью, только удержитесь от переписки с персидским двором, которая нашим пограничным начальникам строго воспрещается государем императором. Адресуйтесь ко мне или в отсутствии моем к Амбургеру, ваши требования всегда будут исполнены. Бедный Лукинский. Верно, и вам его жаль. В тот же день, как ему умереть, говорил мне поутру, что намерен был жениться. Пожалуйста, любезный Николай Федорович, кроме ваших важных государственных дел, пишите ко мне по-дружески. Жена моя вам кланяется. Вы отчего не приступите так же, как я, к торжественному браку. Это, право, очень умно наконец, после всех тревог. Поклонитесь от меня Карлу Карловичу: #с009146_1 и всему его милому семейству.

Весь ваш А. Грибоедов.

Нессельроде К. В., 30 ноября 1828. Дешеша № 212: #с009147

(Перевод с французского)

30-го ноября 1828 г. Тавриз.

С тех пор, как я имел честь сообщить вам мое последнее донесение, здесь не произошло ничего нового, кроме того, что паша Сулейманиэ и Керкука Махмуд приезжал просить помощи у Аббас-Мирзы против берандузского и других племен, отказавшихся ему повиноваться. Так как эти племена населяют горы, лежащие на границе Персии и Турции, то легко может случиться, что будут затронуты интересы обоих государств. В подкрепление своей просьбы, Махмуд-паша внес принцу 10 т. туманов. Эти деньги были немедленно отправлены в Аббас-Абад для доставления нашим чиновникам. Аббас-Мирза доставил Махмуд-паше все, что он в поспешности мог собрать: два батальона пехоты, несколько конницы и две пушки; для последних я дал тех лошадей, на которых я приехал сюда. Войско это выступает завтра, и ему приказано отнюдь не переступить турецкой границы. Между тем весьма понравилось предложение паши завоевать для принца Багдад. Паша предлагал даже два курура, только бы ему дали достаточно войска для осуществления завоевательного плана. Дело стадо за недостатком такого числа войска. Кто знает персиян, тот не удивится такому задору, несмотря на мир Турции с Персиею. От заманчивого предложения принц отказался только по неимению средств; иначе не послушался бы он и англичан, сколько бы они ни отговаривали его.

Сколько я заметил, влияние англичан здесь уже не так исключительно, как бывало прежде. На умы персиян сильно подействовала энергия, выказанная нашим правительством в двух последовательных войнах, равно как и победа русских армий. Какая-нибудь угроза или изъявление расположения от имени государя императора уже не ставятся постоянно на весы с мнением англичан и их тремя миллионами фунтов стерлингов, которые они до сих пор потратили в Персии, со времени посольства Малькольма. Трудно объяснить такого рода щедрость, и я не поверил бы ей, если бы сам Макдональд не показал мне секретно роспись их расходам.

Англичане же внушили принцу не бросаться без оглядки в объятия России, как он громко о том объявляет, но стараться образовать собственные народные силы, с которыми он мог бы со временем идти против братьев, которые будут оспаривать у него право на престол. Это, положим, и умный совет, но он не сообразен с характером Аббас-Мирзы. Это человек умный, тонкий, проницательный и с верным взглядом на людей и на вещи в обыкновенном быту; но в случаях важных, сильного нравственного потрясения, он предпочитает отдаться чужому влиянию и ждать внешней помощи, чем в глубине собственной души почерпать мужество. Я знаю его таким уже десять лет. Теперь он мечтает только о поддержке и покровительстве императора. Не знаю, долго ли это продлится; может быть, настолько, насколько и наши успехи в Турции. Во всем этом я крайне недоверчив, потому что слишком хорошо знаком с персидскою совестью.

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru

Недавно, в присутствии всех близких своих, он прочел мне вслух письмо брата своего Али-Мирзы из Тегерана. Брат в самых резких выражениях упрекал его в отступничестве от Персии; говорил, что народное нерасположение к нему растет, что при дворе шаха все уверены, что он продал себя России, и т. д., и, читая это, он, видимо, был чрезвычайно доволен, точно все это делало ему величайшую честь, но такую честь, которую нельзя не признать довольно странною.

Англичане же всеми силами стараются отклонить его от путешествия в Россию, на котором он сильно настаивает; пожалуй, что еще окажут нам этим невольно услугу. Но я покорнейше прошу ваше сиятельство сообщить мне ваши приказания на этот счет. Принцу уже не терпится с тех пор, как он узнал о возвращении его величества в Петербург. Он уже укладывается и назначил, кому быть в его свите; я только удерживаю его покуда, представляя ему неприличие этой поездки, если он еще не приглашен императорским двором.

Если входить в рассуждение о том, хорошо ли, дурно ли отзовется на нас это путешествие, то мне кажется, что оно может оказаться полезным для наших восточных дел. Как наследник персидского престола, Аббас-Мирза в продолжение всего следования через большую часть России имел бы случай вернее оценить размеры ее могущества, ее величия, так как и власть императора, одинаковую во всех концах империи, словом, все то, о чем он не имеет верного понятия. Персияне, бывавшие в России, в рассказах о ней всегда умаляли ее истинное превосходство, как, например, царствующий в ней порядок, бдительную полицию на пространстве почти неизмеримом, количество ее сил и проч.; а в наших рассказах о России принц всегда видит пристрастие и самохвальство. Если бы он вздумал хлопотать о скидке двух остающихся куруров, то нет повода допустить ее; но можно распределить уплату их на другие, более удобные, сроки. Что же касается до долга его по очищению Хоя, то я объявил ему, что он не выедет, покуда не заплатит до копейки 8-го курура, и теперь деятельно занимаются пополнением всей суммы. Если бы Аббас-Мирза попросил государя императора вооруженною рукою посадить его на отцовский престол, по кончине его родителя, то и тогда не следует давать на это формального обязательства. Условное обещание точно так же удовлетворит его, как тот ответ, который ваше сиятельство поместили в вашей русской инструкции от 1-го мая, которую я уже несколько раз с успехом воспользовался: «Указывая Аббас-Мирзе на пособие России, при будущем его вступлении на престол, как на цель, которой он должен домогаться правдошным своим поведением в сношениях с нами»:
#с009147_1.– Вот в чем состоял бы для него результат его поездки в Петербург.

Взятие Варны произвело здесь сильное впечатление. Я придал этому важному известию приличным обстоятельствам блеск. Наши подданные, большею частью тифлисские армяне, собрались в армянской церкви, где и я присутствовал со своими чиновниками при богослужении. Звонили в колокола, – обычай немислимый в мусульманской земле; стреляли из пушек, и, кроме того, Аббас-Мирза задал мне великолепный праздник: обед, фейерверк и т. п. Англичане отказались присутствовать, под предлогом доброго согласия их правительства с Портою, на что Фетх-Али-хан, передававший приглашение, отвечал им, что принцу не приходило в голову, что они так дружны с султаном после поражения турецкого флота, в котором они принимали такое деятельное участие.

Я, однако, прошу ваше сиятельство не заключать из всех сообщенных здесь действий англичан, что я с ними не лажу. Напротив, эту последнюю черту о них сообщил мне Макдональд, с которым я очень дружен, потому что, в частной жизни, это такой честный и почтенный человек, каких я давно не встречал. Я радуюсь, что мог оказать ему существенную услугу с тех пор, что я здесь, и он благодарит меня за нее при каждой встрече. Дело в том, что если бы мы очистили Хой по уплате 300 т. туманов, как было условлено, то Макдональд никогда не добыл бы у персиян тех 100 т., в которых он поручился за них; в таком случае ему пришлось бы обратиться к своему правительству, а оно дурно приняло бы его заявление, так как на это новое ручательство ему не было дано разрешение. Я же поступил только согласно с желанием г. главнокомандующего гр. Паскевича-Эриванского, который в то время хотел, чтобы наши войска остались в Хое. Теперь обстоятельства изменились: в Баязетском пашалыке понадобилось подкрепление, и хойский отряд направился туда, что не причинило большой разницы в уплате 400 т. туманов, выданных почти сполна.

Вот в каком порядке получены отдельные части всей суммы:

1) Из Хойского комитета, под председательством генерала Панкратьева, 4-го ноября получено 344 189 тум.

2) Сдано на хранение в Аббас-Абаде, 21-го ноября, впредь до учреждения комитета для оценки и получения монеты 33 811 –«–

3) Цена золотого трона Ага-Мамед-шаха, не включая эмаль и работу, хранящегося в Аббас-Абаде и предоставленного к выкупу 20-го декабря 7 000 –«–

4) Вексель Макдональда, по которому уже выплачены 11 т. туманов персиянами, а остальные сполна будут выплачены 12-го декабря . . . 15 000 –«–

.

Итого 400 000 тум.

Ваше сиятельство не можете себе представить, чего стоит исторгнуть у персиян должны нам деньги. Шах положительно отказал в выдаче Аббас-Мирзе остальных 100 т. туманов для выкупа алмазов, как он уже однажды не сдержал данного Макдональду слова. О последнем займе сильно хлопотал Макниль, но неудачно. Он нагнал шаха на пути его в Ферахан, но тот грубо приказал ему снова сесть на лошадь и запретил показываться на глаза. Аббас-Мирза, в свою очередь, старается всеми силами собрать эту сумму наличными деньгами: всем мухессиям (сборщикам доходов) приказано сдавать впредь все податные деньги в цитадель и, пока долг его не будет заплачен, не трогать общественных доходов ни для гарема, ни для раздачи жалованья чиновникам, ни для какого бы то ни было употребления. Может быть, в течение зимы он будет в возможности удовлетворить нас; между тем его алмазы уже принадлежат нам по праву, но я думаю, что он готов и отказаться от них, тем более что он из кожи лезет, чтобы доказать нам свое желание быть исправным. Я подожду на этот счет приказаний вашего сиятельства.

Я полагаю, что мне уже не придется писать к вам из Тавриза. Шах в скором времени возвратится в свою столицу, и я желал бы прибыть туда несколькими днями ранее. Я сильно сомневаюсь, чтобы он склонился на мои представления заплатить за сына. До тех пор предоставляю нашему генеральному консулу хлопотать у Аббас-Мирзы о получении остальной суммы.

Прочитав эту депешу, я замечаю, что пропустил одно интересное обстоятельство. В день празднования взятия Варны и возвращения императора в Петербург Аббас-Мирза сказал мне вслух, при всех, что он желает представиться нашему государю не с целью выпросить кое-какие уступки (это так только говорится), но чтобы удостовериться, что его величеству приятно будет, если он пойдет против турок, и чтобы затем получить его приказания. С глубочайшим почтением и проч.

Булгарину Ф. В., ноябрь 1828: #с009148

<Конец ноября 1828. Тавриз.>

Напечатай, любезный друг Фадей, это блестящее описание, которое очень удачно вылилось из-под пера товарища моей политической ссылки.: #с009148_1

Дело в том, что нас, кроме праздников, здесь точно боятся и уважают. 4/5 следующих нам денег взяли, редко пишется от меня требование здешнему правительству, чтобы не было исполнено. Теперь еду в Тегеран, куда и шах в скором времени возвращается. Коли все еще меня будут ругать приятели, *nos amis les ennemis*, [141 – наши друзья-враги. – (фр.)] то объяви им, что я на них плюю: #с009148_2. Ты в своих письмах крепко настаиваешь, чтобы я Аббас-Мирзу подвиг на войну против турков. Любезный друг, знаешь ли ты, имею ли я на то разрешение. Удивляюсь, что тот, кто лучше тебя это знает, говорит, что я мог бы это сделать. Коль служишь, то прежде всего следуй буквально ниспосылаемым свыше инструкциям, а если вместе с тем можно пожить и для газет, и то хорошо. Я, брат, из своей головы готов изобретать всякие наступательные планы, но не исполнять, покуда мне же, наоборот, не предпишут поступать так, а не иначе. Поцелуй Леночку и Танте: #с009148_3.

Верный твой А. Грибоедов.

Родофиникину К. К., декабрь 1828: #с009149

<Начало декабря 1828. Тавриз.>

Милостивый государь Константин Константинович,

отъезд мой в Тегеран был отсрочен по случаю отсутствия самого шаха из столицы. Теперь хочу прибыть туда несколькими днями прежде его. Но не думаю, что там будет обильное поприще для дипломатической деятельности: потому что он и его министерство спят во сладком успокоении и все дела с Россией, с Турцией и с Англией поручены Аббас-Мирзе.

Здесь все мое внимание было поглощено выручкою денег. 400 т. по условию уплачены, и о собирании 100 т. остальных хлопоты большие. Не знаю, удастся ли мне преклонить скупого Фетали-шаха к уплате этой суммы и к тому, чтобы он выручил сына из крайнего затруднения. Наследный принц беден до чрезвычайности. Впрочем, мы имеем для обеспечения драгоценные камни.

Другое обстоятельство так же не давало мне здесь покою ни днем, ни ночью, и эта чаша меня минует в Тегеране, отдаленном от места происшествий. По трактату, все перешедшие к нам из Азербейжана, ханы и простолюдины, в течение 5 лет пользуются доходами от своих имений, здесь ими оставленных, и имеют право продавать их. Вы можете себе представить, сколько ежедневных просьб я по сему предмету получаю, сколько упомянутых ходатайств, нот и переговоров. Одних выселенцев из армян к нам перешло до 8 т. семейств, и я теперь их общий стряпчий и должен иметь хождение по их делам, за их дома, сады, мельницы!! Многое мне уже удалось сделать и привести в исполнение. Но правительство здешнее всегда имеет способы воспретить под рукою покупку оставленных имений, и какие меры могу взять я против таких ухищрений! Я не для того распространяюсь о сем предмете, почтеннейший Константин Константинович, чтобы выказать перед вами многочисленность дел самых запутанных, от которых бы стал в пень человек гораздо меня опытейший. Но прошу вашего совета и мнения вашего превосходительства, которое для меня необходимо. Вот что именно: могу ли я представить его сиятельству г. вице-канцлеру: #с009149_1, по возвращении моем из Тегерана, когда те же случаи повторятся, и с большею еще запутанностью, чтобы он меня уполномочил на покупку всех таковых имений?? – Тогда правительство здешнее уведомилось бы, что распоряжение сими имуществами отходит от него не на 5 лет, а навсегда, и разрешало бы своим подданным покупку оных. Разумеется, что я бы сделался владельцем всех кебелев (купчих) только pro forma и в отношении к настоящим хозяевам оставался бы тем же, чем и теперь, т. е. охранителем их достояния. Кажется, что я уже однажды писал вам об этом вскользь. Теперь прошу вашего ответа по сему обстоятельству, когда узнаете мнение графа Карла Васильевича. Если же вы полагаете, что такая мера противна духу трактата, то скажите ясно.

Еще одно дело, в котором прошу и ожидаю вашего содействия. Хочет ли государь император или нет прибытия в С.-Петербург Аббас-Мирзы. Во всяком случае, надлежит его пригласить, на каковой предмет я ожидаю предписания от министерства. Явно не допускать его значит хотеть, чтобы он охолодел к нам совершенно. Но если желают от него избавиться, пускай все-таки вице-канцлер предпишет мне пригласить наследного принца. Я это разрешение продержу до удобного времени, когда усмотрю, что он по каким-либо обстоятельствам не может пуститься в путь, и тогда ошеломлю его самым дружественным приглашением о прибытии в С.-Петербург или в иное место, где государь будет находиться, и чтобы он сделал это в наискорейшем времени. Он смутится, отзовется невозможностью, а когда время пройдет и ему можно будет, тогда опять нам нельзя, по каким-нибудь самым благовидным причинам. Но раз пригласили, и он уже сам виноват, что не воспользовался. Впрочем, истинное мое мнение, несмотря на то, что доношу его сиятельству (там один тон, а в партикулярном письме другой): 1) допустить государю, чтобы Аббас-Мирза к нему прибыл. 2) велеть ему драться с турками, коли война продолжится: #с009149_2. 3) обещать торжественно, что мы его возведем на престол, ибо это нам ничего не стоит, упражнение войску в мирное время, на чужом содержании, а власть наша в сем государстве Азии сделалась превозмогающею пред влиянием всякой другой державы.

Прибавлю к этому, что Аббас-Мирза такого нерешительного и изменчивого свойства, что теперь он страшно желает ехать, а через два месяца бог знает что на него

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
подействует.

Прощайте, ваше превосходительство. Кабы вы были на моем месте, вы бы здесь много наделали. Нас боятся и уважают. Только поддержите меня. Если же пренебрежете мною, как блаженной памяти Мазаровичем, то мое пребывание в Персии сделается бесполезным.

С искренним почтением и неограниченною преданностью

вашего превосходительства

всепокорнейший слуга

А. Грибоедов.

Табриз, декабря 1828.

Сахно-Устимовичу П. М., 2 декабря 1828: #с009150

2 декабря 1828 г. Тавриз.

Любезнейший друг Петр Максимович. Посылаю к вам аттестаты находящегося при мне князя Семена Кабулова. Сипягин обещал мне его считать в действительной службе, но в откомандировке при мне. Справьтесь, пожалуйста, и коли ничего не сделано, не донесено графу: #с009150_1, то прошу вас для меня постараться об этом молодом человеке, о чем я вместе с ним прошу и самого графа Ивана Федоровича: #с009150_2. Когда сделаете мне аттестатов надлежащее употребление, то пришлите мне их назад.

У нас здесь скучно, гадко, скверно. Нет! уже не испытать мне на том свете гнева господня. Я и здесь вкушаю довременно все прелести тьмы кромешной. Прощайте, любезный друг.

Весь ваш Грибоедов.

Еще просьба о разжалованном Андрееве. Любезный друг, я знаю, кого прошу. Заступите мое место при графе, будьте в помощь этому несчастливцу. При сем записка об нем: #с009150_3. Сестра моя: #с009150_4 заливается слезами, говоря о несчастных его родителях.

Сахно-Устимовичу П. М., 1828: #с009151

<Конец 1828. Тавриз.>

Почтеннейший друг Петр Максимович. Найди, пожалуйста, в бумагах от Нессельроде у Камардина две касающиеся до дел Мирзы-Сале в Астрахани секретно и переведи ему их и потом донеси от имени генерала: #с009151_1 в Петербург об исполнении по ним. Прощай, душенька, будь здоров и люби меня так же, как я тебя, всем сердцем принадлежу и душевно уважаю твой ум и правила.

Паскевичу И. Ф., 2 декабря 1828. отношение № 213: #с009152

2 декабря 1828 г. Тавриз.

Честь имею приложить при сем депешу мою к вице-канцлеру: #с009152_1, под открытою печатью, и прошу ваше сиятельство по прочтении оной переслать по адресу вместе с вашими бумагами в С.-Петербург.

Ваше сиятельство усмотрите из хода наших дел здесь, что я всегда буквально придерживался ваших инструкций насчет уплаты нам 8-го курура. Сперва сделано

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
было вашего сиятельства распоряжение, чтобы по получении нами 300 т. очистить Хойскую провинцию, приняв в уплате 100 т. других – ручательство английского министра, а в остальных 100 т. в залог драгоценные камни Аббас-Мирзы. Но по приезде моем сюда, а именно 10-го октября, я получил от вашего сиятельства отношение, № 404, и вслед за тем другое, № 416, в которых вы изъявляли желание, чтобы войска наши оставались зимовать в Хое. Я, для достижения сей цели, отдалил срок уплаты и не принял вполне ручательства английского министра, кроме двух векселей его: один в 4 т., из коих 3 уже уплачены, другой в 15 т. туманов, из которых 13 т. уже в сборе у Макдональда, и вся сумма сполна будет на днях отправлена в Аббас-Абад. Остальные 81 т. я возложил на самого Аббас-Мирзу, заставил его выслать в Хой 40 т. и не слишком настаивал о скорейшем отправлении других 41 т., чтобы дать пройти условленному сроку и нам чрез то приобрести вящее право оставаться долее в Хое.

Но 31-го октября получено мною отношение генерал-майора Сакена, уведомившее меня о новом распоряжении вашего сиятельства, дабы войска немедленно были выведены из Хоя для подкрепления отряда в Баязете, и в то же время дал мне знать генерал-майор Панкратьев, что он уже выступает, оставляя в Хое только 4 роты пехоты и 200 казаков. Положение было затруднительно, ибо противоречило моим видам и изъяснениям, дотоле мною деланным здешнему правительству. Вашему сиятельству известно, какой я дал оборот сему обстоятельству, убедив Аббас-Мирзу, что сие делается на основании моих уверений нашему правительству и пр., и тут же понудил его ежедневно собирать остальную сумму, дабы скорее совершенно очистить область, нами занимаемую. В число уплаты я на время согласился принять трон Ага-Мамед-шаха, с которым здесь весьма неохотно расстались, ибо он почитается государственною регалиею. В нем одного золота, по оценке купца Хитрова, на 9000 тум., кроме эмали и работы, но я его принял только в 7 т., дабы понудить здешнее правительство скорее его выкупить. Трон сей и 33811 тум. денег, в дополнение следующей нам суммы, прибыли в Хой, но комитета уже там не было. После того Аббас-Мирза просил меня, чтобы войска наши были выведены, и я, по данному мне вашим сиятельством на то полномочию (отношением вашим, № 416), на сие согласился, но с тем, чтобы деньги и трон были сперва сданы в Аббас-Абад тамошнему коменданту. Теперь, по получении от генерал-майора Мерлини уведомления, что сие исполнено, я не мог долее отказываться ни под каким благовидным предлогом от требования Аббас-Мирзы и, вместе с сим посылая курьера к полковнику Швецову, приглашаю его приступить к очищению области. Деньги будут храниться в Аббас-Абаде на ответственности коменданта и персидского сдатчика, впредь до учреждения там комитета. Если окажется какая-нибудь незначащая недоимка, то мы в драгоценных камнях имеем вполне обеспечение, и даже с избытком.

Все условие исполнено в том смысле, как оно было первоначально заключено между вашим сиятельством и Аббас-Мирзою и высочайше одобрено в отношении к вам вице-канцлера, от 18-го июня. Я говорю об уплате, но что касается до сроков оной, то, кроме последнего, мною данного Аббас-Мирзе, для пополнения 400 т. тум., все они миновались бездейственно, и срок для получения следующих нам 100 т. еще остается dans le vague [142 – неопределенным (фр.)]. Но ваше сиятельство изволите, конечно, припомнить, что после блестящих побед наших и в присутствии вашем и войск, угрожавших Персии совершенною погибелью, персидское правительство в Дей-Каргане и в промежутке пред Туркменчаем также нерадиво наблюдало даваемые ему сроки; теперь же для сего есть по крайней мере законное извинение – вещественная невозможность Аббас-Мирзы скоро удовлетворить нас, ибо казна его пуста совершенно. В течение переговоров о мире я неоднократно изъявлял вашему сиятельству мое сомнение насчет уверений его высочества, что он не имел у себя никакого сокровища, теперь я убежден в этом; ибо с тех пор в различных перемещениях его двора и гарема не могла бы укрыться его казна: кто-нибудь знал бы об этом, но нет такого слуха, и его придворные, из которых большая часть не весьма к нему привержена, все равно убеждены в совершенном его безденежье.

Миклашевич В. С., 17 сентября – 3 декабря 1828: #с009153

<17 сентября – 3 декабря 1828.>

17 сентября 1828. Эчмиадзин.

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru

Друг мой, Варвара Семеновна. Жена моя, по обыкновению, смотрит мне в глаза, мешая писать, знает, что пишу к женщине, и ревнует. – Не пеняйте же на долгое мое молчание, милый друг; видите ли, в какую для меня необыкновенную эпоху я его прерываю. Женат, путешествую с огромным караваном, 110 лошадей и мулов, ночуем под шатрами на высотах гор, где холод зимний, Нинуша моя не жалуется, всем довольна, игрива, весела; для перемены бывают нам блестящие встречи, конница во весь опор несется, пылит, спешивается и поздравляет нас с счастливым прибытием туда, где бы вовсе быть не хотелось. Нынче нас принял весь клир монастырский в Эчмядзине, с крестами, иконами, хоругвями, пением, курением etc.; и здесь, под сводами этой древней обители, первое мое помышление об вас и об Андрее: #c009153_1. Помиритесь с моею ленью.

«Как это все случилось! Где я, что и с кем!! будем век жить, не умрем никогда». Слышите? Это жена мне сейчас сказала ни к чему – доказательство, что ей шестнадцатый год. Но мне простительно ли, после стольких опытов, стольких размышлений, вновь бросаться в новую жизнь, предаваться на произвол случайностей, и все далее от успокоения души и рассудка. А независимость! которой я такой был страстный любитель, исчезла, может быть навсегда, и как ни мило и утешительно делить все с прекрасным, воздушным созданием, но это теперь так светло и отрадно, а впереди как темно! неопределенно!! Всегда ли так будет!! Бросьте вашего Трапёра: #c009153_2 и куперову «Prairie», мой роман живой у вас перед глазами и во сто крат занимательнее; главное в нем лицо – друг ваш, неизменный в своих чувствах, но в быту, в роде жизни, в различных похождениях не похожий на себя прежнего, на прошлогоднего, на вчерашнего даже; с каждою луною со мной сбывается что-нибудь, о чем не думал, не гадал.

3 декабря <1828>. Тавриз.

Как я себя виню, что не послал вам написанных этих строчек три месяца назад. Вы бы не сердились на меня, а теперь, верно, разлюбили, и правы. Не хочу оправдываться; Андрей, ты помоги мне умиловить нашего общего друга. Хорошо, что вы меня насквозь знаете и не много надобно слов, чтобы согреть в вас опять те же чувства, ту же любовь, которую от вас, моих милых нежных друзей, я испытал в течение стольких лет, и как нежно и бескорыстно!

Верно, сами догадаетесь, неоцененная Варвара Семеновна, что я пишу к вам не в обыкновенном положении души. Слезы градом льются.

Неужли я для того рожден, чтобы всегда заслуживать справедливые упреки за холодность (и мнимую притом), за невнимание, эгоизм от тех, за которых бы охотно жизнь отдал. – Александр наш: #c009153_3 что должен обо мне думать! И это кроткое, тихое создание, которое теперь отдалось мне на всю мою волю, без ропота разделяет мою ссылку и страдает самою мучительною беременностью, кто знает: может быть, я и ее оставлю, сперва по необходимости, по так называемым делам, на короткое время, но после время продлится, обстоятельства завлекут, забудусь, не стану писать, что проку, что чувства мои во мне неизменны, когда видимые поступки тому противоречат. Кто поверит!!! Александр мне в эту минуту душу раздирает. Сейчас пишу к Паскевичу; коли он и теперь ему не поможет, провались все его отличия, слава и гром побед, все это не стоит избавления от гибели одного несчастного, и кого!!! Боже мой! пути твои неисследимы!

Сказать ли вам теперь о моем быту? Не занимательно ни для кого, – я только чрезвычайно занят. Наблюдаю, чтобы отсюда не произошла какая-нибудь предательская мерзость во время нашей схватки с турками. Внимаю контрибуцию, довольно успешно. Друзей не имею никого и не хочу, должны прежде всего бояться России и исполнять то, что велит государь Николай Павлович, и я уверяю вас, что в этом поступаю лучше, чем те, которые затеяли бы действовать мягко и втираться в персидскую будущую дружбу. Всем я грозен кажусь, и меня прозвали сахтир, соеиг dur[143 – жестокое сердце (фр.)]: #c009153_4. К нам перешло до 8 т. армянских семейств, и я теперь за оставшееся их имущество не имею ни днем, ни ночью покоя, однако охраняю их достояние и даже доходы; все кое-как делается по моему слову. Наконец, после тревожного дня, вечером уединяюсь в свой гарем; там у меня и сестра и жена и дочь, все в одном милом личике; рассказываю, натверживаю ей о тех, кого она еще не знает и должна со временем страстно полюбить; вы понимаете, что в наших разговорах имя ваше произносится часто. Полюбите мою Ниночку. Хотите ее знать? В Malmaison, в Эрмитаже, тотчас при входе, направо, есть богородица в виде пастушки Murillo, – вот она. Прощайте, неоцененный друг мой, Варвара

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
Семеновна! Не сердитесь, не разлюбите верного вам – А. Г.

Отзовитесь словечком. Андрей, обними Чебышева за меня, коли он не в Америке.
Друг и брат, напиши ко мне поскорее.

Паскевичу И. Ф., 3 декабря 1828: #с009154

<3 декабря 1828. Тавриз.>

Почтеннейший мой покровитель граф Иван Федорович.

Как вы могли хотя одну минуту подумать, что я упускаю из виду мою должность и не даю вам знать о моих действиях. Замедление могло только произойти от продолжительных и бесконечных моих переговоров или от курьеров, которых, вероятно, задерживают в карантинах. Я всякую мелочь касательно моих дел довожу до вашего сведения, и по очень простой причине, что у меня нет других дел, кроме тех, которые до вас касаются. Для большего вашего удовлетворения пересылаю вам мою депешу к Нессельроде под открытую печатью, и всегда буду это делать, кроме таких случаев, которые ни под каким видом уже не могут для вас быть занимательны. Например: о переводчиках, и канцелярских издержках, о подарках, о суммах на постройку квартир и всякий вздор; до сих пор я только об этом писал мимо вас, потому что это касается департамента азиатских дел, и слава богу, что эта чаша вас миновала, у вас довольно таковой дрязги в нашей канцелярии.

Что вы думаете о наших европейских делах? Я не совсем разделяю вашей мысли, чтобы англичане вздумали нам открыто враждовать. У них своих домашних запутанностей много. Глупый министр wellington, долг необъятный, Ирландия и Португалия в виду. Одно только меня смущает, читанное мною в «Courrier», который, как вам известно, журнал министерствальный, где именно сказано, что Россия отказалась от трактата трех держав и преследует собственно свои завоевательные виды. Коли зимою не будет мира: #с009154_1, то я полагаю, что Австрия выставит на границе огромную военную силу и принудит нас сделать то же в отношении к ней. Но хотя это и введет нас в излишние издержки, но тем всё и кончится.

Вот вам депеша Булгарина об вас, можете себе представить, как это радует:

«Граф Паскевич-Эриванский вознесся на высочайшую степень любви народной. Можно ныне смело сказать, что он, победив турок, победил и своих завистников. Общий голос в его пользу. Генералитет высший, генерал-адъютанты, офицеры, дворянство, чиновники, литераторы, купцы, солдаты и простой народ повторяют хором одно и то же: «молодец, хват Эриванский! Вот русский генерал! Это суворовские замашки! Воскрес Суворов! Дай ему армию, то, верно, взял бы Царьград!» и т. п.

Повсюду пьют за здоровье Эриванского: портреты его у всех. Я еще не помню, чтобы который-нибудь из русских генералов дожил до такой славы. Энтузиазм к нему простирается до невероятной степени. В столице против него нет ни одного голоса.

Даже реляции его ужасно как нравятся: они хотя и грешат иногда против грамматики, но идут прямо к сердцу. Рассказ понятный, живой, с душой, с чувством.

Недавно на молебствии за его победы один генерал сказал за новость, что Эриванскому дали Андрея: #с009154_2. – Он взял Андрея, возразил некто, и все повторили: по-суворовски. Одним словом, герой нынешней войны, наш Ахилл-Паскевич-Эриванский. Честь ему и слава! Вот уже с 1827 он гремит победами»: #с009154_3.

А я прибавлю – с 1826. Впрочем, посылаю вам листочек в оригинале. Я для того списал, что рука его нечеткая. Тут же, коли любопытствуете, найдете много вредных толков на мой счет г. Родофиникина, моего почтенного начальника, на которого я плюю. Свинья и только.

Расшевелите наше сонное министерство иностранных и престранных дел. Напишите, ваше сиятельство, прямо к государю ваше мнение насчет Аббас-Мирзы, что хорошо бы его вооружить против турков. Я без особого подтверждения начальства не могу на себя это взять. В 1821 году я это очень успешно произвел в действие и получил головомойку от Нессельроде, хотя Ермолов вполне одобрил меня. Так и теперь может случиться. Вы похвалите, а черти меня расклют.

Да и Аббас-Мирза мне не поверит, покуда я не объявлю ему категорически воли государя императора. Как вы думаете о поездке моего принца: #с009154_4 в Петербург? Я в моей депеше к Нессельроде пишу несколько в духе нашего министерства: #с009154_5. Но вот мое истинное мнение:

- 1) Допустить его [к] государю императору в Петербург.
- 2) Велеть ему драться с турками.
- 3) Обещать торжественно, что мы возведем его на престол, ибо это нам ничего не стоит, упражнение войску в мирное время, издержки пусть его будут, а влияние наше к Азии сделается преобладающим, пред всякою другою державою.
- 4) Куруров не уступать ни под каким видом: #с009154_6.

Слава богу (не приписываю моему умению, но страху, который нагнали на всех успехи нашего оружия), я поставил себя здесь на такую ногу, что меня боятся и уважают. Дружбы ни с кем не имею и не хочу ее, уважение к России и к ее требованиям, вот мне что нужно. Собственные Аббас-Мирзы подданные и окружающие ищут моего покровительства, воображая себе, что коли я ему что велю, то он непременно должен сделать. Это хотя и не совсем так, потому что он старый плут, многое обещает, а мало исполняет; но пускай думают более о моем влиянии, чем есть на деле. Теперь стоит только министерству меня поддержать, а если иначе, si on me donne des dégoûts, adieu l'ambition et tout ça qui s'en suit, cela n'est pas ma passion dominante. Zinondali et la Kakhetie valent encore mieux, quoique je n'ai rien au monde qu'une perspective d'avancement et une modique pension qui m'en reviendrait avec le temps[144 - если мне доставят неприятности, прощай честолюбие и все, что с ним связано, ведь это не главная моя страсть. Цинандали и Кахетия: #с009154_7 большего стоят, хотя у меня ничего нет, кроме надежд на повышение и на скромную пенсию, которую я со временем мог бы получить (фр.).].

Кому от чужих, а мне от своих, представьте себе, что я вместо поздравления получил от матушки самое язвительное письмо. Только, пожалуйста, неоцененный благодетель, держите это про себя и не доверяйте даже никому в вашем семействе. Мне нужно было вам это сказать, сердцу легче.

Поздравляю вас с полком вашего имени: #с009154_8. Кажется, что вы должны быть довольны этим живым монументом.

Засим следует три просьбы: 1) Осмеливаюсь вашему сиятельству напомнить о моей бумаге № 44 сентября 8-го о моем переводчике шах-Назарове: #с009154_9. 2) При мне находится для рассылок и для разных поручений дворянин Саломон Кабулов, которого я с собою взял по предварительному сношению с Сипягиным. Не знаю, как и когда доносил вам об этом покойный военный губернатор: #с009154_10, сделайте мне одолжение причислить его куда-нибудь, и чтобы он считался в откомандировке при мне. Аттестаты его посылаю к Устимовичу. 3) Примите в ваше покровительство надворного советника Чельева, который некогда был прокурором в Тифлисе, потом при Сипягине. Он меня об этом не просит, но еще в бытность мою в Тифлисе он очень желал быть лично известным вашему сиятельству: #с009154_11. Все его знают за самого благонамеренного и расторопного человека, сведущего в законах, и, наконец, грузина, каких я мало встречал, с европейским образованием и нравственностью. Притом простите слабости человеческой. Нина тоже обращается к вам с просьбою об нем и, не смея прямо это сделать, стоит возле меня и заставляет меня всеусердно о том при вас стараться. Мне самому смешно, когда вспомню свой собственный стих из «Горя от ума»:

Как станешь представлять к крестичку ли, к местечку,
Ну как не порадеть родному человечку.

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
Вчера давал мне вечер с штуками и беглербек: #с009154_12, где провозглашали славу вашу во все четыре угла обеденной комнаты. Мать его говорит, что каждый день в молитвах своих вас поминает, для того, что такой великий человек почтил в ней вдову гиланского Гедаст-хана. Вот что значит подарить 5 т. червонцев.

Работа орденов остановилась, потому что золотых дел мастера все к нам перешли в Урдабад. Я уже писал к генералу Мерлини, чтобы на время выслать сюда двоих, уведомляя его, что вместе с тем доношу вашему сиятельству. Оконченная для вас звезда очень великолепна, и пошлетя с тем вместе особый чиновник в Тифлис при фирмане шаха и с поздравлением по случаю побед ваших.

Прилагаю здесь несколько строк для тифлиских газет, коли вы одобрите.

Прощайте, ваше сиятельство, расцелуйте вашу жену и детей милых, жаль, что они мало меня знают, Остаюсь вам по гроб преданный

А. Грибоедов.

Я, право, не знаю, как мне быть с моим жалованием, не для собственных издержек, а для экстраординарных по службе. Теперь дышу только двумя тысячами мадональдовских, которые вы мне дали в Ахалкалаках, и из них уже тысяча прожита, а своих ни копейки!!

Главное

Благодетель мой бесценный. Теперь без дальних предисловий, просто бросаюсь к вам в ноги, и если бы с вами был вместе, сделал бы это, и осыпал бы руки ваши слезами. Вспомните о ночи в Тюркменчае перед моим отъездом. Помогите, выручите несчастного Александра Одоевского. Вспомните, на какую высокую степень поставил вас господь бог. Конечно, вы это заслужили, но кто вам дал способы для таких заслуг? Тот самый, для которого избавление одного несчастного от гибели гораздо важнее грома побед, штурмов и всей нашей человеческой тревоги. Дочь ваша едва вышла из колыбели, уже государь почтил ее самым внимательным отличием, Федю тоже, того гляди, сделают камер-юнкером. Может ли вам государь отказать в помиловании двоюродного брата вашей жены, когда двадцатилетний преступник уже довольно понес страданий за свою вину, вам близкий родственник, а вы первая нынче опора царя и отечества. Сделайте это добро единственное, и оно вам зачтется у бога неизгладимыми чертами небесной его милости и покрова. У его престола нет Дибичей и

Чернышевых, которые бы могли затмить цену высокого, христианского, благочестивого подвига. Я видал, как вы усердно богу молитесь, тысячу раз видал, как вы добро делаете. Граф Иван Федорович, не пренебрегите этими строками. Спасите страдальца: #с009154_13.

Паскевичу И. Ф., 3 декабря 1828. Отношение № 217: #с009155

3-го декабря 1828 г. Тавриз.

Английский посланник, Макдональд, свидетельствуя вашему сиятельству усерднейшее почтение, просит вас еще раз быть ходатаем для получения ему ордена св. Анны 1-й степени, всемилостивейше уже ему назначенного. По статутам английским, никто не может получить чужестранного ордена, не участвуя в военных делах той державы, от которой получает сей орден; но Макдональд в кампании 1812 года находился при нашей главной квартире и в 1813 году при гр. Милорадовиче, в сражении при Люцене, также при осадах Данцига, Глогау и проч. Сие дает ему вящее право на получение российского ордена, кроме чистосердечных стараний его в пользу нашу при заключении славнейшего Туркменчайского мира. Он столько уверен в вашей к нему благосклонной дружбе, притом в действительности сильного вашего представительства, что полагает ваше мнение достаточным для успеха сего дела в великобританском министерстве иностранных дел, коль скоро оно ему будет передано императорским посольством в Лондоне.

Письма к П. Я. Ренненкампу, 5–11 декабря 1828: #с009156

Ренненкампу П. Я., 5 декабря 1828

5-го декабря <1828>. Тавриз.

...Завтра я еду в Тегеран: #с009156_1; Амбургер остается моим поверенным в делах. Когда кончите разграничение, пошлите ему краткое описание ваших работ, с означением сомнительных и спорных пунктов, а я постараюсь поддержать наши справедливые требования перед шахом, как скоро граф Эриванский: #с009156_2 даст мне на то приказание. Здесь придираются к каждой пяди земли, тогда как шах всячески избегает споров и несогласия с такою державою, как Россия. Я пишу вам в качестве частного лица и советую как друг. Отступитесь от всякого притязания на увеличение наших владений против условий договора; в Петербурге этого не хотят, и граф Эриванский не желает, чтобы дело такого рода тянулось, и пр., и пр.

Ренненкампу П. Я., 7 декабря 1828

7-го декабря <1828>. Тавриз.

...Мне кажется, все, что я могу здесь сделать, это подготовить умы к принятию решения главнокомандующего, какого бы то ни было, хотя бы одобрения вашего мнения. Но трудно уверить персиян в справедливости ваших требований. Мы ошиблись, указав на Одина-базар, и хотим его променять на другое. Но разве персидское правительство не может также представить мне как ошибку данное им обязательство заплатить нам 10-й курур, тогда как в действительности оно намерено выплатить нам только 8-мь.

Ренненкампу П. Я., 9 декабря 1828

9-го декабря <1828>. Тавриз.

...Вот конец моих переговоров с здешним правительством: принц согласен отступить от Исти-Су: #с009156_3. Он объявил мне это формально, так же как и относительно Лекин-чая; но карта Монтиса заставила его убедиться, что Одина-базар – река, которая будет служить границей. По нем, сказать, что она не существует, значит спорить против очевидности, так как об этой самой реке упомянуто в Гюлистанском мирном трактате. Сегодня будет отправлен ракам к Мирзе-Масуду, чтобы он отступился от Лекин-чая, в Уджарлинском округе, и оставил в стороне Исти-Су взамен другого отрога Астары: #с009156_5, более значительного, и, судя по тому, что говорит Монтис, это, вероятно, тот самый отрог, который вы называете Северною Астарою. Мое дело здесь только составлять записку и соглашать мнения. Я не имею ничего более прибавить; прошу вас только потерпеть до решения графа Эриванского. У меня все готово, и я выезжаю из Тавриза сегодня, тотчас по отсылке курьера к вам.

Ренненкампу П. Я., 11 декабря 1828

11-го декабря <1828>. Тикмедаш.

...Я отвечал вам с вашим курьером, сказав вам все, что было нужно по делу. Принц: #с009156_6 говорит, что ему нечего более ни изменять, ни уступать, разве его заставят не разумными доводами, а силою. Вот мы теперь при чем. Но вы не воображайте, что сила здесь означает войну; нет, это значит только, что мы, как более сильные, всегда можем указать на какую угодно границу; но за то это было бы нарушением справедливости.

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
Амбургеру А. К., 9 декабря 1828: #с009157

(Перевод с французского)

9 декабря 1828.

Сердечный друг.

Прежде всего позаботьтесь о моей жене, она столь достойна сожаления, так молода и одинока, оставаясь одна в Тавризе.

Сверх того, я вам оставляю два векселя графа Макдональда в 15 тысяч и 4 тысячи, которые он уже реализовал полностью, и я предполагаю, что он пошлет деньги в Аббас-Абад прежде, чем вы вернетесь, в таком случае, вы их ему отдадите.

Далее, полученное Панкратьевым, который протестует против монет низкой пробы (сумма по решению в 7255 туманов), вы постарайтесь опротестовать и потребовать этого со своей стороны, когда вы сочтете это удобным.

Я воздерживаюсь от этого пока, чтобы не задержать уплаты более значительной суммы, но я уже довел до сведения правительства, что у меня есть претензия Панкратьева, которую я буду отстаивать. 100 тысяч уплачены полностью. Принц хочет оплатить остальные 100 тысяч меньше чем в три месяца. Но я не принял ни этого срока, ни другого, я его обязал уплатить как можно скорее, потому что может как раз случиться, что я получу приказ взять их драгоценными камнями. Я обозначил срок, когда дело шло о провинции Хой; теперь, когда Хой им возвращен, я ничего не беру на свою ответственность.

Все, что я вам здесь говорю, я говорил принцу, это не секрет, это мое последнее решение, и нет никаких обязательств с моей стороны, ни письменных, ни устных. Однако вы ему скажите, что, если он приступит как можно скорее к уплате, тогда я буду иметь полное право ответить, что не могу у него взять драгоценности, так как он производит платеж.

Возьмите их, я вас прошу, вы его знаете лучше, чем я.

Что касается границы, я ожидаю решения графа Паскевича. Если оно не будет вполне благоприятным, я постараюсь впоследствии примирить обе стороны, теперь, когда принц отступился, когда он держится настороже Одина-базара и когда он тем более не одобряет претензий Мирзы-Масуда относительно Исти-Су, но, придерживаясь договора, приказывает ему искать на севере реку более значительную, чем Астара. Я думаю, можно будет кончить тем, что мы пойдем друг друга.

Я вам оставил документ, который Аббас-Мирза хотел получить от меня на персидском и русском языках.

Что касается торговцев наших, делайте, как сочтете более подходящим. Я им говорил сто раз, что это дело касается вас ближе, чем меня. По этому поводу я только что получил бесконечное количество прошений против притеснения персидской таможни в Реште.

До свидания. Сердечно и душевно обнимаю вас.

Преданный вам А. Г.

Ваценко В. Я., 23 декабря 1828: #с009158

Казвин. 23 декабря 1828.

Любезный Ваценко. Пишу к вам с нашим подданным купцом из Тейрана. Хотя и долго будет в дороге, но вернее дойдет, нежели чрез персидского курьера. Узнали ли вы, зачем прибыл посланный турецкий? Донесите мне тотчас. Если же Андрей Карлович: #с009158_1 прибыл в Табриз, то он, конечно, поспешит меня уведомить о себе и о всех происшествиях. Посылают ли персияне деньги? Надлежит их понуждать как можно настоятельнее. Я имею партикулярное письмо от гр. Эриванского: #с009158_2, в котором строго требуется, чтобы они осьмой курур внесли как можно скорее, по

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
несоблюдении им сіс прежних сроков. Прощайте, старайтесь, служите усердно и
верьте, что ваши труды я буду уметь представить в надлежащем виде министерству.
Благодарю вас за неоставление меня вашими письмами, за сообщение новостей по
службе и лично для меня занимательных. Продолжайте, как начали, помните, что
батюшка ваш: #с009158_3 препоручил мне вас и я ему отвечаю за ваше поведение.

Будьте уверены в неизменной моей сіс и в желании быть вам полезным.

Весь ваш: А. Грибоедов.

Грибоедовой Н. А., 24 декабря 1828: #с009159

9-е письмо. Сочельник. 24 декабря 1828. Казбин.

Душенька. Завтра мы отправляемся в Тейран, до которого отсюда четыре дни езды.
Вчера я к тебе писал с нашим одним подданным, но потом расчел, что он не доедет
до тебя прежде двенадцати дней, также к m-me Macdonald, вы вместе получите мои
конверты. Бесценный друг мой, жаль мне тебя, грустно без тебя как нельзя больше.
Теперь я истинно чувствую, что значит любить. Прежде расставался со многими, к
которым тоже крепко был привязан, но день, два, неделя – и тоска исчезала,
теперь, чем далее от тебя, тем хуже. Потерпим еще несколько, ангел мой, и будем
молиться богу, чтобы нам после того никогда более не разлучаться.

Пленные здесь меня с ума свели. Одних не выдают, другие сами не хотят
возвратиться. Для них я здесь даром прожил, и совершенно даром.

Дом у нас великолепный и холодный, каминов нет, и от мангалов у наших у всех
головы переболели.

Вчера меня угощал здешний визир, Мирза Неби, брат его женился на дочери здешнего
Шахзады, и свадебный пир продолжается четырнадцать дней, на огромном дворе
несколько комнат, в которых угощение, лакомства, ужин, весь двор покрыт
обширнейшим полотняным навесом вроде палатки и богато освещен, в середине театр,
разные представления, как те, которые мы с тобою видели в Табризе, кругом гостей
человек до пятисот, сам молодой ко мне являлся в богатом убранстве. Однако,
душка, свадьба наша была веселее, хотя ты не шахзадинская дочь, и я не знатный
человек. Помнишь, друг мой неоцененный, как я за тебя сватался, без посредников,
тут не было третьего. Помнишь, как я тебя в первый раз поцеловал, скоро и
искренно мы с тобою сошлись, и навеки. Помнишь первый вечер, как маменька твоя и
бабушка и Прасковья Николаевна сидели на крыльце, а мы с тобою в глубине окошка,
как я тебя прижимал, а ты, душка, покраснелась, я учил тебя как надобно
целоваться крепче и крепче. А как я потом воротился из лагеря, заболел и ты у
меня бывала. Душка!..

Когда я к тебе ворочусь! Знаешь, как мне за тебя страшно, все мне кажется, что
опять с тобою то же случится, как за две недели перед моим отъездом. Только и
надежды, что на Дереджану, она чутко спит по ночам и от тебя не будет отходить.
Поцелуй ее, душка, и Филиппу и Захарию скажи, что я их по твоему письму
благодарю. Коли ты будешь ими довольна, то я буду уметь и их сделать довольными.

Давеча я осматривал здешний город, богатые мечети, базар, караван-сарай, но всё
в развалинах, как вообще здешнее государство. На будущий год, вероятно, мы эти
места вместе будем проезжать, и тогда все мне покажется в лучшем виде.

Прощай, Ниночка, ангельчик мой. Теперь 9 часов вечера, ты, верно, спать
ложишься, а у меня уже пятая ночь, как вовсе бессонница. Доктор говорит – от
кофею. А я думаю – совсем от другой причины. Двор, в котором свадьбу справляют,
недалек от моей спальни, поют, шумят, и мне не только не противно, а даже
кстати, по крайней мере не чувствую себя совсем одиноким. Прощай, бесценный друг
мой, еще раз, поклонись Агалобеку, Монтису и прочим. Целую тебя в губки, в
грудку, ручки, ножки и всю тебя от головы до ног. Грустно.

Весь твой А. Гр.

Поклонись Ваценке, я к нему вчера писал, приехал ли Андрей Карлович, dis-lui que
Страница 425

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
je lui en veux un peu, c: a: d: amicalement, il est resté trop longtemps
dehors, et cela dans un temps où sa prudence et tauris est de la
plus grande urgence[145 – скажи ему, что я на него немного сердит, т. е.
по-дружески: он слишком долго отсутствовал, – и в такое время, когда его
присутствие в Тавризе крайне важно (фр.)..]. Впрочем, je lui en veux, покуда
его нет, а коли воротился, так и дело в шляпе. Завтра Рождество, поздравляю
тебя, миленькая моя, душка. Я виноват (сам виноват и телом), что ты большой этот
праздник проводишь так скучно, в Тифлисе ты бы веселилась. Прощай, мои все тебе
кланяются.

Коли будешь иметь оказию к папеньке и в Тифлис к бабушке и маменьке, пошли им
всем поклон от меня, и Катиньке и Давыдчику, я скоро сам буду ко всем писать.

Макдональду Дж., около 24 января 1829: #с009160

<Около 24 января 1829.>

Мой дорогой господин Макдональд,

прежде всего прошу вас передать г-же Макдональд, до какой степени я обязан ей за
ее доброе и милое отношение к моей жене. – С тех пор, как мне стало известно,
что они часто видятся, я совершенно успокоился, да и письма моей жены
свидетельствуют, что она все сильнее привязывается к этому столь же
просвещенному, сколь и снисходительному другу, ибо Нина, а точнее, ее возраст и
незнание света нуждается в большой снисходительности.

Я получил только что донесение от гр. Паскевича, в котором он известил меня о
том, что император наградил Кемпбелла орденом св. Анны 2-го класса, как и всех
других членов английской миссии, и удивлен, что мне это неизвестно; кроме того,
он пишет мне, что снова просил министерство ходатайствовать от имени нашего
правительства перед его величеством королем Англии об утверждении награды,
которой вас удостоил государь император. Со своей стороны, я писал об этом
дважды и полагаю, что результат последует незамедлительно.

Не сообщите ли вы мне рекомендации гр. Нессельроде относительно сэра Г. Уиллока:
#с009160_1. Он пишет, что мне следует установить с ним столь же добрые
отношения, как с его предшественником полковником Макдональдом, то есть с вами,
о котором он отозвался с похвалой, напоминая панегирик человеку, которого нет
в живых. То ли его ввел в заблуждение ложный слух, то ли какие-то перемены в
вашей судьбе, о которых мы узнаем позднее; но меня это сильно занимает. –
Напишите, что вам об этом известно. Вице-канцлер сообщает мне подробности
относительно лорда Хейтсбери, который уже удостоился милостивого внимания его
величества государя императора; он добавляет также, что Англия пытается
выступить посредником, дабы восстановить мир между двумя державами, находящимися
в состоянии войны: #с009160_2, подобно тому как она действовала во время нашей
войны с Персией, и что никогда у нас не было с Великобританией более искренних и
дружественных отношений. – Вы можете себе представить, как это меня радует, ибо
если я лично и не был до сих пор близко знаком с большим числом ваших
соотечественников, то я принадлежу к тем, кто почитает вашу нацию превыше всего.

Поскольку вы всегда проявляли ко мне интерес, мой дорогой полковник, я расскажу
вам в нескольких словах о моем путешествии и прибытии сюда. Прежде всего был
нестерпимый холод, я скакал то галопом, то рысью, то во весь опор от одной
станции к другой, мой мехмандар Мехмет-Хан-Афсхар дружески заметил мне, что это
не принято в Иране, где послу великого монарха надлежит сохранять важность и
степенность, даже если он умирает от холода. Здесь мне устроили великолепный
истинбаль: #с009160_3. На другой день мне нанес визит Абул-Хассан-хан со всякого
рода хержератом: #с009160_4 от имени шаха. – На третий день монарх дал нам
торжественную и пышную аудиенцию, впрочем, мне нет надобности вам об этом
писать, ибо вы были участником всех этих представлений раньше меня. – На
следующий день после приема при дворе я начал наносить ответные визиты, и это
еще продолжается, притом что погода стоит ужасная, снег идет каждый божий день,
а на улицах омерзительно грязно. – Сегодня я получил от имени его величества
список лиц, которые должны пригласить меня на обед, что в пять раз больше того,
что мне нужно для хорошего пищеварения. – Во всяком случае, я весьма доволен
таким отношением к себе.

Через неделю я рассчитываю покинуть столицу, ничего из своих вещей мне до весны получить не удастся, ибо Гиланская дорога непроходима. Так же обстоит дело с дарами: #с009160_5 – я оставляю здесь Мальцева и Мирзу-Неримана.

Передайте еще раз мой почтительный поклон г-же Макдональд и сердечный привет Кормаку. Я немного недоволен Монтейтом за его – совместно с Каstellа – направленный против меня проект: #с009160_6, найденный в бумагах покойного, о чем я недавно получил донесение, все это я изложу ему по возвращении в Тавриз.

Соблаговолите принять уверение в моем уважении и преданности и т. д., и т. д.

А. Грибоедов.

Комментарии

Настоящее издание включает в себя все художественные (дошедшие до нас) произведения Грибоедова (в том числе наброски и планы их), его публицистику, путевые дневники и все его письма, известные к настоящему времени; в особый раздел вошли произведения, грибоедовское авторство которых весьма вероятно. Таким образом, за пределами издания остались только маргиналии и заметки Грибоедова по поводу прочитанных книг и его деловые бумаги и записки. Тексты всех произведений проверены по автографам, авторитетным спискам, а в случае их отсутствия или недоступности – по первым публикациям. Орфография и пунктуация грибоедовских сочинений приведены в соответствие с современными нормами, при сохранении отчасти авторского своеобразия, когда оно отражает особенности произношения.

Список условных сокращений

АВПР – Архив внешней политики России.

ПСС – Полное собрание сочинений А. С. Грибоедова. Под редакцией и с примечаниями Н. К. Пиксанова, т. 1–3. СПб. – Пг., 1911–1917. Академическая библиотека русских писателей, вып. 9.

АКАК – Акты, собранные Кавказской археографической комиссией, т. 7. Тифлис, 1878.

Воспоминания – А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников. М., 1980.

ГБЛ – Рукописный отдел Государственной библиотеки имени В. И. Ленина.

ГИМ – Отдел письменных источников Государственного исторического музея.

ГПБ – Рукописный отдел Государственной публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина.

КС – Кавказский сборник, т. 30. Тифлис, 1910.

ЛН – Литературное наследство.

ЛГТБ – Ленинградская государственная театральная библиотека.

ОЛРС – Общество любителей российской словесности.

ПД – Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР.

Письма к Бегичеву – Письма Карамзина к А. Ф. Малиновскому и письма Грибоедова к С. Н. Бегичеву. Издание ОЛРС при имп. Московском университете. М., 1860.

Попова – Попова О.И. А. С. Грибоедов в Персии. 1818–1823. М., 1932.

РА – Журнал «Русский архив».

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
РЛ – Журнал «Русская литература».

РС – Журнал «Русская старина».

ЦГАЛИ – Центральный Государственный архив литературы и искусства.

ЦГАОР – Центральный Государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства.

ЦГИА Армянской ССР – Центральный государственный исторический архив Армянской ССР.

ЦГИА Грузинской ССР – Центральный государственный исторический архив Грузинской ССР.

ГЦТМ – Государственный Центральный театральный музей им. А. А. Бахрушина.

Черновая тетрадь – Смирнов Д. Черновая тетрадь Грибоедова. – Русское слово, 1859, № 4, 5.

Шляпкин – Полное собрание сочинений А. С. Грибоедова. Под редакцией И. А. Шляпкина, т. 1–2. СПб., 1889.

Шостакович – Шостакович С. В. Дипломатическая деятельность А. С. Грибоедова. М., 1960.

Горе от ума: #s003

ПСС, т. 2. 7–10 явления первого действия и третье действие комедии – в альм. «Русская Талия» (СПб., 1825); первое издание – М., 1833, второе – СПб., 1839 (в обоих случаях с большими цензурными искажениями и пропусками).

Существует несколько легендарных свидетельств мемуаристов о раннем замысле комедии: университетского товарища драматурга, В. В. Шнейдера, который якобы слышал еще в начале 1812 года чтение «начатков «Горя от ума» (см.: Воспоминания, с. 338), кавказского попутчика 1819 года Д. О. Бебутова («Он мне читал много своих стихов, в том числе, между прочим, и из «Горя от ума», которое тогда еще у него было в проекте» – см.: там же, с. 343), а также С. Н. Бегичева: «...известно мне, что план этой комедии был у него сделан в Петербурге 1816 года и даже написаны были несколько сцен; но, не знаю, в Персии или в Грузии, Грибоедов во многом изменил его и уничтожил некоторые действующие лица, а между прочим, жену Фамусова, сантиментальную модницу и аристократку московскую (тогда еще поддельная чувствительность была несколько в ходу у московских дам), и вместе с этим выкинуты и написанные уже сцены» (там же, с. 26). Два первых свидетельства можно отнести за счет обычных ошибок мемуаристов, «запоминающих» в кратковременном и случайном своем общении со знаменитым современником именно то, что принесло ему общеизвестную славу. Что же касается хорошо осведомленного С. Н. Бегичева, то, судя по его высказыванию, он принимал за план «Горя от ума» какое-то другое произведение писателя, возможно, замысел, вылившийся в ближайшее время в комедию «Студент» (см с. 177 наст. изд.). Во всяком случае, все эти свидетельства противоречат собственному признанию Грибоедова: «Первое начертание этой сценической поэмы, как оно родилось во мне, было гораздо великолепнее и высшего значения, чем теперь в суетном наряде, в который я принужден был облечь его» (см. с. 371 наст. изд.). Следовательно, первоначальный замысел, приведший к «Горю от ума», вовсе не был комедийным. Житейским зерном такого замысла могло быть впечатление от посещения Москвы в 1818 году, о чем Грибоедов писал Бегичеву 18 сентября (см. с. 452–453 наст. изд.). «Будучи в Персии в 1820 году, – вспоминал Булгарин со слов драматурга, – Грибоедов мечтал о Петербурге, о Москве, о своих друзьях, родных, знакомых, о театре, который он любил страстно, и об артистах. Он лег спать в киоске, в саду, и видел сон, представивший ему любезное отечество, со всем, что осталось в нем милого для сердца. Ему снилось, что он в кругу друзей рассказывает о плане комедии, будто им написанной, и даже читает некоторые места из оной. Пробудившись, Грибоедов берет карандаш, бежит в сад и в ту же ночь начертывает план «Горя от ума» и сочиняет несколько сцен первого акта» (Воспоминания, с. 342). Это свидетельство подтверждается и уточняется письмом к неизвестной, написанным им в Тавризе 17 ноября 1820 года (см. с. 481 наст. изд.). Первые два действия комедии были написаны им в Тифлисе,

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru куда он попадает в конце 1821 года. Кюхельбекер, в то время бывший там же, вспоминал: «Грибоедов писал «Горе от ума» почти при мне, по крайней мере мне первому читал каждое отдельное явление непосредственно после того, как оно было написано» (Воспоминания, с. 401). О первом впечатлении от комедии при московской встрече с другом (март 1823 г.) позже рассказывал С. Н. Бегичев: «Из комедии его «Горе от ума» написаны были только два действия. Он прочел мне их, на первый акт я сделал ему некоторые замечания, он спорил, и даже показалось мне, что принял это нехорошо. На другой день приехал я к нему рано и застал его только что вставшим с постели: он не одетый сидел против растопленной печи и бросал в нее свой первый акт лист по листу. Я закричал: «Послушай, что ты делаешь?!!» – «Я обдумал, – отвечал он, – ты вчера говорил мне правду, но не беспокойся: все уже готово в моей голове». И через неделю первый акт уже был написан» (Воспоминания, с. 27–28). Уточнить это свидетельство помогает автограф ранней редакции комедии. Из него действительно вырваны несколько листов, на которых был записан первоначальный вариант 2–4-й сцен первого действия. Текст этот до некоторой степени можно восстановить по оставшимся корешкам вырванных листов, сохранивших части стихотворных строк. Заигрывание Фамусова с Лизой и его подозрения насчет Софьи с Молчалиным были первоначально изображены более откровенно, что, вероятно, и смутило Бегичева. Между прочим, даже в переработанном виде впоследствии эти сцены раздражали многих критиков своим «неприличием» и служили предлогом для цензурных придиорок к комедии.

Свежие московские впечатления позволили Грибоедову развернуть некоторые картины, лишь отдаленно намеченные в Тифлисе. Так, на место риторического монолога Чацкого во втором действии «Вы правы, что в Москве всему печать...» встал знаменитый монолог «А судьи кто?..». В то же время московская жизнь мешала сосредоточиться для творческой работы. 3-е и 4-е действия комедии были написаны осенью 1823 года в тульском имении Бегичева, в селе Дмитревском (то же Локотцы) Ефремовского уезда. Уже в декабре 1823 года Пушкин запрашивал из Одессы Вяземского: «Что такое Грибоедов? Мне сказывали, что он написал комедию на Чедаева...» Очевидно, чтобы пресечь подобные слухи, Грибоедов несколько изменяет фамилию главного героя (первоначально Чадский – вероятно, от «чад», ср. в его монологе 3-го действия: «Ну вот и день прошел, и с ним // Все призраки, весь чад и дым // Надежд, которые мне душу наполняли»). Уже в московской редакции произведение получило и окончательное название, более комедийное, чем вначале (было: «Горе уму»).

Рукопись комедии (Музейный автограф) была оставлена в Москве Бегичеву, когда в июне 1824 года Грибоедов переехал в Петербург, имея главной целью напечатать комедию и провести ее на сцену. Впоследствии с этого автографа был снят список И. П. Бехтеевым, близким другом Бегичева (см.: ПСС, т. 2, с. 230–231). Уже в дороге Грибоедову пришла мысль об изменении концовки пьесы (см. с. 496 наст. изд.): первоначально Софья не была невольной свидетельницей заигрывания Молчалина с Лизой, и ее окончательная отповедь Чацкому звучала не полуоправданием, а благородным негодованием («Не лицемерила и права я кругом...»). В процессе публичных чтений текст пьесы непрерывно совершенствуется, и стих комедии обретает в конечном счете ту энергию, раскованность и выразительность, которые являются яркими приметам грибоедовского стиля. С другой стороны, предвидя цензурные затруднения, Грибоедов смягчает особо острые политические намеки: «Нет? нынче худо для дворов» (в окончательной редакции: «Нет! нынче свет уж не таков»), «Да, был нам черный год, не послужило впрок» («Дома новы, а предрассудки стары»), «Что за правительство путем бы взяться надо» («Что радикальные потребны тут лекарства») и т. п. «Когда Грибоедов приехал в Петербург и в уме своем переделал свою комедию, – вспоминал А. А. Жандр, – он написал такие ужасные брешьны (brouillon – фр. черновик. – С. Ф.), что разобрать было невозможно. Видя, что гениальнейшее создание чуть не гибнет, я у него выпросил его полулисты. Он их отдал с совершенною беспечностью. У меня была под руками целая канцелярия; она списала «Горе от ума» и обогатилась, потому что требовали множество списков. Главный список, поправленный рукою самого Грибоедова, находится у меня» (Воспоминания, с. 248).

Важнейшие приметы жандровского («главного») списка: он тщательно выправлен автором, который настойчиво устранял малейшие опiski переписчика; в частности, Грибоедов вписал своей рукой некоторые пропущенные копиистом слова и целые строки (в двух-трех случаях, однако, ошибки Грибоедовым не были замечены). В списке была продолжена работа по совершенствованию текста; на месте зачеркнутых появились новые варианты многих строк. Два же листа списка были драматургом заменены другими, на которых им самим записаны новые редакции двух монологов

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru (рассказ Софьи о своем «сне» и последний монолог Чацкого). Приведенный выше рассказ Жандра не совсем точен (возможно, беллетризован мемуаристом, Д. А. Смирновым): множество списков могло быть изготовлено в канцелярии лишь после окончания работы Грибоедова над главным списком: среди огромного количества списков комедии, дошедших до наших дней (около тысячи), мы не знаем таких, которые бы сохранили нижний слой текста Жандровского списка, соответствовавший, очевидно, грибоедовским «брульёнам» (да и копирование последних было, несомненно, возможно лишь при помощи самого автора, который в этом случае мог работать только с одним переписчиком). Оставляя Жандру «главный» (правленный) список, Грибоедов, безусловно, изготовил для себя, как и при отъезде из Москвы, рукописный экземпляр комедии, который, по всей вероятности, находился у него и в Тегеране в день гибели (возвратив вдове писателя оставшиеся после гибели Грибоедова книги и личные вещи, персидское правительство ни ей, ни официальным представителям не возвратило ни одного листка из архива погибшего дипломата, а ведь там наверняка находились не только документы, но и творческие рукописи).

Изучение дошедших до нас списков позволяет с большой уверенностью заключить, что поощрять распространение их драматург стал лишь с октября 1824 года, когда для него стало ясно (см. письмо Н. И. Гречу на с. 505 наст. изд.), что в полном виде комедия не будет пропущена в печать. В истории новой русской литературы комедия «Горе от ума» (в этом отношении сравниться с ней могут лишь произведения вольнолюбивой лирики – прежде всего стихи Пушкина) имела особую читательскую судьбу: с ней знакомились преимущественно в рукописном виде, причем процесс изготовления списков не был остановлен и появлением пьесы в печати. Он прекратился лишь с выходом в 1862 году текста комедии без цензурных купюр.

Бытующие до сих пор представления о том, что Грибоедов не считал в 1824 году работу над «Горем от ума» завершённой и продолжал ее чуть ли не до самой смерти, не имеют под собой никаких достоверных оснований. В 1828 году писатель отчетливо выразил свою авторскую волю относительно текста комедии: отправляясь из Петербурга в свою последнюю поездку в Персию, он оставил список «Горя от ума» Булгарину с собственноручной пометой на титульном листе: «Горе» мое поручаю Булгарину. Верный друг Грибоедов. 5 июня 1828». Надпись эта не была просто этикетной: она давала Булгарину печатать текст, тот текст, который данный список сохранил, идентичный тексту Жандровского списка (1824), за исключением мелких разночтений, которые можно объяснить ошибками переписчика, автором не замеченными или не сочтенными важными. Никаких существенных редакционных изменений в текст Грибоедов не внес, тем самым фактически подтверждая, что творческая работа над произведением была им завершена три с половиной года назад. Это необходимо особо подчеркнуть потому, что и после 1913 года, когда во втором томе академического издания Полного собрания сочинений Грибоедова был опубликован текст «Горя от ума», основанный на Жандровском (прошедшем тщательную авторизацию) списке, появилось несколько изданий, где была сделана попытка пересмотреть научно обоснованные Н. К. Пиксановым принципы установления окончательной (дефинитивной) редакции произведения. Аргументация при этом была разной. В. Л. Бурцев решил уточнить пунктуацию и орфографию текста, а заодно ввел ряд ремарок, отсутствующих у Грибоедова, и перестановок слов в строках в угоду кажущейся легкости чтения (Грибоедов. Горе от ума, под ред. В. Л. Бурцева. Париж, 1919). П. П. Гнедич исходил из практики театральной традиции, в соответствии с которой он не только расставил знаки препинания, но и редактировал текст, нарушая авторскую волю, заявленную в Жандровском и Булгаринском списках (см.: Грибоедов А. С. Горе от ума. Редакция театрального текста и примечания П. П. Гнедича. Пг., 1919). Е. А. Ляцкий считал, что ранняя редакция (по Музейному автографу) комедии представляла «наиболее полное идеологическое выражение замысла», которое при доработке показалось автору опасным «с цензурной точки зрения» (Грибоедов А. С. Горе от ума. Редакция Е. А. Ляцкого. Стокгольм, 1920); это привело в стокгольмском издании к контаминации ранней и окончательной редакций пьесы в бесперспективной попытке отгадать все случаи грибоедовской автоцензуры. И, наконец, И. К. Ениколопов опубликовал текст, исправив его по дописановским публикациям, а также по неавторизованному, заведомо во многих случаях испорченному списку, сохранившемуся в его семье (см.: Горе от ума. Комедия в четырех действиях А. С. Грибоедова. Подготовил И. К. Ениколопов. Тбилиси, 1978). Все эти случаи подтверждают то обстоятельство, что, несмотря на декларации редакторов дать «новый», «более достоверный» текст «Горя от ума», ничего собственно нового они все же не сообщают (все их «новации», которые можно найти во множестве неавторизованных списков, являются несостоятельными с точки зрения научной текстологии).

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
Прижизненная публикация отрывков из пьесы в альманахе «Русская Талия» (вышел в свет 15 декабря 1824 г.), хотя и сильно искаженных цензурным вмешательством, имела тем не менее огромное общественное и литературное значение. Бурная полемика по поводу пьесы, разразившаяся на страницах всех основных журналов того времени, побуждала столичных и провинциальных читателей обзавестись полными списками комедии Грибоедова. Сам драматург, впрочем, был не удовлетворен критической перепалкой по поводу его произведения (см. с. 516 наст. изд.). Принципиальная оценка «Горя от ума» шла из декабристских кругов. В альманахе «Полярная звезда на 1825 год» А. Бестужев пророчески заявил: «Будущее оценит достойно сию комедию и поставит ее среди первых творений народных». Значение комедии «Горе от ума» в истории русской литературы наиболее точно определил В. Г. Белинский в «Статьях о Пушкине»: вместе с романом в стихах «Евгений Онегин» она «положила прочное основание новой русской литературе... она, как произведение сильного таланта, глубокого и самостоятельного ума, была первою русскою комедию, в которой нет ничего подражательного, нет ложных мотивов и неестественных красок, но в которой и целое, и подробности, и сюжет, и характеры, и страсти, и действия, и мнения, и язык – все насквозь проникнуто глубокою истиною русской действительности».

Первая постановка на сцене комедии готовилась в 1825 году воспитанниками Театральной школы в Петербурге, под руководством Грибоедова (см. с. 513 наст. изд.; Воспоминания, с. 106), но в день представления, 18 мая 1825 года, спектакль был отменен по распоряжению военного генерал-губернатора Петербурга М. А. Милорадовича. В 1827 году пьеса была поставлена в Эривани (по преданию, в присутствии автора) офицерами Кавказского корпуса. На профессиональной столичной сцене комедия сначала появилась в отрывках: 2 декабря 1829 года в составе интермедии-дивертисмента «Сцена позади сцены» (7-10-е явления первого действия), 5 февраля 1830 года – «Московский бал, или III-е действие из комедии «Горе от ума», 16 мая – четвертое действие. Только 26 января 1831 года, в бенефис Я. Г. Брянского, «Горе от ума» было поставлено в Петербурге целиком, в Москве премьера состоялась 27 ноября того же года. Но еще долгое время после этого представление комедии на провинциальной сцене допускалось только по специальному разрешению местных властей.

(1) Большие часы. – Ср.: «Стенные часы с флейтами в большой моде» (Московский телеграф, 1825, ч. 2, Прибавления, с. 87). Ср. ниже реплику фамусова: «То флейта слышится, то будто фортепьяно».

(2) ...амур проклятый... – амур, амурь – в просторечии волокитство, любовные шашни.

(3) Ну что бы ставни им отнять... – Ставни в московских особняках закрывали окна изнутри комнат.

(4) ...будет гонка... – т. е. наказание.

(5) Зелье – в просторечии так говорили о неугомонных детях.

(6) Кузнецкий мост – улица в Москве, где было много французских лавок (в том числе «бисквитных», т. е. кондитерских).

(7) Берем же побродяг, и в дом и по билетам... – Имеются в виду приходящие учителя-иностранцы, с которыми расплачивались за уроки квитанциями (билетами).

(8) ...дал чин асессора... – коллежский асессор, чин восьмого класса; получение этого чина давало право на потомственное дворянство.

(9) Где чудеса, там мало складу... – измененная цитата из баллады Жуковского «Светлана».

(10) ...на кислых... водах... – кавказские минеральные воды.

(11) ...верст больше седьмисот промчался... – т. е. Чацкий приехал в Москву из Петербурга.

(12) ...с мадамой за пикетом... – за карточной игрой.

(13) Английского клоба... – привилегированного дворянского клуба, в 1813–1830 гг. размещался на Большой Дмитровке в доме Муравьева.

- (14) ...трое из бульварных лиц... – посетители Тверского и Пречистенского бульваров – модного места прогулок.
- (15) Ученый комитет – при министерстве просвещения; занимался предварительным рассмотрением учебных книг и пособий.
- (16) И дым отечества нам сладок и приятен!.. – слегка измененная цитата из стихотворения Державина «Арфа» (1798).
- (17) Все фрейлиной Екатерины Первой?.. – язвительный намек на почтенный возраст «девушки» (не о ней ли вспоминает чуть выше Лиза: «забыла волосы чернить» и пр.).
- (18) ...под великим штрафом... – намек на указ 1757 г., согласно которому, «кто примет себе учителя без аттестата – подвергать штрафу 100 рублей».
- (19) Ментор – наставник Телемаха, сына Одиссея (здесь – гувернер).
- (20) ...по праздникам приходским... – день святого, которому посвящена церковь данного прихода.
- (21) ...нынче любят бессловесных... – игра слов: молчаливый, «бессловесная тварь».
- (22) ...что за комиссия... – здесь: экое затруднение, хлопоты.
- (23) Календарь – адрес-календарь; свод гражданских и военных штатов (см. также с. 117).
- (24) Камергер – старший придворный чин (к парадному мундиру которого полагался золотой ключ).
- (25) Блажить – упрямиться.
- (26) Ездил цугом... – в карете, запряженной друг за другом несколькими парами лошадей.
- (27) Тупей – старинная прическа.
- (28) Куртаг – приемный день при дворе.
- (29) Вельможа в случае – фаворит.
- (30) Карбонари, карбонарий – член тайного революционного общества в Италии; здесь – вообще бунтовщик, вольнодумец.
- (31) Деловой – искусный в приказных делах.
- (32) За третье августа... – 3 августа 1813 г. никаких военных действий не велось по случаю Плесвицкого перемирия, но в этот день в Праге состоялось свидание Александра I с австрийским императором Францем II, которое было ознаменовано множеством наград.
- (33) С бантом, на шею – ордена более низких и высших достоинств.
- (34) Вакансии как раз открыты... – в армии производство в следующий чин (начиная с капитана) производилось не только по выслуге лет, но и при наличии незанятых должностей.
- (35) Дистанции огромного размера... – в данном случае имеются в виду огромные московские расстояния (дистанция – расстояние между различными воинскими частями от фронта).
- (36) Столбовые – потомственные дворяне старинных родов.
- (37) Канцлер – высший гражданский чин (1-го класса).
- (38) Фрунт – фронт, воинский строй шеренгами.

- (39) Сенат – в начале XIX в. высший орган суда и надзора.
- (40) Тафта – легкая шелковая материя.
- (41) Пожар способствовал ей много к украшенью.. – намек на пожар 1812 г., после которого Москва быстро отстраивалась.
- (42) Времен Очаковских и покоренья Крыма.. – Очаков был взят русскими войсками в 1788 г., Крым присоединен в 1783 г.
- (43) Клиент – в Древнем Риме человек, зависимый от патрона; здесь имеются в виду «лизоблюды-иностранцы».
- (44) Фура – длинная крытая повозка, обычно для перевозки клади.
- (45) Должник – в грибоедовское время так назывался кредитор.
- (46) Зефиры и Амуры – здесь: персонажи кордебалета.
- (47) Гвардионцы – офицеры вновь образованных гвардейских полков, имевшие перед армейскими преимущество в один чин (в старой гвардии – в два чина).
- (48) Желал бы с ним убиться.. – Для компании? – По воспоминанию Вяземского, именно он предложил разделить этот стих на две реплики, отдав вторую (в ней есть оттенок просторечия) служанке. Подобное исправление имеется в Музейном автографе. Свидетельство Вяземского помогает окончательно решить один частный, но чрезвычайно запутанный вопрос текстологии грибоедовской комедии. До сих пор одним из спорных мест в публикации ее текста является реплика в 7-м явлении первого действия: «Но мудрено из них двоих (языков. – С. Ф.) скроить один, как ваш». В Музейном автографе реплика эта принадлежит Софье, в Жандровском и Булгаринском списках – передана Лизе. По-видимому, ввод Лизы в беседу Софьи и Чацкого в одном случае (по подсказке Вяземского) вызвал аналогичную ситуацию в первом действии по той же причине (М. С. Щепкин считал, что «слово «скроить» принадлежит горничной с Кузнецкого моста»).
- (49) Ирритация – возбуждение, беспокойство.
- (50) Потанцевать под фортепьяно.. – т. е. вечер (хотя и с гостями «разного разбора») был достаточно скромным. Однако в театральной традиции обычно изображается пышный бал. Между тем в комедии постоянны намеки на стесненные материальные обстоятельства важного фамусова, потому он так и торопится сбить с рук дочь провинциальному полковнику Скалозубу.
- (51) Хохол заку́тит – пустит сплетню.
- (52) Хрипун – в грибоедовское время «хрип» обозначал особую манеру разговора у некоторых офицеров: «...какое-то хвастовство, соединенное с высокомерием и выражаемое насильственной хрипlostью голоса» (Вяземский П. А. Полн. собр. соч., т. 8, с. 139–140). Ср. чуть позже у Пушкина в «Домике в Коломне» (1830): «Вы хрипуны.. Иль хрип ваш приумолк». Такое именно значение подтверждают и следующие определения: «удавленник», «фагот».
- (53) Превращенья – здесь иронически: переворот, революция (калька с французского).
- (54) ...числюсь по Архивам.. – т. е. по Московскому архиву старых бумаг.
- (55) Комендант – полицмейстер.
- (56) Дуэт а-мольный – а-мо11 (ля минор) – минорная тональность; комический эффект в данном случае усиливается упоминанием о дуэте, который «твердится» в одиночестве.
- (57) Ты обер или штаб.. – Обер-офицеры – младшие (до капитана), штаб-офицеры – старшие (от майора до полковника).
- (58) Зизи, Мими, Катишь (в четвертом действии – Попш) – уменьшительные,

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
«детские» имена от Зинаида, Мария, Екатерина, Платон.

- (59) Эшарп – шарф (от фр. echarpe).
- (60) Барежевый – т. е. из прозрачной материи.
- (61) Тюрлюрлю – род накидки (в парижском жаргоне также – общедоступная девица).
- (62) Камер-юнкер – младшее придворное звание.
- (63) Переносить – доносить.
- (64) Гренадерский – отборный полк пехоты (куда отбирались служить особо рослые солдаты и офицеры).
- (65) Мушкетерский – пехотный полк, вооруженный крупнокалиберными фитильными ружьями (мушкетами).
- (66) Его высочества полк. – Шефом полка был один из великих князей.
- (67) Выпушка – кант, обшивка по шву.
- (68) Вист – карточная игра.
- (69) В горах изранен... – т. е. на Кавказе, где тогда велись военные действия.
- (70) Фармазоны – искаж. «франкмасоны», члены тайных религиозных обществ.
- (71) Переменил закон... – здесь: переменил вероисповедание.
- (72) Ланкарточное обучение – т. е. ланкастерское обучение (по системе английского педагога Ланкастера), где наиболее способные ученики выступали помощниками учителя; ланкастерское обучение в России было введено с 1816 г., его пропагандистами нередко были деятели тайных обществ.
- (73) Педагогический институт был открыт при университете в 1804 г.; в 1821 г. был возбужден процесс против четырех профессоров института, обвиненных в вольномыслии.
- (74) Хвост сзади, спереди какой-то чудный выем... – имеется в виду фрак.
- (75) Антресоли – «половинный этаж, устраиваемый для хозяйственных целей в высоких комнатах».
- (76) Жилье – этаж.
- (77) Швейцарская ложа – каморка для швейцара.
- (78) Фарсы – здесь: шутки, розыгрыши.
- (79) Опека– надзор, учреждаемый правительством над лицом или именем.
- (80) Камеры – т. е. парламент, палата представителей.
- (81) «А! нон лашьяр ми, но, но, но» – «Не покинь меня, нет, нет, нет» – ария из оперы Галуппи «Покинутая Дидона».
- (82) Отрывок, взгляд и нечто – обычные жанры журнальной прозы того времени; ср., например, «Нечто о поэте и поэзии» и «Отрывок из писем русского офицера о Финляндии» К. Н. Батюшкова, «Взгляд на истинное достоинство писателя» В. В. Измайлова и т. п.
- (83) В Камчатку сослан был, вернулся алеутом... – В этом портрете современники узнавали Ф. И. Толстого, по прозвищу «Американец», известного карточного игрока, бретера – человека, жизнь которого была богата приключениями, впрочем, сильно приукрашенными в его талантливых рассказах (см. о нем: Петрицкий В. А., Суетов Л. А. К истории одного прозвища (Ф. И. Толстой–«Американец»). – РЛ, 1987, № 2, с. 99–103).

(84) Клоц – в переводе с немецкого – дубина.

(85) Реверси – карточная игра.

(86) Якобинец – член Якобинского клуба – наиболее радикальной политической организации во время французской революции XVIII века; здесь: вообще вольнодумец, смутьян.

(87) В работу вас, на поселенье вас... – По указу 1765–1767 гг. помещикам было дано право ссылать непокорных крестьян на каторгу; право это, отмененное в 1804 г., было вновь восстановлено в 1822 г.

(88) Что станет говорить княгиня Марья Алексевна... – фраза эта в устах Фамусова имела, возможно, вполне конкретный смысл: вспомним, что единственная княгиня, которая прибыла на «бал» в его дом, – это Тугоуховская.

Комедии. драматические сцены

Молодые супруги: #s004001

СПб., 1815 (отд. изд.) (ценз. разрешение 18 июня 1815 г.). Комедия была написана в том же году, как об этом свидетельствовали наиболее осведомленные современники, и прежде всего Бегичев: «По заключении мира (с французами. – С. Ф.) он приехал в отпуск в Петербург (в 1815 г. – С. Ф.)...Я служил тогда в гвардии, и мы жили с ним вместе, 19-ти лет (Бегичев здесь на год ошибается. – С. Ф.) написал он в одном действии, в стихах, комедию «Молодые супруги» (Воспоминания, с. 25). Это подтверждается воспоминаниями Р. М. Зотова: «Еще до отъезда Грибоедова на Кавказ видел я его часто у князя Шаховского, по заказу которого он переделал французскую комедию «Secret du ménage» и назвал ее «Молодые супруги» (Зотов Р. Театральные воспоминания. СПб., 1860, с. 83). Издатель журнала «Северный Меркурий» (1831, № 23, с. 94) заметил, что Грибоедов писал «Молодых супругов» «ленивый, сонный и притом на срок». Комедия Грибоедова является вольной переделкой пьесы (в трех актах, в стихах) французского писателя Крезе де Лессера (1807), которую французский историк театра оценивает как шедевр, как лучший образец жанра легкой комедии и отмечает общепризнанный успех представления ее на сцене комеди франсез, во многом обеспеченный игрой актрисы Марс в главной роли (Lintilhac E. Histoire générale du Thétre en France, t. 5. Paris, 1910, p. 213–219). Пьеса довольно точно, хотя и прозой, уже переводилась на русский язык А. Г. Волковым. Грибоедов же стянул все действие в один акт, заменив одну женскую роль (роль кузины) мужской, изменил имена героев и отчасти русифицировал бытовые зарисовки в монологах (особенно удачно – в монологе Ариста «Притом и не видать в тебе талантов тех...», под пером Грибоедова получившем сатирическую направленность). В пьесу был включен романс Эльмиры, музыку к которому, возможно, написал сам драматург. Премьера «Молодых супругов» состоялась на сцене петербургского театра 29 сентября 1815 года и прошла успешно, несмотря на то что знаменитая Е. Семенова (Эльмира) – трагическая актриса по своему амплуа – «пела романс очень, очень неудачно, хотя и с аккомпанементом фортепьяно» (свидетельство А. В. Каратыгина). Комедия оставалась в репертуаре театра в течение более десятка лет, ею на русской сцене был открыт жанр легкой, или светской, комедии, в конце 1810 – начале 1820-х годов пережившей свой бурный, хотя и кратковременный расцвет. Не случайно пьеса Грибоедова была высоко оценена современной критикой: в кружке «Зеленая лампа» («...имеет очень много достоинства по простому, естественному ходу, хорошему тону и многим истинно комическим сценам». – См. в кн.: Декабристы и их время. М., 1928, с. 25); А. Бестужев увидел по первой пьесе в драматурге «большое дарование для театра», еще не подозревая в нем будущего автора «Горя от ума» (Полярная звезда на 1823 год, с. 25); О. Сомов писал: «Небольшая комедия... отличается в русском переводе чистотой разговорного языка и прекрасным, свободным стихосложением» (Северная пчела, 1828, № 81). Положительной была по общему тону и рецензия М. Н. Загоскина на пьесу, хотя здесь было отмечено несколько неудачных стихов и добавлено: «Такие, граф, стихи // Против поэзии суть тяжкие грехи» (Северный наблюдатель, 1817, № 15, с. 55), что вызвало резкий ответ Грибоедова – стихотворение «Лубочный театр» (см. с. 329 наст. изд.).

В советское время «Молодые супруги» ставились на сцене в 1945 году (см.: Вечерняя Москва, 1945, 24 августа), а также – на телевидении в 1970 году.

(1) Сердоликов – от «сердолик» – поделочный минерал, разновидность халцедона. Сердоликовым ониксом называют разновидности агата, состоящие из чередующихся слоев ярко-красной и молочно-белой окраски (ср.: «А он краснел, белел...»).

(2) Эмблемой приняты // Не розаны.. а маковы цветы.. – т. е. не любовь, а покой, скука (из мака приготавливались сонные капли).

(3) Ковы (устар..) – вредные замыслы, коварство.

Сцены из комедии «Своя семья, или Замужняя невеста»: #s004002

Сын отечества, 1817, № 48, под названием «Отрывок из комедии». Написаны в августе того же года (см. об этом в письмах к Бегичеву от 4 сентября и к Катенину от 19 октября 1817 г. – с. 445, 447 наст. изд.). Отдельным изданием пьеса вышла в 1818 году с предисловием Шаховского: «Желая сочинить новую комедию для бенефиса г-жи Валберховой.. я выбрал такое содержание пьесы, в котором бы могла она показать разнообразность игры своей, и старался сколько можно связать простою интригою эпизодические явления. Времени до назначенного дня оставалось мало, и, боясь не сдержать моего обещания, я просил А. С. Грибоедова и Н. И. Хмельницкого помочь мне: они, по приязни своей ко мне, согласились, и первый написал все начало второго действия до ухода феклы (в публикации Грибоедова своих сцен – Мавры. – С. Ф.) Савишны; а второй в третьем действии сцену, в которой Бирюлькин экзаменует Наташу». В отдельном издании пьесы сцены, написанные Грибоедовым, подверглись некоторой правке (возможно, Шаховским). Премьера состоялась в Петербурге 24 января 1818 года. Пьеса вызвала несколько рецензий, отчасти недоброжелательных. Так, один из критиков писал: «Слог общественного, благородного обращения у нас имеет еще мало примеров, а стихи, каковы, например, следующие, не могут образовать его: «Он страшный грубиян // и до обеда глуп, после обеда пьян...», «Нет, матушка, она // Без ваших вычуров, предобрая...», «Будет гонка вам». Возразят, может быть, что сии выражения натуральны и приличны представленным лицам, но натуральное всегда ли бывает благородно и выражения, приличные в конюшне гусарского полка, могут быть пристойны пред просвещенною публикою?» (Сын отечества, ч. 63, № 5, с. 213, подпись «Z» (В. Соц); там же, с. 213–218, положительная рецензия на пьесу, за подписью «N. N.»). На протяжении всего XIX века комедия оставалась в репертуаре русских театров (см.: Бабочка, 1829, № 86, с. 342–344; Отечественные записки, 1849, т. 67, отд. 8, с. 321; С.-Петербургские ведомости, 1857, № 113); ставилась пьеса и в советское время (Театральный курьер, 1918, № 18; Театр, 1963, № 2, с. 117). Перечитывая старые журналы в крепости, 9 августа 1833 года В. Кюхельбекер заметил в «Дневнике»: «С наслаждением прочел я несколько явлений из комедии «Своя семья», написанных Грибоедовым; в этом отрывке виден будущий творец «Горя от ума». На вечере памяти Грибоедова, посвященном его 75-летию, в Артистическом кружке А. Н. Островский читал эти сцены из комедии.

(1) Секунд-майор – младший штаб-офицерский чин в русской армии до установления в 1797 г. чина подполковника.

(2) Шемизетка – женская блузка, кофточка.

(3) Святая – пасхальное воскресенье и первая неделя после него.

(4) Золовка – сестра мужа.

(5) Серпянка – неплотная льняная ткань грубой работы.

Студент: #s004003

В отрывках: Сборник, издаваемый студентами С.-Петербургского университета, вып. 2. СПб., 1860; полностью: Шляпкин, т. 2; Список ПД, на титуле: «Студент. Комедия в трех действиях, сочинение А. Грибоедова и П. Катенина (1817)» – последняя цифра исправлена (первоначально было 8), что позволяет предположительно датировать изготовление списка 1818 годом. В сюжете пьесы пародийно использованы материалы, опубликованные в журнале П. А. Корсакова «Русский пустынный» (1817), например: «Студент... сделался жителем петербургской Коломны. 30 рублей деньгами и два рекомендательных письма составляли все его имущество. Латинские наставления

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru словоохотливого Сенеки научили его презирать первые, но потаенное самолюбие ободряло его надежды на силу последних. Подобно древнему Цезарю, мечтал он прийти, увидеть, победить. Кроме того, сделал он следующую посылку: если Август мог открыть гений Вергилия в конюшне, если гений Горация без всяких рекомендательных писем нашел себе Мецената, почему бы и новейшему гению не найти для себя новейших Меценатов?.. Особливо когда убедительные эпистолы – провозвестники личных достоинств – предваряют их несомненное действие. Так думал львовский студент, приехавший с попутчиками в Петрову столицу; так подумали бы многие на его месте» (№ 11; см. также «Опыт светского словаря. Артист» – № 10; «Письма провинциального студента» – № 25). С другой стороны, Беневольский напоминает героя комедии того же Корсакова «Тетушка Маремьяна» (1814): «По сказкам знакомых его, Нарцис Романович есть Еруслан своего окологда... он нанизу родился, вскормлен и воспитан. Может быть, в нем есть и странности, но Москва его исправит. Сверх того, отец его мне старинный приятель, и я имею важные причины стараться ускорить с этим браком» (рукопись в ЛГТБ). Нарцис Романович в комедии Корсакова, подобно Беневольскому, неудачливый поэт, но в отличие от него – почитатель высокой поэзии. Эти текстовые совпадения позволяют считать, что авторы пьесы «Студент» знали, что псевдоним «Беневольский», которым была подписана одна рецензия в журнале «Северный наблюдатель», принадлежала именно Корсакову. В стихах героя комедии пародировались произведения поэтов-арзамасцев, а Корсаков в это время был близок к ним, о чем свидетельствовали и появившиеся в журнале письма за подписью «Азий Непоседов. Арзамас» (№ 5 и № 15), и дружеские отношения, завязавшиеся между Корсаковым и Батюшковым (см.:

Батюшков К. Н. Сочинения, т. III. СПб., 1886, с. 499), и изменение оценок журнала со стороны «Арзамаса»: если во вступительной речи 22 апреля 1817 года М. Ф. Орлов бранил «Пустынника с пустой головой», то позже в протоколе данного заседания помечено рукою автора: «Из всех журналов сей последний лучше иных. Я от критики сей отказываюсь» (Арзамас и арзамасские протоколы. Л., 1933, с. 204–208). С другой стороны, будучи помощником члена по репертуарной части петербургских театров (А. А. Шаховского), Корсаков опубликовал в журнале несколько язвительных выпадов против своего патрона. Исходя из вышеприведенных данных, можно считать ошибочным высказанное в критической литературе мнение о том, что в Беневольском авторы пьесы метили в М. Н. Загоскина, который будто бы под псевдонимом «Беневольский» напечатал в «Северном наблюдателе» хвалебную рецензию на собственную комедию (см.: Мещеряков В. П. А. С. Грибоедов. Литературное окружение и восприятие. Л., 1983, с. 41–51).

Работа над «Студентом» (судя по некоторым пародируемым в пьесе материалам) могла быть начата не ранее июля 1817 года, значит, Катенин не мог принимать активного участия на первом этапе: с середины июля (см.: ЛН, т. 16–18, с. 635) он находился в загородном лагере, откуда в составе сводного полка гвардии 5 августа выступил в поход, в Москву, где находился до середины 1818 года, когда Грибоедов, в свою очередь, покинул Петербург, выехав на Восток. Следовательно, соавторство Катенина заключалось, по всей вероятности, лишь в окончательной редакции пьесы, – может быть, с целью провести ее в печать или на сцену (Корсакову пьеса была известна: явные переключки с ней имеются в его повести «Тень и свет», – Маяк, 1814, ч. 14). Во всяком случае, болезненно самолюбивый и мнительный Катенин, познакомившись позже с «Горем от ума», никогда впоследствии не обнаруживал «своей доли» в этом произведении, а между тем в характерах комедии «Студент» исследователи справедливо обнаруживали первые очерки героев «Горя от ума». Очевидно, именно к «Студенту» от носится позднейшее свидетельство С. Н. Бегичева относительно раннего «плана» «Горя от ума» (см. с. 665 наст. изд.).

На сцене комедия ставилась единственный раз – в Александринском театре 1 мая 1904 года (см. отрицательные рецензии на эту постановку в газетах «Русь», № 140, и «Биржевые ведомости», № 234).

- (1) «Эльмира и Вольнис» – роман французской писательницы Жанлис.
- (2) «Бедная молочница» – возможно, намек на повесть Карамзина «Бедная Лиза».
- (3) Нинона – Нинон де Ланкло, известная красавица во Франции XVIII в.
- (4) «Я сын волжских берегов» – неточная цитата из стихотворения В. Л. Пушкина «К жителям Нижнего Новгорода».

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru

(5) Сюзий – Максимилиан де Бетюн, французский государственный деятель.

(6) Виотия (Беотия) – область в Средней Греции, преимущественно с сельским населением.

(7) Сын Филиппов – Александр Македонский.

(8) Сердце имеет свою память... – Ср. в стихотворении Батюшкова «Мой гений»: «О память сердца, ты сильнее // Рассудка памяти печальной».

(9) Илья Муромец – здесь: герой одноименной поэмы Карамзина.

(10) Бостон, крепс – карточные игры.

(11) Законы вас осуждают... и т. д. – Ср. в «Острове Борнгольм» Карамзина: «Законы осуждают // Предмет моей любви... // Какой закон святее // Твоих врожденных чувств?»

(12) Прохоров – вероятно, намек на владельца театральной типографии Похорского.

(13) «О Лары и Пенаты!» и т. д. – пародия на стихотворение Батюшкова «Мои Пенаты».

(14) «О, всемогущее вино!», «И стукнем в чашу чашей» – цитаты из стихотворений Жуковского «Певец во стане русских воинов», «К Батюшкову» (см. также с. 402 наст. изд.).

(15) «Vive Henri quatre» – песня из пьесы французского драматурга Ш. Колле «Выезд на охоту Генриха IV» (1764); была популярна в послевоенной Франции (см. «Письма из Парижа» К. Ф. Рылеева, 20 сентября 1815), вывезена оттуда в Россию русскими офицерами (см. об этом в повести А. С. Пушкина «Метель»).

...певцов своей печали... – намек на стихотворение Пушкина «Певец».

Притворная неверность: #s004004

СПб., 1818 (отд. изд.) (ценз. разрешение 7 февраля 1818 г.). Начало работы над пьесой относится к концу 1817 года (см. в письме к Катенину от 19 октября 1817 г. – с. 447 наст. изд.); о доле участия А. А. Жандра в создании пьесы см. в письме к Бегичеву от 15 апреля 1818 г. (с. 448 наст. изд.); написанное Жандром в наст. изд. печатается петитом. Пьеса является вольным переводом пьесы французского драматурга Н.-Т. Барта «Les fausses infidélités» (1768); о ней как о «маленьком шедевре» отзывался Лагарп в своем популярном в грибоедовские времена труде «Лицей, или Курс литературы» (т. 7. Paris, 1813, p. 44). (До Грибоедова пьеса на русский язык была переведена прозой и издана в Петербурге в 1772 г.) Грибоедов русифицировал в комедии имена героев, усилил сатирическую трактовку «старого франта»

Блёстова, придал лиризм монологам Рославлева. Пьеса Грибоедова и Жандра вызвала ряд сочувственных журнальных откликов, среди них особенно интересен был следующий: «Переводчики «Притворной неверности», по примеру некоторых других новейших писателей, дали почти всем действующим лицам своим имена русские, заимствованные от собственных имен русских городов, рек и пр. (напр., Рославлев, Ленский и т. п.). По нашему мнению, они весьма хорошо поступили в сем случае... Мы пойдем еще дальше и спросим: почему нельзя на театре, по древнему отличительному русскому обычаю, называть людей по имени и отчеству? Донеда это было в обыкновении в одних фарсах: для чего не вывести того же в благородной комедии? – это не так трудно: стоит отличному писателю показать в том пример» (Сын отечества, 1818, ч. 49, № 19, с. 263). Впервые это пожелание было исполнено, по сути дела, в «Горе от ума» (в комедии «Своя семья» употребление имен и отчеств носило пока еще фарсовый оттенок). Что касается фамилий Рославлева, Ленского, то они впоследствии были перенесены в произведения других писателей – Пушкина и Загоскина, например.

Премьера «Притворной неверности» в Петербурге состоялась 11 февраля 1818 года, в Москве (во время пребывания там Грибоедова) – 3 сентября того же года. О популярности пьесы сказано в комедии Н. И. Хмельницкого «Нерешительный» (1819),

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
героини которой вспоминали:

– Да, он со мной играл «Притворную неверность»
И ясно доказал... чувствительность свою. –
А мы играли с ним при вас «Свою семью».

В 1894 году пьеса была в репертуаре Александринского театра (см.: Ежегодник имп. театров, 1894–1895. СПб., 1896, с. 22; Северный вестник, 1894, № 10).

(1) Макао, бостон – карточные игры.

(2) ...поет из «Жоконда»... – «Жоконд, или Искатель приключений» – опера Н. Изуара, на русский язык переведена П. Корсаковым (1815).

Проба интермедии: #s004005

Русский вестник, 1873, № 9. Авторизованный список – ЛГТБ. Первоначальное название: «Бенефис, или Проба интермедии». На списке помечено: «Соч. А. С. Г.», «Позволяется, № 15, 16 февраля 1818. Секретарь Соц», «Представлена в первый раз в Санкт-Петербурге на Большом театре ноября 10 дня 1819 года. В пользу актера Г. Брянского». Авторизация списка выразилась в замене фамилии Бемольской – Диезиной в списке «Действующих лиц» и в передаче нескольких реплик иным актерам, для того чтобы все из них приняли примерно равное участие в пьесе.

Кто брат, кто сестра, или обман за обманом: #s004006

Отрывки – Русский вестник, 1873, № 9; полностью: ПСС, 1889, т. 2. Авторизованный список (с правкой Вяземского и Грибоедова; первоначальное название пьесы было «Кто брат, кто сестра, или Обман, один из тысячи») – ГБЛ, театральные списки – ЛГТБ. Петербургские театральные списки автором не просматривались, иначе бы он заметил ряд искажений, обесмысливающих текст; с другой стороны, петербургские списки содержат несколько переработанную редакцию пьесы (сокращены некоторые монологи, куплеты Вяземского отчасти заменены грибоедовскими стихами). В наст. изд. пьеса печатается в петербургской редакции с исправлением очевидных ошибок по авторизованному списку.

Пьеса написана в конце 1823 года. Музыка А. Н. Верстовского. Об обстоятельствах работы над водевилем рассказал позже Вяземский: «В первой половине двадцатых годов... директор московского театра Ф. Ф. Кокошкин, с которым находился я в приятельских отношениях, просил меня написать что-нибудь для бенефиса Львовой-Синецкой... Я ему отвечал, что не признаю в себе никаких драматических способностей, но готов ссудить начинкою куплетов пьесу, которую другой возьмется сострять».

Перед самым тем временем познакомился я в Москве с Грибоедовым, уже автором знаменитой комедии. Я сообщил ему желание Кокошкина и предложил взяться вдвоем за это дело. Он охотно согласился. Мы условились в некоторых основных началах. Он брал на себя всю прозу, расположение сцен, разговоры и проч. Я брал – всю стихотворную часть, т. е. все, что должно быть пропето. Грибоедову принадлежит только один куплет: «Любит обновы // Мальчик Эрот» и проч.» (Воспоминания, с. 81). Рассказ Вяземского не вполне точен. Сохранился составленный им самим пронумерованный перечень куплетов пьесы, им сочиненных (ЦГАЛИ), в котором незаполненными остались несколько номеров, которые впоследствии были, очевидно, написаны Грибоедовым. Но и этим не ограничивалось участие Грибоедова в стихотворной части пьесы. Водевиль был сыгран на московской сцене (впервые 24 января 1824 г.) и с некоторыми переделками на петербургской (преьера 1 сентября того же года). В Москве в главной женской роли Львова-Синецкая не пела. В Петербурге роль Юлии исполняла актриса Монруа, для которой нужно было создать вокальную партию, что Грибоедов и сделал: использовав музыку куплетов Рославлева-старшего, написал стихи «Стократ счастлив, кто разум свой...» и «Любви туман и сумасбродство...» (см.: Верстовский А. Н. Кто брат, кто сестра, или Обман за обманом. Текст А. Грибоедова и П. Вяземского. М. – Л., 1949, с. 22). И наконец, в 1-м явлении в петербургской редакции Грибоедовым были несколько переделаны первые шесть строк куплетов «Жизнь скучным трактом мне казалась...», переданные пану Чижевскому (в Москве эти куплеты исполнял Рославлев-младший).

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru

В наст. изд. тексты куплетов, написанные Грибоедовым, набраны корпусом, тексты же Вяземского – петитом.

Рецензия на московскую постановку пьесы появилась в журнале «Вестник Европы» (1824, № 1): «...г-н Верстовский сочетал блестящим талантом музыку свою с водевилем, не имеющим ни качеств, ни преимуществ». Водевиль послужил поводом к «эпиграмматической войне» (см. с. 688 наст. изд.).

(1) С будущими – почтовый термин: запись в подорожную одного будущего спутника. Незаполненная подорожная называлась открытым листом.

(2) На вольных – т. е. на вольнонаемных лошадях.

(3) ...навстречу... графу... – т. е. навстречу Рославлеву-старшему. Первоначально он был обозначен как князь и камергер. Из-за опасений цензурных придирок высокий титул был вычеркнут и остался, не замеченный, лишь здесь. Была приглушена острота некоторых реплик и монологов. 7 января 1824 г. Вяземский писал А. И. Тургеневу: «...я жду водевиль из театральной цензуры; что, если найдется кое-что непозволительного, то пускай вымарают, а не задерживают и присылают то, что может быть сказано и петь, не оскорбляя бога, царя и ослиных ушей и того, и другого, и третьего, и четвертого, и пятого» (Воспоминания, с. 359).

Серчак и Итляр: #s004007

Черновая тетрадь. Сцена написана, вероятно, в 1825 году, о ней позже вспоминал А. Н. Муравьев, встречавшийся с Грибоедовым в Крыму и обдумывавший в то время цикл драм, в том числе – о Федоре Рязанском, «если он не кончен бессмертным и несчастным Грибоедовым; он мне рассказал его план в Крыму, равно как и другой трагедии, из которой помню лишь сцену между половцами, позабыв ее название» (Воспоминания, с. 114). Возможно, данная сцена и была предназначена Грибоедовым именно для трагедии о князе Федоре Рязанском, посланном в 1237 году на переговоры с Батыем и злодейски убитом. Узнав об этом, жена Федора, Евпраксия, вместе с сыном, Иваном Постником, бросилась из высокого терема и «заразится до смерти».

Город Зарайск, в котором правил Федор, находился близ границ с черниговскими землями (ср. упоминание в драматическом диалоге рек Трубеж и Десна); в княжеской политике рязанцев половцы играли значительную роль: в «Сказании о нашествии Батыя» говорится, что рязанские князья своею ласкою привлекали много детей и братьев от неверных царей (т. е. половецких князей. – С. Ф.) и обращали их к истинной вере. Евпраксия тоже была из «царского рода» (ср. упоминание в сцене о дочери Серчака).

Грузинская ночь: #s004008

Черновая тетрадь. Черновой автограф – ГПБ. В конце марта 1828 года Грибоедов читал фрагменты из трагедии в Петербурге на литературном обеде у П. П. Свиньина. О ней же он говорил с Бегичевым при последнем свидании в июне того же года: «Я теперь еще к ней страстен и дал себе слово не читать ее пять лет, а тогда, сделавшись равнодушнее, прочту, как чужое сочинение, и если буду доволен, то отдам в печать» (Воспоминания, с. 31). Как о завершеном (в первой редакции) произведении об этой пьесе писали также В. Ф. Одоевский (Одоевский В. Ф. Музыкально-литературное наследие. М., 1956, с. 374) и Д. Эристов (в кн.: Грибоедов А. С. Горе от ума. Тифлис, 1879). Содержание ее известно в пересказе Булгарина: «Один грузинский князь за выкуп любимого коня отдал другому князю отрока, раба своего. Это было делом обыкновенным, и потому князь не думал о следствиях. Вдруг является мать отрока, бывшая кормилица князя, няня дочери его; упрекает его в бесчеловечном поступке; припоминает службу свою, и требует или возврата сына, или позволения быть рабою одного господина, и угрожает ему мщением ада. Князь сперва гневается, потом обещает выкупить сына кормилицы и наконец, по княжескому обычаю, – забывает обещание. Но мать помнит, что у нее отторжено от сердца детище, и, как азиатка, умышляет жестокою месть. Она идет в лес, призывает Дели, злых духов Грузии, и составляет адский союз на пагубу рода своего господина. Появляется русский офицер в доме, таинственное существо по чувствам и образу мыслей. Кормилица заставляя Дели вселить любовь к офицеру в питомице своей, дочери князя. Она уходит с любовником из родительского дома.

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
Князь жаждет мести, ищет любовников и видит их на вершине горы св. Давида. Он берет ружье, прицеливается в офицера, но Дели несут пулю в сердце его дочери. Еще не свершилось мщение озлобленной кормилицы! Она требует ружья, чтобы поразить князя, – и убивает своего сына. Бесчеловечный князь наказан небом за презрение чувств родительских и познает цену потери детища. Злобная кормилица наказана за то, что благородное чувство осквернила мстостью. Они гибнут в отчаянии... Трагедия сия погибла вместе с автором!» (Воспоминания, с. 346–347).

(1) Ксан – приток Куры.

(2) Али – духи зла, по грузинским народным поверьям. В этой сцене отражены шекспировские мотивы: из сцены ведьм в «Макбете» и заклинаний Жанны д'Арк, призывающей злых духов перед последним сражением («Генрих VI», ч. 1) (см.: Шекспир и русская культура. М. – Л., 1965, с. 137–138).

1812 год: #s004009

Черновая тетрадь. Свободное построение трагедии в виде драматической хроники, так же как использование в дошедшей сцене белого пятистопного ямба, позволяют отнести разработку этой темы к последнему пребыванию Грибоедова в Петербурге, когда он смог впервые услышать трагедию Пушкина «Борис Годунов», в чтении автора (17 мая 1828 г.) (см.: Воспоминания, с. 91).

(1) Собор Архангельский – в Кремле, построенный в XVI в. как усыпальница правителей русского государства в честь Михаила-архангела.

Родамист и Зенобия: #s004010

Черновая тетрадь. Содержание пьесы позволяет трактовать ее как отклик на восстание декабристов и своеобразный анализ причин неудачного его исхода, и, следовательно, время создания плана следует ограничить временными рамками от лета 1826 года (после того, как Грибоедов был освобожден из-под ареста) до сентября 1828 года, когда Черновая тетрадь была оставлена Грибоедовым Бегичеву. В сюжете трагедии использованы «Анналы» Тацита (кн. 12), «История Армении» Моисея Хоренского (русский перевод – СПб., 1809), «Любопытные извлечения из древней истории об Азии» Акопа Джрпетяна (переведены на русский язык в 1816 г.). Тема трагедии почерпнута из событий истории Армении I века. Правдиво, по-шекспировски широко намеченная панорама событий противопоставлена известной одноименной трагедии французского драматурга П. Кребийона, невероятная, «готическая» фабула которой не имеет ничего общего с реальной историей. В образе римского посла Касперия, возможно, просматривается лирическое начало.

(1) Албанского происхождения – Албания – древнее название Азербайджана.

(2) Орлоносец – высокая придворная должность в древней Армении.

(3) Зендавеста – священная книга зороастризма.

Стихотворения

От Аполлона: #s005001

Сын отечества, 1815, ч. XXV, № 45 (подписано: «NN»), в составе редакционного отклика на споры вокруг комедии Шаховского «Урок кокеткам, или Липецкие воды» (1815): «Наслышавшись об этой комедии очень много, я хотел было.. порядочно разобрать ее.. и начал: «Сия комедия...» Вдруг раздался за мной громкий, грозный голос: «Здравия желаю!»... Распечатываю пакет и нахожу следующий приказ», – далее идет текст стихотворения. Принадлежность его Грибоедову была удостоверена Бегичевым (см. об этом: Исторический вестник, 1909, апрель, с. 160).

Лубочный театр: #s005002

Отрывок – Северная пчела, 1837, № 131; полностью – Сборник, издаваемый студентами С.-Петербургского университета, вып. 2. Автограф – ПД. Стихотворение

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru направлено против Загоскина, автора рецензии на комедию «Молодые супруги» (см. с. 675 наст. изд.); «дурными стихами» в рецензии объявлены были следующие: «Где нет взаимности, рождается остуда», «Ах! убегая раз она домашней сени, // Тобою занята гораздо будет меней», «В те дни, что для меня так памятливы, так сладки», «Что, ежели Арист пришел бы сей порой», «Внезапно кротость та пожертвована вздору», «То лучше отложи все ковы, в долгий ящик», «К приманкам светскости не столько хладнокровна», «Отчаянно брюзглив и недоверчив стал». Вполне очевидно, что примеры эти взяты наобум и многие подчеркнутые слова обычны для литературной практики тех лет. Об обстоятельствах написания «фацеции» Грибоедов писал Катенину 19 октября 1817 года (см. с. 446 наст. изд.). Стихотворение написано в форме прибауток балаганного зазывалы или же раешного деда, дававшего пояснения к лубочным картинкам.

(1) Тороватый – щедрый.

(2) Князь Фольгин и князь Блёткин – персонажи пьесы Загоскина «Комедия против комедии, или Урок волокитам» (1815).

(3) Богатонов – герой одноименной комедии Загоскина (1817), сходный с Транжириным – героем комедии Шаховского «Полубарские затеи, или Домашний театр».

(4) «Проказник» – комедия Загоскина, которой он дебютировал (без успеха) на петербургской сцене (1815).

(5) Буйный Сосед – Буянов, герой ироиколической поэмы В. Л. Пушкина «Опасный сосед» (1811).

(6) «Наблюдатель» и «Сын отечества» – имеется в виду полемика между Ювеналом Прямосудовым (псевдоним В. И. Соца в «Сыне отечества») и Ювеналом Беневольским (псевдоним П. А. Корсакова в «Северном наблюдателе») по поводу пьесы Загоскина «Господин Богатонов, или Провинциал в столице».

Кальянчи: #s005003

Сын отечества, 1838, № 1. Текст этот сохранялся и в Черновой тетради. Здесь, возможно, отражено происшествие, о котором в 1820 году из Тавриза сообщал А. А. Вельяминову С. И. Мазарович: «Двое бродяг вывели на здешний базар мальчика-грузина Татия, похищенного ими. Я представил здешнему правительству о беззаконности... Служащий при миссии по моему приказанию силою извлек из шахзадинского (т. е. Аббас-Мирзы. – С. Ф.) дворца маленького несчастливца, которого я ныне с караваном отправляю в Карабах» (Заря Востока, 1949, № 154, 7 августа). В стихотворении «Памяти Грибоедова» (1829) Кюхельбекер к строке «Певца, воспевшего Иран» сделал следующее примечание: «Относится к прелестной поэме «Путник» или «Странник», вроде «Чайлд-Гарольда» (но без надменности и мизантропии Байрона), в которой он изобразил Персию...» (Кюхельбекер В.К. Избранные произведения в двух томах. М. – Л., 1967, т. 1, с. 631). Тема странника намечена также в стихотворениях «Освобожденный» и «Восток».

(1) Кальянчи – мальчик, подающий кальян.

(2) Эйзед, Джиний (джинн) – духи восточной мифологии.

(3) Ширазский лист – табак.

(4) Дервиш – нищий, отшельник. Рамена (устар.) – плечи. Джейран – газель.

(5) Иора – река в Кахетии (в первопечатном тексте ошибочно – Риони, т. е. река в Имеретии, вдали от тех мест, о которых рассказывает мальчик).

(6) Сосуд ценинный (в первопечатном тексте ошибочно: цененый) – сделанный из фарфора (фаянса) или покрытый эмалью.

(7) Ага – господин, хозяин.

(8) Зелье – порох.

(9) Бодец – шпора.

(10) Вепрь – кабан.

(11) Картвела – древнее название Грузии.

Юность вещего: #s005004

Черновая тетрадь. О времени написания и о замысле Бегичев свидетельствовал, вспоминая о приезде Грибоедова в Москву летом 1823 года: «Из планов будущих своих сочинений, которые он мне передавал, припоминаю я только один. Для открытия нового театра в Москве, осенью 1823 года, располагал он написать в стихах пролог в двух актах, под названием «Юность вещего». При поднятии занавеса юноша-рыбак Ломоносов спит на берегу Ледовитого моря и видит обаятельный сон, сначала разные волшебные явления, потом муз. которые призывают его, и наконец весь Олимп во всем его величии. Он просыпается в каком-то очаровании; сон этот не выходит из его памяти, преследует его и в море, и на необитаемом острове, куда с прочими рыбаками отправляется он за рыбным промыслом. Душа его получила жажду познания чего-то высшего, им неведомого, и он убегает из отеческого дома. При открытии занавеса во втором акте Ломоносов в Москве, стоит на Красной площади» (Воспоминания, с. 29). Сюжет ненаписанного пролога Бегичеву запомнить было легко, поскольку в нем довольно точно передавалась канва избитой официальной легенды о Ломоносове. Ср., например: «Ломоносов, водимый от нежного младенчества чудесными путями жизни, сын рыбака, рожденный там, где природа цепенеет от стужи большую половину года, показал, что климат не имеет пагубного влияния на развитие дарований» (Сочинения и переводы студентов имп. Харьковского университета. Харьков, 1820, с. 26). Этим объясняется и разительное совпадение плана грибоедовского пролога с ранней пьесой Н. А. Некрасова «Юность Ломоносова» (см.: Некрасов Н.А. Полн. собр. соч., т. 6. Л., 1983). Д. А. Смирнов, впервые опубликовавший «Юность вещего», отмечал: «Отрывок этот существует в «Черновой» в двух экземплярах: вчерне (в начале тетради) и перебеленный (в самом конце его)». Это указание заставляет предположить, что, отказавшись от замысла двухактной пьесы, Грибоедов обработал написанный им текст и перебелил его в качестве законченного стихотворения. В конце чернового текста имелся конспективный план первого акта пролога:

«Океан, пустынный остров. Любопытство юноши.

Скорбь отца. Вновь отъезд.

Нелюбовь.

Соловцы. Неизвестный муж, богомолец. Весть о вечерних странах.

Возвращение домой. Побег. Тот же таинственный спутник».

Давид: #s005005

Мнемозина, 1824, № 1 (подпись: «А. Г.»). Автографы – ЦГАЛИ (один с правкой Кюхельбекера – см. письмо к М. С. Грибоедовой, с. 492 наст. изд.; другой – в альбоме В. И. Ланской, помеченный датой «17 декабря 1823 года»). Переложение 151-го псалма Давида, который появился в греческой версии Библии. К теме этого псалма неоднократно обращались русские поэты XVIII–XIX веков, в 1820-е годы – Ф. Глинка («Победа», 1820), Катенин (в стихотворении «Мир поэта», 1822), Кюхельбекер (в поэме «Давид», 1826–1829). В отличие от всех поэтов и в отступление от библейского текста, Грибоедов акцентировал отчужденные отношения между героем и его братьями (ср. в тексте псалма: «Мал бех в братии моей, и юнший в дому отца моего... Братия моя добри и велицы; и не благоволи в них господь. Изыдох в сретенье иноплеменнику...»). Архаизированное по языку, стихотворение вызвало саркастический отклик А. Ф. Воейкова (Новости литературы, 1824, кн. 8, с. 23) и уничижительный – в сатире А. И. Писарева «Певец на биваках у подошвы Парнаса» («Давиду перевод его // Страшнее Голиафа»).

(1) Псалтырь – музыкальный инструмент у древних иудеев.

«Крылами порхая, стрелами звеня...»: #s005006

Оберточный листок, 1860, № 2. Автограф – ГЦТМ (листок из альбома А. Н. Верстовского). Стихотворение предназначалось для явл. 17 или 18 оперы-водевиля «Кто брат, кто сестра, или Обман за обманом» (в замену, в одном случае, куплетов «Любит обманы...»), но не было туда включено, так как Верстовский не написал к нему музыки.

Романс: #s005007

Московский телеграф, 1831, № 11. Автограф – ГЦТМ. Написан для 22-го явления той же пьесы, но впоследствии заменен романсом «Неужли никогда в ней кровь...», более подходящим к музыке Верстовского, уже написанной к тому времени.

Эпиграммы: #s005008

Первая была опубликована (без последних двух строк) в составе статьи Кс. Полевого, предваряющей второе издание «Горя от ума» (СПб., 1839), вторая – в «Вестнике Ленинградского университета», № 14, Серия истории, языка и литературы, вып. 3. л., 1957. Печатается по спискам (рукою Вяземского) ЦГАЛИ. 7 июня 1824 года Пушкин писал Вяземскому из Одессы: «Пришли мне эпиграмму Грибоедова». Направлены против М. А. Дмитриева и А. И. Писарева, сотрудничавших в журнале «Вестник Европы». Сохранились ответы на эпиграмму «И сочиняют – врут» Дмитриева:

Мы – дети, может быть, незлобием сердец,
Когда щадим тебя, репейник Геликона,
А может быть, мы наконец
И дети Аполлона, –

и Писарева:

О Грибус! В пасквиле презлом, хотя не тонком,
Ты в дети произвел меня дурным стихом;
Ну что ж? В кругу людей останусь я ребенком,
А ты в кругу людей останешься скотом.

Другие стихотворения Вяземского, Дмитриева, Писарева, относящиеся к этой «эпиграмматической войне», см. в кн.: Русская эпиграмма второй половины XVIII – начала XX в. л., 1975, с. 281–282, 356–357, 365–368; см. также эпиграмму «Важное приобретение...» на с. 380 наст. изд.

(1) Фаусту вложил // Он первый умысел развратный... – Предание о докторе Фаусте как изобретателе книгопечатания основано на отождествлении его с печатником XV в. Иоганном Фустом.

Отрывок из Гете: #s005009

Полярная звезда на 1825 год. Вопреки названию («Отрывок»), стихотворение представляет собою вполне законченное произведение, по-своему интерпретирующее тему «Пролога в театре» из трагедии Гете «Фауст»: «Грибоедов, с одной стороны, отбрасывает последние четыре реплики Пролога, отходящие от сатирической темы; с другой стороны, он широко развертывает сатирическое обозрение Директора, превращая его в сатиру на современное общество, каким оно является в театральных креслах, переосмысленную в духе обличительных монологов Чацкого... Грибоедов удлинил отрывок (монолог Директора. – С. Ф.) на одну треть (вместо восемнадцати стихов – двадцать четыре). Ряд мотивов сатирического характера он вставил от себя... Другие места... он развил и видоизменил по-своему, везде придавая желчный характер сатире, у Гете – довольно безобидной. Так, он превратил наивного читателя рецензий в придирчивого рецензента (Гете: «И, что всего хуже, многие приходят после чтения газет...»), кокетливым зрительницам приписал коварные умыслы (Гете: «Дамы показывают себя и свои наряды и без жалованья участвуют в представлении...»), мирных картежников сделал опасными шулерами (Гете: «Этот после спектакля надеется на картежную игру...»). Так Гете становится похож на Грибоедова, политического оппозиционера и общественника, пишущего сатиру на светское общество» (Жирмунский В. М. Гете в русской литературе. л., 1981, с. 119–120). Заканчивая свой «отрывок» защитой высоких принципов поэзии (у Гете

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
Поэт в конце концов соглашается с Директором и Весельчаком), Грибоедов переосмыляет весь «Пролог в театре». Одновременно с Грибоедовым к теме «Пролога в театре» обратился Пушкин в стихотворении «Разговор книгопродавца с поэтом», напечатанном в 1825 году в качестве предисловия к первой главе «Евгения Онегина» (см.: Фесенко Ю.П. Пушкин и Грибоедов, – В кн.: Временник Пушкинской комиссии, 1980. л., 1983, с. 103–106), и А. А. Шишков (Одесский альманах на 1831 год, с. 310–319). «Отрывок из Гете» вызвал несколько сочувственных откликов в журналах того времени. Он перекликается с наброском предисловия к «Горю от ума» (см. с. 371 наст. изд.).

Телешовой: #s005010

Сын отечества, 1825, ч. ХСІХ, № 1. Об обстоятельствах написания этого стихотворения см. в письме к Бегичеву от 4 января 1825 года, с. 506 наст. изд. Балерина Е. А. Телешова исполняла роль волшебницы, очаровывающей героя, в балете «Руслан и Людмила, или Низвержение Черномора, злого волшебника» (либретто А. Н. Глушковского, музыка Фр. Шольца), поставленном на петербургской сцене 8 декабря 1824 года. В описании танца Грибоедов перефразирует строфу XX первой главы «Евгения Онегина», посвященную Е. И. Истоминой, – строфа эта (без ведома автора) была опубликована в журнале «Литературные листки», 1824, № 4, с. 148–149.

(1) Эдем – к этому слову при первой публикации стихотворения дано следующее примечание редактора: «Эдем Зороастров, жилище Пери, воображаемых восточными народами существ, которых парси и даже мусульманы представляют себе в цветах радуги и бальзамических испарениях роз и ясинов».

(2) Эльфы – духи в германской мифологии.

Хищники на Чегеме: #s005011

Северная пчела, 1826, № 143, 30 ноября, с заголовком «Дележ добычи», с пропуском девятой строфы и примечанием издателя, где, в частности, сообщается, что стихотворение «написано во время похода против горцев, в октябре 1825 года, в становище близ каменного моста на реке Малке». Автограф – ПД. Вероятно, об этом стихотворении Грибоедов упоминал в письме к Бестужеву от 22 ноября 1825 г. (см. с. 521 наст. изд.). По сообщению Е. Г. Вейденбаума, здесь описано действительное происшествие – нападение черкесов на станицу Солдатскую 29 сентября 1825 года и поход генерала Вельяминова против них: «Из Константиногорска (Пятигорск. – С. Ф.) Вельяминов выехал 4 октября, в сопровождении Грибоедова, и в тот же день прибыл на р. Малку, в укрепление каменный Мост... Разного рода распоряжения задержали Вельяминова на Малке около девяти дней. Здесь набросал Грибоедов свое стихотворение» (ПСС, т. 1, с. 282). «Хищники на Чегеме» оказали влияние на стихотворение А. Бестужева «Слава нам! Смерть врагу! (Песнь обреченных на смерть горцев)» и П. Ободовского «Песнь горных греков» (Северная пчела, 1828, № 82, 10 июля).

(1) Уздени – в Кабарде высшее сословие.

(2) Кадия – духовный судья у мусульман.

(3) Буза – хмельной напиток.

«По духу времени и вкусу...»: #s005012

Исторический вестник, 1909, № 3. Известны многочисленные списки в различных архивах, варьирующие текст. В альбоме 1843 года Е. П. Ростопчиной это стихотворение сохранилось в сочетании с другим четверостишием – «Ему не свято ничего...». Оно было широко распространено в списках конца 1810 – начала 1820-х годов в качестве эпиграммы на А. Н. Голицына и приписывалось Пушкину (см.: Новый мир, 1938, № 4, с. 278). Время написания стихотворения определяется заключением Грибоедова на гауптвахте Главного штаба по делу декабристов (11 февраля – 2 июня 1826 г.).

(1) Потянули к Иисусу – т. е. на допрос (см. Михельсон М.И. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии, т. 2).

А. Одоевскому: #s005013

Черновая тетрадь. Посвящено поэту-декабристу А. И. Одоевскому. Написано после июля 1826 года, когда стал известен приговор декабристам.

Освобожденный: #s005014

Черновая тетрадь. Впоследствии две строфы печатались часто как отдельные стихотворения. Однако тематически обе строфы близки между собой. Их последовательность могла быть невольно нарушена первым публикатором, Д. А. Смирновым, ввиду беспорядка, в котором были переплетены оставленные Грибоедовым Бегичеву летом 1828 года черновые бумаги (см. об этом вступ. статью). В принятой последовательности строф стихотворение обладает внутренней стройностью и выдерживает традиционный в начале XIX века план стихотворения на «восточную тему». Заглавие стихотворения, возможно, дано также Смирновым.

(1) Будто сладостью душистой... – При первой публикации эта строка была напечатана неверно: «Будто сладостно-душистый», что нарушало смысл.

(2) Там, где вьется Алазань... – Возможно, здесь речь идет о посещении Цинандали, имения Чавчавадзе.

(3) Но где друг... – воспоминание о Кюхельбекере, с которым Грибоедов дружески сошелся на Кавказе в 1821–1822 гг.

Домовой: #s005015

Черновая тетрадь. Отрывок незаконченного стихотворения.

Прости, отечество!: #s005016

Черновая тетрадь. Черновой автограф – ГПБ. Оставшееся неперебеленным, стихотворение тем не менее представляется законченным, что подчеркивается строгим строфическим построением, причем сама строфа, составленная из сочетания нерифмованных и рифмующихся в строгом порядке строк (итоговая строфа рифмуется целиком), оттеняет медитативный характер произведения (ср. использование того же ритмического принципа в стихотворении Кюхельбекера «Разуверение», 1821). См. другую точку зрения на этот счет в заметках М. В. Строганова и В. С. Баевского (РЛ, 1978, № 2, с. 108–110, и 1980, № 2, с. 126–130). Время создания стихотворения неизвестно. Судя по его содержанию, оно скорее всего написано в сентябре 1828 года, когда Грибоедов в последний раз покидал родину. О его тяжелых предчувствиях в это время свидетельствуют многие мемуаристы (известно, что назначение полномочным министром в Персию свершилось против его воли, перечеркнув желание отдаться наконец поэзии, которую он любил «без памяти, страстно»).

Статьи

Письмо из Бреста Литовского к издателю «Вестника Европы»: #s006001

Вестник Европы, 1814, ч. 76, № 15, с примечанием издателя (В. В. Измайлова): «Из уважения к его чувству мы ничего почти не переправляли ни в стихах, ни в прозе. Впрочем, нельзя читателям требовать от Марсовых детей того, что мы требуем от детей Аполлоновых в условиях их искусства». <Каченовский> Михаил Трофимович – профессор Московского университета; в первопечатном тексте фамилия была заменена многоточием, снабженным следующим примечанием издателя: «Мы выпустили здесь нечто, не хотев оскорбить одного собрата нашего, журналиста».

(1) Подзоры – оборка, кружевная кайма, идущая по краю чего-либо.

(2) Лядунка – гусарская сумка.

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru

(3) Полубоярские затеи – намек на театральные увлечения в провинции, высмеянные в комедии Шаховского «Полубоярские затеи, или Домашний театр» (1808).

(4) Посылаю вам 1000 рублей для бедных. – Отчет В. В. Измайлова о раздаче пожертвования «благотворительного господина Грибоедова» был помещен в «Вестнике Европы» (1814, ч. 77, № 18).

О кавалерийских резервах: #s006002

Вестник Европы, 1814, ч. 78, № 22. Письмо к издателю журнала, сопровождающее статью, см. с. 347 наст. изд.

О разборе вольного перевода Бюргеровой баллады «Ленора»: #s006003

Сын отечества, 1816, ч. 32, № 30. Отклик на придирчивую критику баллады Катенина «Ольга» (1816), написанную Н. И. Гнедичем (Сын отечества, 1816, ч. 31, № 27. Без подписи, но с пометой: «СПб. губернии деревня Тентелева»). Катенин издал вольный перевод баллады Бюргера «Ленора» вслед за Жуковским («Людмила. Русская баллада», 1808). Poleмика Грибоедова с Гнедичем была воспринята «арзамасскими литераторами» как продолжение нападков «рыцарей Беседы» (т. е. «Беседы любителей русского слова», 1811–1816) на новую поэзию, на Жуковского. Между тем позиции и Гнедича, и Грибоедова в литературной борьбе того времени достаточно самостоятельны и не выражают мнений двух противоборствующих сторон: «Беседы» и «Арзамаса». Гнедич, высоко оценивая поэзию Жуковского, корил его за то, что он дал дурной пример для подражания романтической музе. Грибоедов сравнивает две баллады с позиций народности, обличая неосновательную пристрастность критика. Исторически их спор закончился победой Грибоедова. В 1833 году в статье о стихотворениях Катенина А. С. Пушкин скажет: «Первым замечательным произведением г-на Катенина был перевод славной Бюргеровой «Леноры». Она была уже известна у нас по неверному и прелестному подражанию Жуковского, который сделал из нее то же, что Байрон в своем «Манфреде» сделал из «Фауста»: ослабил дух и формы своего образца. Катенин это почувствовал и вздумал показать «Ленору» в энергической красоте ее первобытного создания; он написал «Ольгу». Но сия простота и даже грубость выражений, сия «сволочь», заменившая «воздушную цепь теней», сия виселица вместо сельских картин, озаренных летнею луною, неприятно поразили непривычных читателей, и Гнедич взялся высказать их мнения в статье, коей несправедливость обличена была Грибоедовым». В 1831 году Жуковский вновь примется за перевод «Леноры», стремясь на этот раз воссоздать «дух и формы своего образца».

(1) Одни только красоты поэзии могли до сих пор извинить... – цитата из пьесы М. Н. Загоскина «Комедия против комедии, или Урок волокитам» (1815), которая явилась откликом на «Урок кокеткам, или Липецкие воды» Шаховского, где в лице «балладника» Фиалкина был высмеян Жуковский. Загоскин попытался смягчить этот личностный выпад, истолковывая его как насмешку над эпигонами Жуковского.

(2) Налой – род пюпитра в центре церкви.

(3) «Nous avons tout changé...» – цитата из комедии Мольера «Лекарь поневоле».

(4) Прац – древнее ручное боевое оружие для метания камней.

(5) Тентелева деревня – «на 4-ой версте Петергофской дороги. К ней причислено Митрофаниевское кладбище» (Греч А. Весь Петербург в кармане. СПб., 1851, с. 515).

(6) Хотя и не варяго-росски, но истинно немного плоски... – перефразировка строк из сатиры Батюшкова «Видение на берегах Леты: «Стихи их хоть немного жестки, // Но истинно славяно-росски», направленных здесь против поэтов «Беседы любителей русского слова».

Письмо к издателю «Сына Отечества» из Тифлиса: #s006004

Сын отечества, 1819, ч. 52, № 10.

(1) Вот уже полгода, как я расстался с Петербургом... – Грибоедов выехал из Петербурга в конце августа 1818 г., 21 октября он прибыл в Тифлис.

(2) По словам Ломоносова... – неточная цитата из «Оды на день восшествия на Всероссийский престол... Елисаветы Петровны 1747 года» о России: «И вдруг довольства исчисляет, // Возлегли локтем на Кавказ».

(3) Ястреба, потомки Прометеева терзателя... – Ср. в Путевых заметках (с. 386 наст. изд.).

(4) Между важными известиями... – В том же номере «Русского инвалида», где была напечатана вызвавшая возражение Грибоедова корреспонденция, были помещены заметки о процессе Бастида и Жоссена, убивших прокурора Фуальдеса (в Родезе, в 1817 г.), и о назначении Верлинга доктором к сосланному Наполеону.

(5) ...виртембергские переселенцы... – немцы-колонисты, члены религиозно-мистических общин, поверившие апокалипсическим предсказаниям Юнга-Штиллинга и отправившиеся в 1817–1818 гг. на Кавказ строить «Новый Иерусалим».

Заметка по поводу комедии «Горе от ума»: #s006005

Грибоедов А. С. Полн. собр. соч. под редакцией А. Н. Веселовского. СПб., 1875. Печ. по черновому автографу, хранившемуся в Московском обществе любителей российской словесности (см.: Исторический вестник, 1909, № 3, с. 1034–1035). Вероятно, набросок предисловия к предполагаемому в конце 1824 года изданию комедии.

Характер моего дяди: #s006006

РА, 1874, № 6, по не дошедшей до нас рукописи, с указанием, что «характеристика набросана начерно Грибоедовым в позднейшие годы». В заметке рассказывается об А. Ф. Грибоедове, который, по преданию, послужил прототипом Звездова («Студент») и Фамусова («Горе от ума»).

Частные случаи петербургского наводнения: #s006007

Черновая тетрадь. Посвящено петербургскому наводнению 7 ноября 1824 года, одному из самых бедственных (уровень воды в Неве тогда поднялся более чем на три метра).

(1) ...три раза выпалили с крепости... – «В половине 8-го часа вода в реке Неве пришла в совершенную прибыль 3 фута 6 дюймов (107 см. – С. Ф.)... Когда вода сверх обыкновенной возвышается до сей меры, тогда делается три пушечные выстрела и поднимаются на шпицах днем флаги, а ночью фонари» (С.-Петербургские ведомости, 1824, № 94, 21 ноября).

(2) Коломна – название петербургской окраины на левом берегу Невы. Низменный, перерезанный несколькими речками и каналами, район этот особенно сильно пострадал во время наводнения.

(3) Это было на Торговой, в доме В. В. Погодина... – ныне ул. Союза печатников, д. 5.

(4) Приспешная – комната для слуг.

(5) Гобвахта – караульная будка.

(6) Офицерская ул. – ныне ул. Декабристов.

(7) Английский пр. – ныне пр. Маклина.

(8) ...одна <калека>... – в первопечатном тексте последнее слово осталось неразобранным; в данном случае восстанавливается по смыслу.

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru

(9) Столыпину... – фамилия восстановлена по «Указателю жилищ и зданий в С.-Петербурге». Издал Самуил Аллер. СПб., 1824, с. 395. О смерти А. А. Столыпина Грибоедов сообщал Бегичеву 18 мая 1825 г. (см. с. 512 наст. изд.).

(10) Исакиевский и Троицкий – два плашкоутных (наплавных) моста через Неву, первый – от Сенатской площади на Васильевский остров, второй от ворот Летнего сада на Петербургскую сторону.

(11) Мещанская ул. – ныне ул. Плеханова.

(12) Дом графини Бобринской – современный адрес: Красная ул., д. 60.

(13) Большая Галерная ул. – ныне ул. Красная.

(14) Матисовы (в первопечатном тексте ошибочно «Матилковы») тони – рыбачий стан на Матисовом острове (омываемом Невой, Мойкой и Пряжкой).

(15) Ивановская гавань – на Васильевском острове.

(16) Галерная гавань – на Галерном острове (в устье Фонтанки).

(17) Сальные буюны – продовольственные склады на островке, отделенном с юга от Матисова острова Сальнобуянским каналом (ныне засыпан).

(18) Екатерингофский пр. – ныне пр. Римского-Корсакова.

(19) Английская набережная – ныне наб. Красного флота.

Произведения, приписываемые Грибоедову: #s007

В разное время в собраниях сочинений Грибоедова и в научной литературе о нем делались попытки обосновать его авторство относительно произведений, появившихся в печати анонимно или под псевдонимом, а также дошедших до нас в различных списках. При всей рискованности допущений подобного рода, практику включения таких произведений в грибоедовские издания (в составе особых отделов) следует, на наш взгляд, продолжать. Во-первых, потому что литературное наследие писателя дошло до нас далеко не в полном виде и каждое приобретение (конечно, доказательное, прошедшее основательную апробацию) здесь трудно переоценить, во-вторых, только так, вероятно, и возможно убедительное развенчание легенд о принадлежности тех или иных произведений перу Грибоедова. Практика показывает, что время от времени в печать за его подписью проникают произведения, безусловно ему не принадлежащие. Так, в 1967 году во многих центральных и областных газетах было опубликовано «неизвестное стихотворение Грибоедова» «Приветом доброго желанья...». П. С. Краснов в статье «Повторение старой ошибки» (Литературная Россия, 1967, № 31, с. 24) вынужден был напомнить, что еще в 1941 году В. Н. Орлов (Звезда, 1941, № 5, с. 165) указал, что оно было впервые напечатано в журнале «Новости литературы» (1825, кн. 12, с. 63) автором, дюжинным поэтом Е. Зайцевским. Иначе обстоит дело со стихотворением «Вы, коих беглый ум влечет...» (впервые напечатано как грибоедовское в «Литературной газете», 1940, № 14, 10 марта), которое вызвало также статью П. С. Краснова «О мнимой эпитафии Грибоедова» (РЛ, 1976, № 3, с. 181–184). Тщательное исследование Г. И. Магнера (сб. «А. С. Грибоедов. Материалы для биографии», где публикуется это сообщение, в настоящее время находится в печати) позволяет считать это произведение экспромтом (отнюдь не эпитафией), который адресован Грибоедовым Баратаеву. Высока вероятность принадлежности Грибоедову эпитафии «На Карамзина» («Послушайте, я сказку вам скажу...») – см. две противоположные точки зрения по этому вопросу в статьях Ю. П. Фесенко и П. В. Бекедина (Пушкин. Исследования и материалы, т. 8. Л., 1978, с. 293–296; РЛ, 1981, № 1. с. 197–198). Она до сих пор включается в основной корпус сочинений Пушкина, хотя в статье Б. В. Томашевского «Эпитафии Пушкина на Карамзина» (Пушкин. Исследования и материалы, т. 1. М.-Л., 1956, с. 208–215) убедительно доказано, что Пушкину безусловно принадлежит лишь одна эпитафия на Карамзина («В его «Истории» изящность, простота...»). С 1880 года в сочинения Грибоедова нередко помещают «Элегию» (из Леонара) на единственном весьма шатком основании: стихотворение это, при первой публикации в альманахе «Радуга на 1830 год» (после смерти Грибоедова!), опубликовано с подписью «А. Г-в» (в оглавлении «А. С. Г-в»). В наст. изд. публикуется несколько произведений, авторство Грибоедова которых весьма

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru вероятно, но при существующем уровне знаний все же не может считаться окончательно доказанным.

Ода на поединки. Вестник Европы, 1809, ч. 46, № 16, за подписью: «Г-в». Впервые предположение о принадлежности этого стихотворения юному Грибоедову было высказано в РЛ, 1977, № 2, с. 72–74. Среди более или менее известных поэтов тех лет, фамилии которых допускают подобное сокращение, никто не обнаруживает столь разительного сходства стилистической манеры с опубликованным стихотворением, как Грибоедов. Анализируя стиль стихотворений Грибоедова, А. В. Десницкий писал: «Прежде всего отметим стремление Грибоедова к архаизации речи... Затем отчетливость восприятия мыслей грибоедовских стихотворений сбивается чрезмерной инверсированностью речи... Стихотворения Грибоедова сугубо сюжетны... Вся стихотворная речь Грибоедова чрезвычайно риторична, мысль выражена на большом подъеме чувств. Внешне это отчетливо передается обилием восклицательных и вопросительных знаков... Использование гиперболизации для создания эффектов, интересующих автора, мы видим и в разработке деталей... Его стихотворения чрезвычайно логичны» (Ученые записки ЛГПИ, т. 43, 1947, с. 16–31). Добавим, что в «Оде на поединки» обнаруживаются драматургические навыки автора: стихотворение состоит как бы из нескольких «сцен», «явлений». В ранних произведениях Грибоедова мы можем найти немало лексико-синтаксических параллелей к «Оде на поединки»; ср.: «Могло быть создано искусство // Пролить любезных сердцу кровь» (в «Молодых супругах»: «Хотел бы я в Эльмире // Все видеть способы искусства, средства в мире // Рядиться, нравиться...»), «В свирепство нежность претворяя» (там же: «Претворит один мертвящий взор // Любовь в раскаянье, согласие в раздор»), «И будет кровь в глазах мечтаться» (там же: «Всех радостей собор // В Аристе мне одним мечтался до сих пор») и т. п. Ср. также в «Молодых супругах» вызов Аристом своего друга на дуэль по нелепому подозрению – мотив этот отсутствует в пьесе К. де Лессера. Показательно, насколько остро реагирует на «Оду на поединки» Кюхельбекер, перечитывая в 1832 году старый журнал «Вестник Европы», – он замечает: «В 45-м томе «Ода на поединки» стоила бы того, чтоб быть известнее» (Кюхельбекер В.К. Путешествие. Дневник. Статьи. Л., 1979, с. 189). «Ода на поединки» является интерпретацией одного из писем романа Ж.-Ж. Руссо «Новая Элоиза» (см.: Руссо Ж.-Ж. Избранные произведения в трех томах, т. 2. М., 1961, с. 119–124), отчасти перекликается с «Одой на смерть сына» В. Капниста (Капнист В.В. Сочинения. М., 1959, с. 184–189).

Важное приобретение. Вопросы литературы, 1958, № 1, по списку ЦГАЛИ в составе письма П. И. Шаликова к П. А. Вяземскому, где стихотворение названо «дополнением к эпиграммам Грибоедова» (слова эти можно истолковать и как собственный отклик Шаликова на грибоедовские эпиграммы, присланные Вяземским). По содержанию примыкает к «эпиграмматической войне» между Грибоедовым и Вяземским, с одной стороны, и А. Писаревым и М. Дмитриевым – с другой (см. с. 688 наст. изд.). В данном случае это насмешка над тем, что с 1824 года появились статьи за подписью «Михаил Дмитриев», хотя в быту его звали Михайло («Михаил» в то время звучало подчеркнуто торжественно, ср. архангел Михаил). В первой строке – намек на романтические пристрастия М. А. Дмитриева.

Душа. Библиотека для чтения, 1835, т. 8 (подпись: «Грибоедов»). С редактором журнала О. И. Сенковским Грибоедов был знаком и ценил в нем обширные познания арабиста. Сенковский, со своей стороны, всегда высоко ценил талант Грибоедова: в 1834 году он напечатал в журнале свою статью о «Горе от ума», в 1847 году – одну из первых биографий драматурга в «Энциклопедическом лексиконе» Плюшара, в 1830-е годы предпринимал попытки добиться публикации «Горя от ума» без цензурных пропусков. С другой стороны, известна склонность Сенковского к мистификациям всякого рода, что заставляет с осторожностью включать данное стихотворение в собрания сочинений Грибоедова.

Восток. Библиотека для чтения, 1836, т. 14 (подпись: «А. Грибоедов»). См. примеч. к предыдущему стихотворению. Если это и в самом деле стихотворение Грибоедова, то оно могло быть частью поэмы «Странник» (см. о ней в примеч. к стихотворению «Кальянчи» – с. 685 наст. изд.). 53-я строка в первой публикации напечатана так: «Божьи церкви, град родимый, отчий дом», тем самым здесь сбита рифмовка (во всех остальных случаях точно выдержанная); очевидно, здесь описка или в автографе, или в списке, которым мог располагать Сенковский.

Загородная поездка. Северная пчела, 1826, № 76, 26 июня (без подписи автора); в собрания сочинений Грибоедова включается начиная с издания Е. Серчевского «Грибоедов и его сочинения» (СПб., 1858), без всякой аргументации. В 1977 году (РЛ, 1977, № 2, с. 68–69) было высказано сомнение в авторстве Грибоедова по ряду соображений. Во-первых, настораживает подзаголовок газетной публикации «Отрывок из письма южного жителя». Письма Грибоедова Булгарин бережно хранил и прямо включил в «Воспоминания о незабвенном Александре Сергеевиче Грибоедове» (Сын отечества, 1830, № 1), но ни в письмах к нему, ни в его статье нет и следа упоминания о «Загородной поездке»; к тому же обращает на себя внимание определение ее автора как «южного жителя», – по обычаям того времени, для Грибоедова, собственно, были бы более уместными определения «кавказский», «восточный». Тем более, что Грибоедов в июне 1826 года жил на даче у Булгарина. Во-вторых, в «Загородной поездке», несомненно, описан праздничный (воскресный) день, а 21 июня (см. начало второго абзаца «Отрывка») в 1826 году падало на понедельник, когда гулянье «поселян» было бы невозможно. В связи с этим обращает на себя внимание очерк Булгарина «Поездка в Парголово, 21 июня», напечатанный в той же газете годом раньше (Северная пчела, 1825, № 77, 27 июня), – сравнение этого очерка с «Загородной поездкой» (несмотря на мелкие несоответствия, вполне объяснимые художественной обработкой реальных фактов) позволяет думать, что там и там описана одна и та же поездка – 21 июня (воскресенье!) 1825 года. Но в этот день Грибоедов был далеко от столицы, путешествовал в Крыму, а стало быть, и не мог быть автором «Загородной поездки». Еще одна характерная деталь: в письме к Ф. В. Булгарину от 11 декабря 1826 года Грибоедов замечает: «Твои прогулки и встречи тоже здесь высоко ставятся, за 3000 верст полагаюсь, что это истинная картина петербургских нравов. Продолжай...» (с. 538 наст. изд.). Вот здесь бы Грибоедову и вспомнить к слову о «своей» «Загородной поездке», но этого нет. Казалось бы, все эти аргументы твердо свидетельствуют против того, что «Загородная поездка» принадлежит перу Грибоедова. Однако просмотр газеты «Северная пчела» за все годы позволил обнаружить несколько недвусмысленных утверждений Булгарина о грибоедовском авторстве «Отрывка из письма»: «От кипени до Нарвы природа, по словам бессмертного Грибоедова, производит с величайшим усилием одни веники» (1842, № 178); «Хотя Грибоедов в поездку свою в Парголово (см. «Сев. пчела», 1826 года) и сказал, что петербургская природа с величайшими усилиями производит одни веники...» (1844, № 84); «Когда мы с покойным А. С. Грибоедовым ехали в Парголово летом 1826 года, грусть овладела им при виде бесплодной дикости петербургских окрестностей, и он, передавая в «Северной пчеле» свои впечатления, написал тогда о петербургской природе, что она с величайшим усилием производит веники» (1849, № 111) (см.: Мещеряков В.П. А. С. Грибоедов. Литературное окружение и восприятие. Л., 1983, с. 163–166). Вопрос вроде бы становится ясным. На самом же деле окончательно проясняется лишь то обстоятельство, почему Е. Серчевский включил это произведение в число грибоедовских: в подготовке своей книги он пользовался постоянными советами известного библиографа Г. Н. Геннади, от взора которого, конечно же, не ускользнули эти замечания Булгарина и который не поленился отыскать любопытную газетную корреспонденцию. И все же сомнения остаются. Не странно ли, что в 1842 году Булгарин пишет о «вениках» (т. е. березняке. – С. Ф.) по дороге на Нарву, а уже в 1844 году относит эту фразу совершенно к другой дороге – на Парголово (в «Загородной поездке» и пишется ведь существенно иначе: «Природа с великим усилием в болоте насадила печальные ели; жители их выжигают...»). Это (в совокупности с другими аргументами, изложенными вначале) заставляет с осторожностью отнестись к свидетельству Булгарина, появившемуся спустя полтора десятилетия после гибели Грибоедова, и включать «Загородную поездку» лишь в отдел «Приписываемое», в ожидании новых фактов, позволяющих окончательно, так или иначе, решить вопрос об авторстве «Отрывка из письма южного жителя».

Путевые заметки: #s008

Русское слово, 1859, № 4, 5, в составе Черновой тетради Грибоедова, оставленной им перед последней поездкой в Персию, в сентябре 1828 года, С. Н. Бегичеву. фактически это были отдельные листки с разнообразными грибоедовскими записями 1818–1828 годов. Впоследствии Бегичев переплел все это, не вполне исправно соблюдая последовательность записей. Сама тетрадь до нас не дошла, погибла при пожаре имения первого публикатора, дальнего родственника Грибоедова, Д. А. Смирнова. Он попытался систематизировать материал тетради, но делал это не всегда корректно. Собственно путевые записи занимают в Черновой основное место,

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru велись они Грибоедовым с разной степенью подробности. Намечая конспект дорожных впечатлений, Грибоедов обычно предполагал вернуться к нему впоследствии, но не сумел этого сделать. В некоторых случаях более подробные параллельные сведения мы обнаруживаем в письмах Грибоедова, которые могут служить дополнением к его путевым запискам и позволяют датировать отдельные из них.

Моздок – Тифлис: #s008001

Записи датируются на основании письма к Мазаровичу от 12 октября 1818 года (см. с. 454–455 наст. изд.) («нынче» здесь, вероятно, указание на следующий день; вполне очевидно, что караван из Моздока отбыл с утра, а письмо к Мазаровичу было написано накануне).

- (1) А. П. Ермолов.
- (2) См. с. 367 наст. изд.
- (3) Ныне г. Орджоникидзе.
- (4) Редут Джераховский.
- (5) В Верхнем Ларсе.
- (6) Дарьяльская крепость (Кумания – в описании Плиния Старшего).
- (7) Казбекский завал, образовавшийся в октябре 1817 г.
- (8) Церковь Цминда Самеба (Святой Троицы) XIV в.
- (9) Сторожевая башня у околицы села Сиони.
- (10) Военный пост, около которого сходятся четыре ущелья – Хевское, Трусовское, Ухатское и Байдарское.
- (11) Ананурский карантин описан Грибоедовым годом позже (см. с. 418–419 наст. изд.).

Тифлис – Тегеран: #s008002

(1) Можно предполагать, что 29 января 1819 г., перед самым отъездом из Тифлиса, Грибоедов начал писать письмо к Бегичеву, чтобы отправить его с оказией (в этот день в Россию отправлялся О. И. Мазарович – см. с. 390 наст. изд.). Однако письмо оказалось недописанным, так как времени оказалось мало и необходимо было написать еще матушке «два слова» (см. там же). Таким образом, это неотосланное письмо стало началом путевых записок от Тифлиса до Тегерана, первоначально прописанных подробно в качестве большого письма-дневника, обращенного к другу. Следует к записям того же первого дня присоединить два абзаца («Ты мне пеняешь...» – до «...как мне горько бывает...»), которые при первой публикации (и вслед за ней в собраниях сочинений Грибоедова) помещали в конце записи от 10–13 февраля, но которые по смыслу примыкают к началу письма к Бегичеву из Тифлиса (записаны были эти два абзаца на отдельном листе – см.: Русское слово, 1859, № 4, с. 35).

- (2) А. А. Шаховской, далее упоминаются герои его комедии «Урок кокеткам, или липецкие воды» (1815).
- (3) На дуэли с Якубовичем 23 октября 1818 г.
- (4) Е. И. Ежова.
- (5) Возможно, речь идет о поэме Грибоедова «Странник», не дошедшей до нас (см. с. 685 наст. изд.).
- (6) См. с. 385 наст. изд.
- (7) А. П. Ермолов.

- Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
- (8) См. «Письмо к издателю» Грибоедова (с. 367–371 наст. изд.).
- (9) Т. е. архитектор (по имени известного архитектора А. Бетанкура).
- (10) Династия шахов Персии (1502–1736).
- (11) Ш. Ф. Мелик-Бегляров.
- (12) «Достопамятности Петербурга» П. П. Свинына, к 1819 г. напечатаны тремя выпусками (1816, 1817, 1818).
- (13) А. А. Шаховского.
- (14) Древняя столица Персии.
- (15) Имеется в виду баллада Т. Грея «Бард» (см.: Стихотворения Грея, с английского языка переведенные Павлом Голенищевым-Кутузовым. М., 1803, с. 46).
- (16) Т. е. в Кавалерийских резервах.
- (17) В Богасе (см.: Ениколопов И. К. Путевые записки Грибоедова. Тифлис, 1932, с. 21).
- (18) Иронически вспоминаются баллады Жуковского (ср. с. 679 наст. изд.).
- (19) В одной из библейских книг (книга Товита, IV,1;V,5) рассказывается о хождении Товия в город Раги Мидийские за серебром; Грибоедов ошибочно отождествляет этот город с Раей (Рагесом), развалины которого находились близ Тегерана (см. с. 409 наст. изд.).
- (20) Казбек.
- (21) Правитель края.
- (22) Скороход.
- (23) Солдаты регулярной армии.
- (24) См. примеч. к комедии «Студент», с. 679 наст. изд.
- (25) Церемониймейстер.
- (26) Мусульманский праздник, бывающий дважды в году.
- (27) Пряность.
- (28) Жаровня.
- (29) Господин.
- (30) Областной начальник.
- (31) Управляющий делами наследника персидского престола.
- (32) Принц крови, здесь – Аббас-Мирза.
- (33) «Журнал для милых» Н. Макарова (1804); обложка журнала была зеленого цвета (Грибоедов называет журнал «розовым», имея в виду приторность его содержания).
- (34) Мирза-Бюзрюк.
- (35) Точнее, на Кизиль-озени.
- (36) Древний город с развалинами мечети XV в., построенной шахом Худа-Бенде (у Грибоедова Кодабенде).
- (37) Казвин, древняя столица Персии.

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru

(38) Первый министр, Мирза-Шефи.

(39) Первый день нового года, 9 – 10 марта.

(40) Амлих, слуга Грибоедова.

(41) Английский гимн.

(42) Фет-Али-шах.

Тегеран – Султанея: #s008003

Здесь описывается переезд шаха из столицы в летнюю резиденцию, о чем Грибоедов позже вспоминал в письме к Катенину (февраль 1820 г.) (см. с. 469 наст. изд.). Этот дневник Д. А. Смирновым был опубликован, по его замечанию, «не целиком, а выдержками».

(1) Седер-азам – Мирза-Шефи.

(2) Али – двоюродный брат Магомета, четвертый калиф, основатель шиитской секты.

(3) Риза – седьмой имам (высшее духовное лицо) в шиитской секте; гробница этого святого находилась неподалеку от Султанеи.

(4) О бунте Грибоедов упоминал в заметке «О Гилани» (1827): «В бытность мою в Султанею в 1819 году жители Рязь (Решта) взбунтовались против правителя их, шахского евнуха Хосров-Хана. Он был сменен. Послан туда шахский сын Риза-Мирза, который заставил вздохнуть о своем предшественнике» (ПСС, т. 3, с. 250).

(5) Аббас-Мирза.

Рассказ Вагина: #s008004

Вагин – один из русских, попавших в плен в Персию и возвращенных Грибоедовым на родину. Он упомянут в письме к Мазаровичу 11 сентября 1819 года (см. с. 462 наст. изд.).

Миана – Тавриз – Гаргары: #s008005

Миана – Тавриз

(1) Селение, в котором позднее, 10 февраля 1828 г., был подписан мирный договор с Персией.

(2) Картина во дворце (см.: Огородников. Страна солнца. СПб., 1881, с. 188).

(3) Речь идет о солдатах «русского батальона» в Персии (из числа пленных и беглецов), которые, в соответствии с Гюлистанским договором 1813 г., пожелали вернуться на родину в результате энергичной агитации Грибоедова. (См.: Берже А. Самсон Яковлев Макинцев и русские беглецы в Персии. – РС, 1867, № 3, с. 304–340.)

Тавриз – Гаргары

Эти короткие записи о выводе русских солдат из Тавриза до последнего селения собственно персидских в то время владений дополняются письмами (рапортами, которые, к сожалению, не все сохранились) к Мазаровичу 6 сентября – 6 октября 1819 года. А. П. Ермолов писал Мазаровичу 11 ноября 1819 г.: «Секретарь миссии Грибоедов подробно объяснил мне, каких стоило нам затруднений возвратить в отечество взятых в плен беглых солдат наших... При сем случае приятно мне заметить попечение Грибоедова о возвратившихся солдатах, и не могу отказать ему справедливой похвалы в исполнении возложенного вами на него поручения, где благородным поведением своим вызвал благоволение Аббас-Мирзы и даже грубость, в которых не менее благородно остановил его, дав ему уразуметь достоинство русского чиновника» (РС, 1874, октябрь, с. 229–230).

Ананурский карантин: #s008006

В карантине Грибоедов вместе с кн. Д. О. Бебутовым задержался, возвращаясь в Тифлис из Чечни от Ермолова, которому докладывал о выводе русских солдат из Персии (см.: Воспоминания, с. 343).

Тифлис – Тавриз: #s008007

Дневник этот опубликован Д. А. Смирновым в выдержках (его пересказ отдельных замечаний напечатан здесь петитом).

- (1) Далее, отчеркнутые в Черновой тетради чертой, идут заметки, основанные, возможно, на устном рассказе какого-то спутника о «делах минувших».
- (2) Омар-хан был разбит соединенными силами русских и грузин 7 ноября 1800 г.; смертельно раненный, он умер 10 марта 1801 г.
- (3) По преданию, просветитель Армении св. Георгий (IV в.) имел видение на месте избиения царем Тиридатом трех дев и на этом месте построил храм, названный Эчмиадзин (т. е. по-армянски Сошествие Единородного).
- (4) Перечень фамилий, вторгающихся в путевые записи, обычно трактуется как помета на память, кому необходимо написать письма. В любом случае особо интересно, кто скрывается за криптонимами А. О. (это не может быть Александр Одоевский, с которым Грибоедов познакомится лишь в 1824 г.) и П. Н., – может быть, за одним из них скрывается та женщина, которой Грибоедов пишет письмо в Тавризе ночью 17 ноября 1820 г. (см. с. 481 наст. изд.).
- (5) В Тавриз Грибоедов прибыл, вероятно, 1 февраля, так как в дневнике 1820 г. Т. Этье, жившего там, сохранилась следующая запись: «2 февраля у доктора Делафосс познакомился с Александром Грибоедовым – секретарем русской миссии в Персии, молодым человеком, исполненным любезности и таланта» (ЛН, т. 19–21, с. 147; перевод с фр.).

Отдельные заметки: #s008009

- (1) Мирза-Бюзрюк.
- (2) Аббас-Мирза.

Крым: #s008008

Грибоедов путешествовал по Крыму с 18 июня по 15 сентября 1825 года. С 18 по 24 июня он проживал в Симферополе. Отчасти его крымские впечатления, не отраженные крымским дневником, описаны в письмах к Бегичеву от 9 июля, 9 и 12 сентября 1825 года.

- (1) Дача Перовского – ныне Пионерское.
- (2) Аянь – ныне Родниково.
- (3) Чавка – ныне Сорокино.
- (4) Пещера Кизил-коба (красная пещера), ныне ход пещеры, ведущий к подземному потоку, называется Грибоедовским.
- (5) Каймак – густые сливки с пенками.
- (6) См. русское издание книги Палласа «Топографическое описание Таврической области» (СПб., 1795).
- (7) Корбек – ныне с. Изобильное.

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru

- (8) Акмечеть – старое название Симферополя.
- (9) Козлов (Гёзлеве) – ныне Евпатория.
- (10) Кучук-Ламбат, поместье А. М. Бороздина, – ныне Кипарисное.
- (11) Партенит – ныне Фрунзенское.
- (12) С галереи дачи Олизара и Артеке.
- (13) Гаспринский мыс – Ай-Тодор.
- (14) Дерекой – ныне Ущельное.
- (15) Аутка – ныне Чехово.
- (16) Водопад Учан-СУ.
- (17) Урьянда – Ореанда.
- (18) Хуреис – Кореиз.
- (19) Мускор – Мисхор.
- (20) Коурме – татарское кушанье.
- (21) Кучук-Кой – ныне Бекетово.
- (22) Муравьев – имеется ввиду «Путешествие по Тавриде» И. М. Муравьева-Апостола (СПб., 1823).
- (23) Кадикой – ныне Пригородное.
- (24) Муравьев-Апостол принимал Аю-Даг за древний Криуметопон.
- (25) Грибоедов думал написать трагедию о кн. Владимире.
- (26) Александр Грибов.
- (27) Дуванкой – ныне Верхне-Садовое.
- (28) Татаркой – ныне Машино.
- (29) Мавзолей грузинки – жены хана Керим-Гирея (с ней связана легенда, отчасти отразившаяся в поэме Пушкина «Бахчисарайский фонтан»).
- (30) Милые хозяйки – Е. И. Офрен (и ее дочь?).
- (31) Саблы – имение Бороздина, вероятно, здесь Грибоедов встречался с Н. Н. Оржицким, о чем упоминал в письме к А. А. Бестужеву в ноябре 1825 г. (см. с. 522 наст. изд.); в августе 1825 г. здесь гостил А. Мицкевич.
- (32) Город – Симферополь.

Эриванский поход: #s008010

Отчасти дневниковые записи дополняются письмами к П. Н. Ахвердовой того же времени (см. с. 543–546 наст. изд.).

- (1) Генерал – И. Ф. Паскевич.
- (2) Салгирская долина – в Крыму (см. с. 421 наст. изд.).
- (3) Крестовский остров – в Петербурге.
- (4) Главнокомандующий – И. Ф. Паскевич.

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru

(5) Лори – в X в. главный город местности, потом крепость.

(6) Мавзолей Монтрезора – во время Эриванской экспедиции 1804 г. здесь героически погиб майор Монтрезор с командой в 100 человек, посланной за провиантом.

(7) Прокламация садакцам и миллинцам – обращение к наиболее сильным курдским племенам о сотрудничестве с Россией; по всей вероятности, составлялась Грибоедовым, который был последовательным проводником мирных отношений с местными племенами, что вылилось в подготовленную им записку от 27 июня 1827 г. «О мирных сделках с разными племенами Эриванской области на походе из Эчмиадзина в Нахичевань, направленную Паскевичем в министерство иностранных дел (см.: Шостакович, с. 110–113). Вероятно, именно о составлении этой записки упоминает Грибоедов в письме к П. Н. Ахвердовой 28 июня 1828 г. (см. с. 543 наст. изд.). Ряд фактов сотрудничества с местным населением отмечается несколько ниже Грибоедовым в его дневниковых записях.

(8) Речь идет о взятии в декабре 1803 г. кн. Цициановым крепости Ганджа (переименованной им в 1804 г. в Елизаветполь в честь императрицы Елизаветы Алексеевны); среди развалин Ганджи сохранился мавзолей, в котором, по преданию, похоронен поэт Низами (XII в.).

(9) Иавер – майор в персидской армии.

Письма

В настоящем издании впервые собраны все письма Грибоедова, дошедшие до нас. В их числе и официальные – некоторые из них (относящиеся к концу 1828 г.) лишь подписаны Грибоедовым, а составлялись сотрудниками русской миссии в Персии. Но и в этом случае они имеют, несомненно, важное биографическое значение и выражают точку зрения Грибоедова, раскрывают круг его забот на посту полномочного министра. За пределами издания, с другой стороны, остались те письма, которые составлялись Грибоедовым для С. И. Мазаровича (1818–1821) и И. Ф. Паскевича (1827–1828), – ряд из них сохранился в грибоедовских автографах; исчерпывающая публикация такого рода документов, очевидно, будет задачей нового академического издания Полного собрания сочинений Грибоедова. Не включается в наше издание и письмо к В. Ф. Вяземской (см. ЛН, т. 47–48, с. 230), так как оно на самом деле написано А. Ф. Грибоедовым – дядей писателя. Письма здесь печатаются в хронологическом порядке; исключения сделаны для мелких записок, которые в ряде случаев объединены в единые группы по адресатам.

Щербатову И. Д., 1808: #s009001

Воспоминания. Автограф – ЦГВИА, копия – ГЦТМ. Записка могла быть написана в первой половине 1808 года, так как 4 июня этого же года Буринский умер. Родственник Грибоедова, В. И. Лыкошин, обучавшийся с ним в университете в 1805–1808 годах, вспоминал: «Мы поручены были родственному надзору его матери, добрейшей Анастасии Федоровне, у которой большею частью проводили праздничные дни <...>. Тогда же приходили на лекции кн. Иван Дмитриевич Щербатов и двоюродные его братья Михаил и Петр Чаадаевы с губернатором-англичанином, князя Алексей и Александр Лобановы, два брата Ефимовичи (Ефимовские) и другие» (Воспоминания, с. 34).

Измайлову В. В., 1814: #s009002

Вестник Европы, 1814, ч. 78, № 22. Журнальный номер со статьей Грибоедова (см. с. 353 наст. изд.) вышел в октябре.

Бегичеву С. Н., 9 ноября 1816: #s009003

Письма к Бегичеву, Автограф – ГИМ. Письма к Ф. В. Булгарину, 17 февраля – апрель 1826

(1) Совр. адрес – канал Грибоедова, 104/25.

(2) Намек на мать, Н. Ф. Грибоедову.

(3) Мещанский клуб, основанный немцем Шустером в 1772 г. (совр. адрес – Адмиралтейский пр., 10).

(4) А. С. Кологривов.

Бегичеву С. Н., 5 декабря 1816: #s009004

Письма к Бегичеву. Автограф – ГИМ.

(1) Д. Н. Бегичев.

(2) Иркутский гусарский полк, в котором служил и Грибоедов до перевода его в Кавалерийские резервы.

Бегичеву С. Н., 4 сентября 1817: #s009005

Письма к Бегичеву. Автограф – ГИМ.

(1) В начале августа на празднества в Москву отправились два сводных (пехотный и кавалерийский) полка, а с ними кавалергард Бегичев и преображенец П. А. Катенин.

(2) Вторая почтовая станция от С.-Петербурга.

(3) Кондитерская на углу Дворцовой площади и Невского пр.

(4) Д. Н. Бегичев.

(5) Известная петербургская гадалка Ш. Ф. Кирхгоф.

(6) Сцены из пьесы «Своя семья, или Замужняя невеста» (см. с. 166 наст. изд.).

(7) Вероятно, Н. М. Муравьев, принявший в 1817 г. С. Н. Бегичева в тайное общество.

Катенину П. А., 19 октября 1817: #s009006

Сборник, изданный студентами С.-Петербургского университета, 1860, вып. 2, с. 240–243.

(1) Отклик на комедию «Молодые супруги» в журнале «Северный наблюдатель» (см. с. 675 наст. изд.).

(2) Стихотворение «Лубочный театр» (см. с. 329 наст. изд.).

(3) «Пустодомы» (преьера 10 октября 1819).

(4) А. А. Жандр.

(5) Перевод поэмы Т. Тассо «Освобожденный Иерусалим» (издан в 1818–1819 гг.).

(6) Отрывок из трагедии Расина был напечатан в переводе Жандра в журнале «Северный наблюдатель» (1817, № 4); здесь, в частности, читаем: «Все разбежались, все рассыпались вокруг, // Как громом по полю разгнанные говьяда».

(7) См. с. 10 наст. изд.

(8) Комедия «Притворная неверность» (см. с. 234 наст. изд.).

(9) фактически пять сцен (комедии «Своя семья, или Замужняя невеста») (см. с. 166 наст. изд.).

(10) далее в письме идет текст «Лубочного театра».

Бегичеву С. Н., 15 апреля 1818: #s009007

Библиографические записки, 1859, т. 2, № 7, с. 193–195. Автограф – ГБЛ.

(1) Предполагают, что назначение в персидскую миссию было своеобразной ссылкой Грибоедова за участие в дуэли Завадовского с Шереметьевым 12 ноября 1817 г.

(2) К. В. Нессельроде.

(3) 17 июня 1818 г. Грибоедов был назначен секретарем миссии и произведен в чин титулярного советника.

Бегичеву С. Н., 30 августа 1818: #s009008

Письма к Бегичеву, с. 9–10. Автограф – ГИМ, с пометой Бегичева «№ 1. Получено сентября 4-го 1818 года».

(1) Александр Невский скончался в 1263 г. в Городце Волжском, возвращаясь из Золотой Орды.

(2) «Сын отечества».

(3) Репертуарные афишки петербургских театров.

(4) Новый балет ставился в день именин Александра I, в 1818 г. состоялась премьера балета Дидло «Калиф Багдадский, или Приключения молодости Гаруна Аль-Рашида».

Бегичеву С. Н., 5 сентября 1818: #s009009

Письма к Бегичеву, с. 10–12. Автограф – ГИМ, с пометой Бегичева «№ 2. Получено сентября 13-го 1818-го».

(1) П. Н. Чебышев.

(2) Д. Н. Бегичев.

(3) Памятник Минину и Пожарскому (работы И. П. Мартоса) был открыт 20 февраля 1818 г.

(4) Пьеса шла в московском театре 3 сентября 1818 г.

(5) Е. С. Семенова – Мельпомена (т. е. трагическая актриса, в отличие от ее сестры, Н. С. Семеновой, – комической актрисы).

(6) И. А. Гагарин.

(7) Опера Д. Штейбельта (шла 4 сентября 1818 г.).

(8) Вероятно, А. И. Колечицкая (см. след. письмо), которая позже вспоминала: «...помню, в один день она (мать Грибоедова. – С. Ф.) позвала меня обедать, и я нашла у нее большое общество. Вдруг входит молодой человек в очках, которого мне трудно было узнать как Александра Грибоедова, товарища нашей юности» (Воспоминания, с. 39).

(9) М. С. Грибоедова.

(10) В. С. Миклашевич.

Колечицкой А. И., 5–9 сентября 1818: #s009010

Воспоминания, Автограф – ПД. Датируется на основании предыдущего письма (см. примеч. 8).

Бегичеву С. Н., 9 сентября 1818: #s009011

Письма к Бегичеву.

(1) А. С. Кологривов.

Бегичеву С. Н., 18 сентября 1818: #s009012

Письма к Бегичеву. Автограф – ГИМ, с пометой Бегичева «№ 4-ой. Получ. октября 4-го».

(1) Грибоедов пробыл в Москве со 2 по 10 сентября.

(2) Здесь можно увидеть зерно замысла «Горя от ума».

(3) Журнал «Российский музеум» (1815).

(4) Том «Деяний Петра Великого, мудрого преобразователя России» И. И. Голикова; сохранились выписки Грибоедова из него (см.: ПСС, т. 3).

Мазаровичу С. И., 12 октября 1818: #s009013

Попова. Автограф – ГИМ Об адресате см.: Доедјан И. А. С. Грибоедов и доктор из Пераста С. И. Мазарович, – В кн.: Прилози проучавању српско-руских књижевних веза. Нови сад, 1980, с. 137–154.

(1) А. П. Ермолов; о нем же ниже – господин проконсул иберии.

(2) Котырев.

(3) Цитата из «Буколик» Вергилия.

(4) Подпись в письме по-персидски.

Толстому Я. Н. и Н. В. Всеволожскому, 27 января 1819: #s009014

Акад., т. 3. Список ГПБ.

(1) А. П. Ермолов.

(2) Намек на дуэль с А. И. Якубовичем 23 октября 1818 г., во время которой Грибоедов был ранен в ладонь левой руки.

(3) Возможно, здесь содержится намек на ту женщину, о которой Грибоедов вспоминал позже в письме к С. Н. Бегичеву от 4 января 1825 г.

Катенину П. А., 26 марта 1819: #s009015

А. С. Грибоедов и его сочинения. СПб., 1858 (здесь же фотокопия письма).

(1) Оценку этой комедии см. в письме к Катенину от 14 февраля 1825 г.

Мазаровичу С. И., около 5 сентября 1819: #s009016

Попова. Автограф – ГИМ.

(1) Брат С. И. Мазаровича.

(2) Речь идет о русских солдатах, некогда дезертировавших в Персию, которых Грибоедов выводил на родину (см. об этом в его путевых письмах, с. 414–418 наст. изд.); в письме к Мазаровичу от 11–13 сентября называется другое число их (158).

(3) Ш. Ф. Мелик-Бегляров.

Мазаровичу С. И., 6 сентября 1819: #s009017

Попова. Автограф – ГИМ, с пометой Мазаровича: «Получено 8 сентября 1819 г.».

- (1) Персидский чиновник, прикомандированный к дипломату, – Махмед-Али-бек.
- (2) Селение близ Тавриза.
- (3) Указ.
- (4) Золотая страна (легендарная страна на американском континенте).
- (5) Ш. Ф. Мелик-Бегляров.
- (6) Персидская мера расстояния, равная 5 верстам.
- (7) Местечко, лежащее между Тавризом и Мирандом (см. о нем в «Путевых заметках», с. 417–418 наст. изд.).
- (8) Наследный принц Аббас-Мирза.
- (9) Хан Миранды.

Мазаровичу С. И., 11–13 сентября 1819: #s009018

Попова, Автограф – ГИМ, с пометой Мазаровича: «Получено 18 сентября 1819 г.».

- (1) Гонец.
- (2) Город, до 1828 г. принадлежавший Персии.
- (3) См. в Путевых заметках, с. 418 наст. изд.
- (4) Фетали-шах.
- (5) Наследник престола Аббас-Мирза.
- (6) Погонщики.
- (7) Туман, томан – персидская монета, равная 5 русским руб. серебром.
- (8) Резкая речь, которою 1 января 1814 г. Наполеон распустил законодательный корпус.
- (9) Ханство, находившееся, по Гюлистанскому трактату 1813 г., под русским владычеством.
- (10) Запись рассказа Вагина см. в Путевых заметках, с. 413 наст. изд.
- (11) Скала Илин-даг близ Нахичевани, см. о ней в Путевых заметках, с. 440 наст. изд.
- (12) См. об этом в Путевых заметках, с. 418 наст. изд.
- (13) Капитан.
- (14) Ш. Ф. Мелик-Бегляров.

Мазаровичу С. И., 6 октября 1819: #s009019

Попова. Автограф – ГИМ, с пометой Мазаровича: «Получено 16 октября 1816».

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru

(1) М. И. Пономарев.

(2) Т. е. персов.

Катенину П. А., февраль 1820: #s009020

А. С. Грибоедов и его сочинения. СПб., 1858.

(1) См. с. 409 наст. изд. и примеч.

(2) Дворец шаха близ Тегерана.

(3) Мусульманский пост.

(4) Словарь.

(5) Трагедия Катенина, начата в 1809 г., напечатана в 1827 г.

(6) А. А. Шаховской.

(7) Е. И. Ежова.

(8) Система древнегреческих легенд о происхождении богов. Вероятно, речь идет о славословиях Шаховскому, причем Грибоедов иронически называет Чепегова «прозорливым».

(9) Гейнзиус и Гревюс – голландские купцы, упоминаемые в «Деяниях Петра Великого, мудрого преобразователя России» И. И. Голикова.

(10) Слуга Грибоедова Амлик.

Рыхлевскому А. И., февраль 1820: #s009021

Попова. Автограф – ГИМ, с пометой Рыхлевского: «4 мая отвечал из Тифлиса».

(1) Нищий, упоминаемый в «Одиссее».

(2) А. П. Ермолов.

Каховскому Н. А., 3 мая 1820: #s009022

Сборник ОЛРС на 1891 год. Автограф – ГИМ.

(1) Намек на «чистых» и «нечистых» животных в Ноевом ковчеге.

(2) Управляющий делами наследника престола.

(3) А. П. Ермолов.

(4) Р. И. Ховен, А. А. и И. А. Вельяминовы.

Каховскому Н. А., 25 июня 1820: #s009023

Сборник ОЛРС на 1891 год. Автограф – ГИМ.

(1) Р. И. Ховен, А. П. Ермолов.

(2) Титул Великих Моголов Индии.

Рыхлевскому А. И., 25 июня 1820: #s009024

Попова, с. 76–81(здесь же фототипия). Автограф – ГИМ.

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru

(1) По преданию, Диоген ходил днем с фонарем в поисках честного человека.

(2) А. П. Ермолов.

(3) С. И. Мазарович.

Уиллоку Генри, 14\26 августа 1820: #s009025

Ениколопов И.К. Грибоедов и Восток. Ереван, 1954, с. 23–25. Копия (рукою Грибоедова) – ЦГИА Грузинской ССР. Это резкое письмо было направлено английскому поверенному в отсутствие С. И. Мазаровича в Тавризе. Г. Уиллок безуспешно пытался убедить Грибоедова взять обратно ноту, но был принужден в конечном счете дать письменные объяснения по существу вопроса, объяснив его досадным недоразумением. Вынужденный информировать лондонское начальство о конфликте, Г. Уиллок характеризовал Грибоедова как «малоопытного и неблагоприятного молодого человека» со «вспыльчивым и необузданным характером» (Шостакович, с. 66). Между тем позиция Грибоедова была вполне принципиальной и последовательной: именно в эти дни он был занят подготовкой к выводу русских солдат, оказавшихся в Персии, на родину (см. его Путевые заметки об этом, с. 414–418 наст. изд.).

(1) «Далее, – пишет И. К. Ениколопов, – излагается суть вопроса, осуждаются провокационные действия капитана артиллерии Эдуарда Виллока (брата поверенного в делах Англии) и его слуги, склонявших русских солдат к измене родине и даже доставивших двоих обманутых в Тавризм».

Каховскому Н. А., 19 октября 1820: #s009026

Сборник ОЛРС на 1891 год. Автограф – ГИМ.

(1) Слуга Грибоедова Амлик.

(2) А. А. Вельяминов.

Рыхлевскому А. И., 24 октября 1820: #s009027

ЛН, т. 47–48. Копия – ГЦТМ.

Рыхлевскому А. И., 3 ноября 1820: #s009028

ЛН, т. 47–48. Копия – ГЦТМ.

(1) Вероятно, имеется в виду А. П. Ермолов.

Неизвестной, 17 ноября 1820: #s009029

Москвитянин, 1856, т. 3, № 12. Копия – ГБЛ. Адресатом письма, возможно, была женщина, о которой Грибоедов вспоминал в письме к Бегичеву от 4 января 1825 г. Во всяком случае, предположение, что это письмо адресовано А. А. Шаховскому (назывались также и другие возможные адресаты: П. А. Катенин, П. И. Могилевский), противоречит содержанию послания (см. особенно конец первого абзаца).

(1) О «пророческом сне», во время которого Грибоедову явилась мысль о комедии «Горе от ума», упоминает также в своих воспоминаниях Ф. В. Булгарин (см. с. 665 наст. изд.).

Неизвестному, ноябрь 1820: #s009031

Москвитянин, 1856, т. 3, № 12. На обороте предыдущего.

Каховскому Н. А., 27 декабря 1820: #s009030

Сборник ОЛРС на 1891 год. Автограф ГИМ.

(1) Ш. Ф. Мелик-Бегляров.

(2) Здесь в подлиннике по-персидски написано «Сепарта-башид» – «будьте поручены» (может быть, фраза осталась недописанной).

(3) Р. И. Ховен.

Письма к Т. Этье, 1821–1823: #s009032

ЛН, т. 19–21, здесь же фотографии записок. Автографы – в личном собрании Н. А. Смирнова-Сокольского.

(1) Первый генеральский чин в Персии.

(2) Внешне ничтожное содержание записки находится в разительном противоречии с тщательно выписанным титулом Т. Этье; возможно, здесь имел место шифр (находившийся на службе у персов Т. Этье, вероятно, выполнял агентурные обязанности русской миссии).

(3) По всей вероятности, имелся в виду текст Гюлистанского договора России с Персией 1813 г. (см. письмо к Мазаровичу 8 мая 1827 г., с. 542 наст. изд.).

(4) Встреча эта связана с коммерческими планами торговли в Персии русскими товарами (см.: Кальма Н. Коммерческие планы Грибоедова. – ЛН, т. 19–21, с. 143–176).

Кюхельбекеру В. К., 1 октября 1822 – конец января 1823: #s009033

РС, 1874, № 5. Автограф – в частном собрании И. С. Зильберштейна.

(1) В. К. Кюхельбекер уехал из Тифлиса в мае 1822 г., после дуэли с родственником А. П. Ермолова Н. Н. Похвисневым.

(2) Упомянутые в Коране духи, пытавшиеся овладеть планетой Венера (по-арабски Зухра – ее название далее записано Грибоедовым).

(3) Царь лапифов, привязанный богами к вечно вращающемуся огненному колесу за посягательство на Геру (супругу Зевса) (греч. миф.).

(4) Первые сцены «Горя от ума» были сочинены в Тифлисе и читались автором Кюхельбекеру (см. с. 665 наст. изд.).

(5) Мошенник В. Е. Севинис (Севинье), разоблаченный Грибоедовым и выдворенный из России за мошенничество (см.: Воспоминания, с. 52, 55).

(6) Об одном из путешествий сохранились сведения в книге Лайола «Путешествие по России, Крыму, Кавказу и Грузии» (Лондон, 1825): «Лайол и Грибоедов выехали из Тифлиса в Кахетию 22 июня 1822 года. Побывав сперва в Мухравани – штаб-квартире Грузинского гренадерского полка, где командиром был друг Грибоедова – П. Н. Ермолов, путники затем, переправившись через Иори, приехали в Гомбори... После подробного ознакомления с Телави и ночевки в Энисели Грибоедов и Лайол прибыли в Кварели. Ночевали в старинном доме Чавчавадзе. 26 июня направились дальше по Алазанской до лине к развалинам древней крепости Греми. Следующий день был посвящен осмотру крепости и монастыря Алаверды, для чего путникам пришлось переехать р. Алазань. Затем Грибоедов и Лайол возвратились в Тифлис» (Ениколопов И. К. Грибоедов и Восток, изд. 2. Ереван, 1974, с. 51–52). В октябре того же года Грибоедов сопровождал по Кахетии другого англичанина – Клендса.

Глинке Ю. К., 26 января 1823: #s009034

РС, 1875, № 7. Автограф – ГИМ.

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru

(1) В. К. Кюхельбекер, незадолго до того он был уволен со службы при главноуправляющем Ермолове за участие в дуэли.

(2) В ноябре 1822 г. Катенин был сослан в свою костромскую деревню за «неприличный поступок» в театре (фактической причиной была его политическая неблагонадежность).

Письма к Н. Н. Муравьеву, 26 января – 16 февраля 1823: #s009035

Звенья, т. 1. Автографы – ГИМ, с пометами Н. Н. Муравьева: «Пол<учено> 28 генваря» и «Пол<учено> 18 февр.». Касаются обстоятельств продажи пианино Грибоедова перед отъездом в Москву. (Подробнее см.: Краснов П. С. Пианино Грибоедова. – Музыкальная жизнь, 1971, № 22, с. 17).

Ермолову П. Н., 15 февраля 1823: #s009036

Попова.

(1) Грибоедов выехал в Москву 5 марта 1823 г., получив отпуск на 4 месяца (впоследствии продленный).

(2) См. о том же выше в записках к Н. Н. Муравьеву.

Похвисневу Н. Н., 5 мая 1822 – 19 февраля 1823: #s009037

Щукинский сборник, вып. 9. М., 1910. Автограф – ГИМ. Датировка письма установлена в статье П. С. Краснова «Две записки А. С. Грибоедова» – РЛ, 1979, № 3, с. 148–149.

(1) Журнал «Вестник Европы».

Письма к В. Ф. Одоевскому, осень 1823: #s009038

РА, 1864, VII–VIII. Автографы – ГПБ.

1.

(1) К этим словам В. Ф. Одоевский при публикации письма сделал примечание: «Здесь идет речь об отдельных оттисках первых опытов кн. В. Ф. Одоевского, печатавшихся в «Вестнике Европы» 1822–1823 годов под псевдонимами; прочитав их, А. С. Грибоедов старался узнать, кто их сочинитель. Это дало повод к ближайшему знакомству, а потом и дружбе между обоими, никогда не изменявшейся, независимо от их родства, впрочем, довольно дальнего». «Дни досад» В. Ф. Одоевского публиковались в журнале в мае – сентябре 1823 г., когда Грибоедов уезжал в тульскую деревню С. Бегичева, где работал над третьим и четвертым действиями «Горя от ума».

2.

(2) Памятники Российской словесности XII века. М., 1821.

(3) Арцыбашев. О первобытной России и ее жителях. СПб., 1809.

(4) Теория музыки, или Рассуждение о сем искусстве и пр. соч. Густава Гесс де Кальве. Пер. с нем. Разумник-Гонорский, в 2-х ч. Харьков, 1818. Примечание В. Ф. Одоевского: «Музыка могла быть одним из поводов к дружескому сближению между кн. Одоевским и Грибоедовым. Сестра Грибоедова Мария Сергеевна (впоследствии Дурново) превосходно играла и на фортепьяно, и в особенности на арфе. Часто в доме Грибоедовых (под Новинским) устраивались музыкальные кружки. Сам Грибоедов был отличный фортепьянист, – но сверх того они с кн. В. Ф. Одоевским занимались и теориею музыки как науки, что в то время было большой редкостью; над ними общие приятели тогда подсмеивались; даже в этом кружке было присловье: «Уж как Грибоедов с Одоевским заговорят о музыке, то пиши пропало; ничего не поймешь». Грибоедов был ученик, если не ошибаемся, знаменитого петербургского гармониста

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
Иоганна Миллера».

(5) Примечание Одоевского «Опыт повествования о древностях русских», соч. Гавриила Успенского. Харьков, 1811 и 1818. Два издания. Грибоедов был большой знаток нашей старины и едва ли не один из тогдашних литераторов (в собственном смысле этого слова) прилежно занимался русскими древностями. Летопись Нестора была его настольною книгою. Этим постоянным чтением Грибоедов приобрел необыкновенную в то время чистоту языка и те смелые русские идиотизмы (т. е. идиомы, – С. Ф.), которыми отличается слог его».

3.

(6) Примечание В. Ф. Одоевского: «Писано в Москве (1823–1824); ода, о которой здесь говорится, было стихотворение А. И. Писарева, тогда только начинавшего писать; он был моим школьным товарищем» (по Благородному пансиону. – С. Ф.) («ода» – вероятно, «Бессмертие души» – дифирамб Делиля, перевод А. Писарева. М., 1820).

Всеволожскому А. В., 8 августа 1823: #s009039

Шляпкин, т. 1.

(1) Т. е. на Нижегородскую ярмарку.

(2) Грибоедов в те дни был занят работой над двумя последними действиями «Горя от ума».

(3) Имеется в виду коммерческий проект по торговле с Персией (см. об этом в записках к Т. Этье, с. 483 наст. изд.).

Грибоедовой М. С., 1823: #s009040

Звезда, 1941, № 1. Автограф – ЦГАЛИ.

(1) Стихотворение «Давид» (см. с. 334 наст. изд.).

Письма к А. Н. Верстовскому, декабрь 1823: #s009041

Акад., т. 3. Автографы – ГЦТМ.

1.

(1) Речь здесь идет о каком-то любительском концерте, на котором, видимо, предполагалось исполнение романса Верстовского «Черная шаль» на слова Пушкина («А. Н. Верстовский... тогда написал знаменитый свой романс «Черная шаль» и певал его с особенным выражением, своим небольшим баритоном, аккомпанируемый Грибоедовым». – Воспоминания, с. 95).

2.

(2) Опера-водевиль «Кто брат, кто сестра, или Обман за обманом» (см. с. 279 наст. изд.). В авторизованном списке водевиля сохранилась соответствующая правка текста куплетов «Бар и красавиц все бранят...».

Вяземскому П. А., май 1824: #s009042

Остафьевский архив, т. 5, вып. 2. Автограф – ГБЛ.

Бегичеву С. Н., 10 июня 1824: #s009043

Письма к Бегичеву. Автограф – ГИМ.

(1) Имеется в виду комедия Реньяра «Игрок», ставившаяся в то время на сцене и

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
очень популярная.

(2) Л. В. Давыдов.

(3) Комедия «Горе от ума».

(4) А. С. Шишков.

(5) Известная гостиница в Петербурге на Мойке, рядом с Невским проспектом.

(6) Для встречи с Карамзиным (см. с. 499 наст. изд.).

Бегичеву С. Н., июнь 1824: #s009044

ПСС, т. 3.

(1) А. И. Бегичева.

(2) Русский перевод – «Жизнь Али-Паши Янинского». Соч. Пукевиля, в 3-х ч. М., 1822–1824.

(3) М. С. Грибоедова.

(4) Д. Н. Бегичев.

(5) Д. В. и Л. В. Давыдовы.

(6) Демутов трактир (гостиница).

Вяземскому П. А., 21 июня 1824: #s009045

Литературная газета, 1945, № 3. Автограф – ЦГАЛИ.

(1) Комедия «Горе от ума».

(2) Т. е. в имени Вяземских Остафьево.

(3) 10 июня 1824 г. (см. с. 495 наст. изд.).

(4) «Керим-Гирей, крымский хан», романтическая трилогия в пяти действиях. Впервые представлена в Петербурге 28 сентября 1825 г.

(5) Гнедич в то время был занят переводом «Илиады».

(6) but (фр.) – цель.

(7) Речь идет о записке Вяземского к французскому журналисту М. –А. Жюльену, рекомендующего Грибоедова, который в то время собирался во Францию (поездка эта не состоялась) (см.: ЛН, т. 47–48, с. 238–239).

Вяземскому П. А., 11 июля 1824: #s009046

Остафьевский архив, т. 5, вып. 2.

(1) В пьесе А. А. Шаховского «Ты и Вы. Вольтерово послание, или Шестьдесят лет антракта. Анекдотическая комедия в двух действиях, с интермедией, представляющей Сен-Жерменскую ярмарку». Впервые поставлена в Петербурге 23 января 1824 г.

(2) Скульптурный портрет Вольтера работы Ж.–А. Гудона.

Бегичеву С. Н., 31 августа 1824: #s009047

Письма к Бегичеву. Автограф – ГИМ.

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru

(1) Персидский орден, пожалованный Грибоедову в 1822 г.

Булгарину Ф. В., октябрь 1824: #s009048

РС, 1874, № 7. Автограф – ПД, с пометой Булгарина: «Грибоедов в минуту сумасшествия».

(1) Письмо было вызвано фельетоном Булгарина «Литературные призраки» (Литературные листки, 1824, ч. 3, № 16), герой которого Талантин (в котором было легко угадать Грибоедова) был противопоставлен карикатурно изображенным петербургским литераторам (здесь был затронут дельвиговский круг).

(2) Вскоре, однако, Грибоедов примирился с Булгариным.

Катенину П. А., 17 октября 1824: #s009049

Грибоедов и его сочинения. СПб., 1858.

(1) А. А. Катенин.

(2) Сцены из трагедии П. А. Катенина «Андромаха» печатались в альманахе «Русская Талия» (вышедшем в свет в конце 1824 г.).

(3) В парижском журнале «Mercure de XIX-e siècle», 1824, т. 6, № 77 была помещена статья Н. И. Бахтина (под подписью «J. N.»), приятеля Катенина, содержащая лестный отзыв о нем; см. также примеч. к письму Катенину (первая половина января – 14 февраля 1825 г.), с. 713 наст. изд.

(4) Шутливый намек на плодовитость Шаховского, готового к переделке для сцены любого популярного произведения. Возможно, здесь также имелся в виду водевиль Шаховского (переделка из Мартиньяка) «Притчи, или Эзоп у Ксанфа», представленный впервые 3 ноября 1824 г.

(5) Вольный перевод трагедии Ж. Ротру, один из первых опытов в русской драматической поэзии белого шестистопного ямба (первый акт напечатан в альманахе «Русская Талия»).

(6) Имеется в виду список «Горя от ума».

(7) Заграничная поездка Грибоедова не состоялась.

(8) На спектакле немецкой труппы.

(9) Т. е. Е. Семеновй.

(10) Цитата из «Ифигении в Авлиде» Расина в переводе М. Лобанова.

Гречу Н. И., около 24 октября 1824: #s009050

Вестник всемирной истории, 1900, № 6.

(1) Речь здесь идет о сценах «Горя от ума», предназначенных для публикации в альманахе «Русская Талия» (в конечном счете там были напечатаны явления 7–10 первого действия и третье действие комедии, с большими цензурными искажениями и пропусками).

Бегичеву С. Н., 4 января 1825: #s009051

Письма к Бегичеву. Автограф – ГИМ с пометой Бегичева: «825-го. С.-Петербур.»

(1) фраза эта трактуется как косвенное указание на 1790 г. как год рождения Грибоедова (ср. в Библии: «Срок нашей жизни 70 лет»), но в грибоедовское время нередко и тридцать лет считались половинным сроком человеческой жизни.

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru

(2) «Трясинно государство» – цитата из басни Крылова «Лягушки, просящие царя».

(3) Е. А. Телешова; стихотворение, ей посвященное, см. с. 340 наст. изд.

(4) Здесь содержится намек (понятный Бегичеву) о женщине, глубокое чувство к которой Грибоедов пережил ранее и имя которой остается нам неизвестным. Возможно, именно ей написано письмо из Тавриза 17 ноября 1820 г. (см. с. 481 наст. изд.).

(5) Д. В. Давыдов.

(6) Д. Н., А. В. и А. И. Бегичевы.

Бегичеву С. Н., 25 января 1825: #s009052

Письма к Бегичеву. Автограф – ГЦТМ.

(1) См. след. письмо.

(2) Трагедию Жандра (см. с. 503 наст. изд.).

Катенину П. А., первая половина января – 14 февраля 1825: #s009053

Всемирный труд, 1868, кн. 2. Фототипия – ПСС, т. 3, с. 168–169. Автограф – ГЦТМ. Письмо от 14 февраля – Шляпкин, т. 1, автограф – ГПБ.

(1) А. А. Катенин.

(2) На статью Бахтина о Катенине в парижском журнале (см. с. 712 наст. изд.), там же (№ 82) появилось «письмо к издателю» кн. В. Ф. Гагарина (Р. В. Г.) с резкой характеристикой Катенина. Ответ на это письмо был напечатан Н. И. Бахтиным там же, а также Катениным в «Сыне отечества» (1825, ч. 99, с. 333–335).

(3) «Междудействие, или Разговор в театре о драматическом искусстве» в альманахе «Русская Талия».

(4) Отрывки из трагедии «Андромаха» Расина в переводе Гнедича напечатаны в «Сыне отечества» (1820, № 41, с. 31–38).

(5) «Сплетни», комедия Катенина, переделка из Грессе, 1821; «Сид», перевод из Корнеля, 1822 (ср. в «Евгении Онегине»: «Там наш Катенин воскресил // Корнеля облик величавый»).

Булгарину Ф. В., январь – февраль 1825: #s009054

РС, 1874, № 6. Автограф – ПД.

(1) В ответ на суровый отзыв Н. А. Полевого о катенинской «Андромахе» (Московский телеграф, 1825, ч. 1, № 2, с. 70) за нее вступился Булгарин в «Сыне отечества» (1825, ч. 100, № 5, с. 6 – «Третье письмо на Кавказ», за подписью «Ж. К.»).

Булгарину Ф. В., февраль 1825: #s009055

РС, 1874, № 6. Автограф – ПД.

(1) По просьбе Ф. В. Булгарина-редактора Грибоедов написал примечания к «Необыкновенным похождениям и путешествиям русского крестьянина Дементия Цыкулина», напечатанным в журнале «Северный архив», 1825, ч. 14–15 (апрель) (см.: ПСС, т. 3).

Бегичеву С. Н., 18 мая 1825: #s009056

Письма к Бегичеву. Автограф – ГИМ.

(1) Против статьи М. А. Дмитриева в «Вестнике Европы», 1825, ч. 140, № 6, с резким отзывом о «Горе от ума» была направлена не дошедшая до нас антикритика Бегичева (см. также письмо от 9 сентября 1825 г., с. 518 наст. изд.).

(2) Люк-Клапье Вовенарг – известный французский критик и моралист.

(3) В. К. Кюхельбекер.

(4) Представление комедии в театральной школе в последний момент было запрещено гр. Милорадовичем.

Бегичеву С. Н., 4 июня 1825: #s009057

. Письма к Бегичеву. Автограф – ГИМ.

(1) Монахиня Смарагда.

Одоевскому В. Ф., 10 июня 1825: #s009058

РА, 1864, вып. 7–8. Автограф – ГПБ.

(1) «Замечания на суждения Мих. Дмитриева о комедии «Горе от ума» (Московский телеграф, 1825, ч. 3, № 10, Приложение; подпись: «У. У.»).

(2) Эта июньская ярмарка была назначена местом свидания П. И. Пестеля с представителями польского тайного общества.

Бегичеву С. Н., 9 июля 1825: #s009059

Черновая тетрадь; РЛ, 1968, № 3. Автограф – ПД.

(1) См. с. 22–23 наст. изд.

Бегичеву С. Н., 9 сентября 1825: #s009060

Письма к Бегичеву. Автограф – ГИМ.

(1) Грибоедов обдумывал трагедию о кн. Владимире, принявшем крещение в Крыму, в Херсонесе (Корсуни).

(2) О пребывании Грибоедова в Симферополе см.: Воспоминания, с. 389–390.

(3) См. с. 513 наст. изд.

(4) Сослуживцы Грибоедова по Иркутскому полку, Шатилов и Алябьев (известный композитор), были осуждены за убийство помещика Времева и высланы в 1827 г. в Сибирь (см.: Исторический вестник, 1905, апрель).

(5) «Разбор трех статей, помещенных в Записках Наполеона» (М., 1825).

(6) Д. Н. Бегичев.

Бегичеву С. Н., 12 сентября 1825: #s009061

Письма к Бегичеву. Автограф – ГИМ, с пометой Бегичева: «825-го». Фототипия – ПСС, т. 3, с. 176–177.

(1) А. Грибов, слуга Грибоедова.

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
Бестужева А. А., 22 ноября 1825: #s009062

РС, 1889, № 2, Автограф – ПД.

(1) А. П. Ермолов.

(2) Стихотворение «Хищники на Чегеме» (см. с. 342 наст. изд.).

(3) «Оргии» Н. Б. Юсупова, московского вельможи, которому посвящено стихотворение Пушкина «К вельможе», были описаны, вероятно, в недошедшем до нас письме Бестужева, упоминаемом в начале.

(4) Встреча произошла в Гурзуфе, на вилле Г. Олизара (там же присутствовали А. Мицкевич и Г. Ржевусский).

Кюхельбекеру В. К., 27 ноября 1825: #s009063

РС, 1889, № 2. Автограф – ПД.

(1) А. П. Ермолов.

Бегичеву С. Н., 7 декабря 1825: #s009064

Письма к Бегичеву. Автограф – ГИМ, с пометой Бегичева: «825-го».

(1) Зажигательные артиллерийские снаряды, названные так по имени английского изобретателя Уильяма Конгрева (1772–1828).

Жандру А. А. и др., 12 декабря 1825: #s009065

Шляпкин, т. 1. Автограф – ГЦТМ.

(1) Александр I умер 19 ноября 1825 г. в Таганроге.

(2) Грибоедов намекает здесь на обстоятельства междуцарствия, возможно, предполагает активные действия тайного общества.

(3) В. К. Кюхельбекер.

(4) Речь идет о связи гр. Милорадовича с Е. А. Телешовой, родственницей Шаховского.

(5) Т. е. о Шаховском (называются две его пьесы – «Аристофан, или Представление всадников» и «Керим-Гирей, крымский хан»).

(6) А. Грибов.

Николаю I, 15 февраля 1826: #s009066

Литературный вестник, 1903, № 2, с. 2. Факсимильное воспроизведение в составе всего следственного дела Грибоедова в кн.: Щеголев П. Е. Грибоедов и декабристы. СПб., 1905, и Акад., т. 3. Автограф – ЦГАОР, с пометами А. А. Ивановского: «№ 662», «19 февраля 1826» и И. И. Дибича: «Объявить, что этим тоном не пишут государю и что он будет допрошен».

(1) Письмо написано с гауптвахты Главного штаба, где Грибоедов был под арестом по делу декабристов. Первый допрос Грибоедова был снят 11 февраля 1826 г. генерал-адъютантом В. В. Левашевым.

Письма к Ф. В. Булгарину, 17 февраля – апрель 1826: #s009067

РС, 1874, № 6. Фототипически воспроизведены записки № 1, 2 и 5 в кн.: Сб. снимков с автографов русских деятелей 1801–1825. СПб., 1873, с. 23. Автографы –

пд.

1. 17 февраля 1826.

(1) Типография находилась рядом с Главным штабом, в доме Косиковского, на углу Невского пр. и Б. Морской ул. (ныне ул. Герцена).

(2) Поэма Байрона «Путешествие Чайльд-Гарольда».

(3) Об обстоятельствах «дружбы» с М. П. Жуковским см.: Воспоминания, с. 134–135.

(4) См. предыдущее письмо.

2. Вскоре после 17 февраля.

(5) Стихотворения Александра Пушкина. СПб., 1826.

4. Вскоре после 25 февраля. На обороте записки Булгарина к Грибоедову: «Любезный друг! береги свое здоровье, не мучайся и не терзайся напрасно. Ты невинен, следовательно, будешь освобожден в самом скорейшем времени, и одна только печальная церемония могла удержать течение дел. Почтеннейший Михайла Петрович расскажет тебе, что твое освобождение – вещь верная...» «Печальная церемония», упоминаемая здесь, – приготовление к погребению в Петропавловском соборе тела Александра I, которое состоялось 6 марта. 25 февраля, после допроса Грибоедова Следственным комитетом, была вынесена резолюция об освобождении Грибоедова из-под ареста, на что, однако, последовала резолюция Николая I: «Коллежского асессора Грибоедова оставить пока у дежурного генерала». О ходе следствия над Грибоедовым см. в кн.: Фомичев С.А. Грибоедов в Петербурге. Л., 1982, с. 11–146.

(6) Книга французского археолога Ж.-Ж. Бартеlemi (русские переводы: 1804–1809 и 1803–1819).

5. <Конец февраля – начало марта>.

(7) Видимо, Грибоедов здесь намечает официально приемлемую версию событий.

6. После 16 марта.

(8) 16 марта Грибоедов был вызван в крепость на беседу с А. Х. Бенкендорфом (вероятно, для уточнения показаний на допросе в комитете 15 марта), обратно в Главный штаб Грибоедова сопровождал секретарь комитета А. А. Ивановский. 19 марта Булгарин пишет Ивановскому записку с просьбой встретиться.

8. 19 марта.

(9) Таврида, или Мой летний день в таврическом

Херсонисе. Николаев, 1798.

(10) «Дифференциальное исчисление» Франкера (М., 1824; пер. Д. Перевощикова).

9. 21 марта.

(11) Вероятно, Грибоедов имеет в виду напечатанный в «Северной пчеле» (1825, 20 марта) восточный аполог Булгарина «Человек и мысль» о некоем турецком мудреце Абдалле, испытавшем несправедливые гонения, но в конечном счете освобожденном из заключения.

(12) Опыт науки изящного. СПб., 1825.

10. 18 апреля.

(13) Пасха в 1826 г. падала на 18 апреля.

(14) Басни Ивана Крылова в семи частях, новое, исправленное и пополненное издание, с портретом автора и картинами. СПб., 1825. Изд. Ив. Сленина.

11. После 18 апреля.

(15) Дмитриев И.И. Апологи в четверостишиях, выбранные преимущественно из Мольво. М., 1825.

(16) Degerando. Histoire comparée des systemes de philosophie. Paris, 1804 (2-е изд. – 1823).

(17) «Санктпетербургский карманный месяцеслов на лето от Р. Х. 1812 (и след.), с присовокуплением любопытных астрономических и исторических статей, соч. г. Шубертом».

(18) Несмотря на благоприятное мнение комитета о Грибоедове, он был оставлен под арестом по личному распоряжению царя до получения сведений о нем с Кавказа от направленного туда полковника Ф. Ф. Бартоломея (Грибоедов об этом знать не мог и терялся в догадках о причинах задержки с освобождением).

Письма к Н. А. Муханову, апрель–июнь 1826: #s009068

ПСС, т. 3, с. 152–153. Автографы – ГИМ. Датировка: Краснов П. С. О трех записках Грибоедова. – РЛ, 1972, № 2, с. 185–187.

1. <Апрель – май 1826>.

(1) В феврале – апреле 1826 г. книгами Грибоедова регулярно снабжал Булгарин, переписка с которым по какой-то причине оборвалась.

(2) История Государства Российского. СПб., 1818.

(3) Начертание статистики Российского государства. СПб., 1818–1819.

2. Апрель – май.

(4) <emphasis><emphasis>А. А. Жандр вспоминал, что в дни ареста Грибоедов, пользуясь попустительством караульных, приходил к нему на квартиру: «...ужинал или пил чай и играл на фортепьяно.. Он возвращался от меня в свою конуру или поздно ночью, или на рассвете» (Воспоминания, с. 219).

3. <Июнь 1826>.

(5) 20 июня 1826 г. Н. А. Муханов писал брату: «Грибоедов не едет в Москву, потому что был в простуде все это время, страдал от флюса, и потом, не кончил еще совершенно дела свои здесь» (ГИМ, ф. 34, № 117, л. 86).

Алексееву С. И., 3 июня 1826: #s009069

Звенья, т. 1. Автограф – ГИМ.

(1) Уездный город в Полтавской губернии, близ которого было имение Алексеевых.

(2) Т. е. на гауптвахте Главного штаба.

Миклашевич В. С., 6 июня 1826: #s009070

Звенья, т. 1. Автограф – ГИМ.

(1) На даче Булгарина на Выборгской стороне.

Булгарину Ф. В., июнь – июль 1826: #s009071

(1) О деле в связи с напечатанной в типографии Н. И. Греча книгой Госнера «Толкования на Новый Завет» (1824) см.: Записки Н. И. Греча. СПб., 1886.

(2) После освобождения из-под ареста Грибоедов жил на даче Булгарина на Выборгской стороне.

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru

- (3) Известный французский географ XVII в., перевел на французский язык «Путешествие по Татарии» В. Рубруквиса и др. книги.
- (4) Грибоедов имеет в виду книгу «Forschungen in Gebiete...». St.-Pet., 1824.
- (5) Abulchasi Bahadur Chane. Historie Monholorum Tartarorum. Casan, 1825 (с предисловием академика Френа).
- (6) Вероятно, «Софийский временник», под ред. Строева, в 2-х ч. 1820.
- (7) Любопытнейшее путешествие монаха дю План-Карпина в 1246 году к Татарам. М., 1800–1804. Все перечисленные книги, видимо, были нужны Грибоедову в связи с его работой над трагедией «Федор Рязанский» (см.: Краснов П. С. О «Федоре Рязанском» А. С. Грибоедова. – РЛ, 1973, № 3, с. 104–105).

Загоскину М. Н., июль – август 1826: #s009072

Ученые записки Тартуского гос. ун-та. Труды историко-филологического факультета, вып. 35.1954 (здесь же обоснование датировки и фотокопия письма). Автограф – в библиотеке Тартуского ун-та.

Добринскому А. А., 9 ноября 1826: #s009073

ПСС, т. 3. Автограф – ГПБ.

(1) А. П. Ермолов.

Бегичеву С. Н., 9 декабря 1826: #s009074

Письма к Бегичеву. Автограф – ГИМ.

(1) В августе 1826 г., в связи с началом русско-персидской войны, в Грузию был направлен И. Ф. Паскевич, вскоре (в марте 1827) сменивший А. П. Ермолова как Главноначальствующего в Грузии и командира Кавказского корпуса.

(2) Д. В. Давыдов.

(3) Вероятно, трагедию «Грузинская ночь» (см. с. 313 наст. изд.).

(4) Давыдов уезжал в Москву.

(5) Речь идет о сватовстве А. М. Дурново к сестре Грибоедова; письмо А. М. Дурново к Грибоедову от 25 мая 1828 г. см.: РС, 1874, № 6; см. также письмо к Жандру от 24 июня 1828 г., с. 574–575 наст. изд.

(6) Цитата из «Разговора книгопродавца с поэтом».

(7) А. П. Ермолов.

(8) Т. е. П. А. Катенина (автора «Андромахи»).

(9) Вспоминается о встрече с Бегичевым летом 1826 г. (проездом на Украину и в Крым).

(10) Целиком «Борис Годунов» напечатан в 1831 г.

(11) Малолетняя дочь Бегичевых.

(12) А. А. Жандр после ареста в конце 1825 г. оставался под подозрением, и писать ему было невозможно.

Булгарину Ф. В., 11 декабря 1826: #s009075

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
РС, 1874, № 6. Автограф – ПД.

- (1) Газету «Северная пчела» («твои листки»).
- (2) Е. М. Булгарина.
- (3) Е. И. Видеман.
- (4) Один день из жизни Суворова, соч. Е. Б. Фукса. – Северная пчела, 1826, № 122–124.
- (5) Фельетоны Булгарина в «Северной пчеле» и в «Северном архиве».
- (6) 13 сентября 1826 г.

Ахвердовой П. Н., 26 января 1827: #s009076

РА, 1881, II. Автограф – ПД.

- (1) Х. Я. Гиацинтов.

Всеволожскому А. В., 19 марта 1827: #s009077

Труды Иркутского гос. ун-та, т. 16, вып. 3. 1956.

- (1) В Астрахани находились рыбные промыслы Всеволожского.
- (2) Имеется в виду арест Грибоедова по делу декабристов.
- (3) См. примеч. к письму Бегичева от 9 декабря 1826 г.
- (4) См. записки к Т. Этье 1821–1823 гг., с. 483–484 наст. изд.
- (5) Н. В. Всеволожский.
- (6) Во время ареста Грибоедова.

Булгарину Ф. В., 16 апреля 1827: #s009078

РС, 1874, № 6, Автограф – ПД.

- (1) А. П. Ермолов.
- (2) Стихи Жандра без подписи были напечатаны в «Северной пчеле», 1827, № 2 («Минуты жизни») и № 8 («К моей музе»).
- (3) Сцена «В Чудовом монастыре» была напечатана в «Московском вестнике» (1827, № 1).
- (4) И. Ф. Паскевич.
- (5) Первая глава романа Булгарина «Иван Выжигин», под названием «Сиротка, или Картина человечества во вкусе фламандской школы», напечатана в «Северном архиве» (1827, ч. 25, № 11).
- (6) Александр Грибов.
- (7) Е. И. Булгарина и Е. И. Видеман.

Мазаровичу С. И., 8 мая 1827: #s009079

Попова. Автограф – ГИМ. Датировка обоснована П. С. Красновым (см.: РЛ, 1979, № 3, с. 147).

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru

(1) И. Ф. Паскевич.

Мазаровичу С. И., 4 апреля – 12 мая 1827: #s009080

РЛ, 1979, № 3, с. 147 (здесь же обоснование датировки).

Ахвердовой П. Н., 28 июня 1827: #s009081

РА, 1881, II. Автограф – ГПБ.

(1) И. Ф. Паскевич.

(2) Незадолго до того Н. Н. Муравьев женился на Софье Федоровне, падчерице П. Н. Ахвердовой.

(3) Н. А. Юдина.

(4) А. А. Ахвердова.

(5) М. И. Орбелиани.

(6) Е. А. Снаксарева.

Ахвердовой П. Н., 3 июля 1827: #s009082

РА, 1881, II. Автограф – ГПБ.

(1) Н. Н. Муравьев.

(2) И. Ф. Паскевич.

(3) С. Ф. Муравьева.

Ахвердовой П. Н., 15–19 июля 1827: #s009083

РА, 1881, II. Автограф – ГПБ (письмо написано под диктовку рукою Шаумберга). Датировано в ПСС, т. 3, с. 347.

(1) При Джаван-Булахе.

(2) 7 июля 1827 г.

(3) Д. А. Чавчавадзе.

(4) Н. А. Чавчавадзе.

Паскевичу И. Ф., 26 июля 1827: #s009084

дела и дни, кн. 2. 1921. с. 59–62.

(1) Аббас-Мирза.

(2) Мария Федоровна.

(3) от 30 июля 1827 г. (см. с. 548–561 наст. изд.).

(4) По Гюлистанскому трактату 1813 г. России от Персии перешли Карабагское, Гайжицкое, Шехинское, Ширванское, Дербентское, Кубинское, Бакинское, Талышинское ханства, Дагестан, Грузия, Имеретия, Гурия, Мингрелия и Абхазия.

Паскевичу И. Ф., 30 июля 1827: #s009085

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
РС, 1873, № 6, с. 800–813. Официальная копия – ЦГИА Грузинской ССР, здесь же черновик письма Паскевича к Нессельроде, написанный грибоедовской рукой, где излагается просьба Паскевича довести данный рапорт до сведения императора.

(1) в борьбе с афганцами персы потеряли Исфаган, в 1729 г. прекратилась династия Софиев.

(2) Сражение под Аббас-Абадом.

(3) Брод на Араксе, при котором 19 октября 1812 г. был разбит 30-тысячный корпус Аббас-Мирзы.

(4) Персидская мера емкости (халвар-шаги – 18 пудов 5 фунтов).

Ахвердовой П. Н., 14 августа 1827: #s009086

РА, 1881, II. Автограф – ГПБ.

(1) Е. Ф. Ахвердов.

(2) И. Ф. Паскевич.

Ахвердовой П. Н., 3 октября 1827: #s009087

РА, 1881, II. Автограф – ГПБ.

(1) И. Ф. Паскевич.

(2) 20 сентября 1827 г.

(3) 1 октября 1827 г.

(4) Е. А. Паскевич.

(5) Н. Н. Муравьев.

(6) Последняя фраза написана по-русски.

Вольховскому В. Д., 10–22 января 1828: #s009088

Харьковские губ. ведомости, 1891, № 93.

(1) И. Ф. Паскевич.

(2) Вальховский вел переговоры в Тегеране с шахским министром Мирзой-Абдул-Вехабом.

(3) За взятие Тавриза в 1827 г.

Паскевичу И. Ф., 16 марта 1828: #s009089

Дела и дни, кн. 2. 1921, с. 62–64.

(1) Грибоедов прибыл в Петербург (12 марта 1828 г.) вестником Туркманчайского мира с Персией. Высокие награды и большие денежные премии участникам кампании объяснялись прежде всего тем, что это была первая военная победа в царствование Николая I.

(2) А. И. Паскевич и Е. А. Паскевич.

(3) О. Ф. Паскевич.

(4) Вел. кн. Михаил Павлович.

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
(5) Ф. С. Хомяков.

Паскевичу И. Ф., март – апрель 1828: #s009090

Дела и дни, кн. 2.1921, с. 64–67.

(1) При Ушагани 17 августа 1827 г. генерал Красовский сначала потерпел неудачу; Паскевич был вынужден идти к нему на выручку.

(2) Н. Л. Соллогуб.

(3) А. М. Обресков был посланником от императора на Туркманчайских переговорах.

Паскевичу И. Ф., 12 апреля 1828: #s009091

Дела и дни, кн. 2. 1921, с. 67–68.

(1) Грибоедов будет назначен министром–резидентом в Персию 15 апреля 1828 г.

(2) 14 апреля 1828 г. была объявлена война Турции.

Сахно–Устимовичу П. М., 13 апреля 1828: #s009092

Правда, 1888, № 32. Автограф – ГБЛ.

Одоевскому А. И., начало июня 1828: #s009093

Москвитянин, 1856, № 12. Черновой автограф – ГПБ. Письмо это могло готовиться к отправке только через III Отделение, чем объясняется его верноподданнический тон, должный внушить властям мысль о случайном участии Одоевского в декабристском восстании.

(1) фраза эта, вероятно, – своеобразный шифр: Одоевский не спасал Грибоедова во время наводнения 7 ноября 1824, Грибоедов намекает, что не оставит друга в несчастье, приложит все усилия для его спасения. См. об Одоевском в письме к Паскевичу от 3 декабря 1828 г. – с. 654 наст. изд.

Каратыгину П. А., апрель – июнь 1828: #s009094

ЛН, т. 47–48. Автограф – ПД.

Френу Х. Д., июнь 1828: #s009095

Известия II Отделения имп. Академии наук, т. 13, кн. 4.1908. Автограф – в Архиве АН СССР (Ленинград).

(1) Еще в 1827 г. на Грибоедова была возложена обязанность собирать в Персии восточные рукописи (по составленному академиком Френом списку сочинений мусульманских писателей).

(2) Т. е. 5 июня; 6 июня 1828 г. (в среду) Грибоедов выехал из Петербурга.

Булгагиной Е. И., 5 июня 1828: #s009096

(1) Е. И. Видеман.

(2) Имение Булгариных, близ дерпта (ныне в черте г. Тарту).

Булгарину Ф. В., 6 июня 1828: #s009097

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
РЛ, 1968, № 3. Автограф – ПД.

(1) О безуспешных попытках Грибоедова добиться определения в персидскую миссию астраханского врача А. Семашко см.: Свердлов С.В. Переписка А. С. Грибоедова о назначении врача А. Семашко в русское посольство в Тегеране. – Советское славяноведение, 1984, № 4, с. 87–94.

(2) Е. И. Булгарина.

(3) Возможно, речь идет о материалах к задуманному П. М. Строевым толковому словарю (см.: Барсуков Н. Жизнь и труды Строева. СПб., 1878, с. 101–102).

Булгарину Ф. В., 12 июня 1828: #s009098

РС, 1874, № 6. Автограф – ПД.

(1) Звание министра-резидента в Персии.

(2) Братья Ф. В. и К. В. Ордынские – члены общества «Военных друзей», декабристы, были сосланы в Сибирь.

(3) К. К. Родофиникин.

(4) Вероятно, к Булгарину была просьба купить для Грибоедова книги по истории и философским вопросам.

(5) Письмо это (с припиской М. А. Дурново) напечатано в РС, 1828, № 6, с. 297–298.

(6) А. А. Жандр.

Булгарину Ф. В., 13 июня 1828: #s009099

РС, 1874, № 6. Автограф – ПД.

(1) Известен счет Грибоедова на закупленные в 1828 г. у петербургского книгопродавца Грефса книги на общую сумму 1480 руб. (см.: РС, 1905, декабрь, с. 717).

Жандру А. А., 24 июня 1828: #s009100

Шляпкин, т. 1. Автограф – ГЦТМ.

(1) С. Н. Бегичев.

(2) М. С. Дурново.

(3) А. М. Дурново.

(4) А. Грибов.

(5) В. С. Миклашевич.

(6) Ф. В. Булгарин.

Булгарину Ф. В., 27 июня 1828: #s009101

РС, 1874. № 6. Автограф – ПД.

(1) 12 июня 1828 г.

(2) 23 июня 1828 г.

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
Родофиникину К. К., 10 июля 1828: #s009102

РА, 1872, № 7–8. Автограф – АВПР.

- (1) И. Ф. Паскевич.
- (2) 5 июля 1828 г.
- (3) Аллаяр-хан.
- (4) Верховный мулла.
- (5) Верительная грамота Грибоедову как министру- резиденту.
- (6) Персидская гавань на Каспийском море, куда были направлены подарки шаху.

Родофиникину К. К., 11 июля 1828. Отношение № 1: #s009103

РА, 1872, № 6. Автограф – ПД (с пометой Родофиникина: «Получено 30 июля 1828 г.»).

- (1) И. Ф. Паскевич.

Родофиникину К. К., 12 июля 1828: #s009104

РА, 1872, № 7–8. Автограф – АВПР.

- (1) Грибоедов выехал к Паскевичу на следующий день.
- (2) О покупках, осуществленных Булгариным для Грибоедова в Петербурге, см.: Пиксанов Н. К. Столкновение Булгарина с матерью Грибоедова. – РС, 1905, декабрь, с. 706–718.
- (3) И. Ф. Паскевич.
- (4) Грибоедов вернулся в Тифлис 16 июля, но в ночь с 17 на 18 снова выехал к Паскевичу.
- (5) К. В. Нессельроде.

Паскевичу И. Ф., около 13 июля 1828: #s009105

РС, 1874, № 10.

- (1) Об обмене ратификационными грамотами см. с. 585 наст. изд.

Амбургеру А. К., 18 июля – 7 августа 1828: #s009106

ПСС, т. 3. Автограф – ГПБ.

- (1) Цитата написана по-русски.
- (2) 26 июля 1828 г. И. Ф. Паскевич.

Нессельроде К. В., 26 июля 1828: #s009107

Известия АН Армянской ССР. Общественные науки, 1963, № 5. Копия – ПД.

- (1) К. К. Родофиникин.
- (2) Те же данные, ссылаясь на это письмо, приводит С. Глинка в своей книге «Описание переселения армян аддербиджанских в пределы России». М., 1831, с. 94.

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru

(3) Обмен ратификационными грамотами состоялся 7 ноября 1828 г. в Тавризе при свидании Грибоедова с Аббас-Мирзой.

(4) Согласно договоренности, русские войска удерживали Хой до уплаты 8-го курура.

(5) 24 июля 1828 г.

Ахвердовой П. Н., 29 июля 1828: #s009108

РА, 1881, II, Автограф – ГПБ.

(1) Н. А. Чавчавадзе; 16 июля 1828 г. Грибоедов сделал ей предложение.

(2) Родовое имение Чавчавадзе.

Письма к А. Г. Чавчавадзе, 10 августа – 7 декабря 1828: #s009109

РЛ, 1986, № 2, с. 153–155. Копии – ПД.

1. 10 августа (с пометой: «Получ. 27-го августа»).

2. 1 октября (с пометой: «Получ. 13 ноября; означенные ханы временно поселены в Шарурском мангале Областным правлением и о том донесено г. главноуправляющему»).

(1) Маман-хан Марандский (см. о нем в Путевых заметках Грибоедова 6 сентября 1819 г. – с. 418 наст. изд.).

(2) Туркманчайский трактат.

(3) И. Ф. Паскевич.

(4) См. письмо Грибоедова к Паскевичу от 1 октября 1828 г. (с. 611 наст. изд.).

3. 23 октября (с пометой: «Получ, 5-го ноября»).

(5) «Трактат о торговле российских и персидских подданных» был заключен в развитие X статьи Туркманчайского договора.

4. 24 ноября 1828 (с пометой: «Получ. 22 декабря; передан документ в Правление от декабря №»).

(6) 21 сентября 1828 г.

5. 7 декабря (с пометой: «Получ. 28 декабря; предписано полиции от декабря №»).

(7) Мирза-Абуль-Касим, первый визирь наследника престола.

Ахвердовой П. Н., август 1828: #s009110

РА, 1881, II. Автограф – ГПБ. Датировано в ПСС, т. 3, с. 356.

(1) Н. А. Чавчавадзе.

Амбургеру А. К., август 1828: #s009111

Нива, 1893, № 35. Автограф – ГИМ.

(1) Ахалцых пал 15 августа 1828 г.

(2) Имеется в виду поддержка Аббас-Мирзы в его праве наследовать престол после смерти шаха.

(3) К. В. Нессельроде.

(4) Н. А. Чавчавадзе.

Родофиникину К. К., 17 августа 1828 («По возвращении моем из лагеря...»): #s009112
РА, 1872, № 7–8.

(1) К. В. Нессельроде.

Паскевичу И. Ф., 23 августа 1828: #s009113

Дела и дни, кн. 2. 1921, с. 68–69.

(1) 4 августа.

(2) 22 августа в Сионском соборе состоялось венчание Грибоедова с Н. А. Чавчавадзе.

(3) Грибоедову удалось выехать в Персию не 27 августа, как он предполагал, а лишь 9 сентября.

(4) По Туркманчайскому договору Персия должна была выплатить контрибуцию в 10 куруров (20 миллионов серебром). Задержка в выплате 8-го курура была одной из причин, по которой министерство иностранных дел торопило Грибоедова выехать в Персию. Он, однако, считал полезной задержку с отъездом, которая, как он полагал, Аббас-Мирзой будет воспринята как признак недовольства России исполнением статей Туркманчайского договора (в том числе и в задержке выплаты очередного курура) (см. письмо к Родофиникину от 30 октября 1828 г. – с. 625–627 наст. изд.).

(5) П. М. Сахно-Устимович.

Паскевичу И. Ф., 6 сентября 1828: #s009114

Дела и дни, кн. 2. 1921, с. 70–72.

(1) К. В. Нессельроде.

(2) А. Х. Бенкендорф.

(3) Проект учреждения Российской Закавказской компании.

Паскевичу И. Ф., 7 сентября 1828: #s009115

Вестник Московского ун-та. Филология. 1977, № 2, с. 62. Автограф – ЦГАЛИ.

(1) А. К. Амбургер.

Паскевичу И. Ф., 8 сентября 1828. Отношение: #s009116

РС, 1874, № 11.

Булгарину Ф. В., 24 июля – сентябрь 1828: #s009117

РС, 1874, № 6. Автограф – ПД.

(1) Е. И. Булгарина.

(2) В. С. Миклашевич и А. А. Жандр.

(3) Шутливое подражание «Евгению Онегину».

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru

Амбургеру А. К., 10 сентября 1828: #s009118

Нива, 1893, № 35. Автограф – ГИМ.

(1) См. письмо к Паскевичу от 7 сентября 1828 г., с. 599 наст. изд.

(2) См. с. 586 наст. изд.

(3) Персидский чиновник, сопровождающий дипломатов.

Паскевичу И. Ф., 14 сентября 1828: #s009119

Дела и дни, кн. 2. 1921.

(1) Ф. И. Умисса.

(2) Мальберг.

(3) Грибоедов встретился с А. Г. Чавчавадзе в Эривани 20 сентября 1828 г.

(4) Был взят А. Г. Чавчавадзе в конце августа 1828 г.

(5) В октябре 1828 г. французский экспедиционный корпус под командованием генерала Мезона занял Морею, вытеснив турок.

(6) Дон Педро был вынужден отказаться от португальской короны в 1826 г.; его брат Дон Мигуэль, бывший регентом, провозгласил себя королем 26 июля 1828 г.

(7) Закон по местному управлению, разработанный в 1775–1780 гг. и уточненный в 1828 г.

Амбургеру А. К., 20 сентября 1828: #s009120

Нива, 1893, № 35. Автограф – ГИМ.

(1) И. Ф. Паскевич.

(2) К. В. Нессельроде.

(3) Аббас-Мирза.

Паскевичу И. Ф., 23 сентября 1828: Отношение № 52: #s009121

Паскевичу И. Ф., 23 сентября 1828: Отношение № 53: #s009122

Паскевичу И. Ф., 23 сентября 1828: Отношение № 54: #s009123

Паскевичу И. Ф., 23 сентября 1828: Отношение № 55: #s009124

Паскевичу И. Ф., 23 сентября 1828: Отношение № 56: #s009125

РС, 1874, № 11. Пять официальных отношений, написанных в один день.

Паскевичу И. Ф., 1 октября 1828: #s009126

РС, 1874, № 12.

Паскевичу И. Ф., 17 октября 1828: #s009127

КС, т. 30.

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
Нессельроде К. В., 20 октября 1828. Депеша: #s009128

РС, 1874, № 12.

- (1) Фетали-шах; уклонился от выплаты 8-го курура, возложив ее на Аббас-Мирзу.
- (2) Провинция Хой, занятая русскими войсками до окончания выплаты 8-го курура.

Нессельроде К. В., 23 октября 1828. Депеша: #s009129

РС, 1874, № 12. Неудача под Шумлою заставила отложить ход кампании до весны.

Нессельроде К. В., 23 октября 1828 («Господин Граф...»): #s009130

РЛ, 1985, № 3. Автограф – АВПР. Прошение Грибоедова было доведено до сведения императора 16 декабря 1828 г., который разрешил истратить испрашиваемую сумму денег из 9-го или 10-го куруров, однако это разрешение пришло в русскую миссию уже после гибели Грибоедова, да и выплата этих куруров после посольства Хосров-Мирзы была отсрочена, а позже и вообще отменена.

Паскевичу И. Ф., 26 октября 1828. Отношение № 97: #s009131

РС, 1874, № XII (здесь отношение было неверно отнесено к К. В. Нессельроде; исправлено в АКАК, т. 7).

- (1) О миссии Гарта см. в отношении к Нессельроде от 20 октября, с. 618 наст. изд.
- (2) Навруз – первый день года по мусульманскому календарю.
- (3) Фетали-шах и Аббас-Мирза.
- (4) А. К. Амбургер.

Паскевичу И. Ф., 30 октября 1828: #s009132

РС, 1874, № 12.

- (1) А. Г. Чавчавадзе.
- (2) См. письмо к Френу и примечания к нему (с. 572 и 719 наст. изд.).

Родофиникину К. К., 30 октября 1828: #s009133

РА, 1872, № 7–8.

- (1) Присутствие русских войск на территории Персии в залог выплаты ею денежной контрибуции очень беспокоило английскую дипломатию – этим и объясняется посредничество англичан в добывании средств для выплаты.
- (2) В Тегеран Грибоедов выехал 9 декабря.

Сахно-Устимовичу, 30 октября 1828: #s009134

Правда, 1888, № 32. Автограф – ГБЛ.

- (1) И. Ф. Паскевич.

Паскевичу И. Ф., 31 октября 1828: #s009135

Вестник Московского ун-та. Филология, 1877, № 2. Автограф – ЦГАЛИ.

Паскевичу И. Ф., 31 октября 1828. Отношение: #s009136

РС, 1874, № 12.

(1) См. об этом в отношении к Паскевичу от 7 сентября, с. 599 наст. изд.

Ахвердовой П. Н., ноябрь 1828: #s009137

РА, 1881, II. Автограф – ГПБ.

(1) Вероятно, пасынок П. Н. Ахвердовой, Е. Ф. Ахвердов.

(2) И. Ф. Паскевич.

(3) Д. Ф. Ахвердова.

(4) Е. А. Чавчавадзе.

Родофиникину К. К., 9 ноября 1828. Отношение № 153: #s009138

РА, 1878, № 7–8.

Паскевичу И. Ф., 10 ноября 1828. Отношение: #s009139

РС, 1874, № 12.

(1) Аббас-Мирза.

Паскевичу И. Ф., 11 ноября 1828. Отношение: #s009140

РС, 1876, № 12.

Паскевичу И. Ф., 12 ноября 1828. Отношение: #s009141

РС, 1876, № 12.

Паскевичу И. Ф., 26 ноября 1828. Отношение: #s009142

РС, 1876, № 12.

Паскевичу И. Ф., 29 ноября 1828. Отношение № 207: #s009143

29 ноября 1828.

Паскевичу И. Ф., 29 ноября 1828 («Милостивый государь...»): #s009144

Паскевичу И. Ф., 29 ноября 1828 («Подлинно оный...»): #s009145

РС, 1876, № 12.

(1) См. об этом в Путевых заметках «Миана-Тавриз», с. 417 наст. изд.

Калачевскому С. Ф., 29 ноября 1828: #s009146

Альманах «Киевлянка», 1884.

(1) К. К. Краббе.

Нессельроде К. В., 30 ноября 1828. депеша № 212: #s009147

АКАК, т. 7 (Русский перевод – РС, 1876, № 12).

(1) Здесь цитируется инструкция посланнику в Персию, проект которой был написан самим Грибоедовым до того, как он получил это назначение (см.: ПСС, т. 3, с. 275).

Булгарину Ф. В., ноябрь 1828: #s009148

РС, 1874, № 6. Автограф – ПД.

(1) Корреспонденция И. С. Мальцева, посвященная празднику в Тавризе 26 ноября 1828 г. по случаю взятия русскими войсками крепости Варны, напечатана в «Северной пчеле», 1829, № 5.

(2) Т. е. Родофиникин и Нессельроде.

(3) Е. И. Булгарина и Е. И. Видеман.

Родофиникину К. К., декабрь 1828: #s009149

ПСС, т. 3. Автограф – ЦГИА Грузинской ССР (с пометой: «№ 9. Получено 2 января 1829»).

(1) К. В. Нессельроде.

(2) Позиция министерства по поводу приезда Аббас-Мирзы в Петербург была противоположна грибоедовской: вступление Персии в войну на стороне России оценивалось здесь как нежелательный повод к конфликту с Англией.

Сахно-Устимовичу П. М., 2 декабря 1828: #s009150

Правда, 1888, № 32. Автограф – ГБЛ.

(1) К. В. Нессельроде.

(2) И. Ф. Паскевич.

(3) Приписка эта сделана на листочке, вклеенном внутри двойного листа, на котором написано письмо; впервые опубликована в газ. «Неделя», 1960, № 17, с. 18.

(4) М. С. Дурново.

Сахно-Устимовичу П. М., 1828: #s009151

Правда, 1888, № 32. Автограф – ГБЛ.

(1) И. Ф. Паскевич.

Паскевичу И. Ф., 2 декабря 1828. отношение № 213: #s009152

АКАК, т. 7.

(1) от 30 ноября 1828 г. (см. с. 637 наст. изд.).

Миклашевич В. С., 17 сентября – 3 декабря 1828: #s009153

Беседы в ОЛРС, вып. 2. М., 1868. Автограф – ГЦТМ.

(1) А. А. Жандр.

(2) Герой романов Купера, в том числе и романа «Прерии» (1827).

(3) А. И. Одоевский (см. письмо к Паскевичу, написанное в тот же день, с. 654 наст. изд.).

(4) Начало этого абзаца включено буквально в анонимную записку, распространявшуюся в Петербурге в начале 1829 г. (вероятно, по инициативе Ф. В. Булгарина) с целью противодействовать мнению Родофиникина о нерадивости Грибоедова в Персии (см.: Воспоминания, с. 290–291).

Паскевичу И. Ф., 3 декабря 1828: #s009154

Русский вестник, 1894, № 3.

(1) С Турцией.

(2) Андреевскую ленту.

(3) Это письмо Булгари на к Грибоедову от 28 сентября 1828 г. (см.: Русский вестник, 1894, № 3, с. 199).

(4) Аббас-Мирза.

(5) от 30 ноября 1828 г. (см. с. 637 наст. изд.).

(6) Между тем в «Проекте инструкции ***, посылаемому в Персию», составленном Грибоедовым по распоряжению министерства иностранных дел (он еще не знал, что в Персию пошлют именно его), предполагалась возможность простить 9-й и 10-й куруры в зависимости от «дружественных поступков» Аббас-Мирзы по отношению к России и «точнейшего исполнения» Туркманчайского договора (см.: ПСС, т. 3, с. 273). После гибели Грибоедова эти куруры были сначала отсрочены на 5 лет, а потом и вообще не востребованы.

(7) Т. е. родовое поместье жены, где Грибоедов предполагал жить, выйдя в отставку.

(8) В сентябре 1828 г. Паскевич был назначен шефом Ширванского пехотного полка.

(9) См. в письме Паскевичу (с. 599 наст. изд.).

(10) Н. М. Сипягин.

(11) Благодаря ходатайству Грибоедова Чиляев был восстановлен на службе.

(12) Губернатор Тавриза Фет-Али-Хан.

(13) Только в 1836 г., при помощи Паскевича, А. Одоевский был переведен из Иркутской в Тобольскую губернию, а потом определен рядовым в Нижегородский драгунский полк на Кавказе.

Паскевичу И. Ф., 3 декабря 1828. Отношение № 217: #s009155

Шляпкин, т. 1, с. 328–329.

Письма к П. Я. Ренненкампу, 5–11 декабря 1828: #s009156

РС, 1876, № 12 (в сокращенном виде).

(1) Выехал Грибоедов в Тегеран 9 декабря.

(2) И. Ф. Паскевич.

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru

- (3) Река в Талышском ханстве.
- (4) Река в Талышском ханстве.
- (5) Возвышенность и урочище при впадении р. Астара-чай в Каспийское море.
- (6) Аббас-Мирза.

Амбургеру А. К., 9 декабря 1828: #s009157

Вестник Московского ун-та. Филология, 1977, № 2. Автограф – ЦГАЛИ. Письмо было оставлено в Тавризе для Амбургера, который в то время был в отъезде (см. письма к Ваценко и к Н. А. Грибоедовой, с. 658–660 наст. изд.).

Ваценко В. Я., 23 декабря 1828: #s009158

Дела и дни, кн. 2. 1921, с. 74–75. В автографе с пометой: «Табриз. Получ. 18 января 1829. Отвечал 18 января 1829».

- (1) А. К. Амбургер.
- (2) И. Ф. Паскевич.
- (3) Я. К. Ваценко.

Грибоедовой Н. А., 24 декабря 1828: #s009159

Шляпкин, т. 1, с. 332–334 (здесь же фототипия письма). Автограф – ЦГАЛИ. Это единственное дошедшее до нас письмо Грибоедова к жене, 9 декабря они виделись в последний раз. Н. А. Грибоедова после отъезда Грибоедова в Тегеран осталась в Тавризе. Остальные письма, отправленные жене в Тавриз, до нас не дошли (вероятно, сгорели при пожаре дома Грибоедовой в Тифлисе – см.: Шляпкин, т. 1, с. III), если не считать надписи на французском языке, выгравированной на крышке чернильницы, посланной в подарок: «Пиши мне чаще, мой ангел Нина. Весь твой А. Г. 15 января 1829 года. Тегеран» (хранится в Литературном музее Грузии).

Макдональду Дж., около 24 января 1829: #s009160

Slavic review, v. 30, № 1. March, 1971. См. также: Известия АН СССР. Серия литературы и языка, т. 31, вып. 5.1972 (здесь же уточнение датировки).

- (1) Г. Уиллок, принадлежавший (в отличие от Дж. Макдональда-Кембелла) к русофобской партии английской миссии в Персии, проездом в Петербург в 1828 г. выдавал себя за английского посланника.
- (2) Имеется в виду Русско-турецкая война.
- (3) Прием.
- (4) Подарками.
- (5) Дары российского двора шаху.
- (6) Возможно, здесь имеется в виду противодействие англичан проекту Российской Закавказской компании, составленному Грибоедовым совместно с П. Д. Завилейским.

Выходные данные

АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ ГРИБОЕДОВ

СОЧИНЕНИЯ

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
Вступ. статья, коммент., сост. и подгот. текста С. Фомичева.

Редактор Ч. Залилова

Художественный редактор Г. Масляненко

Технические редакторы Г. Моисеева, Н. Кошелева

Корректоры Н. Замятина, Т. Сидорова

ИБ № 5028

Сдано в набор 21.01.88. Подписано к печати 22.08.88. формат 84 x 108 1/32.

Бумага тип. № 1. Гарнитура «Школьная». Печать высокая. Усл. печ. л. 39,48+1
вкл.= 39,53.

Усл. кр. – отт. 40, 0. Уч. – изд. л. 39,91+1 вкл.=39,96.

Тираж 300 000 экз. Изд. № 11-2733. заказ 1364. Цена 3 р.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Художественная литература».

107882, ГСП, Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19.

Ордена Октябрьской Революции, ордена Трудового Красного Знамени Ленинградское
производственно-техническое объединение «Печатный Двор» имени А. М. Горького
Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли. 197136,

Ленинград, п-136, Чкаловский пр., 15.

Примечания

1 Герцен А. И. Сочинения в девяти томах, т. 8. М., 1958, с. 386.

2

Государственный Центральный театральный музей им. А. А. Бахрушина. Рукописный
отдел, № 136796-86.

3

См. с. 301 наст. изд.

4

Гончаров И. А. Собрание сочинений, т. 8. М., 1955. с. 35.

5

Письмо Д. П. Рунича к П. И. Сумарокову от 23 января 1832 г. (Рукописный отдел
ИРЛИ АН СССР, ф. 263, оп. 1, № 592). Неполностью опубликовано в «Русской
старине» (1892, октябрь, с. 216-217).

6

Долгополов Л. К., Лавров А. В. Грибоедов в литературе и литературной критике конца XIX – начала XX в. – В кн.: А. С. Грибоедов. Творчество. Биография. Традиции. Л., 1977, с. 126.

7

см. с. 442 наст. изд.

8

А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников. М., 1980, с. 24.

9

А. С. Пушкин в воспоминаниях современников, т. 1. М., 1974, с. 47.

10

См.: Васильчиков А. А. Семейство Разумовских. СПб., 1880, т. 2, с. 362; Скабичевский А. М. Очерки истории русской цензуры. Пб., 1892, с. 159–162.

11

А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников, с. 26.

12

Главное начертание теории и истории изящных наук Майнерса. Переведено с немецкого П. Сохацким. М., 1803, с. 47, 97.

13

Московские ученые новости, 1805, № 4, с. 32.

14

Шлецер. Взгляд на прошедшее, настоящее и будущее. – Вестник Европы, 1808, ч. 37, февраль, № 3, с. 245–246; см. возражение на эту статью в «Русском вестнике», 1808, ч. 1, март, с. 398–407.

15

А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников, с. 24.

16

Пушкин А. С. Полное собрание сочинений. т. 7. л., 1978, с. 284–285.

17

Crezé de Lesser. Secret du ménage. Paris, 1809, p. 5.

18

См.: Иванов И. Политическая роль французского театра в связи с философией XVIII века. М., 1895, с. 440.

19

Lintilhas E. Histoire générале du Thétre en France, t. 5. Paris, 1910, p. 219.

20

Пушкин А. С. Полн. собр. соч., т. 10, с. 112.

21

Слонимский А. Пушкин и комедия 1815–1820 годов. – В кн.: Временник Пушкинской комиссии, т. 2. М. – Л., 1936, с. 41.

22

Шаховской А. Вступление в мое неземное поприще. – Маяк, 1840, ч. 6, с. 43.

23

Русь, 1904, № 140.

24

Гос. центральный театральный музей. Рукописный отдел, № 13616.

25

Пушкин А. С. Полн. собр. соч., т. 6, с. 136.

26

Сын отечества, 1814, ч. XII, № 7, с. 24.

27

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
Московский телеграф, 1825, ч. 3, № 10, Антикритика, с. 4.

28

Сын отечества, 1825, ч. 102, с. 357.

29

А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников, с. 164.

30

Там же, с. 31.

31

Труды Отдела древнерусской литературы, т. 14. М. – Л., 1958, с. 546; см. также:
Гозенпуд А. Музыкальный театр в России. Л., 1959, с. 352: «...у нас нет решительно
никаких оснований считать «1812 год» замыслом драматического произведения».

32

А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников, с. 160.

33

Щукинский сборник, вып. 9. М., 1910, с. 325.

34

А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников, с. 29.

35

Булгарин Ф. В. Памятные записки титулярного советника Чухина, или Простая
история обыкновенной жизни. СПб., 1835, 41–44.

36

Пушкин А. С. Полн. собр. соч., т. 10, с. 57.

37

А, добрый вечер! Наконец-то вы! Вы не торопитесь и доставляете нам удовольствие
ожидания (фр.).

38

Он расскажет вам всю историю (фр.).

39

Мой милый! (фр.).

40

Варвар эти нивы (Вергилий. Эклога первая, ст. 70–71).

41

О времена! о нравы! (лат.)

42

Да здравствует Генрих Четвертый! Да здравствует храбрый король! (фр.)

43

В вине – истина (лат.)

44

В данном издании пропущены следующие две строки:

Засесть за камнями с ружьем на сторожах
Чтоб путника убить иль быть убитым

Ср.: А. С. Грибоедов. Сочинения в стихах. Подготовка текста и примечания И. Н. Медведевой. Л., 1967

45

Несколько слов не разобраны.

46

Многоточие – в первопечатном тексте.

47

В первопечатном тексте – Надежда.

48

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
Это должно быть отнесено в I действие, между 1-ой и 2-ой сценой. (Примеч. А. С. Грибоедова.)

49

Беря в расчет скуку, которую его муза меня убивает, спрашивается, зачем он назвал себя, если не хочет быть названным? Жильбер (фр.).

50

В первопечатном тексте вместо фамилии стоит многоточие, к которому относится следующее примечание издателя «Вестника Европы»: «Мы выпустили здесь нечто, не хотев оскорбить одного собрата нашего журналиста. Издатель».

51

14 июня 1813 года из деревни Петерсвальде, в Силезии. (Примеч. А. С. Грибоедова.)

52

В первопечатном тексте явная опечатка: «Но мудрено».

53

Несправедливость противной стороны вызывает справедливую войну (лат.).

54

Он вообще непримиримый враг простоты; не знаю, как ускользнули от его критики дышащие пиитическою простотою стихи:

Божий промысел кляла,
Руки белые ломала,
Черны волосы рвала.
И стемнело небо ясно,
Закатилось солнце красно,
Все к покою улеглись,
Звезды яркие зажглись.

(Примеч. А. С. Грибоедова.)

55

Мы все изменили, мы лечим теперь по совершенно новому методу (фр.).

56

во весь опор (фр.).

57

Утрачено – значит утрачено (нем.).

58

Читатели не должны быть в заблуждении насчет сих резких замечаний: они сделаны только в подражание рецензенту «Ольги». (Примеч. А. С. Грибоедова.)

59

Никакая святыня не может утолить,
Никакая святыня не может жизнь
Вернуть мертвецу (нем.).

60

Не дописано.

61

Сбоку приписано: «Товарищи порываются вперед, я за ними не следую».

62

Живописное зрелище (фр.).

63

Не дописано.

64

Сбоку приписано: «Детям ничего не дает».

65

Не обрекайте нас в жертву, ваше превосходительство, если когда-нибудь будете воевать в Персии (фр.).

66

Укажите мне моего победителя, и я брошусь его обнимать (фр.).

67

Из середины пустынь древней Армении (фр.).

68

Следует: schräg überrücks – вкось и назад (нем.).

69

«Боже, храни короля» (англ.)

70

Живописное зрелище (фр.).

71

Очевидно, неправильно прочитанное слово или опечатка в первопечатном тексте; по смыслу предложения следует: поотстаю.

72

Справа приписано: «Каменисто».

73

Для памяти (лат.).

74

Далее в первопечатном тексте опущены записи о горе близ Гумри (Алагезе), «где часто замерзают, хотя высота обыкновенная», об Арарате (16 января), о приезде в Эчмиадзин (17 января).

75

Далее в первопечатном тексте опущена запись от 20 января о том, как Грибоедов дважды тонул в какой-то речке, которая «вздулась и нигде нет проезда».

76

Далее в первопечатном тексте опущена запись от 24 января о приезде в Гаргары.

77

Приидите, поклонимся (лат.).

78

Сочинения. Александр Сергеевич Грибоедов griboyedov.ru
В первой публикации фамилия была прочитана неверно: Монта.

79

циклопические кладки (фр.).

80

Далее в рукописи – перерыв; следующий текст – на других листах.

81

Вот еще одна нелепость – изучать свет в качестве простого зрителя. Тот, кто хочет только наблюдать, ничего не наблюдает, так как его никуда не пускают, как человека бесполезного в делах и докучливого в удовольствиях. Наблюдать деятельность других можно не иначе как лично участвуя в делах – одинаково при изучении света или любви. Нужно самому упражняться в том, что хочешь изучить (фр.).

82

если обучение даже одного батальона не восхищает вас, если вы не чувствуете желания попеть всюду, если вы рассеянны, если вы не волнуетесь из-за дождя, могущего помешать маневрам вашего полка, – уступите ваше место юноше, с ума сходящему от искусства Морица Саксонского и Евгения Савойского, убежденного, что нужно делать втрое больше, чем требует его долг, чтобы считать его исполненным сносно (фр.).

83

говоря по-военному (фр.).

84

Так в первопечатном тексте.

85

Не смейся: я молод, музыкант, влюбчив и охотно говорю вздор, чего же им еще надобно? (Примеч. А. С. Грибоедова.)

86

Одно слово не разобрано.

87

Два слова не разобраны.

88

О Коридон, Коридон, какое безумие тебя охватило! (лат.).

89

очаровательному капитану Фридрихсу, очень лысому и очень остроумному. (фр.).

90

в подарок от автора. (лат.).

91

Худшая из стран – место, где нет друга. (араб.)

92

Это немножко вчерашней учености; так как я еще не знаю ни слова по-арабски, то и вы не получите стиха в переводе (фр.).

93

Положение, существующее в данное время. (лат.).

94

Двадцать одно. (фр.).

95

Тому, кто поработил горные хребты Кавказа. (лат.).

96

Русский дворец (фр.).

97

Так в первопечатном тексте.

98

Серьезно, есть нечто, мешающее мне продолжать это письмо, но вы будете сполна вознаграждены скукой, которую я собираюсь вам доставить посланием в десять аршин (фр.).

99

холера (лат.).

100

Прошу покорно Льву этого не показывать. (Примеч. А. С. Грибоедова.)

101

Так в первопечатном тексте.

102

Вот что называется приносить жертвы ради интересов минуты (фр.).

103

* Лучше поздно, чем никогда (фр.).

104

ибо это значит вдаваться в драму. (фр.).

105

Слово «Крепко» прочитано предположительно.

106

Смотри выше. (лат.).

107

болтливого рыцаря. (фр.).

108

Но в ожидании, пока он займется чемоданами, я занялся любовью. (фр.).

109

замысловатые пустяки (лат.).

110

С такой свитой друзей мое сердце не скучает(фр.)..

111

Фамилия тщательно зачеркнута.

112

Бумагу в огонь.(нем.).

113

мы с ним закадычные друзья(фр.).

114

Привет (лат.).

115

Вы, конечно, понимаете, что я не могу отказать ему в маленьком подарке такого рода. (фр.).

116

Доброе дело не пропадает (фр.).

117

Посмотрим, что будет(фр.).

118

Мой привет и поцелуй. Тетушке также мои добрые пожелания(нем.).

119

Леночке, моей любезной приятельнице, и Танте – наилучший привет (нем.).

120

Ваш зять: #с009082_1 провел там бессонную ночь, обманувшись в своих ожиданиях сверх всякого описания. Генерал: #с009082_2 сказал ему, что если бы сражение завязалось, он тотчас бы представил его к генеральскому чину, но это не вернуло ему хорошего настроения. (Примеч. А. С. Грибоедова.)

121

увечье (фр.).

122

Моему графу два слова (фр.).

123

Я надеюсь, что Ив. Фед. не сомневается в моей привязанности и в том, как мы все искренно его любим (фр.).

124

Да здравствует император (фр.).

125

Башилов только что вышел от меня и шлет вам тысячу приветствий (фр.).

126

И в своей защитительной речи я силюсь дать понять, что, возвеличившись во власти и в славе, вы очень далеки от того, чтобы усвоить себе пороки выскочки (фр.).

127

Наконец, прибавил я, ваше величество хорошо знаете, что после верховной власти ничего нет более ответственного, как обязанности главнокомандующего (фр.).

128

Зачеркнуто: «В этот сумасбродный заговор! кто тебя погубил!!»

129

Бенедиктов сын (лат.).

130

хорошенькие как ангелы. – (фр.)..

131

Проклятое существование (в подлиннике более резкое выражение). – (фр.).

132

39-го Егерского полка майор Казачковский, который думал фрунтом ударить на черкесскую конницу и сам тяжело ранен. (Примеч. А. С. Грибоедова.)

133

чтобы не упасть туда, как бомба (фр.).

134

В подлиннике описка: «вы».

135

«Его величество соизволил удостоить своим вниманием и одобрением соображения и предположения, изложенные в вашем донесении». – «Его величеству благоугодно видеть в нем предзнаменование того просвещенного усердия, которое будет руководить вами в исполнении важных обязанностей, возложенных на вас, и приветствовать заранее успех ваших хлопот и т. д. и т. д.» – «Крайне доволен, что могу сообщить вам оценку, которую нашему августейшему повелителю угодно было высказать по поводу первого вашего донесения». – (фр.)..

136

Идет! согласен на женитьбу! – (фр.).

137

Нина просит напомнить вам о себе и поручает передать вам тысячу почтительных приветствий. – (фр.)..

138

Пойдемте со мной, мне нужно что-то сказать вам. – (фр.)..

139

В подлиннике проставлено две строчки точек.

140

стадо баранов (фр.).

141

наши друзья-враги. – (фр.).

142

неопределенным (фр.).

143

жестокое сердце (фр.).

144

если мне доставят неприятности, прощай честолюбие и все, что с ним связано, ведь это не главная моя страсть. Цинандали и Кахетия: #с009154_7 большего стоят, хотя у меня ничего нет, кроме надежд на повышение и на скромную пенсию, которую я со временем мог бы получить (фр.).

145 скажи ему, что я на него немного сердит, т. е. по-дружески: он слишком долго отсутствовал, – и в такое время, когда его присутствие в Тавризе крайне важно (фр.)..

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://griboyedov.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!